

МИНУВШЕЕ

МИНУВШЕЕ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

7

ATHENEUM

**Editorial board: Jean Bonamour, John Malmstad, Richard Pipes,
Marc Raeff, Dmitri Segal**
Editor: Vladimir Alloy

Copyright by Atheneum, 1989

All rights reserved

Publisher: Atheneum, 10 bis, rue Duhesme, 75018 Paris
Printed in France

ISBN 2-906141-11-9

На первой странице обложки воспроизведены: портреты В.В. Шульгина (начало 1970-х, Владимир), М.Л. Свирской (1925, Чимкент), панорама Воркуты (конец 1950-х) и автограф В.И. Вернадского.

ВОСПОМИНАНИЯ

М.Л. Свирская
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Публикация Б.Сапира

Мина Львовна Свирская прожила трудную жизнь. Верный член партии социалистов-революционеров, она вынесла на себе всю тяжесть репрессий, обрушившихся на противников самовластья коммунистов. Свирская примкнула к П.С.-Р. чуть ли не на гимназической скамье. Родом из Вильны (она родилась в 1901 г.), она оказалась в Петербурге ко времени февральской революции в результате эвакуации, вызванной Первой мировой войной. Здесь в атмосфере всеобщего возбуждения она связала идеалы свободы и всеобщего счастья с П.С.-Р. Начав с распространения центральной газеты партии «Дело Народа», она скоро включилась в агитационную работу, в частности, в организацию митингов на заводах столицы. Весна революции продолжалась недолго. Октябрьский переворот положил начало активной борьбе П.С.-Р. против партии Ленина, разогнавшей Учредительное Собрание. Свирская берет на себя роль связного с Комучем на Волге; она же перевозит членов Учредительного Собрания в Самару. Комуч терпит крушение, и Свирская переключается на нелегальную работу в Москве и Петрограде. В марте 1921 г. первый арест — начало крестного пути Свирской. В общей сложности она провела, с перерывами, в тюрьме, концентрационном лагере, ссылке около 25 лет. В 1963 г. ее брат и сестра добились для нее разрешения уехать в Израиль. Муж ее (тоже с.-р., родился в 1901 г.), Абрам Соломонович Фурман, уроженец Сибири, скончался в 1961 г.

Свирской на воле, в местах заключения и ссылке довелось встретиться и подружиться с рядом людей, сыгравших немалую роль в культурной и политической жизни России. Еще в Петрограде, до ее первого ареста, она познакомилась с Есениным, подпавшим под ее чары и посвятившим ей свое стихотворение, публикуемое в ее воспоминаниях. К тому же периоду относится возникновение ее близости с Зинаидой Николаевной Райх, женой Есенина, а затем — Всеволода Эмильевича Мейерхольда и актрисой его театра. С Райх и Мейерхольдом она виделась в промежутках между арестами и ссылками — вплоть до трагического конца их обоих

в годы сталинского террора. Знала она во времена Комуца И.М. Майского (Ляховецкого), в прошлом видного меньшевика, исключенного из меньшевистской партии за участие в Комуце, а затем переметнувшегося к большевикам и сделавшего блестящую карьеру на поприще внешней политики. Я не перечисляю деятелей П.С.-Р., связанных со Свирской. Их имена вошли в историю. Читатель найдет их и в письмах Тимофеева, помещаемых в этом же выпуске альманаха.

После всего пережитого Свирская была не в состоянии перестроиться и, очутившись вне России, зажечь, так сказать, нормальной жизнью. Ее сознание оставалось поглощенным прошлым. Она непрерывно рылась в нем и переживала, в который раз, былое. Все ее помыслы оставались связанными с ним. Она умерла 23 декабря 1978 г. от болезни легких.

Оказавшись в Израиле, Свирская случайно получила мой адрес и списалась со мной, ее товарищем по заключению в Соловецком концлагере. У нас завязалась интенсивная переписка, продолжавшаяся до ее смерти. Она прислала мне свои записи и тюремные воспоминания, предоставляемые мною в распоряжение альманаха «Минувшее».

Май 1988 г.

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все слижет пламя
И выест кровь слепые письмена.
Но, может быть, благоговейно память
Случайно стих изустно передаст.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада —
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила —
Пробразы последнего Суда.
Мы пережили Иллиады войн
И Апокалипсисы Революций...

*Максимилиан Волошин
1921 год.*

...Кто-то дергает одеяло. Я просыпаюсь, открываю глаза. Надо мной наклонилось круглое женское лицо, вижу пенсне на незнакомой женщине. В комнате полно солдат, вооруженных винтовками.

— Вставайте! Одевайтесь! — женщина показывает мне ордер ВЧК на обыск и арест. Но уже за какую-то долю секунды я и сама догадываюсь, кто эта женщина и почему здесь солдаты.

Первая мысль: в подкладке одного из портфелей с листовками английской булавкой приколоты 8-10 маленьких листочков папиросной бумаги: ни в коем случае они не должны попасть в руки Веры Браудэ — следователя ВЧК по делам социалистов-революционеров. Они предназначались для некоторых лишь товарищей, которым я передавала листовки. Один из пунктов листовки был напечатан отдельно и не подлежал широкому распространению — об этом я скажу ниже. В данную минуту мной овладела одна мысль: «уничтожить листочки, обязательно уничтожить листочки!»! Но как это сделать?

Быстро одеваюсь. Вера Петровна Браудэ* нетерпеливо ждет, чтобы приступить к обыску.

Ко мне подходит Раиса Яковлевна Нажницкая-Тарабукина, с которой мы жили вместе, — я не сразу разглядела ее в толпе солдат, — и незаметно пожимает мне руку. На кресле возле письменного стола лежат два портфеля — коричневый и зеленый, набитые листовками, отпечатанными на папиросной бумаге. В зеленом — листочки, которые мне необходимо уничтожить.

Браудэ берет коричневый портфель и вытряхивает все содержимое на кресло. Когда она собирается повторить эту же процедуру со вторым портфелем, я как можно спокойнее говорю:

— Позвольте на одну минуточку!

От неожиданности Браудэ отпускает портфель. Моя рука уже там. Одно мгновение и листочки в ней, я лихорадочно бросаюсь мимо солдат из комнаты, на бегу уничтожая листочки. Вбежав в уборную, продолжаю рвать их на мелкие клочки. В коридор выходит несколько дверей, выскочившая следом за мной Браудэ не сразу догадалась, за какой дверью нахожусь я. Когда же она ворвалась в уборную и наклонилась над унитазом, то могла увидеть там лишь мелкие лоскутки — обрывки листочков.

С наведенным револьвером Браудэ провожает меня в комнату, одному из солдат велит не отходить от меня.

— Она покушалась уничтожить документы! — объясняет Браудэ солдатам. Почему «покушалась», когда я их уничтожила?

Теперь, когда мне нужно идти в уборную, она следует за мной и стоит тут же, все с тем же наведенным на меня револьвером.

Дверь в комнату Раисы Яковлевны закрыта. Когда Браудэ подходит к этой двери, Раиса очень спокойно говорит:

— Тише, там спят.

* См.: Я.Наумов. *ЧЕКИСТКА. СТРАНИЦА ИЗ ЖИЗНИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЧЕКА В.П. БРАУДЭ*. Политиздат, М., 1963.

В комнате темно, свет попадает туда только из моей комнаты. Я стою у двери и вижу, как Браудэ подходит к диванчику у стены, напротив двери. Там лежит семилетняя Люся.

— Кто это? — спрашивает Браудэ.

— Ребенок, — отвечает Раиса.

Браудэ стремительно поворачивается к кровати у противоположной стены, — на ней лежит Степан Кузьмич Тарабукин, недавно освобожденный из Бутырок.

— А это кто? — снова спрашивает Браудэ.

— Тоже ребенок, — спокойно отвечает Раиса, и я улавливаю в ее голосе легкую иронию.

Браудэ этой иронии не уловила, и по близорукости не разглядела громоздкой фигуры под одеялом. Решив, что в комнате двое детей, она вернулась в мою комнату. Раиса Яковлевна, удивлялась потом: она сказала это не думая, что Браудэ примет серьезно.

Часть солдат вышла, Браудэ с каким-то типом в штатском продолжает обыск. Находит на письменном столе мой паспорт, полученный во Владивостоке. С ним я проехала через Китай и Монголию в Москву. Выдали мне этот паспорт на основании случайно сохранившейся у меня выписки из метрического свидетельства. В ней было сказано, что я дочь Льва Давидовича-Гиршевича Свирского. Не разобравшись в том, что Гирш — второе имя моего дедушки, паспорт выписали на имя Мины Львовны Гиршевич-Свирской. Теперь и ордер на арест был выписан на это имя. Сама же я никогда этой двойной фамилией не пользовалась. На службе всегда значилась под фамилией Свирской. Но органы ЧК памятьвы, у них много лет за мной тянулась эта двойная фамилия. В 1949 году, говоря о моих преступлениях почти тридцатилетней давности, следователь упомянул, что я жила в Москве не под своей фамилией.

Найдя на столе еще какие-то бумаги, Браудэ добавляет их к груде, лежащей в кресле. Я наблюдаю за всем спокойно. Протокол обыска не составляется, слишком долго пришлось бы его писать. Мне это совершенно безразлично, и я не настаиваю.

Браудэ велит мне собираться, и все время, пока я двигаюсь по комнате, достаю из шкафа необходимые мне вещи, укладываю их в саквояж, солдат с винтовкой неотступно следует за мной.

Прощаюсь с Раисой, мы крепко обнимаемся. Я бросаю последний взгляд на недавно сооруженную мной плитку, на которой еще не остыла сваренная вечером чечевича, на чемодан, выдвинутый из-под кровати — в нем типографский шрифт, краска, печати. Толком я и не знаю, что в нем. Одни товарищи приносили, другие уносили. Это было местом хранения.

Браудэ приказывает нескольким солдатам остаться и задерживать всех проходящих. Иду длинным коридором. Передо мной еще одна задача: сорвать приколотую к выходной двери со стороны лестницы карточку — свидетельство, что в квартире все благополучно. Теперь, когда в квартире оставлена *засада*, я должна это свидетельство уничтожить. Раису не выпустят, и она не сможет это сделать. На лестнице темно. Браудэ осталась в квартире, видимо, укладывая все изъятые. Вышедшие со мной на лестницу солдаты как-то бестолково толкуются на площадке, опасаясь, чтобы я не стала спускаться первой. Когда дверь захлопнулась за последним солдатом, я незаметно срываю карточку, в значение которой посвящены только связанные со мной по работе. О том, как разыгрались события в нашей квартире, я узнала только через несколько месяцев.

Спускаемся по лестнице, пересекаем двор и подходим к грузовой машине на улице. Солдаты торопливо прыгают в кузов и помогают мне подняться.

Машина мчится по ночной Москве. Я уверена, что меня повезут в Бутырки, и радуюсь предстоящей встрече с товарищами.

Как-то зимой, когда освободили многих эсеров из Бутырок, я пожаловалась Михаилу Александровичу Веденяпину (по ходатайству Каменева его выпустили, чтобы подлечиться в подмосковном санатории), что слишком поздно родилась: не успела посидеть в тюрьме в царское время, не успела попасть в тюрьму и теперь, когда были арестованы мои близкие друзья.

Своим слегка глуховатым голосом Михаил Александрович, выслушав мои жалобы, сказал:

— Глупенькая, еще успеете насидеться!

Он оказался прав.

Итак, мы едем по ночной Москве, и я мысленно представляю, как буду рассказывать Шуре [Федодеев. — Б.С.] и Циле [Бурштейн. — Б.С.], что я предприняла для их освобождения, о своем разговоре с Луначарским. Всего месяц прошел с того дня, как мы вместе шли от Страстного бульвара по улице Москвы во время похорон Петра Алексеевича Кропоткина — старейшего деятеля революционного движения в России, сподвижника Степняка-Кравчинского, а затем теоретика русского анархизма, известного ученого, географа.

Какой солнечный день выдался тогда, 22 или 23 февраля 1921 года, когда к стене Страстного монастыря собрались все связанные с социалистическими партиями и даже с ними не связанные. Пришли и выпущенные под честное слово из Бутырок анархисты — неудобно было все же лишить права хоронить своего вождя его

последователей. Теперь под черным знаменем с пением «Вы жертвою пали...» и «Споем же мы песню под звуки набата...» они провожали того, кто уже более шестидесяти лет был для них символом их борьбы.

Похороны Кропоткина вылились в мощную демонстрацию единения всех прогрессивных сил, для кого были священны имена шлиссельбуржцев, деятелей Народной Воли, и в том числе имя Петра Кропоткина. Привлеченные необычным зрелищем, видом знамен с лозунгами эсеров, эсдеков и анархистов, рабочие близлежащих предприятий покидали свои заводы. В последний раз я видела дрекво с с.-ровским лозунгом: «В борьбе обретишь ты право свое». Его нес Шура Федодеев. Он был очень высок ростом.

По условиям конспирации ни я, ни Циля не имели права присутствовать на похоронах Кропоткина, тем более на митинге рязано-уральских железнодорожников, назначенном на вечер. У каждой из нас был ответственный участок работы, которым руководили приехавшие из Сибири и связанные с нами члены ЦК партии социалистов-революционеров: бывший председатель Политического центра в Иркутске Флориан Флорианович Федорович, Михаил Александрович Лихач и др. А.Р. Гоц, Е.М. Тимофеев, С.В. Морозов в это время уже сидели в Бутырках.

Мы обязаны были избегать участия в массовых мероприятиях, вроде конференции работниц Красной Пресни, на которую недавно не просто пошла, но и выступила на ней с критикой решения съезда советов моя подружка. Да и как было устоять?

В стране царили разруха и голод. На прилежащих к вокзалам улицах сотнями, тысячами лежали вповалку не люди, а их скелеты, тела умирающих и умерших от голода. На всем протяжении Великого Сибирского пути до самой Москвы стояли вышедшие из строя паровозы и составы поездов. И в качестве панацеи от всех бед голодающему народу подносился план электрификации страны...

Вечером, после похорон, поев сваренной мною на самодельной плите, которой я очень гордилась, чечевицы, мы втроем (ко мне пришли Циля и Шура) отправились к Павелецкому вокзалу. Там в здании Плехановского института от имени ЦК партии большевиков и ВЦИКа должен был выступить со своим докладом о международном и внутреннем положении А.В. Луначарский.

Переполненная аудитория, прежде чем предоставить слово Луначарскому, потребовала от него гарантии свободы слова и личности выступающих. Вынужденный всей обстановкой, Луначарский заверил аудиторию своим «честным словом» и заявил, что ни один из выступающих не будет арестован. И тогда-то вы-

ступил с некоторыми положениями платформы социалистов-революционеров Шура Федодеев. Главным было: созыв Учредительного Собрания. Это требование было единодушно поддержано железнодорожными рабочими. Шура под овации всего зала вернулся к нам. Мы стояли в толпе неподалеку от президиума, весь президиум был из наших рабочих. Прошла наша резолюция. Луначарскому не давали говорить. Один из рабочих, который сидел в президиуме, подошел к нам и сказал, чтобы мы одни не уходили. Нас проводят. Но когда так бурно прошла наша резолюция, мы обо всем забыли.

Едва мы вышли из зала, а затем из здания Плехановского института, агенты ОРТЧК арестовали сначала Шуру, а затем пошедшую за ними Цилю. Я же бросилась обратно, чтобы оповестить об этом аресте наших товарищей.

Я заново пережила сейчас, еду, как я думала, в Бутырки, свои попытки связаться с Луначарским и напомнить ему об его честном слове.

— Будьте спокойны, вы не успеете доехать до дома, как они будут освобождены, — заверил меня Луначарский, когда я позволилась к нему в час ночи. Но шли не часы, а дни, и друзья мои оставались в Бутырках. Снова добилась я встречи, теперь уже очной, с Луначарским. Узнав от меня, о чем идет речь, он весь съехал, как от удара, и пробормотал:

— Ну, что я могу поделать.

Я получила из Наркомпроса пропуск к Луначарскому в Кремль. И этот разговор происходил во дворце, в котором он жил. На его «что я могу поделать?» я ему сказала: «Только подлецы и негодяи дают безответственно честное слово». После этого вышла. Товарищи меня очень осуждали, что я туда пошла.

Мелькают дома, улицы. Но вот с Арбатской площади машина сворачивает направо, а не налево. Значит, везут не в Бутырки, а в ВЧК. Но вот и Лубянская площадь, а машина не останавливается у здания страхового общества «Россия», а сворачивает налево и останавливается у здания МЧК.

Спускаемся в подвал, и я попадаю в комнату, где уже много вновь арестованных. Среди них вижу Иваницкого-Василенко, знакомого мне еще по Сибири.

Меня встречают шумно. Рассказываю, как Браудэ приезжала меня арестовывать с целым взводом солдат. Кто-то высказывает предположение, что это дело рук плохо осведомленного провокатора. Для того чтобы найти листовки, шрифт и даже типографскую краску, совсем не требовался взвод солдат.

Настроение мое быстро омрачается. Рассказав, как я уничтожила листочки под самым носом у Браудэ, узнаю от Иваницкого, что у него листовку взяли с этим пунктом. Мои старания оказались напрасными.

Арестованных вызывает Пиккенен — начальник МЧК. Рядом с ним сидит бывший эсер, рабочий Дыка: видимо, для опознания. Я его не знала, он меня — тоже. Вызывают по алфавиту, до моей буквы далеко — я успею еще поспать. Только я улеглась, вызывают меня — с вещами, не так, как это происходило с вызванными ранее.

Со своим саквояжем вхожу в кабинет Пиккенена. За письменным столом сидит человек с серым лицом, в очках, сбоку, у лба над ухом, большая шишка. Рядом некто в пальто и нахлобученной на глаза шапке. На диване в беспорядке изъятые у меня материалы.

Сажусь в кресло.

Пиккенен. — Вы — Мина Львовна Гиршевич-Свирская?

Я молчу.

Пиккенен (указывая на диван). — Это у вас отнято?

Я молчу.

Снова вопрос Пиккенена и снова мое молчание. Стараюсь крепче ухватиться за ручку кресла и на очередной вопрос, не переводя дыхания, выпаливаю:

— Я — Свирская Мина Львовна, член партии социалистов-революционеров, считаю вас жандармами и разговаривать с вами не желаю.

Пиккенен. — Ах вот как! Вы считаете нас жандармами?

Отчеканивая каждое слово, я повторяю сказанную мною фразу.

Пиккенен. — Где и когда вы родились?

— Дайте мне бумагу, я сама напишу.

Пиккенен протягивает мне чистый лист бумаги. Я записываю произнесенную мною фразу и расписываюсь.

Возможно, время сгладило бы из моей памяти подробности этой беседы, если бы в 1949 году очередной следователь не показал бы мне этот листок бумаги, пришитый к моему делу и пролежавший там почти тридцать лет.

Меня уводят и ведут в противоположную сторону от той камеры, в которой я уже была с товарищами. Спускаемся вниз по лестнице, снова в подвал, и закрывают меня в маленькой камере, совершенно пустой и тусклой от тусклого электрического света. В ней ни топчана, ни нар. Совершеннейшая пустота. На уровне головы небольшое, схваченное решетками, окно густо замазано

серой краской. Смутно чувствую, что за окном уже наступил рассвет.

Сколько я пробыла в этой камере, не помню. Двое солдат повели меня в ВЧК, когда на улице уже зажигались огни.

Входим в главный подъезд и поднимаемся по лестнице. В большой комнате, куда меня ввели, мужчина, сидящий у стола, предлагает мне сесть на стул.

— Я — начальник следственного отдела ВЧК Самсонов, — отрекомендовался он.

На столе перед ним вижу свой паспорт. Заглядывая в него, Самсонов делает записи на листе бумаги, потом спрашивает:

— С какого года вы в партии?

— Со дня рождения, — отвечаю я.

Следует вопрос об изъятых у меня материалах.

— Дайте бумагу, я сама напишу.

Самсонов протягивает лист, на котором он делал записи. Вижу свою фамилию, имя, отчество, год и место рождения и что я состою членом партии с 1916 года (это с пятнадцати-то лет, прямо вундеркинд какой-то). Дописываю, что на вопросы, касающиеся жизни и работы партии, отвечать отказываюсь. Этот протокол я тоже видела в 1949 году.

Самсонов доводит до моего сведения, что у меня никто не отнимает права отвечать или не отвечать на вопросы, но ВЧК не собирается относиться ко мне так, как она относится к арестованным социалистам: у меня найдена очень важная правительственная телеграмма, что свидетельствует о том, что я занималась шпионажем, социалисты же этим не занимаются. К тому же мой заграничный паспорт. Весьма возможно, что я являюсь японской шпионкой. Я возражаю, указывая на то, что Браудэ мне этой телеграммы не предъявляла, когда она ее нашла: «Мало ли, какие документы вы можете мне теперь предъявить, документы, к которым я никакого отношения не имею».

Но про себя я знаю, что телеграмма, действительно, взята у меня (ее содержание и было пунктом листочков, уничтоженных мною). Мне ее принес один из товарищей, предупредив, что за телеграммой зайдут. В Тамбовской губернии начиналось крестьянское восстание. В изъятой телеграмме содержалось правительственное указание, распоряжение о прекращении снабжения этой губернии хлебом. После того, что мне сказал Самсонов, а я знала, что на главном телеграфе работали наши товарищи, меня охватило беспокойство за их судьбу. Однако я вся сосредоточилась на том, чтобы не выдать своего беспокойства.

Много позже я узнала, что когда Абрам Рафаилович Гоц, как староста в Бутырках, требовал моего перевода в Бутырскую тюрьму, Самсонов сослался на то, что для них крайне важно выяснить, кто мог добыть эту телеграмму. Оказывается, Браудэ в ту ночь так устала, что не помнит точно, у кого она эту телеграмму нашла. То же самое Самсонов сказал Флориану Флориановичу, который сидел во внутренней тюрьме ВЧК.

Самсонов вызывал меня два или три раза, много рассказывал о себе. Насколько его рассказы соответствовали истине, судить не могу. До революции, вплоть до Октябрьского переворота, он был анархистом, увлекался книгой Штирнера «Единственный и его ценность». В царской тюрьме сидел как анархист. После Октября понял, что путь большевиков единственно правильный, и вступил в партию большевиков. Ссылаясь на трудности, которые испытывает страна, упрекал социалистов в том, что они используют для борьбы против советского правительства эти трудности, пытался убедить в том, что когда эти трудности кончатся, социалистов арестовывать не будут, за ними-де никто не пойдет, и они не будут опасны. Теперь же они мешают.

— Все это вранье, верить вам нельзя, — сказала я и в подтверждение своих слов привела «честное слово» Луначарского.

— Нашли кому поверить! Луначарскому! Эх, — засмеялся он, — поверили Луначарскому! — Самсонов произнес это таким тоном, словно виноваты были те, кто поверил, а не Луначарский, безответственно давший слово.

— Сегодня вы говорите, что нельзя верить Луначарскому, завтра кто-нибудь скажет, что нельзя было верить вам, — сказала я.

Во время одной из «бесед»-допросов у Самсонова в его кабинет зашел Дзержинский. Он молча постоял у стены, прислушиваясь к моей горячей защите Учредительного Собрания, потом подошел ближе, к столу, и, обращаясь ко мне, сказал:

— Субъективно вы революционерка, каких мы можем пожелать себе побольше, объективно же вы служите контрреволюции.

— Кто кому служит, — ответила я, — покажет время. Я же служу Учредительному Собранию!

Однако вернусь к первому допросу, к тому, что произошло после него. Меня поместили в комнате первого этажа, против помещения, которое тогда называли сборной. Впоследствии люди, побывавшие там, окрестили его «собачником». Туда привозили людей сразу после ареста. Дверь из моей комнаты оставалась открытой, дверь же «собачника» была закрыта. По коридору (между нашими комнатами) ходил солдат с винтовкой. Иногда из

«собачника» выходил кто-нибудь, и солдат сопровождал его в уборную. Я старалась заглянуть в «собачник», но дверь быстро захлопывалась. Вдруг оттуда высунулась знакомая женская голова, и я узнала свою подругу гимназических лет, Надю Изаксон. Я жила в Петрограде в семье сестры меньшевика Рафаила Абрамовича. Надя, его племянница, никакого отношения ни к какой партии не имела, в том числе и к социалистам-революционерам.

В Москве мы встретились случайно — она училась в студии Вахтангова и всецело была поглощена театром. Иногда она ко мне забегала. На этот раз, когда она шла в свою студию, на Арбатской площади у нее оторвалась пуговица. Она зашла ко мне пришить эту пуговицу и попала в засаду. Ее уже допрашивали, интесовались, откуда она меня знает. Скрывать ей было нечего, и она рассказала, что мы учились в гимназии одновременно. «А кто такой Гиршевич?» — спросили ее. Она впервые слышала эту фамилию.

Продержали Надю дня три. В Москве жил муж ее тетки, старшей большевички, впоследствии оппозиционерки, Дины Гертик, Артем Гертик. Узнав, что Надю арестовали, он не то позвонил, не то приехал за ней, и ее освободили. Как же дорого расплатилась Надя за эту защиту! В 1936 году Артем погиб, а Надя промытарствовала в разных лагерях двадцать лет. В 1949 году мы с ней снова встретились, уже в Коми, в лагере.

Теперь я могу сравнивать обыски 1920-х годов с обысками 1949 года: тогда обыск был весьма поверхностным — пуговицы, тесемки, резинки оставляли, отнимали карандаши и бумагу. Вот после такого обыска я попала во внутреннюю тюрьму ВЧК. Камера просторная, но мрачная. Стены оклеены грязными обоями, местами они сорваны и болтаются клочьями. Двойные рамы зарешеченного окна наглухо закрыты. Стекла замазаны той же серой, как и в МЧК, краской, к тому же очень грязны. В середине стены налево дверь в соседнюю камеру заколочена накрепко, но не заделана. У противоположной стены топчан с матрацем, деревянный стол, в углу параша. Ставлю топчан головой к закрытой двери, хочется быть подальше от грязных стен. Стол придвигаю к топчану. У меня с собой простыня, одеяло, маленькая подушечка. Застилаю кровать, стол покрываю белым полотенцем. В сравнении с грязными ободранными обоями и грязным окном, стол и койка выглядят даже нарядно, и мне кажется, что камера стала чуть ли не уютной.

Потянулись дни жизни в одиночке, так много раз описанные другими. В двери в камеру форточки нет: чтобы передать весь полагающийся дневной рацион питания, надзиратель вынужден

каждый раз открывать дверь. По утрам проверка, и начальник внутренней тюрьмы Дукес входит в камеру. Крупными шагами он подходит к топчану, на котором я обычно сижу или лежу. «Жалобы есть?» — почти не разжимая губ, спрашивает он, круто поворачивается и выходит из камеры.

Тюремной азбуки я не знаю. Мне нечем ее записать или нацарапать, чтобы заучить. Даю себе задание каждый день усвоить пять букв. Мысленно составляю таблицу и заучиваю: а=1-1, б=1-2 и т.д. Через несколько дней пробую выстучать в дверь соседней камеры «кто вы?», сбиваюсь, начинаю снова, вдруг слышу из-за заколоченной двери приглушенный мужской голос: оканчивается дверь с той стороны не заделана, и мы можем разговаривать. Мой сосед — главный врач какой-то железной дороги. В свой служебный вагон во время поездок он брал с собой иногда сына, теперь арестовали и его и сына. Сказали, что сын замешан в какое-то политическое дело, его же самого ни в чем не обвиняют, но держат. Ежедневно по утрам мы говорим друг другу: «С добрым утром», а перед сном — «Спокойной ночи». Долго разговаривать нельзя: надзиратель часто заглядывает в волчок.

Мой сосед получает передачи. Под дверь оказалась щель в палец величиной, и он старается просунуть мне что-нибудь съедобное, тщательно завернутое в белую бумажку, и очень огорчается, когда его посылка не пролезает, он делает ее потоньше. Бумажку я ему возвращаю, у него ее мало, а кроме того, в случае обыска у меня не должны ее найти, ведь мою всю бумагу отняли, а передач я не получаю.

Пробую стучать в другую стену — никто не отвечает. В некоторых местах обои отстают от стены. Может быть, кто-нибудь из ранее сидевших оставил записку, спрятав ее за отстающие обои? Напрасно шарю — записок не нахожу, но зато нахожу ножик. Жалко, что я его раньше не нашла, я бы нацарапала им квадратик тюремной азбуки — и не потребовались бы такие усилия, чтобы ее заучить. Я прячу ножик на то же место.

Потянулись дни похожие один на другой. Режим не меняется — ни книг, ни передач. Я понимаю, что изменения режима придется добиваться голодовкой. Пугает одна мысль: во время голодовки могу заговорить со сна или в забытьи, и вдруг проговорюсь о телеграмме или назову какую-нибудь фамилию. Я в себе уверена: голод меня не сломит. А что если наступит полусознательное состояние и я потеряю власть над собой? Ведь опыта личного у меня нет, я не знаю, как это бывает, когда человек длительное время голодает. Я знаю о голодовках политических заключенных в царских тюрьмах, знаю, что объявляют голодовку сухую или

несухую (с водой). А что может произойти с моей психикой во время длительной голодовки, не представляю. Начинаю себя готовить к голодовке.

В течение дня мысленно бесчисленное количество раз повторяю: «Я ничего не знаю о телеграмме, телеграмму нашли не у меня. Ни одного имени я вам не назову». Перед сном, как молитву, повторяю то же самое. С этим и засыпаю. Если ночью просыпаюсь, снова повторяю, пока не засну. Для этого уже никаких усилий не требуется, получается само собой. И наоборот: когда я хочу думать о чем-то другом, мне требуется усилие, чтобы хоть на время забыть эти три фразы.

Наконец решаю начать голодовку. Пишу заявление с требованием перевести меня к товарищам в Бутырки или создать мне здесь условия, такие же, в каких содержатся они: там книги, газеты, прогулки, передачи. О свиданиях не пишу — свидания дают только с родными, у меня же в Москве никого из родных нет. Будет формальный повод для отказа. Требования должны быть составлены так, чтобы не оставалось места для компромисса. Заканчиваю свое заявление тем, что если мои требования не будут удовлетворены, с такого-то числа объявляю сухую голодовку.

Вызывает к себе Самсонов и говорит:

— Можете голодать, сколько хотите. Вы ничего не получите. Мы можем считаться с голодовкой социалистов, но не с вашей, голодовкой человека, который занимался шпионажем.

На следующий день прекращаю принимать еду. Первые дни надзиратель по утрам продолжает открывать дверь, держа в руке кусок хлеба. Надзиратели сменяются и еще не знают, что я голодаю. А может быть, и не поэтому.

Мой сосед очень переживает мою голодовку, он наивно говорит, что никто не увидит, если он просунет мне что-либо съестное.

— Ну, съешьте кусочек шоколада, — настаивает он.

Я ему объясняю, что дело не в том, увидят или не увидят, как я ем, но он меня не слушает и пытается просунуть что-то в щель. Как только я слышу шелест бумаги под дверью, я наклоняюсь с кровати и отправляю «посылку» обратно. Однажды, когда он просунул почти всю бумажку, мне послышались шаги надзирателя. Я схватила сверточек и, не развернув его, выбросила в парашу. Об этом я тут же рассказала своему соседу, и он прекратил настаивать на своих «передачах».

Первые дни голодовки хотелось есть, особенно в часы, когда обычно приносили еду. Об этом иногда напоминали звуки металлической посуды, доносившиеся из коридора. Сохло во рту и в

горле, приходилось делать усилия, чтобы собрать немного слюны, а потом проглотить ее. Я считала, что по условиям сухой голодовки не должна чистить зубы, так чтобы в рот ничего не попадало.

Чувствовала я себя неплохо. Почти все время я лежала, поэтому не очень ощущала слабость, и если она и была, то не очень мучила меня. Только дни стали казаться длиннее: ведь открывающаяся для передачи еды дверь разбивала время на какие-то отрезки, теперь же время превратилось в бесконечность.

Уже летом 1922 года, после моего повторного ареста, одному из товарищей на свидании передали «Революционную Россию» и немецкую газету (думаю, что это был «Vorgwärts»). Там были заметки о моей голодовке, изобилующие трагическими красками. В каждой фразе немецкой заметки «Die junge Mina» склонялась со всевозможными эпитетами, а голодовка моя изображалась чуть ли не как подвиг. На деле все было значительно проще. Я хотела быть с близкими мне товарищами и требовала перевода к ним, но не собиралась за это голодать до победного конца. Больше всего меня беспокоила возможность компромисса. Поэтому я и выдвинула условия на случай моего неперевода к товарищам. Требования, выдвинутые мною, были важны не сами по себе. Я не очень верила в угрозу Самсонова рассматривать меня как шпионку. Ведь это был 1921, а не 1949 год, когда человеку так легко было за здорово живешь приписать шпионаж. Я хотела доказать, что сумею за себя постоять и что метод запугивания ко мне не применим.

На седьмой день моей голодовки вошел ко мне в камеру Ягода, тогда управляющий делами ВЧК. Надзиратель нес за ним стакан воды.

Достав из кармана портсигар, Ягода предложил мне закурить.

— Я не курю, — ответила я.

Ягода взял из рук надзирателя стакан с водой.

— Сделайте пару глотков воды. Ведь голодать можно и с водой, — настаивал он.

— Как начала, так и буду продолжать, — ответила я.

Я лежала на своем топчане и хорошо запомнила Ягоду с открытым портсигаром в одной руке и со стаканом воды — в другой.

На девятый или десятый день голодовки заявился Самсонов и сказал, что я остаюсь во внутренней тюрьме и получаю все, что требовала. Газеты в камеру они давать не могут, но для чтения меня будут вызывать. Тут же мне приносят стакан сладкого

чаю (глаз уже отвык от вида блюдца и чайной ложечки), хлеб и краснокрестовскую передачу, видимо, раньше принесенную и теперь мне переданную.

Есть не хочется. Пью чай маленькими глотками, отламываю кусочек хлебной корочки и долго держу во рту. Две принесенные книги весьма потрепаны. Одна — издания прошлого столетия, перевод с немецкого, — о военной стратегии. Я пробовала ее читать, но ничего не понимала и развлекалась тем, что считала количество слов от точки до точки. А их было до сотни. Но зато вторая... «Холодный дом» Диккенса я уже читала и полюбила. Обрадовалась, что у меня снова эта книга.

Вечером надзиратель вносит второй топчан, и в моей комнате сразу появляется женщина с сильным латышским акцентом, немолодая, с одутловатым лицом, очень бледным. Отсутствие двух передних зубов не придает ей симпатии. Она начинает сходу рассказывать о себе, называет себя латышской социал-демократкой, объясняет, что на допросе ей выбили зубы, несет невероятную чушь. Нетрудно догадаться, кто она, что ее подсадили ко мне с определенной целью. Она лезет, что называется, в дружбу, оказывает всяческие знаки внимания. Делает все это крайне неуклюже.

Через несколько дней начинают меня вызывать, чтобы читать газеты. Ведут в комнату, в которую надо пройти через кабинет Самсонова.

На столе лежит целая груда газет — советских и несколько выходящих за границей на русском языке. Дверь запирают на ключ, и меня оставляют одну часа на полтора.

Первое время я быстро устаю от чтения. Мне хочется в камеру к себе. Вот бы лежать их почитать! Но ведь газеты — мое завоевание, и я терпеливо читаю, пока за мной не приходят. Как я узнала впоследствии, в эту же комнату для чтения газет приводили и членов Центрального комитета, арестованных примерно в то же время.

На прогулку вызывают поздно ночью, минут на двадцать. Проводят в какую-то щель между двумя высокими стенами. В одной стене тускло светятся зарешеченные окна внутренней тюрьмы, другая — глухая.

Ну, и веселые у меня результаты голодовки: от чтения газет устаю, с нетерпением жду, когда отведут в камеру; на прогулку иду без всякого желания — хочется спать, а шагание по этой щели ночью не доставляет никакого ощущения прогулки; книга по немецкой военной стратегии из непонятных придаточных предложений. А ко всему вдобавок — «наседка».

Теперь-то я знаю, как себя чувствует человек во время голодовки, и жалею, что в своем заявлении выдвинула компромиссные требования. Нужно было требовать только перевода к товарищам. Я бы выдержала и более длительную голодовку, но добилась бы своего. Теперь же остаются только бесполезные сожаления. Допущенную ошибку не исправишь, на новую голодовку не хватает сил. Пускай это послужит уроком на будущее. Мысленно я уже готовила себя к нелегкому будущему.

Ощутимым результатом голодовки оставался только Диккенс и передачи Красного Креста.

В одну из своих прогулок я увидела на фоне замазанного окна силуэт мужской головы. К щели открывшейся форточки пришло знакомое лицо: Михаил Яковлевич Гендельман, член ЦК партии социалистов-революционеров. Милейший человек. Он приветливо улыбается мне. Теперь я уже с нетерпением жду, когда же меня поведут на прогулку, волнуясь, не перевели ли Михаила Яковлевича в другую камеру, когда форточка долго не открывается. Прогулка превратилась для меня в свидание с товарищем, пускай молчаливое, но все же свидание.

Неожиданно (в тюрьме все неожиданно) ко мне в камеру переводят Ольгу Елисеевну Колбасину-Чернову. Мы бросаемся друг к другу в объятия, и я сразу даю ей понять, кто такая наша сокамерница.

Ольга Елисеевна рассказывает, что на Главном телеграфе арестовано несколько девушек, с одной из них она сидела в другой камере. Девушку допрашивали о какой-то телеграмме, о которой она понятия не имела. Я и виду не подаю, что меня интересует арест этой девушки.

Ольга Елисеевна рассказывает, как агенты ВЧК охотились по всей Москве за Виктором Михайловичем Черновым и как ему всегда удавалось уйти чуть ли не за несколько минут до их появления. Из последней квартиры он ушел чуть ли не за двадцать минут до прихода агентов ВЧК во главе со следователем Кожевниковым, который схватил пару сапог и, размахивая ими в воздухе, закричал:

— Здесь Черновым пахнет!

Кожевников тут же арестовал Ольгу Елисеевну и ее дочерей: Олю и Наташу (от первого брака) и Адюрку, дочь Виктора Михайловича. Правда, об аресте девочки узнал Сольц (в ту пору чуть ли не главный прокурор республики) и забрал ее из МЧК к себе. У него был сынишка, сверстник Адюрки, дети очень дружили в Лондоне во время эмиграции родителей. Потом освободили Олю и Наташу. У Ольги Елисеевны уже было свидание с дочерьми.

Когда меня в эту ночь вызвали на прогулку, я отказалась идти без Ольги Елисеевны. То же самое было и с чтением газет. Ей «не полагалось» ни читать газет, ни пользоваться прогулкой.

Через неделю нас перевели в новую камеру, на самый верхний этаж. Камера заново отремонтирована. Стены свежесвежены, широко открытое окно выходит в большой двор. Из окна видно ярко-голубое небо. Так светло, что с непривычки хочется зажмуриться.

Одновременно с нами в эту же камеру переводят Наталью Арнольдовну Бауэр и Александру Ипполитовну Щесневскую. Наша «наседка» нам, конечно, мешает, но мы понимаем друг друга с полуслова. Знакомы мы давно и находим слова, понятные только нам.

Топчанов на всех не хватает. Мы с Ольгой Елисеевной ложимся на пол у батареи под окном. После отбоя ко сну, когда уже потушили свет, вдруг слышу у трубы батареи чей-то шепот, который доносится откуда-то издалека: «Кто вы? Кто вы? Я — Раиса Яковлевна». В этом шепоте трудно узнать голос, боюсь, что кого-нибудь подсадили в соседнюю камеру. Чтобы проверить, прижавшись к трубе у стены, шепчу: «У-у-у-у» — и в ответ слышу: «Почему, почему». Теперь я знаю твердо, что это Раиса. Дело в том, что перед моим арестом мы были с ней на каком-то докладе. Когда докладчик закашлялся, у него смешно получилось: «у-у-у-у, почему». Возвращаясь домой, мы много смеялись, повторяя «у-у-у-у, почему». Теперь это послужило нам своего рода паролем.

Труба от нашей батареи проходит в соседнюю камеру и не плотно вмазана в стену. Прижимаясь к отверстию то губами, то ухом, можно шепотом разговаривать. Но мы не можем доверить этому шепоту все, что нам нужно сказать друг другу. Рассказ Раисы Яковлевны о том, что последовало за моим арестом, растягивается на несколько дней. Наседка лежит на своем топчане в другом конце камеры. Если она и услышит шепот, то решит, что я разговариваю с Ольгой Елисеевной. Видеть же нас она не может: топчаны Наташи и Шуры нас загораживают. Таким образом я постепенно узнаю, что произошло после моего ареста.

Оставленные в «засаде» два солдата достали из комнаты, в которой была составлена лишняя мебель, два матраца и устроились на них в передней. На следующий день в засаду попала моя подруга, о которой я уже рассказывала. Через несколько дней «проведать нас» забежала Мария Людвиговна, жена Алексея Силыча Новикова-Прибоя. Она давно о нас ничего не слышала и вот теперь зашла справиться, здоровы ли мы. Ее тут же арестовали. Значительно позже я узнала, что после ареста Марии Люд-

виговны к ним в квартиру (бывшее подворье возле Красной площади) пришли с обыском. Алексей Силыч с сынишкой (лет 9-10) отсутствовал, а с ними жила ненормальная сестра Марии Людвиговны, девушка тихая, но остановившаяся в своем развитии. После произведенного обыска агенты ВЧК запечатали квартиру, забыв, что в комнате оставался человек. Два дня понадобились Алексею Силычу, чтобы добиться снятия печатей. Марию Людвиговна была освобождена через несколько дней.

Много лет спустя при встречах мы вспоминали этот случай, и Алексей Силыч многозначительно повторял чеховское: «А человека-то и забыли».

В засаду попал и один товарищ, приехавший в Москву и не знавший об условленном знаке. Раиса Яковлевна воспользовалась тем, что солдаты не охраняли черный ход, которым никто из жильцов не пользовался, и выпустила приехавшего через якобы заделанную дверь. Товарищу удалось благополучно уйти. Но вот тут-то и началось большое волнение. Солдаты сообщили в ВЧК, что ими задержан мужчина. Когда же за ним приехали, его не оказалось. Перевернули всю квартиру и тут-то обнаружили Степана Кузьмича Тарабукина. Почему он не воспользовался черной лестницей, не могу вспомнить. Во время засады племяннице Раисы Яковлевны разрешили передавать через солдат необходимые продукты. Засаду продержали семнадцать дней, затем арестовали Раису и Степана Кузьмича. Люсю оставили с племянницей Раисы.

Я поняла, что Раису Яковлевну поместили по соседству со мной не случайно. Сначала ко мне посадили наседку, но ее усилия оказались тщетными. Затем ко мне перевели Ольгу Елисеевну в расчете, что своей реакцией на рассказ Ольги Елисеевны о девушке с телеграфа я помогу найти необходимую связь между нами и похитителем правительственной телеграммы. И это не помогло. Теперь, по-видимому, полагали, что я начну перестукиваться с Раисой и стук может быть услышан из коридора. Мы решили не злоупотреблять возможностью разговаривать и только перед сном желали друг другу «спокойной ночи».

На допросы никого из нас не вызывали, новостей у нас не было и нечего было сообщать друг другу.

Через несколько дней Раису вызвали. Оказалось, не на допрос, а на свидание со Степаном Кузьмичем, который объявил голодовку с требованием освободить его жену, и Раису водили в санчасть ВЧК в Кисельном переулке, там в отдельной палате лежал Тарабукин. Он голодал уже более двадцати дней.

Мне надо было во что бы то ни стало обменяться с Раисой записками. Бумага и карандаш у нас есть. Остается найти, к чему привязать записочку, чтобы просунуть ее в отверстие между трубой и стеной.

Когда нас переводили из нижней камеры, я незаметно для нашей наседки взяла с собой нож, который был спрятан за обоими. Зачем я это тогда сделала, — не знаю. Видимо, сработал импульс заключенного, его психология: припрятать и сохранить запрещенное, даже если тебе это и не нужно. А нож мне в ту минуту, когда я уходила из камеры, был совершенно не нужен. Теперь же пригодился.

Наша «наседка» заявляет надзирателю, что у нее болит живот. Ее вызывают к врачу. Пользуемся ее отсутствием и ножиком отщепляем деревяшку от топчана, она легко просовывается между трубой и стеной. Теперь к ней нужно ниткой прицепить записочку.

Моя «почта» уже у Раисы. Жду ее ответа, но Раисе удастся это сделать перед самым отбоем. Надзиратель уже произнес перед волчком команду «Спать!». Остается десять минут до того, как потушат свет. За это время я должна открутить нитку, которой привязана записка, и прочесть ее. Я очень тороплюсь, делаю все это недостаточно осторожно. Только недавно возвратившаяся «наседка» снова стучит в дверь: у нее снова «болит живот». Ее выпускают, и я успеваю прочесть записку до того, как тушат свет. Мелко рву ее и выбрасываю в парашу. Через несколько минут, до возвращения наседки, зажигается свет, и в камеру вбегает в сопровождении надзирателя Браудэ. Она тут же поднимает крышку параша и заглядывает в нее.

— Да здесь что-то уничтожили, — говорит она, и начинается обыск. Не везет Браудэ со мной — ничего не находят.

Терпению нашему наступает предел. Мы решаемся избавиться от наседки. Пока мы не чувствовали, так сказать, конкретных результатов ее работы, мы могли ее терпеть, сейчас же она стала для нас совершенно непереносима. На завтра мы решаем избавиться от нее и для этого жертвуем ножик. Достаем его и прячем так, чтобы наседка видела, у нее снова «болит живот». Ее снова выпускают, а вслед за ее возвращением появляются надзиратели и начинают обыск. Один из надзирателей сразу направляется к тому месту, где спрятан ножик.

Факт, как говорил мой трехлетний приятель, «на морде» (интерпретировал услышанную от взрослых фразу «Факт налицо!»). После ухода надзирателей мы стучим в дверь. Появляется дежурный надзиратель. Мы решительно говорим:

— Сейчас же уберите эту женщину! — и показываем на наездку. Он исчезает, быстро появляется снова и велит этой женщине собираться.

Мы, все четверо, вздыхаем полной грудью.

Может возникнуть вопрос, почему мы не сделали этого раньше? Уж очень жалкий вид был у нее. Одутловатое желтое лицо усугубляло это впечатление. Мы даже жалели ее и все получаемые передачи делили на пять частей. Она при нас подкармливалась. Кто ее знает, за что она была арестована, какую вину она надеялась искупить своими доносами. Чувство безразличности у нас смешивалось с жалостью к ней. Ведь мы трое, Наташа Бауэр, Шура Шесневская и я, были еще молоды и нам трудно было проявлять жестокость. Ольга Елисеевна, хоть и была старше нас, но по своему характеру была очень мягким человеком. С другой стороны, мы боялись, что женщину переведут в другую камеру, и там товарищи не сразу разберутся в ней. Правда, оснований для такой боязни было мало: уж очень была она неподходящим человеком для этой роли в нашей среде.

Правда, бывали и более сложные случаи. Однажды к нам в камеру привели немолодую интеллигентную женщину-врача. Петровская (спустя почти 55 лет я могу назвать ее фамилию) была арестована уже давно. Сидела в Бутырках. Работала там в санчасти. Общалась с социалистами, которые сидели в двух корпусах — ЖОКе (женский одиночный корпус) и МОКе (мужской одиночный корпус). Старостой ЖОКа была Евгения Михайловна Ратнер, старостой МОКа — Абрам Рафаилович Гоц. Камеры ЖОКа и МОКа были тогда открыты, общение между корпусами было свободное, тем более, что доктор Петровская по своему положению имела доступ в оба корпуса, часто бывала там, всех знала, кое-кого лечила (Тимофеева, который страдал жуткими мигренями, Сергея Морозова, который перенес тяжелое заболевание — дифтерию носа — с тяжелыми осложнениями). Я с интересом слушала ее рассказы о них, о моих друзьях — Циле и Шуре. Они были самыми молодыми в обоих корпусах, но вскоре к ним подошло пополнение — из числа молодых эсдеков, самым молодым оказался племянник Ю.О. Мартова Андрияша Кранихфельд*: ему было не более 18 лет, и в выпущенной в МОКе стенгазете о нем появился шуточный шарж с подзаголовком: «Мои расхождения с Гильфердингом».

* Андрей Сергеевич Кранихфельд (род. в 1902) сидел не в МОКе, а в 12-м коридоре Бутырской тюрьмы вместе с другими меньшевиками, арестованными в феврале 1921 г. — Б.С.

Петровская была арестована по делу Локкарта. Через близкого ей англичанина она вовлекла в заговор Локкарта своего единственного сына, которому угрожала смертная казнь. Обещали ли ей смягчить участь ее сына, или ее собственную участь, но когда ВЧК предложила ей стать осведомителем (сексотом), она согласилась. Но вскоре сама рассказала об этом нашим старостам в Бутырках.

Не получая в Бутырках от нее никакой информации, ВЧК перевела ее во внутреннюю тюрьму, рассчитывая, что она как человек интеллигентный, общавшийся в Бутырках с социалистами, может импонировать социалистам и вызвать расположение тех, к кому ее подсадят. Мы тогда об этом, конечно, ничего не знали. Узнали значительно позже, после первого освобождения. Петровская, узнав, кто такие ее соседи по камере, сама предупредила нас:

— Вы все люди свои, я — человек посторонний, и потому прошу при мне о ваших делах ничего не говорить.

Мы и сами не собирались это делать, но предупреждение доктора Петровской учли.

Через несколько дней Раиса сообщила, что ее вызывают с вещами. Освобождают ли ее или только переводят в другое место, мы не знали, но были уверены, что освобождают. О том, что Степан Кузьмич Тарабукин голодал двадцать девять дней, требуя освобождения жены, мы узнали позднее. Это была самая продолжительная голодовка, перенесенная арестованным социалистом в то время. Правда, история царской каторги знала и более длительные голодовки: в Орловском центральном, протестуя против каторжного режима, Моисей Фельдман голодал сорок дней, но ведь это было в царское время, в царской каторжной тюрьме.

Действительно, через несколько дней я получила передачу со своими личными вещами: никаких сомнений, Раиса на свободе.

Сидели мы вчетвером очень дружно. Наташа Бауэр, дочь земского врача, рано потеряла родителей. Она и ее младшая сестра воспитывались в сиротском Екатерининском институте. Наташа, очень серьезная, способная девушка, была хорошей музыканткой, прекрасно знала языки. Свой институт она закончила с отличием, до революции. Обычно институткам путь был либо в гувернантки, либо — замуж. Наташу не привлекало ни то ни другое. Она поступила на работу, много читала, занималась самообразованием. Я с ней познакомилась в то время, когда она работала в Центросоюзе, в отделе, которым заведовал Александр Васильевич Либеров. Наташа подружилась с ним и его женой Дорой Григорьевной Либеровой и стала помогать социалистам-

революционерам. Судьба ее сложилась трагично: она стала одной из первых жертв ВЧК, ее убили на Соловках, в 1923 году, «случайно»*.

Александра Ипполитовна Щесневская и ее старшая сестра Оксана были связаны с революционным движением еще до 17-го года. Как сейчас помню ее, в пенсне на тонком маленьком носу, прищур ее глаз, светловолосую, остроумную, находчивую, с изумительной памятью, энциклопедически образованную. Когда, как и я, после вторичного моего ареста, Шура попала на Соловки, то оказалась единственным человеком, который ответил на все двести вопросов «викторины», составленной товарищами. В эту «викторину» входили вопросы из всех областей человеческого знания. А на Соловках в то время находилось немало образованных людей.

Ольга Елисеевна занимала нас, рассказывая содержание художественных произведений, прочитанных ею, при этом она не только передавала содержание того или иного романа или повести, но перед нами вставали герои, обстановка, природа, эпоха произведения. У Ольги Елисеевны был очень приятный голос, и слушать ее было огромным наслаждением. Впоследствии, когда я сама читала рассказанные ею произведения, то каждая страница их казалась мне читаемой повторно.

Нам разрешили иметь нитки и иголки. Наташа научила нас плести кружева на пальцах, одно из них носило довольно легкомысленное название «фриволите» («frivolité»).

За этой работой, которую мы окрестили словом «фриволитничать», и происходили наши разговоры. Дочки принесли Ольге Елисеевне «Жан Кристофа» Ромена Роллана, который стал тогда выходить на русском языке отдельными частями. На всю жизнь связало меня это чтение «Жан Кристофа» с Роменом Ролланом. И в тюрьме и на воле я много раз перечитывала его произведения и всегда находила нечто новое, что помогало мне жить. Много лет спустя я прочла в какой-то критической статье (кажется, иностранной), что Ромен Роллан является апостолом скорби, и никак не могла понять того, как автор этой статьи не увидел, не понял, что Роллан всем своим мироощущением помогает человеку преодолеть скорбь, помогает жить. Мой муж еще в молодости подтрунивал надо мной, над моим увлечением Роменом Рол-

* Неслучайно. Н.Бауэр вместе с еще пятью социалистами-революционерами была застрелена в Савватиевском скиту Соловецкого концлагеря 19 декабря 1923 г. (см.: «Социалистический Вестник», №23, 1926, с.12; *МИНУВШЕЕ*. Исторический альманах. Париж, 1986, т.2, с.61-63).

ланом и, заставляя меня за очередным чтением в N-й раз, перефразируя французскую поговорку «Voir Naples et revivre», говорил: «Relire Romain Rolland et revivre».

Иногда к нам в камеру попадала какая-нибудь вновь арестованная сразу после ареста, и мы узнавали кое-что о воле. Так, однажды к нам попала шестнадцатилетняя девочка. Она жила у своей тетки, содержательницы нелегального ресторана, и рассказывала, что вместе с ней и теткой было арестовано несколько посетителей ресторана из среды писателей и артистов. Она могла назвать только одного: Сергея Есенина.

Боже мой, вот где мы оказались под одной крышей! Я не спала долго, вспоминая знакомство с Сергеем, нашу дружбу с ним и Зинаидой Райх, ставшей его женой, первую встречу с ним у издателей «Северного вестника», где он пел частушки Герману Александровичу Лопатину. Я долго повторяла слова одной из частушек, которые очень понравились Г.А.: «Я любил ее всею душой, а она меня половиною...» Всю дорогу обратно Герман Александрович повторял эту частушку. Я вспомнила наши прогулки по весенне-летнему Петрограду, наши встречи в Обществе распространения литературы с.-ров, когда он приходил и молча усаживался читать Шапова о раскольничьем движении, последнюю нашу встречу в зале Политехнического музея на вечере современной поэзии, куда мы с Цилей не могли попасть и собирались уже уходить, когда меня окликнул Сергей, а затем провел нас прямо на сцену, где председательствовал Брюсов... Уже много лет спустя вспомнила и рассказ Зинаиды о том, как ее вызвал секретарь райкома комсомола и обвинял в том, что она воспитала своих детей (Таню и Костю) в культе памяти их отца, вот Костя-де создал кружок в школе по изучению Есенина. «Ну и что же в этом плохого?» — спросила Зинаида молодого совбюрократа при галстучке, который только-только начинал входить в моду. «Вы что же, считаете Есенина вторым Пушкиным?» — спросил укоризненно молодой деятель. «Нет, — ответила Зинаида, — я считаю его Есениным».

...Наше сидение в камере было нарушено однажды приходом следователя ВЧК Кожевникова.

Мы уже знали от товарищей, возможно, даже от Ольги Елисеевны, что Кожевников держит себя изысканно вежливо, но что ни одному его слову верить нельзя: он ужасный враль, врет даже тогда, когда это не вызывается никакими обстоятельствами. Вот и на этот раз он объявил нам, что завтра-де всех социалистических революционеров переводят в Бутырскую тюрьму. Кто-то ему воз-

разил, что, если он говорит о переводе, то будет что угодно, только не Бутырки, а если и переведут, то не всех вместе. На это он сделал широкий жест в мою сторону и сказал:

— Всех, всех — и членов Центрального Комитета и секретарей.

При последнем слове он указал на меня.

Мы твердо были уверены, что в Бутырки нас не переведут. Но каким образом я попала в *секретари* ЦК? Поострились, посмеялись над присвоенным мне званием и отнесли это за счет чрезмерной любезности Кожевникова. Никому из нас в голову не могло прийти, что это высокое звание было мне присвоено начальством более высокого ранга, нежели Кожевников. В 1949 году, когда по окончании *следствия* мне дали ознакомиться с моим *делом*, то я с изумлением увидела, что оно открывалось заключением оперуполномоченного имя рек, а в одном из пунктов обвинения указывалось, что в 20-м году (мне тогда было 19 лет) я-де была секретарем Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. До 1949 года я лично представления об этом не имела.

Конечно, случилось все так, как мы и предполагали. В Бутырки нас не перевели, вызвали также не всех вместе. На следующий день, сложив вещи, в ожидании, что начнут выводить товарищей, мы то и дело подходили к окну, выглядывая во двор. Во второй половине дня во двор въехала грузовая машина, и мы увидели, как в ее кузов погрузили членов Центрального Комитета — Флориана Флориановича Федоровича и Льва Яковлевича Герштейна. И вот именно в этот момент вызвали меня с вещами. Следом за мной привели Маргариту Робертовну, жену Льва Яковлевича. Одному только Флориану Флориановичу сказали, что его повезут в Сибирь, где будет создан процесс. Но когда привели меня, Лев Яковлевич усумнился в этом: «Если в Сибирь, причем здесь Мина?» — сказал он. Действительно: причем? Федорович был председателем Политического центра, Лев Яковлевич — членом ЦК. А причем я?

Нас привезли на вокзал. Против вокзального здания, на первом пути стоял вагон третьего класса. Привели к нам в вагон и группу сибиряков-алтайцев — человек пять или шесть. Я никого из них не знала, знала только, что они были привезены в Москву из Сибири еще в 1920 году и сидели в Бутырках. Привезли и Степана Кузьмича Тарабукина. После голодовки он оставался в санчасти в Кисельном переулке, и Раисе Яковлевне разрешили ежедневно бывать у него. Была она у него и в тот момент, когда его забрали с вещами. Он надеялся, что Раиса Яковлевна, увидев, в

какую сторону его повезут, догадается прийти на вокзал. Так оно и случилось. Вскоре она подошла к окну нашего вагона. Конвоиры не мешали, и мы могли разговаривать до отхода поезда.

Ни денег, ни продуктов, кроме казенного пайка, которым нас снабдили, у нас не было. Поезд шел очень медленно, подолгу стоял на всех остановках. За пределами близлежащих к Москве губерний окрестное население выносило для продажи и обмена всевозможные продукты. С прибытием поезда начинался бойкий товарообмен. К счастью, у наших сибиряков оказалось много вещей: при отправке в Москву семьи экипировали их капитально, тем более, что в числе арестованных алтайцев были работавшие в кооперации. У них были простыни, полотенца, белье. При том мануфактурном голоде, который царил в деревнях и пристанционных поселках, все это представляло величайшую ценность. Все было пущено в оборот. Алтайца Кузьму Горохова мы выбрали завхозом. Захватив с собой кое-какие вещи, вместе с конвоиром, он выходил на больших станциях и возвращался, нагруженный продуктами. У нас появился вкусный хлеб крестьянской выпечки, масло, яйца, лук, а иногда приносились и жареные куры или рыба.

Горохов старался каждый раз внести известное разнообразие не только в наше меню, но и в его оформление. Надо отдать ему должное, он был очень изобретателен. За время нашей дороги мы основательно подкормились.

В Омске наш вагон отцепили от состава, и мы простояли там несколько дней. Центральные сибирские учреждения переезжали в Новосибирск, и им было не до нас, либо они без Москвы не могли решить, что же с нами делать. В результате нас все же привезли в Новосибирск. С вокзала мы попали в городскую тюрьму — старое неопрятное здание. Меня с Маргаритой Робертовной поместили в одну камеру, всех наших мужчин — в другую.

Окна наших камер выходили на базарную площадь. Камера наша была очень просторной, нас было только двое, окно было открыто и воздуху было предостаточно. Хуже пришлось мужчинам: камера их была не намного больше нашей, а их было больше, чем она могла вместить.

Нам полагалось 200 граммов плохо выпеченного хлеба на день, но получали мы, по существу, меньше: раздачей хлеба ведали уголовные заключенные. Два раза в день полагался кипяток, а нам приносили чуть-чуть теплую водичку. Хлеб давали утром, и Маргарита Робертовна предложила делить каждый наш паек на три части. Первые дни я выдерживала этот порядок — сказывалось питание в дороге, и голод не очень давал себя знать. Но

с каждым днем становилось все труднее превозмогать голод, зная, что у тебя в резерве есть тонкий ломтик хлеба. После съеденного ломтика казалось, что есть хочется еще больше. Я разделила очередную пайку на две части — на завтрак и обед. Вечером Маргарита Робертовна заявила, что она не будет есть свой ломтик, если я не возьму у нее половину. Это заставило меня придерживаться установленного порядка и делить свой паек тоже на три части, но давалось это нелегко.

Вскоре привезли из Нарыма Сергея Кудрявцева. Его старый друг по царской каторге — Иван Никитич Смирнов — перед своим отъездом в Москву решил, что Нарым, где Сергей отбывал ссылку при царе, будет для него безопаснее, и посоветовал Кудрявцеву переехать на работу туда. С женой, которая вскоре должна была родить, и тещей он уехал к новому-старому месту жительства. Увы, хлопоты Смирнова не помогли. Беременная жена и теща Сергея остались в Нарыме, а он оказался у нас.

Флориан Флорианович был нашим старостой и неоднократно вызывал начальника тюрьмы и требовал, чтобы к нам явился кто-либо из высшего начальства, и каждый раз слышал один и тот же ответ: Сибчека переезжает, никаких распоряжений в отношении нас не поступало.

У сибиряков имелись кое-какие книги. В мои руки попали «Экономические кризисы» Туган-Барановского и «Курс политической экономии» Железнова. Я попыталась начать с Тугана, но он показался мне трудным, и я решила, что у меня для Туган-Барановского не хватает соответствующей подготовки. Но не легче оказалось и с Железновым: никак мне не удавалось сосредоточиться. По нескольку раз я читала одну и ту же страницу, чтобы вникнуть в ее содержание, но стоило мне ее перелистнуть, как я начисто забывала, о чем идет речь.

Причина моего тугодумия вскоре прояснилась. Как-то в камеру зашел врач. Я лежала на койке, и он увидел мои босые ноги. Взглянув на них, он сказал:

— Первые признаки цинги.

Сказалось пребывание во внутренней тюрьме, голодовка и двухсотграммовая пайка плохо пропеченного хлеба.

Я умоляла Маргариту Робертовну не рассказывать ничего мужчинам. Я боялась, что, узнав о моем заболевании, они начнут из своих крох выделять мне дополнительное питание и настаивать, чтобы я его съедала. А ведь им было куда хуже, чем нам. Большинство из них страдало из-за отсутствия табака, которого не давали, а покупать было не на что. И вдруг случилось чудо.

Один из алтайцев в окно увидел свою жену. Та приехала в Новосибирск, чтобы что-нибудь узнать о своем муже, увезенном в Москву (не то из Бийска, не то из Барнаула), совершенно не ведая о том, что он может находиться в Новосибирске. Она услышала, как он ее громко окликнул, тут же побежала сообщить остававшимся на воле товарищам о том, что мы привезены из Москвы, собрать для нас продукты и тут же вернуться.

Мы все стояли у окна и ждали ее возвращения. Часа через два появилась подвода с корзинами, узлами, за нею шла жена нашего алтайца; ее сопровождали еще некоторые товарищи. Привезенные продукты представляли тогда изобилие не только для нашей тюрьмы, но и для обычной жизни в Москве. Каждый день нам стали доставлять горячий обед: щи, борщи, тушеное мясо с картофелем, рассыпчатую гречневую кашу с хрустящими шкварками. А иногда и пельмени — в невероятном количестве.

Да, в Новосибирске еще были эсеры, остававшиеся на воле, было много людей, связанных с ними. Все они приняли горячее участие в нашей судьбе. То и дело проходил мимо наших окон кто-нибудь, чтобы перекинуться с нами последними новостями. Утром приносили горячие сибирские шаньги или ватрушки. Мы стали быстро набирать силы.

Я никогда не вела дневника, и поэтому ориентиром для восстановления тех или иных дат мне служит арест того или иного человека. На этот раз я помню, что события, о которых речь пойдет ниже, произошли после того, как мы узнали о расстреле Гумилева — известие это нас просто потрясло. Мы знали, что он был вне всяких политических группировок. А ведь расстрел произошел не где-нибудь, а в Петрограде, не в провинции, где в те годы бывали иногда «трагические случайности», вроде убийства Самуила Файнберга, 10 лет отсидевшего в Александровском центральном, человека чистейшей души, без суда и следствия расстрелянного где-то около Верхнеудинска, когда он ехал в Читу. Его гибель органы ВЧК объяснили «трагической случайностью».

Таким образом, то, что произошло вскоре, могло случиться не раньше сентября 1921 года.

К нам в камеру пришел начальник тюрьмы и сказал, что меня и Маргариту Робертовну освобождают, из Сибчека за нами прислали человека, который нас туда отведет и там оформят наше освобождение.

Мы быстренько уложили свой несложный багаж. Для нас открыли камеру мужчин, чтобы мы могли с ними попрощаться.

Стояла прекрасная солнечная погода. Мы шли медленно, нам было странно, что мы можем идти вот так просто по улице, по-

добно всем остальным людям; все встречные казались нам необыкновенно приветливыми, и мне хотелось поделиться с ними нашей радостью, сказав:

— Знаете, нас только что освободили из тюрьмы.

Впоследствии меня не раз освобождали, но я никогда больше не переживала такого чувства, как в то первое мое освобождение.

В Сибчека нас принял заместитель начальника (Павлуновского) Ошмарин. Перед ним лежала канцелярская книга. На первой странице он написал сверху мою фамилию, имя, отчество, на второй — имя, отчество и фамилию Маргариты Робертовны.

— Вы свободны, — сказал он. — Вот, распишитесь. Будете приходить отмечаться вот в этой книге.

Речь шла о явке в Сибчека не то один раз, не то два раза в неделю. Я тут же запротестовала, заявив, что одно противоречит другому: если человек свободен, о какой явке может идти речь. Если человек свободен, почему он должен приходить в Чека для отметки, что является своего рода наказанием, а приговора нам никакого не объявили, и я отказалась расписаться. Маргарита Робертовна меня поддержала.

Ошмарин куда-то убежал, вскоре вернулся и стал нас убеждать, но мы стояли на своем. Он снова убежал и, вернувшись, сказал, чтобы мы подождали на бульваре, пока он выяснит. Мы пошли на бульвар и уехали на скамейке. Просидели там довольно долго. Наконец пришел тот самый человек, который привел нас из тюрьмы в Сибчека, и сказал, что Павлуновский распорядился, чтобы мы пошли снова в тюрьму.

Наши мужчины были страшно удивлены, увидев в окно нас возвращающимися в сопровождении того же человека. Наша камера была уже занята и, пока ее освобождали, мы стояли у форточки мужской камеры. Некоторые из товарищей считали, что отказываться от регистрации не следовало, что, если нас снова вызовут, надо согласиться на регистрацию.

— Дело сделано, — возразила я. — Раз отказавшись от регистрации, я не смогу теперь изменить свое решение. Пусть освобождение будет оформлено иначе.

Через несколько дней нас вызвали снова. У Ошмарина на этот раз были отпечатаны бланки с обязательством о невыезде из Новосибирска. О регистрации речи не было, и мы обе подписали обязательство не выезжать.

На улице нас уже ждали знакомые: одному из проходивших мимо тюрьмы наши мужчины сообщили, что нас вызвали для освобождения в Сибчека. Мой старый знакомый Файтель Абрамович Вольфович (Адольф) предложил временно поселиться в той

же квартире, где жил он. Там уже, кроме него, жили Кожухов и приехавшая ненадолго из Иркутска Любовь Израилевна Брудерер, в просторечии — Любочка, муж которой, член Учредительного Собрания Александр Брудерер был расстрелян колчаковской контрразведкой.

С переездом Сибревкома в Новосибирск весь город был разделен на участки, прикрепленные к отдельным учреждениям, которые расселяли своих сотрудников, не имевших жилой площади, в пределах прикрепленного участка. Я хотела поступить в Сибцентросоюз, председателем которого был Евель Моисеевич Темкин. С его женой и сестрой жены был хорошо знаком Адольф. Так как вопрос с получением комнаты в Сибцентросоюзе затягивался — мне предложили комнату довольно далеко от центра, что меня не устраивало. Я хотела быть поближе к тюрьме, с одной стороны, и к товарищам, помогавшим в снабжении арестованных, с другой.

Как-то Адольф привел меня к Темкиным. Вся семья хорошо знала еще по Екатеринбург (ныне Свердловску) Степана Кузьмича и Раису Яковлевну, это как-то нас сблизило, и я стала бывать у них ежедневно. Дружба же с женой Темкина Саррой Иосифовной и ее сестрой Ревеккой Иосифовной сохранилась на всю жизнь. Сейчас ни той ни другой уже нет в живых.

Любочка Брудерер встречалась со знакомым ей по Самаре Иваном Михайловичем Майским. Я знала его немного по Петрограду (мы вместе встречали Новый, 1918 год, и он был единственным эсдеком среди эсеров). После монгольской экспедиции, которую он возглавлял в то время, в Новосибирске появилось его письмо о вступлении в коммунистическую партию. Он был председателем Сибгосплана и, узнав о моем освобождении из рассказа Любочки, предложил ей прийти к нему вместе со мной. При Сибгосплане была в ту пору создана Комиссия использования, тоже под его председательством. Майский предложил мне должность секретаря этой комиссии, с тем, что я тут же получаю комнату. Я согласилась.

Через несколько дней я переехала в свое новое жилье — свежевыбеленную комнату в два окна в небольшом деревянном домике. Кровать, стол, табуретки, полки на стенах — все было из некрашенного, только что выструганного дерева. Вся комната была пропитана запахом свежей сосны.

Хозяева домика, в котором я поселилась, были старообрядцами. Хозяин сапожничал, но работы у него было мало; хозяйка, приветливая, довольно полная, утром напекала вафли, укладывала их на большой лоток, который она привязывала через

плечо полотенцем, и, держа его на своей груди, отправлялась на базар. Ее изделия пользовались успехом. Были в семье и дети, но их никогда не было слышно.

В доме всегда царила торжественная тишина. Никогда никто из хозяев не говорил громко, во взаимоотношениях всех членов семьи чувствовалось уважение друг к другу. Все это мне нравилось, и чувствовала я себя там прекрасно.

Хозяйка меня научила пользоваться русской печью, готовить в ней обед и печь пироги. Замешивая тесто, я обычно что-нибудь напевала про себя, но хозяйка укоряла меня:

— Да разве можно тесто с песней ставить?! С молитвой нужно.

Вынимая из печки высокие, пышные, румяные плюшки, я показывала их ей — вот-де, мол, какие у меня с песней получились, но она лишь укоризненно качала головой.

Работы по службе у меня было немного. Комиссия использования собиралась раз в неделю. В ее заседаниях участвовали председатели сибирских учреждений: Сибпродкома, Сибсовнархоза и др. Комиссия занималась распределением дефицитных материалов — от гвоздей до электрических лампочек. Запротоколировав решения Комиссии, я затем доводила решения до тех организаций, которых они касались.

Все свое свободное время я посвящала передачам в тюрьму, а это было совсем не просто. Свободной продажи продуктов не было. Каждое ведомство занималось снабжением своих работников. Товарищи помогли мне наладить через пекарню Центросоюза выпечку хлеба из муки, которую я добывала. Муку и все остальные продукты обычно выделяли из своих пайков близкие нам люди — отрывая от своих семей из того, что им выдавали по работе. Но так как снабжение в Новосибирске было значительно лучше, чем в Москве, работники сибирских учреждений довольно легко делились своей натурплатой за ту работу, которую они выполняли.

Для своих поездок по городу я пользовалась выездом Госплана. Кучер был в курсе моих дел, с его помощью я собирала передачи, затем отвозила их в тюрьму. Лица, принимавшие участие в заседаниях Комиссии использования, знали о том, что я занимаюсь передачами в тюрьму. Так, например, на одном из заседаний я получила записку от Сибпродкома Калмановича: «Могу Вашим опекаемым выделить несколько полушубков и валенок». Однородную записку я получила от ведавшего Сибсовнархозом Козлова — о сапогах. Видимо, совесть еще не совсем умерла в людях этого поколения. Вспомнили ли они о своих дарах, попав в беду 1936-

1937 годов, когда многие из них разделили судьбу моих бывших опекаемых?

Зима приближалась, тюрьма была к ней плохо подготовлена. Естественно, что я не отказалась от предложенных мне даров. Но об этом я еще расскажу.

Вскоре после моего освобождения в Новосибирск приехала Екатерина Павловна Пешкова. В качестве представительницы Польского Красного Креста она должна была выяснить судьбу поляков, уроженцев территории, входящей в Польскую республику, находившихся в Сибири — кто по собственной воле, а кто поневоле и в тюрьме. Узнав, что я нахожусь в Новосибирске, Екатерина Павловна прислала меня приехать к ней на вокзал, где она жила в предоставленном ей для этой поездки вагоне.

По дороге на вокзал я подошла к тюрьме, чтобы сказать товарищам о приезде Пешковой. И вдруг узнаю, что утром забрали с вещами Федоровича. Начальник тюрьмы им по этому поводу никаких объяснений дать не мог. Но им удалось выяснить, что одновременно с Федоровичем увезено еще несколько человек. Сопоставив приезд, вернее цель приезда, Екатерины Павловны и родословную Федоровича, они поняли, в чем дело. Дело было в том, что по своему происхождению Флориан Флорианович Федорович был поляком, да к тому же еще не простым: он происходил из рода Гедеминовичей и был князем. К полякам, которых Екатерина Павловна разыскивала, Федорович, конечно, никакого отношения не имел. Но тот, кому поручено было увезти поляков из тюрьмы, чтобы спрятать их от Екатерины Павловны, увидев в формуляре Федоровича, что по национальности он поляк, присоединил его к остальным полякам. Нас это обстоятельство очень обеспокоило. Я сразу поехала к Екатерине Павловне и рассказала ей обо всем, что произошло с Федоровичем.

Было уже поздно, Екатерина Павловна хотела быть на следующий день в Сибчека, чтобы выяснить причину увоза Федоровича. Я же ждать не могла и не хотела, и сразу поехала в Сибчека. Ошмарин меня стал уверять, что в Сибчека ничего об увозе Федоровича не знают, что произошло какое-то недоразумение. Создавалось впечатление, что, действительно, Ошмарин говорит правду, что увоз Федоровича из тюрьмы для них полная неожиданность, что сработала чья-то самодеятельность. Ошмарин заверил меня, что Сибчека немедленно примет меры к возвращению Федоровича в тюрьму. Тревога, однако, меня не покидала. Ведь в случае с Самуилом Файнбергом тоже сработала чья-то «самодеятельность». Вывел меня из моего состояния тот же кучер Госплана, что помогал мне с передачами.

— Что вы кручинитесь, Мина Львовна? — спросил он, когда, выйдя из Сибчека, я уселась в коляску и не сразу назвала место, куда мы поедem.

Не оставалось ничего другого, как рассказать моему помощнику, в чем кручина моя заключается.

Он минуточку призадумался, потом сказал:

— За городом есть лагерь, где тоже содержатся заключенные. Не съездить ли туда? Может, туда заховали вашего Флорианыча...

— Ну что же, поехали...

О существовании лагеря я понятия не имела. Как оказалось, этот лагерь представлял собой небольшую территорию в степи, обнесенную в один ряд колючей проволокой, за которой находилось несколько деревянных домиков. В этом лагере обитали в основном крестьяне из Тамбовской губернии, привезенные оттуда после подавления Антоновского восстания. Это были трудолюбивые люди, и Сибирские учреждения охотно брали их к себе на работу, поэтому они жили вне лагеря. В лагере же оставалось всего несколько человек.

Еще подъезжая к лагерю, издали я увидела высокую, колоритную фигуру Флорианыча, его развевающихся седые волосы. Он тоже сразу меня увидел и очень обрадовался моему приезду. Я ему объяснила дело. Он же совсем не торопился отправиться снова в тюрьму, был доволен, что может побыть на свежем воздухе.

Флорианыч уже знал всех, остававшихся в лагере. Со свойственным ему обаянием, умением по-своему, как-то очень сердечно и просто разговаривать, он сразу вызвал у обитателей лагеря симпатию к себе. Уже с продуктами и книгами я приехала в этот лагерь вторично, в этот же день. Вскоре Флорианыча действительно перевели обратно в тюрьму.

Пока Екатерина Павловна оставалась в Новосибирске, я ежедневно ездила к ней на вокзал. Она мне рассказывала о событиях в Бутырках, о том, что всех социалистов еще в конце апреля развезли по старым каторжным тюрьмам, что Циля и Шура попали в Орловский каторжный централ, а уж затем их увезли в Ярославль. Все эти тюрьмы стали тогда называться «политизоляторами».

Напротив здания Сибчека деревянный дом перестроили во внутреннюю тюрьму, куда и перевели всех наших мужчин из тюрьмы. Условия их содержания улучшились: им стали давать кое-какую еду, раз в неделю разрешили свидания, передачи можно было делать в любой день, разрешения на свидание не требовались, и всегда приходило много народу.

Из Омска привезли еще одну группу: увезенных ранее из Новосибирска кооператоров социалистов-революционеров. Помню, что среди них были Савченко и Омельков, фамилии остальных не помню. Их тоже поместили во внутренней тюрьме.

Комендант вновь созданной внутренней тюрьмы имел фамилию, которая весьма мало сочеталась с объектом его управления. Может быть, поэтому я ее и запомнила: Зорька.

Зорька разыгрывал из себя либерала. Допуская некоторые вольности, он всегда подчеркивал, что допускает их без ведома начальства. Мы же не сомневались, что все делается с ведома Павлуновского.

Большевики, занимавшие в Новосибирске высокие посты, испытывали чувство известной неловкости от того, что в тюрьмах их района сидят арестованные социалисты. Майский мне рассказывал, что Емельян Ярославский, в ту пору секретарь Сиббюро ЦК РКП(б), несколько раз признавался, что ему-де очень неприятно, что в Новосибирск привезли Флориана Флориановича Федоровича.

— Понятно, — возразила я. — Ведь если бы Федорович сидел в другой тюрьме, не в Новосибирске, Ярославскому можно было бы делать вид, что он об этом не знает.

И когда Майский передал мне приглашение Ярославского прийти к нему как-нибудь «к чаю» — видимо, он хотел со мной поговорить о Федоровиче, — я от этого приглашения решительно отказалась, заявив:

— С меня хватит уже общения с Луначарским.

В Новосибирск приезжали тогда иностранные рабочие, участники революционного движения в Венгрии, в Германии. Их устройством и снабжением ведал Иван Михайлович. Из той муки, которую выделили для снабжения эмигрантов, Майский распорядился выдать мне довольно значительное количество, что было весьма кстати. С наступлением зимы доставать продукты становилось все труднее.

Мука использовалась мною, как обменный фонд. Получив из Центросоюза материал на несколько пар брюк и гимнастеров, я могла рассчитаться с портными мукой. Могла обменивать муку на другие продукты.

Степан Кузьмич Тарабукин чувствовал себя крайне плохо, и его состояние очень беспокоило его друзей: сказывалась длительная голодовка. Майский узнал об этом и сказал, что постарается что-либо предпринять. Как-то он попросил принести к нему в комнату пишущую машинку и стал на ней что-то печатать. Вынув из машинки напечатанную бумажку, он расписался на ней

и протянул мне. Это было ходатайство об освобождении Тарабукина по состоянию здоровья под поручительство Майского и Темкина.

Темкин тоже отлично знал о состоянии Тарабукина, у меня с ним были самые добрые отношения, но сам он инициативы в этом вопросе не проявил. Я сказала Майскому, что мне не хочется просить его о подписи.

— Да я вам этого и не предлагаю, — сказал Иван Михайлович, положив это отношение к себе в портфель.

Вечером, когда я была у Темкиных, туда приехал Майский и показал мне ходатайство, уже с подписью Темкина. Сам же Майский и повез это отношение в Сибчека и оттуда позвонил Темкину, чтобы он прислал лошадь за Тарабукиным.

Все вечера я проводила у Темкиных. Дом Сарры Иосифовны и ее сестры Рики стал как бы моим вторым домом, но я очень любила, когда собирались у меня. Обычно приходили Темкины, Рика, Надежда Михайловна Дерковская, Адольф, Майский и Степан Кузьмич, живший у Темкиных.

Самовар обычно ставил Майский, ловко раздувая его при помощи снятого с ноги сапога. Чай пили с сибирскими шаньгами с молотой черемухой и творогом моей собственной стряпни. Всегда было очень оживленно и весело.

Из-за своих «приемов» я попала в крайне неловкое положение. Посуды у меня своей не было, хозяева разрешили мне пользоваться их посудой. Но однажды хозяйка увидела на подносе с посудой, которую я вынесла на кухню, чтобы помыть ее, окурки и очень спокойно сказала:

— Уж вы на нас не обижайтесь, а посуда теперь поганая, мы из нее пить не будем, возьмите ее себе.

Я растерялась. Я знала, что старообрядцы не курят — «чертово зелье»! Но мне и в голову не приходило, что они не будут после курильщиков пить даже из тщательно вымытого стакана. Все мои попытки убедить хозяйку, что я выкипачу посуду, сделаю с ней все, что только можно сделать, не помогали. Я бы охотно купила им новую посуду, но в те времена никакой посуды в продаже не было. А когда я предложила уплатить деньги или дать какие-нибудь продукты, хозяйка спокойно сказала:

— Вы это по своему неведению сделали... как же я с Вас что-нибудь возьму.

Итак, целый поднос посуды из-за моего неведения перешел в мою полную собственность.

Хозяйка старательно воспитывала во мне навыки к гостеприимству.

— Ай-яй-яй, как же вы такое делаете? — с укоризной воскликнула она как-то.

Я не в шутку перепугалась, что еще я натворила!

— Гостя-то, гостя, — продолжала она, — заставляете самовар ставить! Разве так можно? Гостю надо с почетом, да с принудой подносить. А у вас гость самовар ставит.

Оказывается, накануне она видела, как Иван Михайлович Майский своим сапогом раздувал огонь в самоваре. Я успокоилась. Это было менее неприятно, нежели случай с посудой, хотя о самоваре хозяйка не раз вспоминала, о посуде же никогда.

Выражение «с принудой» мне было знакомо. Летом 1920 года я ехала парходом по Селенге, со мной в каюте была женщина, которая возвращалась со свадьбы. Рассказывая, она пожаловалась: «Угощения было много, а принуды мало». Это значило, что гостей, уже насытившихся, мало принуждали к еде.

Как-то Майский познакомил меня с пришедшим к нему на работу старым большевиком Василием Федоровичем Анучиным. Имя это, связанное с подпольной работой против Колчака, было мне знакомо. После его ухода Иван Михайлович меня крайне удивил, рассказав о том, что Василий Федорович женится на Любочке Брудерер. Все, кто знал Любочку, радовались за нее. Я же была тогда далека от мысли, что моим мужем станет племянник Любочки, и тем самым она станет для меня тетей, а ее муж дядей Васей. Не могла ни я, ни кто-либо из окружающих предугадать трагическую судьбу этой семьи, которая буквально потрясла меня в свое время не только в плане общественном, но и в плане родственных взаимоотношений.

У Анучиных была дочь Ляля. Жили они в Москве, когда Василия Федоровича арестовали. Это произошло в 1936 году. Девочка была свидетельницей обыска, впервые видела она отца, всегда такого благожелательного, такого доброго, сейчас с каменным лицом наблюдавшего за тем, как бесцеремонно действовали агенты НКВД. Обожавшая родителей девочка была свидетельницей их молчаливого прощания. Отец крепко прижал ее к своей груди. Это было последнее ощущение близости, которое она испытала, стараясь не выдать перед чужими растерянности и волнения, потрясших ее. Отца увели. Девочка прижалась к матери, которая не в состоянии была произнести слово утешения. Молча стали они приводить в порядок комнату...

Через некоторое время Любочку выслали из Москвы в Уфу. Это было еще не самое страшное. Для Ляли оставили в их квартире одну комнату, в остальной квартире поселилась семья, с которой родственники Ляли договорились, что они будут опекать

девочку. Лялю родственники не взяли к себе, надеясь таким образом сохранить комнату на случай возвращения ее родителей. У всех потерявших таким образом близких еще теплилась надежда, что это недоразумение, что *там* разберутся и люди вернуться.

Ляля была очень привязана к родителям. То, что она оставалась в своей квартире, что это сделано в твердой надежде, что родители скоро вернуться, поддерживало в ней бодрость. Труднее всего было в школе...

Но время шло. От отца вообще не было никаких вестей, а тут вдруг прекратились письма от матери. Никому не сказав ни слова, девочка запросила ГПУ. Ей ответили, что ее мать арестована в Уфе. Отчаяние, безнадежность охватили Лялю.

Сняв в передней с вешалки охотничье ружье соседа, она застрелилась. В руке у нее были зажаты две записки: извещение ГПУ об аресте матери и вторая, написанная ею: «Не хочу мучиться, как мои папа и мама».

Мама вернулась только через двадцать лет. Встречаясь с ней, я всегда думала: сколько же сил отпущено человеку, если их хватило, чтобы перенести тюрьму, лагерь, трагическую потерю двух мужей, весть о гибели единственной дочери...

Но в 1921 году людей отделяло от всего этого целое пятнадцатилетие. И много и мало. И Павлуновский и иже с ним тоже не предполагали, что из возглавляемого ими эмбриона вырастет чудовище, что оно уничтожит не только дядю Васю, но и самих возглавителей. Пока же с ведома Павлуновского Зорька допускал в отношении моих товарищей все больше и больше вольностей и давал свидания в неположенное время, например, можно было прийти вечером и попросить вызвать кого-нибудь. Обычно это делали члены семей сибиряков, проживавших до ареста в Новосибирске, несколько раз этим воспользовалась и я для свидания с Федоровичем.

Однажды во время такого свидания, когда мы делились своими новостями, вошел Зорька и стал похвалиться: вот-де какие он создает хорошие условия для заключенных.

— Если бы они были по-настоящему хорошими, — пошутила я, — вы бы разрешили Флориану Флориановичу прийти хоть на один вечер к Темкиным и посидеть в домашней обстановке.

Как ни странно, Зорька сразу согласился, только сказал, что ему надо решить, в какой день он это сможет осуществить.

Больше я с Зорькой об этом при встречах не заговаривала, но однажды, встретив меня с передачей в тюрьме, он сам сказал, что в такой-то день, часов в восемь вечера он лично приведет Федоровича к Темкиным, а потом за ним пойдет.

Мы стали готовиться к этому дню, как к большому празднику. Нам хотелось доставить Флорианычу как можно больше радости, чтобы память о проведенном в домашней обстановке вечере сохранилась как можно дольше. Мы коллективно обсуждали меню ужина, убирали комнату, старались покрасивее накрыть стол...

Наконец наступил день, назначенный Зорькой. У нас все было уже готово. В комнате все выглядело очень празднично. Собралась вся семья Темкиных, Степан Кузьмич Тарабукин, Адольф, Майский, который еще не хотел совсем рвать со своим прошлым. Мы сидели за нарядно накрытым столом и гадали: обманет Зорька или нет. Гадать пришлось недолго: в дверях появилась высокая фигура Флорианыча, а за ним шел Зорька. Он объявил, что придет за Федоровичем часов в 6-7 утра.

Вечер удался на славу. Флорианыч был очень оживлен, острил, рассказывал. Забавно было услышать, видимо, как анекдот, о том, как председатель Временного правительства князь Львов не хотел утвердить бывшего ссыльно-поселенца Федоровича губернским комиссаром в Пензе и, только узнав, что этот «каторжанин» сам князь, да еще и Гедеминович, утвердил его кандидатуру. Я от себя рассказала, как княжеское достоинство Флорианыча использовала моя приятельница, жившая у своей тетки, когда ей надо было устроить в своей комнате заседание ЦК партии. Она попросила устроить обед, на котором будут присутствовать ее друзья, в том числе князь, бывший председатель Политического центра Федорович. Председательство Флорианыча тетку не тронуло, но на «князя» она клюнула. И в начале января или февраля 1921 года, после прекрасного обеда, в маленькой комнатке в Воротниковском переулке, в доме №9, кв.10, что против старого Пимена, состоялось последнее людное заседание ЦК, на котором, кроме Федоровича, присутствовали Лихач, Гендельман, Дм.Дм. Донской, М.А. Веденяпин, Е.С. Берг, Герштейн, Иваницкий-Василенко. Обсуждался вопрос об отношении к войне с Польшей, к Антоновскому восстанию на тамбовщине и другие вопросы.

Но вернемся в ярко освещенную комнату к нарядно сервированному столу в квартире Темкиных. Флориану Флориановичу явно доставляло удовольствие сидеть со всеми нами, а мы совершенно забыли о том, что ему надо возвращаться в тюрьму. Устав от хлопот по хозяйству, мы, женщины, оставили мужчин одних и пошли немного отдохнуть, чтобы уже под утро присоединиться к ним снова.

В 6-7 часов утра пришел Зорька и увел Флорианыча.

Отбывая в Оренбурге ссылку с 1926 года, мы часто вспоминали с находившимся там Ф.Ф. Федоровичем этот вечер. В 1928 году Флориан Флорианович заболел и умер. Умер, к счастью, не в тюрьме — благо, которое выпало на долю не многих членов ЦК партии социалистов-революционеров. Кроме Федоровича, уже после его смерти, в Оренбурге умер Лев Яковлевич Герштейн, куда он тоже был выслан. Вскоре мы услышали о смерти Михаила Александровича Лихача, который скончался в тюремной больнице от воспаления легких. Участь остальных была куда более трагична.

Майский в ту пору носился с мыслью устраивать нечто вроде «ассамблей» у Темкиных, на которых бы собирались люди литературы, искусства, беседовали бы, обменивались бы мнениями. Сам он жил бобылем в одной комнате и считал, что квартира Темкиных с налаженным бытом лучше всего подходит для этого.

Иван Михайлович вспоминал часто о таких же собраниях в Лондоне в пору эмиграции, где его бывшая жена Нина Петровна Высоцкая (член ЦК партии с.-р., избранная на III съезде) умела объединить людей разных политических взглядов и сделать такие собрания содержательными и интересными. Но все, что происходило в Лондоне, плохо прививалось в Новосибирске. То ли потому, что не было такой объединяющей всех фигуры, как Нина Петровна, то ли потому, что слишком обострились отношения между представителями различных партий. Все усилия Майского создать непринужденную обстановку на двух состоявшихся у Темкиных вечерах не удалось. Из краевых деятелей Новосибирска мне запомнился председатель СибВЦСПС Яглом, приходивший на эти вечера со своей женой и ее сестрой, исполнительницей еврейских песен. Как правило, вечер заканчивался чаепитием, а вскоре эти вечера вообще прекратились.

Зимой алтайцев увезли в Барнаул, и мы ничего не знали об их судьбе. В декабре в Барнауле намечалось экономическое совещание, которое должен был провести Майский. Для этой поездки он получил служебный вагон. Товарищи решили, что было бы хорошо воспользоваться этим случаем и поехать в Барнаул, чтобы узнать — зачем туда увезли алтайцев. Я сказала об этом Майскому. Он послал в Сибчека официальное отношение Сибгосплана с просьбой разрешить мне, как секретарю Комиссии исполнения, поехать с ним. Разрешение такое мне дали.

В Барнауле я встретила знакомых мне по Иркутску с.-р.'а Абрама Эпштейна и его жену Фраду и поселилась у них. Майский остался жить в вагоне и часто навещал нас. Воспользовавшись тем, что Абраша заведовал Губпродкомом, мы сделали в тюрьму

передачу. Один из алтайцев вышел ко мне и рассказал, что с тех пор, как их привезли, никто к ним не приходил и с ними не разговаривал, зачем их привезли в Барнаул, алтайцы не знали.

Через несколько дней мы возвратились в Новосибирск и узнали, что Федоровичу и Герштейну объявили о том, что их увозят в Москву. Маргарите Робертовне разрешили в качестве свободного человека ехать с ними. По иронии судьбы, а может быть, по законам истории, вместе с ними увезли и Тимиреву, жену Колчака.

Сопровождал цекистов и их спутников один Зорька — ехали они в почтовом вагоне.

В Москве Маргарите Робертовне сказали, что она арестована.

После отъезда Федоровича и его товарищей оставаться в Новосибирске мне было невозможно, но моя подписка о невыезде не давала мне возможности свободно передвигаться.

Майский все чаще заговаривал о своем желании уехать в Москву и перейти на работу в Наркоминдел. Собирались уехать в Москву и Темкины. Все разговоры по вечерам у Темкиных теперь вращались вокруг одного — отъезда в Москву.

Все знали о моем горячем желании попасть в Москву, узнать о судьбе товарищей, помочь им.

Майский предложил узнать у Ошмарина, как обстоит дело с моей подпиской. Как только Майский с ним заговорил об этом, Ошмарин якобы сразу согласился аннулировать мою подписку. И действительно, когда в конце января или в начале февраля я пришла в Сибчека, Ошмарин при мне разорвал эту подписку.

Через несколько дней Майский, его два секретаря — Кеша Шимелин и Анатолий Калинин — и я выехали в Москву. Только в вагоне Майский рассказал мне, как в действительности обстояло дело с аннулированием моей подписки.

Ошмарин сказал Майскому, что подписка о невыезде взята была от меня по распоряжению Москвы, что ее аннулирование от Сибчека не зависит, и он, Ошмарин, не может взять этого на себя лично.

Майский зачем-то открыл свой портфель, в котором лежала незадолго до этого вышедшая в Новосибирске его книга об экспедиции в Монголию. Книгу эту Майский разослал со своим автографом знакомым.

Ошмарин, увидев книгу Майского, с укоризной сказал, что ему-то Майский книги не прислал.

— Ну что же, теперь услуга за услугу. — Майский надписал книгу, а довольный этим подношением Ошмарин заверил, что моя подписка может быть аннулирована.

Я была удручена этим рассказом безмерно.

— Иван Михайлович! — чуть не закричала я: — Как вы могли такое сделать! Подарить книгу со своим автографом человеку, которого вы абсолютно не уважаете. Неужели вы могли подумать, что если бы я все это знала, я бы согласилась оставить Новосибирск!

Напрасно старался Майский меня успокоить и убедить в том, что этому я не должна придавать никакого значения. Ведь я бы сама этого не сделала и не хотела, чтобы кто-нибудь другой ради меня шел на компромисс со своей совестью. Так мне казалось в мои двадцать лет. Я ругала себя за свою наивность, за то, что обрадовалась возможности уехать в Москву и тем самым как бы совершила неблаговидный поступок. Я была так зла на Майского за этот поступок, что на вокзале по приезде в Москву не стала ждать, пока один из секретарей Майского вызовет машину, наняла человека с саночками, который довез мои вещи до старой квартиры. Дверь мне открыла Люся. Она с матерью продолжала жить здесь...

ЗНАКОМСТВО С ЕСЕНИНЫМ

С моим знакомством с Есениным связан Герман Александрович Лопатин. Возможно, что произошло некоторое смещение за столько лет в моей памяти, и тот случай, о котором я хочу рассказать, не совпал с днем, когда я познакомилась с Есениным. Но мне хочется с него начать.

В 1917 году в Петрограде я жила на Каменноостровском проспекте, недалеко от Карповки. В большом сером доме на Карповке жил Г.А. Лопатин. В этом же доме жила Вера Ивановна Засулич. С Германом Александровичем я была знакома, как почти со всеми народолюбцами-шлиссельбуржцами, бывшими тогда в Петрограде.

Герман Александрович видел очень плохо, он начинал слепнуть. Днем еще сам мог ходить по улицам, но вечером это было для него совершенно невозможно. По утрам я иногда забегала к нему, чтобы спросить, куда за ним зайти вечером, чтобы помочь ему добраться домой. Как-то раз я купила на углу у девочки букетик ландышей и принесла их Герману Александровичу. Он взял мою руку, державшую ландыши, и сказал: «Знаете, мы отнесем сейчас эти ландыши Вере Ивановне Засулич. Да, Вере Ивановне», — произнес он каким-то торжественным шепотом, в котором было и уважение, и тепло, и ласка, и весь он стал со своей большой окладистой седой бородой каким-то торжественным.

Я Веру Ивановну никогда не видела, очень хотелось пойти. Но от торжественности Германа Александровича стало как-то боязно. Мы шли по коридору, Г.А. шел немного впереди, не отпуская мою руку с ландышами, другой рукой нащупывал стену. Шел он быстрой легкой походкой, казавшейся странной для его грузной фигуры. Я шла, стараясь себе представить Веру Ивановну, и видела ее такой, какой знала по фотографии 1878 г., в плаще с откинутым капюшоном и такой юной. Но ведь прошло почти 40 лет. Она должна быть теперь такой же, как Вера Николаевна Фигнер: стройная, прямая, с гладко причесанными седыми волосами, морщинистым лицом, но много сохранившим от молодости. Мы вошли в комнату, залитую солнцем. Я увидела в кресле глубокую дряхлую старуху, ничего не напоминало ту старую фотографию. Я была настолько потрясена ее видом, что не могла вспомнить, о чем мы говорили. Какая громадная разница была между Верой Ивановной и Верой Николаевной во всем их внешнем облике. После этого отступления вернусь к тому, что связано с Есениным.

Герман Александрович сказал мне, что будет вечером у Саке-ров, и хотел дать их адрес. Но я знала их адрес. Я знала Абрама Львовича и Фаню Исаковну, они выпускали и редактировали толстый журнал «Северные Записки». Как я к ним попала первый раз, не помню. Но бывала я у них несколько раз. Милые, очаровательные люди. Всегда, уходя от них, я уносила тепло, с которым они относились ко мне. Иначе, наверное, они и не умели относиться к людям. Они меня приглашали приходить к ним, не помню, в какой день недели, когда у них собирались писатели. Мне хотелось пойти, но из-за своей застенчивости я ни разу в такой день к ним не пришла. Теперь же вечером я зашла к ним за Германом Александровичем.

Фаня Исаковна ввела меня в столовую. За длинным столом сидели Абрам Львович, Герман Александрович и какой-то юноша с золотистыми вьющимися волосами, в солдатской гимнастерке. «Вот и Мина, знакомьтесь», — сказала хозяйка. Знакомиться мне нужно было только с этим юношей. Он встал, назвал себя Сережа. Мы обменялись рукопожатием. Меня усадили возле него. После ужина Фаня Исаковна сказала: «А теперь, Сережа, Вы нам споете частушки. Я обещала Герману Александровичу». Она позвонила, вошла горничная в белом передничке и наколке.

— Принесите, пожалуйста, гармошку Сергея Александровича.

Этот Сережа показался мне почти одного возраста со мной. Он совершенно не смутился, что его назвали по имени и отчеству. Если бы меня назвали, я бы, конечно, смутилась, а он — нисколь-

ко. Я решила, что он большой воображала, если позволяет себя так называть. Принесли гармошку, он стал петь частушки. Герман Александрович просил некоторые повторить по несколько раз. Особенно одну, которая начиналась: «Я любил ее всею душой, а она меня половиною». Когда мы ехали трамваем домой, уже поздно, Герман Александрович все повторял: «Вы подумайте, как хорошо: ”Я любил ее всею душой, а она меня половиною“, — и прочел мне свое стихотворение, которое он простучал в Шлиссельбурге Вере Николаевне Фигнер. Тогда я его не знала. А потом прочла в «Запечатленном труде», где Вера Николаевна его поместила.

Еще до революции в зале Тенишевского училища на Моховой по воскресеньям устраивали музыкальные тематические утренники. Выступали два певца Мариинского театра (Александрович, тенор, и Курзнер, бас). После революции какое-то время эти утренники еще продолжались. Посещала их главным образом молодежь гимназического возраста, бывало и много детворы. Эти утренники были как бы местом встреч. Народу всегда собиралось полным-полно. У каждого было много знакомых. Рассаживались своей компанией. До начала концерта стоял невероятный шум.

После революции я не стала ходить. Но захотелось встретиться со старыми знакомыми и я пошла на концерт. Обстановка осталась все та же. Тот же шум и беготня перед началом, что и прежде. Я сидела где-то в верхнем ряду. Шум вдруг прекратился и по рядам пронеслось: «Клюев, Есенин, Клюев, Есенин». Я знала не только эти имена, но и стихи этих поэтов. В наступившей тишине все уставились на входную дверь.

В зал входили двое: впереди шел невысокого роста, нам он казался таким по сравнению со вторым, довольно плотный мужчина с рыжеватой бородкой. За ним юноша с вьющимися светлыми волосами, аккуратно расчесанными. Они были одеты в синие поддевки, красные шелковые рубахи, лакированные сапоги.

Шли они медленно и выглядели очень театрально. Я знала, что поэт Есенин моложе поэта Клюева, и легко установила, кто из них первый, а кто второй. Но своего знакомого Сережу-воображалу я не узнала.

Во время антракта я неслась по лестнице. Вдруг меня сзади кто-то схватил за руку — «Мина, мы с Вами знакомы». Рядом со мной стоял Есенин. Видя мое изумление, а может быть и растерянность, добавил: «Мы познакомились у Сакеров». Но я его уже узнала. Первое, что я сказала: «Я знаю теперь, почему Вас зовут Сергеем Александровичем». — «Но Вы меня так не назы-

вайте». Он спросил, почему я не прихожу к Сакерам, а я его позвала к нам в Общество распространения эсеровской литературы. Несколько раз он приходил в Общество один, один или два раза с Ключевым. В то время у нас толпилось много народу. Времени, чтобы поговорить, не было. Есенин, если приходил один, брал из шкафа книгу и усаживался читать. В шкафу этом мы собирали книги для будущей библиотеки, которую надеялись когда-нибудь открыть.

Потом он исчез на какое-то время. И появился у нас в Обществе с Алексеем Ганиным. Рассказывал, что уезжал куда-то (не помню куда), что жить им негде. Они пришли на Галерную, где помещался ЦК П.С.-Р. и к тому времени — уже редакция газеты «Дело Народа». Иванов-Разумник их познакомил с Зинаидой Николаевной Райх. Она их устроила на ночь на стульях в большом зале. Мне нужно было на Галерную, и мы пошли туда втроем. Всегда, когда я приходила на Галерную, я первым делом приходила к Зине. При организации Общества распространения эсеровской литературы мы выбрали ее председателем. Практически она мало работала в Обществе, так как целый день работала техническим секретарем «Дела Народа». Приходила в Общество только по вечерам. Выбрали же мы ее председателем потому, что она умела вести собрания и, как мы говорили, представлять. Чего мы по молодости лет и по неопытности не умели. И вот, когда я приходила на Галерную, у нас всегда находилось о чем поговорить. Я ей еще раньше рассказала, как я познакомилась с Есениным. На этот раз она сказала: «Вот не знаю, куда твоего воображалу с Алешей устроить. Эти великокняжеские стулья, обитые шелком, под ними разъезжаются». Сергей с Алексеем решили мне продемонстрировать, как они разъезжаются.

Мы вернулись к Зинаиде и стали говорить о делах Общества. Какие-то представительские дела Зинаида брала на себя. И Ганин сказал: «Так Вы, оказывается, Зинаида Николаевна, нищая мещанка». Это прозвище за ней так и осталось.

В Общество распространения эсеровской литературы Есенин стал приходить почти каждый день. Он приходил всегда во второй половине дня. В легком пальтишке, в фетровой несколько помятой черной шляпе, молча протягивал нам руку, доставал из шкафа толстый том Щапова «История раскольнического движения» и усаживался читать. В нашем полуподвальном помещении всегда было холодно. Пальто он не снимал, воротник поднимал и глубже нахлобучивал шляпу. Позже приходил Ганин и тоже усаживался читать. Приходила Зинаида Николаевна. Обсудив текущие де-

ла Общества, мы четверо отправлялись бродить по Петрограду. Получалось так, что обычно мы с Сергеем шли впереди, а Зинаида с Алексеем сзади. Есенин всегда читал стихи, и свои, и чужие. Читал свои новые стихи, которые еще не были опубликованы. Иногда раньше, чем начать читать какое-нибудь свое новое стихотворение, он шел долго молча. Бывало, Ганин нас окликал. Он называл Сергея — Сергунька. Мы останавливались. Ждали, пока они подходили к нам. Ганин прочитывал строчки своих стихотворений в разных вариантах, советуясь с Есениным. Между нами начинался спор. Зинаида часто высказывала свое мнение. Спор у них иногда затягивался, и мы уходили с Зинаидой вперед. Помню, они один раз долго спорили о выражении «небо озвездилось». В дальнейшем, когда у них спор затягивался, Зина говорила: «Опять началось "озвездилось", давай пойдем, они нас догонят». Иногда мы уходили далеко от них, и они нас не догоняли. Мы возвращались и заставляли их на том же месте — Ганин опершись на палку, а Есенин глубоко засунув руки в карманы и подняв плечи. В наши прогулки мы отправлялись в любую погоду. Иногда гуляли под петроградским мелким морозящим дождем, начинали зябнуть, заходили в какую-нибудь чайную, чтобы согреться горячим чаем, который нам подавали в двух пузатых чайниках.

Летом мы поехали в Павловск на концерт. Мы опоздали. С трудом протискивались в зал, где яблоку упасть было негде. Есенин прокладывал нам в толпе дорогу, и мы в конце концов оказались у самой сцены. После выступления Каракаша и Петренко мы больше оставаться не хотели и направились к выходу. Обратный путь из зала был легче. Мы гуляли по парку. Возвращались в почти пустом вагоне. Или мы уехали до конца концерта, или много времени после концерта. Ганин читал стихи. Прочел свое стихотворение «Русалка», которое посвятил «З.Р.». Мне это стихотворение очень понравилось, и он нам читал его несколько раз. Есенин достал листок бумаги и стал быстро писать карандашом. Потом прочел написанное. Было оно посвящено «М.С.». В нем было два четверостишия. Павловский парк превратился в березовую рощу, мои коротко остриженные и всегда растрепанные волосы сравнивались с веточками берез. Тогда он мне это стихотворение не дал; положил его к себе в карман. Зинаида же сказала: «Будешь теперь причесываться». У Зинаиды Николаевны были тогда две косы, уложенные вокруг головы. В стихотворении были «русалочки косы». Очень потертый, пожелтевший листок бумаги со стихотворением «Русалка» Зинаида показала мне много лет спустя. Стихотворение же, которое написал Есенин, он при-

нес мне через несколько дней в Общество. В нем были отдельные слова перечеркнуты и написаны по-новому.

Летом 17-го года вбежал в Общество Есенин: «Мина, едемте с нами на Соловки. Мы с Алешей едем». Это было очень неожиданно и в обстановке, в которой я жила, похоже на шутку. В Обществе работала старая эсерка Софья Карклеазовна Макаева. Женщина резкая, но относившаяся к нам — молодежи — хорошо, любившая и подшутить над нами. И тут не упустила, чтобы не посмеяться над «фантастическими глупостями», которые во время подготовки к выборам в Учредительное Собрание могут прийти в голову только бездельникам. Как и очень часто, мне нужно было на Галерную, Есенин пошел со мной. Придя к Зинаиде, я ей тут же рассказала, что Сергей с Алешей собрались ехать на Соловки и Сергей пришел звать меня. Она вскочила, захлопала в ладоши — «Ох, как интересно! Я поеду. Сейчас пойду отпрашиваться к Сереженьке!» — так мы называли за глаза Сергея Порфирьевича Постникова, секретаря газеты «Дело Народа», непосредственного начальника Зинаиды. Она убежала, быстро вернулась очень довольная, завертелась по комнате, приговаривая: «Сереженька меня отпустил». Вдвоем они стали меня уговаривать ехать с ними. Возбуждение Зинаиды Николаевны может быть на какое-то мгновение передалось мне. Но я не могла себе представить, что имею право бросить работу в Обществе, которой в то время в связи с выборами в Учредительное Собрание было много. Сергей и Зинаида начали обсуждать подробности поездки. Помню, что Сергей с Алешей должны были выехать раньше, а Зинаида где-то к ним присоединиться. Как оказалось, ни у Сергея, ни у Алеши почти не было денег. У Зинаиды была какая-то заветная сумма, которую она предложила на поездку. Я ушла. Сергей остался на Галерной. Больше ничего об их отъезде вспомнить не могу. Некоторое время спустя в Общество пришел Гаврила Андреевич Билима-Пастернак и рассказал, что ездил в Архангельскую область по выборам в Учредительное Собрание и на пароходе в Белом море встретил их троих. Сколько времени продолжалась их поездка, не помню. Но помню, что кто-то пришел и сказал, что был на Галерной и что Зинаида Николаевна вернулась. Я тут же пошла туда. Она писала какую-то служебную бумагу и сказала: «Сейчас допишу». Она дописала и повернула в мою сторону написанную бумагу, указывая на свою подпись: Райх-Есенина. — «Знаешь, нас с Сергеем на Соловках попик обвенчал», — сказала она. Мне не было еще и семнадцати лет, сосредоточиться на этом событии я не умела и не задавала никаких вопросов. Зинаида сама стала рассказывать. Ей казалось, что если она выйдет

замуж, то выйдет за Алексея. Что с Сергеем ее связывают чисто дружеские отношения. Для нее было до некоторой степени неожиданностью, когда на пароходе Сергей сказал, что любит ее и жить без нее не может, что они должны обвенчаться. На Соловках они набрели на часовенку, в которой шла служба, и там их обвенчали. Ни Сергей, ни Алексей мне об этом ничего не рассказывали.

Алеша стал приходить в Общество часто. Сергей реже, чем раньше. Зинаида стала приходить совсем редко. Она говорила, что собирается оставить работу в «Деле Народа» и будет издавать стихи Есенина. Поселилась она на Литейном в квартире, часть которой занимало какое-то кооперативное издательство. Там же жили друзья Зинаиды по Бендерам — брат и сестра: Савелий Павлович и Раиса Павловна. Савелий Павлович имел отношение к этому издательству. Зинаида с Сергеем заняли в этой квартире небольшую светлую комнату. Где-то в квартире устроился Ганин. Жили они коммуной. Хозяйством заправляла Зинаида.

Приходя к нам в Общество, Есенин продолжал читать Шапова. Иногда засиживался до тех пор, пока мы не закрывали помещение и расходились. Он шел меня провожать. Жила я тогда на Васильевском острове, почти на углу десятой линии. Трамваи не ходили. Расстояние от Малой Садовой до моего дома проделывали пешком. Шли по Невскому через Дворцовый мост. Есенин вспоминал что-нибудь из своего детства. Он касался этого как-то мимоходом. Это переносило его в родную природу, о которой он говорил много. Я видела отчетливо все, о чем он рассказывал. Мне казалось, что мы ходили по его родным местам, а не по Петрограду. Возвращала меня к действительности необходимость перепрыгивать через лужи. Иногда мы брались за руки и перепрыгивали вместе, иногда Сергей перепрыгивал и протягивал мне руку. Ботинки и у него и у меня были рваные, но мы уверяли друг друга, что перепрыгнули не промолив ноги. Так мы доходили до подъезда моего дома. Быстро прощались. У меня был ключ от квартиры. Но как-то, когда я открывала дверь ключом, она оказалась закрытой на цепочку. Тогда стали ползти по городу слухи о грабежах. Мои хозяева, испугавшись, закрывали дверь еще на цепочку. Будить мне никого не хотелось. Мне не удавалось пролезть сквозь узкую щель. Я сбросила пальто и пролезла. Я рассказала об этом Сергею, тогда он стал подниматься со мной и помогал мне пролезать.

Мы иногда останавливались на мосту и из бликов воды придумывали всевозможные картины, которые будто бы видели. Город ведь был не освещен, но блики на Неве отсвечивали.

Зинаида, кажется, уже перестала работать в «Деле Народа». Отошла она и от дел Общества. Иногда днем, пробегая мимо, я заходила к ним. В их укладе начала чувствоваться домовитость. Приближался день рождения Сергея. Зинаида просила меня прийти. Сказала, что будет только несколько человек — закуски ведь будет очень мало. Я пришла. Электричество не горело. На столе стояла маленькая керосиновая лампа, несколько свечей. Несколько бутылок и какая-то закуска. По тем временам стол выглядел празднично. Были Раиса Павловна, Савелий Павлович, Ганин, Иванов-Разумник, Петр Орешин и еще кто-то, но не вспомню. Было очень оживленно и весело. Есенин настоял, чтобы я с ним и с Алешей выпила на брудершафт. Мы выпили. Ганин стал придумывать для меня штраф, если я буду сбиваться с «ты» на «вы». Вдруг Есенин встал, взял со стола одну свечу и потянул меня за руку: «Идем со мной, мы сейчас вернемся». Я встала и пошла за ним в их комнату, Есенин сел за стол и показал мне рукой на второй стул у стола. Я села. Он стал писать.

— Сережа, я пойду.

— Нет, нет, посиди, я сейчас, сейчас.

Дописав, он прочел мне следующее стихотворение. Хорошо помню, что в нем было пять четверостиший, но пятое вспомнить не могу.

МИНЕ

От берегов, где просинь
Душистей, чем вода,
Я двадцать третью осень
Пришел встречать сюда.

Я вижу сонмы ликов
И смех их за вином,
Но журавлиных криков
Не слышу за окном.

О, радостная Мина,
Я так же, как и ты,
Влюблен в мои долины (?)
Как в детские мечты.

Но тяжелее чарку
Я подношу к губам,
Как нищий злато в сумку,
С слезою пополам.

— Сережа, почему ты написал, что влюблен так же, как я? Ведь ты меня научил любить. — Он ничего не ответил. Держа свечу в одной руке и листок со стихотворением в другой, вышел

из комнаты. Я пошла за ним. Он прочел стихотворение присутствующим и отдал его мне. Оно было у меня до моего отъезда из Петрограда в Самару весной 1918 года.

Первое стихотворение я положила в томик Герцена — «Письма с того берега». Это было первое заграничное издание. Я этот томик очень берегла. В нем, кроме стихотворения Есенина, лежала фотография «бабушки» Брешко-Брешковской. Она держала развернутую газету «Земля и Воля». Я сижу у ее ног на маленькой скамеечке. На обороте «бабка» сделала надпись, назвав меня «правнучкой». Этот томик с его содержимым исчез из моего портфеля еще во время существования Общества.

В вечер дня рождения Есенина, когда мы все уже собирались уходить, Ганин сказал, что пойдет меня провожать. Он уже снял пальто с вешалки. Сергей подошел к нему, взял у него из рук пальто и быстро одел его на себя. Погода была прескверная. Моросил мелкий дождь. По мере того, как мы приближались к Неве, туман усиливался. Мы шли молча. Мне это молчание было тягостно. Хотелось его нарушить, я не знала, как это сделать. На мосту я остановилась и сказала: «Давай смотреть на воду, интересно, что мы увидим сегодня в день твоего рождения». — «Ничего не получится», — ответил он и потянул меня за руку. И молча мы дошли до моего дома. Через день или два пришел в Общество Ганин: «Если бы ты знала, как Сергуньке попало». — «Алеша, за что?» — «Нет, не за то, что он пошел тебя провожать. Зина упрекала его, что он не подарил ей ни одного стихотворения. Он слушал ее, надувшись, ничего ей не ответил, потом быстро оделся и ушел. Я думал, он у вас». — «Нет, к нам он не приходил». Уже после ухода Ганина очень мрачный пришел Есенин. Я ему сказала, что приходил Ганин, искал его. Он мне ничего не ответил, уселся читать и быстро ушел.

В книжную лавку имажинистов я наверное зашла или по дороге на Волгу, или в один из своих приездов из Самары, откуда несколько раз ездила в Москву, как связная. Есенин стоял у прилавка и продавал книги. (Народу приходило туда много. Не так купить книги, как посмотреть на Есенина.) Делал это он очень неуклюже. Лазал по полкам, чтобы достать нужную книгу. Долго не находил. Растерянно суетился. Мне стало очень больно за него. В душе я ругала Шершеневича и Мариенгофа, которые для приманки поставили его торговать. Я хотела уйти. Он просил подождать. Покупателям не было конца. Я спросила, что он знает о Зинаиде. Она была с Танечкой у своих родителей в Орле.

— Сережа, неужели так необходимо, чтобы ты стоял у прилавка?

— Да, знаешь, надо.

Я обещала зайти еще раз, но знала, что не найду. Мне было тяжело видеть его в этой роли.

Уже после моего возвращения с Дальнего Востока я с подругой пошла в 1920 году на вечер поэтов в Политехнический Музей. Народу было уже очень много, когда мы пришли. Вся лестница (зал — амфитеатром) была забита народом. Ни в одну из дверей нельзя было протолкнуться. Мы стояли, зажатые на одной из площадок, прикидывая, где попытаться попасть в зал. Вдруг кто-то стремительно меня обнял с восклицанием: «Мина!» Это был Есенин. Из зала донесся звонок. Он схватил меня за руку и потащил к боковой двери, которая вела на сцену. Вторую руку я протянула моей подруге, чтобы ее не потерять в толпе. Есенин усадил нас на сцене на какие-то столы. Не помню, кто выступал из поэтов. Есенин стоял возле меня и все расспрашивал, где я была. Когда я ему сказала, что из Владивостока вернулась в Москву через Китай, он сказал: «Какая счастливая, ты мне обязательно должна рассказать». Наступила очередь Есенина выступать. Он подошел ближе к рампе и начал читать «Сорокоуст». Когда он произнес: «И всыпают нам в толстые задницы окровавленный венник зари», — в зале поднялся невероятный шум, свист, топот, крики. Брюсов непрерывно звонил в колокольчик. Наконец, уловив момент, когда неистовство в зале стало спадать, но до тишины было еще далеко, Брюсов во всю силу своего небольшого голоса крикнул: «Доколе же мы будем бояться истинно русских слов!» Только после этого зал успокоился, и Есенин стал читать дальше. Маяковский опоздал и был встречен тоже шумом. Колокольчик Брюсова помогал мало. Маяковский своим громоподобным голосом перекричал шум, объяснил, почему он опоздал, и прочел «150000000». Когда вечер кончился, Есенин был окружен целой толпой, и мы ушли одни. После этого вечера я шла по Столешникову переулку. Было очень рано. Улица была почти пустынна. Мимо меня быстро прошла мужская фигура. Это был Есенин. Я его окликнула. Он остановился. — «Сережа, куда ты в такую рань?» — «Бегу в типографию держать корректуру. Опаздываю. Проводи меня». — Лицо не выспавшееся, помятое. Из-под пальто видна была сорочка без воротника. Ботинки были застегнуты только на верхнюю пуговицу. Я прошла немного с ним. Он напомнил, что я должна ему рассказать о Китае. Мне нужно было возвращаться. Мы попрощались. Когда я уже отошла, он меня позвал и крикнул: «Передай

Зине, что деньги для детей я оставил у Шершеневича». Он знал, что с Зинаидой я вижуся.

Это была моя последняя встреча с Есениным, если не считать еще одной, которую едва ли можно назвать встречей.

Летом 1921 я сидела во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке. К нам привели шестнадцатилетнюю девушку, которая приехала к своей тетке из провинции. Тетка содержала нелегальный ресторан. Для обслуживания посетителей она выписала племянницу. Органами ВЧК учреждение это было обнаружено. Устроена за-сада, всех приходивших задерживали. Задержаны были и Есенин, Мариенгоф и Шершеневич. Их привезли на Лубянку. Тетку, эту девушку и еще кого-то поместили в камере, а целую группу держали в «собачнике» и выпускали во двор на прогулку. Я увидела Есенина. Он стоял с Мариенгофом и Шершеневичем довольно далеко от нашего окна. На следующий день их снова вывели на прогулку. Я крикнула громко: «Сережа!» Он остановился, поднял голову, улыбнулся и слегка помахал рукой. Конвоир запретил им стоять. Узнал ли он меня? Не думаю. До этого я голодала десять дней, и товарищи нашли, что я очень изменилась. Окно было высоко и через решетку было трудно разглядеть, хотя щитов тогда еще не было. На следующий день всю эту группу во дворе фотографировали. Хозяйку, матрону очень неприятного вида, усадили в середине. Есенин стоял сбоку. Через некоторое время меня с группой товарищей увезли в Новосибирск. Я рассказала об этом товарищам. И Федорович сказал, что это, видимо, тот случай, о котором начальник следственного отдела ЧК Самсонов ему сказал: «думали, открыли контрреволюционную организацию, а оказалась крупная спекуляция». Настолько крупная, что десять лет спустя отметили дату открытия этой спекуляции. Наверное, это был «Огонек», где поместили эту фотографию и фотографию Пиккенена, который этим делом занимался.

Все связанное с Есениным в тот период осталось в моей памяти, как очень светлое и чистое. В наших отношениях не было ничего развязного. В нем была какая-то робость и застенчивость. И когда уже много лет спустя Зинаида сказала Косте: «Твой отец ухаживал за Миньей», — слово «ухаживал» меня задело. Ничего от этого не было в наших отношениях. Это была дружба. Много позже я задавала себе вопрос, почему Есенин подружился со мной в то время. Кругом было так много девушек красивых, многие умели говорить о поэзии, читать стихи. Я тоже знала много стихов, но читать я их боялась, они звучали у меня внутри. Мне ка-

залось, что, произнося их, я не смогу передать того, как я их чувствую. В своем стихотворении Есенин назвал меня «радостной». Видимо, я и была такой от счастья, что живу в революцию, которая меня сделала ее участницей. Все, что я делала, я считала очень нужным. Не было ничего, чего бы я хотела для себя лично. Я верила в идеальное недалекое будущее. Своей непосредственной, наивной верой я заражала других. Сергею это тоже, наверное, передавалось, когда он бывал со мной, и за этим он тянулся. Время нашей дружбы было непродолжительно. Но если этот отрезок времени отнести к человеческой жизни, которая оборвалась в тридцать лет, то восемь-девять месяцев превращаются в целый период.

М.Канивез
МОЯ ЖИЗНЬ С РАСКОЛЬНИКОВЫМ*

I. ТАЛЛИН

Ранним июньским утром 1930 года мы приехали в Таллин. Посольский автомобиль быстро промчал нас по еще безлюдным, залитым солнцем улицам старинного города. Стены и башни Вышгорода поразили меня еще нигде не виданной средневековой красотой. Посольство, или, как его называли тогда, полпредство (полномочное представительство), находилось в центре города, рядом со старинной Биржей, на тихой и узкой Пикк Тен, Морской улице, спускавшейся к морю. Нижний этаж полпредства сдавался в наем парикмахерской и самому элегантному в городе шляпному магазину мадам Исаковой.

После насоро выпитого кофе Федя показал мне, как он называл, «твои владения»: приемные залы полпредства и нашу частную квартиру. К первым относились: обширный кабинет полпреда с непременно портретами вождей на стенах, с библиотекой, большим письменным столом, кожаным диваном и кожаными креслами, салон, столовая, большой белый зал. Частная квартира полпреда находилась в противоположном конце дома. Она состояла из пяти комнат, обставленных с буржуазной уютностью.

От предшествующего полпреда А.М. Петровского нам в наследство досталась его кухарка Марфа Ивановна, пожилая русская женщина, всю жизнь прожившая в Эстонии. Меня поразило обилие пищи, после откровенно голодного существования в Москве. По заведенному женой Петровского порядку, после утреннего кофе с булочками, маслом, вареньем, медом, в полдень подавался завтрак: омлет, ветчина, шпроты, кильки, сыр и проч. В пять часов обед: закуски, суп, рыба или мясо с гарниром, десерт. Нако-

* Муза Васильевна Канивез первым браком была замужем за Ф.Ф. Раскольниковым — одним из героев революции и гражданской войны, впоследствии — полпредом СССР в Афганистане и нескольких европейских странах. Фрагменты из ее воспоминаний, приводимые ниже, охватывают период с 1930 по 1938 г., — когда Раскольников принял окончательное решение не возвращаться в СССР.

нец, в девять часов ужин. Нам с Феей такое обилие показалось излишним, и я упразднила второй завтрак, перенесла обед на три часа и упростила ужин.

Состав полпредства в Таллине в то время был очень симпатичен, я нашла там самый теплый прием. Первый секретарь Михаил Васильевич Буравцев — человек умный и тактичный. Он был создан, как писали эстонские журналисты, чтобы «опровергать наличие террора в СССР». Раскольников любил и ценил его. Жена Буравцева Евгения Донатовна, слегка «гордая полячка», сперва попыталась соперничать со мной, но скоро оставила это и помогла мне первое время в устройстве приемов, моей экипировке и проч. Старый народовец Александр Александрович Машицкий, очаровательный старик, хотя с характером довольно ершистым, занимал должность генерального консула. Его жена, кроткая, терпеливая Верочка, старалась смягчать часто резкие выпады своего мужа. В 1931 году Машицкий вышел на пенсию и с Верочкой уехал в СССР. В один из наших приездов в Москву он пришел к нам в особняк Наркоминдела на Спиридоновке и, стоя со мной на балконе, шепнул мне: «Не спешите, Музочка, вернуться из-за границы, здесь адская жизнь». Военный атташе, элегантный и веселый Владимир Николаевич Курдюмов и его жена Мария Алексеевна составляли чету очень дружную и сердечную. У них была собака, ирландский сеттер, по кличке Манон, нежное и ласковое создание. Был еще торгпред Деда, простой, не лишенный юмора человек. Это был дипломатический состав полпредства. Дальше шли секретари консульства, завхоз Банкович, шифровальщик Костя Рябов, две секретарши, несколько человек в торгпредстве, три или четыре курьера охраны из кадров ГПУ.

Из окна нашей спальни, выходившего на узкую малолюдную улицу, видна была напротив бакалейная лавочка. Каждое утро, в половине восьмого, пожилой серьезный эстонец открывал ставни и двери своего магазина. В витрине располагались многочисленные сорта сыра, колбас, ветчины, горы консервов: знаменитые рижские шпроты, серебристые ревелские кильки, копченые угри, лососина. Огромное количество овощей и фруктов. Я просто диву давалась. В жизни своей я не видела такого обилия. И все это в маленькой заурядной лавчонке! В карликовом государстве! Здесь я впервые увидела и попробовала апельсины и бананы.

Скоро в центре Таллина я увидела магазины гораздо более роскошные, но настоящей ослепляющей роскоши больших европейских городов в Эстонии я не видела. В Таллине, больше чем обилие невиданных вещей в магазинах, чистоты и порядка улиц и площадей, меня удивляла спокойная вежливость и любезность

людей на улицах, в магазинах, на пляже. Никто не толкался, не старался протиснуться вперед. Не было вдруг вспыхивающих ссор из-за пустяков, обычного хамства, что так часто отравляло жизнь в Москве. Здесь люди жили обыкновенной жизнью со всеми трудностями, заботами, несчастьями, печалью и радостями человечества. Никто не призывал «догнать и перегнать Америку», осуществлять пятилетку в четыре года, искоренять «как сорную траву отпрыжки проклятого царского режима». И от этого жизнь казалась спокойнее и свободнее.

Скоро я, к своему удивлению, заметила, что все сотрудники полпредства, особенно не принадлежавшие к дипломатическому персоналу, жаловались на тоску «по родной советской стране» и в один голос хулили все в Эстонии. Здесь ничто им не нравилось: ни город, ни климат, ни люди, ни магазины, ни еда, ни кино. «У нас все лучше» или «будет все лучше» — слышала я. Такое единодушье сперва изумляло меня, но Федя объяснил мне его причину. Сотрудники полпредств, торгпредств и вообще все заграничные работники отбирались чрезвычайно внимательно Особым отделом ГПУ. Малейшая «зацепка» — родственники за границей, родители, принадлежавшие к бывшим «эксплуататорским классам», плохая характеристика ячейки и т.п. — и нет никакой надежды получить назначение. Тщательно протертые песочком, вымытые в трех водах, прошедшие через огонь, воду и медные трубы ГПУ, сотрудники являлись по месту службы. Но и здесь надо было держать «ухо остро». В каждом полпредстве находились один или несколько представителей ГПУ. Они обыкновенно занимали второстепенные должности для «отвода глаз» — секретарь консульства, завхоз. Кроме их обычных темных дел, о которых никто не знает, в том числе и полпред, в их обязанности входит наблюдение за советскими гражданами, за их поведением, их настроениями, разговорами, воспитанием детей и проч. Если замечалась склонность к «моральному разложению», настоящий жупел в полпредствах 30-х годов, то виновный незамедлительно откомандировывался в СССР без надежды попасть еще раз за границу.

Понятие «моральное разложение» было чрезвычайно растяжимым и не требовало четкого определения. Достаточно было заметить, что сотрудник Иванов слишком часто ходит в кино, не проявляет горячности в огульном презрении ко всему за границей, даже позволяет себе некоторый интерес к стране, в которой живет, или просто Иванов лично не нравится почему-то представителям ГПУ, как по доносу «склонен к моральному разложению» Иванов возвращался в СССР. Мы знали несколько таких случаев. В Таллине завхозом был Банкович, недалекий, но честный чело-

век. Федя знал его еще по Афганистану. После нашего отъезда жена нового полпреда Устинова, женщина крутая и властная, к тому же член партии, не влюбила почему-то Банковича и добилась его откомандирования в СССР под предлогом «морального разложения». Бедный Банкович околачивал пороги ГПУ и многих других учреждений, чтобы оправдаться. Но оправдаться в обвинении, что ты «морально разложился» или склонен к этому, было так же трудно, как доказать, что ты не верблюд. Надо заметить, что всякому нормальному человеку представить себе Банковича «морально разложившимся» казалось злостной насмешкой. Он не пил, не играл в карты, не увлекался буржуазным кино, не интересовался страной, в которой жил, был хорошим семьянином, честно проводил свой досуг, играя в волейбол на полпредском дворе. Он аккуратно посещал политкружок и, как все другие, искренне ругал капиталистический мир.

Целью подобного воспитания было все то же стремление внедрить в душу советского человека недоверие, страх и ненависть ко всему, что не было советским. Это была целая преднамеренная система держать людей в страхе и трепете, чтобы у них не было ни времени, ни интереса оглядеться, одуматься, задуматься над происходящим и окружающим.

Пребывание за границей было для советских людей передышкой, отдыхом от очень трудной материально и угнетающей морально жизни в СССР в начале 30-х годов. Естественно, что каждому хотелось продлить эту передышку. Но для этого нужно было быть очень осторожным: всегда и всюду, при всяком случае заявлять: «у нас все лучше» — касалось ли это изобилия в магазинах или даже красот природы — «у нас все лучше». Не имел большого значения факт, что все отлично понимали такое лицемерие и прекрасно видели, что далеко не все «лучше у нас».

Мы с Феей часто наблюдали, как в несколько коротких недель преображались приехавшие из СССР жены вновь назначенных сотрудников. Появлялась женщина, «замордованная» жизнью, выглядевшая на 10 лет старше своего возраста, с озабоченным серым лицом, беспоконным взглядом раньше времени поблекших глаз, с редкой улыбкой. Через месяц ее не узнать! Молодевшая, с блестящими глазами, с улыбкой на вдруг расцветших губах, хорошо причесанная, к лицу одетая, в ней появлялась та скромная, милая женственность, что есть почти у каждой женщины, не замученной каждодневными мелкими заботами.

Скоро я узнала о существовании еще одной категории врагов Советского Союза — «невозвращенцев». В Москве я никогда о них не слыхала. В то время советские газеты о них не писали. Мне ста-

ло известно из эмигрантских газет — рижской «Сегодня» и парижских «Последних Новостей» и «Возрождения», что «невозвращенцами» назывались советские граждане, работавшие в советских учреждениях за границей и отказавшиеся вернуться в СССР. В то время их было немного. Одним из первых «невозвращенцев» был Беседовский, советник полпредства в Париже, убежавший через забор полпредского сада в 1929 году. На собраниях в полпредствах этот поступок «клеимился позором» и рассматривался как черная измена родине и всему делу социализма. За это по закону 1929 года полагалась смертная казнь. Этот закон был усилен законом 1934 г., по которому к смертной казни виновника добавлялась коллективная ответственность всех членов семьи. Подразумевалось, что убить собственного отца, задушить жену, замучить ребенка и т.п. — меньшее преступление, чем отказ вернуться в счастливое отечество. Число «невозвращенцев» увеличилось в годы сталинского террора и после войны. Впервые на процессе 1949 года в Париже «невозвращенца» Кравченко, автора нашумевшей книги «Я выбрал свободу», против «Lettres Françaises» — перед всем миром открылось истинное лицо «социализма в одной стране», как ни старались свидетели обвинения, сильно поддерживаемые коммунистической прессой, доказать ложность книги Кравченко и нечестность самого автора. С этой целью была даже прислана на суд бывшая жена Кравченко, но факты были так вопиющи, что автор выиграл процесс.

После бегства Беседовского священный ужас вызывал во всех советских учреждениях за границей объезжавший их представитель ГПУ Ройземан, проводивший жестокую чистку среди сотрудников. Мы встретили этого Ройземана случайно у полпреда в Берлине Хинчука. Высокий, худой, с неприятным желчным лицом инквизитора (вот, действительно, Бог шельму метит), он презрительно говорил: «Не понимаю, что люди находят интересного в музеях? Зашел я как-то раз в Лондоне в этот Лувр, ничего интересного ровным счетом там не нашел».

Всем сотрудникам полпредства, кроме дипломатического персонала, были запрещены какие бы то ни было личные сношения с иностранцами и с обитателями страны, в которой они находились. Бедные люди изнывали, варясь в собственном соку. Низкий культурный уровень большинства из них способствовал пышному расцвету сплетен, всякого рода доносов, ябедничества и зависти. «Склока» была заурядным явлением почти во всех полпредствах и торгпредствах. В нашем полпредстве настоящей склоки никогда не было. Раскольников был еще видной политической фигурой и, кроме того, обладал большим личным авторитетом. Там же, где

этого не было, процветала склока и доносы. Так, по доносу корреспондента ТАСС в Вене Черняка, бывшего секретаря Кагановича, полпред в Австрии А.Петровский был отозван из Вены. Случилось это в середине 30-х годов. Петровский, после установления дипломатических отношений СССР с Венгрией, был назначен туда. Возвратясь из Будапешта после вручения верительных грамот, он поделился своими впечатлениями в кругу товарищей. Несторожно он заметил, что регент Хорти произвел на него впечатление человека очень умного и энергичного. Черняк, присутствовавший при этой дружеской беседе, донес Кагановичу, что полпред Петровский восхищается фашистом Хорти, и бедный Петровский после второстепенного поста на периферии исчез в годы террора. Полпреда в Италии В.Потемкина очень критиковали за то, что он поддерживал личные отношения с Муссолини. На его письменном столе стояла фотография Дуче с дружеской надписью.

Охрана полпредства была целиком в руках представителей ГПУ. Они создавали атмосферу осажденной крепости и постоянно старались держать начеку всех сотрудников — ведь полпредство находится во «вражеском окружении» и каждую минуту белогвардейские или фашистские провокаторы могут совершить нападение на нас. С целью проверки бдительности, устраивались внезапные «тревоги». Вдруг, среди ночи, слышался сигнал, по которому все должны были немедленно бежать на заранее предназначенные им позиции. Особенно охранялась шифровка — за железными дверями и окнами с решеткой.

До начала 30-х годов в полпредства еще назначались люди интеллигентные и компетентные. Но в эти годы партия решает выдвигать из рядов «рабочих от станка» и «крестьян от сохи» своих людей и посылает их в различные учреждения часто на ответственные посты. Среди этих «выдвиженцев», как их называли, были люди способные, быстро входившие в курс работы, но были и другие — склочники и кретины, которых «выдвигали», чтобы избавиться от них. Эта кампания «выдвижения», длившаяся годами, была несомненным признаком недоверия партии к интеллигенции. Появились выдвиженцы и в полпредствах. Нам не повезло: первый секретарь, заменивший М.В. Буравцева, был совершенно некультурным человеком. Он, разумеется, не владел никаким иностранным языком, даже по-русски говорил с грубыми ошибками. Однажды он явился в кабинет Раскольниковца с рижской эмигрантской газетой «Сегодня» в руках и взволнованно произнес: «Посмотрите, Федор Федорович, что о вас пишет белогвардейская сволочь!» — в газете, не помню, по какому поводу, писали: «Выйдя на площадь, он, как Раскольников, становится на колени, чтобы

покаяться перед всем народом». В своей первобытной наивности первый секретарь даже не знал о существовании великого русского писателя. Первый секретарь полпредства в Копенгагене, куда после Эстонии был назначен Раскольников, оставшись, во время отпуска последнего, поверенным в делах, на рауте у датского короля упорно называл его «херр кёниг» — «господин король», никем и никогда не употребляемое обращение к королю. А на вопрос короля, как поживает господин посланник, — ответил с развязностью: «Он, господин король, бегает в трусиках на пляже в Гаграх» — и потащил короля через весь зал представлять своей жене.

Федя показывал мне Таллин. Мне все было интересно. Я любила этот маленький ганзейский город, башни Вышгорода, бледное северное море. Мы часто гуляли в парке Кадриорга, Екатеринеталя, где белый дворец построен Петром Великим для своей второй супруги, остзейской немки, ставшей в истории России, императрицей Екатериной Первой. В этом дворце каждый год глава государства давал пышный обед дипломатическому корпусу, правительству и «именитым» эстонцам. Мы ездили в Бригитовку на пляж, чудесный прибалтийский пляж с мелким чистым песком. Когда-то здесь был монастырь святой Бригитты, почитаемой в Швеции, от него остались только стены. В Иванову ночь, полную костров и песен, никто в Таллине не спал, все были за городом у костров. Было холодно и купальские огни в призрачной белой ночи создавали атмосферу романов Гамсуна и «Мадемуазель Жюли» Стриндберга.

Мой муж сразу же приставил ко мне учителя французского языка месье Шевалье и фрау Грюнер, старую даму, дававшую мне уроки немецкого. Сын фрау Грюнер, молодой человек, давал мне уроки танцев. В белом зале под звуки патефона, он научил меня танцевать вальс-бостон, фокстрот, танго.

Как жене полпреда, т.е. «Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра» — так значилось на визитных карточках Феде, мне надлежало представиться женам посланников, аккредитованных при правительстве Эстонии, а также эстонским дамам — женам министров и видных политических деятелей. Для этого надо было иметь соответствующие туалеты. В Москве мой гардероб был самый скромный — два-три платья, которые невозможно было надеть здесь. И вот началась спешка. Евгения Донатовна помогла мне выбрать и заказать платья, купить шляпы, туфли, перчатки, сумки и прочее. Помню мои первые платья: визитное жемчужно-серое с пелеринкой по тогдашней моде и вечернее бледно-розовое, длинное с открытыми плечами. Увидев меня в нем, Федя наградил меня титулом «Ваше изящество». А моя первая шляпа,

кружевная, кремовая, с широкими полями и томными розами на левой стороне! Скажу откровенно, я любила красивые платья, всю мишуру женских нарядов.

Первый нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в начале своей карьеры разослал по всем полпредствам инструкцию, как должны одеваться жены полпредов. Рекомендовались скромные черные платья, с длинными рукавами, без декольте. Никаких ожерелий, серег, браслетов, колец. Я читала этот циркуляр. С течением времени на него перестали обращать внимание, и жены полпредов, помолже, позволяли себе надевать светлые платья, даже с декольте и голыми руками. Что же касается драгоценностей, то у меня их не было, что не мешало писать газетам, что на мне видели самые крупные бриллианты в дипломатическом корпусе. Такой же выдумкой была и моя «роскошная соболя пелерина».

Недели две мадам Вуорима, жена дуайена дипломатического корпуса (он же посланник Финляндии), возила меня представлять дипломатическим дамам. Потом у себя я принимала ответные визиты. Среди членов дипломатического корпуса помню итальянского посланника графа Тости ди Вальминута, уже немолодого, чрезвычайно приветливого итальянца. Француза Анри Косм, его жена из-за неподходящего для нее климата Эстонии не жила постоянно в Таллине. Английский посланник Нечбеллхьючсон во время Второй мировой войны был послом в Анкаре и прославился на весь мир в деле «Цицерона», немецкого шпиона, который умудрился, будучи лакеем у посла, выкрадывать важные документы из посольского несгораемого шкафа. Помню немецкого посланника Шредера с женой гречанкой, страшно худой и некрасивой, но с чудесными бирюзовыми глазами, латыша Зариньша, женатого на бельгийке, поляка Любицкого, почти незаметного рядом со своей скульптурной женой. Чехословацкий посланник был женат на русской. Был еще молодой литовец Шумаускас и молодой и элегантный английский консул Хилл, прекрасно говоривший по-русски.

Когда мы приехали в Таллин, главой государства был Отто Штрандман, холодный и важный эстонец, бывший петербургский адвокат. По эстонской конституции того времени, вместо президента был глава государства, он же и премьер-министр. Пастор Латтик, простой и доброжелательный человек, занимал пост министра иностранных дел. Со многими политическими и общественными деятелями у нас скоро завязались личные дружеские отношения. Среди них Константин Пятс — человек большого ума и личного обаяния. Я так ясно вижу его сейчас, его высокий лоб в ореоле седых, легких как пух волос, умные голубые глаза, доброжелательную улыбку. Раскольников часто говорил мне, что вести

переговоры с Пятсом (он вскоре сделался президентом Республики, после изменения конституции) было очень приятно. Его ум, широта политического горизонта, желание найти общий язык с собеседником, чтобы избежать ненужных осложнений и обострений, делало из него крупного государственного деятеля. Он очень ценил Раскольникову и был с ним в прекрасных личных отношениях. Я.Тыниссон, одно время глава государства, — высокий, худой человек с твердыми политическими и моральными принципами, либерал, враг коммунизма. Но и он, особенно его жена, всегда выражали по отношению к нам самую искреннюю доброжелательность, выходящую за пределы простой дипломатической любезности. Август Рей, социалист, бывший петербургский адвокат, одно время министр иностранных дел, культурный и образованный человек. Его жена Тереза Рей, высокая полная блондинка, обладала хорошим сопрано и однажды даже выступила в роли Травиаты в Таллинской опере. По этому случаю я одолжила ей мой роскошный страусовый веер, подаренный мне Федей. Александр Ойнас, тоже социалист, тоже министр разных ведомств. У нас с ним и его женой, известной социалисткой Астрой Ойнас, была дружба. Вместе с А.Ойнасом мы совершили наше первое путешествие по Эстонии. На машине с шофером Новожиловым, бравым комсомольцем, мы отправились в Гунгенбург, известный еще в дореволюционной России морской курорт на Финском заливе. Там, у моря, в чудесном сосновом лесу, мы провели три прекрасных дня. Там же, не помню как, мы познакомились с поэтом Игорем Северяниным. Множество его стихов я знала наизусть. В школе одно время мы увлекались его поэзией. Оскар подарил мне несколько книжек Северянина: «За струнной изгородью лиры», «Ананасы в шампанском», «Поэзы». В нашей суровой юности его поэзы были совершенно неуместны. Однако мы повторяли «Это было у моря, где ажурная пена, Где встречается редко городской экипаж, Королева играла в башне замка Шопена, И, внимая Шопену, полюбил ее паж». Действительно, было «гротескно» представить себе комсомолок в красных платках, повторяющих эти «красивости». Но, вероятно, «Ананасы в шампанском», «Мороженое из сирени» и проч. были в какой-то мере бессознательным желанием смягчить суровость нашей жизни. Скоро это увлечение прошло. И я с интересом смотрела теперь на бывшего «Короля поэтов». Это был высокий, аскетического типа человек, державшийся с большим достоинством. Он был женат на эстонке и жил в Эстонии. И.Северянин перевел много стихов эстонских поэтов на русский язык.

Возвратясь в Таллин, Ойнас, прощаясь с нами, непременно хотел дать на чай нашему шоферу Новожилову. Тот ни за что не

хотел взять деньги, и они остались в машине. На следующий день Новожилов написал письмо Ойнасу. Неизвестно, каким чудом оно сохранилось в наших бумагах. Привожу его здесь целиком:

Здравствуй Многоуважаемый г. Ойнас

Простите за беспокойство вас, но я не могу смириться с вашим поступком выразившемся в даче мне часовых и тем более я считаю ваш поступок некорректным, ибо у меня за период нашей экспедиции сложились самые лучшие мнения о вас. Я весьма польщен вашей положительной оценкой моего искусства управления машиной, за что выражаю искреннюю благодарность. Еще раз прошу простить, но ваш поступок не соответствует нашей идеологии и разрешите надеяться, что с вашей стороны не последует аналогичного явления. Примите г. Ойнас уверения в совершенном к вам уважении.

Шофер Д.Новожилов.

При сем прилагаю ваши деньги обнаруженные у меня в машине

Новожилов был типичным представителем передовой рабочей молодежи той эпохи. Он рвался к учению, интересовался многим и ужасно любил возить нас по Эстонии. А.Ойнас был тронут письмом Новожилова и при первом же визите к нам зашел к нему, чтобы извиниться за свой «некорректный поступок».

Особое место в эстонском обществе занимал генерал Лайдонер. Он считался «спасителем отечества», потому что в 1924 году подавил вспыхнувший коммунистический путч. Он не принимал участия ни в каком правительстве, но был высшим авторитетом страны. Его не очень высокую, но ладно скроенную фигуру, сильную красивую голову не часто видели на приемах в Таллине. Постепенно у Феди с генералом Лайдонером завязались если не дружеские, то во всяком случае благожелательные человеческие отношения. Жена Лайдонера Мария Ивановна, по происхождению русская, уже немолодая тихая женщина, с явной симпатией относилась ко мне. Нам рассказывали, что в жизни генерала и его жены случилась тяжелая драма. Их взрослый сын трагически погиб. Несомненно, это несчастье навсегда затуманило печалью глаза Марии Ивановны. К концу нашего пребывания в Эстонии мы были приглашены к ним, в скромное поместье недалеко от Таллина, где в спокойной дружеской беседе незаметно проходили часы. В этих мирных беседах мы совсем не подозревали, какие страшные несчастья обрушатся на нас всех уже в таком недалеком будущем...

Наша с Раскольниковым жизнь началась в Москве и кончилась в Ницце. Везде меня поражала его необыкновенная способность, его дар привлекать сердца людей, казалось, совсем далеких ему. И это без всякого нарочитого старания и охоты «нравиться».

Он всегда был самым собою — внимательный, благожелательный, добрый, но вовсе не мягкотелый добряк, с огромным интересом к людям, событиям, книгам, к истории, быту и нравам страны, где он был послом. Хорошим тоном у советских дипломатов считалось глубокое презрение ко всем политическим и общественным деятелям стран, где они находились. Раскольникову был абсолютно чужд этот тон. У него не было предвзятого мнения. Страна, в которую его посылали, всегда интересовала его. Он изучал ее историю, культуру, литературу, конечно и экономику. Я помню удивление журналистов, когда в первом же интервью, новый посланник обнаруживал глубокое знание страны, в которой он был аккредитован. Кроме того, его высокая культура, личное обаяние — все располагало к нему. Раскольников принадлежал к дореволюционной интеллигенции, внутренне свободной и еще позволяющей себе иметь собственное мнение, что отсутствовало, по крайней мере внешне, у новой советской интеллигенции, выращенной в принципах советского воспитания. Нужно, однако, сказать, что советские дипломаты, которых я встречала, так презрительно отзывавшиеся о капиталистическом мире, вовсе не презирали его благ и пользовались по мере возможности всеми привилегиями своего положения.

Раскольников приехал в Таллин при очень неблагоприятных обстоятельствах, и встретили его там с большим предубеждением. В Эстонии с недоверием отнеслись к назначению посланника с таким революционным прошлым. Но постепенно обстановка менялась в нашу пользу. Журналисты стали много писать о Феде и обо мне и тон их изменился по отношению к советскому посольству. Скоро я стала баловнем дипломатического корпуса и журналистов. Ведь я была младшая в дипломатическом корпусе и годилась в дочери посланникам. Журналисты откуда-то узнали, что я была комсомолкой, и всюду окружали меня, осыпая комплиментами и каверзными вопросами. Я не сердилась, и мы часто дружески спорили на политические темы.

Моя новая жизнь сразу сделала меня счастливой. Конечно, прежде всего, моя семейная жизнь, наша взаимная любовь. Девочка, еще неопытная и наивная, я уже тогда первобытным чутьем узнала, как может быть беззащитен мужчина перед красотой или тем, что ему кажется красотой, и очарованием женщины. Условия нашей жизни были таковы, что мы почти не расставались. Только деловая жизнь моего мужа, его обязанности посланника на несколько часов в день разлучали нас. Во всей же внешней дипломатической жизни жена дипломата принимает участие наравне с мужем. Вечера, когда мы были свободны, мы проводили вдвоем: ти-

хая беседа, чтение, писание. Любя делиться со мной всем, Федя читал вслух книги, его интересовавшие. С трогательной мужской наивностью он не думал, что серьезные, иногда сухие мемуары исторических личностей могли навевать на меня скуку. Однажды, после того как Федя в продолжение двух часов читал мне воспоминания русского министра иностранных дел, графа Ламсдорфа, я от скуки расплакалась. Федя всполошился, а узнав причину моих слез, рассмеялся и пообещал не мучить меня скучными, хотя и полезными мемуарами.

Федя очень много читал и писал. Всюду, где он ни был, в короткое время он буквально обрастал книгами. Он очень тщательно следил за всеми новинками советской и зарубежной литературы. С большим интересом ждал появления очередного номера «Современных Записок», «Чисел». Мы с радостью читали новые вещи Бунина, Зайцева, Шмелева, Ремизова, открывали новых писателей — Набокова, Алданова, новых поэтов — В.Ходасевича, Поплавского. Книги немецкие, английские, французские занимали большое место в его библиотеке. Его способность к иностранным языкам была феноменальной. В моей жизни я знала только нашу дочь с такими же способностями.

Федя очень тщательно занимался моим образованием, но у него никогда не было ни малейшей потребности ни что-то мне навязывать, ни как-то меня «воспитывать». Вся его манера «быть», стиль всей его жизни, воспитывали меня, незаметно для меня самой. Живя с Раскольниковым, невозможно было «распуститься», жить «кое-как», со дня на день. Бытовые житейские мелочи не задевали его, он их не замечал. Даже тогда, когда жизнь наша совершенно изменилась и эти «житейские мелочи» могли бы вконец ее отравить, Федя оставался невозмутимо равным себе. Никогда и ничто не могло увлечь Раскольникова в болото обывательщины. Теперь, после многих лет, я часто думаю о двойственности его натуры. Он несомненно был человеком действия, вся его биография революционера доказывает это. Но я знала также Раскольникова погруженным в глубокие размышления, проводившего за письменным столом или за книгой целые дни и даже ночи. После вечерних приемов он всегда по возвращении писал в своем кабинете до трех-четырёх часов утра. Иногда он будил меня в эти часы и оживленно блестя глазами говорил: «Послушай, милая, что я написал». В то время он писал свои воспоминания о революции и гражданской войне. Эта книга скоро вышла под заглавием: «Рассказы мичмана Ильина». Кроме того, он написал целый ряд портретов исторических личностей, как Пилсудский, Бенито Муссолини, Адольф Гитлер, принц де Линь, граф Фикельмон, Проспер де Барант.

Эти эссе печатались в толстых журналах, некоторые в «Известиях», под псевдонимом «Федор Желябов». В его положении посланника невозможно было писать о политических деятелях настоящего времени.

У меня тоже были свои обязанности: светская жизнь дипломатического корпуса в Эстонии была оживленной, как во всех маленьких государствах, где нет больших возможностей развлечься. Поэтому всякого рода приемы в иностранных представительствах и у эстонцев были многочисленны. Кроме этого, у меня были уроки французского и немецкого языка, чтение, подготовка к политкружку два раза в месяц, партийные собрания, где я, как комсомолка, должна была присутствовать. Официально все члены партии сдавали свои партбилеты, уезжая за границу, но партячейка в каждом советском учреждении функционировала. Для конспирации слово ВКП не употреблялось, партячейка за границей носила другое безобидное название, так же как агенты ГПУ назывались «соседи». Во всех полпредствах была широко развернута т.н. культурно-просветительная работа. Все сотрудники, кроме полпреда, принимали участие в политкружках, где без усталости жевались и пережевывались статьи и речи «гениального отца народов», делались доклады о внешнем и внутреннем положении. Было все-таки иногда странно слышать утверждения о явном «загнивании капитализма» и его неизбежной полной гибели в самом недалеком будущем и о блестящих, полных уверенности перспективах, что в том же недалеком будущем социализм принесет СССР счастливую и привольную жизнь. В памяти всплывали пустые магазины, хлебные карточки, жуткие слухи об ужасах коллективизации, категории отверженных — лишенцы, двурушники, вредители. Не нужно, однако, думать, что уже в первые годы за границей я отрекалась от того, чтобы было привито мне с детства — наша страна оплот и надежда угнетенных всего мира, и прочие громкие заявления еще цеплялись за мое сознание. И пока я верила в это, никакие соблазны Запада не могли заставить меня отречься от этих идеалов. Первое время в Эстонии, когда я открывала этот новый мир (я все же видела и его теневые стороны), мне стало бесконечно жаль нашу родину и я почувствовала обязанность защищать ее. Поэтому в спорах с журналистами или генералом Тырвандом я совершенно искренне старалась парировать их нападения. Конечно, я еще не знала многого, что творилось в нашей стране.

Мне нравилась атмосфера Эстонии, прелестного города Таллина, дышавшего покоем, уверенностью в завтрашнем дне, устоявшимся бытом, без угрозы, что завтра все может полететь вверх тормашками. В Эстонии я впервые почувствовала «внутреннюю

свободу», несмотря на постоянное наблюдение ГПУ — «недремлющего ока и карающей длани». С Федей мы свободно разговаривали обо всем, читали все книги и газеты, которые нас интересовали.

В Таллине я узнала о судьбе императора Николая II и его семьи. Мы в СССР смутно слышали, что царь Николай II был осужден и расстрелян, но для моего поколения это казалось таким же далеким, как казнь Людовика XVI. Когда в Таллине я прочитала впервые о расстреле всей царской семьи и об обстоятельствах этой казни, я пришла в ужас и побежала к Феде за объяснениями. Он мне сказал, что Англия, несмотря на просьбы Керенского, отказалась принять царскую семью и что ЧК, опасаясь захвата Екатеринбурга белой армией, расстреляло всех — императора, императрицу, больного наследника, великих княжен, доктора и слуг. Меня навсегда поразила эта трагедия...

В свободные дни мы с Федей ездили по всей стране. Эстония имеет свой ярко выраженный национальный характер. Грустная монотонная природа прибалтийской страны смягчается зелеными холмами вокруг Тарту. Эстония показалась мне счастливой и свободной после семи веков иностранного порабощения. После разделения финских племен на финнов и эстов в первые века по Р.Х. земля эстов около 300 лет была свободной, несмотря на набеги шведов и славян. В начале XIII века немецкие рыцарские ордена покорили эстов, принесли им христианство и владели ими до XVI века, когда Эстония оказывается под властью шведов, которые дали эстонским крестьянам свободное пользование землей и создали в конце XVI века первую эстонскую гимназию, а в 1632 году Университет в Дерпте. Затем, после победы русских над шведами, Эстония принадлежала России 200 лет. Поразительна стойкость маленького народа, сохранившего свой язык и культуру в течение этих долгих веков национального порабощения. 24 февраля 1918 года Эстония становится независимым государством. Но уже 24 ноября 1918 года Красная Гвардия атакует молодую республику. Но Эстония отстояла свою свободу, и 2 февраля 1920 года был подписан мирный договор в Тарту, по которому Советская Россия навсегда отказывалась от каких-либо территориальных претензий к Эстонии.

Федя читал мне «Калевипоэг», народную эстонскую эпопею, отражающую события в период VIII-XIII веков. Эстонский эпос древнее финского, в нем мотивы языческие, тогда как в «Калевале» мотивы христианские. По историческому и художественному значению «Калевипоэг» не уступает ни Нибелунгам, ни «Калевале».

В 1932 году Тарту, он же Дерпт и Юрьев, праздновал трехсотлетие своего Университета, основанного шведским королем Густавом Адольфом. Почти до половины XIX века Юрьевский университет был самым важным русским университетом по причине своих старых связей с немецкими традициями и европейской наукой. На торжества прибыл шведский наследный принц Густав Адольф. Был приглашен и дипломатический корпус. Мы с Федей отправились на автомобиле в Тарту накануне, чтобы хорошенько познакомиться с этим прелестным старинным университетским городом. Жизнь этих городов вращается вокруг университета. Студенты в разноцветных шапочках корпораций, студентки — веселые девушки, наполняли город и парки. На следующее утро мы были на молебне в университетской церкви, потом на торжественном акте в университете, на котором принцу вручили диплом почетного доктора. Профессора, представители многих университетов Европы и Америки были в тогах разных цветов. Не помню, чтобы советские профессора принимали участие в этом торжестве. Вечером было факельное шествие студентов по всему городу, после этого состоялся бал.

Летом 1932 года тогдашний глава государства К.Пятс устроил большую автомобильную поездку по всей Эстонии. Были приглашены все посланники с женами, некоторые военные и почетные консулы, как промышленник Иоахим Пухк, почетный консул Финляндии, очень богатый, культурный и приятный человек. Для главы государства целью этой поездки было укрепление и усиление своего влияния в стране. Для нас же это было интересное знакомство с Эстонией. Наше путешествие длилось целую неделю. Мы останавливались в городах и деревнях, где население встречало нас хорovým пением, а местные власти приветственными речами. Мы осматривали все достопримечательности, а глава государства беседовал с влиятельными лицами и представителями населения. Вечерами на каждом этапе устраивались банкеты. Мы все очень сблизились — и дипломаты и эстонцы. В Тарту за обедом я в шутку послала Иоахиму Пухку «розу в бокале золотого, как небо, Аи». Мы сидели за разными столами. Как и полагается джентльмену, Пухк прикоснулся губами к розе, вдел ее в петлицу пиджака, отыскал меня взглядом и подняв бокал, осушил его. Федя сказал мне потом: «К счастью, Пухк, наверное, никогда не читал Блока, поэтому твою шалость принял за милую шутку». Наша поездка кончилась в Пярну, где, тепло распростившись, все расстались.

Из событий, выходящих за рамки светской жизни в Таллине, был визит президента Польши Мостицкого. Польша в то время старалась сблизиться с прибалтийскими государствами. Помимо

официальной программы, на корабле был дан пышный бал. Галантные морские офицеры ухаживали за дамами. Танцевали до утра даже с carnet de bal.

После отъезда М.В. Буравцева, негласно исполнявшего должность корреспондента ТАСС, мне предложили заменить его, тоже негласно. Я согласилась. Для этого надо было читать газеты, следить за важными событиями и по газетным сведениям раз в месяц с дипломатической вализой посылать доклады о политическом и экономическом положении Эстонии. Кажется, тогдашний директор ТАСС Долецкий был доволен моей работой.

У нас завязалась дружба с полпредом в Финляндии И.М. Майским и его женой. Они посетили нас в Таллине и пригласили нас погостить у них в Хельсинки. Иван Михайлович с умными лукавыми глазами занимал нас интересными рассказами о Финляндии и о характере финнов. Агния Александровна, необычайно подвижная, была очень гостеприимной хозяйкой. Запомнился вечер, проведенный с ними в большом ресторане, в новом доме впервые мною виденной современной архитектуры: повсюду широкие окна, позволяющие видеть море и город на огромном расстоянии. Пока Иван Михайлович и Федя серьезно обсуждали козни Англии, Германии, Польши в прибалтийских странах, я, рассеянно слушая щебет Агнии Александровны, любовалась фантастической картиной, развертывавшейся перед моими глазами: море и небо в волшебном освещении, созданном белой ночью и зарей незакатного солнца. Скандинавские пейзажи, белые ночи, фьорды, шхеры были полны поэзии для меня. Этому я обязана скандинавской литературе, особенно романам Кнута Гамсуна, которыми в школе очень увлекалась. Мы, комсомольцы, с упоением читали «Викторию» и «Пана»: любовь их героев, никогда не осуществленная, но наполняющая всю жизнь, глубоко волновала нас. Конечно, мы все были смутно влюблены в лейтенанта Глана.

С Майскими мы поехали через северные весенние леса посмотреть знаменитый водопад Иматру. Там под шум падающей воды мы провели ночь.

Мало-помалу у нас завязались дружеские отношения с эстонской интеллигенцией, в особенности с писателями и журналистами. Мы приглашали их на чай (это было в моде тогда) или на обед. Привожу выписку из одной эстонской газеты («Нооль», №20, 1931 г.):

В прошлый понедельник послом СССР, Министром Раскольниковым и мадам Раскольниковой были приглашены в посольство на пятчасовой чай представители эстонского литературного мира. Это было впервые, когда иностранное посольство сочло

нужным ознакомиться, помимо экономических и политических деятелей, также и с людьми нашего духовного мира. Приглашены были все наши наиболее выдающиеся литераторы, главные редакторы крупнейших газет и некоторые театральные деятели. Из «тузов» литературного мира чувствовали себя в уютных помещениях посольства весьма по-домашнему Эд.Губель Метсанурк, который так же умело беседует с дипломатическими дамами, как и со своим населением предместья. Фр.Туглас, инспирированный очаровательностью мадам Раскольниковой, не отставал от тонкого французского кавалера. Поэт Х.Виснапу был в ударе, как с мужчинами, так и с дамами. Мадам Раскольникова своей простотой и сердечностью была для литераторов удивительной хозяйкой. Министр Раскольников умел разговаривать с каждым из лагеря как стариков, так и молодых... Как гости, так и хозяева подчеркивали, что необходима более тесная культурная связь между обоими соседними народами.

Внутренняя жизнь полпредства протекала без особенных событий. К нашему сожалению, на место уехавшего Буравцева первым секретарем был назначен «выдвиженец» Антипов. Место милого Машицкого занял тоже «выдвиженец» Фролов, оказавшийся горьким пьяницей. Очень скоро его откомандировали в Москву. «Склоки» в Полпредстве не было, но не было и прежней дружеской атмосферы.

Из Риги в Таллин довольно часто наезжал Театр русской драмы. Мы приглашали артистов Гзовскую и Гайдарова. Ту самую Гзовскую, артистку Художественного театра, о которой писал Блок в своих дневниках. Несостоявшаяся Изора из его драмы «Роза и Крест».

Мы ездили в Москву не менее двух-трех раз в год, где проводили недели две-три. Но эти недели не были радостными. Особенно тягостная атмосфера установилась в стране, когда Сталин решил покончить с «либерализмом» НЭПа. 27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов Сталин объявляет о конце НЭПа и начале марша вперед к социализму. Открывается страшная страница в истории СССР. Началась сплошная коллективизация. Поползли жуткие слухи об ужасах, творимых в деревне. Начался невиданный голод в стране, вызванный коллективизацией. В начале 30-х годов на Украине, в Поволжье, в Средней Азии, на Кубани вымирали целые деревни. Никакой помощи не было ниоткуда. Это тщательно скрывалось. Знали только то, что писалось в газетах, которые, задыхаясь от восторга, извещали нас, что крестьяне валом валялись в колхозы, и, конечно, о том, что «всемирно-историческая победа колхозного строя одержана под мудрым руководством великого Сталина».

Когда зимой 1931-32 года мы приехали в Москву, все продуктовые магазины были буквально пусты. Стояли только бочонки с капустой «провансаль», но ни капли никакого масла в ней не было. Уже с 1929 года были введены карточки на хлеб. Население кормилось в столовых при фабриках, заводах, учреждениях. «Лишенцам» карточек не полагалось. Жена писателя Л. Никулина, как урожденная княжна Волконская, была объявлена «лишенкой» и хлебной карточки не получила. Однажды ночью, возвращаясь от Валентина Катаева, мы с Федей остановились перед ярко освещенной витриной магазина, где было выставлено огромное количество разных консервов. Обрадовавшись, что, может быть, с питанием становится лучше, мы, к нашему разочарованию, разглядели надпись «бутафория».

Это были годы Торгсина, когда продукты и товары, отсутствующие в обыкновенных магазинах, продавались на валюту или на золото. Население несло в эти магазины золотые коронки, кресты, браслеты, кольца, все, за что можно было купить 200 грамм масла, фунт сахару. По Москве ходили слухи о ночных нападениях на прохожих, у которых бандиты вырывали золотые зубы. В то же время государство продавало за границу на валюту древние иконы, картины из музеев, русский фарфор. Во всех салонах иностранных посольств в Москве мы видели стены, увешанные бесценными иконами, рояли, покрытые старинными парчевыми, тканными золотом и жемчугом ризами священников.

Я болела душой за тяжелую жизнь моих родителей и моей сестры. Их голодное существование мучило меня. Мы посылали из Таллина продовольственные посылки родным и друзьям. Когда мы с Федей решили выписать на несколько недель к нам моего отца и сестру, чтобы они могли немного подкормиться и отдохнуть, им не дали разрешения. Только мать Феде могла посещать нас.

Однажды, выйдя из трамвая у Никитских Ворот, я вдруг увидела появившегося как из-под земли высокого молодого крестьянина с женщиной, державшей на руках младенца. Двое детей постарше цеплялись за юбку матери. Было в этих людях поразившее меня выражение последнего отчаяния. Крестьянин снял шапку и задыхающимся, умоляющим голосом произнес: «Христа ради, дайте что можете, только скорее, а то нас заберут». Ошеломленная, я спросила: «Откуда вы, чего вы боитесь, кто вас заберет?» — и высыпала на ладонь крестьянина содержимое своего кошелька. Исчезая, он бросил: «Вы тут ничего не знаете. Деревня помирает с голоду. Нас гонят из домов, убивают...»

Я до сих пор вижу этого крестьянина и его семью...

В то же время издаются законы, один суровее другого. В 1931 году появляется закон «об охране имущества гос. предприятий и об укреплении социалистической собственности» — мера наказания — расстрел. По этому закону, даже дети до 10 лет карались за «кражу колосьев в поле». В 1930 и 31 годах несколько громких процессов («вредителей»: бактериологов, обвиненных в организации конского падежа (расстреляны); процесс работников пищевой промышленности, обвиняемых в «организации голода» (48 приговорены к расстрелу); процесс меньшевиков, обвиненных во вредительстве в области планирования, процесс «промпартии», группа инженеров обвиняется во вредительстве и заговоре против советской власти и т.д.

Удивительно, как при этом режиме надо было постоянно бороться с кем-то, преследовать каких-то «козлов отпущения», виноватых во всех неурядицах. С моих детских лет я помню, что нас постоянно призывали «разоблачать», «искоренять», «давить», «ликвидировать», «стирать с лица земли» «контрреволюционеров», «белогвардейское охвостье», «нэпманов», «вредителей», «кулаков», «подкулачников», «лакеев капитализма», «служителей культа», «тунеядцев», «паразитов», «летунов» и позже «шпионов всех мастей, троцкистских, японских, немецких, английских, американских», «похотливых гадов, подлых крыс», и еще позже: «безродных космополитов», «сионистов», «врачей-убийц» и т.д. и т.п.

Все эти шумные кампании по искоренению той или другой категории привели мало-помалу к появлению мощного чувства виновности у граждан Советского Союза. Ведь каждый легко мог попасть в одну из перечисленных категорий. Такое чувство, естественно, сопровождалось могучей волной страха, охватившего всю страну. Этот страх надо было скрывать, опять же из боязни показаться виновным в каких-нибудь невероятных преступлениях. Надо было научиться лгать. К середине 30-х годов дьявольский союз «страх - ложь» овладел всей страной. Этот страх можно сравнить с ужасным страхом перед чумой в средневековье. Но там его никто не скрывал: люди каялись, молились, развратничали, вопили, отправлялись в далекие паломничества, тогда как в XX веке шестая часть земного шара была во власти страха, который надо было тщательно скрывать.

После двухнедельного пребывания в Москве мы, надо признаться, с облегчением возвратились в Таллин. Федя был взволнован и потрясен тем, что он увидел, услышал, о чем догадался в Москве. Иностранная пресса мало писала о голоде в СССР. Знатные

иностранцы, посетившие СССР в то время, не скупятся на похвалы и восторги. Бернард Шоу заявляет: «Никогда я так хорошо не ел, как во время поездки по Советскому Союзу». И, покидая Москву: «Завтра я покидаю эту землю надежды и возвращаюсь на Запад, где царит безнадежность». Не знаешь, чему больше удивляться — слепоте ли знаменитого писателя или бесстыдству хозяев, сумевших так ловко провести своего гостя.

В октябре 1930 года мы с Федей съездили в Берлин и в Париж. Берлин поразил нас скрываемой нищетой. Неоднократно мы видели мужчин, одетых вполне корректно, протягивающих шляпу за милостыней. Десятки уличных девиц стояли и прогуливались на каждом перекрестке. Мы навестили Гейнца Неймана, он показал нам огромный дом немецкой компартии на Александер Плац и там же типографию «Роте Фане». Из Берлина мы поехали в Париж. Какое очарование этот город! Мы бегали по музеям, выставкам, сидели в кафе на бульварах, ездили в Версаль, Фонтенебло, Мальмезон. Жили в полпредстве на рю де Гренель, в прекрасном особняке XVIII века, страшно запущенном. Там, как только наступала ночь, стада крыс бегали по коридорам. Виделись и с Эренбургом. Федя хорошо знал его и всегда старался напечатать его писания в советских журналах. В те годы Эренбург был в немилости в партийно-литературных кругах Москвы. Ему не прощали явное стремление жить в Париже, а не в Москве. Эренбург откровенно говорил Раскольникову, что он ездил бы чаще в Москву, но всякий раз боялся, что его не выпустят за границу. Он водил нас в маленькие кабачки на Монпарнасе. Однажды он предложил показать нам Париж и повел нас в какие-то жуткие трущобы. Он с таким волнением описывал нам нищету и несчастную жизнь обитателей этих углов, что я уронила слезу. Потом мы с Федей спрашивали себя, с какой целью он разыграл эту комедию, так как ни раньше, ни позже мы никогда не видели, чтобы его трогали несчастья парижских трущоб. Но Париж он, конечно, страстно любил...

В конце октября мы вернулись в Таллин, где 7 ноября должен был состояться большой прием в полпредстве, о котором потом все газеты писали хвалебные статьи и с наивным удивлением констатировали, что «несмотря на различие мировоззрений люди могут быть симпатичными».

Этой зимой 1931 года, когда мы были в Москве, мой отец сказал нам, что его родители были «раскулачены» и сосланы неизвестно куда. Страшная эта весть потрясла меня. Обнявшись, мы с папой горько плакали... Путешествуя по Эстонии, я видела всюду маленькие чистенькие фермы, где свободолюбивый эстонский крестьянин трудился на своей суровой земле... Этот труд, бережли-

вость, порядок, равно как и труд всего населения создали благосостояние Эстонии. Вспоминая эту налаженную жизнь эстонского крестьянина, я с болью думала о судьбе несчастного русского мужика. Разоренный дом моих бабушки и дедушки в Ольшаниках! Ведь они тоже трудились не жалея сил, никого не эксплуатируя, заботясь о своем хозяйстве, о будущем своих детей. Их выгнали из дома, построенного их собственными руками, погрузили, как скот, в скотские же вагоны и увезли куда-то в чужие дикие края. Советская власть отбила у крестьянина охоту к земле. Немыслимо человеку жить без возможности хоть маленького, но индивидуального творчества где бы то ни было: у себя, в поле, в огороде. В Переделкине я видела колхозное поле, где в конце сентября небурная рожь с пустыми колосьями, зерно высыпалось уже давно, сиротливо качалась по ветру...

Раскольников негодовал и огорчался, что Максим Горький безоговорочно одобрял все политические процессы, происходившие в Москве. 15 ноября 1930 года писатель публикует статью в «Правде» и в «Известиях», в которой заявляет: «Если враг не сдастся, его уничтожат». Эта лапидарная формула сразу же вошла в арсенал советских моральных правил.

Раскольников хорошо знал лично Максима Горького. Они встречались в первые революционные годы у писателя в Петрограде. В двадцатые годы Раскольников дважды был в Италии и посетил Алексея Максимовича в Сорренто. В годы, когда Раскольников был главным редактором «Красной Нови», он переписывался с Горьким о литературных делах. Несколько писем писателя хранились в архиве моего мужа, переданном им на хранение в Литературный музей в августе 1936 года. Когда Горький постоянно жил в СССР, Раскольников, в свои наезды в Москву, несколько раз звонил ему, но всякий раз к телефону подходил секретарь писателя Крючков с неизменным ответом, что Алексея Максимовича нет в Москве или что он болен. Раскольников понял, что окружение писателя считает нежелательным возобновление отношений Горького с ним, и перестал звонить.

Летом 1932 и 33 года мы ездили в Париж и Италию. По дороге мы останавливались то в Мюнхене, то в Дрездене, Роттенбурге, в Гейдельберге, Веймаре, Нюрнберге и Баден-Бадене. Совершили даже поездку на пароходе по Рейну.

Александр Федорович Ильин-Женевский, брат Феди, занимал в эти годы пост советника в полпредстве в Париже. Мы останавливались у него и много времени проводили с ним и его женой. Шурик, как мы его звали, мягкий и внимательный, обладал боль-

шим чувством юмора. Мы много смеялись, когда он рассказывал истории, происходившие в полпредстве.

В Эстонии мы совершенно «обжились». «А ведь эстонцы к нам привыкли и даже не скрывают, что мы им симпатичны», — сказал мне однажды Федя. И это было верно. Три года тому назад мы приехали в откровенно враждебную страну, с еле скрываемым подозрением следившую за каждым нашим шагом. Теперь у нас были друзья даже в антисоветских кругах. Самый непримиримый враг коммунизма либерал Тыниссон любил беседовать с советским посланником и, не довольствуясь официальными приемами, приглашал нас частным образом в свою семью, в летнюю резиденцию министра иностранных дел.

В то же время наши приезды в Москву в эти годы были все более угнетающими. Усталость, страх и разочарование чувствовались очень сильно. «Обожествление» Сталина шло быстрым темпом. Он был объявлен «великим корифеем науки», «великим философом, классиком марксистской философии, равным Марксу, Энгельсу, Ленину», «великим историком», «великим лингвистом», «лучшим другом детей», «солнцем и луной», «вождем, самым любимым из вождей всех эпох и народов» и т.д. и т.п. На плакатах появляются уже четыре профиля: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Под знаменем «социалистического реализма» и борьбы с «формализмом» критика грубо одергивала «виновных»: писателей, театральных деятелей, художников, композиторов...

В середине 1933 года Раскольников получил новое назначение в Копенгаген. После бесчисленных прощальных приемов, в начале сентября, был назначен день нашего отъезда. Было грустно покидать Эстонию и друзей, но манили и «другие берега». На пароходе мы уплывали в Стокгольм. На пристани собралась огромная толпа провожающих — дипломатический корпус, официальные лица, журналисты, частные наши друзья и знакомые. Мне надарили массу цветов, вся ванная в нашей кабине была заполнена ими. Я никогда не видела такого огромного количества букетов. Сердечно распростившись со всеми, мы поднялись на палубу. Скоро готические башни Вышгорода растаяли в сиреновой мгле сентябрьского вечера.

В Стокгольме на пристани нас встретила Александра Михайловна Коллонтай, полпред в Швеции. Я много слышала о ней от Феди, знавшего ее давно, по разговорам в Москве — о ее книге «Любовь пчел трудовых», по заграничным газетам, писавшим часто о ней, — о ее «шарме», о ее туалетах, мехах, бриллиантах. О ее дипломатических талантах тоже. В то утро в Стокгольме я увиде-

ла ее впервые. Передо мной стояла женщина невысокая, уже немолодая, начинающая полнеть. Но какие прелестные живые и умные глаза! Она пригласила нас остановиться в полпредстве и провести в Стокгольме несколько дней. Полпредство занимало небольшую довольно скромную виллу. Мы завтракали с Александрой Михайловной в уютном, скандинавского стиля ресторане, где ее хорошо знали. Разговор коснулся Мексики, куда Наркоминдел хотел послать Раскольникову четыре года тому назад, но в Мексике произошел очередной политический переворот и новое правительство порвало дипломатические отношения с СССР. Александра Михайловна несколько лет была полпредом в Мексике. Она любила эту страну, импульсивность и революционный пыл ее населения, грандиозную красоту ее природы и остатки древней цивилизации. В разговоре между прочим Александра Михайловна заметила, что никогда нельзя вполне положиться на то, что пишут журналисты: «Во всем мире пишут о моих туалетах, о моих жемчугах и бриллиантах и почему-то особенно о моих манто из шеншилей. Посмотрите, это прославленное манто сейчас на мне». Мы увидели довольно поношенное котиковое манто, которое можно было принять за шеншиля только при сильном воображении. «Что же касается бриллиантов, то на жалованье полпреда можно купить только стекляшки», — прибавила Александра Михайловна. Позже я вспомнила об этом в Софии, читая в болгарских газетах описание моих «сногшибательных» туалетов. Федя сказал мне однажды, как будто шутя: «Твоя популярность в эстонском обществе и твои "наряды", конечно, уже известны в кабинетах ГПУ». Я изумилась, почему моя скромная персона могла интересовать это важное учреждение.

Александра Михайловна показала нам весь Стокгольм, прекрасный северный город, аристократически строгий, где новая архитектура не нарушала гармонии старого скандинавского ансамбля. Я спросила о Сельме Лагерлеф. Александра Михайловна была лично с ней знакома и любила ее книги. Я вспомнила голодное и холодное время в Петрограде 1919 года. Папа читал нам «Чудесное путешествие мальчика по Швеции» — и мы с Галей забывали и холод и голод. Позже я прочитала «Сагу о Йесте Берлинге» и несколько раз ее перечитывала. Сельма Лагерлеф возбудила во мне интерес и любовь к скандинавской литературе. Сигрид Унсет и замечательная трилогия «Дочь Лавранса», драмы Ибсена и незабываемые романы Гамсуна были увлечениями моей юности.

А.М. Коллонтай возила нас и по окрестностям Стокгольма. Три дня пролетели быстро, на утро четвертого мы уехали в Копенгаген...

II. БОЛГАРИЯ

*Помнишь ли, помнишь ли тихия двор,
Тихия дом в белоцветните вишни...*

Повторяя эти строфы, я вижу себя на краткое мгновение снова в белом доме в Софии, ранним утром в розовой долине, в Болгарии, где мы проводили, не зная того, последние годы счастливой жизни. В несколько секунд я снова переживаю эти медленные длинные дни болгарского лета, наполненные только миром, бездумным счастьем. Я вижу золотые поля Копривщицы, древнюю фракийскую долину. Даже теперь, после стольких лет и событий, воспоминание о Болгарии — это полнота бытия. Для меня она летний полдень, застывший навсегда в дивном своем равновесии.

Ф.Ф. Раскольников был первым советским посланником в Болгарии. После переворота 19 мая 1934 года Кимон Георгиев, захватив власть, решил установить дипломатические отношения с СССР, прерванные в 1914 году, когда Болгария оказалась союзницей Германии. М.М. Литвинов, предлагая этот пост Раскольникову, писал ему, что он самая подходящая кандидатура. В этой стране никогда не ослабевала любовь и интерес к русским «братушкам». Белые или красные, царская Россия или советская, неизменно любят болгары великую родственную страну.

Восточный экспресс хмурым ноябрьским вечером привез нас из Вены в Софию. На перроне нас встретила толпа журналистов, представитель Министерства иностранных дел и Михаил Васильевич Буравцев, советник полпредства. Фотографические аппараты болгарской и иностранной прессы щелкали без конца. Шеф протокола от имени Министерства приветствовал первого советского посла. Наконец, после обмена «ритуальными» любезностями, нас отвезли в гостиницу «Болгария», где мы должны были жить до окончания ремонта в доме посольства.

Михаил Васильевич за обедом в ресторане гостиницы посвятил нас в свои первые впечатления, вынесенные им за несколько дней пребывания в Болгарии.

«Ваш приезд, Федор Федорович, — говорил Михаил Васильевич, — вызывает здесь огромный интерес. Сразу же после Вашего назначения все газеты печатали в малейших деталях Вашу биографию. Болгары очень польщены, что послом сюда назначен человек Вашего калибра».

На следующее утро нам принесли огромную кипу всех болгарских газет и журналов. Всюду на первой странице красовались

наши фотографии и интервью, которые Раскольников дал на вокзале. Вскоре начались визиты, телефонные звонки из газет с просьбами интервью, ходили какие-то люди. Раскольников в сопровождении Буравцева отправился с визитом в Министерство иностранных дел. Перед гостиницей собирались толпы, чтобы хоть издали посмотреть на русского посла. Директор отеля, хитрый левантинец, жаловался: «Министерства внутренних и иностранных дел строго-настрого приказали мне оберегать Вас как зеницу ока. Но что я могу сделать? Масса людей осаждают мой "хотел" с раннего утра до позднего вечера, чтобы повидаться с Вами. Между ними легко могут проскользнуть "аттентаторы" и "вагабонды"». Хорошо зная террористические традиции страны, правительство, видя такое положение вещей, поспешило приставить к нам «телохранителя». Федя сначала запротестовал, но Министерство иностранных дел убедительно просило его дозволить присутствие «телохранителя» в гостинице, и молодой человек, веселый и разговорчивый, стал охранять доступ в наши апартаменты и сопровождать нас, когда мы выезжали.

Большой дом посольства, выстроенный по соседству с царским дворцом и как раз напротив собора Александра Невского, был в жалком состоянии. Понадобилось четыре с половиной месяца капитального ремонта, чтобы привести его в порядок. Обо всем, связанном с этим ремонтом, можно было написать целую комедию: о постоянной борьбе с подрядчиками и архитектором, которые без стеснения раздували расходы, о нечестности поставщиков и т.д. Бедный Михаил Васильевич, который занимался этим, бывал иногда совершенно обескуражен. Подрядчиком по водопроводу и канализации был брат Георгия Димитрова.

В ожидании окончания ремонта мы жили в «Болгарии». Федя при огромном стечении народу на улице вручил верительные грамоты царю Борису Третьему, а я представилась царице Иоанне, урожденной итальянской принцессе. Кроме того, надо было делать многочисленные визиты, принимать массу приглашений, знакомиться со множеством самых разнообразных людей. Мы находили еще время для уроков болгарского языка и чтения истории Болгарии. Интерес к нам не пропадал. Каждый день в газете подробно описывалось наше времяпровождение, что сказал Раскольников по тому или другому поводу, а когда не было ничего более интересного, писали, что центральное отопление в доме посольства начало функционировать. Вместе с печатными органами широко распространялась «устная газета». В ней главной героиней оказалась я. Рассказывать небылицы о Раскольнике было трудно. Вся его жизнь известна, а я, конечно, другое дело. Скоро мы

узнали по слухам, циркулировавшим в Софии, что я являюсь не только женой Раскольниковой, но и приставленным к нему агентом ГПУ на предмет постоянной слежки за ним. Кроме того, кто-то клятвенно уверял, что узнал во мне агента ЧК, руководившего подготовкой взрыва в соборе Святая Неделя в 1923 году. Мой юный возраст несколько не смущал сплетников. Однажды, раздосадованный какой-то чересчур наглой и глупой сплетней, Раскольников сказал доносчику: «Вы не знаете самой последней новости: в Софии утверждают, что моя жена не только не моя жена, но даже не женщина, а переодетый мужчина». Мы дико смеялись, когда буквально на следующий день очередной посетитель, оглядываясь по сторонам, прошептал: «Вы знаете, господин посол, что по городу ходят слухи, что госпожа Расколькова переодетый мужчина». — «Здесь не шадят даже твою юную розовую женственность», — шутил мой муж.

Подобного рода слухи носились по всей стране. Огромный интерес, вызванный приездом первого русского посла, требовал каких-то необыкновенных новостей. Поэтому процветало мифотворчество. Русских дипломатов не видели здесь со времени вступления Болгарии в войну 1914 года. Наряду с этими иногда досадными выдумками были трогательные свидетельства дружбы и уважения со всех сторон.

Уязвленный и обиженный таким исключительным вниманием и интересом всей страны к советскому послу, старшина дипломатического корпуса, в то время английский посланник, сделал даже представление Министерству иностранных дел. Но МИД был бессилен: газеты по-прежнему продолжали писать о мельчайших подробностях нашей жизни, о моих туалетах, якобы такой невиданной элегантности, что Федя и я не могли удержаться от смеха.

Царь Борис, невысокого роста, с живыми движениями, с чем-то неуловимо обреченным в глазах, любил беседовать с советским посланником по вопросам истории.

— Как много вы читаете, господин посланник, каждый день я вижу из моих окон, как, прогуливаясь в Вашем саду, Вы не выпускаете из рук книги, — говорил царь Борис. Из окон дворца можно было видеть все, что происходило в нашем саду. У моего мужа, действительно, была привычка читать гуляя. Нам было уже известно трагическое начало царствования царя Бориса. Но мы не знали его трагического завершения. Теперь, когда я пишу эти строки, жизнь и царствование Бориса Третьего отошли в прошлое, сделались достоянием истории. Позволяю себе в самых кратких чертах коснуться этой истории.

Царь Борис Третий взшел на престол в 1918 году, наследуя своему отцу Фердинанду Первому, вынужденному отречься в результате потери войны Германией и Австро-Венгрией. Царь Фердинанд, властолюбивый мегаломан, оказался злым гением Болгарии. Его царствование отмечено сильными националистскими настроениями, обостренными ревизией Сан-Стефанского договора, по которому победоносная Россия в войне с турками, в 1878 году восстанавливает «Великую Болгарию», простирающуюся от Охридского озера до Салоник. Однако Бисмарк, Англия и Австро-Венгрия, испуганные ростом влияния России на Балканах, заставили Петербург на Берлинском Конгрессе принять исправления Сан-Стефанского договора. Македония была возвращена Оттоманской империи. После смерти первого князя Болгарии Александра Баттенбергского в 1887 году, престол занимает принц Фердинанд Саксен Кобургский. Ему удается объявить себя царем независимой Болгарии Фердинандом Первым в 1908 году. Но Болгария и особенно царь Фердинанд, не могли примириться с потерей Македонии, и в 1912 году Болгария, Сербия и Греция объявляют Оттоманской империи войну для освобождения Балкан от турецкого ига. В момент дележа царь Фердинанд вероломно захватывает территории, отнятые у Болгарии после Сан-Стефано. Победенный обманутыми союзниками, в начале 1913 года он вынужден по бухаресткому миру отдать Македонию Сербии. Все же Болгарии был оставлен выход к Эгейскому морю.

Желание взять реванш и вернуть отнятые провинции заставляет царя Фердинанда в 1915 году принять участие в войне на стороне Германии и Австро-Венгрии. После поражения центральных держав договором в Нейи были подтверждены статьи бухарестского договора 1913 года. Сверх того, Болгария лишалась выхода к Эгейскому морю во Фракии. Царь Фердинанд вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Бориса.

Царствование Бориса Третьего началось под несчастливой звездой. Катастрофические последствия войны, мировой кризис, внутренние брожения, усложненные установлением диктатуры крестьянского вождя Стамболийского с 1920 по 1923 год, когда тот был свергнут и убит. После подавления в 1923 году Цанковым восстания коммунистов и крестьян, в Болгарии начинается эпоха террора и контртеррора, когда политические убийства происходили прямо на улицах Софии. Коммунисты, македонские четники и члены фашистских лиг без колебаний стреляли друг в друга, не обращая внимания на прохожих. На царя Бориса совершается несколько покушений, от которых он спасается только чудом. Наконец 19 мая 1934 года группа офицеров-националистов «Звено»

под предводительством полковника Кимона Георгиева захватывает власть. Террор утихает. Болгария примыкает к экономической «оси» Германии и Италии, которая казалась ей единственным выходом из кризиса.

Во время второй мировой войны (1940-1945) правительство проф. Филова в марте 1941 года открывает территорию Болгарии немецким войскам, которые захватывают Грецию и Югославию. За это Болгария получает Македонию и Фракию. Когда в 1943 году война кажется проигранной Германией, царь Борис замышляет заключить сепаратный мир с Англией и Соединенными Штатами, но внезапно умирает в самолете, возвращаясь после свидания с Гитлером в Софию.

Вернемся, однако, в тот 1934 год, что казался таким счастливым. Но все мы были уже обречены, не подозревая этого. Старые русофилы Маджаров, Бобчев, и народные демократы Малинов и Мушанов, — все эти великолепные старцы видели в Раскольникове представителя вечной братской России и наперерыв приглашали его, чтобы поговорить о перспективах славянства. Хотя в то время в линию советского правительства не входила экзальтация славянских чувств, Раскольников, видевший далеко вперед, знал, что эти чувства славянской солидарности всегда могут быть полезными, и не прерывал своих собеседников, искренне интересуясь их идеями. Маджаров, Бобчев, Малинов и Мушанов были на редкость представительными фигурами. От них веяло подлинным русофильством, далекими откликами войны 1878 года, Шипкой, спорами великих держав, окорнавших русскую победу.

В марте 1935 года ремонт нашего дома закончился, и мы с радостью покинули «хотел Болгария». Двухэтажный дом полпредства снаружи и внутри сиял чистотой. Всюду пахло краской. Весь второй этаж занимали приемные и наши частные комнаты. Мы стали устраивать все по нашему с Федей вкусу. От старого посольства не осталось ничего. Надо было заново меблировать шесть приемных комнат и пять наших. Кроме того, надо было приобрести ковры, картины, гардины, посуду, хрусталь, серебро и т.п. Мы не хотели делать это кое-как, на скорую руку. Ведь посольство устраивается на долгие годы и не меняется с каждым новым полпредом. Еще во время нашего пребывания в Москве, перед отъездом в Софию, мы с Федей купили в антикварных магазинах прекрасную старинную мебель, особенно маленький французский салон Людовика XVI, несколько картин и ваз. В Берлине мы купили столовую, а в берлинском торгпредстве еще четыре или пять очень хороших картин, из числа тех, что тогда продавались на ва-

люту. Там же были куплены и ковры. Посуду и хрусталь мы заказали в Праге, мебель для кабинета полпреда была куплена в софийском магазине Гольдштейна. Непременные на стенах кабинета полпреда портреты вождей были присланы из Москвы и заняли места по рангу.

Как только устройство дома было в основном закончено, мы дали большой обед для правительства и дипломатического корпуса. Повар, бай Никола, постарался и обед вышел на славу. На мне было воздушное платье из розового тюля. Федя надевает фрак и просит меня застегнуть первую пуговицу крахмальной рубашки. Он очень красив и я люблюсь им.

Чтобы отдать все обеды и приемы, на которые мы были приглашены, нам пришлось часто принимать. Из дипломатического корпуса мне запомнились — сердечный и веселый чехословацкий посланник Прокоп Макса, с которым мы сразу подружились, французский посланник Лябуре с женой, оба высокие, холодные, застегнутые на все пуговицы. Ничего от галльской живости и приветливости. Турецкий посланник Беккер, маленький, плотный брюнет со сладкой ласковостью в глазах. В то время отношения СССР с Турцией были очень дружественны. Венгерский посланник, не помню его имени, но ясно вижу его, неизменно любезный и галантный, попытавшийся флиртовать со мной. Польский — Гарновский, я с ним часто танцевала вальс на балах, его жена, красивая и элегантная женщина, возила меня с визитами — ее муж был дуаьен дипломатического корпуса. Итальянский посланник Сапулло был дипломатом новой школы. Муссолини к этому времени прибрал к рукам дипломатическую службу, поэтому все чаще и чаще итальянские дипломаты были явно близки к фашизму. Помню также немецкого поверенного в делах принца Шаумбург-Липпе. В Болгарии в это время большим уважением и влиянием пользовался папский нунций, кардинал Ронкалли — много лет спустя папа Иоанн XXIII.

Интерес к нам не понижался. Советское посольство было всегда центром внимания всей прессы. Каждый наш прием привлекал толпы зевак у подъезда, газеты во всех подробностях описывали мои туалеты: глазам не верила, как мои платья, довольно скромные, могли казаться журналистам последними «креасьон» самых элегантных парижских домов. Федя подшучивал надо мной: «Теперь по крайней мере у "соседей" есть материал, чтобы заполнить твое "дело"». Как Федя был добр ко мне! как мы любили друг друга!

Как всегда и везде, Раскольников скоро завоевал большие симпатии в болгарском обществе. Писатели, художники, артисты це-

нили в нем многосторонне образованного человека с литературным вкусом, писателя, драматурга, переводчика. Мы часто устраивали большие и малые приемы для болгарской интеллигенции. Мой муж не только читал в подлиннике болгарских писателей и поэтов, но даже перевел на русский язык многие стихотворения Христо Ботева, Пею Яворова, Николая Лилиева, Елизаветы Багряны и, особенно, Димчо Дебелянова. На этих приемах речь шла только о книгах, поэзии, живописи, скульптуре. Болгарская интеллигенция очень интересовалась послереволюционной русской литературой и сожалела, что доступ в нашу страну так труден. Одни мы из всего дипломатического корпуса имели связи с культурной жизнью страны, где Раскольников был аккредитован. Дипломатический корпус никогда не проявлял большого интереса к умственной жизни страны, где он находился. Иностранцы дипломаты вели замкнутый образ жизни, довольствуясь обществом коллег, проводя вечера за игрой в карты. Я всегда удивлялась таким отсутствием интереса к стране, в которой живешь.

Помню один из таких литературных вечеров у нас. На сохранившейся каким-то чудом у меня фотографии я вижу многие знакомые лица: редакторов газет и журналов, журналистов, писателей, поэтов, художников. Среди них и скульпторы Лазарев и Николов. На этом вечере Елизавета Багряна читала свою поэму «Сейсмограф на сърце», а Раскольников — русский перевод ее, сделанный им самим. Я узнаю на фотографии писателя Елин-Пелина, Анну Каменову, Дору Габе и других. Имена некоторых я уже не помню. В этой среде у нас были настоящие друзья. Правительства менялись, политика колебалась, но неизменной оставалась дружба большого круга болгарского общества.

Феда с необыкновенной быстротой овладел болгарским, а медленнее, но тоже скоро усвоила его и с болгарскими всегда говорила по-болгарски.

Мы с Феей набрасывались на все доступные книги по истории Болгарии с ее богатым прошлым, где оставили свою печать три великих цивилизации Античности — Греция, Рим и Византия, следы которых еще сохранились в современной Болгарии. Более близкая нашему времени болгарская литература тоже интересовала нас. Я любила болгарскую поэзию, много стихов знала наизусть. Даже теперь, после стольких лет, мне случается вдруг вспомнить и прочесть для самой себя «Настане Вечер, Месяц изгрее, Звезди обсипат сводът небесен, Гора зашуми, Вѣтр повее, Балканът пее хайдушка песнь»... Меня привлекал болгарский фольклор, особенно старинные народные песни: «Тече Марица кървава, никому дума не казва, какъв е юнак загинал до китните и брего-

ве». Я увлекалась вышивками, особенно македонскими, густо-красными, золотисто-коричневыми. Даже заказала себе платье из болгарского шелка с этими вышивками. Платье давно истлело, но вышивки еще донныне у меня.

С Федей мы много путешествовали по Болгарии на автомобиле. Красота пейзажей Балкан, Родопов, Фракийской долины была проникнута неуловимым чувством древности, как будто все народы и события, все мифы, сложившиеся здесь (Фракийская долина — страна Орфея, его таинственных мистерий) оставили знак их давно уже забытого присутствия.

Осталась в памяти радостная поездка в Копривщицу: нас пригласил Михаил Маджаров провести день в его отцовском доме. Копривщица — настоящий музей болгарской архитектуры периода болгарского Возрождения. Город расположен на высоте тысячи метров, окружен сосновыми лесами. Была середина июля, золотые поля, готовые к жатве, туманные очерки Балкан. Мы провели длинный блаженный день в старом болгарском доме, окруженном высокой стеной. Внутри неожиданно свежий зеленый газон, прохладная струя фонтана. Гостеприимство и дружелюбие хозяев. Великолепный старец Маджаров, живая история Болгарии, много и интересно рассказывал нам о царствовании Фердинанда, о балканских войнах, о своей дипломатической карьере при русском Дворе. Был сервирован обед из болгарских блюд, который показался нам очень вкусным. Мы посетили также дом, где родился поэт Димчо Дебелянов. Раскольников подарил музею свои переводы стихов поэта. Поздно вечером на обратном пути я тихо повторяла:

Помнишь ли, помнишь ли тихия двор,
Тихия дом в белоцветните вишни?

Луна освещала вершины гор, мы проезжали через заснувшие деревни, маленькие города, где старые болгары мирно беседовали в смиренных «ханах» за чашкой турецкого кофе или за рюмкой ракии...

Сколько событий, войн, революций, катастроф и катаклизмов прошло с тех пор! Но и сейчас, когда я пишу эти строки, слезы заволакивают мне глаза. Болгария и все, что было пережито в ней, остается в моей душе, как и незабвенный образ Раскольникова.

Наркоминдел мало интересовался странами, не играющими главной роли в мировой политике. Кроме Соединенных Штатов, Англии, Германии, Франции, в меньшей степени Италии (не считая Японии), все другие «второстепенные» государства были в загоне. Полпреды этих стран жаловались на такое положение. Раскольников особенно ясно видел это в Болгарии. Несмотря на

огромный интерес болгар ко всему русскому, будь то политика, экономика, литература, театр или музыка, Раскольникову редко удавалось, несмотря на все усилия, добиться, чтобы ученые, артисты, писатели приезжали в Болгарию. За все четыре года я помню только приезд композитора Прокофьева, и то потому, что он жил в то время за границей и мог ездить, куда ему вздумается. К столетней годовщине смерти Пушкина, которая отмечалась в Софии, никто из приглашенных советских пушкиноведов не получил разрешения приехать в Болгарию, несмотря на то, что русский язык и культура хорошо известны болгарам. Один ученый получил разрешение приехать, — это был специалист по паразитологии. Болгары рвались в СССР. Но их приглашали очень редко. Понадобился целый год хлопот, переписки, напоминаний, чтобы Москва пригласила профессора Асена Златарова, председателя советско-болгарского общества дружбы.

1 декабря 1934 года внезапное известие: Киров убит в Ленинграде бывшим троцкистом или зиновьевцем Николаевым. Из СССР доходят слухи, что 30 или 40 тысяч коренных жителей Ленинграда изгоняются из их родного города. С убийством Кирова начинается укрепление власти Сталина.

В одно из наших путешествий по Болгарии я заразилась брюшным тифом. В нашем белом прохладном доме проболела я много недель. Конечно, в газетах ежедневно печатался бюллетень о состоянии моего здоровья. Дом был засыпан цветами, присылаемыми отовсюду. Много ночей я провела в бреду. Федя окружал меня самым нежным, самым внимательным уходом. У меня ничего не болело, но была высокая температура и страшная усталость. Мне казалось, что моя спальня полна какими-то людьми, они были всюду, садились ко мне на постель. Я умоляла: «Выгоните этих людей. Они меня смертельно утомляют». Доктор приходил каждое утро и вечер. Когда, наконец, он разрешил мне встать, я не могла держаться на ногах. Федя на руках вынес меня на балкон. Радость охватила меня и я вскрикнула: «Феденька, даже если все в жизни будет потеряно, отнято, стоит жить ради кусочка синего неба». Сколько раз потом, когда все было отнято, потеряно, я вспоминала эти слова. Жить только ради кусочка синего неба показалось мне очень трудным...

III. ЛЕТО 1936 ГОДА В МОСКВЕ

«Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей!» — кричали белые буквы на красном кумаче плаката, протянутого через весь зал пограничного вокзала в Негорелом. Под лозунгом — пор-

трет «отца народов»: желтые глаза, черная щетка усов, низкий лоб, кавказского типа лицо, изрытое оспинами. На портрете оспины, конечно, отсутствуют. Но год тому назад я удостоилась быть представленной «хозяину», поэтому детали его лица были мне знакомы.

Стояло лето 1936 года. Мы с Федей ехали из Болгарии в Москву, чтобы провести там часть очередного отпуска. Поужинав в ресторане вокзала, мы отправились в свой вагон. Спускался тихий июльский вечер. На западе еще горела заря. В купе международного вагона было жарко. Но как уютно убаюкивал плавный ход поезда, какой приятно манящей казалась прохлада белых простыней на уже приготовленных постелях, как радостно было думать, что завтра мы окажемся в Москве среди родных и друзей. Мы долго стояли у открытого окна. Июльский ветерок шевелил занавески и доносил запах полей: сухой — спеющей ржи, сладкий — сохнувшего сена. Я смотрела на профиль моего мужа, красивого, синеглазого, и в который раз думала, что никогда не перестану восхищаться им, никогда не перестану любить его.

Я знала, что судьба нашей страны сильно беспокоила все последние годы Раскольников. Он до страдания возмущался беспощадной жестокостью насильственной коллективизации. Диктатура Сталина, которая усиливалась и укреплялась с каждым днем, казалась Феде опасной. Загадочное убийство Кирова, проникновение НКВД во все поры общественной и государственной жизни страны и личной жизни ее граждан очень его тревожили. Он возлагал надежды на намечающийся политический поворот, который обещала новая конституция. Всем хотелось верить, что страна находится накануне каких-то важных перемен.

Раскольников никогда не скрывал от меня своих тревог и опасений. Я была очень молода, принадлежала к другому, чем он, поколению (разница в возрасте 20 лет), но с самого первого дня нашего брака он стал относиться ко мне как к равной ему во всем, настоящей подруге его жизни. Такое отношение, с одной стороны, очень радовало меня, с другой, налагало на меня серьезную ответственность — быть всегда достойной его любви и внимания. Надо было привыкнуть к жизни с таким человеком, как Раскольников. Но наша любовь, его нежная внимательность, мое восхищение им и страстное желание, чтобы наша семейная жизнь удалась, вскоре преодолели все трудности, и в наших отношениях воцарилась полная гармония, ничем не нарушаемая вплоть до нашей разлуки навсегда...

От радостного возбуждения я долго не могла заснуть. Короткая летняя ночь кончалась. Уже розовело на востоке небо, а я еще

не сомкнула глаз. Мне вспомнилась моя первая, без взрослых, поездка по железной дороге. Мы с сестрой Галочкой ехали на каникулы к бабушке, жившей в то время с дядей Адольфом в лесничестве где-то под Брянском, в чаще «Брынских» лесов. Галочка вскоре заснула, а я простояла всю ночь у открытого окна. Как и теперь, светила луна, поезд не спеша шел среди лесов. Вдруг пронзительно, до боли, ощутила я счастье жизни и молодости, ожидание впереди необыкновенной, огромной и еще более прекрасной жизни. Она лежала передо мной, эта жизнь, подобно белой широкой дороге, облитой лунным светом, уходящей в бесконечную даль, сливаясь с торжественным небом, со всем миром. Я знаю, в ту ночь судьба обещала мне многое, как обещает всякому юному существу. Чья вина, что эти обещания не всегда сбываются, не совсем сбываются, совсем не сбываются? Но в ту ночь счастье переполняло меня. Судьба не обманула меня. Я встретила большую взаимную любовь...

Теперь, после многих лет, я вижу, что Господь щедро одаривал меня в жизни, но с такой же щедростью все отнимал...

В Москве стояло на редкость жаркое лето. Прохлада нашего дома в Софии казалась баснословной. Ноги вязли в размягченном от жары асфальте. Длинные хвосты стояли у киосков с прохладительными напитками. Нас поселили в только что открытой гостинице «Москва», в Охотном ряду, ныне улица Карла Маркса. Это был один из первых московских небоскребов. Газеты писали, что по роскоши и комфорту подобной гостиницы нет нигде в мире. Вестибюль, обширные холлы, лестницы и широкие коридоры поражали обилием мрамора, малахита, яшмы и других, бесподобных по красоте, уральских камней. Но номера были ниже всякой критики. Безобразная тяжелая мебель, где ящики комодов и столов все не выдвигались или не задвигались. Дверь в ванную невозможно было закрыть — слишком большая ванна занимала часть порога. К тому же в ванне не было пробки и надо было изобретать, чем заткнуть отверстие. Плохого качества краска белой пудрой сыпалась на одеяла, ковры, портьеры. Получить чашку чая или бутылку нарзана было делом почти немислимым. Но все эти мелочи нисколько нас не беспокоили. Мы были рады очутиться в Москве, видеться с родителями, встречаться с друзьями.

Федя ходил обедать в совнаркомовскую столовую, где встречался со многими друзьями и знакомыми, которых невозможно было увидеть в другом месте. В один из ближайших дней он вернулся из столовой несколько озадаченным. Его поразила необычная сдержанность его старых товарищей. В Москве царил «заговор молчания». В совнаркомовской столовой «шушукались» о пе-

ремещении бывшего полпреда в Лондоне Сокольников, ставшего затем заместителем Литвинова, а потом наркомом лесной промышленности, и вдруг назначенного уполномоченным этого наркомата в какую-то отдаленную область. На вопросы Феде о причинах этих странных перемещений ему коротко, с явной неохотой отвечали, что Сокольников сперва «не сработался» с Литвиновым, а потом и с Лобовым (нарком лесной промышленности). Непонятным и угрожающим было закрытие «Общества бывших политкаторжан» и «Общества старых большевиков». Казалось, что стало в порядке вещей, что люди, считавшиеся друзьями, не говорили откровенно о вопросах, их интересующих, если эти вопросы касались политики. Все притворялись, что это не имеет большого значения, но Федя замечал тревогу в глазах старых соратников. Нет, решительно, в Москве летом 1936 года было тревожно. Некоторые признаки вызывали смутное предчувствие, что за стенами Кремля готовится что-то из ряда вон выходящее.

На первый взгляд, Москва показались нам изменившейся к лучшему. Радовало отсутствие продовольственных карточек и возмутительных «Торгсинов». Материально жить стало легче.

В нашем номере постоянно толпился народ: приходили родные, друзья, знакомые. Каждый день бывал «Боречка Малочка», как звал мой муж Бориса Федоровича Малкина. Он был в то время директором ИЗОГИЗа, — наш большой друг, человек разносторонней культуры, тонких чувств и нежной души. Б.Ф. Малкин был старым членом партии, однако при каждой чистке его исключали, потому что он материально помогал своему старому и больному отцу — бывшему торговцу в Пензе. Раскольников в этих случаях активно вмешивался — ездил в ЦК партии, писал в ЦКК, и дело кончалось тем, что Борису Федоровичу возвращали партийный билет. Ф.Ф. и он часто говорили и спорили о советской литературе. Приятель Маяковского, Малкин интересно рассказывал о русском футуризме, о поэтах первых лет Октября. Однажды он пришел к нам рано, никого еще не было. Немного смущаясь, он спросил: «Феденька, скажите, правда ли, что пишут в газетах, будто нигде в мире нет такой великолепной гостиницы, как "Москва"?» Федя улыбнулся и похлопал «Малочку» по плечу.

Помню Александра Яковлевича Аросева. Он приходил веселый, весь какой-то «бельфамистый», наполненный огромной жизненной силой, и с ним разговоры велись без всяких оговорок и недомолвок. Он жаловался, что к нему на «верхах» плохо относятся. Его даже упрекают в «моральном разложении», упрек очень серьезный по тогдашним временам. Он долгие годы был полпредом в Праге, не считал нужным скрывать свое восхищение

Парижем. Долголетняя дружба связывала его с В.М. Молотовым, но она не спасла Аросева от гибели в годы «культа личности». Александр Яковлевич только что вернулся окончательно из Праги. Ему на первых порах дали пост директора ВОКС, но вскоре он был снят и его поглотила бездна. До этого мы были у него в гостинице. Он приехал из Праги с молодой женой-чешкой и маленьким ребенком. «Троцкистка» — шептались в Москве. Бедный Аросев уже хорошо отдавал себе отчет в опасности своего положения. Он еще шутил и старался казаться беззаботным, но тревога явственно сквозила в его глазах.

Часто появлялся у нас Борис Пильняк. В то лето Борис с Кирой уже жили в Переделкине, в своей новой большой даче с двухсветным кабинетом. У них родился сын, названный Борисом. В Переделкине в этот год был разгар строительства. Писатели, которым посчастливилось получить дачи в Переделкине, с большим интересом и увлечением занимались благоустройством своих домов, делясь опытом с друзьями. Вера Инбер ходила по Переделкину в пестрой пижаме в поисках рабочих, которые могли бы сделать скандинавский камин в ее столовой. Кто-то предлагал переименовать Переделкино в «Перестройкино», намекая на необходимость «перестроиться», к чему неустанно призывала писателей критика.

В.Г. Лидин и Л.М. Леонов поселились рядом. В каждый наш приезд в Москву мы неизменно посещали и Лидина, и Леонова, и провели немало приятных и интересных часов у них. Мария Александровна и Татьяна Михайловна были очень милые и гостеприимные хозяйки. Много лет спустя, после всех катастроф и войны, мы с Музой, дочерью Раскольниковова, и моим вторым мужем, профессором Страсбургского университета, французом, приехали в Москву. Милые Владимир Германович и Мария Александровна Лидины с их дочерью Аленушкой тепло и задушевно приняли нас. Владимир Германович потом писал мне и присылал свои новые книги. Л.М. Леонов принял нас, когда нас привела к ним на дачу Тамара Владимировна Иванова. В один из приездов в Москву мы с Фелей познакомились, кажется, именно у Леонова, с известным знатоком русской литературы, по происхождению русским князем, Святополком-Мирским. Он только что приехал в Москву, вывезенный из Англии Сокольниковым. В тогдашних московских условиях он производил впечатление заброшенности и какой-то неприкаянности. Чувствовалось, что он был не в своей тарелке. Его статей не печатали, и он, вероятно, жил «на хлебах» у некоторых писателей. Так, Анна Абрамовна Берзин, жена Бруно Ясенского, немилосердно подшучивая над его княжеским титулом и

дефектами его зубов, поддерживала его и помогала. Федя пригласил его пообедать с нами. Он принял приглашение. Большой знаток эмигрантской литературы, он, видимо, опасался говорить о ней, и кроме нескольких, не очень лестных отзывов, об эмигрантских писателях ничего не сказал. Он ходил по Москве, всюду натываясь на острые углы советского быта.

— Зря Сокольников вывез его из Англии, пропадет он здесь, — сказал мне Федя.

Но вернемся к лету 1936 года. С Пильняком мы зашли на дачу к Всеволоду Вячеславовичу Иванову, с которым Раскольников связывала большая дружба. У него мы застали Арагона и Эльзу Триоле. Тамара Владимировна, жена В.В. Иванова, одна из самых красивых по-славянски женщин, которых я когда-либо встречала, очень приветливо, как всегда, встретила нас. Выпив пиалу неизменного зеленого чаю, мы ушли. Ничто не предвещало, что эта встреча Раскольникова и В.В. Иванова будет последней.

Мы провели длинный и интересный день у Пильняков, где и заночевали. На следующее утро на своей маленькой американской машине Пильняк отвез нас в Зубалово, куда мы были приглашены Григорием Федоровичем Гринько, народным комиссаром финансов СССР. Он принимал нас со свойственным ему радушием, русско-украинским. Его дочь Ирина, молодая девушка с карими глазами на милом круглом личике, хозяйничала за столом. Трогательны были взаимная любовь и нежность отца и дочери. Но сколько горя должна была перенести в таком близком уже будущем бедная Ирина...

Там же, в Зубалове, находилась дача Якова Сауловича Агранова. В ГПУ, затем в НКВД ему был подчинен отдел, занимающийся надзором за интеллигенцией. Все это прекрасно знали. И на всех писательских вечеринках неизменно присутствовал Агранов, «Янечка», как звали его писатели. Характерные черты эпохи: все знали, что «Янечка» наблюдает за политическими настроениями писателей. Он появлялся всюду, где собирались компании, а некоторых приглашал к себе в гости. Теперь трудно разобраться, кто дружил с ним искренне, а кто считал, что если «Янечка» присутствует, то в случае возможного доноса можно сослаться на него. Теперь только диву даешься, как многие тогда еще ничего не понимали. Как это ни странно, нам издали было видней и понятней, чем некоторым людям, находившимся в гуще событий.

К этому времени институт «сексотов» — тайных осведомителей, был уже широко развит и проникал во все поры государственного аппарата, общественной жизни, партийных и комсомольских организаций, домовых комитетов и т.п. Все чувство-

вали себя под неусыпным надзором невидимых, но бдительных «сексотов». Даже люди, облеченные, казалось бы, полным доверием «отца народов», находились под наблюдением. По этому случаю известный бард революции Демьян Бедный рассказал Раскольникову в моем присутствии следующую историю.

Одно время Сталин приблизил к себе Демьяна Бедного, и тот сразу стал всюду в большой чести. В то же время в круг близких друзей Демьяна затесался некий субъект, красный профессор по фамилии Презент. Эта личность была приставлена для слежки за Демьяном. Презент вел дневник, где записывал все разговоры с Бедным, беспощадно их перевирая. Однажды Сталин пригласил Демьяна Бедного к себе обедать. «Он знает, что я не могу терпеть, когда разрезают книгу пальцем, — говорил Демьян Раскольникову. — Так, представьте себе, Сталин взял какую-то новую книгу и нарочно, чтобы подразнить меня, стал разрывать ее пальцем. Я прошу его не делать этого, а он только смеется и продолжает нарочно разрывать страницы».

Возвратясь из Кремля, Демьян рассказывал, какую чудесную землянику подавали у Сталина на десерт. Презент записал: «Демьян Бедный возмущался, что Сталин жрет землянику, когда вся страна голодает». Дневник был доставлен «куда следует», и с этого началась опала Демьяна.

Мать Феди и брат Александр Федорович приехали из Ленинграда, чтобы повидаться с нами. Мы много времени проводили с ними и с моими родителями. Наше пребывание в Москве подходило к концу. И мы еще не отдавали себе полного отчета, радовались этому. Что-то в атмосфере Москвы казалось все более и более удушающим, даже угрожающим. Вскоре неожиданный инцидент открыл нам глаза.

Уже давно Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, страстный собиратель архивов (в то время он был директором Литературного музея), уговаривал Раскольникова сдать на хранение в этот музей его чрезвычайно богатый историко-политический и литературный архив. У Раскольникова были большие, не только партийные и военные связи, неизбежные в силу той роли, которую он играл в Октябрьской революции и в Гражданской войне; не только дружеские дипломатические отношения с эмиром Афганистана Амманулой Ханом, которому он спас жизнь, но и богатейшая переписка, как дружеская, так и деловая, почти со всеми советскими писателями. Ведь он долгие годы был ответственным редактором журнала «Красная Новь». Кроме того, его работа в Главреперткоме и в Главискусстве позволила завязать дружеские связи не

только с легендарными постановщиками тех лет, такими, как Станиславский, Немирович-Данченко, Мейерхольд, Таиров, но и со многими другими режиссерами и артистами. Естественно, что в его архиве были чрезвычайно интересные вещи. И Владимир Дмитриевич никогда не упускал случая напомнить Феде, что его долг держать свой архив в целостности и сохранности, что не всегда возможно в условиях частной жизни. На этот раз Раскольников решил передать свой архив на сохранение в Литературный музей. В один из последних дней перед нашим отъездом Федя отправился на квартиру моей сестры, где хранился его огромный желтый сундук, битком набитый драгоценными документами. Он хотел привести в порядок свои бумаги, прежде чем сдать их в музей, и обещал скоро вернуться. В нашем номере собралось несколько друзей. Кроме Фединых, были и мои — Марианна Унксова. Она была замужем за Д.М. Шепиловым, тогда секретарем новосибирского обкома. Был тоже мой друг, еще со школы, Оскар Гильчер.

Часы пробили шесть, а Феде все еще не было. Многие гости ушли. Наконец, в девятом часу появляется Федя. Я сразу поняла, что с ним произошло из ряда вон выходящее. Кажется, никто ничего не заметил. Как только все гости ушли, Федя сказал:

— Вообрази себе, Муза, я был арестован сегодня!

— Как арестован? Где?

И Федя рассказал мне следующую историю: у моей сестры была комната в маленьком одноэтажном доме с печным отоплением. Печка, обогревающая две смежные комнаты, выходит в общий коридор, чтобы жильцы могли топить, не беспокоя друг друга. Раскольников, приводя в порядок свой архив, сжигал в печке все ненужные бумаги, не имеющие никакого интереса, вроде старых пропусков в Кремль, пригласительных билетов и т.п. Вдруг, не постучав, в комнату врывается молодой парень и, хватая из рук моего мужа приготовленные к сожжению бумаги, грубо спрашивает:

— Вы что здесь жжете, гражданин?

— А вам какое дело? Кто вы такой?

— Я из Уголовного розыска, — и агент показал удостоверение. — А вы кто будете?

Раскольников протянул дипломатический паспорт. Высокое положение гражданина, жгущего бумаги, удивило и озадачило парня. Раскольников объяснил, что он жег, и спросил, каким образом в Уголовном розыске стало известно о таком «преступлении».

— Да нам позвонили из одного учреждения.

— Из Наркомвнудела?

Парень кивнул утвердительно.

— Кто-то им донес, что неизвестный гражданин сжигает какие-то бумаги. Нам приказали проверить, в чем дело. Вы, гражданин, подождите здесь вот с этим малым, а я пойду позвоню.

«Малый» — мужичок в ватнике несмотря на жару — оказался дворником, и Раскольников понял, что он находится под арестом. Через некоторое время агент Уголовного розыска вернулся.

— Можете быть свободны, — покровительственно сказал он Раскольникову.

Это происшествие взволновало Раскольникова. Оно с наглядностью показало ему, под каким строгим надзором находятся все советские граждане. Агенты НКВД, «сексоты» проникают даже в такие маленькие коммунальные ячейки, населенные преимущественно рабочими, каким был дом, где жила Галя.

Этот инцидент приобретал особенно зловещий характер в связи со всеми другими, такого же рода случаями, о которых шептались в Москве.

Свидетелем одного из них Раскольников оказался совершенно случайно. За несколько дней перед этим ему пришлось зайти в НКВД по какому-то делу. В коридоре этого учреждения он встречает своего знакомого, старого большевика, председателя «Общества бывших политкаторжан» Галкина. Раскольников громко поздоровался с ним, но тут же был грубо одернут чекистами, сопровождавшими Галкина. Тут только Раскольников заметил, что Галкина вели вооруженные чекисты.

— Я арестован, Федор Федорович, — грустно сказал Галкин.

В ту ночь мы почти не спали, перебирая все намеки и недомолвки, все слухи о таинственных перемещениях, арестах. Нам стала понятна удушающая атмосфера Москвы. Два последних дня были особенно тяжелыми. Впервые мы рвались поскорее уехать.

На следующий день мы провожали Антонину Васильевну и Шурика с женой. Они возвращались к себе в Ленинград. Светлые, наполненные слезами глаза матери с любовью и нежностью не отрывались от Феди. Разлука предполагалась недолгой. Федя обещал, что мы приедем к Новому году. Александр Федорович ласково подшучивал над волнением матери. В тот солнечный июльский день на перроне Октябрьского вокзала никто из нас не предчувствовал катастрофу, которая обрушивалась на нашу страну, на нашу семью и не пощадила никого. До сих пор мне хочется верить, что поезд унес от нас мамочку и Шурика с Таечкой куда-то далеко, где они еще живут и где ничего страшного не случилось.

За несколько дней до нашего отъезда Михаил Кольцов пригласил нас к себе, в новую квартиру в Доме правительства. Квар-

тира была обставлена заграничной мебелью, легкой и удобной. Михаил Кольцов собирался уезжать в Испанию в качестве корреспондента «Правды». На самом же деле его полномочия были гораздо более широкими. Лиза, жена Кольцова, угощала нас прохладительными напитками явно не советского происхождения. Кроме нас с Федей, у Кольцова были молодая пухлая блондинка, его секретарша-немка и Мехлис, высокий сутулый и хмурый человек, в то время редактор «Правды». Это была новая звезда на советском партийном небосклоне. Скорее метеор, так как его блистательная карьера, вершиной которой был очень высокий пост военного стратега, кончилась плачевно.

Наконец, настал день отъезда. Поезд уходил в 5 часов вечера. С двух часов наш номер был наполнен родными и друзьями. Мы прощались ненадолго. Направо и налево нас приглашали встречать Новый 1937 год. Мне было грустно расставаться с папой, мамочкой и Галочкой. За несколько минут до прибытия машины, которая отвозила нас на вокзал, появился Борис Пильняк. Взглянув на него, я ужаснулась. На нем буквально лица не было. Я все время хотела отвести его в сторону, подойти к нему, спросить, что случилось, но всякий раз, как в дурном сне, кто-нибудь подходил, отвлекал, комната была полна, некуда было уединиться. Пильняк, без сомнения, что-то узнал, и нечто ужасное. Но машина была подана, мы быстро простились (навсегда с большинством друзей, провожавших нас) и с моими родителями уехали на вокзал. Что узнал Борис Пильняк, осталось для нас тайной...

Только три недели прошло с той ночи, когда, радостные, мы ехали в Москву. Мы возвращались оттуда, полные смутных и тревожных предчувствий. Спать не хотелось. На рассвете поезд остановился в Минске. Мы вышли из вагона. Розовая утренняя заря во все небо, золотой край восходящего солнца, пение птиц — так Раскольников видел свою Родину в последний раз...

В Столбцах (польская пограничная станция) мы с явным чувством облегчения, взявшись за руки, побежали в ресторан. Не было сказано ни слова, но в глазах друг друга мы видели радость. Гнет, давивший нас почти физически в последние дни в Москве, вдруг исчез. Мы пили кофе, весело беседуя о предстоящей поездке в Париж, и особенно в мою любимую Италию. На этот раз мы не остановились в Берлине и продолжали путь в Париж. Там как всегда мы жили в полпредстве на рю де Гренель. Полпред Потемкин был в отпуске, и мы не видели никого из знакомых. Впрочем, мы оставались в Париже только четыре или пять дней. На какой-то выставке мы встретили Александра Яковлевича Таирова. С ним и Алисой Георгиевной Коонен мы были друзьями. Приезжая в Мос-

кву, мы неизменно бывали у них и видели все спектакли Камерного театра. Последняя постановка, которую мы смотрели, была «Египетские ночи» по Шекспиру и Пушкину. Еще и сейчас я вижу Алису Георгиевну и слышу ее голос: «Мне снилось, жил Антоний Император...» Это был момент, когда театральная цензура несколько ослабела, и москвичи увидели «Египетские ночи» и «Даму с каamelиями» Мейерхольда, настоящий праздник красоты и изыска после бездарных и скучных пьес «идеологически выдержанных». К несчастью, этот либерализм очень скоро уступил место жестокому «зажиму», приведшему к концу театров Таирова и Мейерхольда и к трагической судьбе их вдохновителей.

В наш предыдущий приезд в Москву мы были приглашены на обед к Мейерхольдам. Они только что вернулись из Парижа. Зинаида Николаевна, оживленно блестя «сплошь» черными глазами, показала мне бархат, купленный в Париже для Маргариты Готье. «Этот черный бархат мне так понравился, что я купила и для себя» — смеялась Зинаида Николаевна. Она казалась очень счастливой — в расцвете своей красоты и радости, наконец, сыграть роль настоящей женщины, влюбленной и несчастной. В овальной столовой, за элегантно сервированным столом, велась оживленная беседа. Не помню точно, кто кроме нас был на этом обеде, но осталось воспоминание о непринужденном веселье присутствующих. Мейерхольд казался довольным и рассказывал о своей трактовке пьесы Дюма, которую он хотел показать без своих обычных «выдумок». В Москве говорили, что Мейерхольду особенно хотелось показать красоту и шарм Зинаиды Райх. Казалось, ничто не грозило этим спокойным собеседникам, с интересом и вдохновением обсуждающим свои идеи и намерения. Никто не подозревал, что близко отсюда, в недрах Лубянки, уже вставала тень, тень ужаса, муки и смерти...

С Александром Яковлевичем Таириным мы долго сидели в кафе на Елисейских Полях. Он с видимым удовольствием смотрел на пеструю толпу и явно наслаждался тем чувством настоящей свободы, которой, как воздухом, дышали в те годы в Париже.

Вскоре мы покинули Париж и уехали в Венецию. Как всегда, Италия наполнила мое сердце радостью, совсем особенной, которую чувствуешь только там. Мы приехали в Венецию рано утром и увидели ее всю облитую золотом восходящего солнца. Снова были длинные дни, полные очарования ее дворцов, музеев, церквей, площадей. Сумерки на пьядца Сан Марко в кафе Флориана или Квадри. Но время от времени легкий укол беспокойства при мысли о Москве свидетельствовал, что что-то в нас было задето сильнее, чем нам казалось.

Настал роковой день. Против нашего обыкновения, утром мы не пошли на пляж (мы жили на Лидо), но сразу отправились в Венецию. Около полудня мы сидели у Флориана. Федя просматривал несколько французских и итальянских газет, а я рассеянно следила за толпой веселых туристов, слушая шелест голубиных крыльев. Вдруг Федя протягивает мне газету: французская газета объявляла о начавшемся в Москве процессе Зиновьева, Каменева и еще 14 видных большевиков. Они обвинялись в убийстве Кирова, подготовке убийства Сталина, в измене родине и т.п. Все подсудимые сознавались в невероятных преступлениях. Раскольников купил еще несколько газет, на всех языках, но и в них мы нашли те же известия. Сомнений не было, в Москве открылся «процесс ведьм». Тут же на площади Святого Марка Раскольников заявил мне: «Муза, ни одному слову обвинения я не верю. Все это наглая ложь, нужная Сталину для его личных целей. Я никогда не поверю, что подсудимые совершили то, в чем их обвиняют и в чем они сознаются. Но почему они сознаются?..»

В одно мгновение зловещая тень затмила светлый облик Венеции и на долгие годы тяжкий гнет лег на наши сердца.

Каждый день мы с нетерпением ждали газет. Диким бредом казалось все, что говорилось на процессе. Мы решили поехать в Рим, чтобы там в полпредстве узнать, может быть, что-либо более точное, чем то, о чем писали газеты здесь.

В Риме в это время полпредом был Борис Ефимович Штейн. Он был из «когорты» дипломатов Литвинова. За последние годы, Литвинов, пользуясь доверием Сталина, обновил состав Наркоминдела своими дипломатами. Это были люди умные и дельные, но не имевшие политического влияния. Послов типа Антонова-Овсенко, Раскольникова, Аросева или Сокольников — становилось все меньше. Борис Ефимович принял нас очень дружески, свозил на свою дачу в Санта Маргерита, где мы провели приятный день в его семье. Советник полпредства Гельфанд, которого мы знали по нашим наездам в Рим раньше, тоже был там. Но и Штейн, и Гельфанд явно избегали говорить о московском процессе и довольствовались пересказом статей «Правды» и «Известий». Раскольников не настаивал. Однажды, в воскресенье, на пляже в Кастель Фузано, куда нас привез Штейн, мы услышали веселый возглас: «Бонджорно мио каро Амбашаторе!» Молодой, красивый итальянец в трусиках приветствовал Штейна. Это был граф Чиано, министр иностранных дел, зять Муссолини. Он провел с нами полчаса, веселый, уверенный в себе и в незыблемости мира. На этом же пляже, читая итальянскую газету, сообщавшую о многочисленных арестах в Москве, в списке арестованных Расколь-

ников увидел свою собственную фамилию. В то время Москва еще опровергала известия о массовых арестах, но вскоре замолчала и постепенно лица, названные в иностранной прессе, арестовывались, судились или исчезали.

Гробовое молчание в полпредстве в Риме было гнетущим. Мы решили уехать. Но куда? Вернуться в Софию раньше срока из отпуска показалось бы странным. Ведь надо было делать вид, что ничего особенного не случилось. И мы уехали в Неаполь. В отеле «Санта Лючия» мы провели три дня. Из Неаполя мы уехали в Сицилию. Посетили Палермо, Агригент, Сиракузы и провели несколько дней в Таормине. Это было странное путешествие. Древние руины храмов Агригента и Селинунта, театр Сиракуз, прелестная Таормина у подножья Этны, пейзаж «великой Греции» виделись нам в каком-то нереальном освещении. В Палермо мы сели на итальянский пароход и отплыли в Истамбул. На пароходе Федя читал новый роман Чарльза Моргана «Спаркенброк» и переводил мне некоторые главы. Стояла прекрасная погода. Путешествие по «морю богов» могло бы быть совсем иным несколькими неделями раньше. Мы провели день на Родосе, день в Афинах. Полпред Кобецкий приехал за нами в Пирей и мы завтракали у него. У Кобецкого был явно подавленный вид. На вопрос Феде, что пишут советские газеты, он отделался общими фразами. Конечно, о казни Зиновьева, Каменева и других не было сказано ни слова, хотя все думали только об этом. Через несколько дней Восточный экспресс уносил нас в Софию...

Мы с радостью вошли в белый посольский дом в Софии, с какой-то невероятной надеждой, что здесь ничто не изменилось. Но уже на пороге нас ждал неприятный сюрприз: корреспондент ТАСС Григоренко не вернулся из Москвы. Его перепуганная жена собиралась уезжать на днях.

С каждым днем, понемногу, но неотвратимо, безудержно мы отрывались от прежней жизни и летели в какую-то ужасную пропасть, каждый день Федя с кипой газет входил в мой маленький салон. Он молча указывал пальцем на заголовки газет, где имена героев революции печатались с эпитетом: «бешеные псы», «похотливые гады», «троцкистские шпионы и предатели» и проч. Также молча мы обменивались взглядами. Мы поняли, что надо быть осторожными, что мы теперь находимся под особым наблюдением «недремлющего ока» Яковлева, скромного секретаря консульства, негласного представителя НКВД. Я уже застала одну из уборщиц, жену курьера охраны, прильнувшей ухом к двери маленького салона. С тех пор мы никогда больше не вели откровен-

ных разговоров о том, что происходит в СССР, в стенах полпредства. Мы знали, что у них есть уши. Когда становилось невыносимо молчать и красноречивых взглядов было недостаточно, мы уезжали за город, на широкую, обсаженную деревьями дорогу ко дворцу во Вране, там никогда никого не встречалось. Оставив автомобиль и шофера, мы долго гуляли и говорили, говорили. Теперь мне странно читать некоторые мемуары тех лет, где авторы утверждали, что не понимали, почему и зачем эти кровавые ужасы и кто в них повинен, или верили всему, что писалось в советских газетах. Раскольников знал и понимал с самого начала, что Сталин намерен уничтожить всех старых большевиков и раз начавшийся террор катится, как снежный ком...

М.В. Буравцев, со дня на день откладывавший свой отъезд в отпуск, обязательно в СССР, наконец уехал. Скоро до нас дошли слухи, что он в чем-то обвинялся и бегал в Москве по разным учреждениям, собирая бумажки, доказывающие его невиновность. Немного позже мы узнали, что его жена Евгения Донатовна арестована. Она была польского происхождения.

Внутри полпредства устанавливалась тяжелая атмосфера страха и подозрительности. В советских газетах ежедневно открыто призывали всех граждан «разоблачать врагов народа», проработавших на ответственные и неотвечественные посты партии и государства. «Если вокруг себя вы не видите шпионов и вредителей, то это не потому, что их нет, а потому, что вы недостаточно бдительны». Каждый знал, что если он вовремя не «разоблачит» соседа, сосед «разоблачит» его. Ловлей врагов занимались кустарным способом все. В полпредстве собрания партячейки походили на охоту с лассо. Каждый старался накинуть на шею товарища петлю потуже. Вспомнили, что два года тому назад, на политкружке один из сотрудников брякнул что-то о старом лозунге Бухарина «обогащайтесь», обращенном к крестьянству. От этого лозунга сам Бухарин давно отрекся. Но бедного Х. без конца допрашивали, порицали, выносили выговоры. Напрасно он утверждал, что его не поняли, что у него и в уме не было вытаскивать из забвения этот лозунг, его даже не слушали, а продолжали твердить абсурдные обвинения. Никому не верили на слово, ведь великий вождь сказал: «Верят на слово только дураки». Придирались ко всякой мелочи, абсолютно ничтожной, не имеющей никакого значения. Но эта мелочь в руках интригана могла бросить в тюрьму и разрушить жизнь несчастного. Шофера Расколькова, хорошего и умного парня, консул Ткачев, гнусное ничтожество, распустившееся пышным цветом в этой отравленной атмосфере (его поддерживал Яковлев), обвинял в какой-то настоящей глупости,

но сумел представить это почти как акт вредительства. Напрасно Раскольников защищал своего шофера, тот был отозван.

Раскольников, кроме «Правды» и «Известий» выписывал несколько периферийных газет. В районных масштабах тоже занимались истреблением «врагов народа». Каждый знал, что хотя в газетах поминают большей частью известные имена, однако и людей ничем не заметных хватало, объявляли японскими и немецкими шпионами или вредителями и бросали в тюрьмы. То, что мы читали в провинциальных газетах, не поддается описанию. Это был настоящий бред сумасшедшего! В маленьком глухом городе какая-то учительница сознавалась, что по наущению фашистских шпионов должна была отравить детей доверенного ей класса, всыпав яду в питьевую воду. Зачем понадобилось фашистам отравлять детей, осталось неизвестным. Но даже задать такой вопрос, вполне понятный, было бы опасно. Или бдительные комсомольцы разоблачали в Туле японского шпиона, готовившего взрыв самоварной фабрики, и т.п.

А письма жен, родителей, детей, горько кающихся в своей слепоте, благодарящих «наши родные органы», вовремя разоблачившие «гнусных гадов, продавшихся фашистскому охвостью» и умолявших тех же доблестных чекистов по заслугам наказать «эту гнусь», т.е. их мужей, отцов, детей. Теперь, когда я пишу об этом, мне верится с трудом, что такая подлость и низость могла существовать. Подлость и низость, конечно, не этих обезумевших от страха людей, вынужденных публично отречься от своих близких, чтобы попытаться спасти этим других близких, но подлость и низость власти тирана, насадившего это в стране.

В октябре Ф.Раскольников получил с диппочтой письмо от Н.Н. Крестинского, заместителя Литвинова, в котором он предлагал Раскольникову пост полпреда в Мексике. О согласии надо было телеграфировать шифром без названия страны. Раскольникову это показалось странным: с Мексикой несколько лет дипломатические отношения были прерваны и не было никаких признаков их возобновления, тем более назначения туда полпреда. Пораздумав, Раскольников ответил, что от Мексики отказывается. Позже Федя думал, что это был предлог заманить его в Москву.

В декабре я узнала, что жду ребенка. Наша радость омрачалась вестями из Москвы, все более и более тревожными.

Начало 1937 года ознаменовалось открытием в Москве второго процесса. Во главе группы обвиняемых (партийные и государственные деятели) Ю.Пятаков и К.Радек. Подсудимые обвинялись в убийстве Кирова, в подготовке убийства Сталина, в организации вредительских акций в СССР по наущению Троцкого (для

этого Пятаков якобы встречался с Троцким), в шпионаже в пользу иностранных разведок и т.п. Все подсудимые признавались во всех преступлениях.

Пятаков обвинялся в том, что в декабре (12, 13 и 14) 1935 года он летал в Осло на свидание с Троцким для получения «вредительских и шпионских директив». Мы с Федей сразу же вспомнили, что вечером 12 декабря 1935 года мы уезжали из Москвы в Берлин. На вокзале нас провожал посланник Болгарии в Москве Михалчев. Издали мы увидели на перроне Пятакова, которого провожало несколько человек. Пятаков приветствовал нас, махая рукой. 13-го мы переехали границу. В этот же день мы видели Пятакова в вагоне-ресторане. 14 декабря утром наш поезд прибыл в Берлин. Пятаков сошел на Силезском вокзале, мы по обыкновению на Фридрихштрассе, ближайшему к Унтер ден Линден, где находилось полпредство. Там мы всегда останавливались. По обычаю и на этот раз полпред в Германии Яков Захарович Суриц пригласил нас на обед. Полпред Я.З. Суриц, которого Федя знал еще по Афганистану, был очень осторожным и тактичным человеком. «Лукавый царедворец», — шутил Раскольников.

Привожу «Записки» Ф.Ф. Раскольникова:

Большой педант, он [Суриц] строго соблюдал протокол. Поэтому за обеденным столом в тот памятный день 14 декабря 1935 года все гости были рассажены по чинам. Справа от Сурица сидела жена В.М. Молотова Полина Семеновна Жемчужина, а слева моя жена. Против хозяйна восседала его жена Елизавета Николаевна, справа от нее Пятаков, как заместитель наркома тяжелой промышленности, а слева я. П.С. Жемчужина рассказывала о посещении германских парфюмерных фабрик. Она не была в восторге: восхищаться капиталистической промышленностью не полагалось. Единственно, что ей понравилось, это целлофан. Потом зашел разговор о командировке Пятакова. «А Вы, Юрочка (Суриц любил ласковые уменьшительные: "Бухарчик" для Бухарина, "Карлуша" для Радека), долго пробудете в Берлине?» — участливо спросил его Суриц. — «Несколько дней, — ответил Пятаков, — вот раздам заказы и поезду в Париж».

Таким образом, 12, 13 и 14 декабря, когда Пятакову по обвинительному акту полагалось летать на аэроплане в Осло для свидания с Троцким, он, на самом деле, мирно ехал из Москвы в Берлин и обедал на квартире полпреда в обществе Жемчужиной и моем. Почему же молчали Жемчужина и Суриц? По той же самой причине, по которой молчал и я. Если бы у кого-нибудь была хоть тень сомнения, что Сталина обманывают, водят за нос, то ему давно открыли бы глаза и фактами доказали бы вздорность обвинений Вышинского. Но все знают, что дело не в Вышинском, а в Сталине. Он — автор чудовищных обвинений, он

знает, что все обвинения и самооговоры подсудимых — сплошная ложь. Начиная с покойного Владимира Ильича все знают, что ему не хватает элементарной честности. Наивный смельчак, который подумал бы, что Сталина «обманывают», и решился бы «открыть ему глаза» на несообразность какого-нибудь факта обвинения, поплатился бы за это своей головой.

Вышинский с торжеством триумфатора предъявлял суду справку полпредства в Осло, что воздушное сообщение в Норвегии производится круглый год. Но человеку, знакомому с зарубежными условиями, без всяких справок известно, что воздушное сообщение во всей Европе совершается круглый год. Вышинскому нужно было бы представить другую справку, что такого-то числа, на таком-то аэродроме снизился аэроплан с пассажиром имя-рек. Полномочному Представителю нетрудно достать такую справку: ведь все перелеты регистрируются на аэродроме. Но Полномочное Представительство в Норвегии не могло добыть такой справки о Пятакове по той простой причине, что он туда не летал.

Суд не затруднял себя такими мелочами. Бывали «улики» еще более фантастические. Мы нашли в обвинительном акте одного из подсудимых, кажется, того же процесса, как «улику» — найденную у него визитную карточку какого-то иностранного дипломата с таинственными буквами Р.Р.С. Эти буквы служили доказательством явно условных знаков, шифра преступника. Мы так и ахнули! Такие визитные карточки с теми же и другими буквами десятками валялись в наших ящиках. Всякому, даже малоопытному дипломату известно, что Р.Р.С. есть общепринятое в дипломатических кругах сокращение французского *roug prendre congé*, когда посылают визитную карточку вместо прощального визита. Буквы Р.Ф. на визитной карточке — поздравление, а Р.С. — соболезнование и т.п. Представлять это как загадочный и несомненно преступный шифр значит презирать и суд, и подсудимых, и весь мир.

Пятаков сознавался во всем, как и все подсудимые. Кошмар все разрастался. Поздней ночью я просыпалась. Феде не было рядом. Надев халат, я шла в красный салон, где Федя, подперев руками голову, слушал по радио стенограммы заседаний суда, передаваемые для провинциальных газет. Он слушал жуткие слова, слагавшиеся в чудовищные фразы. До сих пор в моих ушах звучит голос диктора, медленно повторяющего: «Радек — Роман, Анна, Дмитрий, Елена, Константин — Радек». С тошнотой отвращения мы слушали этот ужас. А утром надо было делать беззаботное лицо, как ни в чем не бывало присутствовать на приемах, где, к счастью, тактичные и воспитанные люди тоже делали вид, что в нашей стране ничего не происходит.

Отсутствие первого секретаря (со дня отъезда Михаила Васильевича прошло более года) делало невозможным для Раскольникова отлучиться из Софии даже на несколько дней. Мы могли лишь на день-два уезжать в Чамкорюю.

Жена Яковлева (негласного представителя НКВД), высокая худая брюнетка с какими-то «колючими» глазами, никогда не вызывала во мне симпатии. Я старалась быть с ней не менее приветливой, чем с другими дамами полпредства, как меня обязывало мое положение. В эту зиму 1936-37 года она делала явные усилия, чтобы приблизиться ко мне, что ей не удавалось. Однажды она позвонила мне и пожаловалась, что больна. Мне, конечно, полагалось ее навестить, что я и сделала, предчувствуя, однако, какой-то подвох. Так оно и вышло. После первых фраз о здоровье Яковлева стала плакать и говорить, что ужасно страдает из-за событий в СССР: «Подумайте, Муза Васильевна, ведь арестовывают героев революции, сажают их в тюрьму! Расстреливают старых большевиков!» Я не стала слушать ее дальше, поняв грубую провокацию, и сухо заметила, что «в Москве знают, что делают, и партия всегда права». Она надеялась, что я попадусь на удочку, и наивно разболтаюсь, выдавая истинные мнения моего мужа о происходящем в СССР. Разумеется, эта комедия была подстроена ее мужем. Такая попытка свидетельствовала о многом. Резидент НКВД мог помышлять о том, чтобы спровоцировать полпреда, видного большевика, только тогда, когда у него были какие-то доказательства, что такая провокация не обернется против него. То есть, что в тайниках Лубянки клевета на человека, до сих пор пользовавшегося доверием партии, стала возможной. Несколько месяцев спустя тот же Яковлев публично заявил: «Все полпреды оказались шпионами». Однажды, войдя в зал, Раскольников застал Яковлева, прильнувшего к замочной скважине его кабинета. Яковлев все-таки смутился и пробормотал что-то несуразное. За подобным занятием мы несколько раз заставляли уборщиц — жен курьеров охраны, заменивших горничных, взятых извне.

Вся внутренняя охрана полпредства и наем обслуживающего персонала были исключительно в руках резидентов НКВД. Они нанимали портье, горничных, садовников, кухарок и проч. Обычно на эти должности НКВД брал или местных коммунистов или сочувствующих. Если таковых не находилось, то нанимались обыкновенные смертные, которые рассматривались как потенциальные шпионы и за ними зорко следили. Несмотря на это, резиденты НКВД в то время развели жуткую шпиономанию и поспешили в эти годы сталинского террора заменить всех служащих, взятых извне, советскими гражданами, находящимися под рукой.

Так, жены курьеров охраны, совершенно непривычные к такому ремеслу, стали горничными, но под названием «уборщицы», которое казалось менее «унизительным». Все же взятые на месте — безжалостно изгонялись. На этой почве происходили настоящие драмы. Бездушное, бессердечное отношение советской власти к людям я видела не раз. Но еще удивлялась, как можно так безжалостно относиться к человеку и в то же время претендовать на роль защитника и покровителя «униженных и оскорбленных». Это противоречие я заметила уже в Плехановском институте. Но только за границей я отдала себе отчет в том, что ни у меня и ни у кого в СССР нет уверенности в том, что в нашем государстве существует закон, непреложный для всех. Было ясно, хотя никогда не высказываемое чувство, что Сталин каждую минуту может изменить или обойти все советские законы и конституцию в том числе.

Яковлев и его подручный Павлов, явившийся из Москвы, развили бурную деятельность в стенах полпредства. Под предлогом возможной «провокации» со стороны военных организаций белых эмигрантов они усилили охрану, перенесли парадный вход дома на черный, чем привели в изумление полицейский караул, стоявший перед полпредством, даже осмеливались спрашивать у посетителей, по какому делу они желают видеть полпреда. Так, однажды Яковлев заявил венгерскому посланнику, что тот может сказать ему, Яковлеву, то, что он хотел сказать Раскольникову. Разъяренный посланник закричал, что ему нужен Раскольников и ни с кем другим он разговаривать не намерен. Тогда Яковлев доложил Раскольникову. Жenu болгарского посланника в Турции, которая пришла, чтобы повидать нашего новорожденного сына, Яковлев просто выставил за дверь. Такие инциденты были нередкими в то время. Для всех в Болгарии стало ясно, что советский посланник находится под «домашним арестом». Только после возмущенных протестов Раскольникова Яковлев как будто прекратил эту, как он говорил, «бдительность».

Мы с Феей участвовали наши поездки за город, до такой степени стало трудно дышать в полпредстве. В январе 1937 года мы уехали на три дня в Чамкорию. Шофер отвез нас туда и вернулся в Софию. Зимой в Чамкории среди недели не было никого. Мы сразу же отправились гулять. Падали крупные хлопья снега. Мы долго ходили по пустынной дороге в этот грустный и мутный день, где небо и земля сливались в белой метели. Раскольников говорил мне о Сталине, вспоминал, как Сталин завладел властью, как постепенно прибрал все к рукам. Зная его подозрительный характер, его азиатскую мстительность, Раскольников был убежден, что Сталин не остановится ни перед чем. Процессы, расстрелы, мно-

гочисленные аресты свидетельствуют об этом. Все старые большевики, свидетели Октября, герои революции будут уничтожены. И всего гнуснее, что прежде чем их убить, их заставляют клеветать на самих себя, на своих соратников и друзей. Раскольников удивлялся, почему Красная Армия, ее маршалы и генералы не реагируют на сталинскую кровавую «чистку». В то время Федя еще надеялся, что внутри СССР в конце концов найдется сопротивление.

На мартовском пленуме ЦК в своей речи Сталин прямо заявил, что «враги» проникли во все поры государственного и партийного аппарата. Верить никому нельзя, шпионом может быть всякий, даже партийный билет не может быть гарантией. После этой речи безумие террора еще возрастает — все граждане СССР, писатели, журналисты, деятели театра и кино, ученые — все должны включиться в эти сумасшедшие поиски «врагов».

Полпредская ячейка не могла отставать, разумеется, в этой облаве на человека. Добились уже отозвания шофера Раскольников М. Казакова, несмотря на то, что Раскольников защищал его. Подкапывались под военного атташе В.Т. Сухорукова, который вскоре был вызван в Москву, арестован и провел несколько лет в ГУЛаге. Пробовали трусливо и подло бросить тень и на самого Раскольникова, но еще не осмеливались прямо атаковать его.

Федя, под предлогом, что мое состояние очень меня утомляет, освободил меня от обязанности посещать собрания ячейки. Там особенно неистовствовал Ткачев, генеральный консул. Трусливый и подобоострастный в нормальное время, он теперь стал держать себя вызывающе. Ткачев принадлежал к типу гаденьких подлецов, к той категории бездарности, которая ничего никому не прощает и при удобном случае вымещает свою злобу на тех, кому она жестоко завидует. Таким же был назначенный в Таллин, перед нашим отъездом оттуда, консул Клявин. Федя называл его Передоновым. Много лет спустя, когда я приехала в Москву, до меня дошли его клеветнические измышления на Раскольникова.

Собрания ячейки затягивались поздно. Я ходила вдоль комнат, не зажигая света. Когда, наконец, появлялся Федя, мы подходили к окну и долго смотрели на пустынную площадь. Снег легкими хлопьями летел с мутного низкого неба, ложился мягким пластом на древние развалины святой Софии, на золотые купола собора Александра Невского...

Этой зимой мы с Федей начали перечитывать Достоевского. В те годы о Достоевском в СССР не писалось и не говорилось, хотя уже в конце XIX и в начале XX века литературоведы и философы всего мира понимали настоящее значение гения Достоевско-

го, пророка и визионера. О Нечаеве я знала только то, что он был революционером, предшественником коммунистов. О разрушительных теориях этого нигилиста я узнала только теперь. Федя рассказал мне о «Катехизисе революционера»: «Усиление злодейств, преступлений и самоубийств для потрясения духа народного, для возбуждения неверия в прочность порядка и для возбуждения подвижности в стенко-разиновской части народонаселения. Усиление грехов и разврата, вино... Год такого порядка или ближе — и все элементы к огромному русскому бунту готовы. Три губернии вспыхнут разом. Все начнут истреблять друг друга... Капиталы и состояния лопнут, и потом, с обезумевшим после года бунта населением, разом ввести социальную республику, коммунизм и социализм...»

Жутко зачарованные мы читали «Бесы». В кошмарной атмосфере сталинского террора «Бесы» не были романом XIX века, где горстка нигилистов пыталась сеять смуту в глухом провинциальном городе России, но ледящим кровь повествованием о том, что осуществили в СССР Верховенские и Шигалевы с помощью Федьки каторжника. Новая система организации мира, придуманная Шигалевым, зловещее походила на практику сталинизма. Кровью Шатова нигилисты хотели скрепить круговой порукой кучку своих сообщников. Во время сталинских процессов на всех заводах и фабриках, во всех учреждениях, колхозах, школах, университетах, — всюду созывались собрания, на которых клеймились позором «фашистско-троцкистские подонки» и открытым голосованием единогласно требовалось самое суровое наказание «похотливым гадам». В газетах широко печатались отчеты об этих собраниях и индивидуальные требования о том же знатных доярок или стахановцев, так же как и ученых, артистов, писателей и поэтов. Престарелая Народная артистка Блюменталь-Тамарина и малолетний пионер умоляли «родное правительство и славные органы безжалостно выкорчевать все троцкистское охвостье». Надо было всех запятнать кровью казнимых...

Раскольникова бесконечно удивляло, что многие за границей, где ничто им не угрожало, верили этому кровавому бреду. Разумеется, коммунисты были обязаны верить, хотя многие их соратники, члены Коминтерна и Кима, находившиеся в Москве, погибли без суда и следствия, как семья Ремеле, Гейнц Нейман, австрийские, польские, чешские и другие коммунисты. Весь Коминтерн и Ким были разгромлены.

Этой же весной, проездом из Истамбула в Москву, провел у нас день Карский, полпред в Анкаре, заменивший недавно отозванного в Москву Карахана. О Карахане европейские газеты

писали, что он был арестован. Позже мы узнали, что он погиб неизвестно, как тысячи других. Раскольников давно знал Карахана и дружески относился к нему. Он несколько раз останавливался у нас в Софии, проездом в Москву. Красивый, с приятными манерами, приветливый Карахан был очень популярен в Турции. Незадолго до отъезда из Анкары он женился на известной балерине М.Т. Семеновой. Карский произвел на нас впечатление человека обреченного и знающего это. После ужина я увела его в кино. Ему хотелось посмотреть Марлен Дитрих в «Марокко». Федя не мог нас сопровождать — надо было отправлять диппочту. Мы с Карским сидели в ложе, но золотые пески пустыни и шарм Марлен были где-то вне нас. Мне казалось, что мой спутник собирал последние силы, чтобы казаться спокойным. Потом мы провожали его на вокзал. Поезд ушел. Мы с Федей посмотрели друг на друга, думая о том, что никогда больше не увидим его. Так и случилось.

Однажды Федя показал мне приказ всем библиотекам, присланный из Москвы. В нем после имени автора и названия книги стояло «изъять все книги, брошюры и портреты». На букву «Р» после Радека — «Раскольников: "Кронштадт и Питер в 1917 году"». — Изъять»...

В июне 1937 года ударило громом: расстрел маршалов Тухачевского, Уборевича, Путны, Якира, Примакова, Корка и других. Все высшее руководство Красной Армии было уничтожено. Ф.Ф. Раскольников знал их всех лично. Они были его соратниками и друзьями. Вначале он думал, что может быть они, возмущенные тем, что творилось в стране, попробовали вмешаться, но это не удалось и их взяли и расстреляли, как всех других. Казалось бредом, что все могло произойти без попытки к сопротивлению, что вожди Красной Армии, лично храбрые люди, позволили арестовать себя. Маршал Гамарник застрелился, когда пришли его арестовывать. Но Якир перед расстрелом воскликнул: «Да здравствует Сталин!»

Раскольников, раздумывая обо всем происходящим в Москве, зная характер и нрав Сталина, скоро пришел к заключению, что к расстрелу маршалов СССР приложил руку сам Гитлер. Немцы, угадав тайное желание Сталина отделаться от слишком блестящих маршалов, подсунили фальшивки, доказывающие, что вожди Красной Армии были в «сговоре» с гитлеровцами. В «Открытом письме Сталину» от 17 августа 1939 года Раскольников пишет:

Пользуясь тем, что вы никому не доверяете, настоящие агенты Гестапо и японской разведки с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной вами воде, подбрасывают вам подложные доку-

менты, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей. В созданной вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Наркомвнудела, которому вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому «перехваченному» документу верят или притворяются, что верят — как неоспоримому доказательству.

Позже В.Кривицкий, один из руководителей НКВД, ставший невозвращенцем, рассказал, что Сталин приказал НКВД сфабриковать совместно с Гестапо документ о преступной связи советских маршалов с Гестапо. После войны один из членов Гестапо подтвердил точность заявлений Кривицкого.

Уже в последние месяцы нашего пребывания в Софии я стала замечать, что Федя похудел и имел утомленный вид. Я уговорила его посоветоваться с врачом, которого мы хорошо знали. Он лечил меня, когда я болела брюшным тифом. Врач внимательно осмотрел Раскольникову, сделал все анализы, возможные в то время, и нашел только сильное переутомление и учащение приступов астмы. Астма в обыкновенное время очень редко проявлялась, но теперь она мучила Федю три-четыре раза в неделю. Это было, конечно, вызвано адской атмосферой в полпредстве и кошмарными вестями, приходившими из СССР. Мы ждали вызова в Москву с нетерпением, до такой степени атмосфера была невыносимой. Теперь, когда мы хотели поехать куда-либо, тотчас же являлся кто-нибудь из сексотов и просил, чтобы взяли его. Федя носил заряженный револьвер в кармане, другой был в ящике ночного столика.

Так проходила наша жизнь в Софии. Зимой 1938 года мы с Федей уехали на три дня в Чамкорию. Мы решили проводить там каждую субботу и воскресенье. Теперь это было возможно — советник и первый секретарь посольства, наконец, прибыли в Софию. Прогуливаясь по пустынному зимнему лесу, Федя сказал мне о своем твердом решении не возвращаться в СССР. Уже тогда он обдумывал свое письмо тирану...

О.Тииф
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ЗАМЕТОК О 1939-1969
Публикация Э.В.

Провозглашенная 24 февраля 1918 и завоевавшая в Освободительной войне (1918-1920) свою независимость Эстонская Республика была обречена на гибель договором о ненападении между Германией и СССР (23 августа 1939). В секретном приложении к этому договору («пакт Молотова-Риббентропа») две державы разделили между собой Восточную Европу, причем нейтральные прибалтийские страны попали в зону влияния СССР. Сразу же после четвертого раздела Польши советское правительство обратилось к правительству Эстонии с ультимативными требованиями о заключении военного союза (Эстония, таким образом, должна была отказаться от нейтралитета), о предоставлении баз для ВМФ и ВВС СССР и о вводе в Эстонию советских войск общей численностью 25 тыс. чел. (мирный состав Эстонской армии насчитывал 17 тыс.). Эстония оказалась вынужденной принять эти требования.

Договор о взаимопомощи был подписан 28 сентября 1939; в нем было подчеркнуто, что принципы Тартуского мирного договора (1920) и пакта о ненападении между Эстонией и СССР (1932) сохраняют свою силу и что Советский Союз никоим образом не будет пытаться изменить государственный и экономический строй Эстонии. Обещаний этих хватило на девять месяцев. Июнь 1940 года, когда Гитлер разделался с Францией, Сталин счел подходящим для следующего шага. 15 июня был предъявлен ультиматум Литве, 16-го — Латвии и Эстонии; 16-го и 17-го огромные контингенты советских войск вторглись без объявления войны на территорию прибалтийских стран. За этим последовал ряд политических актов, завершившихся в начале августа принятием трех республик в состав СССР.

В Эстонии в ходе этой «революции» (здесь ею руководил А.Жданов) не сумели соблюсти даже видимость законности: были нарушены и Конституция Эстонской Республики, и все основные законы о переходе власти, о выборах, о полномочиях Государственного собрания и пр. Последовавший за этой прелюдией год познакомил эстонцев и с другими «прелестями» сталинского строя, вплоть до массовой депортации в ночь с 13 на 14 июня 1941, когда было схвачено около 10 тысяч человек (мужчины — в лагерь, женщины и дети — в ссылку).

В этих обстоятельствах не удивительно, что после 22 июня многие в Эстонии ждали прихода немцев как освободителей. Надеялись, что Германия восстановит суверенитет прибалтийских стран в качестве своих союзников. Война в Эстонии началась еще до прихода немецких войск. Множество городов (в том числе большая часть Тарту), поселков и сел были освобождены от советских оккупантов так называемыми лесными братьями — стихийно возникшими уже в июне партизанскими соединениями*. Большинство солдат и офицеров Эстонского территориального корпуса Красной армии (22-й территориальный стрелковый корпус, бывшая Эстонская армия), выведенного с началом войны из пределов Эстонии, перешли на Псковщине на сторону немцев (июль 1941) и были готовы сразу же продолжать войну против СССР**.

Но надежды скоро рухнули. Гитлеровская Германия и не думала о приобретении равноправных союзников: ей нужны были «древние германские земли», и лучше — совсем без аборигенов. Эстония была включена в состав немецкой колонии Остланд (декабрь 1941), ей было дано пренемецкое марионеточное правительство Хяльмара Мяз («Эстонское самоуправление»), о восстановлении законной власти не могло быть и речи.

Уже в августе 1940 ряд эстонских дипломатов на Западе (в том числе последний посланник в Москве Аугуст Рей, которому удалось бежать в суматохе июня в Швецию) организовали Зарубежный центр для сохранения государственности Эстонии. В Стокгольме они были связаны с представителями антигитлеровской коалиции западных стран, а через Финляндию — со своими единомышленниками на родине. Так как немецкий колониальный режим проявлял себя все жестче и откровеннее, сперва среди интеллигенции, а вскоре и среди всего народа стала утверждаться идея «третьего пути»: надежды возлагались на США и Великобританию, которые, по словам Атлантической хартии (11 августа 1941), были озабочены восстановлением независимости всех государств, потерявших ее в

* В Эстонии бытует мнение, что последней каплей, переполнившей чашу терпения народа, оказалась депортация 13-14 июня и что первоначальное ядро лесных братьев составили те, кто сумел скрыться в ночь депортации и в следующие дни.

** После этого, 22 августа 1941, корпус был расформирован, его остатки переведены на Урал, в трудовые части (работали, в частности, на лесоповале). В трудовые лагеря были направлены также те, кого в начале войны успели мобилизовать в армию в Северной Эстонии и кого удалось вывезти оттуда морем (несколько менее 30 тыс. чел.). Из уцелевших (смертность была высока) и отобранных в 1942 году в составе Красной армии был сформирован совершенно новый Эстонский стрелковый корпус.

ходе Второй мировой войны. Возрастало пассивное сопротивление, игнорировались призывы немецких властей вступить добровольно в части СС, а когда в 1943 началась сначала скрытая мобилизация в немецкую армию*, — началось массовое бегство патриотически настроенной молодежи в Финляндию, чтобы воевать против одного врага, не нося мундира другого врага.

В Эстонии находился чудом уцелевший от депортации и ареста представитель высшей конституционной власти — премьер-министр последнего законного правительства проф. Юри Улуотс. Он обладал правами и главы правительства, и главы государства по следующим причинам:

1. В спешке июньского переворота 1940 забыли принять отставку его кабинета. И так как «правительство» Йоханнеса Вареса было сформировано в советском посольстве на улице Пикк, в обход всех предусмотренных законом формальностей, оно не могло считаться законным правительством республики, все права которого так и остались за кабинетом Улуотса.

2. По статье 46 эстонской Конституции, премьер-министр являлся исполняющим обязанности Президента Республики во всех случаях, когда сам президент оказывался не способным на это, — и премьер должен был исполнять эту роль до избрания нового Президента. А Президент Константин Пятс был насильственно увезен со своей семьей и прислугой в Советский Союз уже 30 июля 1940, и то, что он остался жив, стало известно только после смерти Сталина.

Естественно, что к проф. Улуотсу были обращены взоры как эстонских патриотов, так и немецких властей. Когда в конце 1941 генерал-комиссар Карл Зигмунд Литцманн предложил ему возглавить марионеточное «Ландесрегирунг», Улуотс ответил: «Только правительство суверенной Эстонии!» Вторично и по тем же мотивам он отказался от этого поста в 1943 году. Вокруг него стали собираться политические деятели всех бывших партий, патриотически настроенные офицеры, ученые, просто активисты. В результате тайных неофициальных встреч и совещаний весной 1944 сформировался подпольный Национальный комитет, соединивший все политические силы Эстонии, кроме коммунистов и нацистов, и имевший связь с Национальным центром в Швеции. Ясно, что такая организация была бельмом на глазу как у немецких оккупационных властей, так и у советских агентов. Есть подозрения, что именно последними был спровоцирован крупный провал в апреле 1944, результатом которого был арест до 400 членов организации и отправка в концлагеря многих из них.

Между тем, в начале 1944 года советские войска вновь подошли к границам Эстонии. Началась первая битва под Нарвой (февраль-март), куда немецкое командование срочно перебросило из Белоруссии Эстонский СС-легион, а также другие добровольческие эстонские части. Была

* Предлагалась альтернатива: вступить добровольцем в нацистскую армию или же отправиться на трудовую службу в Германию; позднее мобилизация была объявлена и официально.

объявлена всеобщая мобилизация, которую теперь, когда враг стоял за воротами Нарвы, поддержали и народ, и политики «третьего пути», охваченные отчаянной надеждой, что если нам, эстонцам, удастся удержаться, то Запад не забудет нас, будет или помогать, или запретит Советам перейти границу. Несчастные, они ведь не знали, о чем договорился Сталин с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране*.

Усилиями всего народа первая битва под Нарвой была выиграна, линия фронта стабилизировалась. Была получена передышка до лета, когда, после капитуляции Финляндии, освободившиеся на севере советские армии приняли участие в новом вторжении в Эстонию и в направлении Нарвы, и с юго-востока. Нарвская линия обороны была прорвана, но защитники удержались немного западнее, на линии возвышенности Синимяэ. Там могли бы выстоять и дольше, если бы не был прорван фронт с юга и Северная Эстония не попала бы из-за этого в опасность окружения. В этот критический момент немецкое командование, до этого многократно обещавшее защитить «бастион Эстонию», 17 сентября внезапно приняло решение об отступлении из Эстонии.

Ю. Улуотс и другие члены Национального комитета решили воспользоваться моментом, и 18 сентября в Таллине было сформировано последнее законное правительство Эстонии во главе с премьер-министром в обязанностях президента Юри Улуотсом и заместителем премьера и министром внутренних дел Отто Тиифом (O. Tief), который незадолго до того, в августе, был избран председателем Национального комитета. После этого Улуотс эвакуировался в Швецию, чтобы как обладатель высшей конституционной власти быть вне опасности, практическая же работа была возложена на О. Тиифа.

Правительство Тиифа сделало все, что было в его силах. Были изданы несколько номеров «Государственного вестника» с декларацией правительства, списком его состава и назначениями высших чиновников, а также командующего армией. Но армии не было. Большая часть воевавших на немецкой стороне эстонцев, а также вернувшиеся в августе из Финляндии бойцы 200-го Эстонского пехотного полка** отступали вместе

* Фактически послевоенная судьба прибалтийских народов была предрешена западными союзниками СССР не в Тегеране, а еще раньше — в марте 1943, на совещании Рузвельта с Иденом и при встрече Рузвельта с Литвиновым. В Тегеране (ноябрь 1943) Рузвельт и Черчилль выслушали категорическое заявление Сталина о том, что присоединение Прибалтики к СССР не может служить предметом обсуждения, но не реагировали на него, используя тот факт, что поводом к этому заявлению послужила будто бы «ошибка переводчика». Молчаливое согласие на включение прибалтийских территорий в состав СССР рассматривалось западными лидерами как козырь для отыгрывания у России других уступок. См. на эту тему: Шервуд Р. *РУЗВЕЛЬТ И ГОПКИНС ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА*. М., 1958, т. 1, с. 622; т. 2, с. 376, 382-383, 386-387, 475. — *Прим. ред.*

** Возвращение эстонских бойцов на родину для защиты ее от наступающих советских армий произошло по инициативе эстонцев и явилось результатом их переговоров с Германией и Финляндией. Эстонские воины возвращались без оружия и без финского мундира, получали от немцев амнистию за прежнее уклонение от мобилизации и зачислялись в состав немецких воинских частей.

с немцами. Немногочисленные добровольцы, готовые продолжать борьбу за Эстонию, были рассеяны по стране, не имели четких инструкций и единого руководства. Только в Таллине им удалось воспрепятствовать разрушениям, которые готовились немцами, и поднять на башне Пикк Херманн эстонский сине-черно-белый флаг вместо немецкого красного со свастикой. Имели место также несколько вооруженных стычек с отступающими немцами. Но тем уже поспежала замена: специальная танковая колонна с вернейшими большевиками из Эстонского стрелкового корпуса и оперуполномоченными НКВД мчалась через отступающий немецкий тыл, по дорогам, переполненным устремившимися на запад беженцами, в направлении Таллина. Известно, что политической (и, возможно, главной) целью этой операции было не дать развернуть более широкую деятельность правительству Тиифа. 21 сентября эстонский флаг на башне Пикк Херманн был снова заменен красным полотнищем, только теперь — с серпом и молотом. Началась вторая советская оккупация.

Ниже следуют ранее не публиковавшиеся воспоминания главы правительства 1944 года Отто Тиифа, который был вскоре арестован, осужден военной коллегией Верховного суда СССР, отсидел свой 10-летний срок и сумел при этом сохранить ясный и плодотворный дух и в лагере, и в так называемой «вольной» жизни до глубокой старости.

Предварим публикации некоторыми сведениями о жизни Тиифа.

Он родился 14 августа 1889 на хуторе Сильдема Раплаской волости Харьюмааского уезда в крестьянской семье. Окончил сельскую школу в Алу (1901), Таллинскую городскую школу (1905), Псковскую школу землемеров (1908) и Псковскую гимназию (1910, экстерном). Работал землемером в Пскове и Петрограде (1908-16), учился на юридическом факультете Петроградского университета (1910-16), в 1916 окончил временную военную инженерную школу. Прaporщик в 10-м понтонном батальоне на Рижском фронте (1917-18). В 1917, в период существования Временного правительства, — член Эстонского комитета XII армии и Верховного комитета эстонских воинов, под руководством которого формировались первые эстонские национальные части. В Освободительной войне служил в добровольческом батальоне, выросшем затем в полк Калэвластэ Малэва («Дружина Калэвцев»), где был командиром роты, батальона и заместителем командира полка. Произведен в чин капитана, награжден орденом Крест Свободы III/3*. После войны окончил юридический факультет Тартуского университета (1921), принадлежал академически к студенческой корпорации «Роталия». Работал судебным следователем и помощником прокурора в Тарту (1921-23), советником кодификационного отдела Министерства юстиции в Таллине (1923-26). В мае 1926 был избран депутатом в III созыв Государственного собрания от партии сельских поселенцев (крестьяне, получившие землю по земельной реформе 1919). С ав-

* Пояснения о важнейших учреждениях, организациях и событиях Эстонской Республики, а также биографические справки о деятелях Эстонской Республики, Эстонского самоуправления и ЭССР см. в Приложениях.

густа 1926 до марта 1927 — министр труда и социального обеспечения во втором кабинете Яана Тезманта, с марта до декабря 1927 — министр юстиции в третьем кабинете Я.Тезманта. В 1927 женился на Эмилии Кунтлер; его дети — сын Яан и дочери Лилиан, Астрид-Анн и Тийу. Начиная с 1928, О.Тииф работал присяжным поверенным и юрисконсультom Земельного банка в Таллине. В 1932-38 — депутат V созыва Государственного собрания от Объединенной аграрной партии. Обстоятельства жизни его во время первой советской оккупации нам неизвестны. Во время немецкой оккупации — юрисконсульт Земельного банка. С марта 1944 — член, а с августа — председатель Национального комитета.

О.Тииф умер 5 марта 1976 в Тарту, похоронен в Таллине на кладбище Пярнамяэ.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

И за рубежом, и в Советском Союзе общеизвестен факт образования во время немецкой оккупации подпольного Национального Комитета Эстонии. Общеизвестна и его деятельность, увенчавшаяся созданием Правительства Эстонской Республики и публикацией правительственных актов в «Государственном вестнике». Об этих событиях, с частичным использованием материалов следствия, было сообщено и в советской печати («Eesti Kommunist», №1 за 1966, с.29-35)¹.

В статье под заглавием «Последняя ставка предателей», напечатанной в «Коммунисте Эстонии», ход событий описан с точки зрения компартии. Констатировано, что эстонские националисты стремились восстановить независимость Эстонии, вначале при содействии немецких властей, а когда это не удалось, — то при поддержке стран Запада, основываясь на той статье Атлантической хартии, где утверждалось, что после победы в войне бывшие самостоятельные государства будут восстановлены. В статье сказано, что в 1944 году на авансцену выдвинулась группа буржуазных националистов, которые с самого начала войны ориентировались на империалистические страны Запада, враждовавшие с фашистской Германией:

«Речь идет о группе Эрнста Кулля², в прошлом личного секретаря одного из главарей эстонской буржуазии Яана Тыниссона». «23 марта 1944 года на квартире Кулля состоялось совещание его единомышленников, на котором было решено создать центр под громким названием "Национальный комитет Эстонской республики"». «Как и клика Улуотса», группа Кулля «лелеяла мечту

о восстановлении эстонского буржуазного государства, но свои надежды связывала не с Гитлером, а с Англией и США».

К августу 1944 «клика Улуотса убедилась в полной бесперспективности ставки на Гитлера. Все группы буржуазных националистов, кроме банды Мяз, полностью сросшейся с оккупантами, сошлись на том, что надо держать курс на "помощь Англии и США"». Тогда же, «в августе 1944 г., "заграничный центр"³ потребовал создания в Эстонии взамен "национального комитета" нелегального правительства Эстонской республики. Это была последняя ставка предателей». «Возглавить его [это правительство] должен был Улуотс. Он был последним премьер-министром буржуазной Эстонии и по конституции считался заместителем президента, в отсутствие президента он имел право создавать новый кабинет».

«18 сентября 1944 года, — показал позже председатель "национального комитета" "заместитель премьер-министра" Тииф, — ко мне явился Улуотс и, передавая мне текст декларации, сказал: "Настало время. Немцы в Эстонии отступают. Соберите членов правительства и приступайте к действию". 19 сентября я собрал членов правительства⁴ и прочел им текст декларации. /.../ В декларации объявлялось, что законное правительство Эстонии приступило к исполнению своих обязанностей, в связи с чем подпольный национальный комитет прекращает свою деятельность. /.../»

«"Правительство" поручило одному из своих членов размножить декларацию /.../. Были напечатаны "указы" Улуотса о назначении "министров"».

Из этого переложения событий «Коммунистом Эстонии» видно, что люди, заклеянные как изменники, не изменяли Эстонской Республике, а стремились продолжать деятельность ее правительства. Удача их была недолгой из-за советского вмешательства.

Улуотс в то время подчеркнул в нескольких выступлениях, что Эстонии на протяжении своей истории приходилось искать поддержку как у немцев, так и у русских, но — всегда временно, всегда с тайной надеждой создать когда-нибудь самостоятельную государственность Эстонии, идея которой никогда не погасла у народа Калевов.

Так что эстонцы сражались в армиях обеих воюющих сторон⁵, надо особо отметить, что новое правительство Эстонской Республики не присоединилось ни к одной из сторон и считало правильным не оказывать вооруженного сопротивления вторгав-

шимся советским войскам, мешая в то же время немцам в их попытках нанести Эстонии материальный ущерб⁶.

Советская оккупация прервала связь с той частью правительства республики, которая, во главе с премьер-министром в обязанностях президента Юри Улуотсом, действовала за рубежом. Поэтому на последнем нашем заседании (возле прибрежной деревни Пуйзе) было решено ждать дальнейших распоряжений президента и прекратить пока деятельность на той территории, которая попадает под советскую власть. Лодка, служившая нам для связи, должна была эвакуировать нас в Швецию, но за несколько дней так и не появилась. Перед приближением советских войск люди, собравшиеся на побережье Пуйзе, разошлись, а я перешел по морскому мелководью на какой-то остров, название которого забыл. Там узнал, что на следующем острове находятся люди из ЭТК, они имеют с собою лодочный мотор и надеются привести в порядок какую-либо лодку; говорили, что с ними и мой приятель адвокат Маанди. Но из-за ветра, непрерывно дувшего с моря, вода поднялась слишком высоко. Идти дальше вброд было невозможно, а средств для переправы не было. Поэтому через несколько дней мы решили вернуться в Пуйзе⁷.

Там выяснилось, что побережье уже оккупировано советскими войсками. Мои чемоданы, оставшиеся в Пуйзе, были советскими военнослужащими унесены. Когда я шел через деревню, сзади раздалось несколько выстрелов в моем направлении. Я остановился, и ко мне подошел какой-то офицер, который отнял у меня карманные часы, сказав, что они ему нужны. Я предложил и цепочку, но ее он не взял.

В Пуйзе я застал Рейго. Мы пошли вместе с ним пешком в Хаапсалу, а оттуда на военном поезде, куда пускали и штатских, добрались до станции Рийзипере. От Рийзипере я отправился домой на хутор Яаника, а Рейго поехал дальше в Таллин.

Через пару дней на хутор приехали на машине двое офицеров из военторга Эстонского корпуса и предложили передать хутор во владение военторга, во избежание возможных ограблений. Я поставил подпись под соответствующей бумагой, с которой офицеры и уехали. Мы с хуторянами продолжали полевые работы, в основном уборку картофеля.

10 октября погода была теплая и солнечная. Я работал на картофельном поле, когда пришла временная хозяйка хутора, моя невестка Лийза Тийф (жена моя еще в июле тайком уехала с детьми на моторной лодке в Швецию). Лийза сказала, что ко мне явились гости. Не выяснив, кто они такие, я велел Лийзе покормить их. Явившись вслед за нею, застал там нескольких

военных, русских. Один из них назвался капитаном Захаровым и сообщил, что меня вызывают в исполком Эстонии. Помнится, приглашающим он назвал Каротамма, председателя исполкома⁸. Он также требовал выдачи оружия и золота, которых я не имел. Заглянув в буфет и платяной шкаф, он приказал упаковать мой мундир Эстонской армии и велел взять с собой продукты в чемодане и надеть зимнюю одежду, заметив, что может похолодать. Хозяйка предложила поесть, и, кажется, мы позавтракали. Затем мне было велено сесть в машину, куда сели и Захаров с другим военным, на буксир взяли с соседнего хутора легковую машину Арнольда Ахмана, которого не было дома, — и поездка началась.

В Таллине, на углу улиц Лай и Пагари, около бывшего дома Лендера, где находился тогда и находится также сейчас, 25 лет спустя, штаб комитета безопасности, или *чекистов** (как они сами себя называют)⁹, нас надолго остановили для каких-то формальностей. На это время наш натянутый буксирный трос преградил движение в направлении Министерства земледелия и церкви Олевисте. Кто-то потребовал, чтобы дорогу освободили для машины наркома сельского хозяйства; кажется, назвали и фамилию Абельса. Захаров реагировал на это лишь пренебрежительным замечанием: «*То-оже народный комиссар!*», растягивая слово *тоже*. Наконец меня увели в какой-то длинный коридор и посадили на мой же чемодан. Там находились и многие другие задержанные. Мне пришлось дня два ждать допроса, при этом я не был лишен возможности двигаться по коридору и на меня не обращали никакого внимания. Двери, конечно, охранялись. Первый допрос был поверхностный — для регистрации задержанного. Последовал основательный обыск, и меня отвели в камеру, находившуюся в подвале того же дома. Никакого сформулированного обвинения мне не предъявили.

В подвале, соединенном с системой центрального отопления и не имевшем окон, стояла адская жара; задержанные ходили в нательных рубашках, кое-кто даже без них. Из-за жары и сырости очень быстро появились вши, против которых одна надзирательница-санитарка принесла нам какой-то порошок, но пользы от него было мало. Спали мы на дощатых нарах, они были не горизонтальные, а покатые, что делало сон на них сущей пыткой, которую, не испытав этого, трудно представить. Спали до пяти или шести часов утра; точного времени мы, конечно, не знали. После подъема на нарах разрешалось только сидеть.

* Курсивом выделены слова, написанные в оригинале по-русски, латинским шрифтом. — *Прим. ред.*

Допрашивали главным образом ночью, жара и бессонница обессиливали. В камере говорили об избиениях и ударах на допросах. Лично меня физическим насилием не заставляли давать показания, ведь мое дело было ясное: образование Правительства республики происходило открыто, о нем было объявлено в «Государственном вестнике». Поэтому у меня ночных путешествий к следователям было мало, и следователи не запомнились.

Однажды вывели меня днем, побрили, умыли и повели в кабинет главного чекиста. Его фамилия была, если я правильно помню, Вомм. Он держался дружелюбно, предложил сесть, угостил папиросой и спросил, не имею ли я претензий к следователям, зная, видимо, об их трюках. Я не очень роптал на следователей, но имел кое-что сказать об условиях, в которых находятся задержанные. Главный чекист оправдывал существующие мучительские порядки (наверняка преднамеренные) случайными причинами, особенно быстротой хода событий: нет ни помещений, ни распорядителей в достаточном количестве. Он обещал перевести меня в лучшее помещение.

Скоро меня перевели в обычную тюрьму, в так называемую Батареею¹⁰, и поместили в недавно построенную ее часть. Там были камеры для немногих заключенных, железные койки, которые днем вкладывались внутрь стен, уборная в каждой камере. Моя камера была рассчитана на четверых, но нас впихнули туда не меньше пятнадцати. Поэтому спать мы были вынуждены, как кильки в банке. Но там было все же лучше, чем в подвале чека. Стены между камерами — довольно тонкие, скоро мы установили прямую связь, можно было беседовать. В соседней камере отыскались знакомые, среди них зам. директора Общей помощи эстонского народа¹¹ Тэодор Мянник. Допросами нас почти не тревожили. Однажды следователь вызвал меня и предложил отправить письмо моим близким, чтобы они передали ему для меня чемодан с продовольствием, верхней одеждой и бельем, которые мне в скором будущем якобы понадобятся. Я написал сестрам своей жены, и они доставили большой чемодан с продуктами и другими вещами по указанному им адресу, но я всего этого не получил, так как меня увезли из Таллина. Произошло это приблизительно в дни Рождества. Тех, кто, по мнению следственных властей, был связан с Национальным комитетом и Правительством республики, неожиданно поместили в одну камеру. Туда привезли также Алму Остра-Ойнас, которая, по-моему, к нашему делу не имела прямого отношения. Хотели, наверно, из наших разговоров при встрече добыть кое-какие сведения. Позже выяснилось, что в действительности дело Алмы Остра-Ойнас было отделено от общего

дела остальных, так же как и дело Эрнста Кулля, с которым во время формирования правительства мы не имели связи.

Нас отвели всех вместе на вокзал Таллин-Бальти, но в вагоне разъединили, разместив по разным купе. Направления поездки не сообщили. Продуктов дали — по несколько банок мясных консервов. Я надел все свои вещи на себя, залез под одеяло и грел себя своим дыханием.

Путешествие длилось несколько дней. На мой взгляд, мы должны были за это время доехать до Урала. Наконец нас высадили, посадили в «черный ворон» (машина для перевозки заключенных) и повезли в какую-то тюрьму; там снова разъединили. Меня поместили в одиночку. На следующий день тюремщик передал меня офицеру, который взял меня под руку и повел через длинные коридоры и лестницы в какой-то кабинет, сам сел за письменный стол, меня посадил на стул около двери и первым делом спросил: «Знаешь ли ты, где находишься?» Конечно, я не знал. Тогда следователь сказал, что нахожусь я в Москве, в следственной тюрьме на Лубянке. Оказалось, что Совнарком СССР отобрал наше дело у Таллина и передал его Москве, что противоречило принципу *locus regit actum**.

Одиночка Лубянки была просторная и светлая, мне она даже «понравилась», но скоро меня перевели в общую камеру, где находилась ниспровергатели советского строя. Они рассказали, что в Москве во время немецкого наступления в 1941 году было якобы образовано подпольное правительство, обнаруженное и ликвидированное Сталиным¹². Помню одного сокамерника, некоего Недовича¹³. Он назвал себя профессором и писателем. У него нашли антисоветские стихотворения, где он развивал мысль, что на фронте кровь, а в тылу грязь. Несколько раз меня переводили из одной общей камеры в другую, и везде порядок был лучше, чем в Таллине. Еду приносили на подносах надзиратели в халатах, но порции были так малы, что в животе всегда пустовало. Когда следствие ранним летом было окончено, меня перевели для ожидания суда в Бутырку — огромную тюрьму, где содержались несколько десятков тысяч заключенных.

Допросы в Москве происходили примерно по такому же методу, как в Таллине. Нажимали на те же вопросы: кто был в организации? где находятся тайные склады оружия? какая была связь с разведкой западных стран? Я мало чем мог удовлетворить любопытство следователей, так как Правительство республики вышло перед приходом Советов из подполья и действовало открыто.

* Место правит делом. — Прим. переводчика.

Протоколы допросов были оформлены так, что, подписывая их, мы должны были бы поступать против своих убеждений и своей совести. Физическим насилием меня не принуждали, а применяли моральное давление, утомляя еженощными допросами без еды, без папирос, когда следователь сам и ел, и курил, соблазняя подписать протокол. Когда это ему не удалось, отвели меня к одному высшему начальнику, у которого я попросил бумаги, чтобы написать протокол собственноручно. Я обещал подписать также протокол следователя, если приобщат к делу написанный мною документ. На этом мы договорились, и я поставил свою подпись под протоколом ознакомления с делом, хотя из многолетнего дела мне не дали прочитать ничего. Я боялся, что написанные мною тексты будут из дела изъяты, но Эрвин Мартинсон¹⁴ из эстонского радио сказал, что они сохранились в деле, когда он его читал много лет спустя. Так как мне было предъявлено обвинение в попытке отделения Эстонии от Советского Союза, что, естественно, и было задачей нашей организации, в согласии с Атлантической хартией, то я не интересовался деталями дела настолько, чтобы видеть смысл в сопротивлении требованию подписать протоколы, составленные следователем. Тем более, что суд состоялся бы и независимо от моих подписей. Перед судом разрешили прочесть только свои (уже ранее прочитанные) показания.

В начале июля 1945 года, кажется, 2-го числа, нас собрали вместе в «черном вороне» и, строго запретив разговаривать или выглядывать, повезли под охраной вооруженных солдат в суд. Это был Верховный суд СССР в составе его Военной коллегии. Помещение, куда нас ввели, напоминало зал какого-нибудь клуба или народного дома. Это был простой маленький зал с рядами простых стульев. Ряды, предназначенные для публики, были пусты, заседание было герметически закрытое. Ни обвинителя, ни защитника. За простым столом суда сидели несколько хмурых военных, а в центре — молодой круглолицый и полнотелый блондин в генеральской форме, с ласковой улыбкой на лице. Это был «кровавый Ульрих»¹⁵, знаменитый прокурор истребительных процессов Сталина, за свои заслуги ставший председателем военной коллегии Верховного суда. При всей серьезности обстановки мне вспомнился анекдот об эстонском старике, который угодил в «розговый суд» карательных отрядов (в 1905 году. — Прим. переводчика) и слышал, как один (добрый) судья говорил доброжелательно и даже по-дружески: «Дай карáссенко, дай карáссенко», (т.е. хорошенько. — Прим. переводчика) — и как другой (злой) судья орал: «Даавольно!»

Нас поместили на скамье подсудимых, кажется, в следующем порядке: Тииф, Майде, Сузи, Пяртельпоэг, Сумберг, Пикков, Каарлимяэ. Других арестованных по нашему общему делу судили местные трибуналы или тройки (*ОСО — особое совещание*). Несколько членов правительства во главе с Улуотсом, Реем и Клеэсментом¹⁶ не были заочно преданы суду из-за того предписания советского судоустройства, которое требует личного присутствия подсудимого при разборе дела в суде.

Судебная процедура была укорочена. Из-за отсутствия истца (в лице прокурора) после прочтения обвинительного заключения дали слово подсудимым, в том порядке, как они сидели. Я вместе с другими подчеркивал, что захваченные государства подлежали восстановлению, согласно Атлантической хартии, и поэтому находившийся в Эстонии и.о. президента мог и должен был назначить правительство, ибо немецкая оккупация прекратилась с уходом немецких войск. Деятельность правительства Эстонии не была направлена против СССР и его союзников. Оно старалось помешать тем разрушениям, которые производили немцы, тем пожарам, которые они вызывали, и это правительству отчасти удалось. Ни правительство, ни народ не хотели принимать участие в войне, но воюющими сторонами были проведены насильственные мобилизации, а также вербовка немногочисленных добровольцев. Участие людей в боях нельзя ставить в вину правительству, которое пыталось только устроить государство. На эти утверждения Ульрих благодушно заметил: *«Вот вам и пригодилась юриспруденция»*.

Выслушав показания подсудимых, судьи ушли на совещание. Приговор был объявлен, кажется, на следующий день — устно, копию приговора не выдавали. Мы были осуждены не за попытку отделиться от советского государства, в чем нас обвиняли, а за измену родине. Приговор был окончательный, обжалованию не подлежал. Все были наказаны лишением свободы, кроме Майде, который был приговорен к расстрелу. Кажется, все получили и дополнительное наказание — лишение гражданских прав на 5 лет после отбытия срока заключения. Сроки лишения свободы были таковы: Тииф — 10 лет, Сузи и Пяртельпоэг — 8 лет, Сумберг, Пикков и Каарлимяэ — 5 лет. Слышал, будто Майде высшую меру заменили 10-летним заключением, но точных сведений не имею.

Нас поместили в просторную бывшую церковь тюрьмы вместе с другими несколькими сотнями заключенных для этапирования в какой-нибудь лагерь. По сведениям заключенных, этапы были двоякие — ближние и дальние. Дальний этап состоял из це-

лого поезда, заключенных везли в вагонах для скота, примерно по 30-50 человек в вагоне. В середине вагона была маленькая жестяная печка-тепушка (тепушкой обычно называли сам вагон с такой печкой. — *Прим. переводчика.*), где-то в углу — дыра (уборная), для спанья — нары. В поезде имелась кухня, заключенным давали жидкий, но теплый суп. В вагоне было самоуправление до конца этапа, обычно завершавшегося через несколько месяцев на Дальнем Востоке, где находились тысячи лагерей для постройки городов, вроде Комсомольска-на-Амуре, и для других целей. Для ближнего этапа заключенных помещали в так называемые вагоны Столыпина, который их якобы первым применял. Это были переделанные для перевозки заключенных вагоны третьего класса, решетками разделенные на купе. Заключенных пихали туда, как рыб в бочку, кормили консервами, главным образом соленой рыбой, в уборную водили всех вместе два раза в сутки, не спрашивая о надобности. Эти вагоны прицеплялись к поездам по мере возможности. Поэтому ближний этап двигался медленнее, чем дальний, пребывание в нем было сущим адом сравнительно с жизнью в скотских вагонах.

Почти все заключенные жаждали попасть в дальний этап, куда их отбирали в пересылочной тюрьме Красной Пресни. Меня тоже перевели туда, но я был выбракован по старости. На Дальний Восток требовались физически трудоспособные молодые люди.

Так, более пожилые из нас — я, Сузи, Пикков и Пяртельпоэз — попали в ближний этап, отправленный примерно в августе месяце в Куйбышев. Там мы стояли некоторое время в пересылке, но поскольку на нас, видимо, не было спроса, отправили нас дальше, в Новосибирск, где подобный нам товар мог сгодиться. Нас отвели в Кривошековские лагеря¹⁷, где около разных заводов располагалось несколько *лагпунктов*, отделенных от заводов высоким забором из колючей проволоки; на углах стояли высокие сторожевые вышки, по-русски *кукушки*. Сразу по прибытии в лагпункт нас заставили чистить запретную зону — пространство между двумя заборами, которое требовалось очистить от травы и пророборновать граблями так, чтобы там не осталось ни единого следа. На вечерней поверке я, Пикков и Пяртельпоэз из-за нашего истощенного вида были определены на врачебный осмотр. Медицинская комиссия под председательством одной молодой женщины ошупала наши ягодицы и все наши отеки — и отправила нас в лагерьную больницу. Это случилось примерно в конце октября.

Я весь распух, от стоп до макушки. Особенно ноги: они были как у слона. Поставили диагноз: алиментарная дистрофия (или

просто голод) и отеки из-за «диеты» — соленой рыбы (по лагерному опыту, главной причиной отеков является соль). Мнением санитарного персонала было, что меня ненадолго хватит. Больничная пища была худая, хотя намного лучше, чем общий паек. Месяцами длился понос, желудок не принимал ничего. Но мне удалось связаться с домашними, я начал получать продуктовые посылки, и со временем живот стал переваривать пищу. Врачи-литовцы, также заключенные, — относились доброжелательно, не спешили с выпиской, несмотря на то, что врачебные комиссии, состоявшие из тюремного персонала, часто приходили обследовать ягодицы. Когда ягодицы стали полнеть, последовал приказ выйти на работу. За год мое здоровье настолько поправилось, что комиссия решила отправить меня на слабосильную работу внутри зоны.

Голод не только скопил массу народа, но оставил свои следы и на выздоровевших. У меня ослабла память, в ней появились провалы. С другой стороны, исчезли ревматизм, радикулит, ишиас, от которых я раньше страдал. В больнице вообще не было слышно о больных с этими недугами. Быть может, их не помещали в больницу, но, возможно, и «лечение голодом» оказало на эти болезни некоторое действие.

По больнице ходили тайком принесенные книги, среди других — и на английском языке. Мне удалось купить англо-русский словарь, с пособием по произношению, и замаскировать его под эстонско-русский, потому что английский язык был «табу». Через некоторое время я уже читал английские тексты со словарем. За пользование текстами я платил, конечно, содержанием своих посылок, так как денег у меня в то время не было. Мне попадались в руки даже редкие книги — история компартии на английском и лекция проф. Шредингера «What is life?»¹⁸. («Что такое жизнь?»). Последняя сильнее прочего побудила меня прочесть философские книги из лагерной библиотеки, где были произведения корифеев коммунизма, а также труды Чернышевского, Герцена и др., на которые среди заключенных не было большого спроса. Художественную литературу было труднее достать, она была бронирована привилегированным.

В частности, под влиянием «What is life?» Шредингера возникло у меня желание рассмотреть на основе общих законов природы важнейшую область жизни — экономику. Чтение трудов Ленина привело меня к Гегелю, хотя изучить его я смог только после освобождения из лагеря, как и Спинозу, и других западных философов. Через посредство Ленина, Маркса и Энгельса познакомился я и с учением о диалектике в его новейших аспектах (диа-

лектика — основа любого развития как закономерной изменчивости). В больнице было много досуга для размышлений, и у меня зародилась идея написать книгу о развитии экономической стороны жизни, исходя не из воинственной точки зрения одной из борющихся сторон, а поднимаясь над земной борьбой, так сказать, на позицию космического наблюдателя.

В бригаде слабосильных меня поставили «переплетчиком» — делать тетради. Нехватка бумаги была в Сибири великая. Нашему лагерю удалось завладеть каким-то бумажным складом, и это обстоятельство использовали для трудоустройства слабосильных заключенных. Вначале нормы были не очень велики, так что мне удавалось зарабатывать большие *пайки* (порции хлеба) — до одного килограмма вместо «нормальных» 400 грамм. Скоро я настолько поправился, что меня нашли годным для отправки на работу *за зоной* (за лагерным забором) — на фабрику, которой принадлежал лагерь. Труд *за зоной* был изнурителен не только потому, что сам по себе был тяжелее, но и из-за тех специальных процедур, через которые приходилось проходить при любой погоде. Передача рабочей силы от лагеря к фабрике и назад была связана с построением, проверкой, обыскиванием («*шимон*») и т.д. Если счет не сходился, приходилось повторять процедуры, искать пропавших или просто отсутствующих, а остальные должны были стоять в строю, что было мучительно и утомительно при недостаточном обмундировании заключенных в непогоду и при морозе.

Состав заключенных был неоднороден, хотя лагерный режим пытался их уравнивать. Основных групп, противостоящих друг другу, было две: бытовики и *контрики* (антисоветчики). Из них первые считались верными государству, и им оказывалось предпочтение. У *бытовиков*, в свою очередь, выделялись две привилегированные группы; *блатные* (крупные воры и бандиты) и *малолетки* (что значит несовершеннолетние юнцы). *Блатные* являлись лагерной знатью, они не трудились, облагали налогом полученные посылки и устанавливали свои права с помощью кровавого насилия. Их боялось и меньшее лагерное начальство — надзиратели, потому что у *блатных* была устойчивая организация и эффективный способ устрашения — убийство из-за угла. Зачастую были они и инициаторами крупных массовых восстаний в сотрудничестве с поддерживающими насилie *контриками*.

Малолетки были побочным продуктом революции и войн, начиная с гражданской. Оставшиеся без родителей подростки образовывали банды, которые терроризировали крупные города. Из-за недостаточного питания и антисанитарного образа жизни

они плохо росли и, даже достигнув совершеннолетия, казались меньше своего возраста. В конце концов власти были вынуждены их ловить и собирать в лагеря. Новосибирские лагеря были перегружены ими. Власти чувствовали себя как будто виноватыми перед малолетками, старались их немножко лучше кормить в сравнении с обычными заключенными и давать им посильную работу. В обществе заключенных были они молодой гвардией, которая имела право вредить массе обычных заключенных сколько возможно, и притом безнаказанно: они же несовершеннолетние.

Так как вначале все заключенные, мужчины и женщины, жили вместе в одной *зоне* (хотя и в отдельных помещениях), возникла скоро еще одна особая категория заключенных — *мамки*, т.е. беременные и с детьми женщины. Они были размещены отдельно от других, их кормили лучше: в частности, они получали молоко.

Поскольку совместная жизнь козлиц с овцами стала начальству делом дорогостоящим и хлопотным, *мамок* отделили в особую зону, а *контриков* стали сосредоточивать в лагерях со спецрежимом, что считалось отягощением наказания. Сами *контрики*, однако, приветствовали эту меру, ибо она спасала их от тирании *блатных* и *малолеток*¹⁹.

Будучи определен на работу за зоной, попал я на фабрику армейских ящиков. Малолетки сколачивали ящики быстро и ловко. Одним ударом по шляпке вгоняли они гвоздь в доску, и за несколько минут объемистый ящик был готов; мне было нелегко его поднять. Ящики проверялись военными и запечатывались. После этого они поступали пожилым мужчинам и женщинам для окраски. Эта работа была вредна для здоровья из-за густого запаха нитрокраски. Через несколько месяцев меня выбраковали и назначили в этап — в лагерь для инвалидов.

Одновременно со мной был отправлен на работу за зоной Пикков, который был старше меня и страдал от тяжелого расстройства сердца. Он успел там поработать только один день, свалился на работе с ног и умер. Его похоронили, как всех заключенных, за зоной; я узнал о его смерти, когда он был уже похоронен. Такие освобождения из лагеря случались ежедневно. Но вновь прибывавших было еще больше.

Инвалидный лагерь, куда меня отправили, находился в Казахстане, в нескольких десятках километров от города Караганды²⁰. Там в свое время были медная шахта и медеплавильный завод одного английского предпринимателя. Они были во время гражданской войны частично разрушены, и их стали восстанавливать для размещения заключенных. З/к должны были сами себе построить каменные здания. Внутри лагеря находилась каменолом-

ня, где солдаты ломали строительный камень; среди глыб попадались синеватые и зеленоватые тяжелые камни, содержащие медь. Тысячи з/к тащили камни из каменоломни на строительную площадку (повозок вначале не было). Другие з/к клали стены, и так поднимались одна за другой каменные казармы, куда перемещали заключенных из палаток. Рабочими были главным образом выбракованные от фабричного труда инвалиды, но для квалифицированных работ и для обучения других туда были привезены и более молодые. Сначала не было никаких норм выработки, однако дубины надзирателей побуждали к напряженному труду. Питание было слабее, чем в фабричных лагерях. Но это был режимный лагерь для *контриков*, где не было *блатных* и *малолеток*. Поэтому жилось там спокойнее. Конечно, были и среди *контриков* похожие на *блатных* типы, но их было относительно меньше, и дань им не была обременительна. Так как таскателей камня было много, они успевали снабжать строителей материалом без особого напряжения, и работа на свежем воздухе была лучше для здоровья, чем фабричный труд. Те, кто от родных или друзей получал поддержку (этому не препятствовали), стали поправляться, в их числе и я. Но на поправлявшийся людской материал был большой спрос, и скоро появились покупатели. Устроили *комиссовку* для выбора годных к этапу. Один из покупателей положил руку на меня. Я попытался спорить, объясняя, что я стар и негоден к этапу. Но покупатель успокоил: «*Ничего, морда красная!*» Действительно, мое лицо могло казаться розовым, в отличие от массы серых лиц. Выбрав несколько сот человек, погрузили их со своими вещами на грузовики — и покатали по широкой степи.

Проехав несколько десятков километров, конвоиры нашли, что места мало, и велели ящики и чемоданы выбросить, перед тем опорожнив. Не помогли ни мольбы, ни плач. Скоро тару выкинули через борт, и караван автомобилей потянулся дальше, поднимая пыль выжженной степи.

Путешествие длилось несколько дней. Ночевали в степи, окруженные цепью конвоиров и собак. Было время уборки зерна, но редко попадалось на нашем пути какое-нибудь поле, да и то — хилое и страдавшее от засухи.

По ровной, как доска, степи мы докатили до буровых вышек, окруженных черными отвалами. Прибыли в Экибастуз — новый угольный бассейн, где залежи угля толщиной в сто и более метров начинаются вблизи земной поверхности. На месте не было еще капитальных строений, а тянулись ряды палаток, и заключенные уже строили лагерную зону, сооружая вокруг палаток

своего поселка заграждения из колючей проволоки. Так стал я «основателем и первостроителем» знаменитого Экибастузского угольного бассейна, где из открытых карьеров выкапывают десятки миллионов тонн угля в год²¹.

Так как при основании угольного предприятия возникла нужда в большом количестве квалифицированных рабочих, составили на каждого з/к анкету — кто что умеет и на какую работу годится. Я назвал свою специальность, надеясь получить работу в канцелярии. Но составитель анкеты, услышав о специальности юриста, написал в анкету твердо и решительно (наверное, на основе общего распоряжения): *чернорабочий*.

Уже строилась вручную железная дорога к угольному бассейну; работа шла как по маслу, потому что степь была ровная, как доска. Подвозились стройматериалы — сплошная древесина, ибо каменных карьеров вблизи не нашлось. В первую очередь возводились промышленные здания и помещения для собрания, так как для з/к пока было достаточно и палаток, а в будущем в Экибастуз должны были прибыть комсомольские ударные бригады. Начали копать большой *котлован* для электростанции. Наступила зима, казахстанская холодная зима с морозами и *буранами* (снежными бурями). Установились тридцатиградусные морозы, а з/к все еще жили в палатках, и мороз проникал туда, несмотря на *теплушки*. О том, чтобы раздеться, не могло быть и речи. В валенках, в ватных ушанках, накрытые *бушлатом* (ватной курткой) — так мы спали. Мне пришлось ходить на работу за зону копать *котлован* для электростанции почти всю зиму, но тут я обессилел — и меня выбраковали оттуда на работу внутри зоны, назначили пожарником.

О жизни в Экибастузском лагере опубликована знаменитым русским писателем Александром Солженицыным повесть «Один день Ивана Денисовича». /.../ Солженицын работал там после меня. Я его вообще не знал, но о нем рассказал мне мой друг и солагерник Арнольд Сузи, познакомившийся с Солженицыным в следственной тюрьме на Лубянке. Позже, на воле, Солженицын ему рассказал про свою жизнь в Экибастузе.

Пожарники были нужны, так как здания в основном были деревянные. Особенно настороже приходилось быть ночью, ибо из-за морозов печи в палатках и зданиях топились вовсю. Питание в этом важном трудовом лагере было гораздо лучше, чем в увиденных мною раньше лагерях. Я бы охотно остался там до конца своего срока, но в следующую зиму пришел приказ: всех пожилых и слабых отправить в лагерь для инвалидов (видимо,

для того чтобы не кормить их по общим нормам питания вместе с молодыми и сильными).

Меня отправили обратно в Спасский лагерь. Как ни противен этот этап мне тогда показался, но он спас, может быть, мне жизнь. Позже произошло в Экибастузе общее восстание, где в первую ночь было убито много ночных стражей порядка — пожарных.

В Спасске застал я одного англичанина, с которым познакомился еще во время первого пребывания там. Он был уроженцем России, отец его приехал сюда и стал работать инженером. Он и сам был инженер-кораблестроитель — Борис Николаевич Эванс. В лагерь он попал при странных обстоятельствах. При посольстве США Эванс, с разрешения властей, выполнял обязанности переводчика-консультанта по кораблестроительной терминологии (он владел, кроме русского, английским и французским, так как учился в Париже и Лондоне). Эванс был в хороших отношениях с работниками посольства, в частности с Джорджем Кеннаном²², и ему иногда давали поручения по представительству посольства. Но вот настал день, когда Сталин заключил с Японией важный договор (кажется, договор о ненападении), противоречивший интересам США. Когда японский представитель уезжал, посол США, по дипломатическому обычаю, тоже должен был явиться на вокзал. Послу это было неприятно и, чтобы хоть как-нибудь выразить свое неудовольствие по поводу заключенного договора, он послал на вокзал в автомобиле посольства не дипломатического сотрудника, а технического консультанта Эванса. По рассказу Эванса, и Сталин, и представитель Японии были сильно под хмельком после счастливого spryskivaniya договора. Сталин обнимал японца, кажется, премьер-министра (забыл, как его звали), и помогал ему подняться в вагон²³. А Эвансу не повезло: его сделали шпионом и отправили на 15 лет в лагерь. Из-за того, что он был пожилым — на два года старше меня, — очутился он в конце концов в Спасске, где образовался один из самых больших лагерей для инвалидов, с пятнадцатью-двадцатью тысячами заключенных.

Там была и большая больница. Хирургом в ней работал профессор Колесников²⁴. В свое время он входил в состав комиссии, которая обследовала большое секретное кладбище в Катынском лесу, дабы подтвердить, что не советские органы власти казнили там свыше 10 тысяч польских офицеров, а немецкие фашисты. Колесников побывал и в Эстонии, и в других зарубежных странах — и тут обнаружилось, что он негоден для воли, потому что говорит слишком свободно. Я был в его больнице сперва ночным

сторожем, потом санитаром и наконец статистиком рентгеновского кабинета, который записывал диктуемые врачом тексты в соответствующий дневник.

В это время жилось мне лучше, чем заключенной массе, — и прежде всего потому, что у больничного персонала были отдельные помещения. Также была немножко гуще *баланда* (пища заключенных: заварка свекольных листьев, с гнилой рыбой и картошкой).

Рентгенолог был немецкий военнопленный и освобожден по соглашению между Сталиным и Аденауэром, заключенному во время визита последнего в Москву²⁵. После этого меня перевели в барак неработающих инвалидов. Такой грязной, такой голодной толпы, как там, я не встречал за все время моего пребывания в лагерях. Утешением были частые встречи с Эвансом и возможность говорить по-английски. Мы оба получали посылки из дома, и наше физическое состояние было более или менее удовлетворительно.

Благодаря Эвансу я владею сейчас английским языком лучше, чем немецким и французским, которым учился в школе. Английский язык является моим лагерным достижением. Но вот английское произношение, как оно слышится по радио, я воспринимаю с трудом, на немецком или французском понимаю речь лучше. Повидимому, английский язык Эванса звучал немножко на русский лад. Однако англоязычные газеты, доступные в Эстонии («Daily World», «Morning Star», «Canadian Tribune», «India New Age»), а также английскую литературу я читаю свободно, без словаря. Принятая на себя твердая задача — изучить английский вопреки всем препятствиям — дала содержание моей лагерной жизни и помогла сохранить мою мораль.

Опыт показал, что те, чья мораль пала, не выдерживали в более пожилом возрасте заключения. Конечно, и прочитанные в лагере общественно-политические произведения помогали расширить мой кругозор и утвердить на более высоком уровне мои убеждения и понимание общественной жизни.

За несколько месяцев до конца 10-летнего срока перевели меня в Караганду — в один *лагпункт*, служивший пересылкой для освободившихся заключенных. Туда стекались и требования предприятий на рабочую силу. Особенно много требований было в угольные и медные шахты, которых в этой местности много. Но люди моего возраста отвергались. Так меня и выпустили вольной птицей — без мало-мальски подходящей одежды и без крыши над головой. При этом тяготело надо мною дополнительное

наказание — 5-летняя ссылка. Я не имел права без разрешения милиции отправляться за пределы Караганды.

Я вспомнил, что когда-то учился землеустройству и выслушал чин старшего землеустроителя. Поэтому я пошел в Управление землеустройства. Там меня встретили приветливо: в землеустроителях была большая нужда. У меня, конечно, не было документов о профессии, но мне разрешили достать их после оформления на работу. В далеком Улутауском районе старший землеустроитель заблудился в буране и отморозил ноги. Там срочно требовался новый работник. И меня назначили туда, зачислив на работу с 1 октября 1954 года.

Площадь Улутауского района больше, чем территория Эстонской республики. Район находится примерно в 800 километрах к юго-западу от Караганды. Там не было ни железных, ни шоссейных дорог, кроме одной железной дороги на границе района, которая вела к брошенной угольной шахте Байконур, где сейчас находится крупнейший космодром Советского Союза. От станции до районного центра Улутау было больше 200 километров по дороге или, вернее, по степи с редкими человеческими следами. Весь район представлял собою холмистую полупустыню или безлесную степь, с высшей точкой под Улутау (примерно 2000 метров над уровнем моря²⁶); название Улутау означает «большая гора». Населяют район казахи, недавние кочевники, чья страна простирается от Волги до высоких гор Центральной Азии и по имени которых называли себя русские, бежавшие от царской власти на окраины (казах — казак²⁷). В Улутауском районе казахов было примерно 10 тысяч, и они были, так сказать, прикреплены к земле с помощью восьми колхозов и нескольких совхозов. В действительности, они все-таки кочевали летом со своими стадами, состоявшими из лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз, и жили в палатках-юртах.

Районный центр Улутау — большое казахское село, где приблизительно 1000 жителей и где находятся районные учреждения. В то время была там основана и МТС, где работали главным образом русские и высланные немцы, которых туда привезли из автономной республики Немцев Поволжья после ликвидации этой республики по приказу Сталина в первые дни Второй мировой войны²⁸. В меньшем числе были там ссыльные других национальностей (узбеки, татары и прочие), среди которых я был единственным эстонцем.

Передвигались обычно верхом (про казахов говорят, что они и в уборную едут на лошади). Ко мне тоже прикрепили одну лошадь, но пользоваться ею было трудновато. Все лошади паслись

табуном, предоставленные сами себе в степи и зимой и летом. Непривычному человеку вроде меня был большой труд — найти и поймать лошадь. Поэтому я старался использовать для своих служебных поездок грузовики, циркулировавшие между райцентром и колхозами (совхозами). Телефонной связи, конечно, не было, но существовала радиосвязь между более крупными точками.

Важной служебной задачей старшего землеустроителя было выделение колхозникам и рабочим приусадебных участков, чтобы потом с них можно было взимать налоги. В действительности это выделение происходило только на бумаге, потому что у казахов летом никаких усадеб не было, как не было у них и таких домашних животных, как куры, свиньи и т.д. Все их животные находились в общих стадах и табунах, и их число определялось опять-таки главным образом на бумаге.

Возникала необходимость улаживания спорных границ. Уточнения делались прямо на местности, с помощью глазомерной съемки. У старшего землеустроителя и не было инструментов точнее глаза.

Между прочим, я должен был дать заключение, что делать с поселком Байконур, покинутым жителями. Уголь там был весь выкопан. Я съездил на место и увидел, что в домах уже не было ни окон, ни дверей, и вообще все было разгромлено. Я предложил передать поселок ближайшему совхозу, но центральное правительство нашло Байконуру более важное применение в качестве космодрома. Для этого поселок подходил: располагался в уединенной местности, посреди пустой степи, но при этом к нему вела железная дорога, а бывшие шахты можно было использовать как подземные укрытия.

В Улутау я был не слишком обременен работой и использовал досуг для чтения. Книги, главным образом по общественным наукам и философии, мне удавалось получать из Алма-Аты и Караганды и даже из Библиотеки иностранной литературы в Москве по абонементу местной библиотеки.

Осенью 1955 года, когда я был в командировке в Караганде, меня настиг инфаркт. Месяца два я пролежал там в областной больнице, где медперсонал, укомплектованный в основном бывшими заключенными, относился ко мне доброжелательно. Меня лечили интенсивно и, поскольку у меня уже раньше наблюдались ослабленные симптомы инфаркта, выписали с диагнозом: повторный инфаркт. Медкомиссия назначила мне инвалидность второй группы, что давало право уволиться со службы в землеустройстве. Я стал бомбардировать заявлениями правительственные учреждения, добиваясь права уехать в Эстонию. От моей аргу-

ментации было мало проку, но в то время стали ревизовать всю сталинскую политику репрессий. В тюрьмы и лагеря были направлены комиссии по пересмотру приговоров, и этими комиссиями было освобождено большинство заключенных. Амнистии подлежали также ссыльные, отбывшие свой лагерный срок.

15 мая 1955 г. в Улутауской милиции мне выдали бессрочный паспорт. Исполком уволил меня как инвалида, и я двинулся в путешествие через Москву в свой родной Таллин. В Москве пришлось несколько дней просидеть на вокзале, потому что поезда не успевали перевозить освобожденных из заключения. В Таллинской милиции глянули в мой паспорт, где было отмечено наказание, и сказали, что в Таллине меня не пропишут, посоветовали отправиться в деревню.

Я поселился у своей сестры Лезны Массов в колхозе «Путь к коммунизму» Раплаского района. Пока искал работу, стало ясно, что работать юристом не дадут; также не нашлось вначале свободного места землемера. Наконец приняли временно на должность счетовода в Рапласком комбинате с месячным окладом всего 350 рублей, потому что у меня не было требуемой квалификации.

Через некоторое время удалось найти работу по специальности — старшим инженером-землеустроителем в Главном управлении совхозов; здесь зарплата была сдельной, и я зарабатывал примерно 1500 рублей в месяц. Тамошняя работа заключалась в том, чтобы выяснить на месте в совхозах, какие изменения произошли в угодьях вследствие земельной реформы, ликвидации хуторов и перехода к крупному социалистическому землевладению. Мне приходилось осматривать многие совхозы в разных местах. Везде обнаруживалось, что многие участки крестьянских полей не вспахивались и заросли кустарником, системы канав были завалены и особенно быстро превращались в лес паровые луга хуторов. На планах местности пришлось сделать соответствующие исправления; многие сельскохозяйственные угодья были переведены в категорию лесов и освобождены из-под плана сельскохозяйственного производства.

В июне 1958 г. меня вызвали из Валгаского уезда²⁹, где я в то время работал, в парторганизацию Министерства сельского хозяйства, и там ответственный чиновник сказал мне, что при моем назначении землеустроителем случилось недоразумение. Я из-за своего политического прошлого якобы негоден на эту работу, где приходится много общаться с народом, особенно при подготовке к переписи населения (я, в самом деле, принял участие в этой подготовке)³⁰. Он потребовал, чтобы я подал заявле-

ние об увольнении с 1 июля. Я настоятельно просил позволения доработать до конца года, чтобы тогда уже выйти на пенсию с зарплаты землеустроителя. Просьба была отклонена. Так меня и уволили с 1 июля 1958 г., не дав даже вернуться для завершения работы и передачи дел.

У этого крутого конца моей карьеры была своя предыстория.

На основе материала, собранного мною в течение долгого времени, я закончил объемистую рукопись, озаглавив ее «Популярная политическая экономия». В ней я попытался, с учетом новейших достижений науки и техники, рассмотреть народное хозяйство как результат действия факторов диалектики /.../. Под тем же углом зрения я рассмотрел борьбу между капиталистической и социалистической экономическими системами.

Мою рукопись перепечатала на машинке сестра моей жены, работавшая в театре «Эстония» и занимавшаяся моей работой в свое свободное время. По-видимому, там служил и какой-то агент чека, доложивший об увиденном своему начальству. Когда перепечатка рукописи была закончена, ко мне явился некий молодой человек, отрекомендовался Лыхмусом (я знал старших по возрасту деятелей, носивших эту фамилию³¹) и объяснил свой приход тем, что он работал с моими младшими родственниками и узнал от них, что у меня нет жилья в Таллине. Пообещал найти мне комнату и пригласил меня к себе в гости. Из его рассказа следовало, что работает он спортивным репортером и ему по службе приходится бывать за границей. Услышав про моих детей, живущих в Швеции, он спросил, нет ли у меня желания что-нибудь послать им. Я ответил, что написан у меня один труд, который охотно передал бы детям, но вот не отнимут ли его на границе как не проверенный властями? Он заверил, что спортивных деятелей на границе не обыскивают, и попросил показать ему написанное, чтобы выяснить, нет ли там чего-нибудь такого, что может мне или ему повредить. Я дал ему свой труд для прочтения, а если можно — то и для передачи детям. Через некоторое время он сообщил, будто возил его в Финляндию, но за недостатком времени не смог переслать в Швецию и привез обратно. Рукопись он вернул.

Скоро, однако, стали меня беспокоить гебисты и допытываться, поддерживаю ли я связи с прежними политическими деятелями и чем занимаюсь. Некий высший чин, кажется, заместитель председателя эстонского КГБ, потребовал, чтобы я собственноручно и со своей точки зрения написал про наш судебный процесс, что я вкратце и сделал, сказав, что забыл подробности. Наконец меня повели к председателю КГБ Карпову³², который без

обиняков сказал то, на что другие лишь прозрачно намекали: в театре «Эстония» было перепечатано мое политическое произведение; они сделали без ведома машинистки фотокопию с него и исследовали его содержание; произведение является скверным, хотя и не совсем преступным; его следует уничтожить. Мне надоели допросы, и я согласился: раз работа скверная, я ее уничтожу. Но тут возразил Карпов. Он сказал, чтобы я принес произведение ему — для совместного, дескать, уничтожения. С тем меня и отпустили. Вернувшись вскоре в КГБ, я заявил, что тащить объемистую рукопись и возиться здесь с ее уничтожением показалось мне нецелесообразным — и я расправился с нею дома. Тогда Карпов сказал: «Ах так! Хотя Вы имеете право проживать в Эстонии, но я сделаю все, чтоб Вы убрались отсюда подальше».

Это и была предыстория моего увольнения.

Понимая, что Карпов найдет путь осуществить свою угрозу, счел я разумным уехать самому. Один мой родственник работал инженером в Донбассе, в городе Моспино. Я и уехал туда сразу же, в начале июля 1958 года. С собой имел справки, удостоверявшие мой стаж работы для получения пенсии по старости. Представил их местному отделу соцстраха. После полугодовой волокиты мне установили пенсию в размере 450 рублей в месяц, начиная с 15 июля 1958 года. Игнорировали и мой десятилетний труд в заключении, и службу на высших должностях в Эстонской Республике. Зато засчитали службу в царское время, так что 25-летний стаж все же набрался.

Проживая в Моспине, я каждое лето ездил в Таллин и останавливался у родственников. Этому не препятствовали, хотя до 1960 года я обязан был каждый раз регистрироваться в милиции, а позднее — в домоуправлении.

Летом 1959 года меня снова повезли на улицу Пагари, где некий русский полковник угрожал прекратить мою переписку с детьми, если я не исправлюсь. Я ответил, что мои взгляды изложены в моих произведениях, находящихся в руках властей. Я согласен их исправлять, если мне объяснят, в чем я ошибаюсь. Тогда этот полковник сказал, что отправит меня в Москву к высшим гебистам давать объяснения. Я не возражал, и меня повезли самолетом в Москву.

Так как у высшего начальника не было времени сразу меня принять, поселили сперва в одну, а через несколько дней в другую гостиницу. Меня посетили в гостинице многие гебисты, начальники каких-то отделов, которые называли мне свое имя и отчество (но не фамилию) и беседовали со мной, не выставляя никаких требований, оставив, видимо, дела поважнее высшему

начальству. Вот так, ожидая приема у высокого начальника, прожил я в Москве недели две. Со мной обращались как с гостем, водили в театр, в кино и даже в парк Сокольники на выставку американского образа жизни³³.

Наконец повели к высокому начальнику — генералу, как мне сказали, не сообщив, впрочем, ни его фамилии, ни точного чина. Тот приступил сразу к делу. Он сказал, что знает о моих произведениях: о них ему докладывали. Полагает, что в них нет ничего криминального, и потому они его не интересуют. Его интересовало, не желаю ли я, осмотревшись в Москве и увидев (вероятно, на примере Москвы) жизнь могучего и преуспевающего государства, содействовать их работе по созданию новой жизни. Они могли бы дать мне возможность соответственно работать внутри страны или за границей, открыто или *с опущенным забралом*. Он посоветовал обдумать это предложение и на следующей встрече дать твердый ответ, но сделать это честно и добровольно.

При следующей встрече я, конечно, объяснил ему, что, раз предполагается честность и добровольность, то я готов действовать на основе именно тех своих трудов, которые его не интересуют. По инициативе Хрущева сделано предложение о ликвидации всех вооруженных сил, и, согласно этому предложению, подлежит ликвидации и ваше высокое учреждение как военное; и потому мне, пожилому человеку, чьи дети находятся за границей на чужой стороне, негоже работать в нем как открыто, так и с опущенным забралом. Генерал усмехнулся, сказал, что это не так скоро произойдет, и спросил под конец разговора, не хочу ли я сотрудничать с газетой «Кодумаа»³⁴. Я ответил, что для этого не чувствую в себе ни таланта, ни призвания. Генерал остался вежливым до конца и сказал, что они не собираются «давить» на меня, ибо им нужны сотрудники честные и добровольные.

Мне выдали билет на самолет до Донецка. Вручил его гебист, исполнявший роль моего гида, начиная с Таллина, и назвавшийся Валерием Петровичем Сергеевым. Он показывал мне Москву, но провозах на аэродром, насколько помню, не пришел.

Условия в Моспине казались мне более благоприятными для продолжения той работы, которой в Таллине пытались помешать. Местные власти к моей работе не проявляли ровно никакого интереса.

Я представил свое произведение под заглавием «Популярная политическая экономия» Государственному издательству Эстонии в Таллине, изменив в рукописи некоторые выражения, из тех, что были особенно неприятны Карпову. Первым вопросом заведующей отделом (ее фамилии не помню) после перелистывания руко-

писи был: «Кто это перепечатал?» Вопрос показался мне подозрительным, и я ответил, что я сам, кто же еще. Через пару месяцев, 20 сентября 1959 г., я получил письменный ответ, что рукопись не отвечает требованиям, предъявляемым к научно-исследовательским трудам, и что мои заключения и обобщения принимают местами характер клеветы в адрес советского общественного строя и коммунистической партии. Учитывая эти обстоятельства, Государственное издательство не передает рукописи в печать и оставляет ее в архиве. Потом выяснилось, что основанием для ответа послужил отзыв заведующего кафедрой политической экономии Таллинского политехнического института Инти³⁵. Я просил указать, в чем именно они видят клевету, но этого издательство не сделало.

Считая себя вправе сделать новую попытку, предполагая, что учреждения в Москве, выносящие решения, проявят большее понимание, учитывая их реакцию на мое произведение в 1959 г., — я стал переписывать текст по-русски. Я вполне понимал, что моя рукопись не отвечает действующим в Советском Союзе требованиям, предъявляемым к научным трудам, которые должны исходить из партийного отрицания компартией любой новой мысли, не согласующейся с клишированными в «Основах марксистской философии» убеждениями. Но я надеялся убедить власти в том, что нужны и произведения, написанные с нейтральной точки зрения и поднимающиеся выше духа соперничества. Если эта надежда окажется тщетной, то я надеялся хотя бы вызвать по отношению к себе невраждебный диалог. Я ведь тоже исхожу из основ диалектической философии /.../. Если же и это не удастся, пусть в соответствующих инстанциях останется хоть след того, что им были предъявлены новые мысли и конструкции, которые уже « витают в воздухе » и рано или поздно должны стать гласными и обрести вес, ибо они верны.

Вблизи Моспина находится крупный город Донецк, где есть большая библиотека имени Крупской. Оттуда и из московских книгохранилищ доставал я книги по политэкономии и философии. Справочники по экономической статистике мира и США прислала мне дочь Астрид из Нью-Йорка без особых затруднений. Скоро у меня была готова на русском языке большая рукопись по политэкономии « Современная популярная политическая экономия ». Был « либеральный » период Хрущева, декларировали, что диктатура окончена и государство стало общенародным. Поэтому я пошел на риск и 30 марта 1962 г. сообщил Хрущеву о своей работе, отправив одновременно рукопись для издания крупному государственному издательству « Соцэкгиз », выпустившему к тому

времени в русском переводе и произведения западных философов, в частности Гегеля. Это издательство почти год хранило мой труд у себя и 13 декабря 1962 г. вежливо сообщило, что не сможет опубликовать мое произведение, так как оно не согласуется с его, издательства, основными принципами. При этом оно вернуло рукопись назад, проявив более либеральное отношение к моему труду, по сравнению с Эстгосиздатом, присвоившим мою рукопись. Хрущев на мое письмо не ответил.

Для обоснования тезисов основного произведения у меня были составлены две статистические сводки — комментарии к советскому изданию «*Народное хозяйство СССР*» и к американскому «*Statistical Abstract*». Так как эти сводки имели, по-моему, и самостоятельную ценность, отправил я их издательству «Знание» в Москве для критики и, если возможно, публикации. Это издательство вернуло рукопись 18 июля 1964, сообщив, что она не соответствует критериям научно-популярного произведения, ибо может быть интересна лишь узкому кругу читателей.

Тогда я стал добиваться от Комитета по культурным связям с зарубежными странами Совета Министров СССР разрешения отправить мою рукопись, в которой не нашли ничего нарушающего советские законы, моей дочери Астрид в Нью-Йорк, но из этого комитета сообщили, что подобные вопросы находятся в компетенции Комитета по делам печати. Я обратился с подробным обоснованием своего ходатайства и к этому учреждению, приложив опять-таки текст рукописи.

По этому делу меня вызвали 4 ноября 1964 г. в Донецкий областной комитет компартии. Со времен Эстонской Республики у меня сохранилось представление о партийных комитетах как об общенациональных заведениях, куда всякий может свободно войти и так же свободно выйти. А тут я обнаружил, что областной партийный комитет является органом высшей власти, занимает солидное многоэтажное здание и находится под особой охраной от незваных посетителей. Чтобы попасть туда, надо было по телефону сообщить о своем намерении и договориться о времени встречи. В вестибюле нижнего этажа нужно было сказать в окошко свою фамилию, фамилию вызывающего и предъявить паспорт. Из окошка выдали мне *пропуск* для прохода, который я должен был предъявлять милиционерам на каждом этаже. На всех этажах размещались ряды кабинетов вдоль длинных коридоров. В кабинете, куда я был приглашен, застал я нескольких партийных функционеров и одного университетского преподавателя. Их интересовало, каким образом я смог достать свежие статистические материалы о США и ООН, которых им еще не

прислали. Да, сказали они, составленные мною комментарии представляют для них интерес, но вот способ их составления не соответствует их требованиям. Я обратился к ним с вопросом: если они сами не в состоянии использовать мою работу, столь интересную для них, то не помогут ли они отправить эту работу моей дочери Астрид в Нью-Йорк? Может быть, там найдутся издатели — и поэтому не укажут ли они верный путь для отправки рукописи туда? Общее мнение присутствовавших было, что моя рукопись не содержит ничего такого, что у нас запрещено публиковать, и что ее можно посылать по почте без особого разрешения. Почта сама знает, что и как посылать. Если на почте посылку примут, значит, все в порядке. Рукопись вернули мне без письменного отзыва.

Согласно этому дружескому, как показалось, совету я и действовал. Для пробы отправил 13 ноября 1964 г. по почте часть своей работы; в сопроводительном письме отметил, что окончание следует. На почте посылку приняли как заказную бандероль, я оплатил ее и надеялся, что все будет хорошо.

Спустя некоторое время в мое жилье (одна комната в квартире домовладельца) явилась группа *чекистов* из областного комитета безопасности. Предъявили постановление Киевской таможни о конфискации моей посылки за нарушение правил почтовых отправок, а также ордер прокурора на производство обыска у меня. Потребовали выдать остальную часть моей рукописи вместе с черновиками. Рукопись она нашли сами на столе в двух машинописных экземплярах, но без черновиков, о судьбе которых я высказал мнение, что они уничтожались по истечении надобности в них. *Чекисты* не поверили моему объяснению и произвели обыск. Он был безуспешен: в моей комнатенке, кроме стола и раскладушки, и не было такого места, куда можно было бы спрятать объемистые рукописи. Книги по статистике не вызвали подозрения.

Так как мое произведение было просмотрено государственными издательствами и Комитетом печати, я подал жалобу в Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Скоро явился ко мне очередной гебист в машине и увез в Донецкий КГБ. Это учреждение находилось в еще большем доме, чем обком компартии. В здании были и обширные тюремные помещения. Въезд во двор дома произошел после того, как сидевший рядом со мной в машине гебист получил письменный *пропуск*, после чего человек в военной форме открыл тяжелые железные ворота. И внутри дома нам приходилось в нескольких местах останавливаться, прежде чем мы получали разрешение идти даль-

ше. Меня показали одному высшему офицеру. Тот спросил вежливо об источниках моего труда. И еще — есть ли у меня ранее опубликованные научные работы. Я ответил, что на эстонском языке мною составлен «Систематический указатель обязательных норм»³⁶ и есть несколько работ по кодификации законов. Затем меня повели в другой кабинет, где прочитали мне рецензию, составленную неким доцентом Араловым³⁷, согласно которой мое произведение якобы не является материалистическим, выражает дружественное отношение автора к США и не годится для отправки за границу. Копии рецензии мне не дали, и Аралов не дал ее и позже. Решение объявлено было опять устно: произведение конфисковать, вернуть только философское приложение к введению /.../.

Выход из чека происходил опять с долгими процедурами, после чего меня отвезли назад в Моспино. Моя хозяйка, пожилая неграмотная женщина, перекрестилась, когда увидела меня: она думала, что не видать ей меня больше.

После этого зачастили ко мне работники местной милиции. Стало ясно, что спокойной работе в Моспине пришел конец. Но помог добрый совет. Летом 1965 г. встретил я в Таллине своего друга и солагерника Арнольда Сузи, и он сказал, что участник нашего процесса д-р Сумберг, проживавший до тех пор на Урале, собирался вернуться, но не в Эстонию, а в город Айнажи (эстонское Хейнасте) в Латвии, где у него была уже снята квартира. Из-за внезапной смерти доктора Сумберга квартира осталась незанятой. Сузи посоветовал мне ехать туда и посмотреть квартиру. Я сразу же последовал его совету, но в квартире уже жили. В Айнажи мне все же удалось снять комнату, где доживали свой сезон дачники. Без промедления переселился туда и после семилетнего пребывания в Моспине оказался теперь в латвийском Айнажи на расстоянии примерно одного километра от эстонской границы.

Живя еще в Моспине, но посещая Таллин, я пытался получить через Таллинский главный почтамт ясный ответ, нужно ли разрешение для отправки рукописи за границу, и если да, то чьим должно быть разрешение. Объяснения украинских властей были устные, уклончивые и порою даже злонамеренные.

На Таллинском почтамте мне также не могли дать ясного, черным по белому, ответа и посоветовали отправить какую-нибудь рукопись бандеролью за границу вместе с вопросом, нужно ли разрешение. Так я и сделал. Через некоторое время я получил через почтальона записку с почтовым штампом, где было написано, что необходимо разрешение Министерства культуры. Почтальон толковал содержание записки в том смысле, что нужно

разрешение Москвы. Тогда 31 марта 1965 г. я отправил полный текст своей рукописи почтой из Таллина в Министерство культуры СССР с просьбой разрешить пересылку текста моей дочери Астрид в Нью-Йорк. Мотивируя просьбу, опирался я между прочим на Декларацию прав человека ООН, подписанную и признанную советскими властями. Согласно этой Декларации, нельзя препятствовать почтовым отправлениям через государственные границы как одной из форм культурных связей. Ответа не пришло ни по таллинскому, ни по моспинскому адресу, и, когда 25 августа 1965 г. я поселился в латвийском Айнажи, то послал запрос в Москву.

Скоро меня пригласили в Министерство культуры Латвии и там поставили в известность, что Министерство культуры СССР переслало мою рукопись секретарю Таллинского горкома компартии Вяльясу для переговоров со мной. Считая более полезным иметь дело с Министерством культуры Латвии, которое находилось ближе и которому я территориально подчинялся, я просил Таллинский горком компартии переправить мою рукопись в Ригу для дальнейшего хода вещей. Но рукопись, без письма Министерства культуры СССР, прислали мне прямо в Айнажи, в мае 1966 г. (дата не отмечена). К рукописи был приложен пустой конверт с надписью на русском языке: «Государственный комитет по делам печати при Совете Министров СССР. Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати. Секретно. Таллин. Секретарю Таллинского горкома КПСС тов. Вяльяс В.И.»

В возвращенной рукописи отсутствовали комментарий к статистическому ежегоднику США на 1963 г. (54 страницы) и философское приложение к введению (33 страницы). Увидев, однако, что моя рукопись связана с какой-то военной или государственной тайной, о чем я даже понятия не имел, я не стал требовать недостающих частей. Я был весьма рад, что получил обратно свой труд в его существенных частях.

Начиная с эстонского и кончая русским текстом, на долю моей рукописи выпало очень разное к ней отношение. Но ни одно учреждение не сообщило мне ни устно, ни письменно, что работа имеет логические или методологические недостатки, которые делали бы ее непригодной для публикации. Рукопись пришлось не один раз перепечатать на машинке, эту работу доброжелательно и терпеливо выполняла моя долголетняя сослуживица по Эстонскому земельному банку Эльф Эйнзел. При этом в текст вносились многие исправления и дополнения. Менялось и заглавие; на эстонском было: «Rahvalik rahvamajandus-teadus» («Популярная политическая экономия»), на русском — сначала «Современная

популярная политическая экономия» и наконец «Народнохозяйственные очерки». Но суть содержания оставалась прежней. Когда рукопись мне вернули, она состояла из 700 больших страниц убористой машинописи³⁸.

На страницах своего труда пришел я к результатам, на основе которых можно выдвинуть некоторые идеологические тезисы по вопросам, наиболее дискутируемым в эстонской общественности как дома, так и на чужбине:

1. Экономический успех не зависит в первую очередь от экономической системы (капитализм или социализм) или государственного строя (парламентаризм или диктатура).

Экономический успех зависит главным образом от трудолюбия и предприимчивости лиц и их соединений (или народа, говоря другими словами), от умения руководителей государств благоприятствовать как производству, так и потреблению и от общего и технического образования, которые все вместе поднимают уровень общественной диалектики.

Примеры: США, Япония, ФРГ, ГДР, Израиль, Советский Союз, Югославия.

2. Общий успех в духовной области (в культуре) зависит главным образом от свободы творчества, являющейся основой духовной продукции. Поэтому свобода слова, свобода печати, свобода организации и право на самоопределение являются естественной потребностью каждого лица и каждого народа, и удовлетворение этих потребностей — первичная задача государственных и международных органов власти.

3. Стремление отдельных лиц и народов к сохранению и развитию своеобразия — явление прогрессивное, ибо находится в соответствии с общим направлением развития природы к многообразию через соревнование, в чем эстонцы, особенно заграничные, демонстрируют высокий уровень.

Одним из важнейших средств для сохранения самобытности являются культурные взаимосвязи. Поэтому развивать общение между эстонцами на родине и за границей нужно всеми способами, в частности путем личных посещений.

4. Идеологические противоречия — религиозные и социально-политические — теряют в ходе истории свою остроту, развиваются в направлении мирного сосуществования. Поэтому враждебность или отчужденность на идеологической почве между эстонцами, особенно между эстонцами из Эстонии и эмигрантами, являются вредными явлениями, против которых надо бороться. /.../

5. Общая связь: смягчение и гуманизация идеологических противоречий есть бесконечно малое, но закономерное отражение универсальной диалектики, на основе которой из острых противоположностей покоя и движения образуются симметрия и гармония.

Я человек старый, и мне не удалось передать рукопись на хранение дочери за рубежом, поэтому я вознамерился сдать ее на хранение в библиотеку какого-нибудь университета, о чем я также писал в заявлении Министерству культуры СССР как об одной из возможностей сохранения рукописи. Мой верный друг Арнольд Сузи проживал в Тарту. Я написал ему и попросил, если он может, передать мою рукопись в музей литературы или библиотеку Тартуского университета. Работники музея литературы познакомились с рукописью и нашли, что она как научная подлежит компетенции университетской библиотеки: там имеется специальный отдел для научных и редких рукописей. В этом отделе Сузи и просил взять рукопись на хранение до востребования. Просмотревший рукопись эксперт написал о ней отзыв в несколько строк, где отмечалось, что в экономической ее части можно обнаружить кое-что ценное, но давать читать мое произведение можно только (это слово было подчеркнуто) ученым. Сузи заметил по этому поводу, что мое произведение — как Библия на латыни, которую в древности имели право читать только католические священники.

Рукопись приняли по акту, на котором стояли подпись заведующего соответствующим отделом и большая печать библиотеки Тартуского университета. Сдавал я рукопись частями: первые 14 глав — 21 декабря 1966 и 8 марта 1967, дополнения — 8 декабря 1967 г.

Так что теперь я могу с удовлетворением сказать: *cripsi et animam lavavi!**

«ВСТАТЬ, ИДЕТ СУД ИСТОРИИ!»

Так возгласила советская газета «Известия» (3.1.1970)⁴⁰ по случаю опубликования секретных документов в Лондоне в конце 1969 г., после окончания 30-летнего срока секретности. Докумен-

* Написал, и душа облегчилась! — *Прим. переводчика.*

ты относились главным образом к вспышке войны в Европе — к прелюдии Второй мировой войны. /.../ Война в Европе разразилась 1 сентября 1939 г. вторжением орд диктатора фашистской Германии в Польшу, чья неприкосновенность была гарантирована Великобританией и Францией. Но кто или что давало Гитлеру эту смелость? Он же был автором той доктрины («Mein Kampf»), по которой Германии нельзя воевать на двух фронтах — с государствами Запада и Востока.

Эту смелость дал Гитлеру договор о ненападении с фактическим диктатором Советского Союза Сталиным от 23 августа 1939 г. Этот договор разделил между Германией и Советским Союзом государства, которые находились между ними. То же самое было подтверждено в первом томе истории Великой Отечественной войны 1941-45 и в комментарии «Известий» к этому тому 12 августа 1960 г.: «Большого внимания заслуживает раздел книги, посвященный истории советско-германского договора о ненападении в 1939 г. /.../ Советско-германский пакт /.../ расширил братскую семью советских народов за счет освобождения Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии, а также открыл возможность вступления прибалтийских республик Эстонии, Латвии и Литвы в СССР»⁴¹.

Таким образом, виновность обоих непосредственных виновников Второй мировой войны, Гитлера и Сталина, давно установлена, и приговор суда истории суров в отношении обоих. /.../ Но не было ли у них и второстепенных совиновных, чьи действия или бездействие способствовали им или их одобряли? Разоблачающие материалы об этом содержатся в опубликованных секретных документах.

/.../ За спиной Сталина британские политические деятели общались с подручными Гитлера, особенно с Герингом, расположение которого старались завоевать орденами, а на них Геринг был падок. Правительству Великобритании было трудно иметь дело с Гитлером, так как, кроме орденов, уже нечего было предлагать. Обещать что-либо за счет Польши и Прибалтики не было возможности, ибо на этом правительство свернуло бы себе шею в парламенте.

Положение Сталина было гораздо проще. Он также общался с Гитлером за спиной западных государств, когда вел с ними переговоры. Но у него не было домашней сдерживающей силы, как не было ее и у Гитлера. Потому им-то легко было договориться за счет пограничных государств. Оба обосновывали это благородными мотивами: один — созданием нового и лучшего строя на

разделенных территориях, другой — спасением этих территорий от эксплуатации со стороны западной «плутократии».

/.../ Деятельность руководителей Польши и государств Прибалтики также взвешивается судом истории. Договором между Сталиным и Гитлером судьба этих государств была предрешена, поэтому суждения о деятельности их руководителей имеют лишь теоретическое значение. Любые их усилия не могли спасти эти государства из-под колеса истории, которое в то время вращали Сталин с Гитлером.

/.../ Вообще, надо учитывать, что Гитлер умел свое территориальное жадничанье подать как право народов на самоопределение, являющееся общепризнанным принципом. Свою охоту проглотить Польшу он также маскировал на первый взгляд пустяковым требованием — обеспечить связь между двумя отдельными частями Германии.

Хотя эта связь была отговоркой того же сорта, что Судеты для проглатывания Чехословакии, Польша должна была бы эту связь дать. Этот шаг окончательно разоблачил бы коварство и предательство Гитлера, хотя не спас бы в то время Польшу.

От других государств, бывших предметом сделки, вначале требовали только военных баз — опять же для обеспечения суверенности этих государств. Как рассказывал Улуотс про переговоры в Москве насчет предоставления баз, главные настояния шли от Молотова, считавшего нужным поместить в Эстонию по меньшей мере 100 000 советских солдат. Численность постоянной армии Эстонии была около 16 000 человек. Таким образом, требование Молотова означало оккупацию. Сталин, титулованный присутствующими «хозяином», долгое время молча слушал настояния и угрозы Молотова — и сказал, наконец, коротко: «Подходящее число — 25 000». Этим вопрос был сразу решен.

Конечно, позволение иметь базы отодвинуло полную оккупацию на один год, до лета 1940 года. Но принципиально было бы правильнее поступить так, как великая княгиня Люксембургская, ответившая на требование Гитлера впустить немецкие войска: «Не впущу, но сопротивляться не буду».

**

ПАМЯТНЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОККУПАЦИИ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

1. 30 августа 1939 г. Советским Союзом были сосредоточены на границе с Эстонией в районе Нарвы и Ямбурга («Кингисеппа») 10-я дивизия, 16-я дивизия, 24-я моторизованная дивизия, 110-й артполк, в районе Ирборски (Изборска) и Пскова 56-я дивизия, 30-я дивизия, 161-я дивизия, 2-я и 20-я танковые бригады, 96-й и 133-й артполки, на аэродромах вблизи границ Эстонии — 10-я, 55-я и 78-я авиационные бригады и 15-й, 35-й, 38-й, 50-й и 80-й авиационные полки, всего 160 000 человек, 700 орудий, 600 танков, 650 боевых самолетов. У нас было в то время под ружьем 14 000 человек, мы имели 100 орудий, 30 танков и 60 устаревших самолетов.

2. 28 сентября 1939 г. Эстонской Республике был навязан договор, по которому в Эстонии были размещены 20 000 человек сухопутных войск и вдобавок военно-воздушные и военно-морские части. 12 октября было сформировано новое правительство в следующем составе: премьер-министр Юри Улуотс, министр просвещения Пауль Когерман, министр юстиции Альберт Ассор, министр земледелия Артур Тупитс, министр иностранных дел Антс Пийп, министр внутренних дел Аугуст Юрима, социальный министр Оскар Каск, военный министр генерал-лейтенант Николай Резк, министр путей сообщения Николай Вийтак, министр экономики Лео Сепп, министр Антс Ойдермаа.

3. 16 июня 1940 г. правительству Эстонской Республики был предъявлен Советским Союзом ультиматум, в котором требовали размещения на территории Эстонии неограниченного числа войск. 21 июня устроили государственный переворот и потребовали формирования нового правительства Республики. В тот же день оно и было сформировано еще по особому праву прежнего президента в следующем составе: премьер-министр Йоханнес Варес, заместитель премьера и министр Ханс Круус, министр юстиции Борис Сепп, министр просвещения Йоханнес Семпер, министр экономики Юхан Нихтиг-Нарма, министр земледелия Александер Йыээр, министр внутренних дел Максим Унт, социальный министр Неэме Руус, военный министр генерал-майор Тыннис Ротберг, министр путей сообщения Орест Кярм, министр иностранных дел Ниголь Андресен.

* Заголовок дан переводчиком.

4. 20 апреля 1944 созванное в Таллине Избирательное собрание разбирало правомочность «Государственной думы», образованной так называемыми «выборами» 1940 года. Избирательное собрание в составе Ю.Улуотса, Ю.Холберга, О.Пукка и М.Клаасена нашло, что приказ Президента Республики от 21 июня 1940 г. о формировании нового правительства Республики не являлся актом, соответствующим Конституции, потому что все действие было устроено оккупационными властями и Президент Республики был привлечен только формально, и то с помощью средств нажима. Новое «правительство Республики» было органом оккупационной власти. По этой же причине не ушло в отставку и прежнее законное правительство Республики, ибо, в силу 3-й, 30-й, 31-й статей Конституции Эстонской Республики, только конституционный акт в виде назначения нового правительства Республики создает основу для увольнения правительства от должности.

5. Обращение Президента К.Пятса в июле 1940 г.:

Так как теперь перешли к совсем иному государственному строю, я считаю свои полномочия оконченными. Благодарю народ за оказанное мне доверие и прошу отныне вверить себя заботам премьер-министра Й.Вареса.

К.Пятс.
Президент Э.Р.

Опубликование обращения было запрещено.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Замечание автора насчет «общеизвестности» упомянутых событий явно относится лишь к эстонцам (в СССР и за рубежом), хотя и здесь налицо субъективное преувеличение. Широкою публику в СССР не информировали о пр-ве Тиифа. Для немногих русскоязычных читателей завеса приподнята несколькими страницами в *АРХИПЕЛАГЕ ГУЛаг* А.И. Солженицына; воспоминания Тиифа написаны до появления этой книги.

Статья в «*Besti Kommunist*» (Л.Парк. *ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА ПРЕДАТЕЛЕЙ*) в параллельном, русском издании журнала помещена на с.25-31; цитаты в тексте приводятся по русской версии статьи. Автором статьи является тогдашний нач. следственного отдела КГБ ЭССР майор (или уже подполковник ?) Леонид Иванович Барков (р.1928), впоследствии генерал и зам. нач. Ленинградского КГБ (нач. следственного отдела),

написавший на подобные темы свою диссертацию на степень кандидата юридических наук (1968, защищена в Тартуском ун-те) и несколько книг (на русском яз. — *В ДЕБРЯХ АБВЕРА*. Таллин, 1971).

² В группу Кулля Л.Парк включает следующих лиц: проф. К.Лийдак /Лийдеман*, журналист О.Мянд, издатель А.Экбаум, член Гос. собрания И.Сиккар и некоторые студенты Тартуского ун-та.

³ Зарубежный центр был основан как зарубежная делегация Эстонской Республики 29 сент. 1939 в Стокгольме группой оставшихся на Западе дипломатов: посланник в Швеции Хейнрик Ларетей, посланник в Финляндии Александер Варма, посланник в СССР Аугуст Рей, посланник в Великобритании Аугуст Торма /Шмидт/, генеральный консул в Нью-Йорке Юхан Кайв, представитель в Дании Аугуст Козрн. Позже были расширены и функции Центра, и его состав (за счет эстонских деятелей, эмигрировавших во время немецкой оккупации через Финляндию).

⁴ Состав образованного 18 сент. 1944 правительства Эстонской Республики был следующим: премьер-мин. в обязанностях Президента Республики Юри Улуотс, зам. премьера, мин. внутр. дел и и.о. министра иностранных дел Отто Тииф, мин. просвещения Арнольд Сузи, мин. торговли и промышленности Рудольф Пенно, мин. юстиции Йоханнес Клезсмент, мин. земледелия Каарел Лийдак, мин. финансов Хуго Пяртельпоэг, социальный мин. Вольдемар Сумберг, военный мин. Йохан Холберг, мин. путей сообщения Йоханнес Пикков, мин. иностр. дел Аугуст Рей, мин. Юхан Каарлимяэ. Из них Пенно и Рей находились в Швеции. Правительство назначило командующим войсками полковника Яана Майде, временного и.о. гос. контролера Оскара Густавсона и гос. секретарем Хельмута Маанди.

⁵ Приблизительное число граждан Эстонии, участвовавших во Второй мировой войне, таково: около 70 000 на стороне Германии (добровольные полицейские и восточные батальоны, Эстонский СС-овский легион, переименованный в 1944 в 20-ю дивизию вооруженных гренадеров, полки пограничной обороны, вспомогательная служба ВВС, «Самооборона» и ее боевые части), 28 000 на стороне Советского Союза (Эст. стрелковый корпус), причем неизвестно, сколько из них было так называемых эстонцев из России, и 2 000 на стороне Финляндии (200-й пехотный полк, бóльшая часть которого в авг. 1944 вернулась в Эстонию).

⁶ Здесь О.Тииф односторонне рисует сложившуюся обстановку. Хотя большинство носящих оружие эстонцев ушло вместе с отступающими немецкими войсками или дождалось развязки событий, в последний час стала организовываться своя Эстонская армия под руководством адм. Йохана Питка, не терявшая надежды, что Запад все-таки поддержит их.

* Здесь и далее в косых скобках — фамилия до эстонизации собственных имен, падающей в большинстве случаев на 1935.

Эст. части имели несколько стычек с уходящими немцами, между прочим — и при поднятии государственного флага Эстонии на башне Пикк Херманн в Таллине 18 сент. Конечно, смутное положение было использовано и переброшенными в большом количестве в Эстонию сов. шпионами и диверсантами, которые распространяли противоречивые слухи (есть свидетельства, что и сов. радиостанции передавали на эстонском яз. известия о прибытии английского десанта) и провоцировали стычки. Были и надежды, что Эст. корпус Красной армии перейдет на сторону своих (отдельные случаи перехода действительно были).

⁷ Деревня Пуйзе находится в Ридальской волости уезда Ляянемаа на полуострове между морем и заливом Матсалу.

⁸ Автор перепутал здесь парт. и сов. должности. Н.Каротамм был в 1944 первым секретарем ЦК КП(б)Э, а пред. «исполкома», т.е. Совнаркома, был тогда Арнольд Веймер. Видимо, сработала аналогия с 1918, когда глава коммунистов Я.Анвельт возглавлял и Исполком Советов Эстонии.

⁹ В распоряжении КГБ Эстонии находится весь квартал между улицами Лай, Пагари, Пикк и Вайму, где основным зданием является дом воен. мин. Эст. Республики на улице Пагари, №1. В последнее время чекисты расширяют свои владения и через улицы Лай и Пикк.

¹⁰ Батареей называется Таллинская центр. тюрьма, бывшая морская крепость, построенная в XVIII столетии («Старая часть» тюрьмы). Во время независимости были пристроены два новых корпуса: «Связная» и «Ленинградская» части. О.Тииф находился в Связной части; в Ленинградской части, построенной специально для политзаключенных (отсюда и название), были камеры на двоих.

¹¹ Общая помощь эст. народа (Eesti rahva ühisabi, ERÜ) — организация, существовавшая во время немецкой оккупации 1941-44. Целью ее было оказание помощи материально пострадавшим от войны согражданам, а потом и фронтовикам.

¹² Видимо, имеется в виду попытка свержения Сталина группой московских партийных работников, куда входили начальник московской милиции и один из секретарей ЦК ВЛКСМ.

¹³ Недович Дмитрий Саввич (1889 - ?) — искусствовед, специалист по античному искусству, особенно скульптуре. Перед революцией 1917 — приват-доцент Моск. ун-та, в 1920-е — проф. Моск. высшего художественно-технического ин-та (б. Строгановское училище). Автор кн. *ПОЛИКТЕТ* (1939). Перевел, вместе с Ф.А. Петровским, *САТИРЫ* Ювенала (М.-Л., 1937).

¹⁴ Эрвин Мартинсон (р.1924) — автор нескольких пропагандистских произведений, работник КГБ в журналистике (на русском яз. — *ПОКА ДЫШАТЬ Я УМЕЮ*, Таллин, 1968).

¹⁵ Ульрих Василий Васильевич (1889-1951) — ген.-полковник юстиции; большевик с 1910, пред. Военной коллегии Верховного суда СССР.

¹⁶ Кроме названных, удалось спастись на Запад еще Й.Клезменту и Й.Холбергу.

¹⁷ Кривошековские лагеря получили свое название от ж.д. станции Кривошеково и деревень Большое и Малое Кривошеково, между которыми в предвоенное время и в военные годы строился так называемый Северо-бережный Новосибирск.

¹⁸ Шрёдингер Эрвин (1887-1961) — австрийский физик, один из создателей квантовой механики; лауреат Нобелевской премии (1933). Упомянутая автором работа *WHAT IS LIFE?* с подзаголовком *THE PHYSICAL ASPECT OF THE LIVING CELL* представляет собой лекции, читанные Шрёдингером в Тринити-колледж (Дублин) в февр. 1943. На английском яз. впервые напечатана в Англии в 1944. Русские издания имеют различающиеся между собой заголовки: *ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЗИКИ?* (М., 1947) и *ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ? С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЗИКА* (М., 1972); во 2-м изд. перевод подвергся исправлению, но в то же время опущен философский *ЭПИЛОГ О ДЕТЕРМИНИЗМЕ И СВОБОДЕ ВОЛИ*. Работа Ш. явилась событием в теоретической биологии и пробудила интерес к молекулярной биологии; здесь намечен путь физики в биологию, в общей форме впервые сформулирована проблема расшифровки генетического кода.

¹⁹ Среди бумаг Тиифа есть несколько страничек, примыкающих к этому описанию и озаглавленных *КРАТКИЙ ОБЗОР УСТРОЙСТВА ЛАГЕРЕЙ*. Лаконичные, почти бесстрастные, они казались бы главкой из будущего учебника истории, если б не оговорки автора, стремящегося быть юридически точным и не желающего безоговорочно утверждать то, чего он лично не видел. По нашему мнению, текст представляет интерес не как источник новой информации, но как историко-психологический документ и как образец самиздата для «начинающих». Приводим его полностью в переводе с эстонского:

После Второй мировой войны Советский Союз весь был усыпан исправительно-трудовыми лагерями, как шелудивая скотина. Сколько людей в них погибло или через них прошло, этого я не знаю, но их должны были быть не тысячи, а миллионы. В этих лагерях держали большую часть военных, попавших в плен, особенно из армии Власова, оппозиционеров, как кадеты, эсеры, троцкисты и т.д., крестьян, заклеянных как кулаки, церковных деятелей, сектантов и прочих противников сталинской тирании, не ликвидированных сразу.

Сведения о цели и устройстве лагерей получены от заключенных, циркулировавших по всей стране, так как их не держали подолгу на одном месте, чтобы не возникло организации, а также из-за изменений в состоянии их здоровья. Говорят, что были

лагеря смерти, куда собирали главным образом политических заключенных, особенно тех, кто с оружием в руках боролся против власти Сталина, или тех, о ком предполагали, что они могут стать опасными. Говорят, бывали лагеря, где задержанные не имели никаких контактов с внешним миром. Но огромное большинство лагерей, среди них и те, в которых мне пришлось побывать, были трудовыми лагерями для эксплуатации рабочей силы людей без прямого намерения их уничтожения. Конечно, большой процент заключенных умирал в лагере из-за тяжелых условий труда и быта. Но весь Советский Союз голодал тогда и существовал в значительной мере за счет помощи союзников, особенно США, — и немалые остатки этой помощи перепали и заключенным. Жизненные условия из-за широких военных разрушений были неважными и у вольных граждан. В еще худшем положении, нежели заключенные, зачастую находились многочисленные депортированные лица, так называемые *спецпереселенцы*, которые в своем новом местоположении вначале были совсем как бы вне закона, не имея ни крова, ни содержания, ни работы.

Лагерная сеть была похожа на большую бюрократическую пирамиду с огромным военизированным руководящим персоналом в Главном управлении лагерей, с многочисленными управлениями, которым подчинялось громадное число лагерей специального назначения, специализированных по трудовым заданиям, среди них и лагеря инвалидов, где от инвалидов пытались получить последнюю крупицу полезного труда. Лагеря, в свою очередь, делились на *лагпункты*, по 2, 3 и более в одном лагере.

Лагпункты — эти подразделения лагерей — находились обычно рядом с рабочим объектом: фабрикой, заводом, лесоповалом, совхозом, — и были отделены от него двойной колючей проволокой; на углах стояли высокие сторожевые вышки — *кукушки*.

За состоянием здоровья работающих в *лагпункте зеков* наблюдала санчасть, где медицинский персонал составляли заключенные под руководством какого-либо военного. В более крупных *лагпунктах* были больницы, где медперсоналом были опять-таки заключенные, а руководителями — военные.

Для сохранения дисциплины имелись, кроме режима питания, в каждом *лагпункте* карцер для кратковременного наказания на режиме хлеба с водой и так называемый *бур* для воров, разбойников и убийц, которые не подчинялись лагерному порядку, не трудились, но взимали налог с остальных заключенных и которых беспрекословно слушались *блатные* поменьше.

Высшими принудителями были, конечно, военные, но на деле занимались принуждением и всем распорядились избранные заключенные — *придурки*, или *шкуры* (на лагерном жаргоне).

Однако главным принудителем был голод. В лагерях действовал принцип, внесенный и в конституцию СССР и действовавший в коммунах древних христиан, — кто не работает, тот не ест. Труд в лагерях был нормирован, за него давали нормированный паек, которого было много для умирания, но мало для выживания. Кто не вырабатывал норму, тот получал штрафной паек, кто ее перевыполнял, тому давали, соответственно проценту перевыполнения, увеличенный паек. Хлебный паек был точно отвешен в граммах, а порции каши и жидкого супа мерили черпаком — один, два и так далее. Меры и содержание пищи различались по лагерям и зависели также от характера работы. В обыкновенном трудовом лагере при мне паек в основном состоял из 400 граммов хлеба и еще из черпака супа, сваренного из листьев свеклы; все остальное — кашу, картофель и т.д. — приходилось вырабатывать сверх нормы.

Кроме продовольствия, выплачивали якобы во многих трудовых лагерях еще зарплату в деньгах, особенно на стройках, в шахтах и т.п. Но в тех местах, где я был, и в мои времена, насколько я помню, денежная зарплата в жизни заключенных никакой роли не играла.

Так как расходы на содержание заключенных были невелики, можно сделать вывод, что государство получало от труда заключенных большие доходы. Большинство фабрик и прочих предприятий, а также жилищ, особенно на Севере и Дальнем Востоке, построено руками заключенных. То же самое относится к более крупным каналам и железным дорогам.

После смерти Сталина, кажется, при Хрущеве, появились в лагерях комиссии, имевшие широкие полномочия для освобождения заключенных и сокращения сроков. Это началось примерно в 1954 г., когда мой срок заключения подошел к концу. Большинство лагерей было ликвидировано, но множество их наверняка осталось. Во всяком случае, не опубликовано никакой статистики их ликвидации, что было бы естественным средством пропаганды в смысле облагораживания режима.

²⁰ Спасский инвалидный лагерь входил в состав Карагандинских лагерей (Карлаг). По личному свидетельству Н.В. Тимофеева-Ресовского (1975), сославшегося на своего товарища з/к, который работал в центральной канцелярии Карлага и имел дело с соответствующими документами, поступление новых заключенных в Карлаг достигало одного миллиона в год. Н.В. заметил при этом, что количество з/к в отделениях Карлага заметным образом не росло и, таким образом, эта цифра близко соответствует числу умиравших в Карлаге.

Местом основания Спасского лагеря (в 1947 ?) было село Спасский Завод к югу от Караганды. Ближайшая ж.д. станция — Карабас (в наст. время в составе г.Абай), где размещалась крупная, не менее чем на 7 тыс. чел., пересылка.

Ниже приводится свидетельство о Спасском лагере, принадлежащее инженеру-химику Самуилу Адольфовичу Липшицу и записанное в 1979 году, незадолго до эмиграции Липшица из СССР (С.А. Липшиц прибыл в Спасск по этапу весной 1949):

Спасск был расположен в небольшой котловине, зажатой со всех сторон горами. Гражданского населения в районе Спасска не было, за зоной жила охрана, некоторые с семьями. Начальником лагеря на всем протяжении моего там пребывания был какой-то полковник. К этому времени территория Карлага уже разбили на три спецлагеря, один из них — ЛугЛаг, второй ПесчЛаг, которому и подчинялся Спасск, образованный, как кажется, только в сорок восьмом году, незадолго до нашего прибытия туда.

Спасск представлял собой огромный лагерь приблизительно на 11 тысяч человек. Из них около 7 тысяч — больные и инвалиды. Видимо, именно для них он и был создан. Больные (четвертая категория) большую часть времени проводили в лагере, остальные работали в расположенных вокруг лагеря каменоломнях. Камень использовался для строительства лагеря, и ежедневно каждый з/к, возвращаясь из каменоломен, должен был захватить с собой камень, который служил чуть ли не пропуском для входа в зону.

В лагере была зона и для женщин. Среди них помню Г.Серебрякову, которая, по слухам, прижила там ребенка от какого-то вохровца, репутация по этой части у нее в лагере была невысокая.

В Спасске я встретил человек пять с восставшего в 1905 году броненосца «Потемкин». После ухода корабля в Констанцу часть матросов осела в Румынии. В 1944 году они были выявлены, обвинены как невозвращенцы, получили по 10 лет. Кажется, году в пятьдесят пятом (юбилей восстания) все они были изображены на фотографии в «Огоньке» как герои революции.

Помню Хайкина. Этот профессор радиотехники, работавший на воле в научно-исследовательской лаборатории связи (Москва), был в Спасске прорабом по строительству барakov; у него в подчинении было человек двадцать инженеров.

Я был десятником. Бригаду составляли 32 «врага народа». До меня в этой должности находился один человек из Секретариата Ленина, довольно близкий к Ленину. Фамилия этого человека на «-ский» забылась: что-то вроде «Маркинский»; он бывал в Америке. Его перевели из Спасска в другое место. Примерно через полгода меня сменил Перлатов. Позже я был в Спасске заместителем главного инженера по технике безопасности.

В Спасске при стационаре для больных была бактериологическая лаборатория. Заведовал ею Александр Леонидович Чижевский. Среди ее сотрудников (человек двенадцать) помню Георгия Николаевича Перлатова, до ареста — доцента физики Киевского

университета; затем — двух профессоров: химика из Львовского политехнического и медика из Ленинградского медицинского; еще — научного сотрудника какого-то варшавского института (других иностранцев в лаборатории не было, хотя в лагере они были). Александр Леонидович делами клинической лаборатории почти не занимался, но в рамках этой же лаборатории проводил исследования по структурному анализу движущейся крови. Эта работа никем не направлялась, не поощрялась, но и не пресекалась. В ней были заняты Перлатов, который привлек и меня, а также один молодой математик-аспирант, закончивший Казанский университет. Может, кто-нибудь еще оказывал какое-либо содействие этой работе, но часть вспомогательной работы была возложена на Перлатова и меня. Лично я занимался исследованием электрофизических параметров крови (определение заряда эритроцитов) и проверкой математических расчетов. Работа осложнялась тем, что никакого экспериментального оборудования у нас в Спасске не было, все расчеты производились чисто теоретически. Впоследствии они были проверены в экспериментальных условиях и уточнены. Кое-какие книги (например, Хевези) у нас все же были. В книге «Структурный анализ движущейся крови» на 7-й странице упоминается о работе нашей группы.

Когда мы прибыли в Спасск, Чижевский находился уже там. Он пользовался большим уважением к этому времени не только среди з/к, но даже среди начальства, которое даже здоровалось с ним при встрече. Полагаю, что не последней причиной этого было умение А.Л. поддерживать свое достоинство в разных обстоятельствах и, чуть ли не главное, очень представительная внешность: высокий рост, борода и т.д. Впоследствии мне стало известно, что он занимался не только наукой, но и поэзией, живописью (в стиле, близком Бёклину). Мне неизвестно, писал ли он стихи и рисовал ли, находясь в лагере, но в Спасске с ним было около 30 живописных его работ, которые мне приходилось видеть. Были ли эти работы написаны в лагере или получены из дома, — не знаю.

Поводом для ареста А.Л. послужила, кажется, его переписка с иностранными учеными, в т.ч. с Аррениусом, Вудом...

А.Л. довольно часто рассказывал о своем прошлом. Одной из его любимых тем была аэроионизация. Он рассказывал о подмосковной ферме, где проводились эксперименты над животными. Тогда ему не удалось провести эксперименты до конца: ферма была закрыта из-за повального воровства обслуживающего персонала.

Чижевский был первым кандидатом СССР на Нобелевскую премию. У него хранилась нотариально заверенная копия представления его Каролинином Стокгольмским университетом на Нобелевскую премию (пер.). В представлении содержались: а) краткая характеристика его как ученого, б) список его работ,

в) перечень научных трудов в развитие его идей. А.Л. рассказы-вал, что, когда дело подходило к распределению премии, его посетил дома некий чин с тремя ромбами и предложил подписать текст приблизительного такого содержания: «В связи с тем, что неоднократно выдвигаемые АН СССР кандидаты отвергаются Нобелевским комитетом, я заранее отказываюсь от возможного присуждения мне Нобелевской премии». Чижевский был вынужден подписать этот текст».

(Мы привели не только общие воспоминания С.А. Липшица о Спаске, но воспроизвели и ту часть их, которая связана с А.Л. Чижевским, имея целью дополнить ранее опубликованные альманахом материалы о А.Л. Чижевском. См.: *МИНУВШЕЕ*. Исторический альманах. Том 2, Париж, 1986, с.70-76. — *Прим. ред.*.)

²¹ Экибастузский угольный бассейн открыт в 1876 и разрабатывался с 1893; был соединен жел. дорогой с пристанью Ермак на Иртыше. После революции копи и дорога были заброшены и долгое время «находились на консервации». Добычу угля предполагалось начать во 2-й пятилетке, но интенсивные геологические работы начались лишь в 1940 и вскоре установили возможность открытой разработки угля. Первый угольный разрез в Экибастузе построен в 1948-54, в основном силами заключенных. 3/4 строили также ж.д. линию Акмолинск-Павлодар (заключена в 1952), прошедшую через Экибастуз и являющуюся частью Южно-Сибирской магистрали.

²² Джордж Фрост Кеннан (Kennan) (1904-1987) — американский дипломат и историк. По окончании Принстонского ун-та (1925) занимал различные посты в дипломатических и консульских представительствах США — в частности, в Таллине (1928-29), Берлине (1929, 1939-40) и Москве (1933-36, 1945, посол США в 1952). В 1953-61 и 1963 — на научно-преподавательской работе. Член Амер. академии искусств и наук в Бостоне.

²³ СССР заключил договор о ненападении с Японией сроком на 5 лет 15 апр. 1941. Со стороны Японии договор подписал министр иностранных дел И.Мацуока, приезжавший в Советский Союз (глава правительства Ф.Коноэ не посещал в этой связи СССР). Этот договор предоставил Японии свободу действий на Тихом океане (японское нападение на военно-морскую базу США Пирл-Харбор последовало 7 декабря того же года). Япония соблюдала этот договор в течение всей Второй мировой войны, нарушителем стал СССР (денонсация пакта 5 апр. 1945, объявление войны 8 авг. 1945).

²⁴ Колесников Иван Степанович (р.1901) — хирург. В армии со времен Гражданской войны, чл. КПСС с 1928. После учебы в Военно-мед. академии (1926-31) — ст. врач полка и одновременно комиссар полка. Поступив в 1932 или 1933 в адъютантуру ВМА, работал в клинике С.П. Федорова (проф. ВМА с 1903, лейб-хирург Николая II). Военный советник

Республиканской армии в Испании (дек. 1937 — апр. 1939), участник боев на Халхин-Голе, армейский хирург во время советско-финской войны. В 1941-44 — гл. хирург ФЭП Лен. фронта, гл. хирург армии Лен. фронта, гл. хирург Карельского фронта. В 1944 возвращен на работу в ВМА. В 1944-46 — пред. Исполкома Союза обществ Красного креста и Красного полумесяца (в этой должности с инициалами С.К. им подписано, вместе с другими, официальное сообщение о расследовании обстоятельств Катынского расстрела, опубл. 26 янв. 1944). Доктор мед. наук (1947, или 1946, докт. монография изд. в 1949). Обстоятельства ареста, обвинения и приговора нам неизвестны; неизвестно также, где, кроме Спасского лагеря, находился в заключении. С 1953 по 1976 возглавлял кафедру госпитальной хирургии ВМА, с 1976 — профессор-консультант той же кафедры. Осн. направления работ К. и созданной им школы — техника проведения резекции легких, методы лечения пострадавших от ожогов, сердечная хирургия, проблемы переливания крови и пересадки органов. Ленинская премия (1961) за работы по легочной хирургии. Высшее воинское звание — ген.-майор мед. службы. Заслуженный деятель науки РСФСР (1964), чл.-корр. (1965), а затем академик АМН (1971).

²⁵ Здесь О.Тииф ошибается. Делегация ФРГ во главе с федеральным канцлером К.Аденауэром находилась в Москве 2-14 сент. 1955, когда главой компартии был Н.Хрушев, а главой правительства Н.Булганин. Результатом этого визита было освобождение основной массы немецких военнопленных. Раньше освобождали военнопленных в меньшем количестве и, как правило, при условии, что они поселятся в Вост. Германии. Упомянутый рентгенолог, если он освобожден до Тиифа, т.е. не позднее 1954, был, видимо, одним из них.

²⁶ Неточно. Высшая точка горы Улытау (Улутуа) — 1134 м.

²⁷ Русское слово «казак» («козак») и самоназвание народа «казахи» не связаны друг с другом непосредственно, хотя и восходят, видимо, к одному тюркскому корню. У русских слово «казак» значило первоначально «удалец», «вольный человек».

²⁸ АССР Немцев Поволжья ликвидирована указом от 28 авг. 1941.

²⁹ Оговорка. В 1950-59 на месте Валгаского уезда существовали Валгаский и Тырваский районы.

³⁰ Согласно постановлению Совмина СССР от 5 мая 1958, 4-я Все-союзная перепись населения была назначена на 15 янв. 1959.

³¹ Более известен лишь полковник А.Лыхмус, нач. Пярнуского военного округа до 1941. Жена Я.Тыниссона Хильда была урожденной Лыхмус (дочь фабриканта из Тарту).

³² Полковник Карпов, Иван Прокофьевич, был тогда пред. КГБ при СМ ЭССР.

³³ Имеется в виду Американская национальная выставка (24 июля — 5 сент. 1959; 2,1 млн. посетителей). Первая выставка США в СССР, размещалась в Парке культуры и отдыха «Сокольники».

³⁴ «Кодумаа» («Родина») — изд. в Таллине с 1958 еженедельная газета. Официально — орган Общества для развития дружественных связей с зарубежными эстонцами. Подчиняется КГБ. Эмигрантам рассылается бесплатно.

³⁵ Эдуард Инти (р.1913) в июле 1940 приказом оккупационных властей был назначен политруком эстонских ВВС (и получил чин полковника, хотя прежде дослужился лишь до унтер-офицера); после войны — нач. отдела науки и учебных заведений ЦК ЭКП (до 1960). Зав. каф. политэкономии ТПИ в 1960-70 (там же доцент с 1956), декан экономич. ф-та в 1960-63. Кандидатская дисс. была им защищена в Академии общественных наук при ЦК КПСС (*ВТОРОЙ ЭТАП ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА*. М., 1953).

³⁶ Полное название книги: I. *СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ НОРМ (ЗАКОНОВ И ПОСТАНОВЛЕНИЙ)* [с.1-508]; II. *ОБЩИЙ УКАЗАТЕЛЬ «ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЕСТНИКА»* [с.509-692]. [Таллин], 1925 (на эст. яз.).

³⁷ Видимо, донецкий доцент Николай Егорович Аралов, защитивший кандидатскую дисс. в АОН при ЦК КПСС (1955), автор одной пропагандистской брошюры (1961).

³⁸ *К НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ОЧЕРКАМ*, которые в следующие два с половиной года были дополнены Тиифом, он составил *КРАТКУЮ ОБЪЯСНИТЕЛЬНУЮ ЗАПИСКУ* — своего рода автореферат.

Свою позицию автор прямо противопоставил там официально признанному в СССР учению о классовой борьбе и смене формаций: «Мои "Народнохозяйственные очерки" базируются на диалектике как на единственном основном законе вселенной и человечества. Но они отличаются от названного учения внесением новых конструкций /.../. «Во вселенной основными диалектическими противоположностями являются покой и движение. /.../ В человечестве основными диалектическими противоположностями являются руководители и руководимые, ибо не может быть общественного организма, где бы не было этих взаимосвязанных противоположностей» (по утверждению Тиифа, в этом вопросе он возвращается от Маркса и Энгельса к Гегелю). «Классовая борьба — лишь один из вариантов в диалектике руководителей и руководимых и поэтому не имеет значения универсальной диалектической закономерности».

Из других принципиальных положений автора выделим следующие:

«Борьба противоположностей ведет неизбежно к многообразию вариантов, и если бы образовалась монополия власти, то это повело бы общество к вымиранию, ибо в любой монополии отсутствует важный стимул совершенствования — борьба, соревнование».

«С возникновением двух борющихся систем народного хозяйства связано много прогрессивных достижений, но много и таких, применение которых может привести к гибели все человечество. Если борьба этих систем примет форму соревнования в рамках мирного сосуществования, то это соревнование можно будет считать самым обширным и самым совершенным проявлением диалектики в человеческом обществе».

Общую часть *НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОЧЕРКОВ* составляют первые пять глав. В них излагаются исходные мировоззренческие основы (гл.1, с приложением), анализируются народнохозяйственные факторы (гл.2-3), обосновываются и формулируются главные выводы автора (гл.4 — *ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ И ВОПРОСЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ МИРА*; гл.5 — *ВАЖНЕЙШИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЩЕГО ПРОЦВЕТЕНИЯ*). Остальные 10 глав представляют собою специальную часть *ОЧЕРКОВ*.

В шестой главе рассматривается производство, включая отрасли «культурного производства». Некоторые частности: «Раскрывается диалектика крупной и мелкой промышленности и их жизнеспособность, причем крупная промышленность действует успешнее в производстве массовой продукции, а мелкая — в производстве ценных изделий и в культурном творчестве. Критикуется принцип Сталина, что при социализме производство должно руководить потреблением и его опережать; показывается, что производство руководит потреблением в состоянии бедности, а потребление производством — в состоянии изобилия. Выдвигается роль образования как [одной из форм] производственного труда, особенно в новейшее время, и то, что главным фактором прогресса является не классовая борьба, а образование, особенно профессиональное. Сравняется производство в СССР и США. Наконец показывается, какой должна быть производственная статистика при выяснении эффективности двух народнохозяйственных систем и при сравнении доходов руководителей и руководимых». Приложение к 6 гл., посвященное сельскому хозяйству СССР и его перспективам, озаглавлено *БОРЬБА ЗА БОЛЬШУЮ БУХАНКУ ХЛЕБА*.

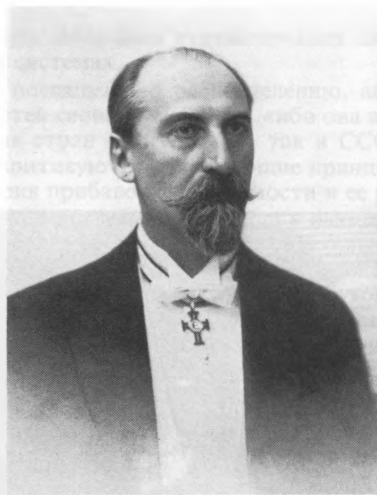
Седьмая глава посвящена товарообороту. К нему отнесены внутренняя и внешняя торговля вместе с таможенным делом, кредит, денежное обращение, движение капиталов, страхование, транспорт и связь вне производственного процесса, реклама, эксплуатация недвижимого имущества вне производства, обслуживание. Как и в других главах, постоянно сопоставляются СССР и США (напр. «указывается на особое развитие телефонной связи в США и на широкую электрификацию транспорта в СССР, рекламные излишества в странах капитализма и недостаточность рекламы в СССР»). «Обращено внимание на заблуждение, будто капиталист, как предприниматель и владелец средств производства, присваивает прибавочную стоимость; показано, что окончательная цена товара определяется в товарообороте и что часть цены, часто львиная доля ее, достается лицам, действующим в товарообороте». Дается наглядный пример того, как учитывать доходы руководителей и руководимых в области товарооборота; этим образом, по мнению автора, могли бы

Константин Пятс

Йохан Лайдонер

Йяан Гыниссон

Отто Туйф

слева направо: Р.А. Абрамович, И.Г. Церетели, Де Брукер,
В.М. Чернов (Нью-Йорк, вторая половина 1940-х гг.).
Фотография из личного архива Б.М. Сапира.

руководствоваться при собирании статистических сведений в обеих народнохозяйственных системах.

Восьмую главу, посвященную распределению, автор считает одной из самых важных частей своих *ОЧЕРКОВ*, «ибо она внесет много нового в политэкономия как стран капитализма, так и СССР». «В этой главе рассматриваются и критикуются действующие принципы распределения. Изложена новая теория прибавочной стоимости и ее распределения. Раскрыто и пересмотрено понятие эксплуатации в народном хозяйстве. Раскрыто различие в способах расчета национального дохода у Адама Смита и Карла Маркса и показано существование национального дохода в двух аспектах, количественно не совпадающих друг с другом: доход народа как коллектива и доход народа как суммы отдельных лиц. Показано, как вести подсчет суммарного национального дохода на душу населения. Сравнивается национальный доход в СССР и США и показывается, как руководители и в Советском Союзе и в странах капитализма получают «львиную долю» его. Показаны принципы перераспределения национального дохода в СССР и США и итоги этого перераспределения в области народного образования, здравоохранения, социального страхования и государственной обороны. Оценены системы бесплатного народного образования и здравоохранения в Советском Союзе, ставшие примером для многих капиталистических стран. Проведено сравнение государственных бюджетов СССР и США».

В девятой главе рассмотрено потребление. Разобраны, в частности, нормы потребления и способы вычисления прожиточного минимума. «Раскрыто значение бережливости при потреблении, ибо диалектика сбережения и потребления лежит в основе динамичности народного хозяйства. /.../ Представлена модель динамичности народного хозяйства, объясняющая и иллюстрирующая развитие народного хозяйства в связи с капиталовложениями за счет сбережений. Сравнивается потребление в возможных системах будущего — в коммунизме и в капиталистическом государстве всеобщего процветания».

«Народнохозяйственные неполадки рассмотрены в моем произведении отдельно в десятой главе, так как существование двух народнохозяйственных систем требует параллельного рассмотрения и сравнения неполадок». «Рассмотрены основные неполадки в производстве — перепроизводство, недопроизводство, безработица, нехватка рабочей силы; подвергнуты критике способы устранения производственных неполадок в США, в частности "война с бедностью". В области неполадок обмена приведены сравнительные примеры из СССР и США, в частности о рекламе и о неполадках денежного оборота в Англии и США. В области неполадок распределения рассматриваются трудовые конфликты и различия в налогообложении в странах капитализма и СССР. В области потребления рассматривается потребление выше и ниже прожиточного минимума. Приведена сводка о неполадках в соревнующихся системах народного хозяйства».

«Статистические обоснования и иллюстрация к "Народнохозяйственным очеркам" даны путем цитирования и комментирования больших

официальных сборников. Комментарий к каждому сборнику составляет отдельную главу, в следующем порядке: главы 11 и 11¹ — ежегодники народного хозяйства СССР 1961, 1962 и 1965 гг.; главы 12 и 12¹ — статистические ежегодники США 1963 и 1965 гг.; глава 13 — статистический сборник ООН "Рост мировой промышленности 1938-1961"; глава 14 — статистический ежегодник Международного бюро труда 1963; глава 15 — статистический ежегодник ООН 1965. /.../»

(Цитаты из *КРАТКОЙ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКИ* даны в переводе с эстонской версии оригинала).

Публикатор и редакция сочли возможным не входить в разбор экономических взглядов Тиифа и его *НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОЧЕРКОВ*. Реакция властей, представляющая для нас наибольший интерес, определялась не такими качествами труда Тиифа, как основательность или поверхностность, новаторство или шаблон и т.д., а самой позицией автора «над схваткой». Критику советского экономического строя Тииф сопровождал обильным цитированием Хрущева и неизменными похвалами в его адрес.

³⁹ Рукопись Тиифа находится сейчас в библиотеке ТГУ, в спецхране для ценных и редких рукописей. Будучи заприходованной, она, подобно многим работам по теологии, не была введена в каталоги библиотеки.

⁴⁰ Имеется в виду ст.: В.Кобыш. *ВСТАТЬ: ИДЕТ СУД ИСТОРИИ*. — «Известия», 3 янв. 1970, с.2.

⁴¹ Л.Ерусалимский. *О ТАЙНЕ, В КОТОРОЙ РОДИЛАСЬ ВОЙНА*. — «Известия», 12 авг. 1960, с.3.

♦♦

ПРИЛОЖЕНИЯ

Биографические справки, помещаемые в приложении I, близко охватывают круг имен, затронутых как в текстах О.Тиифа, так и в предисловии и примечаниях. Они группируются в основном вокруг темы «Эстония в 1939-44». Важнейшие сведения об Эстонской Республике, сконцентрированные в приложении II, написаны специально для русскоязычного читателя. — *Прим. ред.*

I. БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Абельс Георг (1898-1967). Родом из Пярну, рабочий, коммунист с 1921. В 1924-38 в заключении (освободился по амнистии для политзаключенных). В июле 1940 назначен зам. старшины Пярнуского уезда. Нарком сельского хоз-ва в 1940-45 (1941-44 в Советском Союзе).

Андрезен Ниголь (1899-1985). Из крестьян Вируского уезда. Окончил учительскую семинарию в Раквере (1918) и до 1932 работал учителем. Вначале в партии независимых социалистов, потом — активный деятель левого крыла социалистической рабочей партии, которым руководил его тесть Михкель Мартна. Председатель молодежного союза партии 1928-34; депутат 5-го созыва Гос. собрания 1932-38. В 1934 за коммунистич. уклон исключен из партии, основал с М.Унтоном марксистскую фракцию в Гос. собрании. В июне 1940 министр иностр. дел, с июля член КПЭ. С авг. 1940 — зам. пред. СНК ЭССР (до 1946) и нарком просвещения (до 1944; 1941-44 в Советском Союзе). В 1946-49 зам. пред. Президиума Верховного Совета ЭССР, окончил в эти годы ВПШ при ЦК ВКП(б) и историко-филологический ф-т ТГУ. Арестован, как и многие др. «июньские коммунисты», и 1950-56 провел в лагерях; реабилитирован. Лит. критик и переводчик.

Ассор Альберт (1895-1944). Крестьянский сын, из Тартуского уезда. Окончил юридич. ф-т Тартуского ун-та* [далее — ТУ] (1922). Офицер в Первой мировой и Осв. войне (в конце войны в чине капитана). Зам. прокурора в Тарту 1922-26, зам. прокурора Судебной палаты в Таллине 1926-33, прокурор 1933-38. Министр юстиции с мая 1938 до июня 1940 в правительствах К.Энпалу и Ю.Улуотса. Депортирован в июне 1941, находился в лагерях на Урале и в Красноярском крае, где и умер.

Бочкарев Владимир Борисович (1909-1941). С Украины, из семьи мелкого служащего. Окончив в 1925 школу-семилетку, 4 года работал литейщиком на предприятиях Киева. Сделался секретарем крупной комсомольской организации. Учился на социально-экономич. ф-те Киевского ун-та (1929-33), где продолжал заниматься комс. работой. Окончил в 1936 аспирантуру при кафедре литературы, оставлен доцентом на той же кафедре, а около 1937 стал деканом филологич. ф-та. В ВКП(б) с 1938 (в конце 1940, при подготовке в Эстонии к выборам в Верховный Совет СССР, объявлен кандидатом в члены партии). Примерно в 1938 направлен на работу в НКВД. С сент. 1939 по июнь 1940 зам. полномоч. представителя (советник), в июле-авг. 1940 — полномоч. представитель СССР в Эстонии; занял место своего начальника — полпреда (1937-40) К.Никитина, внезапно освобожденного от должности 29 июня и вскоре исчезнувшего из Таллина. С авг. 1940 — уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР в ЭССР. В июле-авг. 1941 член Республиканского к-та обороны. Погиб в авг. на потопленном немцами миноносце «Володарский» во время эвакуации из Таллина.

Варес Йоханнес (писательский псевд. — Барбарус) (1890-1946). Сын крестьянина Вильяндиского уезда. Окончил гимназию в Пярну (1910), мед. ф-т Киевского ун-та (1914). Воен. врач в Первой мировой и Осв. войне, кавалер Креста Свободы I/3. Частный врач в Пярну (1920-39) и известный своим левачеством поэт; из-за прибыльной профессии не нуждался в гос. субсидиях и свои книги издавал сам. Ездил в СССР в 1928 и 1935. Стал сов. агентом, видимо, осенью 1939, потому что бросил свою доходную практику в Пярну и переселился в Таллин, где в июне следующего года неожиданно для всех был выдвинут А.Ждановым на пост премьер-министра т.наз. «народного правительства». Так как В. не имел ни малейшего политического опыта, президентом республики были предложены вместо него другие левые деятели, но Жданов остался непоколебим. Член КП с июня 1940. В авг. того же года назначен пред. Президиума ВС ЭССР и чл. бюро КПЭ, на каковых постах оставался до 1946 (1941-44 в Советском Союзе). Ранним утром 29 ноября 1946 был в своей квартире застрелен или принужден застрелиться чекистами, которым он, видимо, больше был не нужен. Его жена отравилась.

Вийтак Николай (1896 - ?). Сын адвоката из Пярнуского уезда, учился в Петроградском ун-те и Рижском политехникуме, в 1925 окончил Дармштадтский технический ун-т. Офицер в Первой мировой и (нач. связи 1-й дивизии, капитан) Осв. войне, награжден Крестом Свободы I/3. Строительный инженер. Зам. министра экономики 1936-37, министр путей сообщения (авг. 1937 — июнь 1940) в правительствах К.Энпалу и Ю.Улуотса. Депутат Гос. думы 1938-40. Арестован в 1941, семья депортирована.

Вяльс (Вяльяс) Вайно (р.1931). Был комсомольским секретарем ТГУ, 1-м секретарем комсомола Эстонии (1955-61), 1-м секретарем Таллинского горкома КП (1961-71), секретарем ЦК КПЭ по идеологии (1971-78). Руководитель партии Иван Кэбин подготовил его своим преемником, но в Москве предпочли сибиряка Карла Вайно рожденному в Эстонии Вяльсу, которого назначили послом СССР в Венесуэле.

Йыьээр Александер (1890-1959). Из рабочей семьи в Сааремааском уезде. Работал служащим и частным поверенным, член ЦК социалистич. рабочей партии, депутат Гос. собрания 1-5 созывов (1920-38). Исключен из партии за коммунистический уклон в 1934, стал членом марксистской фракции. Депутат Гос. думы 1939-40 (с др. просоветскими деятелями в так наз. группе единства трудового народа). В июне 1940 член КП, министр земледелия в правительстве Вареса, в 1941-50 нарком и министр юстиции (1941-44 в Советском Союзе). Арестован в 1950 и отправлен в лагерь. Умер в Эстонии.

Каарлимяз Юхан. В 1935-37 был работником ведомства гос. пропаганды, в 1937-40 — старшиной Ярваского уезда. Депутат Нац. собрания 1937 и Гос. думы 1938-40. В 1944 член Нац. комитета и министр без портфеля (руководитель пропаганды) в правительстве Улуотса — Тиифа (сентябрь). После освобождения из лагеря и ссылки жил в Эстонии.

Кант Эдгар (1902-1978). Сын купца из Таллина. Участвовал в Осв. войне школьником-добровольцем. Окончил ТУ магистром географии (1928), после чего там же преподавал экономич. географию, доцент и (с 1936) проф.; проректор 1938-40. Доктор естественных наук 1934, член Эст. АН и руководитель ее гуманитарной секции в 1938-40. Один из основателей Клуба эст. националистов (1931), секретарь правления Союза КЭН и главный ред. журнала «ЕРК». Ректор ТУ в 1942-44. Умер в Швеции.

Каротамм Николай (1901-1969). Родом из Эстонии, член подпольной КП (1928); в 1929-40 и в 1941-44 находился в СССР. В 1940 редактор журн. «Коммунист» в Таллине, в 1940-44 2-й секретарь ЦК КП(б)Э, затем до 1950 1-й секретарь (стал им после того, как сов. власти узнали о переходе 1-го секретаря К.Сяре на сторону немцев). Непосредственно руководил массовой депортацией 80 тысяч эстонцев в Сибирь в марте 1949. В ходе кампании чистки снят со своего поста и заменен импортированным из России И.Кэбиным. В отличие от многих других вычищенных, не был посажен. Каротамму дали возможность работать в Москве, где он и умер.

Каск Оскар (1898 - ?). Сын домовладельца из Пярну, окончил юридический ф-т ТУ (1923). Участник Осв. войны, выпускник 1-го состава Эст. военного училища (1919). Журналист и деятель трудовой партии в Пярну; чл. гор. думы и гор. голова (1924-36). Пред. трудовой партии в 1930-32, депутат 3-5 созывов Гос. собрания (в 5-м созыве в 1932-33 — от нац. партии центра, с 1933 — независимый). В 1935-40 чл. центр. правления Отечественного союза, депутат 1-й палаты Нац. собрания и Гос. думы. В 1936-40 социальный министр в правительствах Пятса, Ээнпалу, Улуотса. Арестован в июне 1941, умер в заключении.

Клаассен Михкель (1880 - ?). Крестьянский сын из Пярнуского уезда. Окончил Тартускую учительскую семинарию (1901) и юридический ф-т Московского ун-та (1913). Адвокат в Пайде, участвовал в Первой мировой войне. Зам. пред. и пред. окружного суда в Раквере (1919-22), пред. окружного суда в Тарту (1922-24). Член Гос. суда с 1924, пред. его административного отдела с 1938.

Клезсмент Йоханнес (1896-1967). Сын портного из Кейла в Хартюсском уезде. Окончил юридический ф-т ТУ (1927). Служащий в Кейла, Палдиски, Таллине. Гор. советник в Нарве (1924-26), адвокат с 1927. Депутат 3-4 созывов Гос. собрания от социалистической партии. В 1934-40 советник министерства юстиции и Правительства Республики, зам. гос. секретаря. Во время немецкой оккупации советник директора по экономике и финансам в Самоуправлении Х.Мяз. Член Нац. комитета 1944, в сент. — министр юстиции. Эмигрировал в Швецию.

Когерман Пауль Николай (1891-1951). Сын моряка из Таллина. Окончил ТУ, получил специальность химика (1918); магистр наук в Лондоне 1922, доктор технич. наук в Цюрихе 1934. Участник Осв. войны. В ТУ преподаватель (1921-22), доцент органич. химии (1922-25), профессор

(1925-36). В Таллинском техническом ун-те профессор органической химии (1936-40) и ректор (1936-39). По должности член 2-й палаты Нац. собрания 1937 и Гос. совета 1938-39. Член Эст. АН и руководитель ее отдела естествознания. Министр просвещения в правительстве Улуотса 1939-40. Депортирован в июне 1941 и в 1941-45 находился в лагере на Урале. Освобожден и привезен обратно в Таллин в 1945, где стал профессором Политехнического ин-та, директором Ин-та химии и академиком АН ЭССР.

Круус Ханс (1891-1976). Сын рабочего из Тарту. Окончил учительскую семинарию (1911) и философский ф-т ун-та со специальностью историка (1923). Мобилизованный в Первую мировую войну, окончил школу прапорщиков в Одессе (1917) и вступил в 1-й эст. полк. Один из основателей Эст. партии социалистов-революционеров (1917), ее пред. в 1917-21 и представитель в те же годы во Врем. земском совете, Учр. собрании и 1-м созыве Гос. собрания (с 1920 партия названа Эст. партией независимых социалистов). В янв. 1918 встретился с И.Сталиным, вручив ему от имени своей партии меморандум о независимости Эстонии. Летом 1921 участник 3-го конгресса Коминтерна в Москве. В 1921 отошел от политики, стал магистром, позже (1931) доктором философии; в 1937 Dr.h.c. Рижского ун-та. С 1927 в ТУ преподаватель истории Эстонии и Северных стран, профессор 1931-40, проректор 1934-37. В июне 1940 зам. премьера и министр без портфеля в правительстве Вареса (использован как наиболее представительная фигура, но оккупационные власти не очень-то ему доверяли: когда Варес поехал в Москву, его замещал не Круус, а министр внутренних дел Унт). В июне 1940 член КП, ректор ТГУ в 1940 и 1944 (1941-44 в Советском Союзе), нарком и министр иностранных дел (1944-50), президент АН ЭССР (1946-50). Арестован в Москве в 1950 и до 1955 находился в следственных тюрьмах, где подвергался избиениям и пыткам. После освобождения и реабилитации оказалось, что даже обвинения ему не было предъявлено.

Куль Эрнст Вольдемар (1903-1972). Родом из Валгаского уезда, окончил ТУ, работал зав. книжным магазином «Академический кооператив» в Тарту. Был сторонником Я.Тынниссона, но не его приват-секретарем. В 1944 член Нац. комитета, в апреле на некоторое время арестовывался немцами. Затем арестован советскими властями и отправлен в лагерь. После возвращения жил и работал в Тарту.

Кярм Орест. Работал инженером в Министерстве путей сообщения. В июне 1940 министр путей сообщения в правительстве Вареса, в августе в первом СНК ЭССР стал наркомом коммунального хозяйства, был им до (весны?) 1941. Дальнейшая судьба неизвестна, но есть сведения, что в конце 1960-х жил в Эстонии.

Лайдонер Йохан (1884-1953). Сын батрака из Вильяндиского уезда. В русской армии с 1901 (Л. Иван Яковлевич), дослужился до подполковника (1916). Окончил Виленское военное училище (1905) и Академию Геншта-

ба (1912). В Первую мировую войну — в штабах корпуса, дивизии, Западного фронта; нач. штаба дивизии кавказских гренадеров и 62-й дивизии. Осенью 1917 Верх. комитет эстонских воинов, по совету военного министра А.И. Верховского, пригласил его возглавить сформировавшуюся тогда Эстонскую дивизию; в конце декабря Л. прибыл в Таллин и принял дивизию. Временным правительством Эстонии произведен в полковники генштаба. После начала нем. оккупации в марте 1918 уехал в Россию, где как представитель Временного правительства занимался подпольной организацией эстонских офицеров. В дек. 1918 вернулся через Финляндию на родину, стал нач. оперативного штаба и 26 декабря — главнокомандующим, которым оставался до конца Осв. войны (ген.-майор с 1919). Награжден Крестами I/1 и III/1, повышен в ген.-лейтенанты 21 марта 1920 и уволен по своей просьбе в запас. В 1920-29 депутат Гос. собрания от аграрной партии и многократный представитель Эстонии в Лиге Наций (по поручению последней был пред. международной комиссии в Мосуле, которая в 1925 установила границу между Турцией и Ираком). 1 дек. 1924, после начала коммунистического мятежа, — вновь главнокомандующий (до 8 янв. 1925). В 1929 ушел из Гос. собрания и аграрной партии, в 1934 выдвинут кандидатом на пост главы государства от кавалеров Креста Свободы при поддержке партий центра, но 12 марта, назначенный в третий раз главнокомандующим, совершил вместе с К.Пятсом гос. переворот, после чего до 1940 оставался по власти и влиянию вторым человеком в государстве. Член Нац. собрания 1937, Гос. совета 1938-40, пред. Собрания старейшин Оборонного союза 1925-40, пред. Объединения братьев Креста Свободы 1928-35, пред. Олимпийского комитета 1934-40, верховный старейшина Юных орлов 1932-38, а затем — всех молодежных организаций. Полный генерал 24 февр. 1939, почетный доктор ТУ с 1928 и Таллинского технического ун-та с 1938. Жил в поместье Виймси под Таллином (получено в награду). В сент. 1939, после советского ультиматума о военных базах, высказался за сопротивление, но с этим мнением остался в меньшинстве. Уволен в запас 22 июня 1940, а 13 июля депортирован в СССР и там арестован, обвинен в антисоветской деятельности, но не осужден. Весь остаток жизни провел в советских тюрьмах, где и умер, по сов. данным, 13 марта 1953. Его жена Мария (урожд. Крушевска, 1888-1978, в браке с 1911) в 1940 была отправлена, также не будучи осужденной, в лагерь, освободилась после смерти Сталина и умерла в доме для престарелых в Хаапсалу.

Лийдак (Лийдеман) Каарел (1889-1946). Сын рабочего из Синди. Окончил учительскую семинарию в Вольмаре (Валмиера в Латвии, 1910), Московский сельскохозяйственный ин-т (1917). Агроном в Туркестане 1916-20, преподаватель сельскохозяйственной школы Янеда в Эстонии 1921-24, зав. испытательной станцией Куузику 1924-29, руководитель консультативного бюро в Таллине 1929-32, редактор журн. «Уус талу» 1927-34, директор департамента сельского хоз-ва Министерства земледелия 1935-40, пред. Палаты агронома в те же годы. Член 2-й палаты Нац. собрания 1937. В 1944 член Нац. комитета, в сентябре — министр земледелия. Умер в Эстонии, находясь в подполье. Похоронен в Халлисте.

Маанди Хельмут (р.1906). Родом из Раплаской волости Харьюского уезда, окончил юридический ф-т ТУ (1932). В 1932-36 адвокат в Таллине, депутат 5-го созыва Гос. собрания от объединенной аграрной партии. В 1936-40 пред. Палаты сельскохозяйственных рабочих и мелких землевладельцев. В сентябре 1944 назначен гос. секретарем. Эмигрировал в Швецию.

Майде Яан (1896 - ?). Сын мельника из Пярнуского уезда. Мобилизован в Первую мировую войну, окончил 4-ю Киевскую школу прапорщиков (1916) и Высшую военную школу (курсы генштаба) Эстонии (1923). Офицер в Первой мировой и Осв. войне (последняя должность — ком. роты), награжден Крестом Свободы II/3. Нач. штаба Оборонного союза 1924-25, нач. 1-го (оперативного) отдела генштаба 1925-26, нач. Главного штаба Оборонного союза 1927-40, командир 4-й дивизии в 1940. Полковник с 1933. Во время немецкой оккупации нач. штаба, зам. командира и командир «Самообороны». В сент. 1944 назначен командующим войсками при последнем правительстве Эстонской Республики.

Мяэ Хяльмар (1901-1978). Купеческий сын из Харьюского уезда. Изучал философию и юриспруденцию в ун-тах Берлина, Вены, Инсбрука и Граца, доктор философии в Инсбруке, доктор политологии в Граце. Гор. советник Нымме в 1929-34. Активный деятель движения участников Осв. войны, член центрального правления и руководитель пропаганды их Союза (он сам состоял во время войны в Оборонном союзе). Арестован 12 марта 1934 и приговорен военным судом к 1 году лишения свободы. После путча в дек. 1935 (т. наз. заговор Кадака тээ) был вновь арестован (он должен был стать министром просвещения в правительстве А. Сирка) и приговорен к 20 годам каторги. Освободился по амнистии 1938, в 1939 уехал в Германию. Возвратившись в 1941 с немецкой армией в Эстонию, стал в декабре главой Эст. самоуправления (до сент. 1944). Бежал в Германию, потом жил и умер в Австрии.

Нарма (до 1940 — *Нихтиг*) *Юхан* (1888 - ?). Сын рабочего из Пярнуского уезда, окончил приходскую школу. был коммерсантом, одним из основателей и руководителей ЭТК (1917-35), директор правительственной газеты «Уус Ээсти» (1935-40), директор эст.-сов. коммерческого предприятия «Ю.Нихтиг и К°». Возможно, в связи с последним был с июня до августа 1940 министром экономики в правительстве Вареса. Депортирован в июне 1941.

Ойдермаа Антс (*Ойдерманн Ханс*) (1891 - ?). Из крестьян Пярнуского уезда. Учился на отделении классической филологии Петербургского ун-та (1912-14), в 1914 пошел добровольцем в армию, стал офицером и воевал в Первой мировой и Российской гражданской войне (на стороне белых). В 1920 вернулся в Эстонию, в 1922-27 — на дипломатической службе (в 1926-27 — представитель в Литве). Генеральный секретарь аграрной партии 1927-35, главный редактор газеты аграриев «Кая» 1931-34. Член центрального правления Отечеств. союза 1935-40, руководитель

ведомства гос. пропаганды 1935-37, главный редактор газеты «Уус Ээсти» 1937-39, министр пропаганды (1939-40) в правительствах Ээнпалу и Улуотса. Член 1-й палаты Нац. собрания и депутат Гос. думы. Арестован в декабре 1940 в Аэгвиду, где скрывался под видом рабочего на лесоповале.

Остра-Ойнас Алма (1886-1960). Крестьянская дочь из Тартуского уезда. Окончила Бестужевские курсы (1915) и юридический ф-т ТУ. Гимназисткой стала членом РСДРП и ее Тартуского к-та, в 1905-06 была в заключении и ссылке в Тобольской губ., откуда бежала. Под партийной кличкой Зельма продолжала подпольную работу, была членом Ревельского (Таллинского) к-та РСДРП; делегирована оттуда на 5-й (Лондонский) съезд партии. В 1909-10 — в фиктивном браке с будущим руководителем эст. большевиков Я. Анвельтом, с 1914 в браке с будущим с.-д. политиком А. Ойнасом. Редактор газеты «Сотсиаалдемокраат» (1917-18), депутат Временного земского совета, Учредительного собрания и 1-4 созывов Гос. собрания (всюду — от с.-д. партии). В 1924-34 была в Таллине гор. советником и зав. отделом попечительства. Адвокат и писательница. События ее жизни после ареста 1944 неизвестны.

Пенно Рудольф (1896-1951). Из рабочей семьи Вирусского уезда. Окончил Раковерскую учительскую семинарию и в том же году (1916) военную школу в Петрограде. Офицер в Первой мировой и Осв. войне (ком. роты в Дружине калевцев, мл. лейтенант). После войны учитель и новопоселенец, депутат 2-5 созывов Гос. собрания (в 5-м созыве — от объединенной аграрной партии). Зам. пред. Гос. собрания 1926-34, пред. 1934-37. Депутат Гос. думы 1938-40. Летом 1941 участвовал в партизанском движении «лесных братьев». Эмигрировал в Швецию, член Зарубежного центра. В сент. 1944 был назначен министром торговли и промышленности, но в Эстонию не вернулся.

Пийп Антс (1884-1942). Сын служанки из Вильяндиского уезда. Окончил учительскую семинарию в Голдингене (Кулдига в Латвии) в 1903, гимназию экстерном в Курессааре в 1908, юридический ф-т Петербургского ун-та (1913). Учитель 1903-12, научный стипендиат Петроградского ун-та 1913-16, mag. jur. 1916, приват-доцент по международному праву 1917. В 1917 член Временного земского совета, его представитель на Гос. совещании в Москве и на Демократическом совещании в Петрограде. В ноябре 1917 первый дипломатический представитель Эстонии в Петрограде, в 1918-20 представитель и посланник в Лондоне (получил в 1918 признание de facto независимости Эстонии). В 1919-20 зам. и и.о. министра иностранных дел, участник Парижской и Тартуской мирных конференций. В 1920-21 премьер-министр (с дек. 1920 носил первым титул гос. старшины) и военный министр. Депутат Учр. собрания и 1-го созыва Гос. собрания (1919-23) от трудовой партии. Министр иностранных дел в правительствах К. Пятса (1921-22), Я. Тезманта (1925-26), Я. Тыниссона (1933). Главный редактор газеты трудовой партии «Ваба маа» (1923). Посланник в США (1923-25). Еще в 1919 был назначен профессором международного

права ТУ, фактически выполнял эти обязанности в 1925-39. Член 2-й палаты Нац. собрания 1937 (представитель ун-та), депутат Гос. думы 1938-40 (состоял в так называемой демократической оппозиции, возглавляемой Я.Тыниссоном). Министр иностранных дел — единственный представитель оппозиции — в предвоенном правительстве Улуотса. Арестован 30 июня 1941 и отправлен в лагерь на Урале, откуда переведен в Нырбскую тюрьму (Молотовская обл.), где и умер.

Пикков Йоханнес (1888-1947). Работал архитектором в Министерстве путей сообщения. Социалист. В 1944 член Нац. комитета, в сентябре — министр путей сообщения.

Питка Йохан (1872-1944). Крестьянский сын из Ярваского уезда. Юношей ушел на море, учился в морских училищах, капитан дальнего плавания в Таллине (1895). В 1917 активно участвовал в создании эст. государства и его военных частей. В 1918 пред. подпольного Оборонного союза, в начале Осв. войны создатель и первый командир бронепоездов, а также военно-морских сил (командующий в 1918-19). Контр-адмирал (сент. 1919), награжден Крестом Свободы I/1. В 1919-20 депутат Учр. собрания от народной партии, в 1920-24 руководитель Союза стражи, борющегося против бюрократизма и коррупции, издатель газеты «Ээсти» и журнала «Валве». Основал в 1923 национал-либеральную партию, но потерпел поражение на выборах в Гос. собрание. В 1924-30 фермер в Канаде. После возвращения в Эстонию — один из вождей движения участников Осв. войны, но порвал с ним в 1932, после политизации движения. Пред. центрального правления ЭТК (1930-37), член 1-й палаты Нац. собрания 1937. В 1941 спасся от массовой депортации, во время немецкой оккупации находился в Финляндии. Вернулся в Эстонию летом 1944 и стал призывать к сопротивлению Красной армии любой ценой. В сент. сформировал независимую от немцев «Боевую группу адмирала Питка», во главе которой отступал из Таллина, ведя бои и с немецкими, и с советскими оккупантами. Пал в сражении с последними 25 сентября где-то в Ляянском уезде.

Пукк Отто (1900-1951). Родом из Сааремааского уезда. Окончил юридический ф-т ТУ в 1927. Школьник-добровольцем участвовал в Осв. войне. В 1921-29 редактор газеты «Сааремаа» в Курессааре, с 1928 адвокат в Таллине. Депутат 3 и 5-го созывов Гос. собрания от аграрной партии, член 1-й палаты Нац. собрания, в 1938-40 — депутат Гос. думы (пред. 1939-40). Эмигрировал в Швецию в 1944.

Пяртельпозг Хуго (ок.1899 - ?). Окончил юридический ф-т ТУ в 1925, был адвокатом и юрисконсультом Эстонского банка. Социалист. Во время немецкой оккупации директор Эстонского банка, член подпольного Нац. комитета, в сент. 1944 министр финансов.

Пятс Константин (1871-1957 ?). Первый и последний президент Эстонской Республики. Родился в семье строительного подрядчика в Пярнуском уезде. Окончил юридический ф-т ТУ (1898). Помощник адво-

ката Я.Поски в Таллине, редактор газеты «Театая» (1901-05), таллинский городской советник (1904-05) и зам. гор. головы (1905). После 1905 приговорен заочно к смертной казни, скрывался в Швейцарии и Финляндии. После отмены приговора вернулся в 1909 в Россию и предстал перед гражданским судом; приговорен к году лишения свободы. В 1911-16 редактор газет «Таллинна театая». В 1916 мобилизован на войну, служил прапорщиком в штабе Таллинской крепости. В марте 1917 избран нач. милиции Таллина, потом членом и пред. Верховного комитета эстонских воинов. В 1917-19 член Временного земского совета (вне партий), осенью 1917 глава Земского управления. В декабре арестован большевиками; после освобождения ушел в подполье, где подготовил провозглашение независимости Эстонии 24 февр. 1918. Старейшинами Земского совета был назначен пред. Комитета спасения и премьер-министром Временного правительства (возглавил также военное министерство и министерство внутренних дел). Летом 1918 арестован немецкими оккупантами, не признавшими независимости Эстонии, и отправлен в концентрационный лагерь, откуда освободился в ноябре 1918. Вернувшись в Эстонию, вновь возглавил Временное правительство и военное министерство; занимал эти посты в самый критический для Эстонии период до мая 1919. Награжден за свои исключительные заслуги Крестами Свободы I/1 и III/1. В Учр. собрании 1919-20 — от Земельного союза, на базе которого создал в 1920 сильную аграрную партию (Собрания аграриев). Деп. всех 5 созывов Гос. собрания (пред. в 1922-23). Гос. старшина (премьер-министр) в 1921-22, 1923-24, 1931-32, 1932-33, 1933-34. После принятия на референдуме 1933 проекта конституции движения участников Осв. войны стал в янв. 1934 премьер-министром в обязанностях гос. старшины (президента, по новой конституции). Был выдвинут от аграриев на пост президента. Чтобы предостеречь верную победу на выборах воинствующих участников Осв. войны (их кандидатом был ген.-майор А.Ларка, а действительный вождь Осв. войны ген. Лайдонер был поддержан партиями центра), с ее роковыми последствиями, и использовав почти диктаторские полномочия президента по новой конституции, совершил 12 марта 1934 вместе с Лайдонером гос. переворот. Движение участников Осв. войны было ликвидировано, все выборы отложены на неопределенное время, введено осадное положение (на год, но ежегодно продлевалось, вплоть до 1940).

Гос. собрание 5-го созыва, полномочия которого также были продлены, одобрило действия Пятса и Лайдонера, но в окт. 1934 было распущено по домам и более не собиралось. Последовали запрет политических партий, введение цензуры, растущее влияния личной власти Пятса. По его инициативе в февр. 1936 проведен референдум, одоббивший предложенный народу созыв двухпалатного Нац. собрания, которому надлежало выработать новую (3-ю) конституцию; конституция была принята Нац. собранием в июле 1937 и вошла в силу 1 янв. 1938. По закону о переходном периоде, Пятс стал в сент. 1937 гос. хранителем, а в апреле 1938 был избран президентом республики на 6 лет. Согласился в сент. 1939 заключить с СССР договор о базах, за которым последовала советская военная оккупация в июне 1940. Хотя в июне и июле он оставался номинально

главой государства, все решения принимались оккупационной властью, а 30 июля, еще до формального присоединения Эстонии к СССР, он был депортирован вместе с семьей и прислугой в Советский Союз. Сперва был в ссылке в Уфе, потом его следы обнаруживаются в Свердловской, Казанской и Ставропольской тюрьмах. Весной 1956 был привезен в Эстонию и помещен в заведение для хронических душевнобольных Ямеяла, близ Вильянди. После того как его стали навещать многие знавшие его раньше люди, был гебистами увезен оттуда, в ноябре находился в Таллинской тюрьме, откуда был отправлен в Ленинград, по другим слухам — в Стреничи (Латвия) и, по-видимому, умер в следующем году. Советские источники в 1960-е дают 1957 как год смерти Пятса; Эст. советская энциклопедия «исправляет» эту дату на 1956. На Запад дошли три документа, написанные Пятсом в тюрьме: политическое завещание, обращения к эстонскому народу и к ООН.

Рей Аугуст (1886-1963). Сын учителя из Вильяндиского уезда. Окончил юридический ф-т Петербургского ун-та (1911). В РСДРП с 1905, был членом ее Тартуского к-та, в 1905-07 партийный организатор в Таллине. Адвокат в Вильянди (1911-14), офицер в войне 1914-17. В 1917 зам. пред. Верховного к-та эстонских воинов и основатель Эст. с.-д. объединения, которое в октябре стало Эст. с.-д. рабочей партией. Главный редактор газеты «Сотсиалдемокраат» в 1917 и 1919. Во Временном правительстве 1918-19 — зам. премьер-министра, министр труда и социального обеспечения. Пред. Учр. собрания 1919-20. Награжден Крестом Свободы III/1, Dr. jur. h. c. ТУ (1932). Многократный пред. ЦК ЭСДРП (с 1925 Эст. социалистическая рабочая партия), депутат всех созывов Гос. собрания (пред. 2-го созыва 1925-26). Глава правительства в 1928-29, министр иностранных дел в правительстве Пятса 1932-33. В 1934 кандидат на пост президента. Зам. министра иностранных дел (1936-37), посланник в Москве (1937-40). В июле 1940 бежал из Москвы в Швецию, где стал членом и зарубежной делегации, и Зарубежного центра. В сент. 1944 министр иностранных дел, в 1945-63 — премьер-министр в обязанностях президента.

Рейго Юхан (Рейнарт Иоханнес) (1906 - ?). Родом из Харьюского уезда, окончил экономический ф-т ТУ. Зав. отделом Сельскохозяйственного банка, во время немецкой оккупации главный инспектор ЭТК. В 1944 секретарь Нац. к-та; арестован осенью того же года.

Резк Николай (1890-1942). Сын городского из Таллина. Окончил в 1910 Чугуевское военное училище и в 1917 Академию Генштаба. Штабной офицер в Первой мировой войне, в февр. 1918 нач. штаба Эстонской армии, подполковник. В Осв. войне командир 5-го пехотного полка, нач. штабов 1-й, 3-й дивизий и Вируского фронта; ком. группы войск в боях с ландесвером. В конце войны полковник, награжден Крестами Свободы I/2, II/2, II/3 (единственный генерал среди трижды кавалеров). В 1920-23 инспектор военных училищ, в 1923-25 учился во Французской военной академии; нач. генштаба 1925-26, ком. 2-й дивизии 1926-27 и 1929-34; военный министр в правительствах Теэманта и Тыниссона 1927-28, нач. штаба

войск в 1934-39 (одновременно до 1938 зам. военного министра). Ген.-лейт. с февр. 1938. Военный министр в 1939-40, уволен в отставку 22 июня 1940. Вскоре арестован и в авг. 1941 отправлен в Россию, где умер в Усольском лагере (Молотовская обл.).

Ротберг Тынис (1882 - ?). Из крестьян Вильяндского уезда. Окончил в 1906 Виленское военное училище и в 1914 интендантскую академию в Петербурге. Участвовал в Первой мировой и в Оsv. войнах (в последней — зам. нач. управления снабжения и интендант 1-й дивизии, награжден Крестом Свободы I/2, произведен в чин полковника). В 1920-38 нач. управления снабжения (ген.-майор с 1928), в 1938-40 зам. военного министра. В июне 1940 военный министр в правительстве Вареса и затем нарком обороны до 1 сент. 1940. В РККА ген.-майор интендантской службы с 28 дек. 1940. Депортирован в июне 1941. По другой версии, попал в 1941 в немецкий плен, освобожден своими (т.е. советскими) и только после этого отправлен в лагерь, где и умер.

Руус Незде (1911-1942). Род. в Вологодской губ., окончил в 1930 Пярнускую гимназию. Профсоюзный деятель, в 1938-40 депутат Гос. думы — в группе единства трудового народа (просоветской). Член КП в июне 1940, социальный министр (министр социального обеспечения) в правительстве Вареса, в июле 1940 секретарь ЦК КП, в февр. 1941 зам. пред. СНК ЭССР. Летом 1941 оставлен в Эстонии руководить подпольем, но выдан своим непосредственным начальником, 1-м секретарем ЦК КП(б) Карлом Сяре, немецким властям и казнен ими.

Семпер Йоханнес (1892-1970). Сын учителя из Вильяндского уезда. Учился в Петербургском ун-те (1910-14) и Рижском политехникуме (1915-16), окончил философский ф-т ТУ в 1928 магистром философии. Мобилизован в Первую мировую войну, окончил в Москве школу прапорщиков (1917). В 1917 вступил в 1-й эст. полк, стал членом Верховного к-та эст. воинов. Один из основателей Эст. партии социалистов-революционеров и член Учр. собрания. Известен как писатель, в 1930-40 редактор журнала «Лооминг». В июне 1940 член КП и министр просвещения, в 1940-48 зам. наркома (министра) просвещения, в 1941-48 нач. управления по делам искусств ЭССР (1941-44 в Советском Союзе), 1946-50 пред. правления Союза писателей ЭССР. В 1950 уволен со всех постов, но не арестован.

Сенп Борис. Известный своими уголовными махинациями частный адвокат, приверженец движения участников Оsv. войны, вероятно, советский агент. Его покровителем называли советского полпреда Никитина. В июне 1940 внезапно назначен министром юстиции, стал эту должность использовать прежде всего в личных интересах, из-за чего уволен и арестован уже 5 июля 1940. На его место назначен член судебной палаты Фридрих Ниггол.

Сенп Лео (1892 - ?). Сын учителя из Вирусского уезда, окончил коммерческое отделение Рижского политехникума (1914). Банковский служащий в Вильянди, нач. милиции и пред. уездной управы там же (1917),

в 1918 арестован большевиками. Участвовал в Осв. войне в составе 1-го конного полка. Директор Эст. банка (1921-24), министр финансов в правительствах Ю. Яксона и Я.Тезманта (1924-27), директор Коммерческого банка (1928-30). В 1930-38 директор многих частных предприятий. В 1938-40 министр экономики в правительствах Ээнпалу и Улуотса. Депортирован в июне 1941, умер в Усольском лагере во время войны.

Сузи Арнольд (1896-1968). Сын учителя, род. в эст. поселении на Сев. Кавказе, в 1915-16 учился в Петроградском историко-филологическом ин-те, окончил в 1924 юридический ф-т ТУ. Мобилизован в армию, окончил 2-ю Петергофскую школу прапорщиков (1916), был офицером на фронте, 1917-18 — в 3-м эст. полку. Участник Осв. войны (взводный командир в роте учителей-добровольцев), награжден Крестом Свободы I/3. Адвокат в Таллине с 1924, деятель трудовой партии, потом нац. партии центра. В 1944 член Нац. к-та, в сент. — министр просвещения.

Сумберг Вольдемар (1893-1965). Крестьянский сын из Валгаского уезда. Окончил медицинский ф-т ТУ (1923). Участвовал фельдшером в Осв. войне. С 1923 зав. музеем здравоохранения в Тарту, с 1928 также редактор журнала «Тервис». Член народной партии. Организовал во время немецкой оккупации так наз. группу сопротивления Музея здравоохранения. В 1944 член Нац. комитета, в сент. — социальный министр.

Саре Карл (в России — *Карл Янович*) (1903 - ?). Из семьи тартуского рабочего. Подростком (с 1917) участвовал в Тарту в создании молодежных организаций, считающихся предшественниками комсомола Эстонии. В 1921 уехал в Россию, учился на рабфаке, затем в Ленинградском ун-те, которого не окончил. В 1925-27 на коммунистической работе в Китае, был там арестован и полгода провел в тюрьме. С 1927 член КПЭ; до июля 1928 — секретарь Эст. секции ЦК ВЛКСМ, потом на подпольной работе в Эстонии под вымышленной фамилией. В начале 1930-х арестован и, при обмене политзаключенными, отправлен в СССР. Как представитель Исполкома Коминтерна, в конце 1930-х находился в Норвегии, где руководил Организационным бюро ЦК КПЭ. В Эстонию прибыл весной 1940 (в конце того же года для его избирателей была придумана легенда, будто в течение 1930-х С. все время работал в эст. подполье, а в 1938 легализовал себя на основании закона об амнистии и после этого два года находился в ссылке). 12 сент. 1940 вошел в бюро ЦК КПЭ и стал первым секретарем ЦК. Депутат Верховного Совета СССР (1941). В июле-авг. 1941 пред. Республиканского к-та обороны. Был оставлен в подполье для организации вооруженного сопротивления немцам, перешел на их сторону. Последние сведения о нем получены в 1943 из Копенгагена, где С. выступал свидетелем на одном судебном процессе (дело об убийстве одного из членов Оргбюро КПЭ другими по распоряжению Москвы; следствие по этому делу было начато датскими властями еще до оккупации Дании; приговоренный к пожизненному заключению убийца был после войны выдан Советскому Союзу и там расстрелян). Примерно до 1972 имя С. в советской печати было под запретом.

Тупитс Артур (1892 - ?). Сын крестьянина из Тартуского уезда. Окончил юридический ф-т ТУ (1925). Один из основателей аграрной партии, редактор газет «Маалийт» (1918-19) и «Кая» (1920-35). Депутат всех созывов Гос. собрания от аграрной партии. Член центрального правления Отечественного союза в 1935-40, главный редактор правительственной газеты «Уус Ээсти» в 1935-37, член 1-й палаты Нац. собрания и Гос. думы. Министр земледелия в правительствах Пятса 1932-33, 1937-38, Ээнпалу 1938-39, Улуотса 1939-40, зам. премьер-министра в 1938-39. Арестован 16 ноября 1940, увезен в Россию.

Тыниссон Яан (1868-1945 ?). Сын крестьянина из Вильяндского уезда, окончил (1892) юридический ф-т ТУ. В 1892-96 судебный чиновник в России, в 1896-1935 владелец и главный редактор газеты «Постимезс» в Тарту (стала одной из главных общезстонских газет). Уже в конце XIX в. стал общепризнанным вождем нац. движения, особенно в Южной Эстонии (Лифляндской губ.), основатель первой эст. политической партии (1905, народная партия прогресса); депутат 1-й Гос. думы, подписал Выборгское воззвание и был за это арестован. В 1917 активно участвовал в создании автономии Эстонии, член Временного земского совета от своей партии (в 1917 демократическая, потом народная партия), арестован в конце 1917 большевиками и выслан из Эстонии. Руководитель зарубежной делегации в Стокгольме (1917-18), министр без портфеля и и.о. министра иностранных дел во Временном правительстве 1918-19. В 1919-20 премьер-министр (его правительство заключило Тартуский мирный договор с Советской Россией), награжден Крестом Свободы III/1. Депутат Учр. собрания и всех созывов Гос. собрания от народной партии (с 1932 нац. партия центра), пред. 2-го и 5-го созывов. Гос. старшина (1927-28 и 1933), министр иностранных дел (1931-32). После переворота 12 марта 1934 отстранен от активной политики, а в 1935 и от своей газеты, ставшей государственной. В 1935-39 профессор кооперации ТУ (д-р права 1928). В 1938-40 депутат Гос. думы и глава так наз. демократической оппозиции (был, кроме Пятса, единственным кандидатом на пост президента в 1938). Арестован органами НКВД 13 дек. 1940 и увезен в Ленинград, после чего его следы теряются. Имеются смутные слухи, будто его видели во время войны в лагере где-то в Архангельской области (высокий бородатый старик, которого называли «королем Эстонии»). Год смерти впервые указан в «Истории Тартуского университета».

Улуотс Юри (1890-1945). Крестьянский сын из Ляянского уезда. Окончил юридический ф-т Петроградского ун-та (1916), оставлен стипендиатом при ун-те. В 1918-20 на судебной службе в Эстонии, редактор газеты аграриев «Кая» (1919-20). Депутат Учр. собрания и 1-3 созывов Гос. собрания от аграрной партии. Профессор истории эстонского права ТУ в 1920-40 и 1942-44, декан юридического ф-та 1924-31, проректор 1931-34. Активный участник создания Отечественного союза в 1935, пред. центр. правления его в 1937-40, глав. редактор секвестрированной газеты «Постимезс» 1937-38. Пред. 1-й палаты Нац. собрания 1937 и Гос. думы 1938-39, один из авторов 3-й конституции Эстонии. Член Эст. АН 1938-40. Премь-

ер-министр в 1939-40. Ему удалось спастись от ареста и депортации, и после замены советской оккупации немецкой он требовал от немецких властей восстановления эстонского суверенитета. Будучи премьер-министром в обязанностях президента, назначил в сент. 1944 на должность членов правительства О.Тиифа и уехал затем в Швецию, где и умер в начале следующего года.

Унт Максим (1898-1941). Сын рабочего из Пярну, окончил Пярнускую гимназию. 1917-20 провел в России, вернулся на родину, вступил в социалистическую партию, был членом Пярнуского уездного правления и 5 созыва Гос. собрания (с 1934 — в марксистской фракции). В 1938-40 депутат Гос. думы — в ее просоветской группе. Член КП в июне 1940, министр внутренних дел в правительстве Вареса, пользовался особым доверием оккупационных властей (это он депортировал президента Пятса и стал и.о. «премьер-министра» и «президента» Вареса во время пребывания того в Москве). После включения Эстонии в состав СССР — нарком труда. Но уже осенью того же года было обнаружено, что его во время гражданской войны в России исключили из партии и приговорили к смертной казни (якобы за мародерство). Был арестован и расстрелян.

Холберг Йохан (1893 - ?). Крестьянский сын из Пярнуского уезда, окончил юридический ф-т ТУ (1924). Мобилизован в Первую мировую войну, окончил Павловское военное училище в Петрограде, был в 1915-17 на фронте. В Осв. войне эскадронный командир 1-го конного полка, капитан, награжден Крестом Свободы II/3. Адвокат в Таллине с 1924, депутат 2-5 созывов Гос. собрания (представитель аграрной партии). Министр торговли и промышленности в правительстве Тыниссона 1927-28. Член 2-й палаты Нац. собрания 1937 и Гос. совета 1938-40. Во Второй мировой войне офицер в немецкой армии. В 1944 член Нац. комитета и военный министр. Эмигрировал в Германию, оттуда через Швецию и Канаду в США, где и умер.

Юрима (Юрманн) Аугуст (1887 - ?). Сын крестьянина из Тартуского уезда, отец и старший брат его были убиты карательным отрядом в 1905. Окончил агрономический ф-т Кёнигсбергского ун-та (1914). Работал агрономом в Эстонии (1914-18), комиссар Временного правительства в Пярнуском уезде (1918-19). Один из основателей Земельного союза (1917) и депутат Учр. собрания. Пред. аграрной партии в 1919-35 и депутат всех созывов Гос. собрания (зам. пред. 2-го созыва Гос. собрания). Министр путей сообщения (1929-31) в правительстве О.Страндмана (Штрандмана), министр земледелия (1931) и министр экономики (1931-32 и 1932-33) в правительствах К.Пятса. Президент Гос. экономического совета 1935-38, пред. Палаты земледелия 1936-40, зам. пред. Отечественного союза 1936-40. Член 1-й палаты Нац. собрания и Гос. думы. В 1939-40 зам. премьер-министра и министр внутренних дел в правительстве Ю.Улуотса. Арестован в 1940 или 1941.

II. ВАЖНЕЙШИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И СОБЫТИЯ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аграрная партия (Põllumeestekogud, букв. Собрания аграриев) — политическая организация зажиточных крестьян. Создана в 1917 под названием Земельного союза (Maaliit); организаторы — агрономы А.Юрима, Я.Хюперсон и др., лидерами стали К.Пятс, Я.Тезмант, К.Энпалу (Эйнбунд), генералы Й.Лайдонер и Я.Соотс. В 1920 переорганизована в А.п. и стала влиятельнейшей правой партией, собиравшей на последующих выборах около 20% голосов. В 1932 объединилась с *Партией новопоселенцев* в партию объединенных аграриев и на выборах в 5-й созыв Гос. собрания получила уже 39,8% голосов, образовав крупнейшую фракцию. Приостановлена в своей деятельности, как и все другие политические партии, 6 марта 1935.

Академия наук Эстонии (Eesti Teaduste Akadeemia) основана декретом Гос. хранителя 28 янв. 1938 для содействия развитию наук вообще и касающихся Эстонии, в частности. Первые 12 членов (в двух секциях — гуманитарных и естественных наук) назначены Президентом Республики, один избран позже пленумом АН. Президентом АН назначен профессор К.Шлоссман. Ликвидирована советскими оккупационными властями 17 июля 1940.

Верховный комитет эстонских воинов (точнее: военнотружущих; Eesti Sõjaväelaste Ülemkomitee) — коллегиальный орган для создания эст. национальных частей; избран 1-м всерос. съездом эстонских военнотружущих 21 июня 1917. Кроме сформированного еще в апреле 1-го эст. полка командир — полковник А.Тыниссон), созданы 2-й эст. полк в Пайде (шт.-капитан Ю.Майде), 3-й — в Таллине (полковник Э.Пыддер), 4-й — в Ракове (капитан Х.Вахтрамяэ), запасный батальон в Тарту (полковник Я.Розенберг), эст. артиллерийская бригада в Хаапсалу (полковник А.Ларка), конный полк (шт.-капитан Г.Йонсон) и вспомогательные части. 19 дек. 1917 уже без санкции петроградских властей создана Эстонская дивизия (подполковник Й.Лайдонер, нач. штаба подполковник Я.Соотс). В.к.э.в. под нажимом большевиков ликвидирован 29 января 1918.

Вооруженные силы Эстонии (Эстонская армия, Eesti sõjavägi) подчинялись Президенту Республики, непосредственным начальником в.с. был *Главнокомандующий* (в мирное время командующий) *войсками* (в 1940 — генерал Й.Лайдонер. Этот чин соответствует генералу армии). Совещательным органом при президенте был Совет гос. обороны.

Сухопутные войска включали 2 пехотных полка, 12 отдельных батальонов (образованы во время Осв. войны и использовались для обучения новобранцев, каждый из этих батальонов мог быть развернут в полк), караульный батальон: 5 артиллерийских групп, кавалерийский полк, полк бронепоездов, автотанковый полк, два батальона инженерных войск.

Военно-морские силы (командующий в 1940 — капитан-майор И.Сантпанк; звание соответствует капитану III ранга) включали 2 подлод-

ки английского производства, торпедное судно, сторожевые суда, тральщики, 2 судна в дивизионе Чудского озера, морские укрепления, военный порт и проч.

В военно-воздушные силы (командующий — ген.-майор Рихард Томберг) входили, кроме 3-х отдельных дивизионов и особого отряда морской авиации, авиабаза с мастерскими и артгруппа ПВО.

В оперативном отношении в.с. были сведены в 4 дивизии, к которым приравнивались ВМС и ВВС. Части 1-й дивизии (комдив в 1940 — ген.-майор Александер Пулк) располагались в следующих пунктах: Нарва, Йыхви, Раквере, Тапа. 2-я дивизия (комдив ген.-майор Яан Круус): Тарту, Выру. 3-я (комдив ген.-майор Харберт Бреде): Таллин, Нымме, Хаапсалу. 4-я (комдив полковник Я.Майде): Пярну, Вильянди, Валга.

В комплекс военных учебных заведений, размещавшийся компактно в Таллине, входила, в частности, Высшая военная школа. В составе в.с. были еще *Оборонный союз* и Пограничная охрана (нач. — ген.-майор Антс Курвитс), подчинявшаяся министру внутренних дел.

В.с. управлялись Военным министерством (Sõjamineisterium) и Штабом войск (Sõjavägede Staap). Военное министерство, во главе которого в 1940 стоял ген.-лейтенант Н.Резк (1-й зам. — ген.-майор Т.Ротберг), занималось прежде всего вопросами обеспечения в.с. и включало в себя Управление снабжения, Управление медицины, Высший военный суд и Военную прокуратуру. Штаб войск, начальником которого в 1940 был ген.-майор Александер Яаксон (1-й зам. — ген.-майор Аугуст Казекамп), выполнял примерно те же функции, что генштабы в других армиях; имел отделы оперативный, разведывательный и проч.

Военнообязанными являлись все мужчины в возрасте от 17 до 55 лет, продолжительность срочной службы была от 18 до 22 месяцев (в зависимости от рода войск). Штаты в.с. в мирное время были следующие: офицеров 1480, сверхсрочников 2700, солдат 10 200 и гражданских служащих 1 100.

После начала Второй мировой войны первым крупным изменением в руководстве в.с. было смещение командующего ВМС морского капитана (соответствует капитану I ранга) В.Мере и начальника штаба ВМС морского капитана Р.Линнусте (18 сент. 1939) в связи с бегством интернированной польской подводной лодки «Орел» из Таллинского порта в Англию; факт этого бегства (свидетельствовавший не столько о слабости ВМС, сколько о сочувствии полякам) был тут же использован советским правительством в качестве одного из конкретных поводов для требования о предоставлении военных баз.

В июне 1940 первыми шагами советских оккупантов были увольнение главнокомандующего (Лайдонер и военный министр Резк смещены на следующий день после переворота 21 июня) и назначение политруков во все военные части. Новым командующим правительство Вареса назначило призванного из запаса бывшего инспектора кавалерии ген.-майора Густава Йонсона. Главным политруком стал коммунист Пауль Кээрдо, бывший политзаключенный, произведенный в генералы. Эстонскую армию стали называть Эстонской Народной армией (а ее бойцов — народ-

ноармейцами), ненадолго восстановив, таким образом, название периода Осв. войны (существовавшее до 1926).

С июня по авг. 1940 было уволено примерно 250 старших офицеров, после чего 29 авг. Эстонская Народная армия была переформирована в 22-й территориальный стрелковый корпус РККА (ком. Г.Йонсон, комиссар А.Багнюк; одно время обязанности комиссара корпуса исполнял В.Мжаванадзе, впоследствии глава КП Грузии). В состав корпуса вошли две дивизии, еще раньше вобравшие в себя прежние, меньшие по численности, дивизии Эстонской армии: 180-я дивизия в Сев. Эстонии (из бывших 1-й и 3-й дивизий; ком. ген.-майор Р.Томберг, комиссар Евдокимов) и 182-я дивизия в Южн. Эстонии (из бывших 2-й и 4-й дивизий; ком. ген.-майор Я.Круус, комиссар Орлов).

Весной 1941 года корпус численно вырос и изменил свой состав: благодаря демографическим процессам, призывников 1922 года рождения оказалось намного больше, чем окончивших срок службы; кроме того, во все эст. части были влиты русские, составившие от одной трети до половины новобранцев (в Эстонии их называли почему-то «казанскими студентами»).

В начале июня 1941 (перед первой массовой депортацией эстонцев) все старшие офицеры-эстонцы были под разными предлогами удалены из своих частей (высших офицеров вызвали в Ригу, в штаб Прибалтийского особого военного округа), а затем арестованы. Все командные посты перешли в руки русских, командовать корпусом с 14 июня стал ген.-майор А.С. Ксенофонтов. Аналогичным образом обошлись и со средним командным составом 182-й дивизии, находившейся в летних лагерях Вярска: офицеры были вызваны якобы на учения в Петсери (Печоры), а оттуда отправлены в Россию в лагерь.

После начала советско-германской войны 22-й корпус (входивший вместе с др. национальными корпусами Прибалтики в состав 27-й армии Северо-Зап. фронта) был выведен из Эстонии и стал на позиции в Псковщине, где после первых столкновений с немцами большинство личного состава корпуса перешло на их сторону. 23 августа 1941 корпус был ликвидирован, согласно приказу Л.З. Мехлиса. Всех оставшихся эстонцев отправили в трудовые батальоны на Урале. Туда же была направлена основная часть тех, кто был мобилизован в Сев. Эстонии и вывезен морем в Россию (несколько менее 30 тыс. чел.). Через год на Урале был сформирован новый Эст. стрелковый корпус.

В Таллине вместо всех эст. военных учебных заведений в 1940-41 существовало пехотное училище Красной армии. Из прежней Высшей военной школы был произведен досрочный выпуск. В курсанты зачислили много русских, основная часть преподавателей-эстонцев осталась на месте. В июне 1941 пехотное училище РККА было эвакуировано в Тюмень.

Временное правительство (Ajutine Valitsus) образовано Комитетом спасения 24 февр. 1918, при провозглашении независимости Эстонии. Премьер-министр В.п. стал К.Пятс. Деятельность В.п. была немедленно прекращена немецкими оккупационными властями и вновь продолжена

11 ноября 1918 (до прибытия Пятса из немецкого заключения и.о. премьера был министр иностранных дел Я.Поска). Под руководством В.п. организована государственность Эстонии и отражено вторжение большевиков (в первый период Осв. войны). В.п. освобождено от своих обязанностей Учр. собранием 8 мая 1919.

Временный земский совет (точнее: земельный, областной; Ajutine Maapäikogu) — орган самоуправления, созданный по указу Временного правительства России от 13 апр. 1917 для объединенной Эстонской губ. (бывшая Эстляндия и сев. часть Лифляндии). Избран косвенным образом (городскими думами и выборщиками от волостных дум). Собрался 14 июля 1917, временным председателем стал А.Валлнер, потом председателями были О.Страндман (Штрандман), А.Бирк, К.Партс. В окт. создано Земское управление как орган исполнительной власти (пред. Я.Раамот, потом К.Пятс). 2-я сессия В.з.с. разогнана большевиками 15 ноября 1917, но перед тем совет успел провозгласить себя высшей властью в Эстонии (фактическая декларация самостоятельности). 2-я сессия собралась 20 ноября 1918 и выполняла функции законодательного органа вплоть до открытия Учр. собрания 23 апр. 1919.

Главнокомандующий войсками (Sõjavägede Ülemjuhataja) — высший руководитель вооруженных сил. Впервые Г.в. стал полковник Й.Лайдонер 23 дек. 1918 в критические дни Осв. войны, он руководил войсками до выгодного для Эстонии Тартуского мира и был уволен с поста Г.в. 26 марта 1920. Вторично ген.-лейт. Лайдонер стал Г.в. 1 дек. 1924, в день коммунистического мятежа, и занимал этот пост до 8 января 1925. В третий раз он же был Г.в. с 12 марта 1934 до 22 июня 1940, когда был уволен в отставку советскими оккупационными властями. Лайдонер — единственный, кто занимал этот пост.

Государственная дума (Riigivolikogu) — 1-я палата парламента в 1938-40. Ее 80 депутатов были избраны на 5 лет по мажоритарной системе. Большинство депутатов принадлежало к правительственному Народному фронту для проведения в жизнь новой конституции (полное название Фронта). Остальные депутаты из-за запрета политических партий составили так наз. рабочие группы (демократическая, социалистическая, единства трудового народа, русского нацменьшинства и проч.). Председатель Г.д. — Ю.Улуотс (1938-39), О.Пукк (1939-40).

Государственное собрание (Riigikogu) — парламент Эстонской Республики в 1920-40:

а) По конституции 1920 — однопалатный орган высшей законодательной власти, председатель которого обладал полномочиями главы государства (в частности, делал предложения по формированию правительства). 100 депутатов избирались по пропорциональной системе на 3 года; роспуск Г.с. и досрочные выборы могли состояться лишь в том случае, если народ на референдуме одобрил отклоненный Г.с. законопроект (для проведения референдума необходимо было требование 25 000

полноправных граждан) или наоборот (это случилось один раз, когда в 1923 народ отменил принятый 1-м созывом Г.с. закон о запрещении вероучения в школах). Даты пяти созывов Г.с.: 1920-23, 1923-26, 1926-29, 1929-32 и 1932-38 (полномочия последнего созыва в 1934 продлены на неопределенный срок, но само Г.с. осенью того же года отправлено по домам и больше не созывалось). Пред. Г.с. — О.Страндман (1921, Ю.Кукк (1921-22), К.Пятс (1922-23), Я.Тыниссон (1923-25 и 1932-33), А.Рей (1925-26), К.Ээнпалу (1926-32 и 1933-34), Р.Пенно (1934-38).

б) По конституции 1933 — также однопалатный законодательный орган, но с гораздо меньшими полномочиями, 50 депутатов которого должны были в 1934 избираться по мажоритарной системе. После 12 марта 1934 выборы были отложены и не состоялись.

в) По конституции 1937 общее название двухпалатного парламента 1938-40, состоявшего из *Гос. думы* и *Гос. совета*.

Государственный совет (Riiginõukogu) — 2-я палата Гос. собрания 1938-40. Из 40 членов 10 были назначены Президентом Республики, 6 вошли в состав Г.с. по должности (главнокомандующий войсками, президент Эстонского банка, ректоры Тартуского и Таллинского технического ун-тов, епископ лютеранской и митрополит православной церкви), остальные избраны территориальными и профессиональными органами самоуправления, а также общественными организациями. Пред. Г.с. — М.Пунг (муж сестры К.Пятса).

Государственный старшина (Riigivanem):

а) По 1-й конституции — глава правительства, обладавший некоторыми правами главы государства (титул переводили на иностранные языки обычно словом «президент»). Г.с. образовывал правительство по предложению пред. Гос. собрания и должен был получить вотум доверия от Гос. собрания. Правительство должно было уйти в отставку при недоверии парламента, перед началом работы нового созыва Гос. собрания или при выражении недоверия правительству на референдуме. Г.к. в Гос. собрании ни одна из многочисленных партий не имела абсолютного большинства, почти все правительства были коалиционными и сильно зависели от политических интриг и корыстных интересов партий. Отсутствие уравновешивающего органа в лице главы государства привело к внутриполитическому кризису начала 1930-х и к установлению диктатуры. Г.с. были: А.Пийп (1920-21), К.Пятс (1921-22, 1923-24, 1931-32, 1932-33, 1933-34), Ю.Кукк (1922-23), Ф.Акель (1924), Ю.Яксон (1924-25), Я.Тезмант (1925-27, 1932), Я.Тыниссон (1927-28, 1933), А.Рей (1928-29), О.Страндман (1929-31), К.Ээнпалу (1932).

б) По 2-й конституции, Г.с. — глава государства, избираемый народом на 5 лет и обладающий прямо-таки диктаторскими полномочиями. По закону о переходном времени, К.Пятс, бывший во время вхождения в силу новой конституции главой правительства, стал премьер-министром в обязанностях Г.с. до выборов. Используя чрезвычайные права Г.с., Пятс совершил 12 марта 1934 гос. переворот и остался далее у власти.

Государственный суд (Riigikohus) — высшая инстанция четырехступенчатой судебной системы Эстонии (участковые суды, окружные суды, Судебная палата и Государственный суд). Пред. Г.с. в 1920–40 был К.Партс.

Движение участников Освободительной войны (Vabadussõjalaste liikumine) (Союзы участников Осв. войны, Центральный союз участников Осв. войны). Основано в 1929 демобилизованными военными, которые в условиях начавшегося экономического кризиса должны были встать на защиту своих прав. Вначале много сторонников движения было и среди офицеров действительной службы (генералы Э.Пыддер и Й.Роска), которые по закону должны были уйти, когда в 1930 движение превратилось в политическую организацию, требовавшую радикальных изменений в гос. строе Эстонии. В 1930–34 руководителем движения был ген.-майор в отставке А.Ларка, а его заместителем и действительным вождем — молодой адвокат, мл. лейтенант запаса А.Сирк, участвовавший в Осв. войне школьником-добровольцем. Многие лозунги и методы были заимствованы у подобных движений в Финляндии и Германии; скоро стали принимать и так наз. поддерживающих членов, которые не участвовали в Осв. войне и среди которых было много темных элементов. В условиях экономического и обостряющегося внутривнутриполитического кризисов движение выросло, усилилось и смогло повлиять на народные массы так, что дважды (в авг. 1932 и в июне 1933) народом на референдумах был отклонен проект новой конституции, предлагавшийся потерявшим свой авторитет Гос. собранием. Вместо этих умеренных проектов Д.у.О.в. выдвинуло свой радикальный и авторитарный проект, который в окт. 1933 был принят народом (подавляющим большинством). Победив на референдуме, движение рассчитывало далее получить пост главы государства и большинство в парламенте и установить, таким образом, свою диктатуру. Кандидатами на намеченные весной 1934 выборы были выдвинуты от Д.у.О.в. ген. Ларка, от партий центра ген. Лайдонер, от аграриев К.Пятс и от социалистов А.Рей. Опасаясь возможной гражданской войны и умело используя свои новые полномочия, Пятс договорился с Лайдонером, ввел 12 марта 1934 осадное положение и закрыл все организации Д.у.О.в., активные деятели которого были арестованы. Окончательный удар движению был нанесен раскрытием так наз. заговора Кадака тээ (по названию ул. в Таллине); возможно, что при этом дело не обошлось без провокации со стороны администрации Пятса. После этого все руководители движения были приговорены военным судом к каторге. Сирк, бежавший в ноябре 1934 из Таллинской тюрьмы за границу, погиб при загадочных обстоятельствах в Люксембурге.

Закон об амнистии (Amnestiaseadus) — первый закон, принятый новым двухпалатным Гос. собранием и опубликованный в «Государственном вестнике» 6 мая 1938. Амнистировано было более 1200 лиц, среди них — все политические заключенные, кроме осужденных за шпионаж. Среди освобожденных из тюрем было много членов Движения участников Освободительной войны и еще больше (св. 100) коммунистов. Последним

этот необдуманный шаг Пятса дал возможность вновь организоваться в подполье, вступить в связь со своими центрами через советское представительство и развернуть активную деятельность, направленную против Эстонской Республики.

Закон о культурной автономии национальных меньшинств — был принят 2-м созывом Гос. собрания 5 февр. 1925. Согласно этому закону, нац. меньшинства численностью не менее 3000 чел. получили право создать органы культурного самоуправления для руководства нац. школами и прочих культурных целей. Эти органы могли быть таковы: избираемый членами нац. меньшинства культурный совет, созданное советом культурное управление и культурные куратории на местах. Так как Осн. закон в своих §12, 20-23 (эти положения были сохранены и в следующих конституциях) предусмотрел территориальную автономию нац. меньшинств в тех городах и волостях, где они составляли большинство населения, русские (32,6 тыс. чел., или 8,5% общего населения страны) и шведы (7,6 тыс. чел., или 0,7%), жившие плотной массой одни на восточной окраине Эстонии, другие на Западно-Эстонских о-вах, отдельных органов культурной автономии не создали. Законом от 5 февр. 1925 воспользовались только жившие рассеянно и преимущественно в городах немцы (16,3 тыс. чел.; 1,5%) и евреи (4,4 тыс. чел.; 0,4%). Остальные меньшинства (латыши, финны, цыгане и др.) имели численность менее 3 тыс. человек.

Немецкое культурное самоуправление прекратило свою деятельность осенью 1939, когда большинство немцев Прибалтики переселилось в Германию, органы еврейского самоуправления были ликвидированы советскими оккупантами летом 1940.

Закон об осадном положении (Kaitseseisekorre seadus) в окончательном виде дан декретом К.Пятса от 11 апр. 1938 (при этом отменен предыдущий закон 1930). Закон ограничивал некоторые основные права граждан и давал исключительные права военным и гражданским властям на территории, объявленной в осадном положении. После Осв. войны осадное положение все время сохранялось в пограничных волостях, на жел. дорогах и в столице — Таллине. На всю территорию Эстонии о.п. распространялось дважды — в 1924-25 и 1934-40. Коммунисты, критиковавшие о.п. как нарушение демократии, в июне 1940 сохранили закон об о.п. и широко применяли его (напр., для увольнения людей, находящихся на гос. службе) до августа того же года, когда СССР полностью аннексировал Эстонию.

Избирательное собрание (Valimiskogu) — по конституции 1937, орган, выбирающий временного президента Республики, если должность президента оказалась вакантной. Состоял из премьер-министра, главнокомандующего, председателей Гос. думы, Гос. совета и Гос. суда.

Конституция Республики (Vabariigi Põhiseadus):

а) 1-я К. была принята Учр. собранием 15 июня и вошла в силу 21 дек. 1920 (она заменила принятую тем же Собранием 4 июня 1919 времен-

ную К.) Так как в Учр. собрании левые партии были в большинстве (78 депутатов из 120), К. стала отражением их политических взглядов, сложившихся в условиях царского режима: в сильной исполнительной власти видели только зло. За образец была взята К. Швейцарии, но она была скопирована лишь частично, следствием стала сильная несбалансированность основных положений. Средоточием власти стал законодательный орган, от которого зависели исполнительная и судебная власть. Не была учреждена должность главы государства, хотя по этому вопросу и велись горячие споры. Из-за пропорциональной избирательной системы Гос. собрание сделалось слишком многопартийным (на выборах во 2-й созыв выступали 26 партий, из них 14 получили мандаты), почти все правительства были коалиционными и кратковременными. Эти серьезные недостатки не компенсировались введением в К. всех демократических прав и свобод, широким использованием референдумов и предоставлением места народной инициативе (любая группа численностью не менее 25000 чел. могла выступить с законопроектом и вынести его на всенародное голосование). Уже в начале 1920-х стали говорить о необходимости пересмотра К.

б) 2-я К. (или, вернее, исправленный вариант 1-й) была принята на референдуме 14-16 окт. 1933 и вошла в силу 24 янв. 1934. Одобренный народом проект явился прямой реакцией на недостатки прежней К.: на смену расхлябанности парламентской демократии пришла диктатура главы государства, превосходящая президентскую систему власти в области прав и полномочий главы гос-ва: он получал, напр., право устанавливать своим декретом гос. бюджет. Необдуманные статьи 2-й К. дали К.Пятсу возможность править страной почти 4 года без участия парламента.

в) 3-ю К. приняло 28 июля 1937 созванное Пятсом по решению плебисцита Нац. собрание (К. вошла в силу 1 янв. 1938), и это была почти ювелирная работа лучших эстонских юристов, отвечавшая всем требованиям заказчика. Гос. система стала гораздо сложнее, увеличилось число всяческих процедур и учреждений, но рычаги власти остались в руках президента, которым явно должен был стать Пятс. Сосредоточение власти в руках президента оказало в 1940 неплохую услугу оккупантам, которые, манипулируя президентскими декретами, пытались придать своему насилию видимость законности.

Крест Свободы (Vabadusrist) — единственный военный орден Эстонии (и до 1936 единственный орден вообще). Учрежден 24 февр. 1919, в первую годовщину независимости. Делился на равноправные классы след. образом: I класс — за военные заслуги, II — за личную храбрость и отвагу, III — за гражданские заслуги. Каждый класс делился на три степени. Орденом награждались участники Осв. войны — как эстонские граждане, так и иностранцы (соответственно 2078 и 1057 кавалеров) в течение периода 1920-25. Крест I/1 получили 11 эстонцев, III/1 — 17, II/2 — 29 (крестом II/1 не был награжден никто). Дважды кавалеров было 55: трижды — 9.

Народная партия (Rahvaerakond) основана под названием Эстонская народная партия прогресса Я.Тыниссоном и его единомышленниками (1905). Была первой эстонской политической партией. В 1917 переименована в Эст. демократическую, которая в 1919 объединилась с Радикально-демократической партией и Союзом крестьян Сев. Эстонии в Народную партию Эстонии. При своем основании в 1905 приняла общеполитическую платформу Рос. конституционно-демократической партии, потом ее идеология основывалась на принципах национализма, либерализма и демократизма; важное место занимала проповедь национального единства. Наибольшим влиянием пользовалась в Южной Эстонии, с центром в Тарту. Общеизвестным вождем партии был Яан Тыниссон, но авторитарность его характера мешала выдвижению других, более молодых лидеров, что в общем подрывало влияние партии. В 1932, перед выборами 5-го созыва Гос. собрания, объединилась с другими партиями центра в *Национальную партию центра*.

Национальная партия центра (Rahvuslik Keskerakond) — коалиционная партия, возникшая 29 янв. 1932 при объединении Эстонской народной партии с Трудовой, Христианской народной партиями и экономической фракцией (бывшая Партия домовладельцев), но оставшаяся в большей мере объединением парламентских фракций, нежели однородной политической организацией. Ее дальнейшим внутренним преобразованием помешал и запрет всех политических партий, последовавший 6 марта 1935, после чего она уже не могла выступать под своим именем. В 5-м созыве Гос. собрания была второй по величине партией (23 места из 100), в выборах в Нац. собрание не участвовала; в Гос. думе вокруг Я.Тыниссона собралась так наз. «демократическая рабочая группа», игравшая роль оппозиционной фракции (6 депутатов из 80).

Национальное собрание (Rahvuskogu). Законопроект о созыве Н.с., которое должно будет выработать новую Конституцию Республики, был вынесен на референдум 23-25 февр. 1936 по предложению К.Пятса. Законопроект получил одобрение народа, и 12-14 дек. 1936 были проведены выборы в 1-ю палату Н.С. Так как политические партии не были допущены к участию в выборах, почти все 80 депутатов оказались сторонниками правительства (в 50 округах выборы и не производились, ибо в каждом из них был выдвинут единственный кандидат). 40 членов 2-й палаты либо избраны органами местного и профессионального самоуправления, либо (10 членов) назначены Пятсом. При таком составе внутри Н.с. не возникло принципиальных разногласий, споры велись лишь по техническим вопросам. Н.с. заседало с 18 февр. по 17 авг. 1937; приняло конституцию, закон о выборах, закон о переходном периоде. Заметим, что в то же время формально не были прекращены полномочия 5-го созыва Гос. собрания (это произошло только 1 янв. 1938, в день вхождения в силу новой Конституции).

Оборонный союз (Kaitseliit) — добровольная военизированная организация, основанная 11 ноября 1918 по инициативе Й.Питки и Э.Пыддера на базе возникшей в 1917 аналогичной организации «Самооборона»

(во время немецкой оккупации 1918 находившейся в подполье). О.с. сыграл значительную роль в Осв. войне, в 1920-24 почти не действовал. После коммунистического мятежа (1 дек. 1924) был в нач. 1925 воссоздан и реорганизован. Состоял из уездных и городских дружин, делившихся на батальоны (поддружины), роты и т.д. Начальником О.с. в 1925-40 был ген.-майор Йоханнес Орасмаа (Роска). В 1940 в составе О.с. насчитывалось 42 600 обученных добровольцев; кроме того, существовали организации «Женская защита родины» (16 000 женщин), «Юные орлы» (19 800 юношей), «Дочери родины» (20 000 девушек). Имеются сведения, что перед оккупацией Эстонии советских руководителей тревожила не столько армия Эстонии, сколько О.с. с его территориальной структурой и порядком хранения боевого оружия дома. Поэтому в числе первых требований оккупационных властей были разоружение и роспуск О.с.; постановление об этом опубликовано 27 июня — и, начиная со следующего дня, О.с. был в кратчайший срок ликвидирован. В 1941-44 восстановленный О.с. существовал под названием «Самооборона» (Omakaitse), сохранял прежние мундиры и структуру, но был подчинен немецким властям.

Освободительная война (Vabadussõda) 1918-20 началась 28 ноября 1918 вторжением Красной армии в Эстонию. Эстонские силы обороны были в тот момент (17 дней после окончания немецкой оккупации) малочисленны и плохо вооружены. Только то обстоятельство, что красные испытывали те же трудности, спасло Эстонию от полной оккупации, но к началу янв. 1919 половина территории была захвачена неприятелем, части которого находились в 30 км от Таллина. Медленность наступления дала Временному правительству время организовать: 29 ноября была объявлена всеобщая мобилизация: были образованы отборные добровольческие части, построены первые бронепоезда, пресечены диверсионные действия большевиков в тылу. 12 декабря в Таллинскую бухту прибыла английская эскадра, доставившая оружие и боеприпасы, 23 дек. был назначен главнокомандующим полковник Й.Лайдонер, в начале января прибыли первые финские добровольцы. 7 янв. 1919 началось эстонское контрнаступление, и в течение месяца вся территория Эстонии была освобождена, а боевые действия перенесены в Латвию и Сев.-Зап. Россию. В Латвии Эстонская армия поддержала национальное правительство К.Улманиса, свергнутое в апреле 1919 немецким Балтийским ландесвером, который начал летом продвижение в сторону Эстонии. В июне 1919 под Цесисом немцы были полностью разбиты объединенными эстонско-латышскими силами. В России эстонцы помогли Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, которая была сформирована в Эстонии. Эст. части участвовали в обоих походах Юденича на Петроград, хотя и без особой охоты, т.к. белые и не помышляли о признании независимости Эстонии (образованное в Таллине так наз. Северо-Западное правительство сделало это под нажимом союзников, но военные не поддержали этого акта). С признанием Эстонии медлила также Парижская мирная конференция (хотя от европейских союзников признание de facto было получено уже в 1918), и т.к. проявлявшее большую гибкость Советское правительство обратилось к Эстонии с предложениями о мире, кабинет Я.Тыннисона

решил в ноябре эти предложения принять и начать мирные переговоры. Когда переговоры в Тарту уже велись, Эст. армии пришлось отразить в декабре три крупных наступления красных, пытавшихся таким образом повлиять на ход переговоров. Соглашение о перемирии было подписано 31 дек. 1919 и вступило в силу 3 янв. 1920. Под ружьем в период О.в. в Эстонии было около 100 000 чел., погибло в боях 5 000, ранено 12 000.

Отечественный союз (Jsamaaliit) — основанная 7 марта 1935 (на след. день после запрещения деятельности всех политических партий) правительственная организация, которая по идее должна была стать гос. партией для укрепления власти К.Пятса. Все же как партия на выборах не выступала, и деятельность О.с. не оказала большого влияния на общественную жизнь. Принадлежность к О.с. стала негласным обязательным требованием для всех работников гос. аппарата. Пред. О.с. — О.А. Суурсезт (1935-37), Ю.Улуотс (1937-40).

Палаты профессиональные (Kitsekojad) — публично-правовые органы самоуправления профессиональных групп, призванные вытеснить более или менее политизированные профсоюзы. Первой п.п. была основанная уже в 1924 Палата торговли и промышленности; в 1931 учреждена Палата земледелия. Инициатором обеих этих палат был К.Пятс, и после его прихода к власти в 1934 были основаны как полуправительственные учреждения все остальные проф. палаты: П. агрономов, П. врачей, П. служащих частных предприятий, П. инженеров, П. рыболовства, П. домашнего хозяйства, П. ремесленников, П. ветеринарных врачей, П. сельских рабочих и мелких землевладельцев, П. домовладельцев, П. молочного производства, П. фармацевтов, П. рабочих, П. учителей и П. кооперации. Было намерение основать и Палату культуры, но из этого ничего не вышло. *

Партия новопоселенцев (Asunike erakond; полное название — Партия новопоселенцев, казенных арендаторов и мелких землевладельцев). Одним из важнейших мероприятий Учр. собрания был принятый 10 окт. 1919 Закон о земле, по которому национализировались все земли, принадлежавшие дворянским имениям, российской казне и церквям (всего 2,3 млн га). На этих землях, по проведенной в спешном порядке земельной реформе, было основано 55 тыс. новых хуторов, хозяевами стали 22 тыс. бывших арендаторов, добавочную землю получила 21 тыс. мелких хозяйств. Они должны были выкупить землю у государства за умеренную плату, участники Осв. войны получили землю бесплатно. Эти так наз. «младокрестьяне» вначале поддерживали левые партии (особенно Трудовую партию), а перед выборами во 2-й созыв Гос. собрания выступили самостоятельной П.н., которая на следующих выборах получила уже 13,5% голосов. В начале 1932 П.н. объединилась с *Аграрной партией*, с которой до той поры у нее имелись сильные разногласия по многим вопросам (впрочем, новая партия пережила раскол уже в 1933). Лидерами П.н. были О.Кэстер, Р.Пенно, О.Тииф, К.Соонпя.

Правительство Республики (Vabariigi Valitsus) — официальное название высшего органа исполнительной власти после Временного правительства. Состояло из премьер-министра (в 1920-34 — *гос. старейшины*) и 7-12 министров. Главами П.Р., кроме гос. старейшин, были О.Страндман (май — ноябрь 1919), Я.Тыниссон (1919-20), а позже — К.Энпалу (1938-39; в 1934-38 — зам. премьера) и Ю.Улуотс (1939-40).

Президент Республики (Vabariigi President) — по Конституции 1938, глава государства, обладавший весьма обширными полномочиями. Должен был избираться на 6 лет народом, но право выдвижения кандидатов имели не политические партии, а (по одному кандидату) Гос. дума, Гос. совет и специально для этой цели созываемое Собрание представителей сельских и городских самоуправлений (120 членов). В случае выдвижения ими одного и того же кандидата общенародные выборы заменялись голосованием на совместном заседании всех трех названных органов, где кандидату надлежало для избрания получить не менее 3/5 голосов. На таком собрании выборщиков 24 апр. 1938 единственный кандидат К.Пятс получил 219 голосов «за» и 19 «против».

Тартуский мирный договор (Tartu rahuleping) между Советской Россией и Эстонской Республикой подписан 2 февр. 1920. Для обеих сторон был первым мирным договором и признанием *de jure*. Договор установил восточную границу Эстонии (в основном по линии фронта). Россия признала на вечные времена независимость и самостоятельность Эстонии, отказалась от всех бывших прав и притязаний, получила для своей торговли транзит через Эстонию и уступила из своего золотого фонда 15 млн золотых рублей. Все военные формирования, враждебные другой стороне, согласно договору, распускались, враждебная пропаганда и враждебная деятельность запрещались. Договор подписали со стороны Эстонии зам. министра иностранных дел Яан Поска, со стороны Советской России Адольф Иоффе. Вскоре после заключения договора советская пресса охарактеризовала его как «необходимую передышку».

Трудовая партия (Töberakond) основана летом 1917 под руководством Ю.Вильмса и вначале называлась радикально-социалистической. В своей идеологии опиралась на программы русск. трудящихся и английск. лейбористов и в первые годы независимости пользовалась большим влиянием как немарксистская социалистическая партия (25% в Учр. собрании). Впоследствии стала одной из умеренных партий центра и объединилась в начале 1932 с другими в *Национальную партию центра*. Т.п. осталась без своего влиятельного вождя в 1918 (Юри Вильмс, член Комитета спасения, зам. премьера и министр юстиции Временного правительства, был 13 апр. убит немецкими военными в Финляндии на пути в Швецию). Позже лидерами Т.п. были: О.Страндман, А.Пийп и Ю.Сельямаа.

Учредительное собрание (Asutav Kogu). Первые выборы в У.с. Эстонии происходили в январе 1918, но находившиеся у власти большевики прервали их, когда стало видно, что они не получают абсолютного большинства. Повторные выборы состоялись в апреле 1919, в разгар Осв.

войны, и 24 апреля У.с. было торжественно открыто. 120 депутатов распределялись по партиям следующим образом: социал-демократы — 41, трудовики — 30, народная партия — 25, аграрии — 8, социалисты-революционеры — 7, христианская народная партия — 5, немецкая партия в Эстонии — 3, собрание русских граждан — 1 (малочисленность русского представительства объясняется тем, что основные районы русского расселения в Эстонии находились за линией фронта). Пред. У.с. был избран социал-демократ А.Рей. У.с. приняло декларацию о независимости (19 мая 1919) и первую Конституцию Эстонии (15 июня 1920). Перевес левых партий в У.с. наложил свой отпечаток на принятые им законы (кроме названных, важнейшими из них явились Закон о земле, Закон о начальных школах, Закон об отмене сословий).

Эстонская социалистическая рабочая партия (Eesti Sotsialistlik Tööliste Partei) возникла при объединении Эстонской с.-д. рабочей партии и Эстонской независимой социалистической рабочей партии в апреле 1925. Первая из них, ЭСДРП, основана весной 1917 эстонскими меньшевиками (А.Рей, М.Мартна, Т.Аст, К.Аст), первоначально (до октября) называлась Эстонским с.-д. объединением. В Учр. собрании была крупнейшей партией, затем от выборов к выборам (в Гос. собрание) теряла влияние. Вторая из объединившихся в 1925 партий возникла весной 1920, когда Эстонская партия социалистов-революционеров (отколовшаяся осенью 1917 от Российской ПСР) соединилась с частью левых соц.-демократов. Инфильтрация коммунистов в ЭНСРП способствовала ее расколу в 1922 (прокоммунистич. большинство приняло название Эстонской партии трудового народа). Объединенная ЭСРП (член Социалистического интернационала с 1919 по сей день) осталась единственной легальной марксистской партией и имела постоянно около 20% мест в Гос. собрании. Во время конституционного кризиса последовательно боролась за сохранение прежней конституции.

ЭТК (сокращение от Eesti Tarvitajateühisuste Keskühisus, Центральное объединение потребительских обществ Эстонии) — основанная в 1917 крупнейшая кооперативная организация Эстонии, объединившая около 200 потребительских обществ и имевшая свои торговые и промышленные предприятия. ЭТК ликвидировано в 1940, действовало вновь в 1941-44.

***К ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ***

Е.М. ТИМОФЕЕВ И ДРУГИЕ ЧЛЕНЫ ЦК ПСР ПОСЛЕ ПРОЦЕССА 1922 г.

Публикация Марка Янсена

После октябрьского переворота 1917 г. большевики запретили партию социалистов-революционеров, как и другие оппозиционные партии. Члены ее ЦК были арестованы, и с 8 июня по 7 августа 1922 г. в Москве в Доме Союзов над ними проходил суд, ставший крупнейшим политическим процессом ленинского периода советской истории. В качестве обвиняемых на нем предстали двенадцать членов ЦК (А.Р. Гоц, Е.М. Тимофеев и др.) и десять активистов-эсеров (принадлежавших к так называемой «первой группе»). Среди подсудимых были также двенадцать бывших членов ПСР («вторая группа»), роль которых на процессе сводилась к поддержке обвинения, выдвинутого против социалистов-революционеров первой группы. Все они были оправданы. Что же касается подсудимых первой группы, то 12 из них были приговорены к смертной казни и 10 — к различным срокам тюремного заключения. Председателем суда выступал Г.Л. Пятаков, общественным обвинителем — Н.В. Крыленко, которому помогали А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, Клара Цеткин и др. Среди защитников второй группы подсудимых находился и Н.И. Бухарин. Обвиняемых первой группы защищали Е.Вандервельде, К.Розенфельд и Т.Либкнехт (из Второго и Венского Интернационалов), а также Н.К. Муравьев, А.С. Тагер, В.А. Жданов и другие русские адвокаты*.

В 1966 г. в «Письме к старому другу», сравнивая суд над социалистами-революционерами («легендарные уже герои революционной России») с более поздними политическими процессами в Советском Союзе, В.Т. Шаламов пришел к следующему выводу: «Только правые эсеры уходили из зала суда не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...»**

* M.Jansen. *A SHOW TRIAL UNDER LENIN: THE TRIAL OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARIES, MOSCOW 1922*. The Hague, 1982.

** БЕЛАЯ КНИГА ПО ДЕЛУ А.СИНЯВСКОГО И Ю.ДАНИЭЛЯ. Франкфурт, 1967, с.406. Авторство Шаламова указано А.Гинзбургом в «Русской мысли» от 14 февраля 1986 г.

После процесса постановлением Президиума ВЦИК исполнение смертного приговора для двенадцати осужденных было приостановлено и поставлено в зависимость от поведения находившихся на свободе членов партии социалистов-революционеров. В 1924 г. Президиум ЦИК заменил им смертную казнь тюремным заключением. В середине 1920-х эсеры, осужденные на процессе 1922 г., были освобождены из Бутырской тюрьмы и высланы в различные отдаленные города Советского Союза. Е.М. Тимофеев был отправлен в Казахстан, в гор. Уральск, а в 1929-м ему разрешили перебраться в Казань.

Евгений Михайлович Тимофеев (1885-1941) родился в семье Михаила Акимовича (1854 — после 1929) и Неонилы Гавриловны (умерла в 1922 или 1923 г. во Владивостоке) Тимофеевых. Отец его был народовольцем, членом Общества народного освобождения. В сентябре 1881 г. военно-полевой суд в Курске приговорил его к ссылке в Восточную Сибирь* по делу «кружка яковинцев».

Е.М. Тимофеев вступил в партию социалистов-революционеров в начале века; вскоре был арестован за «террористическую деятельность» и приговорен к пяти годам каторги, которую отбывал в Александровском центре близ Иркутска. Там же отбывал срок в эти годы и В.С. Войтинский. В 1910-х Тимофеев был постоянным старостой политических заключенных Александровского центра. С 1913-го он активно участвует в самостоятельных военных курсах, созданных им среди заключенных; пишет статьи на военные темы в сибирской периодической печати. В 1915-16 постоянно сотрудничает (под псевдонимом) в газете «Сибирь». Перед самым концом срока власти обвинили Тимофеева в том, что он из заключения руководил деятельностью иркутской организации ПСР, и приговорили его к новому десятилетнему сроку. Однако годом позже февральская революция 1917 г. открыла перед ним двери тюрьмы. С этого момента Тимофеев возглавляет Иркутский Совет**.

В декабре 1917 г. Е.М. Тимофеева избирают в члены ЦК ПСР. Он руководит антибольшевистской деятельностью эсеров в Петрограде и Москве. В 1920-м его арестовывают и заключают в Бутырскую тюрьму, в 1922-м на процессе ПСР — выставляют одним из главных обвиняемых «первой группы» и приговаривают к смертной казни.

В 1925 г. Е.М. Тимофеев выслан в Среднюю Азию, в гор. Коканд, однако уже через месяц после прибытия туда его опять арестовывают, приговаривают к двум годам тюремного заключения и перевозят в Москву, на этот раз в Лубянскую тюрьму. После длительной голодовки протеста Тимофеева вновь освобождают и высылают, теперь в Казахстан, в город Уральск. Там он работает в местном Губплане, занимается экономической и археологией, активно участвует в Обществе по изучению Казахстана. В 1926-28 гг. Тимофеев выпустил несколько монографий, посвященных исследованию местного крестьянского хозяйства, где рекомендовал кон-

* М.А. Тимофеев. *ПЕРЕЖИТОЕ: ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ*. — «Каторга и ссылка», №57-58 (1929), с.94-117.

** *МИНУВШЕЕ*. Исторический альманах, т.2, Париж, 1986, с.44; E.S. Woytinsky. *TWO LIVES IN ONE*. New York, 1965, p.18-19.

кретные пути экономического регулирования сельского хозяйства в интересах беднейших слоев населения*.

В 1929 году Тимофееву разрешают изменить место ссылки и переехать в Казань. Оттуда ему удалось отправить несколько писем в Берлин своим старым друзьям В.С. и Э.С. Войтинским. Тимофеев адресовал их Эмме Шадхан (девичья фамилия Э.С. Войтинской). Эти письма хранятся сегодня в архиве Б.И. Николаевского в Hoover Institution в Стенфорде (Калифорния).

В начале 1930-х Тимофеева отправляют в более отдаленное место ссылки — в Самарканд. Там он работает экономистом, печатает работы по гидрологии края. До 1936 г. он написал более 10 исследований**.

Одновременно с Е.М. Тимофеевым ссылку в Самарканде отбывала и М.Л. Свирская — автор воспоминаний, помещенных в первом разделе настоящего выпуска альманаха. В письме к публикатору от 26 апреля 1978 г. она рассказывает об обстоятельствах жизни Тимофеева в Самарканде, о его последующем аресте и заключении в Бутырской тюрьме в 1936-м, а также о судьбах других социалистов-революционеров, проходивших по процессу 1922 г. Е.М. Тимофеев был, по-видимому, расстрелян в 1941 г.***

Письмо М.Л. Свирской, а также некоторые документы партии социалистов-революционеров, отражающие позицию ПСР в 1917-22 гг., публикуются вслед за письмами Е.М. Тимофеева к Войтинским.

1

Казань, 22-3-1929 г.

Тронут и поражен и, если хотите, смущен, дорогие друзья¹, вашим презентом². Слишком обильно и как-то уж скоропалительно быстро. Приношу свою благодарность самую глубокую. Фолианты ваши будут моими неразлучными спутниками отныне. Они водружены уже на письмен[ном] столе. Правда, рядом с ними красуется К.Прутков. Но это мой постоянный спутник, ибо барон фон Гринвальдус³ своего поэта оставить не может хотя бы для того, чтобы всегда помнить, что «легче держать вожжи, чем бразды правления».

Ну, это так. Хвалить работы вашей не стану. Она и так всеми уже расхвалена. Но я только теперь понимаю те восторженные отзывы, которые приходилось читать. Каюсь, я забыл уже, что

* МИНУВШЕЕ, вып.2, с.44-45.

** Там же., с.45; «Революционная Россия», №77-78, с.30; M.Jansen, op.cit., p.180-181.

*** WHO WAS WHO IN THE USSR. Metuchen, N.J., 1972.

Вл[адимир] Сав[ельевич] экономист и все такое прочее. Помнится то, что ближе — психологические очерки, полубеллетристика, публицистика и т[ак] д[алеко]. А «рынок», например, из памяти уже вышибло. Но оказывается, что «всегда возвращаются к своей первой любви», и на этот раз возврат более чем удачен. Поздравляю и Arbeiter'a и Mitarbeiterin. (Вы, наверное, отвыкли уже от такого пользования немецким!)

Как живете и как носите себя? Ходили слухи, что Эм[ма] Сав[ельевна] была сильно больна. Так ли это? Вообще, как протекает ваша повседневная жизнь, о которой в газетах не пишут и за которую не ругают? Вам ведь есть что написать. Не то, что нам, многогрешным. Начнешь писать, потом вспоминаешь, что об этом не то Кеннан, не то еще Герцен, а может быть и протопоп Аввакум писали. Хотя, пожалуй, из них трех Герценовские описания будут наиболее подходящими. Ибо, после метаний, бросаний, взлетов и падений, служим, а в остальное свободное от занятий время, не умея увлекаться преферансом, шевелим книжки и наблюдаем. Наш исторический прообраз Верньо⁴ мечтал в стихах о прелести лежания на берегу реки и созерцания ее течения. Эта мечта через четыре поколения реализована полностью. Должен сказать, что занятие не из плохих и не из бесполезных. Во всяком случае, на этом берегу я не чувствую себя «на реках Вавилонских». Думаю, что это уже достижение (это ходовые слова теперь).

Физически, конечно, немного сдали. Годы ведь идут и назад не возвращаются. Но, оценивая все объективно, можно быть, пожалуй, удовлетворенным. Инвалидности нет. Из явлений текущей действительности меня и в особенности Абрама⁵ больше всего занимают проблемы планового хозяйства. Три года я практически на этом деле просидел и даже открыл ряд Америк, которые, разумеется, своих Колумбов давно уже имеют. Но в общем от общественных вопросов отстали здорово. Где же в медвежьих углах угнаться за мировой литературой.

Половинка моя⁶ тоже в общем в прежнем виде. Одно время моталась она и все ей подобные здорово. Теперь отдыхает, но ругательски ругается, что в первый раз в жизни попала на положение жены и домашней хозяйки. Между прочим, в нашей бессловной стране это состояние безусловно принимает какой-то сословный характер, со своими правами и обязанностями.

Переезд в Казань обещает приобщение к культурному миру. Посмотрим, что выйдет. А пока живем все так же, как жили и в степях Казахстана — на отрубе и самодовлеюще.

Будьте здоровы и черкните пару слов, если не лень. Давно ничего не было из ваших стран. Каждая весточка дорога и интересна. Крепко жму вам обоим руки.

Ваш Е. Т.

Ст[ася] Павл[овна] шлет свои приветы. Кланяйтесь всем.

2

Казань, 11-5-1929 г.

Вчера пришло ваше письмо, дорогие друзья, а накануне получены последние три тома ваших творений⁷, Теперь «auf meinem Tische habe ich die ganze Welt» — какой-то из немецких писателей так или примерно так изволил однажды выразиться. Спросите у Бинштока⁸, — он немцев «превзошел» всех. Спасибо вам еще и еще. Надеюсь, что когда-нибудь тоже разрешусь фолиантами — тогда отплачу! Воспоминаний ваших⁹ не читал. Вы ошибаетесь по-моему зело, думая о их нахождении у нас. Я читал лишь отзвы на них и выдержки из них. Наиболее полные попали в «l'Europe nouvelle». Судя по этим рецензиям и выдержкам, Вам и мемуары удались не в пример многим прочим. Каюсь, меня тоже тянет застесь за этого рода литературу. Но все сдерживаю — не желаю стариться!.. Серьезно говоря, не пишется, когда не знаешь, когда и где будешь печатать. Я в этом отношении испорченный человек, — пишу, лишь имея посыльного из типографии. Но мемуары дело неважное. Был бы умнее дневник. В этом отношении я да Ст[ася] Павл[овна] все время чувствуем просто потери ценнейшего бытового исторического материала. Если бы записывать даже одни анекдоты, которые у нас рождаются ежедневно сотнями, то это был бы клад для будущей культурной истории революции. Но где и как в нашем положении сие делать. Поэтому приходится про-бавляться больше такими делами, как археология. Сие вполне невинно и никому от нее ни жарко, ни холодно. Будучи в Уральске, мы кое-какие курганчики пошевелили. И князь Святослав, из черепа которого печенег сделал себе чару для вина, сейчас может почитаться отмщенным. У нас пепельницы все из сарматских черепушек... Но это шутки. На деле удалось открыть и наладить в местном музее археологический отдел, два года которым и заведовал. Здесь, в Казани, пока что еще не приткнулся ни к чему. «Ходим по асфальту». Это занятие, после трех лет борьбы с непролазной грязью, более чем приятное. Остальные тоже заняты

более граниением тротуаров. Абраша¹⁰ живет по соседству, в Симбирске, и двигает пятилетки по части местной промышленности. Мишка¹¹ (его зовут «шишигой»!¹²) бороду здорово растерял, — повылезла. Благоденствует в Пензе, кажется, служит по финансовому ведомству, но занят подобно мне археологией. (Адрес пришлю, когда найду, стыдно сказать — затерял.) Остальные тоже «каждый во граде своем» благоденствуют («бо молчат», — говорил Шевченко). Вот, недавно нас постигло несчастье — умер Фл[ориан] Фл[орианович]¹³. Глупейшая история. В бане упал и разом оцарапал руку. Началось заражение крови, и в конечном счете этот колосс умер от пустой царапины. Мысль до сих пор не может примириться с этим фактом... Александровцев¹⁴ вообще я растерял. Интересно отметить, что о нашей каторге почти ничего и не пишется. Ужасов у нас не было или почти не было. Что же писать? Думаю, что только будущий историк, копаясь в истоках революции, натолкнется и на нашу обитель и вытащит на свет божий все вплоть до вашего домика. А хорошо он был расположен!..

Насчет того, что Вы представляете нас отчетливо, — думаю, что ошибаетесь. Прошли «счастливые дни Аранжуеса». Юношей уже нет. Спины казацкие еще не гнутся и взоры не потухли, но головы здорово седы (а у меня так просто белая), да и чело морщинами изборождено, как ваш Тироль¹⁵ хребтами и долинами. Однако, сохранились лучше, пожалуй, чем можно ожидать. Шутки шутками, а отбарабанили мы с Абрамом в общей сложности — он лет 15, а я так и целых 17, да еще с хвостиком. В таких случаях полагается быть уже «ветераном», которого в дом отдыха помещают, ну а мы об этом и не думаем. У меня вот даже отец¹⁶ еще жив и бодр, хотя ту же карьеру начал еще с 1895 года. Очевидно, подбор, отбор и все такое прочее. Ну, будьте здоровы. Пишите. Приветы друзьям. Не именую их, но всех помню и часто о всех думаю.

Ваш Е.Т.

Примите и мой привет Вам обоим.

С.Т.

3

Казань, 18-11-1929 г.

Спасибо, дорогой Савельевич, за память и карточки. Посланный Вами календарь (очень и очень хорош, хотя местами сочетание красок недостаточно резко) также получил. Снимки велико-

лепны. Но только что это Вас все в ледники гонит? Неужели такие горячие стали. Мы вот на старости лет, наоборот, мечтаем о солнце и тепле, все время стремимся на юг и... неукоснительно перемещаемся на север. Фатум...

Однако здорово Вы, друзья, посolidнели в комплекции. Эм[ма] Сав[ельевна], наоборот, что-то сдала. Или это aberrация. Помню ее еще в старинных туалетах, придававших вес, а теперь пошла ведь другая мода. Чтобы Вы не забыли о старине, шлю Вам нашу карточку. Уральскую. На ней красуется наша вилла и на переднем плане мастодонтистая фигура владелицы этойвиллы в старинном казачьем сарафане. Мы ее поместили в картину «для ради» этнографического интереса. Костюм ее даже из парчи. Ан[астасия] Павл[овна] в комментариях не нуждается, а о себе должен сказать лишь, что отсутствие волос на голове вовсе не означает их исчезновения, а знаменует лишь летнюю стрижку. В этом крае летом стригут овец, верблюдов и... людей.

Книжек Вам не шлю, пока не получу от Бориса¹⁷ сообщения, что он получил мою. Что-то я запутался с этой почтой!

Наша жизнь, которой вы интересуетесь? Наверное и объективно это интересно или, во всяком случае, будет интересно для историка. Но писать о ней почти нечего. Служба, но как ее запишешь, если вообще служить не привык. В целом сводится она к конъюнктурным писаниям и временами небольшим исследовательским работам, плоды которых изредка появляются и тощими брошюрками. Дальше идет чтение. Серьезно — это у нас основное занятие. Как видите, мы далеки от фаустовского — «в начале было дело». У нас в начале и в конце книга, при этом по преимуществу старая книга. За новой литературой нашей, в особенности экономической, не гонюсь. Вас она наверное здорово интересуется, а нас так нет. С удовольствием читаешь то, что попадает из ваших стран. Вот недавно только проглотил Naphtali¹⁸ (проглотил и подавился вопросом, — неужели это все?). Естественно бы было, много читая, во всяком случае если не много, то порядочно писать. Увы, ничего почти не пишу. Не могу писать, ежели знаю, что в типографии рукописи не ждут. Писать и мариновать писанное нет никакого смысла. А посему решишь себя. Конечно, видим и людей, но исключительно себе подобных. В целом беседы и времяпрепровождение аналогичны тому, что было и [в] вашем домике на горке. Вы скажете, — скучно. И да и нет. Очень уж любопытна вся жизнь в целом, чтобы скучать. В конце концов в течение дня проглатываешь столько событий, что раньше бы их на год хватило. Но вместе с тем наша восприимчивость притуплена, и поэтому временами, когда забываешь об истории, кажется все

нудным и однообразным. Но так как терять историческое чувство не полагается, то такие минуты бывают редки. Вообще же — *vive la vie!* А по-русски это переводится — крутимся, и слава аллаху! Ну, будьте здоровы и не забывайте нас. Приветы сердечные всем друзьям. Цветите оба и примите наши приветствия от обоих же.

Ваш Е.Т.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владимир Савельевич Войтинский (1885-1960) во время революции 1905-1907 был большевистским агитатором в Петербурге, председателем Совета безработных. Арестован и в 1908 г. приговорен к четырем годам каторги, которую отбывал в Екатеринославской тюрьме, затем (с 1910) — в Александровском центральном. С 1912 находился в ссылке в Иркутске. Здесь в годы Первой мировой войны сблизился с И.Г. Церетели и принял активное участие в его сибирской группе, стоявшей на платформе Циммервальда и провозглашавшей умеренный интернационализм. После февральской революции 1917 г. присоединился к меньшевистской партии, был главным редактором петроградских «Известий», с августа комиссаром Совета 12-й армии, расквартированной возле Риги. После большевистского октябрьского переворота находился в Грузии и сотрудничал с независимым грузинским правительством до его падения в 1921 г. Затем эмигрировал сначала в Германию, позднее (в 1935) в США, где работал экономистом и статистиком для различных правительственных организаций и вел широкую публицистическую деятельность.

Во время иркутской ссылки познакомился с Эммой Савельевной Шадхан (1893-1969), ставшей его женой.

² Возможно, *DIE WELT IN ZAHLEN*, Berlin, 1924-1928 — семитомная статистическая энциклопедия, подготовленная Войтинским при участии его жены. См. прим.7.

³ См.: *НЕМЕЦКАЯ БАЛЛАДА. — СОЧИНЕНИЯ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА*, М., 1960, с.46.

⁴ Pierre Victurnien Vergniaud (1753-1793), деятель французской революции, один из руководителей жирондистов. Казнен по приговору Революционного трибунала.

⁵ Абрам Рафаилович Гоц (1882-1940?) — внук оптового торговца чаем Вульфа Высоцкого (1824-1904); его отец, Рафаил Гоц, женился на дочери Высоцкого и вошел партнером в торговую фирму своего тестя. Брат А.Р. Гоца — Михаил Рафаилович Гоц (1866-1906) являлся одним из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров. Сам А.Р. Гоц вступил в ПСР позднее; с 1906 — активный член БО ПСР. В 1907 г. аресто-

ван, приговорен к восьми годам каторги. После февральской революции 1917 г. был одним из руководителей петроградского Совета. Член ЦК ПСР. В 1917-1920 являлся одним из руководителей партийной работы, оппозиционной к большевистскому режиму. Арестован в 1920 г., в 1922 г. судим и приговорен к смертной казни (см. Предисловие).

После отбытия тюремного срока, в середине 1920-х гг. А.Р. Гоц был выслан в Ульяновск (Симбирск), где работал плановиком в местных промышленных организациях. Виктор Серж, рассказывая в своих мемуарах о ссылке Гоца, отмечает, что «работая в системе финансов, он пользовался немалой властью» (V.Serge. *MEMOIRES D'UN REVOLUTIONNAIRE, 1901-1941*. Paris, 1978, p.175). Оставаясь ссыльным, Гоц был обязан ежедневно отмечаться в ГПУ (Б.И.Николаевский — В.М.Чернову, 16.06.1928. — Архив В.М. Чернова, папка 14, International Institute of Social History, Амстердам). Позднее, в 1930-х, в эсеровской корреспонденции сообщается об «операции и последующей длительной болезни Абрама Рафаиловича» (В.И.Литкенс — Б.Б.Мерингу, Ростов-на-Дону, 17.11.1930. — Архив Б.Б.Меринга, International Institute of Social History, Амстердам).

Волна репрессий начала 1930-х гг. забросила А.Р. Гоца в Семипалатинск («Революционная Россия», №77-78, с.30). Впоследствии его перевели в Алма-Ату (Казахстан), где он вновь работает плановиком вплоть до своего последнего ареста. Несколько фотографий Гоца, снятого вместе с семьей в Алма-Ате, хранятся в архиве Б.И. Николаевского в Гуверовском институте Стенфорда (Калифорния).

Время от времени друзья, находившиеся за пределами Советского Союза, получали тревожные слухи о положении Гоца и его семьи. Например, в конце 1930-х гг. Л.В. Архангельская писала Войтинским: «Недавно страшно были взволнованы, что Сар[ра] Н[иколаевна] [урожд. Рабинович, жена Гоца, детский врач по профессии] осталась снова одна, но как будто бы [всё] обстоит благополучно. Дети их — старший Миша окончил архитектором, и Оля в Мос[кве] на меди[цинском факультете]. С.Н. физически себя неважно чувствует, болезнь сердца. Муж ее молодцом, много работает, над чем, хорошенько не знаю. С детьми живут очень дружно» (Л.Архангельская — В. и Э. Войтинским, б/д. — Архив В.С. Войтинского, папка 1, International Institute of Social History, Амстердам).

Существует два рассказа о смерти А.Р. Гоца. Первый принадлежит одному из западных социалистов, освобожденных в 1945 г. из советского заключения. Он сообщает не только о Гоце, но и о меньшевике Марке Либере. По этой версии, после ареста в июле 1937 г. Гоц и Либер были помещены в алма-атинскую тюрьму, где находились в одной камере с рассказчиком. Их подвергали бесчеловечным пыткам и в конце концов вырвали у них признание в контрреволюционной деятельности, направленной на свержение советского режима. Это признание оба подследственных подписали в тщетной надежде спасти этой ценой от гибели хотя бы членов своих семей. Безо всякого процесса Особое совещание НКВД в Москве приговорило обоих к смертной казни и они были расстреляны в ноябре 1937 г. По мнению информанта, признания, вырванные у Гоца и Либера, ни в чем не умаляют образа этих революционеров, до самого конца со-

хранивших веру в лучшее будущее и оставшихся преданными своим идеалам. Особое впечатление произвело на рассказчика то, что, прощаясь со своим сокамерником, Гоц и Либер просили его, если он когда-нибудь выйдет на свободу, — сообщить их товарищам по партии, что они не сдались и до самого конца не предали своих идеалов. «Передайте всем нашим друзьям привет и скажите им, что мы всегда с гордостью носили имя революционеров, но как ни тяжело нам, когда нас клеймят контрреволюционерами, мы знаем, что история вынесет нам иной приговор. Может быть, народ сейчас и поверит всему тому, что о нас говорит власть: Сталину удалось воспитать поколение ослепленных и введенных в заблуждение людей, в этом его сила. Но придет для России и для всего мира лучшее время, и тогда история нас рассудит» («За свободу», №18, с.121-123; «Социалистический вестник», 1947, №10, с.201).

Сарра Николаевна Гоц сделала все возможное, пытаясь спасти своего мужа, однако, единственное, чего она смогла добиться, — было тюремное свидание с ним. Гоц настолько изменился, что в первый момент она просто не узнала его. Сарра Гоц была также арестована осенью 1937 г. и отправлена в Карагандинские лагеря. Их сын Михаил, по имеющимся сведениям, отбывал заключение в Колымских лагерях.

Существует и другой рассказ, который в значительной степени расходится с первым, или по крайней мере уточняет его в том, что касается даты смерти Гоца. По этой второй версии, он дожил до 1939 г. Именно в это время автор рассказа находился в Бутырской тюрьме вместе с членом ЦК ПСР Михаилом Гендельманом (см. сноску 13 к письму Свирской). Гендельман сообщил рассказчику, что в апреле следователи устроили ему очную ставку с Гоцем, пытаясь организовать на материалах этой ставки очередной политический процесс против социалистов-революционеров. Однако, по рассказу Гендельмана, его встреча с Гоцем так и не дала чекистам желанного материала. После этого, по словам Гендельмана, Гоц был отправлен в ссылку. («Социалистический вестник», 1950, №10, с.199).

Наконец, согласно советским официальным источникам, А.Р. Гоц работал экономистом до 1937 г. и умер в 1940 (*ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*. Маленькая энциклопедия. М., 1968. с.95). Из всего этого с достоверностью следует лишь то, что в 1937 г. Гоц был арестован. Оба сообщения о его дальнейшей судьбе могут быть близкими к истине, с тем допущением, что Гоца расстреляли не в 1937 г., но отложили казнь до 1940 г. Официально Особое совещание не могло приговаривать к высшей мере, но максимально лишь к десятилетнему тюремному заключению. Неясным остается, однако, в какой мере это ограничение могло повлиять на судьбы Гоца и Либера. Согласно Большой Советской Энциклопедии, Либер умер 4 октября 1937 г., что соответствует времени, указанному в первом сообщении о смерти Гоца и Либера.

Сведения о судьбах жены и дочери А.Р. Гоца содержатся в письме М.Л. Свирской, публикуемом ниже. Что касается его сына, то на запрос Свирской после 1956 г., Е.П. Пешкова ответила, что ничего не знает о его судьбе.

⁶ Анастасия (Стася) Павловна Тимофеева.

⁷ См. прим. 2.

⁸ Григорий Осипович Биншток (1884-1954), до 1905 г. большевик, затем меньшевик; активный участник революций 1905 и 1917 гг. С 1922 г. в эмиграции, сначала в Германии, затем в Чехословакии и, наконец, в Соединенных Штатах; в Германии принимал участие в местном социал-демократическом движении.

⁹ Возможно: Вл. Войтинский. *ГОДЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ*. Берлин, 1923-24. Два тома.

¹⁰ См. прим. 5.

¹¹ Михаил Александрович Веденяпин (1879-?) впервые арестован студентом в 1901 г. — за распространение революционных листовок; сослан на два года в Ташкент под надзор полиции; в 1903 г. выехал за границу, где присоединился к ПСР; в конце 1905 г. возглавлял Самарскую группу эсеров; 4 декабря 1906 г. приговорен к высылке в Сибирь; в 1907 бежал из ссылки и в 1908 арестован в Москве и приговорен к четырем годам каторги. В 1917 избран в ЦК ПСР. В июне 1918 г. отправляется в Самару, где входит в правительство Комуча как министр иностранных дел; в 1920 — арестован. Находясь в тюрьме, твердо высказался против вооруженной борьбы с большевистским режимом; выставлен обвиняемым на процессе 1922 г. и приговорен к 10 годам заключения (см. Предисловие). В середине 1920-х выслан в Пензу; писал для журнала Общества политкаторжан «Каторга и ссылка». Был женат на Екатерине Дмитриевне Веденяпиной. Дальнейшая судьба и обстоятельства его смерти неизвестны.

¹² Меньшевик Б.И. Николаевский, знавший Веденяпина с юности, рассказывал: «У него было прозвище — шишига. На Севере шишигами называют разные виды чертей: есть маленькие шишки, большие шикунки, и шишиги; у каждого свой норов». (L.H. Haimson, ed. *THE MAKING OF THREE RUSSIAN REVOLUTIONARIES*, Cambridge, 1987, p.230).

¹³ Флориан Флорианович Федорович (1880? - 1928), член ЦК ПСР; в конце 1919 — начале 1920 играл ведущую роль в Политическом Центре (эсеровско-меньшевистской ориентации), захватившем власть в Иркутске после свержения Колчака, а затем вытесненным большевиками; активно участвовал во Всесибирском краевом комитете ПСР в Иркутске; летом 1920 отправился в Москву, где вскоре был арестован; выставлен обвиняемым на процессе 1922 г. и приговорен к 10 годам (см. Предисловие); в середине 1920-х отбывал ссылку в Оренбурге, где и умер 28 ноября 1928 г. (некролог появился в «Известиях» за 6 декабря 1928 г.).

¹⁴ Т.е. бывших заключенных Александровского централа.

¹⁵ Войтинские жили в Берлине, отпуска проводя в горах, в частности в Тироле. См.: W.S. Woytinsky. *STORMY PASSAGE*. New York, 1961, p.454-457 (там же помещены их фотографии в Тирольских горах).

¹⁶ См. Предисловие.

¹⁷ Возможно, Б.И. Николаевский, или же с.-р. Борис Николаевич Рабинович, шурин А.Р. Гоца, эмигрировавший в Прагу после революции. «Социалистический вестник» (1945, №19-20, с.232) сообщал о нем: «Письма из Праги принесли весть о гибели Б.Н. Рабиновича: арестованный вместе со всеми остальными евреями-иностранцами, он еще в конце 1942 года был отправлен в концлагерь, куда-то в Польшу, — и там, конечно, погиб». Погиб во время войны и брат Б.Н. Рабиновича с семьей, живший в Париже.

¹⁸ Fritz Naphtali (1888-1961), социалист, экономист и политик, жил в Германии, затем, с 1933 г., в Палестине.

ПИСЬМО М.Л. СВИРСКОЙ

26.04.1978 г.

/.../ Было ли это накануне процесса¹ или он уже начался, не помню. Я сидела в Бутырках. Ежедневно приезжала Ек. Павл. Пешкова². Вызывала старосту из МОК'а³. Иногда и меня. Я была старостой ЖОК'а⁴. А тут вызвала меня так сказать по личному, а не тюремному делу. Она сказала: «Вас вызывает защита в качестве свидетеля, не помню, назвала ли она период. Товарищи просят Вам передать, что, когда Вы не захотите на что-нибудь ответить, говорите "не помню" и ни в коем случае не говорите "не хочу с вами разговаривать" или что-нибудь в этом роде». О том, что вызывают меня за период КОМУЧ'а⁵, я узнала уже из газет. Одновременно со мной обвинение вызывало Майского⁶. /.../

Водили меня в Дом союзов, где шел процесс, два раза, два дня подряд со всякими приключениями. Но не вызвали. /.../ Во время перерыва я попала, для охраны случайно, в комнату, где сидели подсудимые, и успела почти со всеми расцеловаться. /.../

Когда их высылали, А.Р. Гоц⁷ с семьей жил в Ульяновске (Симбирске) в отдельном доме под постоянной охраной. Сарра Ник., его жена, работала врачом и могла ходить на работу. В таком положении был один А.Р. Встречала людей, которые были в Казахстане, в лагере вместе с Саррой Николаевной. Дочь их, военный врач, приходила к Екат. Павл.⁸ в конце войны посоветоваться, в каком городе ей устроиться после демобилизации, чтобы мать могла там жить. Уже после 1956 г. Ек. Павл. получила поздравления к Новому году из разных городов от Сарры Николаевны и Елены Мариановны, жены Гельфгота⁹.

Из деревни в 35 км от Ташкента, где я была в ссылке¹⁰, переписывалась регулярно с М.А. Веденяпиным¹¹, Ф.Ф. Федоровичем¹² и М.Я. Гендельманом¹³, кое с кем не регулярно. Мих. Як. был на Урале с женой и дочкой, потом к ним присоединился сын (с.-демократ), не то он к ним приехал в ссылку, не то в минуса уже после ссылки. Веденяпин, кажется, в Пензе увлекался какими-то раскопками, теперь бы это называлось hobby, и прислал мне журнал, возможно «Огонек», где он снят за работой: обнаружил не то остатки мамонта или чего-то в этом роде.

Мой муж¹⁴, тоже солдовчанин, был снова арестован и выслан в Самарканд. Он еще застал Е.М. Ратнер¹⁵, но уже больную раком. Когда я приехала в Самарканд в 1931 г., ее уже в живых не было. Туда был выслан Е.М. Тимофеев, который жил со своей женой Стасей Павловной и работал в хлопковом тресте. Е.М. хорошо знал историю Самарканда. Уговаривал меня после переезда в Самарканд, а тогда так стоял вопрос, заняться фресками. Мы почти каждый день встречались. Или они к нам, или мы к ним. Разговаривали обо всем на свете. Запомнилось, как как-то мы гуляли, не помню предыдущего, Евг. Мих. сказал: «Ведь создали такой аппарат, который не задумываясь и Ленина уничтожил бы». Уже после моего последнего освобождения, т.е. после 56 года, я встретила у знакомых б[ывшего] коммуниста, просидевшего как говорили полную катушку. Знакомили нас обычно в эти годы: «вот, тоже сидел или сидела». Начинались расспросы — где, кого встречали. И вот этот б[ывший] ком[мунист], не то до ареста председатель Моссовета или заместитель, рассказал, что сидел в Бутырках в 1936-37 гг. с Евг. Мих. О том, что в этих камерах, набитых до отказа, читались доклады на всевозможные темы, Вы знаете. Евг. Мих. «водил» их по музеям: Эрмитаж, Третьяковская галерея и др. Знал биографии и школы художников. Водил их из комнаты в комнату, помня, как развешены картины были. При его рассказе я не переставала удивляться, когда он это успел увидеть. Февральская революция его освободила с каторги. Отбывая каторгу, он получил новый срок и досидел до февраля 1917 года. От этого коммуниста я узнала, что Евг. Мих. каждый год, не помню сколько раз, привозили в Москву. Жил он не в тюрьме, его возили по Москве, показывая стройки и перестройки. Он думал, что его и на этот раз увезут обратно. Но на этот раз его поместили в Бутырки. Он часто говорил этому коммунисту: «Ну, я здесь, это можно понять, а Вы, Вы-то почему здесь?».

Жил тогда в Самарканде Н.Н. Иванов¹⁶, который в Иркутске женился на Роне Юцес. Ник. Ник. занимался художествен[ной] фотографией, главным образом для учебников. У них была очаро-

вательная дочка, Маринка, которая в таком юном возрасте уже очень была похожа на свою величественную бабушку, Марию Мих[айловну], мать Николая и Лёлы (Елены)¹⁷. Мария Михайловна присутствовала два раза в своей жизни, когда ее детям выносился смертный приговор. В царское время они оба участвовали в северном боевом отряде, которым руководил Карл Трауберг¹⁸ (могу и ошибиться). Была казнена невеста Николая (Лебедева), которая вошла в рассказ Л.Андреева о семи повешенных. А Николаю и Леле заменили каторгой. К этой организации принадлежал и Моисей Соломонович Фельдман, который был на Соловках. В ссылке он написал воспоминания об этой организации. Присылал мне короткое содержание и оглавление. Но книга по-моему не вышла. Об этой организации мало что осталось известным. /.../

О Ф.Ф.Федоровиче писать очень трудно. Это был человек такого обаяния, равного которому не просто найти. Это признавали не только его друзья, но и идейные враги. Меня перевели в Оренбург ближе к осени 26 года. Ф.Ф. уже был там. К нему приехала Евдокия Як. Соснина, которая в царской ссылке вышла замуж за Валентина Алмазова¹⁹ (с.-р., член У[чредительного] Собр.), он был убит в гражданскую войну в Сибири. После его смерти, по приезде в Москву Евд. Як. предложила Ек. Павл., что хочет ходить на свидание к кому-нибудь, к кому никто не ходит. Таким оказался Ф.Ф. Через некоторое время Евд. Як. была арестована и выслана. И уже когда Ф.Ф. попал в ссылку в Оренбург, ее перевели к нему. Хорошо, что так сложилось, последние годы Евд. Як. окружила его большой заботой и вниманием, чего у него никогда в жизни не было. В Оренбурге мы жили в одном доме и вели общее хозяйство. Ф.Ф. работал в областном финотделе. Он был прекрасным рассказчиком и совсем не оратором. В 1927 г. он заболел тяжким воспалением легких. В Оренбурге было много крупных врачей и профессоров, которые туда были высланы с Пироговского съезда 1924 г. Все относились с большим вниманием и заботой к нему. Была сделана резекция ребра и его спасли. Ф.Ф. отмечался в ГПУ каждый день. До больницы, пока был дома, приходил, кажется каждый день, сотрудник ГПУ. Посидит и уйдет. Потом Ф.Ф. разрешили с женой поехать в деревню на кумыс. Он приехал прекрасно поправившись и довольный. А через год в городской бане упал и поцарапал локоть о железный таз. Началось заражение крови, и его не стало. Жена послала извещение для напечатания в центр. газету (наверное, «Известия»). Мы почти все сомневались, что напечатают. Но объявление появилось. /.../

Ф.Ф. на поселении был после Александровской каторги (начинал с Орла) в Манзурке вместе с Фрунзе²⁰. Их связывала боль-

шая дружба. Во время процесса Фрунзе прислал своего адъютанта сказать, что хочет с ним повидаться. Ф.Ф. ответил, что он должен узнать мнение товарищей. Больше Фрунзе не присылал. А Флорианч часто вспоминал после смерти Фрунзе, что нужно было как-нибудь иначе ответить. В первых изданиях биографии Фрунзе была фотография. Ф.Ф., Фрунзе, Воровский и друг Ф.Ф. не то латыш, не то эстонец. В поздних изданиях этой фотографии уже не было, а оставалась фотография «Фрунзе среди ссыльных». Там сидит и Флорианч. /.../

После 1931 г. в Оренбург перевели Л.Я. Герштейна²¹. С ним приехала его жена Маргарита Робертовна. Через несколько лет он там умер от болезни сердца. В Оренбурге до ареста всех ссыльных в 1931 г. был Агапов²². Кой-кого оставили в Оренбурге, а некоторых выслали в другие города. Куда попал Агапов, не помню. Перед моим отъездом сюда узнала, что из всего В. списка²³ вернулся Альтовский²⁴ /.../.

[Добавление об Альтовском в письме от 11.06.1978 г.]:

/.../ В 1918 году, когда я перевозила членов Учр. Собр. на территорию, занятую Комучем, я была два раза в Саратове и там с ним встречалась в с.-ровской семье, Аверкиевых. Мать²⁵ этой семьи, старушка, судилась по процессу 193-х, четыре дочери и сын. Старшая, Люба, была замужем за Зотом Сазоновым, братом Глеба, вторая, Надя, была женой Львова и умерла родами²⁶. Вера до революции была в эмиграции. Перед своим арестом в 30-е годы работала в О-ве политкаторжан. На младшей Нине женился Альтовский. Брат летом 1918 года попал в какую-то засаду и был расстрелян.

¹ Процесс социалистов-революционеров 1922 г. (см. Предисловие).

² Екатерина Павловна Пешкова (урожд. Волжина, 1876-1965), жена М.Горького, с 1918 г. возглавляла Русский Политический Красный Крест, некоторое время называвшейся также Ассоциацией помощи политическим заключенным. Будучи сама до революции членом ПСР, особенно активно занималась судьбами заключенных в советских тюрьмах и лагерях эсеров. В 1937 Политический Красный Крест прекратил существование. Подробнее см. о Пешковой: *ПАМЯТЬ*. Ист. сборник. Вып.1, Нью-Йорк, 1978, с.313-323; вып.3, Париж, 1980, с.523-538.

³ Мужской одиночный корпус.

⁴ Женский одиночный корпус.

⁵ Комитет Членов Учредительного Собрания был создан 8 июня 1918 года в Самаре (Куйбышев) на Волге — для передачи власти в стране Учр. Собранию. Комуч состоял главным образом из социалистов-революционеров, и при поддержке чехословацкого легиона контролировал значительные районы Поволжья. Он объявил войну большевистскому режиму и Германии и организовал Народную армию. Вместе с другими антибольшевистскими группами Комитет Членов Учредительного Собрания принял участие в Государственном Совещании в Уфе в сентябре 1918, где была создана Всероссийская Директория, к которой и перешла реальная власть, но которая через месяц (18 ноября 1918 г.) была свергнута в Омске адмиралом Колчаком.

⁶ Иван Михайлович Майский (Ляховецкий, 1884-1975) — член ЦК меньшевистской партии, сторонник ее левого крыла. Исключен из ЦК за участие в правительстве Комуча вопреки партийным инструкциям. В начале 1920-х перешел в РКП(б). В 1922 — выступил свидетелем обвинения на эсеровском процессе. Впоследствии известный советский дипломат.

⁷ См. прим. 5 к письмам Е.М. Тимофеева.

⁸ Пешкова.

⁹ Александр Павлович Гельфгот, член Центрального Бюро ПСР, образованного в 1921 для руководства партией после того, как все члены ЦК были арестованы; вскоре после образования ЦБ, его участники были также арестованы; в 1922 г. Гельфгот выступил свидетелем защиты на процессе ПСР; в 1923 отправлен в Соловецкий лагерь; дальнейшая судьба его неизвестна. Его жена, Елена Мариановна, урожд. Тумповская, умерла 7.03.1966 в Клину, после отбытия 18 лет лагерного заключения (см.: *МИНУВШЕЕ*. Исторический альманах, т.2, Париж, 1986, с.19).

¹⁰ Т.е. Чимкент.

¹¹ См. прим.11 к письмам Тимофеева.

¹² См. прим. 13 к письмам Тимофеева.

¹³ Михаил Яковлевич Гендельман (1881-?), в ПСР вступил в 1902, с 1917 — член ЦК, в 1918 — товарищ председателя Комуча, в сентябре 1918 участвовал в Уфимском Государственном совещании от ПСР, в начале 1920-х арестован, в 1922 выставлен обвиняемым на процессе ПСР и приговорен к смерти (см. Предисловие). В середине 1920-х неоднократно высылался, в том числе, в Тобольск и Вятку. В начале 1930, по-видимому, вновь был арестован и после 4-месячного заключения в нижегородской тюрьме выслан в Сургут (Северная Сибирь). («Революционная Россия», №77-78, с.30). Дальнейшая судьба неизвестна, если верить рассказу, приведенному в прим. 5 к письмам Е.М. Тимофеева, Гендельман был еще жив в 1939 г.

¹⁴ Абрам Соломонович Фурман; см. воспоминания М.Л. Свирской в настоящем выпуске.

¹⁵ Евгения Моисеевна Ратнер (1886-1931), член ЦК ПСР. В 1919 арестована; в 1922 проходила по процессу ПСР и приговорена к смерти (см. Предисловие); с середины 1920-х в различных местах ссылки, последним из которых был Самарканд, где она работала экономистом, ходатайствовала о переводе в другое место по состоянию здоровья (рак, который в Самарканде невозможно было оперировать); просьбу Ратнер поддержал Политический Красный Крест; в конце концов весной 1931 г. ей было разрешено отправиться в Ленинград, где она и скончалась в том же году после операции (см. «Социалистический вестник», 1931, №21, с.13; «Воля России», 1931, №7-9, с.682).

¹⁶ Николай Николаевич Иванов (1888-?), чл. ПСР; до революции 1917 принимал активное участие в террористической деятельности вместе с сестрой Еленой Александровной Ивановой (1884-?). См.: «Былое», №9-10 (1909), с.88-105. После 1917 Н.Н. Иванов становится членом ЦК ПСР, в начале 1920-х арестован. Брат и сестра Ивановы были выставлены обвиняемыми на процессе ПСР 1922 года и приговорены к смерти (см. Предисловие). В 1926-м оба находились в ссылке.

¹⁷ См. предыдущее примечание.

¹⁸ А.Д. Трауберг (партийная кличка «Карл») — в 1906 возглавлял северный боевой отряд ПСР.

¹⁹ Валентин Иванович Алмазов, член ПСР, делегат Учредительного Собрания, член Комуча, скончался в 1921 («Голос Социалиста-Революционера», №8; «Революционная Россия», №10, с.31-32; там же, №19, с.4).

²⁰ Михаил Васильевич Фрунзе (1885-1925), член РСДРП(б) с 1904, в 1909-1910 дважды приговаривался к смертной казни, в 1910-1915 на каторге. После 1917 г. — один из крупнейших советских военачальников.

²¹ Лев Яковлевич Герштейн (1877-1935), член ЦК ПСР; вместе с Ф.Ф. Федоровичем в 1919-1920 играл ведущую роль в Иркутском Политическом Центре, впоследствии — во Всесибирском краевом комитете ПСР (см. прим. 14 к письмам Е.М. Тимофеева); летом 1920 г. отправился в Москву, где был вскоре арестован; в 1922 выставлен на процессе ПСР и приговорен к смерти; с середины 1920-х в ссылках; в начале 1930 высылается в Оренбург, где работает в госбанке. О смерти Герштейна рассказал Виктор Серж: Герштейн страдал сердечной недостаточностью, состояние здоровья его постоянно ухудшалось, а необходимой медицинской помощи в Оренбурге получить было невозможно. Он просил о разрешении отправиться в клинику в Казань. Разрешение было дано слишком поздно: в день его смерти в 1935 г. По словам В.Сержа, Герштейн умер в полной нищете, но до конца жизни сохранял идеализм и веру в демократические ценности (см.: V.Serge. *DESTIN D'UNE REVOLUTION. U.R.S.S. 1917-1936*, Paris, 1937, p.98-99; его же, *MEMOIRES D'UN REVOLUTIONNAIRE, 1901-1941*. Paris, 1951, p.182).

²² Владимир Владимирович Агапов (1890-?), член ПСР; в 1922 проходил по процессу с.-р., приговорен к смерти; в 1925 в ссылке в Оренбурге; в 1931 вновь арестован. Дальнейшая судьба его неизвестна. См.: Е.Олишкая. *МОИ ВОСПОМИНАНИЯ*. Франкфурт-на-Майне, 1971, т.2, с.53.

²³ Список с.-р., осужденных по процессу 1922 г.

²⁴ Аркадий Иванович Альтовский (1880-?), член ПСР с начала века, участник революции 1905 г., в эмиграции окончил электротехнический институт в Гренобле, в 1917 вернулся в Россию, в 1917-18 входил в руководящие органы ПСР, в 1919 арестован, в 1922 выставлен на процессе с.-р. и приговорен к смерти; затем — в ссылках. В 1930-е жил в Ростовской обл. и на Северном Кавказе, занимался вопросами использования горных рек Дагестана. Б.А. Бабина свидетельствует: «Аркадия Ивановича [Альтовского] я, вернувшись в 1955 году с Колымы, встретила в Ухте, где он (после почти двух десятилетий сталинских лагерей) работал в качестве главного инженера электростанции. /.../ Ныне [т.е. в конце 1960-х гг.] это кроткий и робкий, как агнец, старичок лет под девяносто». (*МИНУВШЕЕ*, т.2, с.17-19, 63). О его смерти сведений не имеется.

²⁵ Елена Ивановна Аверкиева (1850-?), в 1877-78 была осуждена и послана в Западную Сибирь по делу «193-х», в начале 1890-х вернулась в Саратов, где принимала участие в деятельности, связанной с зарождением ПСР; в 1902 была подвергнута обыску и привлекалась к дознанию в связи с делом С.В. Балмашева. (См. о ней: *МИНУВШЕЕ*, т.2, с.63).

²⁶ Михаил Иванович Львов, член ПСР, в 1922 выставлен на процессе ПСР и приговорен к 5 годам заключения (см. Предисловие). После отбытия тюремного срока выслан в Чердынь. Его жена, Надежда Ивановна Львова (урожд. Прушакевич), умерла в Чердыни в 1926 при родах из-за отсутствия медицинской помощи. Львову, оставшемуся после смерти жены с маленьким ребенком на руках, отказали в переводе в другое место ссылки. В дальнейшем он был вновь арестован и осужден на три года, которые отбывал в Суздальской тюрьме («Дни», 29.01.1926; R.Abramovitch. *LES PRISONNIERS POLITIQUES*, Bruxelles, 1932, p.45-46). В этой же тюрьме находилась также и Надежда Аверкиева, чей некролог см. в «Революционная Россия», №43, июнь 1925, с.43.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ ЦК И ЦОБ ПСР (1917-1922)

КО ВСЕМУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ РОССИИ [Петроград, декабрь 1917 г.]

Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты!

Прошло уже два месяца, как власть в стране захватила партия

большевиков. Пользуясь ошибками последнего правительства, прельстивши народ заманчивыми обещаниями, большевики совершили переворот вооруженной силой, на которую они и опираются.

Теперь наступила пора подсчитать, что же дали они за два месяца правления страной и исполнили ли они обещания перед народом.

Они обещали дать хлеб, но мы накануне полного голода.

Они обещали понизить цены на продовольствие, но цены растут, а мародерство приняло невиданные еще размеры.

Они обещали дать землю, но вместо того лишь издали декрет, перепечатавши составленный социалистами-революционерами наказ крестьянских депутатов; и в деревне происходит расхват земли, расхищение богатств, принадлежащих всему трудовому народу, теми, кто посильнее.

Они обещали рабочим порядок на заводах и развитие промышленности путем рабочего контроля, но всюду закрываются фабрики и заводы, и армия безработных растет.

Они обещали немедленный всеобщий народный справедливый мир, но заключают его с вражескими правительствами, ведут переговоры с ними тайно от всех и отдельно от союзников, и теперь сами признают, что предложенный им врагами мир неприемлем¹.

Армия, голодная и холодная, бежит с фронта, и немцы, хотя и говорят красные слова о мире, знают, что Россия в их руках и они могут с ней сделать все, что захотят.

Они заключают мир с врагом и разжигают войну внутри России с Доном, Уралом и украинским братским народом, покушаясь на его свободу и самостоятельность.

Они обещали свободу и порядок, но зажали всем рот, запрещают собрания, закрывают газеты, вводят, как при царе, надзор за ними.

Они не верят народу, считают его темным и на народные деньги распространяют только свои газеты, уничтожая другие. Они желают, чтобы весь народ смотрел их глазами.

Они отменяют смертную казнь на фронте², но вводят ее в тылу. Они уничтожили суды, но ввели самосуды.

Никогда еще жизнь, особенно в городах, не была так ужасна от наглых грабежей, постоянной стрельбы, пьяных погромов, как теперь, когда власть и порядок в руках большевиков.

Они арестуют социалистов и революционеров, наполняют ими тюрьмы и освобождают Дубровиных, Белецких, Курловых³ и прочих черносотенцев.

Называя себя рабоче-крестьянским правительством, они не считаются с советами рабочих и крестьянских депутатов, не дают им отчета и вносят в них раскол и раздор. Во главе власти они поставили людей, в большинстве неизвестных народу, не знающих своего дела, прямых проходимцев и мошенников, которых сами же за взятки и мошенничества должны через несколько недель удалять и арестовывать.

Разваливается государство, гибнет страна, сторонники старого порядка поднимают свою голову, видя в разрухе и междуусобице залог своей близкой победы, и уже думают о восстановлении царской власти.

Но большевики, считая только себя защитниками народа, клеветают на другие социалистические партии, забрасывают их грязью, распространяют про них неправду и своими действиями усиливают врагов народа.

Думая ввести социализм штыками и насилем, они разрушают и то, чего народ уже добился.

Товарищи! Вы все видите, к чему ведет власть большевиков. У народа осталась одна надежда, это — надежда на Учредительное Собрание. За него народ боролся долгие годы, о нем народ думает уже девять месяцев, от него ждет разрешения всех вопросов своей трудовой жизни.

Большевики до захвата власти больше всех кричали, что капиталисты затягивают созыв Учредительного Собрания и хотят его сорвать. Они обещали немедленно его созвать, но вот прошло уже три недели после срока созыва⁴ и «народные комиссары» не только не открывают его, но даже не пускают туда депутатов, арестовывают их, насильничают над ними⁵ и заявляют, что они разгонят Всенародное Учредительное Собрание, если оно не будет слушаться только их, и для разгона Учредительного Собрания вызвали в Петроград Латышские полки. Они стараются всячески поносить депутатов небольшевиков и обманывают народ, заявляя, что в Учредительное Собрание проникли облыжным путем лишь враги народа. Как теперь все знают, капиталистов в Учредительном Собрании будет не более двадцатой части, и власть будет в надежных руках, но большевики силой хотят свою волю навязать всем, и прапорщик Крыленко в своем приказе по армии прямо призывает к вооруженному нападению на Учредительное Собрание. «Пусть, — говорит он, — не дрогнет ваша рука, если придется поднять ее на депутатов».

Товарищи! Вы видите, как большевики исполняют свои обещания. Присмотритесь же к теперешней жизни и посудите по справедливости — лучше ли она стала и не идем ли мы к гибели. Спасе-

ние в одном — в передаче всей власти Учредительному Собранию, которое будет править страной в согласии со всем революционным народом и при его поддержке. Оно восстановит порядок, заключит мир, издаст правильный закон о передаче народу земли, остановит промышленную разруху.

Только Учредительное Собрание может дать стране мир, ибо только оно представляет всю Россию, будучи избрано всем народом по самому справедливому избирательному закону.

Только Учредительное Собрание может быть бес[спорной] законной властью, право которой говорить от имени России будет равно признано и внутри страны, и вне ее, как врагами, так и союзниками. С большевиками возможен только похабный мир или безнадежное продолжение войны.

Только Учредительное Собрание правильно разработанными законами может дать трудовому народу землю без выкупа в уравнительное трудовое пользование, вместо беспорядочного расхищения ее богатыми, среди беспорядка и анархии, произведенных большевиками.

Только Учредительное Собрание остановит промышленную и железнодорожную разруху и прекратит голодание.

Только Учредительное Собрание прекратит междуусобную гражданскую войну, преступно разжигаемую большевиками на радость немцам и черносотенцам.

Собирайтесь по заводам, по сходам, по казармам, обсуждайте положение, составляйте резолюции и приговоры, требуйте немедленного созыва Учредительного Собрания и передачи ему всей власти. Готовьтесь немедленно стать на защиту его от большевиков, не дайте им совершить насилие над всенародными избранниками, иначе страна погибнет и погибнут с ней вместе и ваши надежды и чаяния.

(Архив Б.И. Николаевского, Hoover Institution)

¹ 9 декабря 1917 г. в Брест-Литовске начались мирные переговоры советского правительства с центральными державами.

² 26 ноября 1917 г.

³ С.П. Белецкий и П.Г. Курлов были высокопоставленными полицейскими чиновниками до февральской революции; А.И. Дубровин — один из лидеров Союза Русского Народа.

⁴ 28 ноября 1917 г.

⁵ См. «Первое письмо депутатов Учредительного Собрания к народу». — «Дело Народа» от 9 декабря 1917 г.

Разогнано Учредительное Собрание, приступившее с первых же шагов своей деятельности к практическому разрешению в духе великой русской революции и международного социализма вопросов о мире, земле, свободе народов в России и о защите рабочего класса, теряющего от полного краха народного хозяйства все свои завоевания.

Этот разгон произведен советом «народных комиссаров», возглавляющим собой так называемое рабочее и крестьянское правительство. В тот же день большевики и левые с.-р. расстреляли мирную рабочую демонстрацию, шедшую к Таврическому дворцу приветствовать Учредительное Собрание, состоящее почти целиком из одних социалистов. Уже эти преступления ясно показывают, что большевики и их союзники, не считаясь ни с чем, решили удерживать власть в своих руках, воскрешая своей деятельностью худшие примеры властвования царских сатрапов.

Но этого мало. Все более и более преступный характер приобретает их хозяйничанье в области экономической жизни страны, приведшее уже к параличу всех хозяйственных функций государства и сводящее на нет социальные завоевания нашей революции.

Силой оружия большевики принуждают отдельные народы и области России отказываться от прав на самоопределение и самостоятельное решение своих внутренних дел.

Террор, направленный большевиками против всех инакомыслящих, с каждым днем растет и усиливается. Уничтожена неприкосновенность личности, свобода печати, собраний и организаций, происходят массовые аресты всех непризнающих власти диктаторов Смольного, открыта систематическая проповедь самосуда, жертвами которого становятся как частные лица, так и члены Учредительного Собрания.

Под флагом проведения социалистической революции большевики открыто ведут Россию в объятия контрреволюции.

В этой тяжелой обстановке нашей партии — партии рабочих и крестьян — по-прежнему верной заветам международного социализма и лучшим традициям своего прошлого, приходится выдерживать на себе главные удары противника.

Замысел последнего ясен. Большевики стремятся уничтожить партию социалистов-революционеров, как открытую политическую партию трудящихся масс. Они хотят загнать ее в подполье

и, оторвав от открытой арены политической борьбы, свести к кучке заговорщиков, куящих заговор против «рабочего и крестьянского правительства».

Центральный Комитет партии социалистов-революционеров предостерегает товарищей от этой опасности и предлагает им вести работу по-прежнему среди широких масс трудящихся.

Центральный Комитет полагает, что Учредительное Собрание, раз открывшись, никем не может быть закрыто или распущено. Прямой обязанностью членов партии и всех партийных организаций является поэтому содействие Учредительному Собранию в деле возобновления его работ, грубо прерванных насилем большевиков. Лозунги: «Вся власть — Учредительному Собранию», «Немедленное возобновление работ Учредительного Собрания» — должны стать активными лозунгами момента. Только Учредительное Собрание может разрешить вопросы о мире, земле и свободе народов России, только оно может положить конец хозяйственной разрухе и гражданской войне. Под этими лозунгами должна объединиться вся революционная демократия России, чтобы активно и организованно отстаивать Учредительное Собрание, как верховный и единственный орган выражения воли страны.

Центральный Комитет приветствует стремления отдельных национальностей и областей России к организации в особые государственные единицы. Образование этих краевых и национальных объединений, установление между ними постоянной федеративной связи, являются лучшим средством сузить размах гражданской войны и открыть возможность планомерной работы Учредительного Собрания, в котором должны быть разрешены основные для всех народов и частей России вопросы и где будет создано общероссийское федеральное правительство.

Большевики и их союзники левые соц.-рев., вписавшие в нашу историю, наряду с днем 9-го января [1905 г. — Публ.], другую кровавую дату — 5-го января — должны быть всюду разоблачены как лже-социалисты.

ЦК ПСР предписывает всем партийным организациям открыть кампанию за отзыв из органов представительства революц[ионной] демократии делегатов-большевиков и их приспешников, поднявших в октябре месяце восстание во имя скорейшего созыва Учред. Собрания и теперь это Учредит. Собрание разогнавших силой штыков в первый же день его работ.

ЦК со своей стороны ставит перед социалистами всех стран вопросы об исключении большевиков из Интернационала, ибо в рядах последнего не может быть места партии, выступившей про-

тив начал всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Партийным организациям ЦК рекомендует обратить особое [внимание] на постановку пропагандистской работы, т.к. демагогическая агитац[ия] большевиков и ее губительные для дела трудящихся результаты могут [быть в] конечном счете парализованы, прежде всего, глубоким проникновен[ием] в массы основ нашего социалистического мировоззрения. Только дал[ьнейшее] планомерное ведение нашей массовой партийной работы может положить предел большевистской авантюре и спасти завоевания революции от на[двигаю]щейся реакции.

(Архив Б.И. Николаевского, Hoover Institution)

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО №9

[Москва, март 1918 г. ?]¹

Усвоенный большевиками политический курс на мир во что бы то ни стало с врагом внешним и на беспощадную гражданскую войну внутри страны привел Россию, как и следовало ожидать, в состояние полного разложения и бессилия.

Русская революция, долженствовавшая по рецепту тех же большевиков зажечь пожар мировой социалистической революции, принуждена была, благодаря безумной политике Совета народных комиссаров, безоговорочно капитулировать перед союзом империалистических держав Центральной Европы².

Самое государственное бытие Российской Республики поставлено на карту. Национальное самоопределение большинства ее народов аннулировано германскими штыками. Большевистская власть подписанием мирного договора санкционировала такие требования немецкого капитала, которыми на нет могут быть сведены все социально-экономические и политические завоевания русской революции. При восстановлении имущественных прав немецких подданных величайшей опасности подвергается возможность осуществления в жизни социализации земли, ограничений самодержавия капитала в области фабрично-заводской промышленности. На обессиленный русский народ налагается непосильное бремя колоссальной, небывалой по своим размерам в истории денежной контрибуции. Установление надлежащих гарантий выжатия этой огромной контрибуции повлечет за собой военную оккупацию и переход в руки завоевателей наших таможен, железных

дорог и других источников государственных доходов. Согласие Совета народных комиссаров на полное уничтожение русской армии, оставляя совершенно незащищенной территорию России, открывает широкую возможность для деления ее на сферы влияния международного империализма. Международная демократия, *совместными и организованными* усилиями которой только и могла быть окончена война на условиях, спасающих народную Россию, отныне в русской революции получает не естественный центр своего тяготения, как это было до сих пор, а центр наибольшего анархизирования и распыления ее сил.

Ко всем этим перспективам, открываемым капитуляцией Совета народных комиссаров перед Германией, следует прибавить еще: а) полнейшую экономическую разруху страны, сопровождаемую ужасающей по своим размерам безработицей; б) уничтожение финансов государства, так как теперь единственным источником доходов казны стал печатный станок; в) невероятное развитие общественного паразитизма, причем на государственное иждивение попадают все более и более широкие массы пролетариата; г) уничтожение в корне не только основ гражданских свобод, но и всякого общественного порядка и личной безопасности граждан, низводящее революцию в простой бунт — новую пугачевщину, и вызывающее, как неизбежное следствие, быстрый рост контрреволюционных и реставрационных течений.

Таковы основные, главнейшие результаты политики большевиков, проводимой ими ради одной цели — *ради спасения себя и удержания власти в своих руках.*

На Партию Социалистов-Революционеров при этих условиях выпадает тяжелая задача организовать и направить усилия демократии на спасение основ нашей обновленной государственности, на спасение страны от окончательной гибели и на сохранение в возможно больших пределах социальных завоеваний революции. Анархия и контрреволюция в лице именно нашей партии должны встретить главное препятствие для своего дальнейшего развития.

В силу этого общего политического задания ЦК ПСР предлагает всем партийным организациям и отдельным партийным работникам обратить свое особое внимание на следующие положения и таковыми руководиться в своей текущей партийной политической деятельности:

1) Мира, заключаемого с Германией Советом народных комиссаров, народная Россия принять и санкционировать не может. Русская революционная демократия прежними путями должна продолжать свою борьбу за всеобщий справедливый мир.

2) Большевистской власти, предавшей революцию, страну и социализм, трудовая Россия должна отказать в повиновении и подчинении.

3) Спасение остова нашей государственности, защита национальной независимости народов России, предохранение страны от ужасов реакции властно требуют немедленного восстановления органов народоправства, начиная от волостного земства и кончая Учредительным Собранием.

4) Все действенные силы партии должны быть направлены в максимальной степени на то, чтобы эти органы единой народной воли и власти могли фактически и полностью осуществить свои права на управление и руководство жизнью государства.

5) Советские организации трудящихся, фактически разрушенные большевиками, должны быть восстановлены, поддержаны, укреплены и сохранены силами нашей партии с проведением в них нашей прежней линии политического поведения.

Советы не органы государственной власти; советы — классовые организации, имеющие своей задачей дать возможность укрепиться органам демократической власти и оборонять социальные завоевания трудящихся масс. В условиях текущего момента советы должны быть средством борьбы с распылением и анархизированием народных низов.

6) Восстановление гражданского порядка и возвращение к нормальным условиям жизни должно производиться всенародными органами демократической власти. Именно они должны стоять во главе движения против дальнейшего господства Совета народных комиссаров и его агентов.

Партия Социалистов-Революционеров ведет борьбу с большевистской властью не для того, чтобы взамен ее создать свою партийную власть, а с целью вернуть народу завоеванный революцией демократический уклад государственной и общественной жизни. Никакие *ad hoc* созданные временные установления властвования и управления, никакие чрезвычайные и тем более военно-диктаторские формы власти не могут признаваться ПСР желательными и нужными. Только институты, вытекающие из республиканского, федеративно-демократического устройства России, могут в настоящей обстановке сохранить ее государственное существование и предохранить ее от контрреволюции.

7) Полагая, что война может быть окончена только общими усилиями всех народов, под дружным, организованным натиском на воюющие правительства трудовых масс, ПСР отказывается от признания и санкционирования похабного сепаратного мира и всеми имеющимися в ее распоряжении средствами пропагандирует

идею защиты страны и революции, идею создания всенародного ополчения. Последнее целиком должно находиться в распоряжении органов демократической власти со Всероссийским Учредительным Собранием во главе. Стремление большевиков создать свою партийную вооруженную силу в виде «красной армии» при наличии безоговорочной капитуляции их перед внешним врагом имеет лишь одно задание — организовать своеобразную преторианскую гвардию, которую, оголяя и разлагая внешний фронт, можно было бы целиком и полностью использовать для преступных целей гражданской войны внутри страны. ПСР не может признать и принять участие в организации никакой другой армии, кроме армии всенародной, как не признает партия никакой другой власти, кроме власти всего народа.

8) Несомненно, что перспектива дальнейшего нахождения России в с[ос]тоянии войны не может встретить сейчас сочувствия среди многих кругов населения. Однако, даже при очевидной невозможности фактически отстаивать свои пределы, народная Россия не может все же пойти на капитуляцию перед державами Центральной Европы, ибо эта капитуляция означает полное разложение, окончательную гибель страны. Поэтому ПСР обязана с решительной твердостью отстаивать в данный момент идею неподчинения победоносному империализму, даже рискуя частью своей популярности среди широких масс населения.

Борьба с анархическими тенденциями, с одной стороны, и борьба с вожделениями реакции, с другой — неизбежно приводят нас к такой позиции, так как «мир во что бы то ни стало» сейчас в равной степени является стремлением и распыленных усталых низов населения, и организованной буржуазии, видящей в Германии восстановительницу прежнего социального положения.

9) Чтобы образовать из себя, таким образом, преграду разлагающим течениям русской жизни, чтобы [быть] в состоянии руководить деятельностью органов народного самоуправления, чтобы, наконец, иметь возможность даже в обстановке полного распада нашей общественности продолжать свою работу по проведению в жизнь основных социальных мероприятий (и в том числе прежде всего «закона о социализации земли»)³, ПСР должна быть крепко спаяна внутри себя и идейно, и организационно. В силу этого ЦК еще раз обращает внимание товарищей на крайнюю необходимость продолжения внутрипартийной работы, на ее планомерное организационное строительство, на систематизацию, расширение и углубление пропаганды наших идей.

10) Именно в этих целях ЦК находит крайне желательным и важным, чтобы его директивы, руководящие указания общеполит-

тического характера делались предметом особого обсуждения на местных партийных собраниях, а их применение на местах производилось по строго продуманному плану, приспособленному к условиям местной общественной и политической жизни.

(Архив Б.И. Николаевского, Hoover Institution)

¹ Документ подписан «Бюро ЦК ПСР». Об этом Бюро см. «Социалист-Революционер», сб.1 (1918 г.), с.12: «Для выполнения как общих постановлений центрального комитета, так и повседневной текущей работы, для приготовления и разработки вопросов, подлежащих обсуждению пленума, образовано бюро из пяти лиц: М.Веденяпин, Е.Ратнер, В.Рихтер, Е.Тимофеев, В.Чернов». Это сообщение относится приблизительно к марту 1918 г., т.е. времени после переезда ЦК ПСР в Москву.

² Брест-Литовский мирный договор заключен 3 марта 1918 г.

³ Видимо, имеется в виду принятый на третьем съезде советов 18 января 1918 г. «Закон о социализации земли».

КО ВСЕМ ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ [Москва,] апрель-май 1919 г.

Ввиду того, что за последнее время в России, разбитой многочисленными «фронтами» гражданской войны на несколько обособленных замкнутых районов, деятельность Центрального Комитета была крайне заторможена, а отдельные группы членов его, действовавших в разных районах, были недостаточно связаны между собой, организационная стройность и единство партии не могли не потерпеть значительного ущерба, а тем самым не могло не пострадать единообразие партийной тактики. Оторванность от центра отдельных групп, при сложной политической обстановке, в которую они попадали, при остроте политических кризисов, переживающихся различными территориями, заставляли эти группы, как и отдельных деятелей партии, принимать ответственные решения за свой риск и страх. Тем было открыто широкое поле случайным индивидуальным отклонениям от линии политического поведения, приемлемой для партии в целом.

Не вдаваясь подробно в разбор допущенных здесь или там ошибок и погрешностей, полномочным судьей которых будет ближайший партийный съезд¹, ЦК ПСР, получив возможность со-

брать после долгого перерыва свой пленум на территории, подавляемой большевиками, считает своей первой обязанностью внести во все партийные выступления необходимое организационное и тактическое единство, для чего и сообщает к сведению и руководству местных организаций изложение в ряде тезисов о необходимой линии поведения партии по основным вопросам дня, как то:
/.../

III. ОТНОШЕНИЕ К БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ

Большевизм сам себя поставил вне рядов социализма тем, что отказался от верности принципам демократизма, наглядно выразив это заменой старого имени социал-демократической партии новым именем партии коммунистов².

Основной демократический принцип, который является неотъемлемой сущностью современного социализма, заключается в том, что для него освобождение рабочих должно быть дело самих рабочих и социальная революция является революцией огромного большинства во имя интересов большинства.

Полной противоположностью этого принципа является якобинский принцип диктатуры меньшинства над большинством — этот революционный вариант старой идеи о просвещенном деспотизме, благодетельствующем бессознательные массы путем опеки сверху.

Для современного научного социализма существование нового социального строя возможно лишь в той мере и последовательности, в какой отдельные составляющие его мероприятия предварительно пройдут через сознание и волю большинства, найдя почву в реальных условиях его быта и психики.

Противоположный способ навязывания большинству путем декретов мероприятий, чуждых сознанию большинства, заранее обречет эти мероприятия на неуспех, превращая социализм из коллективного массового творчества снизу в [неразб.] аракчеевский коммунизм.

Соответственно этому метод большевистского коммунизма заключается в том, чтобы одним росчерком пера прыгать через все препятствия — бытовые, технические и социально-психологические — к таким формам бытия, к которым народ не подготовлен и которые поэтому либо остаются на бумаге, либо при проведении в жизнь уродуются и коверкаются до неузнаваемости.

Ввиду этого вместо предметной пропаганды за социализм большинство мероприятий большевистской власти на практике в глазах малосознательных масс могут служить только лживым

свидетельством против социализма, дискредитируя как его, так и его носителей.

Неумолимая логика положения и невозможность довольствоваться фиктивно бумажным бытием ростков социализма, не пускающих корней в неподготовленную почву, заставляет большевистскую власть злоупотреблять запретительными и карательными мерами, заграждая им все другие пути кроме того одного, в который они пытаются загнать жизнь.

Это в свою очередь приводит к тому, что разрушительная работа большевиков далеко обгоняет их созидательную работу и в общей экономике народного хозяйства дает не подъем, а упадок производительных сил.

Дальнейшим следствием этого является жизнь за счет постепенного истощения предыдущих запасов вплоть до исчерпания резервного и даже основного капитала страны.

Растущая редкость жизненных благ, вызывая растущую дороговизну жизни, не может быть побеждена тем созданием фиктивных ценностей, каковым является обогащение страны путем ни с чем не соразмерных выпусков бумажных денег; напротив, этот метод усугубляет дороговизну, уничтожает всякую возможность правильных расчетов, требует постоянного пересмотра и повышения всех окладов и ассигновок, вечно колеблет основы хозяйственного быта, как людей, так и предприятий, и еще более усугубляет общую разруху.

В таком положении социализм превращается в карикатуру, сводясь к системе уравнивания всех к низшему и даже все понижающему уровню, к рекреации всей культуры и контрабандному возрождению примитивнейших форм хозяйственной жизни.

Вместо замены капиталистического производства социалистическим получается упадок всякого производства и замена производительного капитализма спекуляцией; шаткость самих основ товарообмена, фиктивность «национализации торговли» приводит к распыленнейшему виду спекуляции и контрабанды, к «мошеничеству» огромные слои населения, не только не воспитывая их для социализма, а развращая, деморализуя и прививая им яд барышничества; исчезание мануфактуры ведет к возрождению в деревне примитивнейших форм кустарничества и натурального хозяйства, высшие культурные потребности и виды культурного комфорта исчезают в городе и деревне, делая из коммунизма путь к «опрошению» и огрублению. Упадок транспорта разбивает страну на замкнутые в себе очаги косного провинциализма и т.д.

Перед лицом такой компрометации социализма, могущей совершенно убить его в умах и сердцах населения, первой задачей

всех настоящих социалистов является твердить неумолчно и неустанно, что большевистский коммунизм ничего общего с социализмом не имеет и потому может компрометировать лишь самого себя.

Необходимость прокармливать города и собственную бюрократию и армию при невозможности дать деревне мануфактуру в обмен на продукты сельского хозяйства заставляет большевистскую власть выковыривать из деревни хлеб штыком, принудительное же отчуждение от крестьян избытков их производства с уплатой падающими в цене бумажками приводит крестьян к сокращению производства и поспешному потреблению всяких излишков, что делает еще более катастрофическим положение всего хозяйства.

В России, не знавшей доселе губительной для европейского социализма розни между крестьянами и городскими рабочими, эта большевистская политика грозит создать эту рознь и тем надолго вставить палку в колеса поступательному шествию истинного социализма.

Необходимость для большевистского правительства, уничтожившего национализацию промышленности и торговли важнейшие источники обложения, за бездоходностью национализированных предприятий — все в большей и большей степени жить за счет ресурсов деревни, приводит к такому государственному закабалению крестьянства и крестьянского труда, которое искусственно бросит деревню в объятия черной реакции, если руководство борьбой трудового крестьянства за свои права не возьмет на себя трудовая демократия.

С другой стороны, и самая система диктатуры меньшинства и результаты ее хозяйничанья в хозяйственной области не только не могут доставить большевистской власти всеобщего признания, но неизбежно ведут к постоянным восстаниям и вспышкам недовольства во всех слоях населения, а потому и к неизбежной гражданской войне, а стало быть — и к содер[жанию] мощной армии, требующей выжимания из истощенной страны ее последних сил.

Вытекающая отсюда необходимость вечно держаться на военном положении, дрожать за свое существование, вместе с растущей невозможностью успешно защищать свою политику в идейной борьбе равным оружием, неизбежно приводит большевистскую власть к системе политического терроризма и к убийству всякой свободы мысли, слова, печати, т.е. к завершению своей системы социализма, из которой вынута самая душа его — свобода.

Теряя почву в народных низах, отталкивая от себя лучшие элементы культурных верхов, большевистская власть вынуждает

ся и внизу и наверху опираться все больше и больше на худшие элементы культурной и некультурной черни, на беспринципное моральное босячество деклассированных слоев города и деревни.

Отсюда и окончательное оформление большевистской власти как деспотической диктатуры партийной кучки, которая путем демагогии опирается на полную противоположность демократии — деморализованную охлократию.

Таким образом, в современной политике советской власти нет ничего случайного, все ее части взаимно обусловлены, связаны неразрывно, как звенья одной цепи, происходя в последнем счете из одного первоисточника — из идеи произвести социалистический переворот антидемократическим авторитарным путем, не справляясь с единственным точным показателем степени народной подготовленности и удовлетворенности — всеобщей подачей голосов.

Отсюда полная иллюзорность надежд на возможность соглашения с большевистской властью, тактики обволакивания ее и обезвреживания ее промахов и эксцессов. Бессильная что-либо сделать, тактика эта может только отождествить трудовую демократию в народном сознании с большевиками, т.е. привести ее к политическому самоубийству.

Трудовая демократия, в частности ПСР, перед лицом грозной опасности справа, может приостановить борьбу с оружием в руках против большевиков на то время, когда она не имеет достаточно сил для борьбы на два фронта; трудовая демократия во имя принципа собирания сил может удержать массы от разрозненных их вспышек, бунтов, забастовок и т.п., лишь истощающих энергию народа и увеличивающих общую разруху, но она никогда не может забыть, что лучшим работником на будущую контрреволюцию является сама большевистская система, что только от поведения самих большевиков зависит быть их неизбежному уходу от власти мирным или катастрофическим путем, и что, наконец, в момент этого конца место ПСР, как всегда, не в стороне, а во главе обретающего в борьбе свое право народа.

(Архив Б.И. Николаевского, Hoover Institution)

¹ Этот (пятый) съезд так и не состоялся.

² На седьмом съезде, проходившем с 6 по 8 марта 1918 г. в Петрограде, большевики переименовали свою партию из Российской Социал-Демократической Рабочей партии (большевиков) в Российскую Коммунистическую партию (большевиков).

ОТВЕТ КЛЕВЕТНИКАМ¹

[Москва,] 2 июня 1921 г.

За последнее время в советской печати вновь началась усиленная травля партии социалистов-революционеров.

Мы не отвечали на всю грязь и клевету, которая со стороны советских изданий выливается на нас вот уже четыре года, [потому] что мы знаем, что трудящиеся массы сами по достоинству оценивают ту «правду» и те «известия», которые им преподносит коммунистическая печать.

Но гнусность советских борзописцев настолько превзошла все пределы, их моральное падение дошло до таких границ, что на этот раз мы должны ответить.

Обостряется продовольственное положение — виноваты эсеры, мол, возглавляемые ими бандитские шайки сожгли в ссыпных пунктах 6 миллионов пудов хлеба.

Ширится и растет рабочее движение, волной разливаются рабочие забастовки — виноваты эсеры.

Усиливается рост крестьянских волнений — виновник найден — это эсеры.

Западноевропейские империалистические правительства медлят заключать торговые договоры с советской властью — виноваты все те же эсеры.

Начинаются под влиянием засухи лесные пожары — и здесь Стеклов в «Известиях» договорился — виноваты эсеры.

«Трудящиеся, — писала "Правда", — если вы голодны, если ваше положение тяжело, — во всем этом виновата партия социалистов-революционеров».

Венцом всей этой травли явилась книжка Ленина «О продналоге», в которой прямо указывается на то, что «меньшевиков и эсеров нужно держать в тюрьме»².

Большевики распоясались.

Когда в октябре 1917 года они захватили власть и в первые месяцы своим бездарным управлением не могли наладить хозяйственной жизни — они говорили: «во всем виновата керенщина, оставившая нам разваленное хозяйство»; когда затем с каждым годом, с каждым месяцем внутреннее положение страны ухудшалось, хозяйство приходило в упадок, останавливалась промышленность, начинался голод — они говорили: «во всем виноваты Каледин, Центральная Украинская Рада, немцы, гетман, Колчак, Деникин, Юденич, поляки, Врангель, блокада России».

Но наконец закончилась гражданская война. Исчезли безвозвратно и Каледин, и Колчак, и Деникин, и Врангель, не наступают ни немцы, ни поляки, снята блокада. Большевики имели достаточно времени, чтобы вместо «продажной буржуазной» политики времен Керенского установить свою «коммунистическую» политику, призванную облагодетельствовать Россию.

Наступило время, когда приходится расплачиваться по векселям, данным в октябре 1917 года, на которых было написано: «хлеб, мир и свобода».

Немедленный мир достигнут после четырех лет кровопролитной гражданской войны.

Но хлеб и свобода... Где они?

И большевики снова, сваливая с больной головы на здоровую, говорят: «во всем виновата партия социалистов-революционеров».

Посмотрим, справедливы ли их обвинения.

Продовольственное положение чрезвычайно ухудшилось. Столицы, промышленные центры хлеба не имеют. Запасов нет никаких. Народ голодает. До нового урожая еще несколько месяцев. Посевная площадь значительно сократилась. Транспорт разрушен и подвести собранный хлеб будет тоже задачей нелегкой.

Но кто же во всем этом виноват? Не большевики ли сами своей преступной продовольственной политикой, своим выколачиванием штыком хлеба из деревни, своими продотрядами и заградилками, реквизициями и конфискациями довели до такого положения, при котором необходимого количества хлеба не собрали и 50%, а что собрали, то частью сгноили и не смогли подвезти?

Своей экономической политикой разве не привели они к тому, что промышленность фактически стала, что транспорт развален, что ремонт паровозов уменьшился, что у рабочих нет силы работать?

Своей рабочей политикой, лишившей профессиональные союзы их независимости, разве не обезоружили они рабочий класс в его борьбе за улучшение и изменение своего положения?

Ведь за одну только словесную критику большевистской продовольственной, экономической или рабочей политики наши товарищи арестовывались и заключались в тюрьмы. Ведь крестьянские съезды в январе этого года, требовавшие замены разверстки налогом, разгонялись — а в марте декретом установлен налог³. Ведь беспартийные рабочие конференции, в январе требовавшие частичной оплаты труда рабочих натурой, распускались — а в апреле это установлено декретом.

Кто виноват в том, что сейчас продовольственный кризис достиг высшей точки?

Те ли, кто 4 года цеплялись за власть своей партии, вопреки воле народа, на его живом теле проделывая «опыт» достижения социализма, забывая, что 160-миллионный народ не кролик для производства на нем научных наблюдений — или партия социалистов-революционеров, 4 года не свертывая знамени, ведущая борьбу за замену существующей власти властью, признанной трудовым народом, которая вела бы иную политику, которая поставила бы на верные рельсы хозяйственное возрождение страны?

Но вот эсеры сожгли 6 миллионов пудов хлеба. Мы не знаем, какова точная цифра пудов хлеба, уничтоженных на ссыпных пунктах. Но можно утверждать только одно: большевики сознательно лгут, когда говорят, что во главе этих отрядов, уничтожающих хлеб, стоят эсеры.

Большевики знают, что партия социалистов-революционеров не ведет сейчас вооруженной борьбы с советской властью. Они знают, что нигде партия не руководит восстаниями. Они также хорошо знают, что голод вызван всей продовольственной политикой прошлого периода, — а уничтоженные будто бы эсерами ссыпные пункты нужны для отвода глаз, чтобы замести следы истинных виновников голода.

Рабочее движение в стране растет. В Питере, в Москве, на Урале, на Юге заводы останавливаются один за другим. Рабочие, измученные голодом, требуют улучшения своего положения и, не находя выхода, то бросают работу, разъезжаясь в хлебные губернии за продовольствием, то «волынят», выходя на работу с переборами и вырабатывая больше предметов обихода «на обмен», чем выполняя положенную работу.

Все это так. Все это тяжело отзывается на состоянии промышленности, приводит к тому, что последние дымящиеся трубы перестают дымить. Разруха еще более усиливается.

Но не большевики ли привели промышленность в такое состояние? Не большевики ли создали такие условия, при которых каждый думает только о себе, о своих потребностях, а не об общем благе?

Большевики прекрасно знают, что партия социалистов-революционеров экономических забастовок не вызывает, ибо знает, что эти забастовки не могут вывести пролетариат из тяжелого экономического положения. Они знают, что партия поддерживает лишь те забастовки, в которых предъявляются требования изменения всей политической обстановки и всей системы экономической политики.

Большевики все это знают — но им нужно указать как-нибудь виновного в промышленном кризисе. И его находят в эсерах, будто бы руководящих экономическими забастовками.

Не прекращаются крестьянские восстания. Ограбленное, обстрелянное, разгромленное и разбитое — вечный данник — крестьянство естественно бунтует, восстает. Восстает стихийно, часто идя по ложному пути, пути погромов, насилий и убийств. Восстает, ибо «так дальше жить нельзя», и часто попадает на удочку всяких авантюристов, проходимцев, бандитов.

Большевики знают, что партия социалистов-революционеров восстаний не вызывает и что лишь там, где они носят здоровый характер борьбы с коммунистической диктатурой за утверждение прав трудового народа, где они решительно отделены от всяких чуждых революции элементов, лишь там члены партии идут в рядах восставших.

Большевики знают, что движение Антонова⁴ рассматривается партией, как движение полубандитское, что в этом движении членов партии нет.

И все же, — где бы, при какой обстановке ни происходили крестьянские восстания — виноваты эсеры.

Они, мол, восстания вызвали, они ими руководят.

Западноевропейские империалистические правительства, не веря в особенную прочность большевистского строя, в искренность их обещаний, не спешат заключать торговые договоры с советской Россией. Они торгуются, оттягивают подписание соглашений. Им выгоднее еще поморить голодом трудящихся России, «не мытьем, так катаньем» вмешаться в русские дела, в надежде на то, что их снова призовут устанавливать в России «закон и порядок».

Большевики знают, что наша партия всегда высказывалась за снятие блокады, за заключение с большевистским правительством соглашений, поскольку они отвечали интересам трудовых масс России. И если партия высказывалась против заключенных договоров, то лишь поскольку самые договоры были направлены против трудящихся России и народов, ее населяющих.

Партия была за мир Польши с Россией, но она против изменнического предательского Рижского мира⁵; она за торговые соглашения с Западом, но против закабаления России на долгие годы западноевропейскими капиталистами.

Большевики все это знают, но так как им надо оправдаться перед народом за обманчивые посулы накормить, как только закончится гражданская война — то виновник найден. Это те же эсеры.

Таковы факты. Они говорят сами за себя. Обанкротившаяся деспотическая власть никогда не может понять истинной сущности движения трудового народа за установление своих прав. Она во всем видит «подстрекателя».

Так царский режим во всем видел руку «жида» или «студента». Так большевики во всем видят руку эсеров.

И как царское правительство арестовывало и ссылало на каторгу борцов за народную волю, так большевистские сатрапы арестовывают и гноят в тюрьмах, ссылают и избивают старых революционеров, членов партии с.-р. Ибо знают они, за партией социалистов-революционеров — трудовой народ, за ней будущее, а не за большевиками.

От ссылок и каторги не окреп царский режим. Не окрепнет и большевистский строй от чрезвычайек и особых отделов.

Можно арестовать еще несколько сот и тысяч социалистов-революционеров, но нельзя в узилища чрезвычайек запрятать народный гнев и негодование.

Так ищите же эсеров! Оттачивайте свои полные яду и клеветы перья, продажные журналисты; измышляйте новые потоки лжи!

Недалеки дни, когда трудовой народ, несмотря на все преследования, несмотря на ваши гнусные обвинения, вместе с партией социалистов-революционеров «в борьбе обретет право свое».

(Архив ПСР, №2008, Амстердам,
International Institute of Social History)

¹ Документ подписан ЦОБ. В связи с многочисленными арестами членов Центрального Комитета в июне 1920 г. в Москве было сформировано Центральное Организационное Бюро ПСР, в которое кроме оставшихся еще на свободе членов ЦК вошли также и другие видные члены партии. В августе 1921 г. руководство партией перешло к ЦОБ. (См.: M.Jansen. *A SHOW TRIAL UNDER LENIN*. The Hague, 1982, с.14).

² В.И. Ленин. *О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ НАЛОГЕ*. М., 1921; ПСС, изд. 5-е, М., 1958-1970, т.43. На с.244-245: «А "беспартийных", которые на деле не что иное, как переодетые в модный, кронштадтски-беспартийный наряд меньшевики и эсеры, — держать бережливо в тюрьме или отправлять в Берлин к Мартову для свободного использования всех прелестей чистой демократии, для свободного обмена мыслями с Черновым, с Милюковым, с грузинскими меньшевиками».

³ 21 марта 1921 г. декретом ВЦИК продразверстка была заменена продовольственным налогом.

⁴ Тамбовское восстание.

⁵ Мир с Польшей, подписанный в Риге 18 марта 1921 г.

ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПСР

[Москва,] 12 июня 1922 г.¹

Процесс эсеров вытеснил собой остальную жизнь России. Кроме этого процесса у большевиков, кажется, нет никаких нужд, никаких забот. Вопросы голода, промышленности, транспорта, засева полей и т.д. и т.д. — все это отошло на задний план, или вовсе выброшено за борт внимания. Десятки тысяч газет центра и провинции, обслуживающих партийные большевистские губкомы, исполкомы и всякие отделы, от первой до последней страницы заполняются «фактами» о предательствах и разбоях «бандитов» эсеров, и все это помещается под заголовком «процесс эсеров».

Само собой разумеется, что в бандиты попала и вся защита обвиняемых, не исключая и представителей заграницы — Либкнехта, Вандервельде и др. А так как ширь русской природы способна на большой размах, то, естественно, в одну кучу «предателей и душителей» трудовых рабочих масс казенные листки мешают и второй и 2^{1/2} Интернационалы. Нужно ли говорить, что эти десятки тысяч казенных газет, разоблачая эсеров, выявляют «истинное настроение» рабочих и крестьян, в миллионах всевозможного рода резолюций. Резолюции... резолюции... без конца резолюции, выражающие оскорбленное чувство трудящихся и требующие одного: не расстреля эсеров, а самой мучительной казни. Зрелище для какого-либо туриста европейца, знакомого с Россией из окна вагона первого класса, поистине грандиозно и изумительно. Одно для него, может быть, непонятно было бы: причем здесь защита, да еще защита, приехавшая из заграницы?

На исчадие ада — эсеров — судя по газетам, обрушилась не только большевистская власть, но и вся страна в целом. Однако, приготовления к процессу шли с большими предосторожностями: накануне большевистские «комячейки» Москвы получили приказ: «быть начеку». Наиболее надежные пулеметные команды получили строжайший приказ — всему комсоставу «быть наготове»; на крышу московского совдепа, а может быть, и другие крыши, водрузили пулеметы, словом, приняты самые предусмотрительные меры предосторожности от каких-либо неожиданных эксцессов со стороны кучки эсеров, посаженных на скамью подсудимых.

Со всеми миллионами резолюций рабочих и крестьян происходит то же, что происходит со съездами советов. Страна, насчитывающая в себе 120 милл. жителей, озлобленных против большевиков, [переживающая] хронические восстания, при всяком удобном и неудобном случае распарывающая животы очутившим-

ся без надлежащей охраны коммунистам, — эта страна на все съезды и конференции посылает 96-97% коммунистов. Ясно, что выборы происходят при помощи штыка, а не избирательной карточки, точно то же происходит и с резолюциями, выявляющими гнев по адресу эсеров и требующих их казни.

Сейчас «комячейки» получили от московского большевистского комитета секретное предписание к концу эсеровского процесса устроить грандиозную демонстрацию в Москве и перед зданием суда. Готовятся знамена с лозунгами: «Смерть предателям эсерам», «Долой социал-предателей 2-го и 2^{1/2} Интернационалов» и т.д. На все это отпущены огромные средства, частью, разумеется, из отобранных у церкви; составляются соответствующие списки организаций и предприятий, кои обязаны будут участвовать в демонстрации, а так как все это дело нелегкое, в провинцию полетели соответствующие секретные телеграммы от Рекапы² о мобилизации в Москву коммунистов «для срочной работы».

Словом, Левиафан, со всем его грандиозным карательно-принудительным аппаратом, с техническими средствами в виде почты, телеграфа, телефона, железных дорог, аэроплана, печатного станка, газет, журналов и т.д. — все это брошено на борьбу с «кучкой бандитов эсеров», спокойно, с розами в петлицах сидящих на скамье Ревтрибунала и временами беспощадно бичующих обвинителей, грязно-кровавыми руками сфабриковавших процесс.

Но большевики не были бы большевики, если б они грандиознейшую провокацию фабриковали кое-как. Они заранее, весьма предусмотрительно, создали себе помощников в процессе в лице отбросов партии эсеров — Григория Ратнера, Семенова, Коноплевой и др. Моральный уровень этих господ оказался весьма низким для пребывания в рядах партии эсеров и как раз впору пришелся для партии коммунистов. Этим только и можно объяснить их роль обвиняемо-обвинителей на процессе.

Первые дни процесса дали вполне удовлетворительные для обвиняемых результаты. Что будет дальше — буду сообщать. Сам суд представляет из себя митинг.

(Архив Б.И. Николаевского, 7/37, Hoover Institution)

¹ От Центрального Бюро ПСР письмо к Заграничной Делегации партии подписал Люсьмарин — псевдоним Г.К. Покровского.

² РКП(б).

ИНТЕРВЬЮ С Я.МЕЕРОВЫМ

Беседу вел Т.Сонин

— Вы были участником социал-демократического молодежного движения в 20-е годы?

— Да, с конца 1921 года.

— Как долго Вы участвовали в этом движении?

— Фактически — два года с небольшим; возможность дальнейшей работы была пресечена первым арестом, за которым последовала «череда» заключений, ссылок и «минусов».

— Насколько осознанно сделан Вами выбор, определивший Вашу судьбу? Какие события Вашей жизни подвели Вас к участию в подпольной политической деятельности? Можете ли Вы предположить, что Ваши товарищи вступили на этот путь, движимые аналогичными импульсами? Вообще, можно ли говорить об общих чертах в психологии, мировоззрении и шире — в мировосприятии Вашего поколения и, в частности, тех молодых людей, которые выбрали для себя политическую борьбу с режимом?

— Я могу говорить только о себе. Ретроспективно оценивая прошлое, я думаю, что выбор мой был сделан сознательно. В сущности, я был социал-демократом, когда не был связан не только с какой-либо социал-демократической организацией, но и с отдельными социал-демократами. Я не могу назвать каких-либо конкретных событий личной жизни, которые привели бы меня — не к политической деятельности, это слишком громко сказано, — а к очень скромной работе в одном из социал-демократических кружков. Разве что событием личной жизни считать усердное чтение общественно-политической литературы. Безусловно, крупную

роль сыграли политические события, которые приходилось наблюдать и о которых можно было узнать из газет и другой текущей литературы. В частности, огромную роль сыграло неприятие так называемого «красного террора», отсутствие нормально функционирующего суда. Припоминаю, например, как в 1920 г. мы с двоюродным братом бродили летом по городу и случайно впервые в своей жизни зашли в народный суд. Разбирались два совершенно одинаковых дела, оба — о вооруженных ограблениях. Всех судившихся по первому делу приговорили к расстрелу (в том числе и нескольких женщин), подсудимых по второму делу — к разным, в общем небольшим, срокам заключения. Даже юридически неукосновенному уму было ясно, что оба приговора просто произвольны. Еще более отталкивающее впечатление оставляли сведения о бессудных расстрелах, в частности «заложников». Сообщения о них публиковались даже в официозной прессе.

Но главную роль, конечно, играло стремление разобраться в происходящем, чтение самой разнообразной литературы, в частности, исторической. Не помню точно, когда я прочитал 1-й том «Истории русской общественной мысли» Плеханова, введение к которой оказало большое влияние на формирование моих взглядов. Что касается психологии — и тут, может быть, я могу говорить не только за себя лично — то ее, как мне кажется, довольно точно обрисовал Тиль в своей статье «Социал-демократическое движение молодежи 1920-х годов»*: перефразируя того же Плеханова — смесь практического идеализма с теоретическим материализмом.

— Сознали ли Вы риск, связанный с Вашим решением?

— Конечно, сознавали, мало того — прекрасно знали размеры этого риска. До конца 1922 г. — ссылка от 2 до 3 лет. С 1923 г. — Соловки или политизолятор, как правило, три года, реже два. С 1925 г. и до начала 30-х гг. — довесок к политизолятору в виде ссылки; с того же времени риск увеличился угрозой нового, беспричинного ареста, когда человек попадал в круговорот «политизолятор — ссылка — "минус"», потом снова «политизолятор — ссылка — "минус"». И так было до 1934 г. Иногда какое-то звено выпадало; единицам удалось выплыть из этого круговорота и даже получить или закончить образование. В 1934 г. повторные аресты и «минусы» на короткое время почти сошли на нет, а потом началось преддверие 1937 г., когда степень риска никто уже не

* См.: ПАМЯТЬ. Исторический сборник. Вып.3, Париж, 1980, с.165-283.

мог определить, и никто не мог этого риска избежать. Кой-кого 1937 г. обошел; в 1941 г. были подобраны почти все остатки.

Предчувствие тридцать седьмого года, непредсказуемых событий и степень увеличения размеров риска стала ясно осознаваться лишь в 1930-1931 гг. после процессов так называемой «Промпартии» и «Союзного бюро меньшевиков».

От товарищей, попавших в орбиту этих процессов, нам стали известны детали, касающиеся подготовки этих процессов, «новые методы» допросов, которые, собственно, предвосхищали, может быть в меньшем объеме и с меньшей жесткостью, методы 37 г., но в принципе ничем от них не отличались.

Остановило ли бы нас знание того, что предстоит? Думаю, что большинство запугать было нельзя, уже по одному тому, что молодости свойственна некоторая самоуверенность, самонадеянность и уверенность (во многих случаях обманчивая), что «мы можем выдержать всё».

— Верили ли Вы в успех Вашего дела, или это была «борьба обреченных»?

— Конечно, верили. Ни один человек в здравом уме не вступит на путь политической борьбы, заранее зная, что она обречена. Правда, с каждым годом перспективы становились все более мрачными и возможный успех отодвигался во времени все дальше и дальше. Сознание обреченности возникло тогда, когда уже не было никакой борьбы. Но и тогда — по крайней мере, у тех, кого я знал, — оставалась надежда, что борьба вновь начнется (хотя и без нас, и не в той форме, какую мы предполагали) и завершится успехом.

— Чувствовали ли Вы когда-нибудь свою и своих товарищей духовную изоляцию, как бы «отчужденность» от Ваших сограждан? Встречали ли Вы сочувствие Вашему делу в массах?

— Если говорить о массах, то я лично просто не имел с ними дела. От товарищей, принадлежавших к моему же поколению, я знаю, что они в 1920-23 гг. встречали сочувствие со стороны рабочих, когда выступали на фабричных и заводских собраниях. Сведения эти относятся, главным образом, к печатникам Москвы, металлистам Тулы, рабочим Кременчуга, Ростова-на-Дону, Екатеринослава, Витебска. Несомненное сочувствие они, насколько я знаю, встречали в 1921 г. на предприятиях Петрограда. Какое-то сочувствие — и это я уже говорю по личному опыту — мы встречали среди интеллигенции. Оно проявлялось, в частности, во время

сбора средств для арестованных. Я знал частных врачей, которые, по крайней мере до середины 20-х годов, отказывались получать гонорар со ссыльных, помогали нуждающимся лечь в больницу, по возможности, помогали устроиться на работу. С конца 20-х и особенно с начала 30-х годов все больше и больше чувствовалась боязнь общения со ссыльными, а к 1937 г. вокруг них образовался вакуум.

— Какие отношения были у социал-демократов с представителями других политических течений — эсерами, левыми эсерами, анархистами? Как складывались отношения с участниками различных оппозиций внутри ВКП(б) — рабочей оппозицией, троцкистами, сторонниками Бухарина?

— В тюремном быту представители всех политических течений были довольно тесно спаяны, хотя среди социалистов-революционеров и особенно анархистов большое влияние имели несколько экстремистские настроения. В борьбе с тюремным начальством они обычно занимали более крайнюю позицию, чем социал-демократы. Особенно это сказалось, в частности, на позициях социал-демократов, левых эсеров и анархистов после известного Соловецкого расстрела в декабре 1923 г. Политически же левые эсеры и анархисты были для социал-демократов людьми чуждыми, что не мешало чисто личным отношениям. Политически наиболее близки были к социал-демократам социалисты-революционеры центристского толка; политический союз с ними, начавшийся еще в 1917 г., продолжался, несмотря на теоретические разногласия, и позднее. Сколько мне известно, уже после Второй мировой войны, эмигрантские группы социал-демократов и социалистов-революционеров, находившиеся в Соединенных Штатах, слились в одну организацию.

Среди политзаключенных, особенно конца 20-х и начала 30-х годов, было большое количество грузинских социал-демократов, которые как будто бы и в вопросах теории и в вопросах практики были наиболее близки к русским социал-демократическим элементам. Насколько я могу судить по личным впечатлениям, даже в условиях тюремной жизни полного слияния не произошло, а сами они довольно отчетливо делились на две группы: сторонники Н.Жордания и последователи И.Церетели. Первые (к ним принадлежала почти вся молодежь) не чувствовали какой-либо органической связи своей партии с российской социал-демократией. С нашей точки зрения, это была прежде всего национальная партия. Во вторую группу, значительно меньшую, входили люди старшего поколения, которые, вслед за И.Церетели, рассматривали себя

как органическую часть РСДРП и отделение Грузии от России считали исторической трагедией. Я помню слова старого социал-демократа, бывшего политкаторжанина Мосиашвили, по прозвищу «Папá», который как-то во время тюремной прогулки с характерным грузинским акцентом говорил, показывая рукой на русских социал-демократов и обращаясь к грузинской молодежи: «Вот мои товарищи. Ви мнэ нэ товарищи!»

Что касается отношений с представителями оппозиции ВКП(б), то, по моим наблюдениям, они пережили несколько стадий. Сначала, примерно с 1928 г., в более или менее крупных городах, которые для социалистов были, как правило, местами не ссылки, а «минуса», стали появляться первые троцкисты. Это были скорее не ссыльные, а опальные вельможи, которые соответственно себя и вели. В ссылке они занимали более или менее крупные посты (я слышал, например, что ссыльный троцкист Россет стоял одно время во главе Среднеазиатского Госплана). Никаких точек соприкосновения, ни житейских, ни каких-либо других — не было и быть не могло. Кстати сказать, и материальное их положение было подчеркнуто иным, чем у ссыльных социалистов. Если, например, безработные ссыльные социалисты получали 6 р. 25 к. месячного пособия, то ссыльные оппозиционеры получали не то 70 р., не то даже больше.

В самом начале 30-х гг., когда оппозиционеров начали отправлять в политизоляторы, для них были выделены отдельные камеры, образовавшие так называемый «коммунистический сектор», и с другими политзаключенными они не соприкасались даже на прогулках. Но какие-то контакты между ними стали неизбежны, прежде всего потому, что внутритюремная переписка оппозиционеров могла в большинстве случаев передаваться только с помощью некоммунистического сектора, а почтальонами для последнего неизбежно должны были стать и оппозиционеры. Далее контакты сами собой стали возникать на почве столкновений с тюремным начальством, а в некоторых случаях они приводили к совместным действиям. Так было, например, в Верхнеуральске, после ранения дециста (фамилию его не помню)*, на которое оба сектора ответили дружной обструкцией, а затем и голодовкой. Голодовка, правда, получилась далеко не дружной. Оппозиционеры, объявив голодовку, выставили список требований. Начинался он со смены Политбюро ВКП(б) и кончался увеличением количества «оправок»

* По сведениям А.Цилиги, это был троцкист Габо Есяян. См. прим.39 в статье Т.Тила *СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ 1920-х ГОДОВ. (ПАМЯТЬ, вып.3, стр.236).*

с двух до трех. «Некоммунистический сектор» ограничился объявлением голодовки протеста продолжительностью не то в 3, не то в 5 дней, указывая своим невольным сотоварищам на то, что, объявляя голодовку без ограничения срока, надо идти до конца, а это возможно только тогда, когда голодающие ставят перед собой реалистические цели. И тогда голодовка может кончиться либо успехом, либо компромиссом, либо смертью голодающих. Пытаться путем голодовки добиться смены Политбюро было, по меньшей мере, нереалистично, а умирать за 3-ю оправку и лишнюю тумбочку — явно не стоило. В письме, обращенном к «коммунистическому сектору», социалисты указывали на свой тюремный опыт, показавший, что совместная голодовка нескольких сот человек, отделенных друг от друга, обречена на провал. Так и случилось. Примерно с 4-5 дня от голодовки начали отходить сначала один, потом другие, и вскоре голодовка кончилась ничем. Этот небольшой эпизод способствовал тому, что у «коммунистического сектора» увеличилось доверие к «некоммунистическому», а это, в свою очередь, привело к более тесным контактам, обмену письмами, ознакомлением друг друга со своими взглядами и т.п.

Некоторую роль в сближении обоих секторов сыграл член Политбюро Югославской компартии А.Цилига*. В 1930 на Челябинской пересылке произошла встреча группы социал-демократов, шедших в Верхнеуральский политизолятор, со следовавшими туда же Цилигой и его товарищем, рабочим Поповичем, тоже, кажется, членом Политбюро или ЦК. Как говорил сам Цилига, знакомство было для него чем-то неожиданным. Он полагал, что молодые русские меньшевики — это буржуазные сынки, ярые противники марксизма, социализма и т.д., и что они представляют собой какие-то единичные и достаточно архаичные «осколки разбитого вдребезги». Вместо этого он встретил молодых людей явно демократического происхождения и облика, в которых не было ничего буржуазного и которые свято верили в принципы социализма и марксизма. Между ним и этими социал-демократами возникли довольно близкие отношения, которые продолжались и по прибытии в политизолятор. По-видимому, Цилига, пользовавшийся авторитетом среди своих товарищей-оппозиционеров, дал им более точное представление о том, что из себя представляют русские со-

* Цилига Антон (р.1898) — один из основателей ЮКП. После 1923 — политэмигрант в Сов. Россию. С конца 1920 — начала 1930-х — в политизоляторах и ссылках как троцкист. В конце 1930-х находясь в лагере, обратился через итальянского консула с просьбой о репатриации (он уроженец Триеста и сохранял итальянское подданство). Просьба была удовлетворена, и он репатриировался в Западную Европу, где выступил с циклом статей, позже вошедших в кн. *ПОКИДАЯ РОССИЮ*.

циал-демократы. Боюсь, что некоторую роль в дружеских чувствах Цициги к своим попутчикам сыграли чары молодой и очень привлекательной одесской социал-демократки Оли Ашпиз.

В Челябинской пересылке Цицига как-то сказал своим новым знакомым, что они напоминают ему немецких комсомольцев (прежде чем переехать в СССР, Цицига жил некоторое время в эмиграции в Германии), а советские чиновники — немецких профсоюзных бонз. Молодые социал-демократы в восторг от этого комплимента не пришли.

Не знаю, как сложились отношения между социалистами и коммунистической оппозицией после 1932-1933 гг. когда репрессии по отношению к коммунистам стали принимать все более суровый характер. В ссылках, сколько мне известно, начали возникать чисто личные контакты. Насколько часты они были, судить не берусь. Но политического сближения не было никогда. Слишком далеки они были от социал-демократов, как идейно, так даже и чисто психологически. В частности, ироническое недоумение вызывал их «вождизм». Припоминаю, как 1 мая (в 31 или 32 г.) троцкисты устроили на прогулке нечто вроде митинга. До нас доносились возгласы: «Да здравствует наш вождь Лев Давыдович Троцкий! Да здравствует наш вождь Иван Никитич Смирнов!» Последний, кажется, был среди возглашавших... Нас все это и изумляло и веселило. Политические устремления оппозиционеров, в конечном счете целиком обращенные в прошлое, идеализация ими эпохи Гражданской войны, также не могли вызвать у нас никакого сочувствия.

Правда, не помню точно, когда, вероятно, в конце 20-х гг., когда в качестве главы оппозиции выдвинулся Троцкий, Ф.И. Дан писал в «Социалистическом вестнике», что в Троцком заговорила его меньшевистская совесть. Находившиеся в России социал-демократы никаких признаков «меньшевистской совести» в Троцком не усматривали и политический союз не только с троцкистами и зиновьевцами, но даже и с более умеренными «правыми» считали, как мне кажется, невозможным. Конечно, были и исключения. Но в основном борьба между всеми оппозициями и сторонниками генеральной линии рассматривалась нами как борьба за власть. Конечно, программы рабочих оппозиций начала 20-х гг. вызывали у нас большие симпатии, чем платформы Зиновьева, Троцкого и т.д. Однако и в начале 20-х гг. взаимное отталкивание было слишком сильным.

— Как Вы представляли себе в те годы то, что принято называть «реальный социализм»?

— Социал-демократам, в частности — русским, всегда было чуждо то, что немцы называли *Zukunftsmalerei* (рисование картин будущего). В русской социалистической литературе конца XIX — начала XX вв. начисто отсутствовал жанр утопии. Единственным исключением были романы А.А. Богданова, тогда большевика — «Инженер Мэнни», «Красная звезда». Конкретные задачи будущего, очевидно, должны были решать и люди будущего. Было другое: представление о характерных признаках будущего и о тенденциях. Довольно точно, на мой взгляд, социалистическое будущее охарактеризовал в нескольких словах К.Каутский в одной из своих работ начала века: строгое планирование экономики и полная анархия в области идеологии (передаю по памяти смысл, а не точные слова). При этом строгое планирование производства отнюдь не означало национализации или социализации всех средств производства и «ликвидацию как класса» всех мелких производителей. Едва ли какому-нибудь марксисту приходило тогда в голову, что совладелец токарной мастерской Август Бебель должен быть причислен к лику тех экспроприаторов, коих следует экспроприировать. Под словами Каутского, мне кажется, мог бы расписаться любой молодой социал-демократ 20-х гг., с той оговоркой, что они относятся не к настоящему, а к будущему (для левых социал-демократов — более или менее близкому, для правых — более или менее далекому).

— Продолжаете ли Вы считать себя и ныне социалистом? марксистом? социал-демократом? Изменялись ли Ваши взгляды с годами?

— Социалистом — безусловно; марксистом — с незначительными оговорками. Что касается термина «социал-демократ», то он, как и многие другие слова, присвоен столь разными политическими течениями, что социал-демократом я могу назвать себя только с прибавлением эпитета «русский».

Естественно, за 60 лет жизнь настолько изменилась и произошло столько событий, что это не могло не вызвать известной эволюции моих взглядов. В частности, я не могу называть себя ортодоксальным марксистом, в том смысле, в каком это слово употреблялось в России с конца XIX века. (Конечно, когда я говорю о марксизме, я не имею в виду ту его своеобразную интерпретацию, которую ему дали после 1917 года русские большевики, а уж тем более его истолкователи новейшей формации).

С моей точки зрения, марксистская теория в целом является предельным случаем, применимым к определенной стадии развития человеческого общества, ведущей начало с XVII-XVIII вв. Во второй половине XIX в. это была теория, обладавшая огром-

ной притягательной силой. Сейчас, по-видимому, экономическая теория Маркса, в частности, теория стоимости (о которой ее противник Шумпетер сказал, что она является величайшим достижением экономической мысли XIX столетия) никого уже не интересует. На экономическую практику гораздо большее влияние оказали, скажем, Кейнс или Гэлбрейт.

Из теоретического наследия Маркса внимание западной интеллигенции привлекает, например, проблема отчуждения. Меня лично вопросы последнего рода интересуют очень мало. В теории Маркса для меня до сих пор главным остается то, что, говоря словами того же Маркса, «социальное бытие определяет общественное сознание».

Однако, этот тезис мы, думается, истолковывали не всегда удачно. Когда-то яростно опровергавшийся всеми ортодоксальными марксистами ревизионизм Бернштейна заключал в себе много верного. Я говорю не только о том, что он оказался прав в таких конкретных вопросах, как увеличение доли интеллигентского труда, большая, чем предполагалось ранее, устойчивость мелкого сельского хозяйства и т.п., но и в гораздо более кардинальных вопросах.

Так называемые ортодоксальные марксисты грешили, на мой взгляд, двумя или даже тремя методологическими ошибками, в которых они сами были более повинны, чем Маркс. Во-первых, несмотря на новые явления в жизни цивилизованных стран, такие, как развитие новых форм капитализма (финансовый капитализм), растущее вмешательство государства в экономическую жизнь и даже первые попытки регулирования ее (так называемая «смешанная экономика»), ортодоксальные марксисты продолжали недооценивать еще далеко не исчерпанные возможности развития производительных сил в рамках капиталистического общества.

Вторая ошибка заключалась в следующем: по представлениям всех марксистов, строительство социалистической экономики и социалистического общества начнется только *после* того, как социалисты придут к власти. Такой ход событий в сущности противоречил всему прежнему историческому опыту. После промышленной революции в Англии, Франции, а затем и в других странах, развивались не предпосылки буржуазного общественного строя, не условия развития капиталистического производства, а само капиталистическое производство и соответствующие ему общественные отношения. И буржуазные революции не создавали этих условий и предпосылок, а лишь способствовали укреплению и развитию уже выросшего в рамках феодализма капиталистического способа производства и буржуазного строя. Трудно ска-

зять, почему такой ход развития считался невозможным, когда речь шла о смене капиталистического строя социалистическим. Возможно, что такой ход мыслей был связан с некоторыми реальными политическими процессами. Начиная с середины XIX века социал-демократия, отождествлявшая себя с интересами рабочего класса, шла от одного избирательного успеха к другому и приобретала все больше мест в парламентах. Экстраполируя такое движение на будущее, социал-демократия приходила к убеждению, что рано или поздно она завоюет большинство в законодательных органах, и это будет необратимым. Тогда-то социал-демократия и приступит к преобразованию общества.

Фактический ход событий не подтвердил такого оптимистического взгляда. Лейбористская партия в Англии неоднократно приходила к власти, но затем уступала место консерваторам. Шведские социал-демократы непрерывно находились у власти около 40 лет. За это время они путем частичных реформ, касающихся главным образом перераспределения доходов, превратили Швецию в новую страну, с самым высоким уровнем жизни, самой совершенной системой социального обеспечения, максимальной свободой развития личности. Тем не менее, на выборах в 1976 г. большинство шведских избирателей социал-демократов не поддержало и к власти пришла коалиция буржуазных партий. Но важнее всего то, что эти последние ни одной из проведенных социал-демократами реформ затронуть не смогли. По-видимому, ростки социализма все-таки произрастают в рамках капиталистического общества, и, вероятно, для укрепления их, по крайней мере в странах европейской цивилизации, насильственной революции не требуется.

Таким образом, мои взгляды изменились, в основном, в сторону эволюционизма.

— Как бы Вы охарактеризовали теперь историческую роль социал-демократического движения в России, в частности — его послереволюционный период?

— Как безнадежную попытку влить русское рабочее движение в общее русло европейского социалистического развития. Это не значит, что ретроспективно я считаю ненужной деятельность российских социал-демократов. В более далекой исторической перспективе то, что кажется сейчас практически бессмысленным, может оказаться значительным и исторически оправданным.

***К ИСТОРИИ
ПАРТИЙНОЙ
ОППОЗИЦИИ***

РАЗГРОМ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В СССР. ПИСЬМА ССЫЛЬНЫХ БОЛЬШЕВИКОВ (1928)

Публикация Ю.Фельштинского

1928 год можно считать рубежом советской истории по целому ряду причин. Внутри страны завершил свое недолгое существование НЭП и началась принудительная коллективизация крестьянского хозяйства. Во внешней политике бурное экспансионистское десятилетие 1918-27 гг. завершилось неудачной революцией в Китае и сменилось относительно мирным периодом 1928-37 гг. В партийной жизни в этот год была ликвидирована так называемая левая оппозиция, самым ярким представителем которой был Троцкий.

Левая оппозиция возникала дважды в критические для большевистской системы моменты, когда приходилось решать серьезные внешне-политические вопросы, а от решения этого зависело либо само существование советского правительства, либо победа революции в соседних странах. Классическим примером была оппозиция Брестскому миру. С точки зрения абсолютных коммунистических интересов, Брестский мир являлся катастрофой. Он несомненно убивал все шансы на стремительную революцию в Германии, а значит — на революцию в Европе. Это было настолько очевидно большевистско-левоэсеровскому активу, что большая часть партийных функционеров стала в оппозицию к ленинской группе, поддержав либо откровенно левацкую позицию Бухарина, либо — более осторожную и, несомненно, самую правильную (с точки зрения коммунистических интересов) позицию Троцкого¹.

Для левых коммунистов, для сторонников Троцкого и для большинства левых эсеров (отличавшихся от большевиков еще большим догматизмом) — вопроса о построении социализма в одной стране не существо-

¹ Подробнее об оппозиции Брестскому миру см. мои статьи: *ИЗ ИСТОРИИ БРЕСТСКОГО МИРА*. — «Новый журнал», №161, 1985, с.210-230; №162, 1986, с.228-261; «Грани», №141, 1986, с.203-251.

вало: они считали это невозможным. Здесь следует сделать оговорку. В конце концов построить социализм в «отдельно взятой стране» оказалось все же возможным, но для этого пришлось уничтожить тех самых коммунистических романтиков, которые соглашались строить его исключительно в соответствии с максималистской догмой, а не исходя из реального положения дел в Советской России. И сегодня, зная их судьбу, приходится отдать должное интуиции противников «социализма в одной стране»: защищая свою точку зрения, они боролись за собственную жизнь.

Позиция Ленина, в отличие от его оппонентов, была абсолютна рационалистичной. Его прежде всего интересовала власть, хоть на один день², хоть в одном городе³, и как можно скорее⁴. А затем уже можно было думать и о европейской революции. В такой схеме не оставалось места ни для революционного романтизма левых эсеров, ни для риторики левых коммунистов⁵. Больше того, в ней не оставалось места и для не-

² На 73-й день существования советской власти в Петрограде Ленин торжественно заявил Артуру Ренсому, корреспонденту «Манчестер Гардиан» в России, что основная цель русской революции уже достигнута: большевики продержались на один день дольше Парижской коммуны и гибель советской власти теперь не страшна, так как главный вклад в мировое коммунистическое движение уже сделан (см.: Л. Фишер. *ЖИЗНЬ ЛЕНИНА*. Лондон, 1970, с.231).

³ Когда в 1918 году Троцкий спросил Ленина, что произойдет, если немцы будут наступать и захватят Москву, Ленин ответил: «Отступим дальше, на восток, на Урал /.../ Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на угольную промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увести с собой. /.../ В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться». Троцкий комментирует: «Концепция Урало-Кузнецкой республики ему органически необходима была, чтобы укрепить себя и других в убеждении, что ничто еще не потеряно и что для стратегии отчаяния нет и не может быть места». (Л.Троцкий. *О ЛЕНИНЕ. Материалы для биографа*. М., 1924, с.88-89).

⁴ В статье *УРОКИ ОКТЯБРЯ*, напечатанной вместо введения к первой части кн. Троцкого 1917 (М., 1924) и републикованной в кн. *ОБ «УРОКАХ ОКТЯБРЯ»* (Рабочее изд-во «Прибой», Л., 1924, с.220-262) Троцкий описал, как Ленин уже в сентябре 1917 года предлагал (скрываясь при этом в Финляндии) провести в Петрограде переворот, хотя, по мнению Троцкого, «от имени питерского Совета в сентябре еще нельзя было провести этот план, так как организация Совета, еще не-большевическая, как следует быть, была для этого не приспособлена: Военно-революционный комитет еще не существовал». (*КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР. 1923-1927*. Сб. док-в из архивов Л.Троцкого, в 4-х тт. Сост. Ю.Фельштинский. Том 1. 1923-1926. Chalidze Publications, 1988, с.125). «Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии с тем, чтобы затем освятить победу через съезд Советов» (*УРОКИ ОКТЯБРЯ*, с.247). Авантюрный характер ленинского призыва отметил не только Троцкий. В.Ногин заявил, что это призыв «к повторению июльских событий», т.е. к заведомому поражению (там же, с.238). А ЦК партии в целом отверг предложение Ленина (там же, с.247).

⁵ Первых, как конкурирующую партию, Ленин уничтожил 6-7 июля 1918 года. Вторых, членов собственной организации (партии большевиков), (см.след. стр.)

медленной революции в Германии, поскольку тогда вопрос о власти в России лишился практического значения: в этом случае центром мирового коммунистического движения стал бы Берлин, а советское правительство «Соединенных Штатов Европы» возглавили бы Карл Либкнехт и Роза Люксембург, но уж никак не Ленин с его оппортунистической и «правой» идеей брестской передышки⁶.

Вот так и развернулись карты участников игры: с одной стороны Ленин, пытающийся прежде всего закрепить власть свою и своей группы; с другой — догматики-идеалисты, интуицией, а кто и здравым рассудком понимавшие, что в отдельно взятом социалистическом обществе им не остается места и нужно биться за немедленную мировую революцию как единственный способ оправдать жизнь. В этой игре победил Ленин. Блестящий тактик партийной борьбы, он переиграл своих оппонентов во время голосования в ЦК по вопросу о Брестском мире и, воспользовавшись нерешительностью левых коммунистов и Троцкого, провел свою резолюцию через партийный съезд, а во время съезда Советов сумел уничтожить еще и конкурирующую левозероветскую партию.

он репрессиям не подверг: инцидент с левыми коммунистами был предан забвению. На короткое время репрессирован был лишь один левый коммунист — глава ВЧК Дзержинский; его отстранили от работы, но и то лишь потому, что для Ленина была очевидна причастность Дзержинского к убийству германского посла графа Мирбаха. Но поскольку само убийство, да еще руками левого с.-р. Блюмкина, было Ленину крайне выгодно, Дзержинского скоро восстановили на прежней должности, а Блюмкина приняли в РКП(б) и вернули на работу в систему Дзержинского, где он сделал блестящую карьеру контрразведчика (пока в ноябре 1929 г. не был расстрелян за связь с Троцким).

⁶ Теодор Либкнехт, брат Карла, взявшийся проводить расследование обстоятельств убийства брата, пришел к выводу, что в нем замешаны большевики, в частности — Карл Радек. Из своего открытия Т. Либкнехт не делал тайны, хотя, разумеется, почти никто не верил ему. В этой связи интересно хранящееся в коллекции Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского ин-та (Стенфорд, США) письмо Николаевского к М.Н. Павловскому, написанное 2 сентября 1962 года в ответ на письмо Павловского. Известный меньшевик, собиратель архивов русской революции, Борис Николаевский, человек, несомненно, очень сведущий, сообщал своему корреспонденту:

«Материалы немец[кого] м[инистерст]ва о Радеке использованы в т.2 "Архив фюр социал-гешихте", который только что вышел в Зап[адной] Германии. Обратите внимание. Обработаны неплохо. Но рассказы Теодора Либкнехта имеют в виду связь не с м[инистерст]вом ин[остранных] дел, а с военной разведкой, архивы которой не попали к англо-американским органам. И, конечно, Радек не принимал непосредственного участия в убийстве [Карла Либкнехта. — Публ.], Речь шла о другом, о том, что Радек выдал им [германской разведке. — Публ.] адрес Либкнехта и что за эту помощь самого Радека они спасли от ареста. /.../ Должен сказать, я не уверен, что в рассказах Теодора Либкнехта все неправильно. Он был безусловно честный человек, знал очень много, относительно Карла Моора он был полностью прав, в деле об убийстве брата он вскрыл очень многое, имел каких-то хороших информаторов. Что Радек был связан с очень большими немецкими разведчиками, для меня несомненно. (Сталин его не расстрелял в 1937 г., несомненно, потому что рассчитывал использовать его старые связи), а потому в этом вопросе мы еще можем натолкнуться на много неожиданностей». (См. след. стр.)

С разгромом левых эсеров Ленин окончательно утвердил свою власть, пожертвовав ради этого возможной революцией в Германии. И до конца 1922 года, когда стало очевидно, что дни его сочтены, а сам он уже не всемогущ, — внутрипартийная борьба не достигала уровня 1918 г.

В 1923 году внутри Политбюро у Ленина появился серьезный конкурент: Сталин. Опасен он был прежде всего тем, что, как лучший ученик, прекрасно усвоил те методы руководства, которыми только и можно было держать в руках партию нового типа. Через собственный секретариат Сталин пытался захватить контроль над ленинской организацией. Он ни разу не предъявил открыто своих претензий и лишь несколькими второстепенными поступками выдал свои намерения⁷. Ленин начал борьбу. Однако с конца 1922 года он был не только неизлечимо болен, но и явно растерян. Он создал систему, управлять которой «по-ленински» не мог никто, кроме него самого. И Ленин предложил коллективное руководство, пытаясь заменить себя всеми, но не доверяя при этом никому в отдельности и делая одного члена Политбюро надсмотрщиком над другим. В Политбюро его предложения не приняли всерьез. Тогда Ленин написал документ, известный как «Завещание» — о полной непригодности каждого конкретного члена Политбюро на роль главы государства. Он вновь предложил заменить себя коллективным руководством, а Сталина — снять,

Еще раньше Николаевский писал о том же Борису Суварину: «Много говорил на эти темы с Теодором Либкнехтом (покойным), кот[орый] считал и Радека, и особенно Карла Моора агентами нем[ецкого] штаба. Уверял меня, что к такому же выводу о Радеке пришел и Карл Либкнехт, с кот. у Теодора был на эту тему разговор при последней встрече. Карл, по словам Теодора, был совершенно подавлен информацией, которую он тогда от кого-то — Теодор не знал, от кого, — получил. Наиболее опасным Теодор считал Моора» (письмо Николаевского Б.Суварину от 11 апреля 1957 г. — Архив Б.Суварина. Международный институт социальной истории. Амстердам). Там же, в Амстердаме, в архиве А.Балабановой хранится и еще одно письмо Николаевского (от 20 апреля 1962 г.), в котором он сообщает Балабановой: «Особенно часто я вспоминаю теперь мои старые разговоры с Теодором Либкнехтом, который доказывал мне, что Радек предал Карла. Накануне ареста Карла Либкнехта он встретил Теодора на улице и на ходу сказал, что он получил сведения о связях Радека с военными кругами и считает его предателем. Они условились встретиться завтра, когда Карл должен был рассказать подробности, — но ночью Карл Либкнехт был арестован и убит. Теодор все последующие годы собирал материалы и говорил мне, что убежден в правильности подозрений брата... Каюсь, я тогда недостаточно серьезно относился к этим рассказам Теодора и не записывал их, но у меня должно иметься несколько его последних писем из Швейцарии. В этих рассказах Теодора фигурировал и Моор, как человек, который чуть ли не с конца 1880-х гг. был агентом немецкой военной разведки в Швейцарии. Моор оказывал влияние на Радека, но последний имел и другие связи прямо с Николаем и др. руководителями немецкой военной разведки /.../».

⁷ К этим неосторожным и преждевременным действиям Сталина следует отнести грузинское дело, ссору Сталина с Крупской, после которой последовал разрыв личных отношений умирающего Ленина с ним, а также сообщение Сталина членам Политбюро — Троцкому, Зиновьеву и Каменеву — что Ленин просил у него яда для самоубийства. (См.: Л.Троцкий. *ПОРТРЕТЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ*. Сост. Ю.Фельштинский. Chalidze Publications, 1988, с.92-96).

не сказав при этом, кого следует поставить на его место (что лишний раз свидетельствовало о растерянности Ленина)⁸. И этот документ Политбюро решило проигнорировать, причем неверно было бы считать, что его публикация была неприятна лишь Сталину. Важнейший просчет Ленина как раз в том и заключался, что он написал завещание, одинаково невыгодное всем упомянутым в нем лицам. И когда американский коммунист Макс Истмен в выпущенной им в 1925 году книге⁹ указал на наличие ленинского «Завещания»¹⁰, — не кто иной как Троцкий выступил с опровержением¹¹.

Самоуверенный Троцкий не занимался созданием собственной мафии: он был настолько убежден в своей незаменимости для революции, что уповал именно на нее¹². И неоднократно оказывался прав. Не имея организации, Троцкий считался до октября 1917 года одним из виднейших революционеров, в то время как Ленину для утверждения своего влияния необходимы были и организация и деньги, что особенно проявилось в 1917, после прибытия Ленина в Петроград, когда он добивался признания своей группы. Троцкий же, не скомпрометировав себя проездом через Германию, был по существу приглашен возглавить Петроградский Совет. Именно Троцкий — а не сидящий в подполье после очередного провала (неудачной июльской попытки переворота) Ленин — подготовил захват власти Петросоветом, в котором доминировали большевики. И Ленин, впервые открыто появившийся лишь после переворота, 26 октября, на Втором съезде Советов получил взятую для него Троцким власть и возглавил новое правительство, которым, по существу, должен был бы руководить Троцкий¹³. Поэтому, несмотря ни на какие расхождения, именно послеоктябрьский период отличается близостью отношений Ленина с Троцким. До захвата власти Троцкий был конкурентом на руководство движением, и Ленин боролся с ним, как мог. Но убедившись, что этого блистательного революционера интересует лишь революция как таковая, а не власть, Ленин увидел в нем лишь союзника и друга.

⁸ Подробнее об этом см. в кн. *КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР*, т.1, Приложение «Из документов 1922 года», с.60-74.

⁹ См. Max Eastmen. *SINCE LENIN DIED*. The Labour Publishing Company Ltd, London, 1925, pp.28-31.

¹⁰ Истмен указал, что цитаты из «Завещания» записаны им со слов трех видных большевиков. Однако, из более позднего письма Истмена Троцкому и ответа Троцкого следует, что текст «Завещания» вывез на Запад и передал Истмену Х.Раковский (см.: Архив Макса Истмена в библ. Лилли в Индианском ун-те США, коллекция Троцкий-Истмен. Письмо Л.Троцкого М.Истмену от 21 мая 1931 года).

¹¹ См. Л.Троцкий. *ПОРТРЕТЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ*, с.123.

¹² Когда Ленин, заключая в 1917 блок с Троцким, предложил ему ввести в ЦК партии большевиков своих людей (из «межрайонцев»), Троцкий отказался. Он искренне не мог понять, почему Ленин считает, что Троцкий должен на этом настаивать: ведь идеологических разногласий у них не было.

¹³ Видимо, одной из причин, почему Троцкому не предложили возглавить СНК, была его национальность. Нецелесообразным было признано ставить еврея во главе правительства. По этой же причине в составе СНК не было вообще ни одного еврея, кроме Троцкого. А после смерти Ленина на посту председателя СНК оказался русский Рыков, а не евреи Зиновьев или Каменев.

В 1923 году, безуспешно пытаясь свалить Сталина, Ленин предложил Троцкому откровенный союз, точнее (если учесть состояние Ленина) — попросил о помощи. Но Троцкий отказал. К ленинским интригам он не хотел иметь отношения даже тогда, когда речь шла о Сталине, которого Троцкий всегда недолюбливал и на которого смотрел свысока. При этом он не просто отказал Ленину в совместной борьбе, но демонстративно занял нейтральную позицию. В этом был известный расчет. В момент смерти Ленина, в январе 1924 года, менее чем через шесть лет со дня большевистского переворота, кому как не Троцкому должно было принадлежать руководство советским правительством? И Троцкий не спешил из Сухуми на похороны Ленина, чтобы отстаивать власть¹⁴. В полном соответствии со своими принципами он ждал, пока Политбюро предложит ему руководство. Но Политбюро почему-то не предложило...

В этот момент и родилась по существу оппозиция Троцкого¹⁵, вернее — оппозиция Троцкому: назначение на пост Ленина Рыкова означало не что иное как возвышение Сталина на посту генсека. Первоначально оппозиция эта состояла из одного Троцкого, с которым боролось большинство Политбюро, прежде всего Зиновьев, Каменев, Сталин. Троцкий же, веривший лишь в революционные максимы, а не в организации мафиозного типа, сначала не хотел признавать, что с ним борются, а осознав это — не мог понять, почему. Он был безусловно прав, когда позднее указывал, что его конфликт со Сталиным начался до смерти Ленина. Но сам по себе конфликт еще ничего не объяснял: у Ленина с Троцким было еще больше конфликтов. Тогда вполне в марксистском духе Троцкий начал создавать целую теорию, в которой чаще всего повторялись слова «термидор» и «бюрократизм», и тем пытался объяснить природу сталинизма и сущность своих разногласий со Сталиным. Он ни в чем не признавал виновным себя, Ленина или систему. Лишь в 1934 году записывает он в дневник: «Ленин создал аппарат. Аппарат создал Сталина»¹⁶.

Одиночество Троцкого в изначальной борьбе с ним большинства Политбюро и та удивительная сплоченность в деле травли Троцкого, которая наблюдается в 1924-25 годах, объясняется в определенной степени психологическим фактором: в партийных кругах блистательного Троцкого откровенно недолюбливали — за его самоуверенность, граничащую с вы-

¹⁴ Попытки объяснить поведение Троцкого в эти месяцы делались неоднократно — и самим Троцким, и историками партии. Ко всему сказанному по этому поводу можно добавить по крайней мере еще одну гипотезу: Троцкий, считавшийся в большевистской партии чужим и всегда стоявший особняком, не поддержал Ленина, т.к. надеялся, что разгоревшаяся борьба за власть между Лениным, с одной стороны, и блоком Сталин-Зиновьев-Каменев, с другой, скомпрометирует «тройку» перед партийным активом, укрепив тем самым авторитет его, Троцкого.

¹⁵ То, что сам Троцкий в этот момент и не думал вставать в оппозицию к Политбюро, лучше всего доказывает появление «Заявления 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б) от 15 октября 1923 г. (см. *КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР*, т.1, с.83-88) с критикой политики «большинства Политбюро». Подписи Троцкого под этим документом нет.

¹⁶ *TROTSKY'S NOTEBOOKS, 1933-1935*. Writings on Lenin, Dialectics and Evolutionism. Ed. by P.Pomper & Y.Felshtinky. Columbia Univ. Press, N.Y., 1986, p.129.

сокомерием, за слишком выделяющуюся яркость его натуры. Не случайно у постепенно вытесняемого и отстраняемого от дел Троцкого в эти годы не оказывается единомышленников, о чем свидетельствует почти полное отсутствие документов и писем за 1924-25 гг. в его архиве: ему не с кем вести переписку¹⁷.

Ситуация резко меняется к концу 1925 г. Теперь уже оттеснять начинают Зиновьева и Каменева. Сталин порывает с ними, и бывшие враги — Троцкий, с одной стороны, Зиновьев и Каменев, с другой, становятся союзниками¹⁸. Однако для образования действительной оппозиции не хватает платформы. Признать, что речь идет о борьбе за власть, оппозиционеры не могли, это значило проиграть дело в самом начале, так как партийные низы наверняка поддержали бы руководство нынешнее, а не бывшее. Необходимо было сформулировать разногласия, вокруг которых могла бы сплотиться значительная часть недовольного партактива. В области внутренней политики эти разногласия были сформулированы в 1926 году: критика НЭПа слева.

Нет смысла утверждать, что разногласия между оппозиционерами, теперь уже по праву называемыми «левыми», и большинством партийного актива были надуманы или что Троцкий, Зиновьев и Каменев взялись защищать именно левофланговую (а не обратную) точку зрения случайно. Искренность позиции самого Троцкого сомнений вызывать не может: он всегда находился на левом краю революционного спектра. Но историк, силившийся объяснить, почему «правые» Зиновьев и Каменев, выступавшие в октябре 1917 года против большевистского переворота, оказались в левой оппозиции Троцкого, а лидер левых коммунистов и сторонник революционной войны Бухарин — главой правого крыла партии (в котором был в тот момент и Сталин) — столкнется с большими трудностями.

Оформившаяся в 1926 году оппозиция критиковала внутреннюю политику советского правительства по целому ряду вопросов. Главным образом, она выступала против частного хозяйства, т.е. против НЭПа, хотя критике подвергалась не новая экономическая политика, как таковая, а «частный собственник». Так, Ю.Г. Пятаков в «Проекте резолюции по

¹⁷ Из архивных материалов 1924 года к таким документам можно отнести лишь один: *НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ*, пространную статью, написанную в ноябре в ответ на критику *УРОКОВ ОКТЯБРЯ* (см. *КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР*, т.1, с.110-142). Читая ее, поражаешься тому, как Троцкий искренне не может понять, почему 40-страничная работа, апология партии и Ленина, вызвала критику виднейших партийных функционеров — Г.Зиновьева, Л.Каменева, Э.Квирига, О.Куусинена, Г.Сокольников, И.Сталина и редакции «Правды» (Бухарина). Он пытался нащупать причины «разногласий», в то время как речь шла о простой борьбе с ним самим. Статья *НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ* поражает своей наивностью. Неудивительно, что вместо того, чтобы сопротивляться, опираясь на армию, Троцкий 15 января 1925 года добровольно ушел с поста председателя Реввоенсовета, т.е. отдал реальную власть, находившуюся в его руках. (Письмо Троцкого об отставке см. в кн. М.Истмена, с.155-158).

¹⁸ 9 декабря 1925 года Троцкий делает для себя запись: «Блок с Зиновьевым» (*КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР*, с.152-157). С декабря 1925 года можно, таким образом, говорить о формировании левой оппозиции.

хозяйственному вопросу» указывал на «растущее экономическое влияние кулака и установление смычки середняка с частно-капиталистическими элементами». «Отставание развития государственной промышленности, — продолжал он, — в связи с экономическим ростом кулачных элементов в деревне и ростом частника толкает хозяйство СССР на капиталистический путь развития /.../»¹⁹. В поправках к тезисам Рыкова «О хозяйственном положении» Пятаков продолжал ту же тему: «В то же время необходимо отметить, что значительные успехи сделало и частное хозяйство, в том числе и частно-капиталистическое. Особенно серьезное значение имеет то обстоятельство, что частный капитал устанавливает непосредственную связь с кустарем и начинает выступать уже в качестве организатора кустарной промышленности. /.../ Роль частного капитала, особенно в области торговли, значительна. Половина торговли промтоварами (включая и кустарную промышленность) находится в руках частных лиц. /.../ На почве товарного голода частный капитал имеет огромные сверхприбыли. Устанавливается смычка частного торговца с кустарем. За последнее время возникают частные акционерные общества /.../ Частный капитал создает себе свою продовольственную базу. Партия и государство должны обратить особое внимание на развитие частного капитала и прежде всего принять все необходимые меры к тому, чтобы частник не получал при своих операциях бешеных сверхприбылей в ущерб государственному хозяйству /.../, имея конечной целью преодоление частного капитала /.../».

Для борьбы с частником Пятаков предлагал следующее:

«1. Часть средств, в чрезмерном количестве продаваемых и накапливаемых частным капиталом, должна быть у него изъята как путем усиления обложения, так и путем ведения правильной политики цен.

2. Кулацкая верхушка деревни должна быть обложена сильнее /.../

3. Среди зажиточной верхушки деревни должен быть проведен обязательный хлебный займ»²⁰.

Тревогу по поводу роста «крепких зажиточных хозяйств» забил и Е. Преображенский:

«/.../ Развитие по капиталистическому руслу в сфере сельскохозяйственного производства /.../ пока явно преобладает. Все без исключения обследования деревни, предпринятые как со стороны ЦСУ, так и произведенные местными силами, констатируют несомненный и довольно быстрый рост за последние пять лет [т.е. за годы НЭПа. — Публ.] числа и размеров кулацких хозяйств, а также числа крепких зажиточных хозяйств. Растет из года в год количество земли, арендуемой этими группами у бедноты, растет количество скота у них /.../, а также все время увеличивается сельскохозяйственное ботничество /.../. Исходя из того, что основной программной задачей экономической политики партии является не содействие росту производительных сил земледелия вообще, независимо от социалистической или капиталистической формы производственных отношений, а содействие коллективным формам развития сельского хозяй-

¹⁹ Архив Троцкого, bMs Russ 13. Т-899. Ноябрь 1926.

²⁰ Архив Троцкого, bMs Russ Т-902. Ноябрь 1926.

ства», Преображенский предлагал «в области налоговой увеличивать из года в год обложение верхушки деревни в соответствии с ростом доходов; /.../ категорическое запрещение продажи тракторов кулацким и зажиточным хозяйствам /.../»²¹.

Если НЭП, представлявший собой компромисс между капиталистической и социалистической формой экономической собственности, оппозицию не устраивал, так как вел к постепенному восстановлению капиталистической рыночной экономики, оставалось только прекратить НЭП. Если единоличное крестьянское хозяйство в деревне поднималось зажиточным, а коллективное получалось бедным — оставалось лишь ликвидировать единоличное сельское хозяйство. И хотя оппозиция не призывала к этому открыто, Сталин с 1928 года пошел в реализации требований оппозиционеров до логического конца.

Однако одной внутривнутриполитической платформы для оппозиции было недостаточно. Как и в 1918 г., стержнем ее должен был стать конфликт по вопросу о внешней политике. Первоначально оппозиция пыталась развязать дискуссию о генеральной стачке в Англии. Но распространенный ею в этой связи документ, написанный ужасным языком и подписанный видными партийными деятелями, в целом оказался крайне неудачным и даже нелепым²²; к этой теме оппозиционеры больше не возвращались.

²¹ Там же, Т-898. Ноябрь 1926.

²² В июле 1926 года за подписями Г.Зиновьева, Л.Троцкого, Л.Каменева, Ю.Пятакова и Н.Крупской оппозицией была распространена «Резолюция, предложенная июльскому пленуму оппозицией о генеральной стачке в Англии»:

«Ввиду полной беспорочности того факта, что Генсовет, предав углекопов 12 мая посредством злостного срыва генеральной стачки, готовит теперь окончательное предательство изолированной стачки углекопов.

Ввиду того, что Генсовет в этой своей предательской работе старается выиграть время и хочет, по-видимому, по крайней мере еще в течение известного времени прикрывать перед массами свою предательскую работу — сохранение видимости Англо-Русского комитета.

Ввиду того, что именно для этих и только для этих целей предателям Генсовета нужно парижское заседание Англо-Русского комитета, пленум поручает Политбюро:

Всемерно приблизить созыв Англо-Русского комитета, не допуская оттяжки парижского заседания ни на один день.

На парижском заседании поставить вопрос ребром, не давая предателям уклониться, увильнуть и вновь обмануть рабочих.

Вскрыв предательский замысел во всем объеме, мы не можем ни прямо, ни косвенно прикрывать или попустительствовать предателям развертывающейся борьбы углекопов немедленно разорвать Англо-Русский комитет. В то же время всеми силами усилить работу по укреплению единого фронта снизу, опираясь в этом прежде всего на установившуюся связь с союзом горнорабочих. Вместе с тем пленум констатирует, что большинство Политбюро вело глубоко неправильную политику в вопросе об Англо-Русском комитете. Тем моментом, когда рабочие массы Англии оказались наибольшей силой противодействия Генсовету, был момент срыва всеобщей стачки. Нужно было идти в ногу с наиболее активными слоями британского пролетариата и рвать в этот момент с Генсоветом как с предателем всеобщей стачки. В течение многих десятилетий буржуазные рабочие политики Великобритании периодически обманывали рабочие массы, вызывая их (см. след. стр.)

Тогда же они попытались сформулировать разногласия с правительством в вопросах, касающихся Коминтерна²³. Но в этот достаточно академический спор посторонний читатель-партиец никак не мог вникнуть; и непонятная далекая для него тема никак не могла превратиться в платформу оппозиции. Возможно, из этих поисков внешнеполитической проблемы так ничего и не вышло бы, но началась, наконец, давно подготавливаемая революция в Китае. Этого для оппозиции было более чем достаточно: вопрос о китайской революции и стал стержневым вопросом конфликта.

Все развивалось по схеме 1918 г., только на месте Ленина был Сталин, на месте Бухарина — Троцкий. Подобно левым коммунистам 1918 года, левые оппозиционеры убеждали партийные массы в том, что политика советского правительства в отношении китайской революции непременно приведет к ее поражению²⁴. Подобно Ленину в 1918 году, Сталин не хотел рисковать, так как понимал, что активное вмешательство в китайские дела неизбежно приведет к конфликту с Японией, а к нему Советский Союз был явно не готов. В конце концов, как Ленин в свое время, Сталин пожертвовал революцией в Китае ради передышки, аналогичной брестской: китайская революция действительно завершилась поражением, но время было выиграно, и первый серьезный конфликт с Японией вспыхнул лишь в 1938 году²⁵.

Здесь не место анализировать действительные и мнимые противоречия во внешней и внутренней политике между правительством Сталина

возмущение. Но отсутствие подлинно революционной партии позволило, переждав известный период и дав массам остыть от возмущения, снова приступить к своей предательской работе. Надо было поэтому не колеблясь рвать с Генсоветом на предательстве стачки в момент предательства перед лицом масс. /.../» (Архив Троцкого, Т-881, 3 листа плотной машинописи через один интервал).

²³ См. там же, Т-886, от 19 июля 1926 года, 3 листа плотной машинописи через один интервал.

²⁴ Этой теме в 1926-27 году была посвящена значительная часть документов, распространяемых оппозицией. Написанные Троцким на эту тему статьи могли бы составить сборник в несколько сот страниц.

²⁵ Еще в 1937 году началось создание мощной промышленной базы на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Сегодня этот факт обычно приводят в доказательство дальновидности советского руководства, едва ли не предвидевшего войну с Германией и эвакуацию промышленности (проведенную в годы войны). Между тем, в конце 1930-х годов главным внешнеполитическим врагом СССР была Япония. Летом 1937 года она начала захват Китая, что было для советского правительства, пытавшегося там укрепиться, серьезным внешнеполитическим поражением. В июле японцы заняли Пекин, в ноябре — Шанхай, в декабре — Нанкин. К октябрю 1938 года ими были оккупированы главные промышленные центры и важнейшие железнодорожные магистрали Китая. Советский Союз, со своей стороны, в сентябре 1937 года оккупировал Монголию. Началось противостояние двух армий, которое по крайней мере дважды приводило к локальным конфликтам: в конце июня 1938 года в районе озера Хасан, где бои продолжались до 9 августа, и в мае 1939 года на реке Халхин-Гол в Монголии, где конфликт был урегулирован только благодаря посредничеству Германии вскоре после подписания пакта Риббентропа-Молотова, 16 сентября 1939 года. Таким образом, создание 2-й промышленной базы на востоке Советского Союза было вызвано исключительно желанием обеспечить близкую к потенциальному фронту экономическую базу.

и оппозицией Троцкого. Достаточно указать, что Сталин разрешил возникшую проблему много изящнее, чем это сделал за десятилетие до того Ленин: лишь только начав применять санкции, Сталин добился от оппозиции согласия капитулировать и прекратить фракционную деятельность²⁶. В 1918 г. Ленин тут и остановился: он предал весь инцидент с левыми коммунистами забвению, никого из них не наказал и продолжил свою прежнюю политику. Сталин же оппозиционеров сослал (т.е. поступил с ними примерно так же, как Ленин — с левыми эсерами).

Дальнейшие события стали хрестоматийным образцом сталинской тактики: его следующий шаг состоял в том, что он в целом взял на вооружение программу капитулянтов²⁷, чем лишил их единственного оружия в борьбе с правительством. При этом в реализации новой программы он пошел даже дальше оппозиционеров — не просто ограничил возможности «нэпманов», а отменил НЭП как таковой; не остановился на ограничительных мерах в отношении крестьянства, а провел насильственную коллективизацию. В результате его победа над оппозицией была абсолютной: политически и идеологически оппозиция была уничтожена (физическое уничтожение было лишь отсрочено). И в 1928 году критика ссыльными оппозиционерами Сталина выглядит довольно беспомощно.

Предлагаемые материалы являются частью фондов архива Троцкого BMs Russ. 13T. Все они написаны ссыльными оппозиционерами, относятся к 1928 году и публикуются впервые с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета, где хранится архив Троцкого.

²⁶ Оппозиция капитулировала 10 декабря 1927 года, после того, как ряд активистов-оппозиционеров был арестован, а партийный съезд принял резолюцию о несовместимости оппозиционной деятельности с пребыванием в партии. Тексты заявлений см.: док.2, прим.3.

²⁷ Крайне показательна в этом смысле записка Н.Муралова Троцкому от 18 декабря 1927 года. Вот что писал Муралов:

«В связи с последними сообщениями о восстании в Кантоне, а затем — о подавлении этого восстания, о разрыве с СССР и пр. мне чрезвычайно ярко запомнился один имеющий к этому отношение разговор, который я имел еще 15 ноября сего года с замредактора "Известий ЦИК СССР и ВЦИК" тов. Гронским. Уговаривая меня отказаться от оппозиционных выступлений, тов. Гронский коснулся, между прочим, и китайского вопроса, утверждая, что сейчас он самым ходом вещей снят с обсуждения, так как там назревают совершенно новые события, которые отодвинут все прошлые неудачи на задний план.

В частности, тов. Гронский сообщил мне, что "в Кантоне готовится и скоро вспыхнет новое восстание, которое приведет к установлению советской власти".

В то время я, зная довольно хорошо тов. Гронского, не придал особого значения его словам, но сейчас точность, с которой оправдались его предсказания, а также та странная связь, которая, таким образом, через тов. Гронского установилась между "обработкой оппозиции" и событиями в Китае, не может не навести на некоторые размышления» (Архив Троцкого, Т-1062).

Размышления, на которые Гронский натолкнул Муралова, заключались, по-видимому, в том, что оппозиция напрасно упрекает правительство в правом курсе — оно делает все, что может, для победы китайской революции.

В ЦКК тов. ОРДЖОНИКИДЗЕ¹
В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)²

Копия: Исполкому Коминтерна

В продолжение последних дней ГПУ выслало около трех десятков исключенных из партии товарищей в Сибирь и в северные губернии Европейской России, предъявляя им обвинения в антисоветской деятельности, чем лишает их избирательных прав и тем самым членства в профсоюзах. Нам же, связанным с высланными общей политической ответственностью за фракционную работу в прошлом, учраспред ЦК ВКП(б) предложил работу в ряде отдаленных местностей.

Несмотря на то, что нам не известны причины такого разделения, мы дали утвердительный ответ на вопрос, готовы ли мы принять работу. Это было сделано как в письме тов. Троцкого в ЦК, так и в переговорах, которые велись тов. Орджоникидзе с товарищами Раковским³, Радеком⁴ и Каспаровой⁵.

Оставляя за собою право договориться насчет места работы и ее характера, мы указали, что для того, чтобы работа не являлась предлогом и прикрытием ссылки, она должна хотя бы в самых скромных размерах учесть профессиональные навыки, состояние здоровья и другие деловые соображения, которыми партия обычно руководится. Поэтому мы заявили, что возражаем против местоназначения товарищу Троцкому в Астрахань, Раковскому в Усть-Сысольск, Радеку в Ишим по мотивам состояния здоровья.

Тов. Орджоникидзе, указав на невозможность оставления высланных в Москве и других крупных рабочих центрах, заявил, что, учитывая наше согласие поехать в провинцию, можно договориться насчет места и рода работы и предложил нам переговорить с секретарем ЦК тов. Косиором⁶, которому поручено это дело, причем тут же было условлено тов. Орджоникидзе с тов. Косиором о времени встречи. Раньше, чем тов. Раковский, Радек и Каспарова успели придти в назначенное время к тов. Косиору, тов. Троцкий получил приглашение явиться в ГПУ. Считая, что по недоразумению ГПУ не было извещено тов. Орджоникидзе, что вопрос о местоназначении тов. Троцкого и других подлежит согласованию с ЦК, мы посоветовали тов. Троцкому воздержаться от посещения ГПУ до условленного разговора с тов. Косиором.

В 12 часов мы отправились к тов. Косиору и там у него узнали, что вызов тов. Троцкого в ГПУ не является недоразумением,

а результатом толкования письма Троцкого в ЦК, как отказа от предложенной ему работы по партийной линии. Несмотря на то, что мы решительно отклонили это толкование, тов. Косиор уклонился от обсуждения вопроса о местоназначении тов. Троцкого и его работы. Одновременно тов. Косиор сделал несколько заявлений, срывающих ту возможность договориться, которая вытекала из вчерашнего разговора с тов. Орджоникидзе. В частности, тов. Косиор заявил, что ЦК не может обеспечить за семьями выслаемых сохранение квартир, что он не может указать, какую работу получат товарищи в провинции, ибо ЦК распределяет только ответственные посты. Наконец, тов. Косиор заявил, что не может быть и речи об отмене состоявшихся высылки через ГПУ, ибо для них имелись специальные причины.

Доводя это до сведения Политбюро ЦК ВКП и ЦКК, мы еще раз заявляем о готовности принять даже самую скромную работу, полезную Советской Республике, поскольку она соответствует нашим познаниям, и в тех местах, в которых по состоянию нашего здоровья мы могли бы работать. Одновременно мы еще раз подчеркиваем необходимость передать всех высланных или выслаемых по линии ГПУ учраспреду ЦК и обеспечить семьи выслаемых.

T-1092. Машинописная копия. Публикуется впервые.

¹ Орджоникидзе Г.К. (1886-1937). В 1926-30 гг. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ. Заместитель председателя СНК и СТО СССР.

² *Возможно, что написана мною. Подпись была, очевидно, коллективная. Дата — в дни высылки, начало 1928 г. Л. Тр[оцкий].* — Рукописная приписка Троцкого.

³ Раковский Х.Г. (1873-1941). Один из ведущих балканских революционеров до и во время Первой мировой войны. В годы войны вел пораженческую пропаганду. В 1919-23 — глава советского правительства на Украине. Затем — на дипломатической работе, в 1925-27 гг. — советский посол во Франции. Первоначально — один из лидеров левой оппозиции. За оппозиционную деятельность в 1927 исключен из партии, сослан. В 1934 раскаялся. На бухаринском процессе 1938 года выставлен одним из обвиняемых, приговорен к двадцати годам. Умер в заключении.

⁴ Радек К.Б. (1885-1939) — польско-немецко-русский революционер. С марта 1920 — секретарь Коминтерна, ответственный за деятельность прежде всего в Германии и Китае. Уже в 1923 выступил с критикой действий правительства в вопросе о германской революции, которую, по его

мнению, «провалил» Сталин. Начиная с этого времени постепенно теряет власть, снимается со всех постов, в декабре 1927 года, вместе с рядом других оппозиционеров, постановлением XV съезда исключается из партии и высылается в Ишим, затем в Томск. В 1929 раскаялся в своей оппозиционной деятельности. Выставлен обвиняемым на процессе 1937 года, получил срок, убит в заключении.

⁵ Каспарова В. В оппозиции с 1926 года. В январе 1928 сослана в Курган. Видимо, подписала письмо к Орджоникидзе вместе с Троцким, Радеком и Раковским.

⁶ Косиор С.В. (1889-1939) — в 1926-28 гг. секретарь ЦК ВКП(б). С 1927 года кандидат в члены Политбюро. Репрессирован.

2

В ПРЕЗИДИУМ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА. [ЦЕНТРАЛЬНЫМ] КОМИТЕТАМ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙ, ОБЪЕДИНЯЕМЫХ КОМИНТЕРНОМ

[Начало января 1928 г.]¹

Подписавшиеся, исключенные из состава ВКП(б) перед XV съездом [или резолюцией съезда] в связи с его решением об оппозиции, считали необходимым обжаловать это постановление перед верховной инстанцией мирового коммунизма, VI Конгрессом Коминтерна. Однако, постановлением ГПУ, [а также] постановлением ЦК ВКП(б) мы, старые партийцы-большевики, вы[сланы] в отдаленнейшие области Союза без предъявления нам каких-либо обвинений, с одной единственной целью: воспрепятствовать нашему общению с Москвой и другими рабочими центрами, а, следовательно, и с VI Конгрессом. Мы считаем поэтому необходимым, накануне нашего вынужденного отъезда в отдаленнейшие области нашего Союза, обратиться с настоящим заявлением в Президиум Исполкома Коминтерна с просьбой о немедленном доведении нашего письма до сведения Центральных Комитетов всех коммунистических партий.

1. ГПУ ссылает нас на основании 58 статьи Уголовного Кодекса, т.е. за «пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных выступлений». Мы со спокойным презрением отмечаем попытку подвести под эту статью десятки большевиков-ленинцев, которые сделали немало для

установления, защиты и упрочения Советской власти в прошлом и которые в будущем все свои силы отдадут защите диктатуры пролетариата.

2. Ссылка старых партийцев по постановлению ГПУ есть лишь новое звено в цепи событий, потрясающих ВКП(б). Эти события имеют гигантское историческое значение на ряд лет. Нынешние разногласия принадлежат к важнейшим в истории международного революционного движения. Дело идет, по существу, о том, чтобы не утратить диктатуру пролетариата, завоеванную в октябре 1917 г. Между тем, борьба в ВКП(б) развертывается за спиной Коминтерна, без его участия и даже без его ведома. Основные документы оппозиции, посвященные величайшим вопросам нашей эпохи, остаются неизвестными Коминтерну. Коммунистические партии оказываются каждый раз перед совершившимся фактом и ставят свой штамп под готовыми решениями. Мы считаем, что такого рода угрожающее положение вытекает из неправильного в корне режима внутри ВКП(б) и внутри Коминтерна в целом.

3. Исключительное обострение внутривнутрипартийной борьбы за последний период, приведшее к нашему исключению из партии (а ныне — к нашей ссылке — без каких бы то ни было новых поводов к этому), вызвано не чем иным, как нашим стремлением довести наши взгляды до сведения нашей партии и Коминтерна. При Ленине такое стремление меньшинства считалось бы само собою разумеющимся. Обсуждение велось тогда на основании опубликования и всестороннего рассмотрения всех документов по спорным вопросам. Без такого режима Коминтерн не может стать тем, чем он должен быть. Международному пролетариату еще только предстоит борьба с могущественнейшей буржуазией за власть. Эта борьба предполагает авторитетное, крепкое и самостоятельное руководство со стороны коммунистических партий. Такое руководство может создаться только в течение ряда лет на почве отбора наиболее твердых, самостоятельных, последовательных и мужественных представителей пролетарского авангарда. Самые исполнительные чиновники не могут заменить революционных вождей. Победа пролетарской революции в Европе и во всем мире в огромной степени зависит от разрешения проблемы революционного руководства. Нынешний режим в Коминтерне препятствует отбору и воспитанию такого руководства. Это ярче всего сказывается на совершенно пассивном отношении коммунистических партий ко внутренним процессам в ВКП(б), с судьбой которой тесно связана судьба Коминтерна.

4. Мы, оппозиционеры, нарушали нормы партийной жизни. Почему? Потому что мы незаконно лишены были возможности использовать наши нормальные партийные права. Чтобы довести до сведения съезда наши взгляды, мы оказались вынуждены самовольно воспользоваться государственной типографией. Чтобы опровергнуть перед рабочим классом ложное изображение наших взглядов и, в частности, гнусную клевету о наших мнимых связях с контрреволюцией, мы вынесли на юбилейной демонстрации плакаты с надписями: «Повернем огонь направо — против кулака, ээпмана и бюрократа», «Выполним завещание Ленина», «За действительную партийную демократию»². Эти бесспорные большевистские лозунги были объявлены не только антипартийными, но и контрреволюционными. Мы открыто предупреждаем вас о том, что *в дальнейшем следует ждать подложного связывания оппозиции с белогвардейскими и меньшевистскими организациями*, от которых мы отстоим дальше, чем кто бы то ни было. Для такой амальгамы³ не нужно никаких поводов с нашей стороны, как их не понадобилось для нашей ссылки.

5. В заявлении, поданном XV-му съезду за подписями гг. Смильги⁴, Муралова⁵, Раковского и Радека, мы заявили о нашем подчинении XV-му съезду и о нашей готовности прекратить фракционную борьбу⁶. Тем не менее, нас исключили из партии и нас ссылают — *за наши взгляды*. Мы уже заявили, и повторяем здесь снова, что отказаться от своих взглядов, изложенных в платформе и тезисах, не можем, ибо ход событий подтверждает их правильность целиком.

6. Теория построения социализма в отдельной стране своим неизбежным последствием имеет изолирование вопроса о судьбе СССР от судьбы международной пролетарской революции в целом. Такая постановка вопроса означает глубокий теоретический и политический подкол пролетарского интернационализма. Наша борьба против созданной в 1925 году новой насквозь антимарксистской теории со всеми ее последствиями, т.е. наша борьба за основные интересы Коминтерна, привела к исключению нас из партии и к административной высылке.

7. Ревизия марксизма и ленинизма в основном вопросе о международном характере пролетарской революции имеет свои корни в том, что период с 1923 г. был временем серьезнейших поражений международной пролетарской революции (1923 г. — в Болгарии и Германии, 1924 г. — в Эстонии, 1926 г. — в Англии, 1927 г. — в Китае, в Австрии). Эти поражения только и создали возможность для так называемой стабилизации капитализма, ибо временно

упрочили положение мировой буржуазии, усилили ее давление на СССР, замедлили темп социалистического строительства, укрепили позиции нашей внутренней буржуазии, дали ей возможность связаться со многими элементами советского государственного аппарата, увеличили давление этого последнего на партийный аппарат и привели к ослаблению левого крыла в нашей партии. За эти самые годы в Европе происходило временное возрождение социал-демократии, временное ослабление коммунистических партий и укрепление правого крыла внутри этих последних. Оппозиция ВКП(б), как левое пролетарское крыло, терпела поражения одновременно с временным ослаблением позиций мировой пролетарской революции.

8. Если партии Коминтерна еще не имели возможности правильно оценить историческое значение оппозиции ВКП, то мировая буржуазия уже дала свою недвусмысленную оценку. Все сколько-нибудь серьезные буржуазные органы всех стран видят в оппозиции ВКП своего смертельного врага и, наоборот, в политике руководящего ныне большинства видят необходимую ступень к переходу СССР на рельсы «цивилизованного», т.е. капиталистического мира. Президиум Коминтерна должен, по нашему мнению, собрать отзывы важнейших политических деятелей буржуазии и основных ее органов о внутренней борьбе в ВКП(б), дабы дать возможность VI-му Конгрессу сделать в этом важнейшем вопросе необходимые политические выводы.

9. Судьбы и уроки китайской революции, одного из величайших событий мировой истории, остаются не освещенными, не обсужденными, не усвоенными общественным мнением пролетарского авангарда. Фактически ЦК ВКП(б) запретил обсуждение вопросов китайской революции. Между тем, без изучения сделанных ошибок, являющихся классическими ошибками оппортунизма, немыслима дальнейшая революционная подготовка европейских и азиатских партий и пролетариата.

Декабрьские (1927) события в Кантоне, независимо от вопроса, на кого падает непосредственная ответственность за руководство ими, представляют собою яркий образчик путчизма на падающей революционной волне. Зигзаг в сторону авантюризма нередко следовал в революционной борьбе за поражениями, непосредственной причиной которых было оппортунистическое руководство⁷. Коминтерн не может сделать шагу вперед, не изучив опыт кантонского переворота в связи с общим ходом китайской революции. Репрессии по адресу левого крыла не исправят сделанных ошибок, а, главное, никого ничему не научат.

10. Наиболее очевидным и угрожающим противоречием в нынешней политике ВКП(б) и Коминтерна в целом является тот факт, что после 4-х лет стабилизационного процесса, приведшего к усилению правых тенденций в рабочем движении, главный огонь по-прежнему оказывается направлен *налево*. Мы были за последний период свидетелями чудовищных оппортунистических ошибок и сдвигов в компартиях Германии, Англии, Франции, Польши, Китая и пр. Между тем, разгрому подвергалось и подвергается левое крыло Коминтерна. Сейчас происходит несомненное poleвание в европейских рабочих массах, вызываемое противоречиями стабилизационного процесса. Трудно предсказать, каким темпом это poleвание будет развиваться и какие формы оно примет в ближайшем будущем. Но продолжающийся разгром левых элементов подготавливает к моменту ближайшего обострения революционной ситуации новый кризис руководства, наподобие тех, какие мы имели за последние годы в Болгарии, Германии, Англии, Польше, Китае и пр. Можно ли требовать от революционеров, от ленинцев, от большевиков, чтоб они молчали пред лицом такой перспективы?

11. Мы не считаем нужным снова опровергать здесь в корне ложные утверждения, будто мы отрицаем рабочий характер нашего государства, возможность социалистического строительства, а тем более — необходимость беззаветной обороны пролетарской диктатуры от внешних и внутренних классовых врагов. Спор идет не об этом. Спор идет об оценке опасностей, угрожающих диктатуре, о способах борьбы с этими опасностями и об умении отличать действительных друзей и врагов от мнимых.

Мы утверждаем, что соотношение сил в нашей стране, под влиянием как мировых, так и внутренних причин, изменилось за последние годы к невыгоде для пролетариата; что его место в хозяйственной, политической и культурной жизни страны уменьшилось, а не возросло; что в стране окрепли силы термидорианской реакции; что недостаточная оценка вытекающих отсюда опасностей чрезвычайно увеличивает их. Изгнание оппозиции из партии есть бессознательная, но тем более действительная услуга со стороны партаппарата непролетарским классам, стремящимся усилиться и упрочиться за счет рабочего класса. Под этим углом зрения мы оцениваем свою ссылку и не сомневаемся, что в близком будущем ее одинаково с нами оценит авангард мирового пролетариата.

12. Расправа над оппозиционерами совпадает с новым небывалым за последние годы обострением хозяйственных затрудне-

ний. Недостаток промышленных товаров, срыв хлебных заготовок после трех урожаев, возрастающая угроза денежной системе — все это тормозит развитие производительных сил, явно ослабляет социалистические элементы хозяйства и мешает подъему благосостояния пролетариата и деревенских низов.

В условиях ухудшающегося положения на рынке потребительских товаров неизбежно возникает отпор рабочих попыткам перестроить коллективные договоры на основах снижения расценок.

Эти крупнейшие неудачи правящего курса вменяются ГПУ в преступление ссылаемым оппозиционерам, действительная вина которых состоит в том, что они неоднократно, в течение последних лет, предсказывали все нынешние затруднения, как неизбежные последствия неправильного хозяйственного курса, и своевременно требовали его коренного изменения.

13. Подготовка XV-го съезда, который созван был — в нарушение Устава партии — после двухлетнего промежутка, явилась сама по себе ярким и тяжким обнаружением возрастающего засилия аппарата, все более опирающегося на содействие государственной репрессии. XV-й съезд без обсуждения и в порядке внезапности принял, со своей стороны, решение о том, чтобы съезды в дальнейшем собирались раз в два года. В стране пролетарской диктатуры, носительницей которой является компартия, понадобилось на 11-ом году после Октября отнять у партии ее элементарное право по крайней мере раз в год проверять работу всех своих органов и прежде всего Центрального Комитета.

В тягчайших условиях гражданской войны и голода партийные съезды собирались иногда дважды в год и во всяком случае — не реже, чем ежегодно. Партия действительно решала и обсуждала свои дела, не выпуская своих судеб из собственных рук. Какие же силы заставили теперь смотреть на съезды партии, как на неизбежное зло, которое нужно сводить к минимуму? Это не силы пролетариата. Это силы буржуазного давления на пролетарский авангард. То же самое давление привело к исключению оппозиции из партии и к административной ссылке старых большевиков в отдаленные углы Сибири и других областей.

14. Мы отвергаем обвинение в стремлении создать вторую партию. Мы предупреждаем, что элементы второй партии фактически складываются — за спиной партийной массы, прежде всего ее пролетарского ядра, — на стыке наиболее переродившихся частей партаппарата, госаппарата и новых собственников. Худшие представители партийной и беспартийной бюрократии, не имеющие ничего общего с целями и методами международной проле-

тарской революции, все больше группируются в опорные пункты второй партии, которая в дальнейшем может явиться левым флангом термидорианских сил. Обвинение нас, защитников исторической линии большевизма, в стремлении создать вторую партию является бессознательным прикрытием глубокой подспудной работы враждебных пролетариату исторических сил. Мы предупреждаем Коминтерн об этих процессах. Днем раньше или позже они станут очевидными для всех. Но каждый лишний потерянный день неизбежно затруднит победоносный отпор им.

15. Необходимо подготовить VI-й Конгресс Коминтерна теми методами и путями, какими подготовлялись конгрессы при Ленине⁸: опубликовать все основные документы, связанные со спорными вопросами; прекратить преследование коммунистов, повинных в том, что осуществляют свои партийные права; в дискуссии, которая должна предшествовать Конгрессу, поставить во всем объеме вопрос об отношениях внутри ВКП, о режиме ВКП и о политической линии ВКП.

Нагромождением репрессий спорные вопросы разрешены не будут. Репрессии могут играть большую положительную роль, когда они помогают правильной линии и облегчают ликвидацию реакционных группировок. Мы, как большевики, знаем цену революционным репрессиям, не раз применяли их против буржуазии и ее агентуры, эсеров и меньшевиков, и ни на минуту не собираемся отказываться от революционной репрессии против врагов пролетариата и в будущем. Но мы твердо помним, что репрессии враждебных партий против большевиков оказались бессильны. Решает в последнем счете правильная политическая линия.

Ссылка нас, солдат Октябрьской революции и соратников Ленина, представляется наиболее наглядным выражением происшедших классовых сдвигов в стране и политического сдвига руководства в сторону оппортунизма. Тем не менее, по глубокому нашему убеждению, базой советской власти все еще остается пролетариат. Еще есть возможность выправить и упрочить систему пролетарской диктатуры путем решительного изменения линии руководства, путем исправления совершенных ошибок, путем глубоких реформ, без новых революционных потрясений. Эта возможность может стать действительностью при энергичном вмешательстве Коминтерна.

Мы апеллируем ко всем коммунистическим партиям и к VI Конгрессу Коминтерна⁹ с требованием рассмотреть весь вопрос при свете дня и при подлинном участии партийных масс. Завещание Ленина сейчас более, чем когда-либо, звучит, как пророчество.

Никто не знает, как много времени оставляет нам еще ход исторических событий для исправления всех содеянных за последние годы ошибок.

Подчиняясь насилию, мы покидаем места своей партийной и советской работы для бессмысленной и бесцельной ссылки. Мы ни на минуту не сомневаемся при этом, что каждый из нас не только еще понадобится партии, но и займет место в ее рядах в часы предстоящих великих боев.

На основании всего изложенного мы настойчиво ходатайствуем перед VI-м Конгрессом Коммунистического Интернационала о восстановлении нас в партии.

М.Альский¹⁰
А.Белобородов¹¹
А.Ищенко (кандидат в чл.
(Исполбюро Профин-
терна)
Л.Троцкий
К.Радек
Х.Раковский
Е.А. Преображенский¹²
И.Н. Смирнов¹³
Л.Серебряков¹⁴

И.Смилга
Л.Сосновский¹⁵
Н.Муралов
Г.Валентинов¹⁶
Невельсон-Ман¹⁷
В.Эльцин¹⁸
В.Ваганян¹⁹
В.Малюта²⁰
В.Каспарова
С.Кавтарадзе
Виленский (Сибиряков)²¹

T-1093. По-русски публикуется впервые. 11 февраля 1928 г. появилось в «Contre le courant» — не полностью, затем целиком — в кн. L.Trotsky. *THE CHALLENGE OF THE LEFT OPPOSITION (1928-29)*. Ed. Naomi Allen & George Sanders. Pathfinder Press, New York, 1981, pp.29-37.

¹ Датировано по содержанию. Верхний угол страницы вместе с частью текста оторван. Утраченные слова восстановлены по французскому переводу документа и даны в квадратных скобках.

² Описание этого инцидента см. в статье Троцкого «ВОССТАНИЕ» 7 НОЯБРЯ 1927 ГОДА («Бюллетень Оппозиции», вып. 27, март 1932, с.15-16). См. также следующие документы архива Троцкого: «Расписка о снятии лозунгов с балкона», от 7 ноября 1927 г. (Т-1046); «Заявление оппозиционеров в Политбюро ЦК и в Президиум ЦКК ВКП(б)» от 7 ноября 1927 г. (Т-1047); А.Николаев. «В ЦК и ЦКК ВКП(б)», от 10 ноября 1927 г. (1049); И.Смилга. «Что было у гостиницы "Париж" 7 ноября 1927 г.», от 10 ноября 1927 г. (Т-1050).

³ Это слово Троцкий особенно часто упоминал во время процессов 1930-х годов. Он понимал под ним любую политическую подтасовку, и прежде всего — объединение людей разных политических взглядов по одним и тем же политическим обвинениям и организацию над ними общих показательных процессов.

⁴ Смилга И.Т. (1892-1938). В 1927 году — заместитель председателя Госплана. Оппозиционер. В 1928 смещен со всех постов, исключен из партии и сослан. В 1929 — раскаялся. Видимо, умер в заключении.

⁵ Муралов Н.И. (1877-1937) — большевик с 1903 года; в 1918 — командующий войсками Московского военного округа. Оппозиционер. В декабре 1927 исключен из партии и сослан в Тару. Через десять лет расстрелян по делу «антисоветского троцкистского центра (параллельного)».

⁶ Вероятно, имеются в виду одно из двух или оба заявления, принятые оппозицией 10 декабря 1927 года. Первое из них отказался поддержать Зиновьев, второе — Троцкий. Текст их был следующим:

I.

«Резолюция съезда по докладу ЦК объявляет несоместимым принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов с пребыванием в рядах большевистской партии. Пятнадцатый съезд, таким образом, не только отвергает наши взгляды, но и запретил их пропаганду. Защищая перед лицом съезда свои принципиальные взгляды, в правильности которых мы убеждены, мы в то же время в своих заявлениях съезду подчеркивали, что считаем для себя обязательным подчинение решениям съезда, как бы тяжелы они для нас ни были.

Всей обстановкой поставлен вопрос о второй партии. Путь второй партии в условиях пролетарской диктатуры мы отвергаем для себя принципиально. Ввиду этого и подчиняясь постановлениям съезда, мы заявляем: 1) что оппозиционная фракция должна прекратить свое существование и 2) что решение съезда о запрещении пропаганды ее взглядов принимается всеми нами к исполнению. Мы призываем всех наших единомышленников сделать для себя те же выводы из решений съезда.

Каждый из нас должен стать на то место, которое укажет ему партия, и проводить ее решения со всей энергией на повседневной практической работе, помогая партии идти к целям, поставленным Лениным.

Товарищи, исключенные из партии за оппозиционную деятельность, обратились уже к съезду с просьбой восстановления в партии. Мы повторяем и поддерживаем их просьбу, считая само собой разумеющимся, что освобождение товарищей, арестованных в связи с их оппозиционной деятельностью, абсолютно необходимо». (Архив Троцкого, Т-1061).

II

«Постановление Пятнадцатого съезда партии о несоместимости принадлежности к оппозиции с пребыванием в партии побуждает нас сделать следующее заявление:

Подчиняясь решениям съезда, мы прекращаем всякую фракционную работу, распускаем все фракционные организации и привлекаем к этому же наших единомышленников.

Путь второй партии мы отвергаем категорически, всякую попытку в этом направлении считаем решительно противоречащей существованию диктатуры пролетариата и потому обреченной на гибель.

Из этого явно вытекает, что, в соответствии с решениями съезда, мы берем на себя обязательство не вести фракционными методами пропаганды наших взглядов.

В то же время мы считаем, что наши взгляды, изложенные в платформе и в тезисах, каждый из нас в рамках устава может защищать перед партией. Отказ от защиты своих взглядов в партии политически равносильно отказу от самих взглядов. Такой отказ был бы для нас обязателен, если бы убедились в их неправильности, т.е. в их несоответствии программе ВКП(б) или в их маловажности с точки зрения судеб партии и диктатуры пролетариата. В противном случае отказ от защиты своих взглядов явился бы на деле отказом от выполнения своего элементарного долга по отношению к партии и к рабочему классу.

Мы не сомневаемся, что наши единомышленники, в том числе и исключенные из партии, докажут свою верность партии Ленина и не колебнутся в деле ограждения ее единства как необходимого условия диктатуры пролетариата.

Мы твердо верим, что партия найдет пути снова вернуть в свои ряды исключенных и освободить арестованных за оппозиционную деятельность» (там же).

⁷ Тактический ход оппозиции: до начала восстания в Кантоне она призвала к нему и упрекала правительство в медлительности. После его поражения — стала упрекать в авантюризме, в «путчистве на падающей революционной волне».

⁸ Оппозиционеры, безусловно, преувеличивали уровень свободы дискуссий в рамках программы Коминтерна. В вопросе руководства Коминтерном они всегда занимали крайне жесткую позицию. Пока были живы Либкнехт и Люксембург, — Ленин затягивал созыв Первого конгресса Коминтерна. И лишь в марте 1919 г., после смерти обоих немецких лидеров, созвал Учредительный съезд и провел председателем Коминтерна Зиновьева. Как пример большевистского отношения к руководству Коминтерном интересна записка Троцкого Зиновьеву, Ленину, Радеку и Бухарину от 22 ноября 1922 года. Троцкий спрашивал:

«Создавать ли на [четвертом] Конгрессе [Коминтерна] новый центральный комитет французской коммунистической партии? Или же придать списку членов нового ЦК характер *предложения*, исходящего от Конгресса /.../? Ни одна из фракций не считает возможным прямое назначение членов нового ЦК здесь в Москве. Особенно этого боится левая: выйдет так, говорят они, что левые цекисты всегда вводятся Москвой, т.е. навязываются партии. /.../ Безусловно необходимо вопрос о составе нового ЦК разрешить [в] Москве /.../».

Далее Троцкий описывал, как именно нужно это сделать, а затем указывал, что необходимо заставить *нынешний* ЦК «провести некоторые меры в области синдикальной и в области чистки партии от франк-масонов и пр.» (*THE TROTSKY'S PAPERS. 1917-1922. Ed. by J.M.Meijer. Vol.II. 1920-1922. Mouton, 1971 pp.760-762*). Таким образом, методы руководства Коминтерном в 1925-28 гг. отличались от практики ленинского периода разве тем, что в конце двадцатых годов у советского правительства было больше власти в Коминтерне, чем в начале.

⁹ Открылся в июле 1928 года.

¹⁰ Альский А.О. (Мальский, М.Альский, 1892-1939) — большевик с 1917 года. После октябрьской революции — на советской работе в Воронеже, Литве, Белоруссии. Заведующий учебно-распределительным отделом ЦК РКП(б). С 1921 — заместитель наркома финансов и член коллегии НКФ. Оппозиционер. Исключен из партии в 1927. Сослан в Нарым, затем в Барнаул. Расстрелян.

¹¹ Белобородов А.Г. (1891-1938). Член партии большевиков с 1907 года. В 1918 — председатель Исполкома Уральского обл. Совета, один из участников расстрела царской семьи. В 1923-1927 годах — нарком внутренних дел РСФСР. Оппозиционер. Исключен из партии в 1927, сослан в Усть-Вымь, впоследствии расстрелян.

¹² Преображенский Е.А. (1886-1937). Один из ведущих советских экономистов, автор теории первоначального социалистического накопления, оправдавшей финансирование индустриализации за счет взимания «дани» с крестьянства. В 1927 исключен из партии за участие в оппозиции. Сослан в Уральск. В 1929 раскаялся и «капитулировал». Расстрелян.

¹³ Смирнов И.Н. (1881-1936). Член ЦК с 1920, нарком почт и телеграфов. В 1927 исключен из партии за участие в оппозиции. Сослан в Сухуми. Раскаялся в 1929. Расстрелян вместе с Зиновьевым и Каменевым.

¹⁴ Серебряков Л.П. (1890-1937). В 1919-20 гг. в секретариате партии, а в 1920-е — на руководящей государственной работе. В октябре 1927 исключен из партии за участие в оппозиции. Раскаялся в 1929. Расстрелян.

¹⁵ Сосновский Л. (1886-1937). Партийный журналист, исключен из РКП(б) в 1927, в следующем году сослан в Барнаул. Видимо, расстрелян.

¹⁶ Валентинов Г. — до исключения из партии и ссылки в Усть-Кулом главный редактор газеты «Труд».

¹⁷ Невельсон (Ман) М.С. — зять Троцкого. В 1927 исключен из партии, вскоре сослан в село Самарово, затем — в Чебоксары. См. документ 13.

¹⁸ В.Эльцин. Оппозиционер, в 1927 исключен из партии. В 1928 — сослан в Усть-Вымь. Сын Б.Эльцина (1875-1937?), старого большевика, также участника оппозиции, арестованного в 1929 и погибшего в лагере.

¹⁹ Тер-Ваганян В. (1873-1936). Написал ряд работ по национальному вопросу. Оппозиционер. В 1927 году исключен из партии, сослан в Казань. В 1929 — «капитулировал». Расстрелян.

²⁰ Малюта В. Исключен из партии за оппозиционную деятельность в 1927, в следующем году сослан в Мезень.

²¹ Виленский (Сибиряков) Вл. — до исключения из партии и высылки в Пермь — редактор журнала «Каторга и ссылка».

3

ПИСЬМО СОСНОВСКОГО ТРОЦКОМУ

Барнаул, 8 февраля [1928 г.]¹

Дорогой Лев Давыдович! На телеграмму я вам ответил телеграммой². А теперь при помощи старенькой моей дорожной пишмашинки пишу дополнительно. На моей подорожной, которую вез в пакете мой спутник³, было сначала написано: НАРЫМ. Затем зачеркнуто и проставлено: Барнаул. Так узнал я в Новосибирске. Подробности неизвестны. Значит, Барнаул. Город — ничего себе. Вроде достолубезного моего Троицка или Челябинска, в которых я рос (в последнем отбывал ссылку)⁴. Был он губцентром Алтайской губернии, теперь рядовой округ. Город имеет 80.000 жителей, которых зимой на улице никак не увидишь. Сидят, наверное, по берлогам, жрут пельмени и сосут рыковку⁵. Морозики тут все около 40, правда, по Цельсию. Я-то переносу их спокойно, даже не прибавляя ничего к моему московскому, вам известному, наряду. А вот южане наши — Ваганян и Вардин⁶ — очутившиеся на одной со мной широте, в Бийске, те ропшут.

От дальнейших справочных сведений воздержусь, не желая подражать нашему другу Врачеву⁷, который едва ли не в стандартной редакции рассылает друзьям исторические сведения о Вологде, начиная, примерно, с Ив.Грозного.

Относительно работы мне здесь любезно предложили некоторый выбор от ОНО до кооперативных центров. Я остановился на Окрплане, с чем охотно согласился. Для начала поручена мне разработка темы: «Влияние кооперативных цен на бюджет рабочего». Были в списке тем и другие, даже более заманчивые, но мне сейчас непосильные. Например, «Социальный состав держателей хлеба». Или: «Влияние сельхозналога на сельское хозяйст-

во». Но я совершенно не имею опыта в исследованиях этого рода, с премудростью статистической мало знаком и едва ли разыщу, где цифровые раки зимуют. Да и запуган я немножко яковлевской⁸ статистикой. Итак, начнем с маленького. Авось на этом поучусь. На отношение ко мне пожаловаться пока не могу. Знакомств не ищу, держусь пока одиноко. Отчасти опасуюсь, как бы безобидное общение со мной не причинило напрасных неприятностей, что не исключено. Однако, даже в порядке служебном расширение круга знакомств неминуемо. Через Окрплан проходят все завы и замы, а также часть спецов, кооператоры и пр. Видел уже хозяйственников, скоро увижу профессионалистов.

Промышленности тут нет, самое большое предприятие — 300 человек. А вот деревня с ее классовыми противоречиями очень интересна. Надеюсь с ней познакомиться не только по обзорам и статистическим сборникам. Пока что слежу по сибирским газетам. Должен вам сказать, что в Сибири кулак не отменен и не «размыт». Он существует официально. Каждый день я вижу кулака развалившимся на всю первую страницу краевого органа «Советской Сибири» (большая и неплохая газета). Каждый номер начинается с крупного аншлага (по газетному — «шапка») во всю страницу и каждый раз о кулаке. Вышеозначенный кулак, несмотря на то, что его в природе, что называется, кот наплакал, ухитряется продельвать разные пакости. Так, по газетным сообщениям, кулак:

а) сам не везет хлеба и середняка оттягивает. Здесь были показательные процессы над кулаками, которые имеют по 1-2 тыс. пудов хлеба и не продают его. Суд приговаривал их к тюрьме, конфискации хлеба. Местная власть распорядилась из конфискованного отчислять в фонд помощи бедноте 25 проц. При этом вышла разногласица. Барнаульский ОИК отчисление декретировал как пособие, Сиб[ирский] Кр[аевой] ИК как возвратную ссуду. Сегодня в местной газете есть сообщение о кулаке, у которого оказалось 13.000 п[удов] хлеба и 1000 пудов овса он уже сгноил.

б) кулак позже всех платит налог и страховку.

в) он просрачивает ссуды в кред[итные] т[оварищес]тва.

г) срывает кампанию по самообложению.

д) то же по поводу займа.

И т.д.

21 января в «Сов[етской] Сибири» появился аншлаг: «Опирайтесь только на бедноту, уметь достигать соглашения со средняком и ни на минуту не прекращать борьбу с кулаком».

Как вам известно, Молотов на съезде доказывал, что со стороны оппозиции *бесстыдно* применять этот лозунг Ленина из

эпохи «нейтрализации середняка» к *современному* положению. Он называл это издевательством над Лениным. И вот издевательский лозунг красуется во всю страницу. Можно предположить: провинциальная простота. Но именно в эти дни здесь (Новосибирск, Барнаул) был Сталин. Случайности в помещении лозунга я не допускаю.

Вообще заготовительная кампания в Сибири дает, видимо, массу материала для суждения о поведении классовых группировок. Как вы знаете, при объяснении причин слабых заготовок теперь избегают касаться классовых мотивов. Больше говорят о расхлябанности аппарата, о недостатке товаров, об избытке денег. Избегают говорить о классовых побуждениях держателей хлеба. Но вот в прошлом году заготовки здесь шли успешно. В №1 «Жизни Сибири» за 1927 г. помещена была статья Ботвинника «Хлебозаготовки». Анализируя причины *успеха*, автор доказывает, что ни взывание налога, ни завоз товаров в Сибирь *не* объясняют усиленного предложения хлеба крестьянином. Во-первых, по мнению автора, сибирский крестьянин переходит от натурального накопления к денежному. А во-вторых:

«В этом году крестьянин, по-видимому, отказался от того, чтобы нас серьезно "регульнуть".»

Это о прошлом сезоне, вполне успешном. Напрашивается вопрос: а в нынешнем, очевидно, передумал и регульнул. Да заодно и формы накопления пересмотрел.

Ну я, кажется, злоупотребил по части областничества. Интересно ли вам читать о наших кулацких делах? Факт однако вот какой. Только теперь, после серьезного нажима на деревню, появляются заметки, что крестьяне-коммунисты там-то сдали хлеб. То же и о колхозах. Очевидно, кулацкое сопротивление заразило и кое-какую часть коммунистов. Настроения такие в низовом аппарате сказались. Мы читаем телеграммы о предании суду председельсоветов и даже повыше за активную агитацию против сдачи хлеба.

Сообщения о том, что беднота проявила инициативу в нажиме на кулака — единичны. Попадают и такие сообщения, что бедняки защищали кулаков из опасения, что к весне не у кого будет одолжить хлеба. Повторяю, кроме сибирских газет у меня ничего другого пока нет.

С трудом привыкаю к отсиживанию регулярных служебных часов на одном месте. Испортила меня вольно-казацкая литераторская жизнь. После службы регулярно каждый день посещаю кино, что бы там ни шло. Хочу на себе испытать пищу, преподносимую нашим кино. Вероятно, и вы не устоите перед собла-

зном ярких огней, когда кругом темно. Улицы у вас наверное темные?

Черкните, дорогой Л.Д., как устроились. О последних днях и часах вашей московской жизни мне написал... мой Левочка. Первое в его жизни столь длинное и содержательное письмо. Картина получилась яркая, и он-то ее запомнит во всяком случае. Верно ли, что Х.Г.⁹ вместо Астрахани оказался в Красном Яре. Одного нельзя отнять у наших попечителей: некоторого знания некоторых глав географии.

Привет Н[аталии] И[вановне]¹⁰. Желаю Вам здоровья и сил.

Ваш Л.Сосновский.

Адрес мой:

Барнаул, гостиница «Комхоз» — мне¹¹.

Насколько я могу судить по почтовым штемпелям, корреспонденция моя не идет беспересадочным путем. Где-то задерживается, но все же доходит. Газета из Москвы доходит на 5-й день, а письмо — на 7-й и 8-й¹².

T-1119. Машинописный текст. Публикуется впервые.

¹ *Ищенко оказался в Канске, Сафаров — в Ачинске. Об остальных вам, вероятно, сообщили.* [Рукописная приписка Сосновского на полях первой страницы машинописи].

Сафаров Г.И. (1891-1941). В 1921-24 гг. — руководитель ближневосточной секцией Коминтерна, ставленник Зиновьева. Затем — руководитель комсомола. В 1926-27 член «объединенной оппозиции». Исключен из партии Пятнадцатым съездом, сослан. Погиб в заключении.

² Копия телеграммы Троцкого Сосновскому и ответная телеграмма Сосновского в архиве отсутствуют.

³ Сотрудник ГПУ, сопровождавший Сосновского в ссылку.

⁴ До революции.

⁵ Продажа водки государством была возобновлена после смерти Ленина, когда главой правительства стал Рыков, отсюда название. Документы, касающиеся обсуждения в правительстве вопроса о возобновлении продажи крепких напитков, см. в кн. *КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР*, т.1, с.82 [Т-2965], 108-109 [Т-2967, 2968].

⁶ Вардин (Мгеладзе) И.В. (1890-1943). В партии с 1907 года. Один из большевистских руководителей в Саратове, после революции — член сара-

товского губкома. В 1918 — член бюро петроградского комитета партии большевиков. В период обсуждения Брестского мира — левый коммунист. В 1919 — член московского комитета партии, сотрудник «Правды» и «Известий». В 1920 — член киевского губкома партии, затем — начальник политотдела Первой конной армии. В 1921 — уполномоченный референт ВЧК. В период дискуссии о профсоюзах сторонник платформы Троцкого. В 1927 солидаризировался с оппозицией. Раскаялся, тем не менее, в декабре 1927 исключен из партии и вскоре выслан. Видимо, погиб в заключении.

⁷ Врачев И.Я. Биогр. очерк о нем см.: Альберт Ненароков. *У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ*. — «Огонек», №39, 1987, с.9-11.

⁸ Яковлев (Эпштейн) Я.А. (1896-1938). В партии с 1913 года. В 1923-24 — в ЦК ВКП(б). С 1926 — заместитель наркома РКИ, член президиума ЦКК. С 1929 — нарком земледелия СССР. Расстрелян.

⁹ Х.Г. Раковский.

¹⁰ Н.И. Седова-Троцкая (1882-1962) — вторая жена Троцкого.

¹¹ Рукописная приписка Сосновского в конце письма.

¹² Рукописная приписка Сосновского на полях последней страницы письма.

4

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Копия тов. Троцкому.

Тов. Редактор.

В полученном сегодня здесь номере «Правды» от 10-го февраля приводится телеграмма из Вены об обращении двух соц[иал]-демократических лидеров — Криспина и Де-Брукера — к тов. Калинин у протестом против тех мер, которые были приняты в отношении оппозиции ВКП(б)¹. Считаю, что это обращение является негодной попыткой нажать политический капитал на внутрипартийных разногласиях, которые после нашего поражения на XV съезде — нашли свое выражение в высылке из Москвы всех лиц, могущих и впредь продолжать фракционную работу. Агентура международной буржуазии — верхушка II-го Интернационала — не прочь, как видно, использовать эту высылку для своих целей, несмотря на то, что программа оппозиции, изложенная в ее платформе и контртезисах, так же от них далека, как и программа

Коминтерна, линию которого часть его членов хотела выпрямить. В то время, когда сотни тысяч китайских рабочих и крестьян расстреливаются и зверски истязаются при помощи и моральной поддержке европейских держав, когда во многих странах свирепствует белый беспощадный террор и тюрьмы «цивилизованных» государств переполнены революционерами, — II-й Интернационал молчит и санкционирует эти действия отечественной буржуазии; но он решил поднять голос протеста в защиту оппозиции, в отношении которой советская власть сочла необходимым прибегнуть к ссылке. Оставаясь и теперь сторонником требований, выдвинутых оппозицией, я, прочтя это лицемерное обращение социал-предателей в ЦИК СССР, хочу подчеркнуть, что теперь, как и раньше, считаю советскую власть пролетарской властью, ОГПУ — органом пролетарской диктатуры, ВКП(б) — авангардом русского и мирового рабочего движения. Каждый из нас в будничной творческой работе на месте, а когда придет время — на фронте, в последней борьбе с мировым капитализмом и его пособниками, нашими теперешними «защитниками», докажет, что временная мера, принятая к нам нашей властью, не изменила нашего отношения к пролетарскому государству и нашей преданности большевистской партии и делу революции.

С рев[олюционным] Приветом

В.Лангер

1 марта 1928 г.
г.Джаркент

Т-1185. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ См. *СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В ЗАЩИТУ ТРОЦКИСТСКОЙ ОППОЗИЦИИ. Письмо де-Брукера и Криспина Калинину*. — «Правда», №25, 10 февраля 1928 г..

5

РАДЕК — ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Тобольск, 10.5.28

Дорогой Женя!

Телеграмма твоя очень меня обрадовала¹. [...] ² моего заявления следующее: я предложил Л.Д. [Троцкому] посылку ее за его, моей и твоей подписями. Тебе не телеграфировал, ибо не знал, где

ты (просил его сделать, если имеет твой адрес). Л.Д. ответил, что так как мы уже высказались против в «письме к Петру»³, напечатанном в «Правде» от 15 января, то незачем повторять. Я не мог с этим согласиться. Не помню, есть ли в этом анонимном письме категорическое осуждение собственных кандидатур, но если даже есть, то ведь теперь положение-то новое. Вопреки нашему совету, Масловцы⁴ выдвинули кандидатуры, или угрожают это сделать. Так как ни для Л.Д., ни для нас дело не идет об отписке, а мы серьезно против другой партии, то после того, как Масловцы на этот шаг пошли, надо занять по отношению к нему позицию, не позволить нашим именем политику вредную для коммунизма. Это надо сделать тем более, что ведь дело идет о том, кончится ли это на одной ошибке, или они пойдут дальше. В Ленинбунде, судя по «Роте Фане», оппозиция против решения выдвинуть собственные кандидатуры. По существу считаю, что КПГ есть здоровая в основе партия, с очень слабым, но не оппортунистическим руководством. Слабость же Масловцев объясняется не только их прошлыми грехами, но и тем, что их критика внутренней политики ЦК бесплодна. А критикой Коминтерна и ВКП (вдобавок неслышанно утрированной) жить нельзя. Если бы они, будучи исключенными, издавали спокойный пропагандистический журнальчик, дающий критику, но поддерживающий партию, они сыграли бы полезную роль. Очень жалею, что Л.Д. не дал подписи и вышла [...]»⁵ но в таких вещах [...]».

Перехожу к общим вопросам. Ты устанавливаешь нашу солидарность в общей оценке положения в партии и говоришь, что не надо забегать вперед. Я с этим вполне согласен. Решительного поворота еще нет: 1) посмотрим, не возьмет ли правое крыло верх, если будет сокращение посевов (боюсь, что будет) и рост затруднений хлебозаготовок осенью [19]28 и зимой [19]29. 2) Как будет идти дело с индустриализацией. Решительный поворот требует осознания сделанных ошибок партией и — 3) Поворота к внутрипартийной демократии. Самокритику нельзя приказать, держа оппозицию в ссылке. Что боятся критиковать, признает «Правда» в целом ряде статей.

Но если нет решительного поворота, то есть сдвиг к лучшему: а) борьба с кулаком началась, б) исправление линии Коминтерна началось, в) чувство тупика из-за отсутствия критики растет.

Выводы: Нам нужно иметь открытыми глаза и умы на это новое. Мы считались с двумя вариантами истории: [1)] Крутой поворот направо, 2) выпрямление линии партии. В феврале 1927 г. на пленуме ЦК вся наша тактика была рассчитана на второй вариант. Речь Л.Д. говорила центру: смотрите, будете принуждены повер-

нуть налево и мы будем вашим левым крылом. Китайские события, врангелиада⁶ обострили борьбу и создали чувство, что готовится крутой поворот направо, что привело к 7-му ноября⁷. Но разве кто-либо из нас предпочитал первый вариант второму. Если партия серьезно начнет исправлять линию, то это будет величайшее счастье, хотя оно покажет, что будучи правы принципиально в борьбе с правыми тенденциями, мы чересчур обострили тактику. Вспоминаю твое изречение после 7-го ноября: что история покажет, не ухлопали ли мы чересчур много основного капитала.

Я отклоняю Зинов[ьевщину] и Пятаковщину как Достоевщину. Они вопреки своим убеждениям каются. Нельзя помочь рабочему классу враньем. Поэтому я за выжидающую политику ссыльных. Оставшиеся должны говорить правду. Если бы мне разрешили напечатать статью, я напечатал бы то, что пишу тебе. Практический вывод был бы: термидор, как актуальный вопрос, снять, дружественная [...] ⁸. Центр не рассматривать, как врага, как долго идет налево. Выбросить озлобление.

Вот все. Лично. Проболеl всю зиму. Так как не разрешают эссендуки — а помочь только это могло бы — вероятно придется осенью или зимой оперироваться. Разрешили переехать в Томск. Там врачи не сапожники — на случай операции. Ну, что ж делать. Никого лично не буду просить. Работал, несмотря на болезнь, чудесно. Все 28 томов Ленина проработал с карандашом в руках, разметил. Плеханова разработал до «Искры». [...] ⁸ кучу материала литературного по русской истории. Осенью начну книгу о Ленине писать. В год думаю кончить первый том, до войны. Хотел одновременно «Капитал» перечитать, в половине второго тома застрял. Не хватило мозгов на обе вещи одновременно. В Томске возьмусь снова за «Капитал». Не знаю, как будет с деньгами. Хотелось бы концентрировать все силы на книгу о Ленине, не искать заработка. В Томске не проживу на те деньги, что здесь. Роза⁹ работы не имеет. Ну, увидим. Из Томска, куда около 20 [мая] поеду, пришлю адрес телеграфно. Пока пиши до востребования.

Целую тебя

Карл.

T-1452. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ Телеграмма в архиве Троцкого отсутствует.

² Пропуск в тексте.

³ См. *ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ТРОЦКИСТОВ ПРОТИВ КОМИНТЕРНА* («Правда», 15 января 1928 г., №13). «Письмо к Петру» — один из

перехваченных ГПУ документов, приписанных Троцкому. В архиве Троцкого этот документ отсутствует. С другой стороны, нет и указаний на то, что опубликованный документ был подделкой.

⁴ Маслов А. (1891-1941). После 1924 года один из руководителей германской компартии, член Исполкома Коминтерна. За поддержку в 1926 г. «объединенной оппозиции» в СССР исключен из компартии. Основал собственную организацию — Ленинский союз (Ленинбунд) и предлагал оппозиционерам в СССР сделать то же самое. До 1930 года сотрудничал с левой оппозицией Троцкого.

⁵ Пропуск в тексте.

⁶ Имеется в виду спровоцированное, видимо, ГПУ, дело о «врангелевском офицере» (агенте ГПУ), предложившем оппозиционерам помощь в отпечатывании документов оппозиции на гектографе. Последовавшие за этим аресты дали правительству повод утверждать, что оппозиция действует заодно с контрреволюционерами. Несколько позже Троцкий назвал имя «врангелевского офицера» — М.С. Стройлов. (см. *THE CASE OF LEON TROTSKY. Report of Hearings on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials.* Merit Publishers, 1969, p.126). См. также обращение ко всем членам партии, в ЦК, ЦКК и ИККИ, разосланное 4 октября 1927 года за подписями Троцкого, Зиновьева, Евдокимова, Бакаева, Петерсона и Смильги (Архив Троцкого, Т-1021).

⁷ См. сноску 2 к документу 2.

⁸ Пропуск в тексте.

⁹ Роза Маврикиевна, жена К.Б. Радека.

6

РАДЕК — ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

25.5.28.

Дорогой Евгений, я написал тебе обширное письмо еще в Тольском¹. Откладывал с посылкой, а теперь прилагаю, хотя кой-какие формулировки, после повторного просмотра, кажутся мне теперь недостаточными (там, где говорю «центр не враг», надо сказать: но противник. Не враг — значит, что когда он борется с кулаком, мы не можем обвинять его в термидорианстве). Но в общем, письмо правильное. Теперь Смильга дал мне прочесть твои тезисы², которые я, видно из-за переезда, еще не получил непосредственно. По их поводу я хотел бы добавить кой-что к моему первому письму.

Анализ твой страдает целым рядом упущений. Если рассматривать кризис с хлебозаготовками, то нельзя делать этого только с точки зрения абстрактного соотношения классов, соотношения земледелия и промышленности, ибо тогда «углубленный» анализ практически сводится к замазыванию ошибок, обостривших объективно предопределенный кризис. Дальше; кризис этот обострен не только ошибками хозяйственного руководства, но и ошибками внутрипартийного руководства: отсутствие внутрипартийной демократии, к[о]т[орое] привело к нашему исключению и ободрило надежды кулака.

Центральный вопрос: можно ли считать поворот решительным — ты сам не считаешь его таковым, и я не считаю его решительным. Почему — пишу в первом письме. Поэтому мы должны этот поворот поддерживать, чтобы сделать его решительным, но не можем, как ты это предлагаешь, принять за него ответственность. Вообще, как можно принять ответственность за дело, на которое не имеешь ни малейшего влияния. Такое заявление было бы смехотворным: сидим в ссылке и принимаем ответственность!

Из сказанного следует, что считаю заявление, содержащее принятие ответственности, недопустимым. Но это не означает, что считаю, что мы вообще должны молчать, или ныть, объявлять все, что происходит в партии, обманом. Мы исключены из партии и имеем право апеля к Коминтерну. Это обращение к Коминтерну считаю нашим долгом. Само собой понятно, что его надо иначе написать, чем мы бы его писали в январе. Уже попытка борьбы с кулаком, начало исправления линии Коминтерна, начало борьбы с разложением в партии требует отказа от разоблачительного тона заявления времен врангелиады. Но письмо все-таки должно сказать всю правду об ошибках руководства в партии в прошлом, сыгравшего на руку кулаку и приведшего к нашему исключению; о необходимости создания союза бедноты, если не хотим, чтобы борьба с кулаком, проводимая путем чисто административного нажима, не рассорила нас со всей деревней, о необходимости вернуть нас в партию, если не хотим, чтобы борьба с язвами, вскрытыми в Смоленске, Артемовске и т.д., кончилась заменой лиц, уже испорченных, лицами, которые завтра испортятся в атмосфере отсутствия внутрипартийной демократии. Заявление должно кончиться указанием на то, что при развертывании и продолжении левого курса в партии наша ссылка и исключение являлись бы какой-то чудовишной бессмыслицей, ослабляющей даже данное руководство партии, ибо для проведения тех целей, к[о]т[орые] оно прокламирует, оно сможет рассчитывать на полнейшую нашу поддержку. На таком документе мы вполне все сой-

демя, несмотря на наличие оттенков в оценке положения. Они существуют между мной и Иваном³, а мы в пять минут сошлись. Убежден, что если мы могли бы съехаться, то в один день могли бы написать такой документ. Но я на это не надеюсь. Если хочешь попробовать — попробуй — даю тебе право сделать это и от моего имени. Но реальной считаю попытку согласовать такое наше выступление письменно. На днях пришлю тебе набросок.

Наконец, два слова о твоей переписке с Л.Д. на китайские темы. Я нарочно не откликался по этому вопросу, считая дискуссию на тему об «и», как писал Ильич после парижского пленума десяти года, в данных условиях неудобной. Раз пошла писать губерния, то скажу коротко: если в Китае начнется широкая новая революционная волна, то логика борьбы приведет к скорому перерастанию буржуазной революции в социалистическую, что будет зависеть в значительной мере от сил Англии и Японии, в радиусе действия которых лежит Шанхай, Ханькоу и ТIENTCIN. Но период выпячивания на первое место аграрного движения — неминуем. Ильичевский лозунг демократической диктатуры не означает схемы государственного строительства. Цель этого лозунга указать на преобладание, на известной стадии, аграрного вопроса. Китайским коммунистам, после банкротства Гоминдана, не угрожает конкуренция мелко-буржуазной партии, им угрожает то, что они недостаточно свяжутся с мужиком и поэтому опасно преждевременно выдвинуть лозунг социалистической диктатуры. Ильич был в [19]16-ом году прав против Бухарина⁴ — и не только против Бухарина — не только из-за схематичности Бухарина. Б[ухарин] вообще нигде не формулировал отчетливо своих взглядов, и поэтому нельзя говорить о схематичности или несхематичности. Ильич потому не выдвигал перед февралем [1917] лозунга пролетарской диктатуры, что не знал, произойдет ли революция перед окончанием войны. Только тот факт, что революция произошла во время войны, обеспечил смычку аграрных лозунгов, направленных в первую очередь против помещика, с антивоенными, направленными против буржуазии. В Китае дело выглядит значительно иначе, но во всяком случае осторожность требует выждать уточнения обстановки раньше, чем формулировать лозунги.

Т-1521. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ См. предыдущий документ.

² Видимо, имеется в виду работа Преображенского *ЛЕВЫЙ КУРС В ДЕРЕВНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*. По крайности, это единственный матери-

ал в архиве Троцкого, подпадающий под описание Радека. (Архив Троцкого, Т-1262, 3 стр., апрель 1928 г.).

³ Возможно, речь идет о Смильге или Смирнове.

⁴ Бухарин Н.И. (1888-1938). В партии с 1906. Член ЦК в 1917-34, член Политбюро в 1924-29. Многолетний редактор «Правды». До 1928 года в блоке со Сталиным. В 1928 оттесняется Сталиным и оказывается в «правой оппозиции», теряет власть, увольняется со всех постов. Раскаивается. В 1934 назначен редактором «Известий», но через десять месяцев снят. Главный обвиняемый на процессе 1938 года. Расстрелян.

7

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ОТ КРЕМЕНЧУГСКОГО ТОВАРИЩА

...Кременчуг, как ты знаешь, представляет небольшой, но промышленный город. «Изюминкой» промышленности являются у нас Крюковские вагонные мастерские. Эти мастерские имеют славное революционное прошлое. Они еще до Октября являлись базой большевистской партии и выдвинули из своих рядов не один десяток хороших революционеров. В трудные годы голода рабочие за ничтожный паек поддерживали разрушенный транспорт. Однако теперь, благодаря общей неправильной линии нашей партии, положение в мастерских начинает меняться. Лучшим барометром, насколько классово выдержана линия партии, является отношение к ней рабочего класса. И отношение в данный момент показывает, что на партию давят какие-то чуждые рабочему классу и революции силы.

Факты — они коротки и ясны.

1) В последний призыв из 3000 рабочих в партию вошло всего 12 чел., из которых добрая половина была бы отклонена, если бы не ударная кампания. Из 12 чел. — 6 комсомольцев.

2) За 6 месяцев после Октябрьского призыва этот крупнейший партколлектив не увеличился ни на одного человека. Над этими двумя фактами — следует призадуматься. Их не затушуют никакие статьи в «Правде».

В мастерских было решено провести реформу зарплаты, которая дала снижение на 2-3 разряда и это решено провести под соусом подтягивания зарплаты отсталых групп. Когда этот вопрос

стал на общем собрании рабочих, то реформа провалилась громадным большинством, причем в прениях выступали против реформы как беспартийные, так и рабочие-партийцы. Рабочие возмущены были тем, что их хотели обмануть этой реформой и в докладе ни одним словом не обмолвились о поголовном снижении зарплаты. Поэтому выступления были очень резкие. После этого собрания был созван АКТИВ ячейки, где поставлен вопрос о недопустимом поведении партийцев на собрании рабочих. Когда была предложена резолюция, осуждающая поведение партийцев на собрании, то она провалилась. Тогда созывается общее собрание ячейки, куда двинуты все силы аппарата. Приезжает секретарь Округкома, пред КК с целой свитой аппаратчиков, причем партийцев берут провокацией о каком-то мнимом «стачечном комитете», о связи оппозиционной группы в мастерских с белогвардейцами и тому подобная белиберда. И несмотря на это, партколлектив провалил реформу и предложение, направленное против партийцев, выступавших на рабочем собрании. Несмотря на это, рабочим заявили, что реформа будет проведена. В связи с этим начинают пробуждаться и кое-какие нездоровые явления. Например, когда против оппозиционеров повели кампанию, в которой особое участие приняла агитгруппа ЦК КПУ, которая специально выделена в мастерские, пускали в ход разговор о том, что оппозиция организует вторую партию, но рабочие отвечали: «Пусть организует и тогда увидим, какая партия действительно за рабочий класс, ибо эта партия начинает не нашу линию гнуть». Этакie неприятные нотки начинают звучать в устах рабочих довольно часто и сигнализируют об отрыве и скатывании партии с классовых рельс.

В следующий раз постараюсь осветить жизнь других предприятий...

Май 1928 г.

Т-1390. Публикуется впервые. Машинописная копия. Видимо, письмо «кремчугского товарища» было адресовано Л.Сосновскому. Им же, вероятно, были сделаны из письма выписки и разосланы в циркулярном порядке целому ряду оппозиционеров, в том числе и Троцкому — для «осведомления».

В ГУБОТДЕЛ ОГПУ

г. Алма-Ата
Копия т. Троцкому

ЗАЯВЛЕНИЕ

от адм.-ссылного
Вильгельма Лангера

Прошу переменить место моей ссылки на г.Алма-Ата по следующим соображениям:

1) В настоящее время я работаю в Уездном Финотделе на временной работе по учету вновь введенной городской ренты. Работа чисто канцелярская и не может меня ни в какой степени удовлетворить; к этой технической работе невозможно приложить инициативу и показать на деле мое желание принять более активное участие в меру сил и способностей в той громадной работе, которая с таким напряжением ведется теперь во всех отраслях. В ближайшее время проводится районирование, количество служащих в городе уменьшится в несколько раз и будет пожалуй еще труднее найти такую работу, в которой я бы мог чувствовать не только материальную поддержку, но и минимальную возможность применить мою энергию и желание работать с пользой для дела. В более крупном ближайшем центре — Алма-Ате, — будет, думаю, легче найти такую работу.

2) В Джаркенте не имею возможности использовать время, которое еще суждено мне провести в ссылке, для углубления и увеличения моих знаний. Выписывать книги, большинство газет и научную марксистскую периодическую литературу в силу тяжелого материального положения не могу; городская библиотека очень бедна, новых изданий вовсе в ней нет, в читальне только одна газета — «Известия»; таким образом, я буду все больше и больше отставать. Эта перспектива очень тяжелая.

3) В конце мая м-ца я заболел малярией; неделю продолжался сильный приступ — температура доходила до 40° — но и теперь, несмотря на принимаемые лекарства, улучшение малозаметное: повышенная температура, головная боль, общая слабость и быстрая утомляемость продолжают дальше подтачивать организм. Со мною живет 14-ти месячный ребенок, по всем признакам уже тоже страдающий лихорадкой. Через месяц жена уедет обратно в Москву для продолжения учебы, а остаться с ребенком в здешнем климате без достаточной медицинской помощи

будет сопряжено с опасностью для его жизни. В Алма-Ате имеются детские консультации и ясли, есть квалифицированные врачи — и нет там такого недостатка в продуктах первой необходимости ребенку, как здесь.

Убедительно прошу Губотдел принять вышеприведенные соображения во внимание и разрешить мне переезд в г. Алма-Ата. Прошу уведомить меня о Вашем решении; в конце июля м-ца жена едет в Москву и — в случае положительного ответа на это заявление — было бы хорошо и для экономии средств — а их мало — и для облегчения дороги ребенку, участок до Алма-Аты переехать вместе с нею.

Несколько слов о моем теперешнем отношении к оппозиции: истекшие 6 м-цев после XV съезда доказывают, что оппозиция по всем вопросам, по которым в течение последних лет были разногласия с большинством Центрального Комитета, была полностью и целиком права. «Бешеная» борьба, которую вело левое крыло партии за выпрямление партийной политики, за чистоту теоретической мысли — главного оружия в арсенале пролетариата, — находило свое оправдание в исключительной важности разногласий, с одной стороны, в чрезвычайно напряженной обстановке и в отсутствии внутривнутрипартийной демократии — с другой. Вопрос шел о жизни и смерти революции, о дальнейшей судьбе мирового рабочего движения. После физического разгрома оппозиции перед партией ребром, так остро, как никогда еще, встали во весь рост вопросы, выдвигаемые жизнью и раньше и своевременно сформулированные оппозицией. Вся серьезность обстановки делала невозможным продолжение старой центристской политики, и партия должна была решать: повернуть еще более вправо, к чему ее толкали правые круги, наименее устойчивые и поддающиеся давлению окружающего нас враждебного мира, или круто повернуть влево, сосредото[точиться] [...]¹, пусть и с опозданием, на правом уклоне, дать беспощадный отпор растущим капиталистическим элементам в стране, вступить на единственно правильный путь, указываемый всеми традициями большевистской партии, учением Ленина. Партия выбрала второе.

В Джаркенте — ясно — судить трудно, насколько крутым, решительным является изменение партийной политики. Но я убежден в том, что полностью не на словах, а на деле провести все те новые, правильные лозунги в жизнь, осуществить все те грандиозные задачи, которые партия ставит перед собою в России, Коминтерн во всем мире, не будет возможно, пока не изменится отношение к б[ывшим] членам партии, которые боролись за проведение этой более правильной, более пролетарской политики.

Для того, чтобы вести партию, страну и мировое рабочее движение вперед, необходимо выявить старые ошибки, на которые указывала оппозиция, осудить их — это даст гарантию того, что в будущем они не повторятся — и дружно взяться за общее дело борьбы за мировую революцию.

Лангер В.В.

Джаркент, 24 июня 1928 г.

Т-1776. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ Пропуск в тексте.

9

СОСНОВСКИЙ — РАДЕКУ

Дорогой Карл!

Письмо Ваше¹ с приложениями (письмо к Л.Д. [Троцкому]² и тезисы-замечания³) меня очень успокоило и обрадовало. Обрадует оно и всех наших друзей. Мне было тяжело Вам об этом писать. Ведь меня и других товарищей буквально забрасывали запросами: правда ли, что Радек начал капитулировать. Замечание Ярославского⁴ в «Прожекторе» (предисловие к очеркам Арсеньева-Коваленко об «оппозиционном подполье»⁵) только укрепило подозрения очень многих. Все решили, что кроме телеграммы в «Правду»⁵ Ярославский имеет в руках еще нечто, неизвестное оппозиционерам. Не только рядовая ссыльная публика, но и ближайшие наши с вами друзья именно так толковали Ваше выступление: как звено в цепи поступков. Я лично и другие любящие вас друзья переживали ваше выступление очень болезненно тяжело. Именно поэтому я должен вам сказать, что я и теперь категорически протестую против всяких ваших индивидуальных выступлений, даже правильных по существу. Лучше запоздать на месяц с общим выступлением (всякий поймет, почему мы запаздываем), чем помогать Ярославскому и Ягоде⁷ дезорганизовывать наши ряды. Все мы имеем громадные обязательства перед тысячами товарищей. Нужно думать, меньше ли зло — деморализация наших рядов, внесение подозрений и всяческой дезориентации. Вы себе представляете настроение товарища, заброшенного в какой-нибудь Термез (граница с Афганистаном), совершенно отрезанного от мира. Он читает телеграмму Радека, примечание «Правды». Раз Троцкий отка-

зался дать подпись, значит он за параллельные списки, за Ленинбунд. Если вы получили за девятью подписями (я слышал, что самых-то подписей вам эти молодые хлопцы не прислали), то вы же и виновник того, что они сбились с толку. Они вообразили, что солидаризируются с Троцким против капитулирующего Радека. Выходка Ярославского только укрепит подозрения. Очень вас прошу ни в коем случае не предпринимать таких одиночных выступлений. Вреда от них больше, чем пользы. Только сейчас ваше письмо внесет ясность в представление товарищей. Чего уж дальше! Был у меня этот прохвост Вардин после подписания в Новосибирске фальшивки с Сафаровым. Сей муж, оказывается, клянется до гроба защищать платформу, считает, что платформа победила, что сталинцы обанкротились. Но в публичном заявлении пишет противоположное и убеждает меня, что все это — формальный момент. Ну, нечто вроде подписания верноподданнической присяги в Государственной думе нашими депутатами. Так вот, и Вардин позволял тоже «информировать» меня о каких-то мне неизвестных письмах Радека. Я его выторил после того, как целый час популярно объяснял ему, что они с Сафаровым — мелкие жулики, обманывающие всех и вся.

Это первое, что я вам хотел сказать. Второе — о вашей работе к центру, как вы выражаетесь. Для вас, конечно, не тайна, что наша переписка разрабатывается, прорабатывается и фигурируется в сводках, рассылаемых по аппарату. Когда вы пишете, что центр оказался лучшим, чем вы думали о нем, то это некоторым кажется совершенно созвучным с пятаковским покаянием, что он ошибался в оценке способности руководства установить правильные отношения пролетариата и крестьянства. Раз вы недооценивали пролетарского естества центра, значит неправильны были ваши обвинения. Так могут и будут исполковывать вас. Я же, как и большинство наших товарищей, нахожу, что мы вполне трезво оценивали классовую линию руководства. Если нас 7 ноября избивали на улице за лозунг «Против кулака, нэпмана и бюрократа», то била нас рука именно кулака, нэпмана и бюрократа. Центр на то и центр. В чем недооценка его? Вы не ожидали, говорите, что инициатива поворота будет исходить от центра. Почему? Уж вы-то лучше меня знаете природу центра.

На этом я и заканчиваю свои вам возражения. В остальном мы единодушны. До меня доходят мнения очень большого количества товарищей.

В вашем письме особенно интересно указание на то, что голые цифры ассигнований на капитальное строительство уже не могут говорить ничего серьезного после того, как даже Розенгольц⁸

определяет размер выброшенных на ветер денег в СОТНИ МИЛЛИОНОВ («Экономическая жизнь» от 9 июня). От Днепростроя до барнаульских курятников — всюду деньги летят на ветер и никто за это не отвечает. Классический пример: Ломов⁹ из Донугля. Этот гусь столь многократно доказывал свое умение провалить хозяйство, что прямо необходимо назначить его руководителем ВСНХ. Круг будет завершён. Эти сотни миллионов как раз и могли бы улучшить положение рабочих.

Я просматривал смоленские газеты за период чистки (апрель-май)¹⁰. Так вот, даже в смоленском масштабе сталинская партия обошлась в громадные деньги. Именно благодаря этому опаснейшему режиму всякий стопроцентно-молитно голосующий прохвост мог расточать народное достояние как ему только угодно. Вся современная система отчетности и контроля представляет собой фикцию. В этом после шахтинского и смоленского дела нельзя даже и сомневаться. На бумаге у Ломова, как и в Смоленском хозяйстве, все обстояло благополучно. А на деле — полный развал. Ломов приезжал в Москву каждый раз с вагоном благополучных диаграмм. А у него целые отделы (Стройбюро, Управление Нового Строительства, Импортный отдел, Иностранский отдел) были захвачены белогвардейскими организациями и подчинялись больше Парижу и Варшаве, чем Москве. Само собой, иностранная буржуазия, видя, как легко удавалось подточить Донбас, не имела нужды торопиться с уступками нам. С какой стати? Сегодня уголь, завтра нефть, потом металл. Что тогда останется от соввласти?

А вы говорите, что мы недооценивали центристов. Если сейчас попытаться нанести на карту флажками все пораженные гангреной города, то получится очень мрачная картина.

А в искренность центристского поворота верить очень трудно. Вы уже прочли письмо Сталина к мифическому тов. С.¹¹ Историю с ленинским лозунгом о деревне вы знаете. Этот лозунг был в центре нашей платформы по крестьянскому вопросу. Не какой-то мифический С., а докладчик ЦК по крестьянскому вопросу Молотов (см. его речь в изданной ГИЗ особой брошюрке) заявил, что выдвигать ленинский лозунг теперь — издевательство над Лениным, что это бесчестно. Это Молотов, а не какой-то С. истолковал лозунг, что он относится ко временам ликвидации комбедов и нейтрализации середняков. Как мелкие жулики распродают на толкучке основные директивы Ленина. Когда мне случалось показывать сталинцам ленинский лозунг и молотовское его толкование (от имени ЦК), они смущались и не знали, что ответить. Теперь Сталин говорит, что выдвигание нами ленинского лозунга

(по его мнению, правильного) есть жульничество. А вот молотовское оплевание ленинского лозунга на съезде — это не жульничество. И после этого можно говорить о самокритике всерьез? Ведь письмо Сталина к С. — это его частная переписка с близкими, ни для кого не обязательная. А доклад ЦК на съезде — нечто более обязательное. Нет, Сталин остался тем же, чем он был в Колонном зале, когда говорил против нас о Чан Кайши¹² и потом прятал стенограмму, как попавшийся школьник¹³. Если и сейчас они так обращаются с самокритикой в важнейших вопросах, где всякий грамотный может проверить, прочесть стенограмму речи Молотова, то расточать им авансы, брать за них ответственность — немножко рановато.

В Москве происходят новые аресты рабочих. На всякой фабрике арестовали хотя бы одного рабочего-оппозиционера, трудно убедить массу, что она может свободно предаться критике и самокритике. А есть основания думать, что аресты производятся в некоторой связи с выступлениями оппозиционеров на собраниях. Об этом можно судить по речи Кирова на Обл[астном] К[омите]те партии. Он упоминает о «легализации» оппозиционеров под паспортом самокритики, как в Питере, так и в др. местах.

Дорогой друг! просимых вами сведений о колдоговорах и снабжении рабочих у меня нет. Раз вы читаете «Труд», «Рабочую газ[ету]» и экономическую прессу, то вы знаете то же самое, что и я. Может быть, в проф[союзных] журналах и органах НК Труда что-нибудь можно найти, но я этой прессы не имею. Могу вам прислать несколько вырезок по жилищному вопросу и еще кое-что относящееся сюда из провинциальной газеты. На днях составлю некоторый обзор смоленских газет¹⁴.

Поскольку вы много работаете, я на вас не в обиде, что редко мне пишете. Присылайте в таком случае копии наиболее интересного из вашей переписки. Наша публика очень радуется и благодарит, когда ей присылаешь что-нибудь в этом роде. Есть ужасно заброшенные в одиночестве люди. Однако неизменно бодрь, очень чутко следят за каждым новым событием. С вашими заметками я постараюсь ознакомить товарищей.

Целую вас, дорогой Карл. Привет Розе Маврикиевне от меня и Ольги¹⁵. Провожу с семьей дни отпуска и скоро вновь начинаю жизнь советского служащего. Дети здоровы, поправляются.

Л. Сосновский

7 июля 1928 г.
Барнаул, Никитинская 110.

Т-1883. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ В архиве Троцкого отсутствует.

² См. циркулярное письмо Радека от 24 июня 1928 г., направленное Каспаровой, Мрачковскому, Преображенскому, Раковскому, Смильге, Смирнову и Сосновскому (Т-1080).

³ См.: К.Радек. *НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ И В ПАРТИИ*. Июнь 1928 г. 14 стр. (Т-1080).

⁴ Ярославский Е.М. (Губельман М.И., 1878-1943). В партии с 1898 г. В 1917 член ВРК в Москве. В 1921 — секретарь ЦК партии. В 1921-22 и 1939 — член ЦК. В 1923-34 — член президиума и секретарь ЦКК. Член редакции «Правды», «Большевика». Редактор и автор ряда работ по истории партии, идеолог и теоретик политики чисток.

⁵ П.Арсеньев. *В ОППОЗИЦИОННОМ ПОДПОЛЬЕ (Из записной тетради)*. — «Прожектор». Еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал, под ред. Н.Бухарина, А.Слепкова, Л.Шмидта. №22, май 1928. Пред. Ем. Ярославского. *ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА*.

⁶ См. *РАДЕК ПРОТИВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ТАКТИКИ ГЕРМАНСКИХ УЛЬТРА-ЛЕВЫХ*. — «Правда», №102, 4 мая 1928, с.4. Телеграмма была послана Радеком в «Правду» 29 апреля с просьбой напечатать ее в «Правде» и в «Роте Фане». Как сообщала редакция «Правды», по имеющимся у нее сведениям, телеграмма была первоначально послана Троцкому для получения его подписи, однако тот отказался подписать ее.

⁷ Ягода Г.Г. (1891-1938). Один из руководителей, затем глава ГПУ-НКВД. В 1938 выставлен обвиняемым на процессе Бухарина, расстрелян.

⁸ Розенгольц А.П. (1889-1938). В 1927 году в оппозиции вместе с Троцким. Раскаялся и в 1928 — реабилитирован и назначен наркомом государственного контроля. До 1937 включительно продолжал занимать крупные государственные посты. В 1938 выставлен обвиняемым на процессе Бухарина, расстрелян.

⁹ Ломов Г.И. (Оппоков, 1888-1938). В партии с 1903. Нарком юстиции в первом СНК. С 1918 на партийной и хозяйственной работе. В 1927-34 — член ЦК. В 1927-30 — член оргбюро. Расстрелян.

¹⁰ Под «чисткой» имеется в виду кампания по ссылке оппозиционеров. Согласно имеющимся у Троцкого спискам, в ссылке к этому времени оказалось по меньшей мере 140 человек (см. архив Троцкого, Т-1081).

¹¹ См.: И.Сталин. *ЛЕНИН И ВОПРОС О СОЮЗЕ С СЕРЕДНЯКОМ. Ответ тов. С.* — Сочинения, т.11. 1928 — март 1929. Гос. изд-во политической лит-ры. М., 1952, с.101-115.

¹² Чан Кайши (1887-1975). С 1927 глава правительства Китая.

¹³ См. Архив Троцкого, Т-944. Г.Бутов. Справка. 15-16 апреля 1927 г.; там же, Т-947. Л. Троцкий. В секретариат ЦК. 18 апреля 1927 г.

¹⁴ В архиве Троцкого обзора газет нет.

¹⁵ Жена Сосновского.

ИЗ ПИСЬМА РАДЕКА К ТЕР-ВАГАНЯНУ

Томск, 13 июня [1928]

Дорогой друг, я не сомневался, что между нами будет единой душой. Ты зря понял, что я хочу подавать самостоятельное заявление. Я его допускал только, если технические препятствия затруднят посылку совместного. Боясь этого, мы со Смилгой выработали текст обращения, который тебе посылаю¹. Предлагаю тебе его подписать. Подадим его официально только в том случае, если не получим заявления Льва², или если окажутся разногласия, неустранимые за отсутствием времени. В противном случае подписи перейдут на общее заявление. Телеграфируй немедленно, получил ли ты это письмо с приложением и даешь ли предварительную подпись.

Мою точку зрения по китайскому вопросу изложил в письме к Мусину, копию тоже прилагаю³. Думаю, что там разногласия сведены до действительных пропорций. Не разобрал в письме одного основного вопроса, к[о]т[орый] затронул Ленин в статье против Суханова⁴, а именно вопроса о степени зрелости, достаточной для социалистической революции, и в какой мере основной закон отношения экономики и политики может быть модифицирован особыми условиями. Об этом все думаю и еще тебе напишу.

Среди ленинской оппозиции есть серьезные оттенки. На это не надо глаз закрывать. Я уже не говорю о некоторых краснопрофессорах, черно по белому пишущих, что термидор уже произошел, что только «катастрофы» могут спасти. Я такое письмо получил и буду отвечать очень энергично. Кого не убедим в ошибочности этой точки зрения, с тем надо рвать. Среди других спорными будут вопросы, к[о]т[орых] ты мимоходом коснулся. Практически этот вопрос сводится к будущему отношению к центру. Есть

две перспективы: одна — партия — в *решающих* звеньях переродилась и поэтому, после каких-то левых гримас, начнет катиться вправо. Из этого вывод: мы, исключенная левая плюс еще какие-то обломки старой партии являемся элементами будущей единственной коммунистической партии, к[о]т[орая] при благоприятном повороте в международной ситуации будет бороться за восстановление пролетарской диктатуры. При такой перспективе, которую я считаю неверной, — вопрос о разногласиях между правыми и центром пустяковый вопрос; тогда надо на вопрос о центре ответить так, как в новелле Сенкевича «Бартек-Победитель», сей Бартек польский крестьянин, ненавидящий пруссаков, отвечает генералу Мольтке на вопрос, почему он так мужественно сражался против французов, — «”Потому что они такие же сволочи, как и пруссаки”», — ответил мой соотечественник». Тогда бей всякого и вся в хвост и в гриву — даже если можешь их бить только на терпеливой бумаге переписки с друзьями.

Совершенно иначе выглядит дело, если выходить из перспектив нашей платформы, что есть шансы на исправление линии партии.

Как же это произойдет? Можно ли думать, что партийная масса, наученная опытом, встанет против теперешнего руководства, скинет его и посадит нас на его место? Я думаю, что такая перспектива нереальна, ибо противоречит тому, что уже выявлено ходом событий после XV съезда. Если вдуматься в обстановку, то бросаются в глаза два факта. Во-первых, что начало изменения курса не было завоевано рабочей массой, хотя ее недовольствие имело значение в его возникновении. Второй факт — что центр, возглавляемый Сталиным, взял инициативу реформы в свои руки. Он идет недостаточно далеко, он не порвал с правыми; мы должны его критиковать, толкать вперед. Если он органически не будет в состоянии идти дальше, то это приведет к отходу от него значительной части рабочих масс. Под их напором в борьбе с центром мы можем вернуться в партию. Но этот ход не единственно возможный. Центр не хочет рвать с правыми — это не подлежит сомнению. Правые боятся открытой борьбы с ним; но и мы, и центр, и правые — экспоненты социальных сил нас толкающих. Ежели усилятся нажим капиталистических сил, — правые осмелеют. Не исключено, что центр не будет в состоянии просто перед ними капитулировать, что, поставленный перед выбором: неонэп или борьба, будет принужден драться и искать нашей помощи. Тогда мы вернемся в партию не в борьбе с ним, а при его помощи. Будет ли Сталин возглавлять тогда центр, или другой — это не имеет решающего значения. Учитывать такую возмож-

ность надо не только пассивно, следя за проявлениями разногласий в печати. Разногласия эти уже наверно больше, чем это видно из печати. Реагировать на это надо действенно, проводя во всех наших выступлениях различие между центром и правыми. В чем оно состоит? Не в людях, или не в первую очередь в людях, а в социальной базе, на кот[орую] они опираются. База правых: деревенские круги, мещанство в партии, чиновник, ориентирующий направо. База центра: та часть партаппарата, к[от]т[орая] не будучи в состоянии вести самостоятельной левой политики, не хочет по частям сдавать Октябрь; рабочий актив партии, в своем основном ядре. Эта разница может получить свое политическое выражение. При развертывании борьбы и победы над правыми их социальную базу надо будет устранить из партии, по крайней мере что касается их кулацкой, мещанской и испорченной бюрократической части (не говоря, понятно, о вожаках правой — старых большевиках, которые исправимы). База центра необходима для существования партии. Пока центр идет с правыми, надо с ним бороться с полной идейной решительностью, но при этом нельзя забывать, что в то время, как блок наш с правыми исключен, — с центром он исторически возможен.

Не знаю, слышал ли ты о разговоре, к[от]т[орый] имел место в начале [19]27 года между Зиновьевым⁵ и А.А. Смирновым⁶ в присутствии Смилги. Смирнов указывал на невозможность решения новых вопросов (он говорил, что получает тысячи писем, доказывающих, что «деревня так дальше жить не может») при мертвящем режиме Сталина. Он намекал, что если мы не будем предложений правой демагогически разоблачать как кулацкие, а дадим партии спокойно разобраться в их предложениях, противопоставляя свои, то они не прочь были бы бороться совместно за изменение внутривнутрипартийного режима. Я не ручаюсь за текст разговора, но ручаюсь за смысл, ибо передавали мне этот разговор независимо и Зиновьев и Смилга. Мы ничем не ответили на эти нащупывания, ибо ясно было, что связывать свою свободу критики правых тенденций для получения возможности абстрактной пропаганды наших идей — означало сделать из внутривнутрипартийной демократии орудие мелкобуржуазной стихии. При блоке с центром внутривнутрипартийная демократия была бы орудием исправления линии партии в пролетарском духе. Я об этом все время думаю, с момента появления статьи в «Правде» от 15.2.⁷ Не писал, зная, что перлюстрируют нашу почту, и пытался ткнуть товарищей носом на вопрос намеками на то, что центр оказался лучшим, чем мы думали, или что исторически может оказаться, что темп сползания не так быстр. Но одни этих намеков не понимали и ужаса-

лись: как быстро портится мой характер несмотря на холодный тобольский климат, а другие пошли доказывать, что ведь нельзя установить точно степень болезни, поэтому надо бороться всеми силами, и что центр довольно плох, ибо арестует рабочих большевиков, что мне, понятно, не было известно. Я ни на один момент не сомневаюсь, что эти товарищи хорошо понимали, куда я мечу. Но они видно считали, что раз время для изменений наших отношений с центром не созрело, то нечего об этом писать. Это было бы верно, если бы существовало другое средство переговорить между собой. Тогда, не высказывая мысли, мы могли бы сделать из нее выводы (нечего валять дурака, они есть политический акт), какие ставить вопросы, как их ставить и т.д. Сговориться мы не можем вне корреспонденции, а от намеков только недоразумения. Поэтому я считаю меньшим злом заговорить открыто. Считаю, что это есть лучшее средство помочь нашей молодежи разобраться в действительности. Мы за молодежь несем большую политическую ответственность. У нее недостаточно политического опыта, она первый раз в ссылке, я высоко ценю ее бодрое настроение, ее непоколебимость, которая есть залог будущих наших побед, но кроме этих качеств, революционеру нужно еще умение разбираться в меняющейся обстановке, замечать выдвигаемые ею новые вопросы. Всякая поспешность в делании выводов опасна, но чтобы их делать, когда время созреет, — надо раньше думать.

Вот что касается общих вопросов.

Теперь про вопросы любовные, которые ты затронул. Я читал только статью Покровского⁸, но характеризовал отношение нашей прессы к Плеханову точь-в-точь как ты. Проработав Ленина, я взялся за Плеханова⁹. Читаю по два тома в неделю¹⁰. Я в корне несогласен с твоей попыткой сделать из него большевика. Уже в «Наших Разногласиях»¹¹ есть все элементы будущего его меньшевизма. Но в лучшие свои времена, а отчасти в «Истории Общ[ественной] Мысли»¹², он такой гигант, что надо, не скрывая ничего о нем, ничего не прикрашивая в этой трагической судьбе, уча молодежь его понимать исторически, говорить ей, что в сочинениях Плеханова найдет она драгоценнейшие клады. Там есть лучшая разработка философских учений Маркса (только Ленина эмпириокритицизм сравним с ним). Там есть история общ[ественной] мысли в России, не превзойденная никем; там есть то лучшее, что меньшевизм мог противопоставить большевизму по вопросам русской революции. Сочинения Плеханова, касающиеся вопросов 1905 г., должны лечь в основу изучения различия между софистикой и диалектикой. Что касается его «Истории Общ. Мыс-

ли», то, несмотря на неверную историческую схему, она дает все элементы для правильной. Покровский противопоставил однобокости плехановской схемы не менее однобокую, но более механическую схему. Через месяц-два пришло тебе набросок работы, в чем состояло отличие русского развития от Зап[адно]европейского, которая ляжет в основу моей вступительной главы к моей книге о Ленине. А теперь к моим любовным делам, на которые ты не отозвался так чутко, как я на твои. Я на всех перекрестках своей жизни имел интерес для философских вопросов, но чересчур меня захватывало содержание истор[ических] процессов и поэтому не выходил из рам[ок] флирта с философией, хотя Ленин учил нас, что платоника в любви ни к чему не годится. Ну и теперь, на старые годы, флирт зашел так далеко, что, видно, выйдут из него более серьезные отношения. Боюсь, что сия старая дама окажется очень строптивой, когда доберусь до логики Гегеля. Подготавливаю методически этот прорыв фронта, чтобы не скомпрометироваться и не оконфузиться. Фейербах и др. материалисты — легкие, «Энциклопедия» Гегеля тоже. Но «Логика» — боюсь. Какие знаешь работы, к[от]т[орые] могут помочь. Ты мне не ответил, имеешь ли свой «Воин[ствующий] Матер[иализм]» и можешь ли мне его одолжить; стоит ли абонировать «Под Зна[менем] Марк[сизма]»? Ты бы очень хорошо сделал, если бы написал указатель по философ[ской] литературе, рассчитанный на нашу ссыльную молодежь и на год занятий. Чем больше читаю по философии, тем более становится для меня ясным, какой большой пробел в восп[итании] нашей молодежи в том, что ее кормят бухаринской кашей или деборинской¹³ воблой. Сделай, пожалуйста, философскую киносъемку и начнем вдвоем пропаганду среди нашей молодежи. Это будет очень полезно для партии в будущем.

Т-1925. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ См. Архив Троцкого. Т-1837. К.Радек, И.Смилга. *ШЕСТОМУ КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА*. Начало июля 1928 г. 9 стр.

² Вероятно, речь идет о Троцком.

³ В архиве Троцкого отсутствует.

⁴ Суханов Н. (Гиммер Н.Н., 1882-1940). Историк, экономист, публицист. С 1903 — чл. П.С.-Р., с 1917 — меньшевик. Член исполкома Петроградского совета первого созыва. Вместе с Ю.М. Стекловым и Н.Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с комитетом Государст-

венной думы в составе первого временного правительства России. До 1920 года примыкал к меньшевистской группе Мартова, стоял на левом фланге партии меньшевиков. Автор семитомной истории русской революции *ЗАПИСКИ О РЕВОЛЮЦИИ* (Изд. З.И. Гржебина, Берлин-Петербург-Москва, 1922-1923). Избран членом Коммунистической академии, откуда исключен в 1930. В 1931 — выставлен обвиняемым на меньшевистском процессе, осужден как руководитель подпольной меньшевистской организации. В 1939 осужден повторно. Умер в лагере.

Статья Ленина, о которой идет речь, — *О НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ. По поводу записок Н. Суханова*, — написана в январе 1923 после появления 3-й и 4-й книг *ЗАПИСОК*. (ЛСС, т.45, с.378-382).

⁵ Зиновьев Г.Е. (1883-1936). В 1905-17 — ближайший помощник Ленина. После Октябрьской революции — на партийной работе. С 1919 — глава Коминтерна. В 1925 вытесняется Сталиным, начинает терять власть. Переходит в оппозицию, исключен вместе с Троцким из ЦК. В 1928 под угрозой исключения из партии раскаивается. Арестован по делу об убийстве Кирова, приговорен к тюремному заключению. Затем выставлен обвиняемым на процессе 1936 года. Расстрелян.

⁶ Смирнов А.А. До февраля 1928 — нарком земледелия РСФСР. С февраля — в партийном секретариате. Считался единомышленником Бухарина, был в «правой» оппозиции. Погиб в период чисток.

⁷ Видимо, Радек имеет в виду передовую «Правды» *ПЕРВЫЕ ИТОГИ ЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ* (15 февраля 1928, №39).

⁸ Покровский М.Н. (1868-1932). В партии с 1905 года. В 1907 — кандидат в члены ЦК. С 1918 — заместитель наркома просвещения. Руководитель Коммунистической академии, Института Красной профессуры. С 1929 — академик. С 1930 — член ЦКК.

Возможно, речь идет о статье Покровского *КАЗАНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 6(18) ДЕКАБРЯ 1876 ГОДА*. — «Правда», 18 дек. 1926, с.2.

⁹ Плеханов Г.В. (1856-1918) — один из руководителей «Земли и воли» и «Черного Передела»; организатор марксистской группы «Освобождение труда»; один из основателей РСДРП и газеты «Искра». В годы Первой мировой войны — оборонец, лидер группы «Единство». В эмиграции с 1880 по 1917 г. Вернулся в Россию после февральской революции. К октябрьскому перевороту отнесся отрицательно, незадолго до смерти, 30 мая 1918 г., вновь эмигрировал.

¹⁰ Очевидно, речь идет о 24-томном издании трудов Плеханова (М.-Л., 1923-1927).

¹¹ Женева, 1885.

¹² *ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ*. 3 т. М., 1919.

¹³ Деборин (Иоффе) А.М. (1881-1963) — советский философ. В 1907-1917 меньшевик, с 1928 — в коммунистической партии. С 1929 — академик.

11

В ПРЕЗИДИУМ

АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕНСК[ОЙ] КОНТРОЛЬН[ОЙ] КОМИС[СИИ]

Копия: О.А.Г.П.У.

От оппозиционера-большевика,
отбывающего ссылку в Красном Яру,
С.Минц.

З А Я В Л Е Н И Е

Еще в мае настоящего года в моем заявлении, адресованном как в Губ. К.К. и в ОАГПУ, так же и в ЦКК и Астраханскому Губкому, я обращал внимание на ряд абсолютно недопустимых, произвольных действий со стороны Нач. милиции и Упол[номоченного] ГПУ Красноярского района по отношению ко мне. С тех пор прошло свыше трех месяцев, во время одного из моих приездов в Астрахань мне было обещано, что в ближайшее время выезжает комиссия в Красный Яр для обследования работы местного партийного и советского аппарата и этой комиссии уже поручено заняться и моим заявлением, расследовав и заявленные мною обстоятельства. При этом мне было заявлено, что я сам буду приглашен в этой комиссии. Это сообщение, сделанное мне ответственным секретарем парт. коллегии ГКК, было подтверждено и в ГПУ.

Действительно, через некоторое время, примерно в начале июня, в Красный Яр приехала такая комиссия. По некоторым сведениям частного источника, комиссия собиралась якобы меня вызвать для того, чтобы расследовать мое заявление. К моему величайшему удивлению, я не был вызван, хотя не знаю, для какой цели после отъезда комиссии распустили слух, что будто бы комиссия меня вызывала и я не явился. Я должен самым решительным образом заявить, что комиссия меня не вызывала, об этом я сообщил и Ответственному Секр. Астраханского ГКК во время моего второго приезда в Астрахань, который с своей стороны выразил недоумение насчет действия комиссии, в частности, насчет моего невызова.

За это время мое правовое положение в Красном Яру еще ухудшилось, я подвергнут систематическому преследованию и травле со стороны, в частности, местного партийного органа. Я могу доказать рядом фактов следующее: 1) Не допуская меня общаться с членами партии, члены партии случайно встретившиеся со мною подвергаются угрозам быть исключенными из партии и вообще всякого рода гонениям. Меня удивляет, что им делается предупреждение, что за встречу со мною будут немедленно исключать. В то же самое время, что[бы] опорочить этих товарищей и меня, распускаются слухи, что я их привлекаю к себе «спаиванием».

2). Не довольствуясь этими способами действия, местные партийные органы прибегли в организации к недостойным выходкам и интригам, несовместимым с званием руководителей партийной коммунистической организации. Ко мне была подослана женщина кан[ди]датка партии, для того чтобы вести со мной разговоры на оппозиционные темы, выдавая себя как сочувствующую оппозиции и делая мне предложения, например, об организации кружка, принятие которого должно было бы дать лицам, посылающим ее, повод для всяких мер взыскания против меня. Само собою понятно, что я с первого же момента отверг такого рода наивные и противоречащие нашему заявлению перед XV-м Съездом предложения.

Мне известно, что данное лицо (Муслимова) была вызвана комиссией, однако, что там говорилось, я не могу знать, но считаю, что такое расследование, в котором я не был вызван, является недопустимым с точки зрения партийной и пролетарской этики.

3) Травля против меня продолжается. Я абсо[лю]тно изолирован, отрезан от всякого общения с членами партии и лишен всякой реальной возможности получить работу. Несмотря на то, что я уже нахожусь 6 месяцев в Красном Яру, на мои многочисленные попытки найти работу, например, на рыбных промыслах (такая возможность была весною во время путины) или в качестве продавца в КПО, о чем я делал предложение Председателю Красноярского КПО, я вынужден доньше удовлетворяться абсолютно недостаточным пайком в 30 рублей, которые мне выдаются в ГПУ на месяц. В то же время, когда я бываю в ГКК, товарищи, в частности, секретарь Парт. коллегии выражают свое удивление, что мне до сих пор не предоставлена работа.

Настоящим указывая на невозможное положение, в которое я поставлен в Красном Яру во всех отношениях, как с материальной стороны, так и с общественной, я считаю абсолютно необходимым мой перевод в Губернский центр в Астрахань, где я буду

иметь больше возможностей найти работу и буду поставлен в лучшие общественные условия.

С другой стороны, независимо от моего перевода, я считаю, что ГКК в интересах укрепления авторитета партийной организации в Красном Яру, должна расследовать действия местных органов, описанные в моих предшествующих заявлениях, и согласно уже данного обещания.

О результатах прошу мне сообщить.

10/VIII [подпись]: Минц.

Публикуется впервые. Машинописная копия.

12

О.Г.П.У.
ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ

13-8-28 г.
Москва

Прошу перевести меня для дальнейшего отбывания ссылки из села Самарова в какой-либо другой пункт, лучше обеспеченный врачебной помощью, менее суровый в климатическом отношении и главное регулярно снабжающийся овощами и др. предметами питания.

Мотивы:

1) Перенесенная болезнь (брюшной тиф) заставляет меня относиться с сугубой осторожностью к вопросам питания. Врачами мне предписано строгое соблюдение диеты и постоянное питание главным образом овощами. При наличии у меня катара желудка вопрос выбора пищи носит особо актуальный характер. Между тем, в с. Самарове — месте отбывания мною ссылки в настоящее время — с этим вопросом обстояло особо неблагоприятно: месяцами не было мяса, десяток яиц стоил от рубля до 1 р. 50 к. и доставался он с большим трудом, «по протекции», кроме картофеля никакими овощами я там не питался, за их неимением — нет даже капусты, моркови, соленых огурцов, луку. Щука, язь, хлеб да картофель — вот единственные предметы питания, т.к. там нет даже таких обычных изделий пищевой промышленности, как сыр, ветчина, колбаса.

Таким образом, возвращение в Самарово может отозваться на моем здоровье самым пагубным образом.

2) Острый катар дыхательных путей и глотки, сопровождающийся быстрым процессом утери голоса, заставляет меня немедленно приступить к систематическому лечению, между тем в с. Самарове имеется всего лишь один врач с единствен[ной] специальностью — глазной.

3) Болезнь сердца также вынуждает меня просить о переводе в место с умеренным климатом.

4) Громадное расстояние от ж.д., климат и плохие условия питания не позволяют мне взять в ссылку детей и также заставляют просить о переводе.

Оппозиц.-полит. ссыльн. М.С. Невельсон

Приложение: Справка Больницы им. Бабухина в Москве от 4 августа 1928 г., что я «с 27 июня по 4 августа находился на излечении по поводу брюшного тифа» и что кроме того я страдаю хроническим перерождением сердечной мышцы и сухостью задней стенки глотки и остальных голосовых связок.

М.Н.

Переведен в Чебоксары Чувашской республ[ики]¹.

Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ Рукописная пометка внизу листа, сделанная, вероятно, Невельсоном перед отправкой копии письма Троцкому.

13

ПИСЬМО СМИРНОВА РАДЕКУ

[начало октября 1928]¹

Дорогой Карл...²

Я прочитал ряд твоих писем Колпашевцам³, С.Мрачковскому⁴ и др. Мне захотелось сказать тебе, что я думаю по волнующему нас всех вопросу. Главное, что сейчас происходит, — это тяжелое ухудшение нашего хозяйства. Экспорт хлеба не только отпал, но он заменяется импортом хлеба. Одно это показывает, что совершилась какая-то большая беда, которую надо поправить как можно скорее. Хлебозаготовки этого года с развязанными базами для нас будут более трудны, чем в минувшем году. Думать, что частника регульём на железнодорожных перевозках (путем

отказа или промедления в перевозках) не приходится, ибо благодаря пестроте урожая нынешнего года возможны и рентабельны воз — три (частной) перевозки⁵. Например, на Украине, где в нынешнем году неблагополучно с хлебом, на близких расстояниях частник повезет гужом (300-500 в[озов]). Сибирь могла бы в этом году сыграть роль главного резервуара для страны, ибо там частнику трудно работать: внутрисибирский рынок мал и не может вместить всех излишков. Но справится ли аппарат — тебе видней. Говорят, в этом году мы покупаем 150 млн. пудов (пишет Врачев и ...). Я думаю, что здесь преувеличение втрое, прежде всего потому, что при плохом расчетном балансе мы не можем на хлеб выбросить 300 млн. р. валюты. Кто-то в письме мне пишет, что наступающая зима будет временем исключительного внимания городу, в том смысле, что обостряющаяся нужда в городах: недостаток товаров и хлеба — создадут острую реакцию в них. Это, конечно, так и будет. Складывается такая обстановка: деревня экономически выиграет, но остается недовольна, ибо беднота вообще не видит никакой перспективы, а середняк был оглушен административным нажимом этого года. Следовательно, и здесь для радостного и бодрого настроения нет оснований.

Мне пишут из Москвы и Ленинграда о росте антисоветских настроений среди рабочих и даже среди металлистов Ленинграда. Недоценивать это явление нельзя: опасность велика, а сил для самозащиты у пролетариата мало. Голова его — партия — больна, а то, что сделано с оппозицией, учтено массой по-своему. Озлобление, растущее на почве усиливающейся нужды, сопровождается уменьшением доверия к руководству. Вторая сила — армия, но она в нашей стране всегда отражала интересы деревни, а не города. На первых этапах революции 5-го и 17-го года она шла за пролетариатом, а потом она, в лучшем случае, была пассивна и нейтральна. Третья сила — индустрия, но она сейчас не командует 23-мя миллионами хозяйства и, именно в силу своей недоразвитости, тормозит подъем сельского хозяйства. И, наконец, четвертая сила — госаппарат — менее всего может служить опорой именно рабочей диктатуры. По своему социальному составу, по обывательско-чиновничьей психологии, аппарат ближе к любой другой социальной группе, чем к пролетариату. Рабочий устал физически и морально. Его давит чудовищная безработица, лежащая бременем на его бюджете. Сейчас уже ясно видно — перспективы на рост его жизненного уровня нет, а морально он подавлен внутривластной распрей и расправой. Кому он будет верить... Несколько недель тому назад мне пришлось беседовать с одним молодым профессором-коммунистом: он правый. Его уста-

новка такая: хозяйственный кризис может быть изжит преимущественно за счет рабочего класса. Не только нельзя повышать зарплату, но ее надо снижать. Надо доказать рабочему классу, что для сохранения диктатуры рабочего класса последний должен понести теперь (в обстановке мира) большие жертвы. Но он говорит так: кто посмеет пойти к рабочему и сказать ему о необходимости жертв... Руководство не посмеет: побоится, что ему не поверят. По словам правого профессора, мы, оппозиционеры, должны сказать об этом, ибо только нам еще поверят, и в этом он видит нашу историческую роль. «Если же Вы от этого уклонитесь, то откроете путь анархии и антисоветским настроениям». Кстати, он говорил так: нам нужны хлеб и сырье — кто может их дать? Ни бедняк, ни маломощный середняк. Приготовителем хлеба на рынок в данное время является крепкий крестьянин и кулак. Промышленности и пролетариату нужен хлеб и сырье; нигде, кроме указанных групп деревни, его получить нельзя. Поэтому — смелая ставка на крепкого экономически; ему уступки, держа политическую власть в своих руках. Это новая установка и она имеет своих сторонников. Он говорил как угнетенный и с большим раздражением на центристов. По непримиримости тон его речей был удивителен. Вот что вынашивается в недрах нашей партии. Что хозяйство находится в состоянии тяжкого кризиса, что он не одиночка, что их группа — это было совершенно ясно. Помнишь ли ты последние дни XV съезда, когда Каменев⁶ и Зиновьев развивали отдельным из нас идеи остаться путем самоотречения в партии, а при наступлении кризиса выступить посредником между рабочим классом и руководством. Вот именно это и предлагает правый профессор. Эти трудности подошли вплотную, завтра рабочий класс будет отбиваться от той тяжести, которую ему взвалила история. Что будем делать мы. Вопрос о поддержке «левого» курса центристов лишь политический акт нашего отношения к надвигающемуся конфликту между рабочим классом и его партией. Возможен ли этот конфликт и что он будет означать. Конечно, он возможен. Он может быть различной остроты, и по степени ее можно будет судить о размерах отрыва руководства от массы. «Большое колесо» может направить «малое колесо». Только вот что — не два колеса придут здесь в действие, а несколько — и вместо одного малого мы имеем несколько малых. Можно ли найти в системе партийного механизма те колеса, которые вертятся в желательную сторону. Конечно, да. Но это не те, что называются «центристами». Я так много писал о центристах, что самое слово вызывает тошноту. Скажу кратко, не доказывая, что я думаю так: на данном историческом этапе роль центристов быстро-

течна. Они, не сделав сдвига влево, не отбив правых, «без нас не смогут», растворятся в правых, а часть отойдет на наши позиции. Мне смешна мысль, что они могут держаться и делать политику. Вся экономическая обстановка против них. Организационные маневры задержат не надолго. Можно бы затормозить сдвиг, выровняв левый фланг. Но для этого не с нашей стороны должны быть какие-то шаги (наш прогноз, в основном, оказался правильным). А они, пока еще у власти, должны облегчить нам вхождение в партию. Отмена 58 статьи — это 50%, а, может быть, 58% на благополучный выход. Но они ослеплены своими оргуспехами и думают, что в них все дело. Тем тяжелее будет похмелье. Какой может быть с ними блок... При 58 статье. Это ведь и физически невозможно. Те социальные силы, на которые опираются центристы, — не наши силы. Ты здесь ошибаешься — история не знает случаев, чтобы политические деятели, отражающие интересы одних и тех же групп, посылали друг друга в тюрьму и ссылку. У меня говорит не чувство озлобления (хотя я, конечно, не благословляю их), нет, я совершенно трезво говорю, что у них мало пролетарского и много мелкобуржуазного и совбюрократического. [Ты] им совсем некстати притянул Циммервальд⁷ и Ленина. Тогда центризм ведь был далеко не у власти. Ленин у них, к счастью, не был в ссылке, над ним не измывались хамы, хихикая над мнимыми болезнями, хамы служили в приказчиках и обвешивали покупателей, совсем, совсем было другое время, дорогой Карлуша, на наше вовсе не похоже. Ты болеешь за то, что мы вне партии. Я тоже, и все мы мучительно это переживаем. Меня первое время в Баязете кошмары давили. Ночью вдруг очнусь и не верю, что я в ссылке, проработав в партии с 99 г., не прекращая работы ни на один день, не как какая-нибудь сволочь из общества старых большевиков, ушедшая из партии на 10 лет после 1906 года. Да, тяжело переживать, ну вот, а рабочему-то после 10 лет революции как видеть гибель надежд?.. Есть путь в партию — путь Зиновьева, Пятакова⁸, Сафарова — путь подлый, ибо он основан на обмане партии и рабочего класса. Этот путь я в свое время предвидел и при одобрении вышепоименованных так определил: «можно сохранить жизнь ценой потери смысла жизни». Тот, кто аргументирует такой обман интересами партии, — просто сам себя обманывает, в лучшем случае.

Я думаю, что мы придем к политической жизни помимо центристов и правых. Мы вернемся к ней в дни испытаний для диктатуры рабочего класса через рабочий класс. Это не иллюзия; иллюзия — надеяться на верхушечное соглашение. Это и не ставка на затруднения — увы, их слишком много, и они неотвратимы. Это

трезвый и спокойный учет обстановки и готовность быть с рабочим классом не только в дни его торжества, но и в последних арьергардных боях рабочего государства. Мне хотелось бы сказать еще несколько слов личного свойства, да уж очень затянулось мое письмо. Был у меня Бела Кун⁹. Он ехал в Батум с докладом о конгрессе и на улице случайно встретил. Он спрашивал про тебя, твое житье-бытье, сказал, что думает поехать к тебе не с политическими целями, сказал, что он и Варга будут посылать тебе европейскую литературу. Я благословил его на это. Я встречал разных сановников, так, например, «Анфимовича»¹⁰. Говорят, его прочат в НКПС вместо Рудзутака¹¹. Этот был удивлен встрече в Сухуме — «так Вы здесь... а я думал...», он думал, что я сдох в Баязете, должно быть. И другие были встречи; старые знакомые держатся так, как будто они у меня украли что-то (партбилет). Я твердо решил первый руки не подавать. Но даже самые лучшие из них ужасно далеки. Совсем на другом берегу. «Вы» и «мы». Я спросил одного из вождей: «Вы что же, черти, произвели нас в контрреволюционеры по 58 ст. ...» А он: «Ну, какие вы контрреволюционеры, об этом только дуракам говорят, но чем вы лучше, тем опаснее». — «Да мы с вами представляем один класс или разные?» — «Один, но вас погубил Троцкий». Вообще, сейчас культивируется ненависть к Л.Д. Ну, пока до свидания. Как у тебя с деньгами? Не переводят ли тебя? Этот вот самый вождь как-то сказал в сторонку: «Да разве Радек еще в Томске? А я слышал...» и занялся. Быть может, тебя, мне так думается, хотят перевести. Ну, крепко жму руку.

Смирнов.

Мой адрес: Сухум, Абхаз. М.С., мне.

Р.С. Осинский¹³ сейчас в Сочи, он развивает такую идеологию: надо в первую очередь снизить расходы на соцстрах, и это даст нам 200 млн. для выравнивания цен городской и сельской продукции. Дворяне, даже разоренные, всегда боком ближе к мужику, чем к рабочему.

Т-2704. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ Датировано по содержанию.

² Здесь и далее везде — отточие документа.

³ Группа оппозиционеров в Колпашево. См. Т-2570, письмо Радека от 16 сентября 1928 г., 6 с.

⁴ См. Т-2235, письмо Радека С.Мрачковскому, начало августа 1928 г., 8 с. Мрачковский С. (1883-1936) был исключен из партии в 1927 г. за оппозиционную деятельность. Раскаялся в 1929, сослан позже других — в 1933 г. В 1936 выставлен обвиняемым на процессе; расстрелян.

⁵ Так в тексте.

⁶ Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883-1936). Член ЦК. До 1925 — в блоке со Сталиным, затем — с Троцким. В январе 1927 назначен на дипломатическую работу в Рим, в конце того же года исключен из партии постановлением съезда. Раскаялся и на следующий год восстановлен в партии. Арестован по делу об убийстве Кирова, приговорен к тюремному заключению. Выставлен обвиняемым на процесс 1936. Расстрелян.

⁷ Циммервальдское объединение — блок левых, центральных и правых социалистов, оформившийся 5-8 сентября 1915 г. на конференции в Циммервальде (Швейцария).

⁸ Пятаков Ю.Л. (1890-1937). Первый председатель советского правительства на Украине, затем занимал ряд крупных партийных и государственных постов. В 1927 исключен из партии за оппозиционные взгляды. Раскаялся, был восстановлен в партии, назначен замнаркома тяжелой промышленности. Выставлен обвиняемым на процессе 1937 года, расстрелян.

⁹ Бела Кун (1886-1939). Социал-демократ с 1902, в 1916 попал в Россию в качестве военнопленного, тогда же вступил в партию большевиков. Организатор и руководитель венгерской группы при РКП(б). Нарком иностранных и военных дел в советском венгерском правительстве во время попытки коммунистического переворота в Венгрии в 1919 г. Арестован, обменян на венгров, находившихся в советской России и объявленных заложниками. После возвращения в РСФСР — член РВС Южного фронта, член президиума ВЦИК. С 1921 — член ИККИ. Расстрелян.

¹⁰ Возможно, имеется в виду Н.М. Анцелович (1888-1952), бывший в те годы (1927-34) кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

¹¹ Рудзутак Я.Э. (1887-1938). В партии с 1905 г, с 1920 — генеральный секретарь ВЦСПС. С 1923 — секретарь ЦК. В 1924-30 — нарком путей сообщения. С 1926 — заместитель председателя СНК и СТО; одновременно (с 1931) — председатель ЦКК и нарком РКИ. В 1926-32 — член Политбюро. Расстрелян.

¹³ Осинский В.В. (Оболенский, 1852-1938). В партии с 1907. В 1917-18 — председатель ВСНХ; в 1921-23 — заместитель наркома земледелия. В 1923-24 — полпред в Швеции, с 1926 — управляющий ЦСУ. Входил в левую оппозицию, затем раскаялся. В 1929 — заместитель председателя ВСНХ. Выставлен обвиняемым на процессе 1938 года, расстрелян.

ПИСЬМО СОСНОВСКОГО ГРУППЕ ОППОЗИЦИОНЕРОВ

Уважаемые товарищи!

Ваше предложение упорядочить дело рассылки интересующих нас материалов вполне своевременно. Если руководствоваться соображениями географическими, следовало бы поступить так. Вы возьмете на свое попечение те города Сибири, что лежат к востоку и северу от вас. А мы — к западу и юго-западу от вас. Тогда «сферы влияния» определились бы так. На вашем попечении:

Томск, Минусинск, Ачинск, Канск, Тулун, Калачинск, Мариинск, Красноярск, Енисейск, Колпашево.

На нашем попечении:

Бийск, Улала, Рубцовск, Камень, Славгород, Семипалатинск, Тара, Новосибирск.

Кроме того, мы обслужили бы ближайшие к нам пункты Урала и Казахстана:

Ирбит, Шадринск, Ялуторовск, Тюмень, Тобольск, Ишим, Сарапул, Слободской, Нолинск, с.Таборы, Чердынь. Далее: Павлодар, Акмолинск, Кокчетав, Кустанай, Тургай, Атбасар, Темир, Петропавловск.

Но так как ачинцы тоже имеют возможность взять на себя часть работы, то совсем хорошо было бы возложить на них заботу о второй части сибирских пунктов, перечисленных мною выше (8 западных и югозападных центров). Тогда на мне остались бы приуральские города и часть Казахстана.

Копию этого письма я посылаю в Ачинск и Л.Седову¹. По получении ответа от вас и ачинцев будем считать вопрос решенным.

Будьте добры ответить, считаете ли приемлемым и выполнимым для вас по техническим условиям такой порядок.

С тов. приветом
9/Х-1928 г.

Л.Сосновский

Еще один вопрос. Получаете ли вы из первоисточников материалы или нужно вам их посылать. На первых порах я предложил бы вам и ачинцам срочно извещать друг друга и меня о получении какого бы то ни было материала, заслуживающего рассылки. Я буду делать то же. У колоний, которым мы собираемся регулярно посылать материалы, надо узнать, не имеют ли они других способов снабжения и не могут ли взять на себя осведомление дру-

гих близлежащих городов (крупные колонии могли бы заботиться о мелких, так как пяти-шести человекам переписать по 2-3 страницы не так уж трудно).

Л.С.

Тов. Седов!²

Посылаю вам копию ачинцам и каинцам. Сообщите, можете ли вы нам на Сибирь и пр. перечисленные районы послать 3 экз. (мне, Ачинск, Канск). Как обстоят дела в Туркестане и Центр. области?

Привет всем вам

Л.С.

Т-2744. Публикуется впервые. Машинописная копия.

¹ Седов Л.Л. (1906-1938). Старший сын Троцкого, его помощник и единомышленник. Вместе с ним отправился в ссылку, вместе покинул СССР — при высылке отца. В эмиграции был фактическим редактором «Бюллетеня оппозиции». Умер при загадочных обстоятельствах (отравление), что дало повод подозревать агентов НКВД в причастности к его смерти.

² Рукописная приписка Л.Сосновского.

15

К.РАДЕК. ОБРАЩЕНИЕ В ЦК ВКП(б)

Товарищи.

Получив сведения о болезни тов. Троцкого Л.Д., я обратился в ЦКК ВКП(б) с требованием перевести тов. Троцкого в условия, обеспечивающие возможности его лечения. До того времени ЦК не предпринял никаких мер в этом направлении, несмотря на то, что сведения о постоянном ухудшении здоровья тов. Троцкого полностью подтвердились и что растущие круги рабочих, узнав об этом факте, подняли свой голос с требованием прекращения безобразного отношения.

Вы исключили нас из партии и выслали как контрреволюционеров, не считаясь с тем, что старшие из нас по четверть века борются за коммунизм, что младшие из нас с первого момента своей

сознательной жизни находятся в рядах Октябрьской революции. Этот факт не позволяет мне апеллировать к Вашим чувствам с момента, когда Вы решились на безумный шаг изгнания из партии и высылки с обвинением, которое позорит не нас, а тех, которые его подняли. Время и Вам подвести итоги. Миновало уже восемь месяцев, 6 месяцев хлебного кризиса, 8 месяцев, в которые кулак мобилизовал против советской власти деревню, 8 месяцев, раскрывших шахтинское гнездо буржуазных вредителей, действующих под кровом советских учреждений. Откуда идет опасность в стране, не видит тот, кто слепой. Держать в ссылке тех, которые требовали борьбы с кулаком — это или безумие или сознательная помощь кулаку и шахтинцу.

Восемь месяцев миновало с момента нашей ссылки. Эти восемь месяцев Вы были принуждены исключить за разврат, за растрату, за прямую связь с классовым врагом, отдать под суд сотни тех, которые «спасали» пролетарскую диктатуру от козней Троцкого, И.Н. Смирнова, Муралова, Серебрякова, Смильги, Преображенского, Мрачковского. Зная, что мастеров смоленских, артемовских, рязанских, одесских дел в партии еще стаи, Вы принуждены были призвать на помощь рабочую партийную массу в борьбе с этими паразитами, разъединяющими тело ВКП и Соввласти. Разве не безумие, разве не поддержка этим элементам — держать в ссылке тех, которые боролись за демократию в партии, как единственное средство ее чистки от разложившихся элементов.

И после всей этой проверки, говорящей, где враг партии, а где ее верные члены, Вы допускаете, чтобы в ссылке буквально гибли большевики-ленинцы. Бывшего каторжанина Виленского-Сибирякова ГПУ доставило в Москву в безнадежном состоянии. Тов. Альский, наживший на революционной работе в Китае тяжелую болезнь, истекал кровью в Нарыме без врачебной помощи, и теперь пытаются еще его из Томской клиники гнать в Рубцовск, где нет никакой квалифицированной врачебной помощи. Преданный член партии тов. Тарас Хоречко¹ метался в тифу и в беспмятстве в Нарыме, в местности, окруженной болотами, через которые не мог пробраться врач, и когда наши протесты заставили Вас, наконец, перебросить [его] в Камень, то он, еле держась на ногах, отправлялся без денежной помощи, приходилось вести бой о нескольких рублях стоимости пересылки его багажа. Революционер-большевик, имеющий прошлое не хуже Вашего, должен был восстанавливать свои силы на 30 рублей в месяц. Мы об этом молчали перед рабочей массой, обращаясь только к Вам.

История болезни т. Троцкого переполняет чашу терпения. Мы не можем молчать и смотреть, как малярия разъедает силы борца, который всю жизнь служил только рабочему классу, который был мечом Октябрьской революции. Если у Вас фракционные интересы вытравивали все воспоминания о совместной революционной борьбе, то пусть заговорит простой расчет и разум. Опасности, с которыми Республика Советов борется, растут. Вы, имея весь аппарат информации, лучше об этом знаете, чем мы, но и мы знаем, как Вы оцениваете положение. Только люди, которые не думают о борьбе против растущих опасностей, могут безразлично относиться к таянию сил такой боевой единицы, какой является тов. Троцкий. Но те из Вас, а я убежден, что их немало в ЦК, которые с тревогой думают о том, что несет завтрашний день, и которые хотят бороться против растущих опасностей, должны себе сказать: довольно игры со здоровьем и жизнью тов. Троцкого. Они должны поднять вопрос о прекращении ссылок большевиков-ленинцев с тов. Троцким во главе. Они должны в первую очередь добиться перевода в кратчайший срок т. Троцкого в соответствующие климатические условия с обеспечением ему квалифицированной медицинской помощи, с освобождением его от забот о куске хлеба. Делайте это поскорей, ибо сколько ни вынес рядовой партиец молча, он не вынесет сознания, что в Центр[альной] Азии партия рабочего класса губит сознательного товарища, который страдал в первых рядах Октября.

Пишу Вам это письмо не для обострения фракционной борьбы, а пишу, чтобы покончить с положением, которое способно расширить канавы, вырытые Вами и отделяющие Вас от нас, лишенных партбилета, снабженных билетом за печатью ГПУ с обвинением по 58 ст., но чувствующих себя членами партии и борющимися за интересы рабочего класса.

Томск, 25 октября 1928 года.

К. Радек.

Т-2835. Публикуется впервые. Гектографическая копия (обращение служило также и листовкой).

¹ Т. Хоречко находился в оппозиции с 1923 года. Один из подписавших «заявление сорока шести» от 15 октября 1923. Видимо, погиб в период чисток.

Дорогой Лев Давидович!

События последнего времени заставляют нас реагировать на них положительно. Платформа большевиков-ленинцев, на которой мы стояли, стоим и будем стоять в дальнейшем, обязывает нас каждый раз учитывать своеобразные обстановки и менять тактику, если обстановка переменялась. В этом заключается большевизм.

Что изменилось в международной обстановке за последнее время? Международное рабочее движение характеризуется переходом рабочего класса от отступления к наступлению: события в Вене, Польше, Руре и др. Революционизирование рабочего класса говорит о недалеких грядущих боях за революцию на западе. Коммунистический Интернационал должен поэтому быть во всеоружии, чтобы в нужную минуту быть готовым привести в движение машину революции. Успех или неуспех революции в эти исторические дни, будет зависеть от того, насколько ее авангард приведен в боевой порядок и как он действует. Коммунистический Интернационал за последние годы дал глубокую трещину. За отплатованием левого крыла сейчас происходит отплатование вправо. Приближающиеся события могут заставить Интернационал врасплох, в состоянии его полного распада, что значило бы разгром революции без боя.

Разгром революции на Западе значил бы ослабление и СССР.

Историческая роль правых ВКП(б) заключалась бы тогда только в том, чтоб революцию предать. Поэтому, правый уклон внутри партии опасен для революции как никогда, ибо социальные корни правых исходят изнутри — кулака, нэпмана и бюрократа; извне — международных капиталистов — поражение китайской революции, английской стачки и венских событий. Здесь черпает свои силы оппортунизм.

Однако, главная опасность со стороны правых еще впереди. Сейчас лишь идет генеральная репетиция. Брошен лишь пробный камень. Сделано лишь идеологическое прощупывание (см. речь Рыкова¹ на московском партактиве, Угланова², Рютина³, «Заметки экономиста» Бухарина⁴ и проч. Партия Ленина перешла от отступления к обороне, а частично уже и к наступлению на оппортунистическую правую опасность. Нет ничего опаснее в эти тяжелые дни для партии рабочего класса, диктатуры пролетариата и пролетарской революции, как атака слева в таком недопустимом виде, как расклеивание листовок, стачка, тайное голосование в

Союзах и Советах, что только дезорганизует и без того дезорганизованные правыми рядами партии и пролетариата.

Задача большевиков-ленинцев состоит в том, чтобы свою принципиальную линию всегда сочетать с действительностью каждого отдельного периода. Наше положение о путях и темпе индустриализации, изложенное в платформе ленинцев, остается для нас неизменным. Мы только протестуем против игнорирования того, что произошло и происходит в последние недели у всех на глазах в области изменения (к лучшему) — не только на словах, но и на деле — отношения Сталина и сталинцев к вопросу об индустриализации.

Пятилетка, утвержденная XV съездом в пунктах о вложениях в промышленность и совхозы, сейчас значительно изменена. В текущем строительном году увеличен в промышленности основной капитал на 17,4%. Объем капитальных вложений в текущем году возрос таким образом до 1 миллиарда 650 млн. руб., т.е. на 26% больше прошлогоднего. Судя по первым сведениям открывшегося Пленума ВСНХ, в текущем году будут начаты работы по постройке двух гигантских металлургических заводов — Тельбеского и Магнитогорского. Кроме того, ВСНХ обещает форсировать постройку Петровского металл[ургического] завода в Сибири, а также Сталинградского тракторного завода, и Ростовского завода сельско-хоз. машин. На все эти работы *дополнительно* сверх контрольных цифр отпущено 250 млн. рублей. Дополнительное расширение производства привлечет и дополнительную рабочую силу в размере 18.000 рабочих. Все это, разумеется, далеко еще недостаточно и не может произвести решающего перевеса социалистического сектора в народном хозяйстве нашей страны. Темп развития промышленности нужен безусловно более сильный, и только при этом условии СССР, в отношении уровня развития производительных сил, сможет догнать капиталистические страны. В этом вопросе мы отдаем себе полный отчет. Но даже такой урезанный темп есть все же хорошее начало и повышает, хотя и незначительно, удельный вес социалистического сектора.

Мы отдаем себе полный отчет также и в том, что расширение промышленности в том виде, как оно предполагается, повлечет за собою увеличение производительности труда рабочего, уплотнение его трудового дня, т.е. частично будет произведено за счет рабочего класса, тогда как оппозиция взяла бы часть средств из капиталистического сектора. Но мы отдаем себе отчет также и в том, что даже эти, по-нашему незначительные мероприятия по расширению промышленности, проводимые сейчас сталинской фракцией, вырваны ею у правой рыковской фракции в результате

ожесточенной борьбы с нею. Правая фракция против увеличения темпа, хотя бы и незначительного вообще, и даже не за сохранение нынешнего темпа индустриализации, а наоборот, за его значительное снижение. Таким образом, если правые работают на контрреволюцию, — сталинцы работают сегодня на революцию. Этого не понимать нельзя.

Промышленность является ареной классово-борьбы. Кто против ее расширения, тот становится по другую сторону баррикады, тот злейший враг революции, против которого должен быть направлен сосредоточенный огонь подлинных большевистских элементов, как внутри партии, так и вне партии. Сталин и его фракция борется за быстрый темп развития тяжелой индустрии ожесточенно — вот уже на протяжении многих недель. Борьба завязалась серьезная, в которой они, сталинцы, могут и потерпеть поражение, ибо силы врага огромны. Сталин борется за индустриализацию против ее врагов, тем самым он становится на нашу сторону баррикады. Это надо видеть и осмыслить.

В платформе большевиков-ленинцев дано правильное предвидение размежевки сил в Центральном Комитете на рыковцев и сталинцев и неизбежности борьбы между этими двумя течениями. Борьба завязалась тут же по окончании XV съезда и впервые приняла наиболее обостренные формы перед февральским Пленумом ЦК, знаменовавшим собою сдвиг влево. Оживление в стране классовых врагов — объявление кулачеством государству хлебной стачки усилило еще более дифференциацию в ЦК и окончательно положило водораздел между правыми и сталинцами. Причем, размежевка сил произошла со значительным перевесом вправо. Об этом убедительно говорят июльский и ноябрьский Пленумы, на которых сталинцы потерпели поражение (см. материалы этих Пленумов).

В ВКП(б) и других секциях Коминтерна за последнее время оживилось правое крыло и угрожает захватом руководства. Победа правых в Коминтерне привела бы к разгрому мирового рабочего движения; победа правых в ВКП(б) означала бы реставрацию капитализма. Все эти грозные симптомы, ведущие свое начало с момента разгрома оппозиции, обязывают нас, большевиков-ленинцев, быть настороже.

Своеобразие политической обстановки сегодняшнего дня мы обязаны учесть и так или иначе на нее реагировать. Однако мы оказались глухи ко всему происходящему.

Усиление и оформление правого крыла в ВКП(б) ведет неизбежно к формированию и оформлению большевиков на левом партийном фланге. Отпластовывание большевиков от центризма на левый фланг происходит в результате полевения партии и рабочего класса, переходящих в наступление. Давление оказывает и рабочий класс Европы, вступающий в острую борьбу со своей буржуазией. Уже сформировавшееся из бывших центристов левое крыло внутри партии под давлением международных и внутренних революционных сил ведет борьбу направо, правда, еще робко, нерешительно и непоследовательно. Нечего и говорить, что в неравной борьбе левым элементам внутри партии не справиться с правыми. Отсюда и встает вопрос о нашей им помощи. Можно с уверенностью сказать, что капитуляция левых элементов внутри партии перед правыми на ноябрьском Пленуме продиктована была соотношением сил в Центральном Комитете. Если бы мы нарушили свое молчание и вмешались бы в происходящую борьбу внутри партии против правых, то соотношение сил было бы иное и результаты были бы иные. Наше молчание оправдать ничем нельзя. Если мы не исправим ошибку, хотя бы и задним числом, то рискуем исторически вообще выбыть из строя. Нужно идти в ногу с событиями, а не тащиться в хвосте их.

Ничего нет пагубнее того мнения, которым проникнута некоторая часть нашей оппозиции, что основной опасностью сегодняшнего дня есть опасность со стороны сталинцев, а стало быть, и главный огонь должен быть направлен против них. Объективно такая точка зрения ведет к поддержке и усилению правых, а стало быть, и к поддержке сил, идущих против революции. Рыковцы уже поставили в повестку дня снятие Сталина с руководства ВКП(б) и разгром сталинцев. Направляя и мы свой удар туда же, тем самым приближаем историческую развязку. Нужно раз навсегда установить, что разгром нынешнего левого крыла в партии правыми приведет к разгрому революции. Оппозиции же тогда придется идти не в партию, а на эшафот, вместе с партией. В партию мы приходим только через теперешнее левое крыло внутри партии. Это надо твердо запомнить. Поэтому, если нам дороги интересы партии и революции, мы должны не громить левых внутри партии, как это делают правые, а наоборот, всемерно поддержать их в борьбе с правыми. Только так можно сейчас ставить вопрос. Отмалчиваться уже нельзя, молчание для нас равносильно поддержке правых. Молчать сейчас преступно. Мы имеем в стране ряд восстаний, стачек и голодных бунтов. В дополнение к этому, хлебные стачки кулаков, шахтинцы и др. заговоры контрреволюции. В эти тяжелые дни для революции мы должны ясно и громко ска-

зять, с кем мы. Наше молчание в период борьбы в партии с правой опасностью понято как наша солидарность с правыми. Разговоры и дела о форсированном наступлении против Сталина и сталинцев, как главного врага, усиливают эту веру.

Внутрипартийное положение за последнее время значительно изменилось к лучшему. Происходящая предвыборная кампания партийных Комитетов происходит под лозунгом широкой самокритики и внутрипартийной демократии низовых партийных масс. Списки аннулированы, бюро ячейки избирается партсобранием вполне осмысленно, поскольку аппарат не навязывает свою волю. Партийные массы раскачиваются. Особенно это раскачивание началось со времени борьбы с правыми. Разговоры среди нас, что в партии ничего не произошло, а есть лишь очередная авантюра Сталина, — есть вредные разговоры, против которых нужна решительная борьба.

Мы считаем правильным ту мысль тов. Преображенского, где он говорит: «Левое крыло разбито, изолировано от партии, в ссылке и тюрьмах, место это на левом фланге партии оставаться пустым не может. Ходом вещей это место займут другие. Обоострение классовой борьбы толкает к этому. И по всей вероятности, и более всего вероятно, что место займет Сталин». Слова «без нас кашу не сварят» находятся в явном противоречии с приведенной выше цитатой.

Из всего сказанного нами выше, вытекает основной вывод: нужен крутой и решительный поворот. Нужно не развязывать в этих тяжелых для революции условиях фракционную борьбу, что делается сейчас, а свертывать ее, ибо под наше знамя сейчас больше чем когда-либо становятся все недовольные и обиженные Советской властью — становится наш враг. Правым сейчас выгодно, чтобы мы не приближались к партии, а отдалялись от нее. В отдельных случаях правые даже будут помогать нам бороться со Сталиным. Больше того, они с удовольствием заключили бы сейчас с нами блок против сталинцев.

Смысл нашего письма состоит в том, чтобы поделиться с вами нашим мнением на обстановку сегодняшнего дня. Мы, рядовые оппозиционеры-рабочие, считаем необходимым нашим дорогим вождям: Льву Давидовичу, Смилге, Преображенскому, Раде-

ку, Ищенко и др. — сделать сейчас от имени всей оппозиции большевиков-ленинцев заявление к партии, в котором решительно отмежеваться от ультралевых децистских настроений в наших рядах, под знамя которых становятся все ненавидящие диктатуру пролетариата. Заявить также, что диктатура пролетариата переживает грозные дни и что раскол в партии в этот период означал бы крушение диктатуры; что нам интересы партии и революции дороги, и поэтому мы согласны идти обратно в партию на основе наших взглядов со всей решительностью, бесповоротно. Не допустить раскола партии мы должны во что бы то ни стало. Обстановка для подачи такого заявления вполне благоприятна (см. речь Сталина на Октябрьском Пленуме МК² и другие документы). Наш приход в партию сейчас будет не поражением нашим, а нашей победой, а стало быть, и победой партии.

Враг революции у ворот, медлить нельзя, нужно торопиться.

Абатуров В.М. Член ВКП(б) с 1918 г. Оппозиционер-рабочий.
Боярчиков А.И. Член ВКП(б) с 1920 г.

Москва, 2 декабря 1928 г.

Т-2909. Публикуется впервые.

¹ Рыков А.И. (1881-1938). После смерти Ленина и до 1930 г. — председатель СНК. До 1928 в блоке со Сталиным. После принятия Сталиным программы левой оппозиции оказывается «правым». Раскаивается в 1929. На следующий год снимается с поста председателя СНК. Выставлен обвиняемым на процессе 1938 г., расстрелян.

² Угланов Н.А. (1886-1940). В партии с 1907 г. С 1921 — член ЦК. Секретарь московской парторганизации. В 1928 поддержал Бухарина против Сталина, теряет власть. Погиб в заключении.

³ Рютин М.П. В партии с 1914, с 1927 — член ЦК. В 1928 объявлен оппозиционером, погиб в чистках.

⁴ Н.И. Бухарин. *ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА (К началу нового хозяйственного года)*. — «Правда», 30 сентября 1928.

⁵ См.: И.Сталин. *О ПРАВОЙ ОПАСНОСТИ В ВКП(б)*. Речь на пленуме К и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 г. (И.Сталин. Сочинения, т.11, с.222-238).

***ИЗ ИСТОРИИ
«МАЛОЙ ЗОНЫ»***

И.Гольц
ВОРКУТА

...В начале 30-х годов Воркута представляла собою стойбище кочевых оленеводов и охотников на пушного зверя. Здесь стояла фактория «Союзпушнины», которой туземцы, приезжая из тундры, сдавали олени рога, шкуры песцов и лисиц. Взамен «Союзпушнина» снабжала туземцев мукой, сахаром, солью и другими продуктами, а также, как это бывало и в царские времена, водкой.

Уже в начале 30-х годов были на Воркуте и лагеря для уголовников-рецидивистов, которые в буквальном смысле «из-под палки» работали на имевшихся уже здесь небольших шахтенках. К тому времени геологические разведки, кстати говоря, производимые заключенными, окончательно доказали, что на Воркуте имеются большие залежи каменного угля, и этот так называемый Печорский угольный бассейн включен в пятилетние планы эксплуатации.

Но, казалось бы, непреодолимым препятствием на пути его освоения было полное безлюдье всего этого заполярного района, т.е. отсутствие рабочей силы на месте. А рассчитывать на добровольную вербовку рабочей силы в центральных районах страны для работы на Воркуте, видимо, не приходилось. Поэтому в «высших сферах» советской власти было решено использовать для выполнения утвержденных государственных планов по добыче угля на Воркуте принудительную рабочую силу заключенных.

Публикация представляет собой фрагменты из обширного очерка, посвященного воркутинским спецлагерям. Автор — Илья Соломонович Гольц (род. в 1896), — член РСДРП с 1916, один из последних руководителей петроградского социал-демократического подполья 1920-х гг., представлял в ЦК РСДРП студенческую секцию. Четырежды арестовывался, отбывал заключение в Саратовской тюрьме, Тобольском политизоляторе, воркутинских лагерях. С 1973 г. живет в Иерусалиме.

Это решение (случайно или нет) совпало по времени с массовыми арестами по всей стране оппозиционеров в КПСС. Почти всех их начали свозить в Москву, в Лефортовскую тюрьму. Вот из этой-то массы оппозиционеров несколько тысяч и было отобрано для этапирования на Воркуту. Мне пришлось встречаться и много беседовать в лагерях Воркуты с уцелевшими из этапа, и я воспользуюсь случаем описать с их слов, как эту бывшую «номенклатуру» везли из Москвы на Воркуту.

Огромный «воркутинский этап» (так он и именовался) был доставлен из Москвы в Архангельск несколькими эшелонами не в этапных «столыпинских» вагонах, а в простых товарных, т.е. попросту говоря, без всяких «удобств», без раздельных «клеток» для этапников мужчин и женщин. Уж одно это говорило, что это был какой-то странный этап.

В архангельском порту были уже наготове несколько старых морских барж и буксиров. В эти баржи и набили оппозиционеров, «как сельди в бочки», опять без разделения между мужчинами и женщинами, что, конечно, противоречило всем существовавшим правилам этапирования заключенных.

Буксиры с конвоирами на борту зачалили баржи и медленно потащили их по Белому и Карскому морям до устья Печоры. Это было уже в сентябре, когда на северных морях стоит холодная ветреная погода. Надо бы быть одетыми, как «нормальные» этапники, пусть хотя бы в старые бушлаты, а бывшая «номенклатура» одета была в летнюю одежонку, в чем была схвачена на работе, на улице, где попало. Так что в незакрываемом трюме баржи, а тем более на открытой палубе было невыносимо холодно.

Наконец буксиры дотащили «воркутинский этап» до устья Печоры. Здесь его уже ждали речные буксиры с небольшими баржами. В еще большей скученности погрузили этапников, и караван судов поплыл по Печоре до сухопутного тракта Котлас-Воркута.

Этот последний отрезок пути оппозиционерам не пришлось мерзнуть, но пришлось «топать» по заболоченной тундре в полуботинках, в летних брезентовых туфлях и тапочках — вплоть до самой Воркуты.

В заключение следует отметить, что вся эта операция по доставке оппозиционеров из Москвы на Воркуту была тщательно разработана. Об этом можно было судить по тому, что на всем протяжении следования этапа, — по Белому и Карскому морям и по Печоре — заранее были сколочены временные бараки, служившие базами снабжения этапников хлебом, селедкой или вяленой воблой и кипятком.

О том, что этот этап имел целевое назначение, можно было судить и по тому, как на воркутинской пересылке его встречали начальник воркутинских лагерей, начальники лагпунктов и шахт. После поименной сверки со списками, представленными начальником этапа, оппозиционеров разделили на несколько групп, передали начальникам лагерей и под конвоем развели по уже готовым лагерным зонам, огороженным колючепроволочным забором со сторожевыми вышками.

Более недели оппозиционерам дали «отдохнуть» в бараках, кормили пусть даже баландой, но зато ее и черного хлеба, а также кипятка было вдоволь. После такого недельного отлеживания в бараках было объявлено о дне медицинской комиссии для определения их персональной трудовой категории. Такие «комиссовки» всегда были в советских лагерях чисто формальной процедурой, а тем более для такого этапа. Это видно из того, как почти все этапники старше 45 лет, которые по правилам техники безопасности на подземные работы в шахтах не допускаются, были определены как годные именно на такие работы. Лишь небольшая часть оппозиционеров, неизвестно по каким критериям отобранная, была определена на курсы при шахтах для подготовки из них горно-технических кадров: десятников, электриков, маркшейдеров, газомерщиков и т.д.

Конечно, среди привезенных на Воркуту было достаточно лиц с разными инженерно-техническими специальностями и в течение трех-четырёхмесячных ежедневных классных и практических занятий в шахтах из них была подготовлена первая большая группа необходимых для шахт Воркуты специалистов для замены ими, с одной стороны, крайне непостоянных, «текучих» кадров завербованных вольнонаемных, а главное — для замены политически уголовников, которые занимали до этого многие из горно-технических должностей. Вся эта операция по замене технических кадров на шахтах Воркуты предпринята была с дальним прицелом — для создания здесь крупного района спецлагерей для политических заключенных, которые обеспечивали бы рабочей силой шахты Воркуты.

Свидетельством этому стало то, что в последующие четыре года (до 1937-го) на воркутинской пересылке происходила довольно строгая селекция этапников, при которой всех осужденных по 58-й и аналогичным ей в союзных республиках статьям, направляли на вновь создаваемые на Воркуте спецлагеря. Такая же селекция заключенных производилась и в существовавших на Воркуте лагерях общего режима, откуда заключенных по названным политическим статьям тоже перебрасывали в спецлагеря.

С этого времени начинается создание спецлагерей на Воркуте. Но самое массовое пополнение принудительной рабочей силой угольной промышленности Воркуты происходит в самом начале Великой отечественной войны с фашистской Германией за счет Республики Немцев Поволжья.

С первых же дней войны среди окружающего немцев русского и украинского населения началась организованная местными партийными организациями шовинистическая пропагандистская свистопляска: поволжские немцы — это, дескать, гитлеровская «пятая колонна» в нашем тылу, Немреспублика — это подготовительный плацдарм для высадки с воздуха гитлеровских десантников; назывались даже конкретные пункты для таких высадок — это лесистые острова на Волге между Саратовом и Энгельсом — столицей Немреспублики. Естественно, что все это создало такой психологический настрой, что достаточно было какой-либо провокации, чтобы началась расправа над немцами. Но до этого, правда, не дошло, т.к. за порядком зорко следили отряды войск МВД и милиция.

В эти же дни был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении из Республики Немцев Поволжья всех немцев — из всех городов: Энгельса, Маркштадта, Бальцера, а также из всех коренных немецких поселений, основанных еще во времена Екатерины Второй. В осуществление этого Указа включилось все партийное руководство, начиная с первого секретаря крайкома партии, все первые секретари райкомов, были мобилизованы тысячи коммунистов, снятых на это время со всех работ в учреждениях. Мобилизовали также комсомольцев г.Саратова и сельских районов края.

Практически выселение немцев из их квартир и домов началось одновременно по всей республике после полуночи. К этому времени подлежащие выселению города и села Немреспублики были зажаты плотным кольцом войск МВД, конной и пешей милицией, подвижными отрядами дружинников — чтобы помешать немцам бежать из своих поселений и переправиться на правый берег Волги — в большой город Саратов, где они могли затеряться среди русского населения.

Во всех городах и селах Немреспублики спецуполномоченные вместе с дружинниками обходили дом за домом, зачитывали Указ Президиума Верховного Совета СССР об их выселении из республики. Среди немцев, естественно, началась паника. Было объявлено, что на сборы предоставлялось не более двух часов. Но разрешалось брать с собой вещей «сколько хочешь, сколько унесешь». Мужчины, женщины, подростки, старики и старухи кинулись с пе-

репугу хватать что попадалось под руку и совать в мешки, рюкзаки, чемоданы, узлы... На железнодорожных путях г. Саратова и на всех станциях саратовского узла уже стояли наготове составы товарных вагонов, в которые и начали «грузить» немцев со всем их скарбом.

Те, которым «посчастливилось» уехать до рассвета, уехали «спокойно». Но те, кому пришлось грузиться утром и особенно днем, — уезжали под дикий рев явно натравленной на немцев толпы: «фашисты!», «смерть предателям!» — мат неся вслед отходящим составам.

В тот же день, когда немцы были выселены, в их поселки нагрянули представители соседних русских, украинских и татарских колхозов, чтобы «заинвентаризировать» и забрать весь «бесхозный» скот, птицу, имеющийся во дворах мелкий сельскохозяйственный инвентарь и всю «брошенную» домашнюю утварь, мебель, швейные машины и прочее.

Поволжские немцы только по дороге смогли разузнать от конвоиров, что их везут на Воркуту и что большая часть эшелонов из Немреспублики направлена в Западную Сибирь и Казахстан. Весь путь от Саратова до Котласа был полон страха и унижений. На каждой станции и полустанке, где приходилось останавливаться эшелонам с немцами, почти вплотную подходили (далее их не подпускали конвоиры) толпы хулиганья и кричали в сторону немцев все то же: «фашисты», «предатели», слышался мат, кое-где летели камни... И только через неделю, в Котласе, немцы наконец-то оказались в «тихой обители» — это была уже лагерная зона «Большой Воркуты». Из Котласа немцев отдельными партиями по узкоколейке начали доставлять в Воркуту.

Здесь их уже ожидали: вблизи некоторых шахт были огорожены специальные зоны со свободными бараками, в которые надзиратели, руководимые офицерами, начали расселять немцев, посемейно, с привезенным ими домашним скарбом. Следует отметить, что лагерная администрация разрешила немцам устраиваться в этой барачной обстановке по их собственному усмотрению. С помощью простыней, одеял, всего подходящего они отгородили в бараках отдельные семейные уголки и так на первых порах обосновались. Посемейно получали они и лагерное питание. В общем, после тяжелейшего этапа и это казалось «благом».

На вторую неделю после их доставки на Воркуту все немцы-мужчины прошли через обычную лагерную комиссовку, большинство из них в возрасте до 50 лет было признано годными для работы на шахтах. Немцы же, имевшие инженерно-технические специальности, а таких было довольно много, были направлены на кур-

сы при технических кабинетах на шахтах для подготовки из них различных специалистов горняцкого профиля.

Но самое необычное случилось вскоре после прибытия на Воркуту. Немки, узнав от своих мужчин, что из себя представляет шахта, изъявили желание работать на поверхностных работах на шахте и даже на некоторых работах в самой шахте. Женщины-немки заняли должности зарядчиц шахтерских аккумуляторов в ламповых, заведующих подъемно-спусковыми клетями, складом крепежного леса, а в самой шахте — газомерщицами, дверовыми и т.д. Это, с одной стороны, улучшило материальное положение немецких семей, так как немки работали по вольнонаемным ставкам, а с другой — постепенно сгладило их положение, хотя они по-прежнему жили в лагерной подзоне.

Очень многие из поволжских немцев, пройдя через различные курсы и непосредственные работы в шахтах, были назначены на различные ответственные должности: заместителей начальников отделов вентиляции, энергетики, водоотлива, маркшейдерского и других. Да и из бывших колхозников, проработавших три-четыре года рядовыми шахтерами, выработались кадры квалифицированных бригадиров и десятников, врубмашинистов и т.д.

В общем уже в годы войны поволжские немцы стали основным костяком рабочей силы в угольной промышленности Воркуты. Поэтому трест «Воркутауголь» и Управление Воркутинскими лагерями делали им различные «поблажки», как дисциплинарного, так и материального характера. Поблажки эти выражались и в виде различных денежных премий, выдаваемых самими шахтами, и в отпускаемых бесплатно стройматериалах — лес, кирпич, цемент и пр. — для благоустройства бараков, в которых продолжали жить немцы. В результате бывшие «немецкие зоны» превратились в настоящие немецкие поселки на Воркуте. Лагерные бараки были переоборудованы в отдельные двухквартирные или четырехквартирные дома, с отдельными крылечками и резными деревянными навесами для каждой квартиры, как это бывало «там», на Волге.

Характерно, что с местным «вольным» населением Воркуты поволжские немцы почти не общались, кроме как на работе, на шахтах. Они поддерживали лишь крайне нерегулярную почтовую связь с немцами, сосланными в Сибирь и Казахстан. Оттуда они и «импортировали» для своей молодежи невест и женихов, стремясь этим предотвратить смешанные браки. В этом, кстати говоря, сказывались демографические особенности поволжских немцев вообще. Естественно, в самих этих «немецких поселках» звучала только немецкая речь.

В таком положении то ли вольных, то ли лагерников поволжские немцы «вкалывали» на шахтах Воркуты вплоть до середины 1953 года. Во время краткой «оттепели» после смерти Сталина новые советские руководители разрешили выехать немцам с Воркуты, но не в Центральную Россию и не на Волгу. Поэтому подавляющая их часть двинулась на воссоединение со своими сородичами, сосланными в Западную Сибирь и Казахстан. Все-таки это была не заполярная Воркута.

Состав заключенных в спецлагерях Воркуты претерпевал постоянные изменения с первых месяцев войны и еще почти пять лет после ее победного окончания. Примерно с августа 1941 г. на Воркуту почти каждую неделю прибывали большие этапы с заключенными (приговоры Особого Совещания за нарушение постановления правительства об обязательной сдаче райисполкомам личных радиоприемников). Другим массовым контингентом этапников, тоже приговоренных ОСО, были всякого рода «распространители ложных слухов» о положении на фронтах Великой Отечественной войны, о бомбежках немецкой авиацией городов Белоруссии и Украины, а в связи с этим — и за «восхваление немецкой техники». За все эти «преступления» ОСО обычно «лепило» десять лет заключения в лагерях строгого режима. А с 1943 года в спецлагерях Воркуты появилась совершенно новая категория заключенных, именовавшаяся не «з/к», а каторжане (о них будет речь впереди). И так на протяжении всех лет войны на Воркуту доставлялись все новые и новые этапы с заключенными, главным образом, в спецлагеря.

После окончания войны, особенно между 1948 и 1951 годами, вакханалия арестов превысила уровень 30-х годов. Особенно она коснулась советской интеллигенции. Арестовывали всяческого рода «антисоветчиков» — рассказчиков анекдотов, оппозиционеров, уже отсидевших свои сроки на Колыме, Норильске, Воркуте; арестовывали евреев — «безродных космополитов» и сионистов. Но особенно массовым стал контингент демобилизованных после окончания войны солдат и офицеров Красной Армии. Все они как демобилизованные устроились на прежних работах (например, шахтеры Донбасса), трудились уже более трех лет. И вдруг с 1948 года по всей стране начались массовые аресты этих «героев войны».

О том, что вся эта операция была провокационна от начала и до конца и предназначалась лишь для снабжения массовой рабочей силой предприятий ГУЛага, — свидетельствовало уже то, что всем арестованным «шили» одно и то же дело: «измена родине».

Она выражалась в том, что обвиняемый находился какое-то время в немецком плену, работал на какой-либо фабрике и т.п. Не принималось во внимание, даже если военнопленный сбежал из плена, вновь был включен в действующую воинскую часть и провоевал до последнего дня войны. Результатом этой всесоюзной операции было «вливание» в спецлагеря ГУЛага огромного числа заключенных со сроками по десять лет. За три года (1948-1951) на Воркуту было привезено такое количество демобилизованных солдат и офицеров, что изменилась вся прежняя структура состава заключенных, и это сыграло весьма существенную роль в событиях 1953 года.

Другим обильным источником пополнения рабочей силой угольной промышленности Воркуты в эти же три года была Западная Украина, откуда везли пленных бойцов разгромленной украинской повстанческой армии. Кроме них везли в неменьшем количестве и мирных жителей — колхозников и особенно сельской интеллигенции, врачей, агрономов, учителей — приговоренных Особым Совещанием «за сотрудничество с бандеровскими бандами» все к тем же десяти годам заключения в лагерях строгого режима. Насколько много было западноукраинцев в те годы на Воркуте, можно судить уже по тому, что ими укомплектовывались целые бригады, а в забоях и шахтерских бараках украинская речь звучала не менее часто, чем русская.

Совершенно особым крупным источником пополнения рабочей силы на шахтах Воркуты стали лагеря для военнопленных немцев. Первые партии военнопленных немцев начали поступать в спецлагеря Воркуты летом 1950 года. Сначала это были небольшие партии — по несколько десятков человек в каждый лагерь. Но с лета 1951 года пошли большие этапы. По рассказам самих немцев, они попадали в спецлагеря из обычных лагерей для военнопленных одним путем: среди пленных оперуполномоченные вербовали стукачей, как и в любых советских лагерях, те доносили о ведущихся в бараках «антисоветских» беседах и представляли списки участников, а затем на основании таких списков производились массовые аресты, и Особое Совещание довершало плановую операцию КГБ: арестованные военнопленные приговаривались к десяти годам заключения в лагерях строгого режима по ст. 58 УК РСФСР. Следует отметить, что среди военнопленных было много квалифицированных рабочих — металлостроителей, электриков, силезских и рурских горняков, немало техников и инженеров, — т.е. как раз той «качественной» рабочей силы, которой так не хватало шахтам Воркуты.

Положение немцев-военнопленных в спецлагерях Воркуты было, конечно, еще более тяжелым, чем советских заключенных: они оказывались в совершенно чуждом для них окружении — и языковом, и социальном. Находясь в лагерях для военнопленных, они имели еще какую-то связь со своими семьями в Германии через Международный Красный Крест, получали письма, вещевые и продуктовые посылки. Теперь же они были заключенными, да еще в лагерях строгого режима, т.е. были вне компетенции Международного Красного Креста, в безраздельной власти КГБ и полной изоляции от внешнего мира. Казалось бы, в столь трудном положении немцы должны были сплотиться, как это было среди заключенных, относящихся к различным нацменьшинствам: армянам, грузинам, евреям, латышам, литовцам, эстонцам. Среди же немцев-военнопленных, сидевших в спецлагерях Воркуты, выявился сильнейший антагонизм на политической почве. Эти отношения доводили до драк, тяжелых травм, приходилось освобождать пострадавших от работ на шахтах. И лагерная администрация предпочла пойти на такой «либеральный» шаг, как расселение немцев по разным баракам, согласно желанию каждого. Так, в спецлагерях Воркуты и существовали немецкие бараки, в одних из которых сидели немцы с резко антинацистскими настроениями, в других — те, кто остался верен своему фюреру. Но конечно, подавляющее большинство военнопленных немцев были классическими прусскими бюргерами. Они расселились по баракам исключительно по признакам личной дружбы и землячеств, и лишь молились, чтобы вырваться живыми с Воркуты и вообще из России.

Были в составе заключенных и группы военнослужащих союзнических армий: американцев, англичан, французов, канадцев. Эти бедняги попали в спецлагерь Воркуты из-за слабости к русским девушкам, за которыми они покорно следовали в русскую зону оккупации Германии. А уж там сотрудники Особых отделов армий арестовывали их как шпионов, и постановлением все того же ОСО они получали свои десять лет заключения в лагерях строгого режима.

Несмотря на то, что на протяжении двух десятилетий на Воркуту непрерывно шла этап за этапом новая рабсила для «Заполярной кочегарки», — на шахтах постоянно был недостаток рабочих рук. Спускали в шахты физически здоровых людей, но вскоре лагерная администрация вынуждена была списывать их, как непригодных для подземных работ. Это было вполне закономерным

следствием условий содержания заключенных в спецлагерях Воркуты и полным безразличием со стороны ГУЛага к технике безопасности на шахтах. Людей, которые работали при 30-40-градусных морозах и заполярных ветрах, — кормили неизменной пищей заключенных, вошедшей в историю советской власти, — пресловутой баландой. Это хлебово представляло собой бурду из воды с картошкой, кормовой свеклой, луком, капустой. Все это варево было настолько обезжирено, что заключенные «охотились» за каждой каплей жиринки льняного масла, попадающейся в их миске. Правда, для разнообразия «меню» раза два в неделю давали полужидкое картофельное пюре или овсяную, реже просяную кашу. И тоже полностью обезжиренные, только политые той же баландой. Да и откуда могла быть иная кормежка на Воркуте, если все овощи, предназначенные для лагерей, привозились из Кировской, Пермской и других областей навалом в простых товарных вагонах. Так что уже на Воркуту они доходили подмороженными, а по привозе в сами лагеря, все это сваливалось в большие кучи, прикрывалось тряпьем — старыми одеялами, бушлатами, телогрейками — и так «хранилось» летом под дождем, зимой — на морозе. Овощехранилищ, естественно, не было. Из этого-то «сырья» и готовили пищу для заключенных.

Чтобы дать более конкретное представление о том, как кормили эзков на Воркуте, расскажу о таком случае. Начальство спецлагеря при шахте №4 решило создать для себя свинооткормочную ферму, используя для этого остатки кухонных котлов. В качестве заведующего отобрали среди заключенных эстонца, который, как было видно из его дела, хранившегося в спецчасти лагеря, в Эстонии владел свинооткормочной фермой. В лагере отвели особый барак, в бараке для заведующего отгородили отдельную кабинку для постоянного жилья. Из Сыктывкара привезли в его ведение с десяток больших поросят. Приказано было, чтобы из кухни остатки из котлов привозились на «ферму». И так начался откорм свиной. Но с первого же дня поросята к корытам с баландой подбегают, попробуют, похрюкают — и все до единого уходят на свои соломенные лежанки. На следующее утро — то же самое. З/к-заведующий видит, дело плохо. Свины подохнут, а его обвинят во «вредительстве». Побежал к начальнику лагеря Жилину, докладывает, что свины не едят корм, привезенный с кухни. Жилин немедленно вызывает к себе лейтенанта — начальника снабжения и вольняшку — заведующего кухней и приказывает им, чтобы на кухне был поставлен специальный котел для варки корма свиньям, в который бы в добавку к лагерной пище замешивалось, по указанию заведующего «свинофермой», определенное количество муки,

пшенной крупы и льняного масла — разумеется, все из запаса нормативов для заключенных...

Прямым следствием плохого питания в спецлагерях Воркуты были массовые заболевания, особенно свирепствовали дистрофия и цинга, косившие заключенных во время войны и вплоть до 1948 года. В результате только этих двух болезней начальство спецлагерей и шахт вынуждено было «списывать» с подземных работ столько заключенных, что к концу сороковых годов это положение встревожило даже таких «человеколюбов», как начальники лагерей и старшие оперуполномоченные. И произошло «чудо»: начальники и оперы стали вызывать в свои кабинеты эзков, получавших регулярно или относительно регулярно посылки из дома, и разрешают им писать родственникам, чтобы те отныне слали посылки не раз в месяц, как было до сих пор, а без ограничения числа и веса. При этом они даже диктуют заключенным, чего просить из дому: побольше чеснока, лука, сухофруктов. Дома, конечно, понимали, в чем тут дело, и слали посылки. А заключенные, получавшие их, имели теперь больше возможностей «подкармливать» своих близких товарищей.

Начальники шахт, непосредственно обеспокоенные сокращением рабочей силы, в свою очередь, начали перечислять в распоряжение лагерного начальства определенные суммы денег для того, чтобы в магазинах Воркуты закупались некоторые продукты, и шахтерские бригады (по особым спискам с мест работы) могли приобретать эти продукты в лагерных ларьках.

Но все эти частичные меры по подкормке не могли изменить общего продовольственного положения, и смертность в спецлагерях Воркуты достигла громадных масштабов. Не проходило дня, чтобы в бараке не умирали эки. По существующим правилам, староста барака обязан был немедленно сообщать об этом на вахту дежурному офицеру. Но этого не делалось, и покойник оставался на его месте на нарах, прикрытый с головой одеялом, номерным бушлатом и телогрейкой. А на утренней и вечерней поверках приходившему надзирателю докладывали, что такой-то сильно болен и встать на ноги не может. Делалось это из-за лишних порций хлеба, обедов и ужинов, «полагавшихся» на покойников. И только когда уже совершенно невозможно было хранить труп в бараке, особенно весной и летом, старосты барачников сообщали на вахты фамилии умерших товарищей.

В связи с большой смертностью в спецлагерях Воркуты в эти годы появились особые бригады могильщиков. Бригадиры их, получив «рабочие наряды» от дежурных офицеров, являлись со своими бригадниками в бараки, забирали трупы, переносили их в ла-

герные морги. Когда скапливалось достаточное количество трупов для братской могилы, бригада приступала к своей основной работе. Работа эта была ночная. Окруженная конвоем, снабженная шахтерскими аккумуляторами (в месяцы полярной ночи), бригада выходила в тундру, где вдалеке от лагерной зоны рылась, а вернее долбилась в вечной мерзлоте ломami и кирками большая, но не глубокая братская могила. Это было за зоной.

А тем временем другая часть могильщиков в зоне под руководством старшего надзирателя выносила трупы из морга и по его же указанию укладывала покойников так, чтобы головы их были к задней части саней или телеги, а ноги — к передней. После такой аккуратной укладки трупов старший надзиратель подходил к их ногам, на которых уже подвешены деревянные бирки и на них черной масляной краской написаны личные лагерные «тавро» каждого мертвеца. Сверив бирки с имевшимся у него в руках списком захороняемых, надзиратель садится рядом с возчиком-зэком и подвозит покойников к вахте, где их ожидает уже дежурный по лагерю офицер. И здесь совершается следующий акт дикого ритуала по вывозу мертвых заключенных из зоны спецлагеря. Теперь к саням подходит дежурный офицер со списком умерших, сверяет его со списком старшего надзирателя. После этого подает знак, и из вахты выходит «натренированный» надзиратель с железным молотком на длинной деревянной ручке и приступает к своей «работе»: подходит к каждому трупу и наносит два удара по черепу. Только после этого дежурный офицер приказывает открыть ворота лагеря, и «похоронная процессия» под конвоем движется в тундру к месту захоронения. Бригада заключенных-могильщиков снимает с саней или телеги покойника за покойником и по указанию надзирателя укладывает их в яме штабелем, как дрова. И можно себе представить, с каким чувством они засыпали в братской могиле своих товарищей. На этом кончалось их безропотное повиновение торопящему надзирателю. Могильщики возводили возможно более высокие холмики над могилой, становились вокруг и молились, не обращая внимания на ожидающих их конвоиров и старшего лагерного надзирателя. Лишь после такого «произвольного» ритуала над останками своих товарищей бригада могильщиков возвращалась в зону.

Огромная смертность из-за плохого питания в спецлагерях была лишь одной из причин перманентной «недостачи» заключенных, пригодных для подземных работ. Другой причиной «списывания» с шахт было полное пренебрежение руководства правилами техники безопасности на подземных работах. Прямым след-

ствием этого были тысячи калек. На Воркуте не было ни одного спецлагеря без громадных «инвалидных» бригад, состоявших из бывших шахтеров, а теперь — полных инвалидов с переломами позвоночника, безногих, безруких и т.д. Все это было следствием несоблюдения обязательных правил по предотвращению обвалов кровли в шахтах. И ничто не могло освободить этих калек из заключения — ни здравый смысл, ни принципы морали и гуманности. Они отбывали свой срок до конца, а карательная машина продолжала выжимать из них последние силы...

**

Система экономической эксплуатации многомиллионной армии заключенных к концу сороковых годов достигла совершенства.

На Воркуте она работала следующим образом. Здесь существовали только два контрагента по части использования труда заключенных: Главное Управление Воркутинскими лагерями и трест «Воркутауголь», которому были подчинены все шахты каменноугольного бассейна. Первый являлся генеральным поставщиком «рабочей силы», второй (фактически — начальники шахт) — ее потребителем.

Между контрагентами существовал письменный договор, согласно которому трест «Воркутауголь» выплачивал Главному Управлению Воркутинскими лагерями за каждого выведенного на шахту заключенного по тарифным ставкам, разрядам и «производительности труда», соответствовавшим тем, что существовали для вольнонаемных шахтеров в Донбассе. А сам трест «Воркутауголь» платил заключенным-шахтерам по особым «гулаговским» ставкам. В связи с таким двойным учетом во всех спецлагерях Воркуты были две «расчетные бухгалтерии». Одна из них занималась расчетами лагерей с шахтами за поставленную им «рабочую силу», другая — производила начисление «заработанных» денег каждым заключенным и записывала их на его личный счет. Вот этот-то личный счет и превращался для заключенных то в «пряник», то в «кнул», так как з/к мог получать «свои» деньги только по специальному разрешению начальника лагеря или его заместителя и в сумме, которую тот сочтет нужным ему выдать. Последнее зависело от «поведения» заключенного в лагере, о чем существовали специальные рапорта начальников режима, или от «производительности труда», о чем сообщали рапорта начальников планово-производственных отделов, которые были обязаны следить за тем, как работают заключенные на шахтах.

Суть такой системы эксплуатации эзков видна из расчетов между шахтой №4 на Воркуте и спецлагерем, который поставлял ей «рабочую силу», и по расчетам лагеря с этой «рабочей силой», т.е. со своими заключенными-шахтерами. Так вот, на их личные счета записывалось не более 10-15% от той суммы, которую сам лагерь получал за их труд от шахты. Этот узаконенный грабеж все время будоражил даже самых покорных заключенных, не говоря уже о бывших шахтерах Донбасса, которые пытались требовать у начальников шахт разъяснений по поводу такого порядка начисления им заработной платы. На что те, естественно, отсылали их к лагерному начальству. Когда же нашлись смельчаки, которые однажды обратились с этим вопросом к Жилину, тот выслушал их и спокойно ответил: «А вы что же, хотите только зарабатывать и ничего не платить за ваше содержание в лагере: за питание, одежду, отопление барачков, помывку в бане и другое. Получайте, сколько вам начисляют, и скажите спасибо за это»...

Основные «рычаги», приводившие в действие всю эту систему, находились не в руках самого лагерного начальства, которое было «выше» этих мелочей, — а в руках нарядчиков и надзирателей, на лагерном жаргоне «вертухаев». Подбор нарядчиков из числа заключенных производился оперуполномоченными и утверждался самым главным опером. Почти все нарядчики в спецлагерях Воркуты являлись в прошлом членами компартии, активистами комсомола и различными «беспартийными» ответработниками, — словом, «социально-близкими». Судьбы всех заключенных зависели от них. К каждому нарядчику прикреплялось определенное количество бригад, и он распоряжался ими по своему усмотрению (за исключением шахтерских бригад). Исключительно от нарядчика зависело, кого он из «своих» заключенных пошлет сегодня на ту или иную работу — тяжелую или более-менее легкую, на работу в зоне или на дорожную — в открытой тундре, зимой, при трескучем морозе и пронизывающем до костей ветре, или летом, при таком же ветре и дожде, по шиколотки в воде. А то и вовсе никуда не пошлет — оставит «темнить» в барачке сушильщиком одежды шахтеров. За каждую «милость» нарядчика нужно было, конечно, расплачиваться. Единственным источником платы у заключенных были посылки из дома. Причем первым узнавал о прибытии посылки на имя «его заключенного» — нарядчик. Он и сопровождал з/к в каптерку, где посылки выдавал надзиратель. Так что нарядчик тут же отбирал из посылки, что ему приглянулось из продуктов и теплых вещей, а остальное получал уже заключенный, расписываясь в получении всей посылки. Поэтому легко себе представить чувства к нарядчикам, годами копившиеся у эзков.

Жили нарядчики в общих бараках со «своими» бригадами, но жили, разумеется, с разрешения начальства, не как все заключенные, а как лагерная «элита». Занимали самые теплые уголки в бараках, что в условиях Воркуты немаловажная привилегия. Уголки эти отгораживали от барака фанерными листами или досками, тем материалом, что отпускало начальство. В этих своих «кутках» спали нарядчики не на сплошных нарах, а на кроватях солдатского образца со всеми постельными принадлежностями. Кроме того, нарядчики своей властью прикрепляли к себе заключенных из своих бригад в качестве личной obsługi. Эти «денщики» каждое утро приносили в кабинки нарядчиков из хлебoreзки и кухни буханки хлеба, сахар, чай для заварки и «кое-чего из горячего». То же было в обед и ужин. Это была не лагерная баланда. Повара-заключенные, большинство из которых принадлежало к той же категории, что и нарядчики, «сдабривали» предназначенные для них блюда поджаренным на растительном масле луком, перловой и т.п. И конечно котелки наливались без всякой нормы.

В таком же привилегированном положении были нарядчики и в отношении вещевого снабжения. Если почти все заключенные были одеты в бушлаты, телогрейки, валенки вторых и третьих сроков, т.е. во всё грязное, потрепанное, то нарядчики одевались во всё новое, первых сроков, выделяясь из общей массы эзков уже своим внешним видом.

Особое положение даже среди нарядчиков занимал старший нарядчик. На эти должности в спецлагерях Воркуты заключенные отбирались лично старшими оперуполномоченными и начальниками лагерей. Формально за выполнение плана вывода заключенных на работы отвечал офицер — начальник планово-производственной части в спецлагере, но фактически этим занимался старший нарядчик, который накануне получал от начальника планово-производственной части пачку бумаг на вывод заключенных, собирал свою команду нарядчиков и распределял между ними эти наряды. А уж те головой отвечали за точное выполнение плана вывода, и здесь им предоставлялась полная свобода. Опасаясь потери своего привилегированного положения, нарядчики были беспощадны. Если они обнаруживали, что кто-либо из «их» бригады не выходит из барака на работу, нарядчики врываются в барак, матом и побоями сгоняя «отказчика» с нар и выгоняя его во двор. Если же заключенный сопротивлялся, то нарядчик выводил бригаду «без последнего». На лагерном жаргоне это означало, что отказчик избит до такой степени, что уже действительно не мог выйти на работу. Особенностью Воркуты было то, что здесь существовали бригады, находившиеся вне власти нарядчиков. Это были

шахтеры, и объяснялось это тем, что нарядчики опасались вступить в конфликт с заключенными-шахтерами. Ведь иногда и им самим по указанию начальника планово-производственной части приходилось спускаться под землю, и тут-то его могло ждать возмездие: спуститься-то он спустится, а вот поднимется ли обратно?..

Другим маленьким винтиком, приводившим в действие механизм эксплуатации заключенных, были лагерные надзиратели. В отличие от нарядчиков, единственной задачей надзирателей являлось «держание в узде» эзков внутри зоны, т.е. поддержание строгого режима внутри спецлагерей. Если с лагерным начальством заключенные практически не имели почти никаких контактов, то с надзирателями они сталкивались каждый день и час, именно от них терпели постоянные издевательства, побои, притеснения. Надзирателям было предоставлено право сажать «провинившихся» заключенных в бараки усиленного режима (БУРы), которые находились в их полном распоряжении. В БУРах существовал особо строгий режим: отапливались они очень слабо, наполовину урезалась пайка хлеба, настолько же сокращена была и порция баланды, воду для питья приносили надзиратели когда хотели и в таком количестве, что ее не хватало для всех сидящих в штраф-баре...

В спецлагерях Воркуты контингент надзирателей в значительной степени составляли завербованные. Очень много было надзирателей, завербованных почему-то в Белоруссии, точнее в Белорусском Полесье. По рассказам некоторых из них, объяснялось это тем, что в колхозах Полесья было столь ужасное продовольственное положение, что «уедешь хоть на край света». Массовая вербовка надзирателей для спецлагерей проводилась отделами МВД при райисполкомах Полесья. Почти во всех сельсоветах были развешаны объявления о вербовке на работу в лагеря на Крайнем Севере. Чтобы ознакомиться с ее условиями, желающим предлагалось явиться в сель- или райсовет. На объявления откликнулась такая масса колхозников, что вербовщикам пришлось прибегнуть к отбору.

Самым заманчивым условием вербовки были большие «северные надбавки» к обычным жалованиям лагерных надзирателей. Кроме того, выдавалось военное обмундирование, питание по северным красноармейским нормам, предоставлялись бесплатные квартиры семейным и общежития одиночкам. Проезд по железной дороге и провоз всего личного багажа были бесплатными. А выплата жалованья завербованным начиналась со дня подписания

«трудовых договоров». Для вербовки отбирали прежде всего коммунистов и комсомольцев по рекомендации местных парторганизаций. Они-то и составляли большинство надзирателей.

После подписания «трудового договора» на срок от трех до пяти лет все завербованные были собраны в нескольких райцентрах Полесья для ознакомления с будущим местом работы и для соответствующего инструктажа о характере самой работы. Здесь завербованные, их жены и родители впервые узнавали, что местом на Крайнем Севере является Воркута. «Лекторы» — начальники районных отделов милиции — ознакомили собравшихся с особенностями климата и жизни в Заполярье. Самое большое внимание уделяли они характеристике контингента спецлагерей, в которых придется работать надзирателям и где содержатся только самые заклятые враги государства и народа, шпионы и преступники, осужденные на длительные сроки заключения...

С такой «зарядкой» прибывали на Воркуту завербованные надзиратели со своими чадами и домочадцами. Они были распределены между отдельными лагерями и расселены в специальных надзирательских поселках, расположенных вблизи обслуживаемых ими зон.

Если до прибытия новичков надзирательские поселки были зонами «кладбищенской тишины», то теперь с утра до поздней ночи, не говоря уже о воскресеньях и праздничных днях, со стороны надзирательских поселков неслись в лагерные бараки песни пьянствующих надзирателей и их «баб». Таковы они были в обычном быту. Во сто крат дичее проявлялись они в ежедневном и ежечасном общении с заключенными. Это была какая-то зоологическая ненависть к энкам, усвоенная еще от белорусских «инструкторов». Такое же отношение проявлялось к заключенным и со стороны их жен, сестер и дочерей, работавших по найму в спецлагерях Воркуты на различных «хлебных» должностях: заведующими столовыми, продуктовыми складами и т.п., кассиршами, цензоршами. Заключенные называли их «нашими кровопийцами»...

**

Долгие годы заключенные в спецлагерях Воркуты были в состоянии какой-то летаргии. Покорно терпели всю тяжесть строгого режима, всякого рода издевательства со стороны лагерного начальства. Но с 1952 года положение стало меняться, а эски слово пробуждались от своего сна.

Нельзя сказать, что до этого времени не было столкновений заключенных с начальством на почве нарушений лагерного режи-

ма. Но это были лишь эпизодические, индивидуальные акты, пресекаемые водворением нарушителей в БУРы. С 1952 года нарушения лагерного режима приняли такой массовый характер, что оперы, которые в первую очередь несли ответственность за сохранение «статуса» спецлагерей, — решили «подвинтить гайки».

Первым заворотом гаек был изданный в июне приказ, разрешенный во всех спецлагерях Воркуты, — чтобы заключенные обязательно здоровались с лагерным начальством, включая и надзирателей. Правило это было не ново, но постепенно оно как-то «забылось» и заключенными, и лагерным начальством, особенно в части «козырянья» надзирателям. Теперь о нем вдруг вспомнили. Приказ был развешен во всех бараках, в столовых, на вахтах, да еще с угрозой БУРом нарушителям.

Реакция на новый приказ была единодушна и стихийна: заключенные прекратили здороваться не только с надзирателями, но и с офицерами. На это последовал второй «виток» — массовое водворение эзков в БУРы. Последние оказались переполнены свыше пределов вместимости. Но поскольку среди штрафников оказалось огромное число заключенных-шахтеров, то начальники шахт забили тревогу. В дело вмешался трест «Воркутауголь», который добился от Управления Воркутинскими лагерями приказа начальникам лагерей выпустить из БУРов всех шахтеров и заключенных всех строительных бригад. И так же как они заполнились в массовом порядке, так в массовом порядке, да еще и одновременно, БУРы опустели.

Все это не могло не повлиять на настроение массы заключенных, в том числе и пассивной, колеблющейся ее части. Примером такого нарастания сплоченности з/к спецлагерей Воркуты явилось нарушение годами установленного порядка проведения утренних и вечерних проверок заключенных в бараках. Бывало, надзиратель не успеет войти в барак, прямо с порога орет: «Встать на проверку!» Все соскакивают с нар, становятся в две шеренги и покорно ждут, пока надзиратель всех сверит по спискам. Но прощло те времена покорности. Теперь начиналась «вольнка»: кто вообще не слезает с верхних нар, ссылаясь на усталость после работы, кто еще спит, как бы не слыша крики надзирателя. Озлобленный надзиратель вскакивает на верхние нары, пытаясь сбросить с них «отказчиков». Начинается потасовка между заключенным и надзирателем. Последний с поцарапанной мордой соскакивает с нар и приказывает старосте барака бежать на вахту и сообщить о «происшествии». Оттуда мигом прибегают надзиратели, скручивают руки заключенному и пинками гонят его в БУР. Но «нормальная» проверка в бараке сорвана, а происходящее посте-

пенно откладывается в сознании всех заключенных. В 1952 году эти случаи пассивного сопротивления заключенных приняли массовый характер. Участились случаи, когда целые бригады заключенных начали отказываться выходить из зон, чтобы «топать» на работы, особенно в шахты. Конечно, в различных лагерях все такие акты «саботажа» (по чекистской терминологии) принимали различные формы и по-разному заканчивались каким-либо частным удовлетворением претензий заключенных. Через некоторое время «заводит» коллективного отказа от работы отправляли из спецлагеря во Владимирскую тюрьму, известную своим жестоким режимом.

Один из коллективных отказов от выхода на работы имел место в спецлагере при шахте №4 в октябре 1952 года. Шахтерские бригады первой смены в 5 часов утра выстроились у ворот лагеря, чтобы итти на шахту. Всегда процедура по выводу заключенных на работу, особенно в такой ранний час, когда на вахте нет никого из лагерного начальства, продолжается каких-нибудь 10-15 минут. А тут развод мерзнет и топчется у ворот внутри зоны, с другой стороны конвой стоит и ждет, когда откроют ворота и можно принимать развод. Время идет, но дежурный по лагерю офицер не отдает положенного приказа. Оказывается, развод задерживается из-за отказа заключенных-сектантов, в количестве более сорока человек, выйти из барakov, чтобы итти на работу в шахту. Об этом необычном, особенно со стороны сектантов, происшествии дежурный офицер, конечно, немедленно сообщил по телефону начальнику лагеря в Воркуту. И вот, несмотря на ранний час, к лагерю прибывает машина с начальником, со старшим оперуполномоченным и с начальником режима. Дежурный офицер рапортует им о причине задержки вывода развода на шахту (это было хорошо слышно заключенным). Все четверо направляются в штаб. Через короткое время на крыльце штаба появляется начальник режима. Подает знак дежурному офицеру, который подходит и получает какое-то указание. Он возвращается в помещение вахты и вызывает к себе старшего нарядчика и нарядчиков шахтерских бригад, и они всей ватагой, вместе с надзирателями, устремляются в сторону барakov, где находились сектанты, отказавшиеся выйти на работу. Нарядчики вместе с надзирателями сначала увещевают «отказчиков», чтобы те «по добру по здорову» выходили. Сектанты лежат на нарах и не двигаются. Тогда вступают в действие надзиратели: сбрасывают сектантов с нар. Те лежат на полу барака и на ноги не встают. Озверевшие надзиратели всех их выволакивают во двор. Но и здесь сектанты лежат в снегу, не поднимаясь и не вступая ни в какие пререкания ни со своими нарядчи-

ками, ни с надзирателями. Тогда озлобленные вертухаи волокут лежащих по снегу к воротам лагеря. Но те и здесь продолжают лежать и не встают в ряды развода.

Надо сказать, что сектанты в воркутинских спецлагерях всегда считались самой ценной рабочей силой на шахтах, их очень ценило как лагерное, так и шахтное начальство. Но это была не только самая работающая, но и самая безропотная часть лагерников. На протяжении многих лет сектанты никогда не участвовали в каких-либо нарушениях лагерного режима. И вдруг... отказываются выходить на работы! Это привело к задержке вывода первой смены заключенных на шахту, в то время как ночная смена уже поднялась наверх и ждет развода, чтобы идти в лагерь. Забои, следовательно, опустели, добыча угля прекратилась...

В 30-40-е годы таких «саботажников» расстреляли бы всех, чтобы было неповадно другим. А здесь стоящий у ворот развод и за воротами конвой наблюдают, как из штаба выходят начальник лагеря и старший оперуполномоченный, направляются к лежащим на снегу сектантам, подзывают к себе их «пастыря» Ефремова. Ефремов встает, подходит к ним и после краткой беседы они втроем направляются в штаб лагеря. А через считанные минуты Ефремов выходит из штаба, возвращается к своей лежащей на снегу пастве, и слышно, как он говорит: «Братья, все уладилось, вставайте». Сектанты поднялись, встали в общие ряды. Развод двинулся на шахту.

Вечером в бараках стало известно, чем закончилась эта борьба сектантов. Оказывается, начальник шахты и начальник лагеря договорились, чтобы для сектантов вместо существующего для всех заключенных-шахтеров «скользящего» графика выходных дней был установлен твердый график выходных — по субботам и религиозным праздникам, которые назовет Ефремов.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод показал, что строгий режим в спецлагерях Воркуты к 1952 году начал трещать в своей основе. Но еще более важным было то, что, как рассказывали вольнонаемные на шахте №4, — слух об этом инциденте разнесся по всем воркутинским шахтам и спецлагерям, взбудоражив лагерную молодежь, которая являлась основным контингентом рабочей силы на шахтах и в то же время стала наиболее агрессивным слоем заключенных в спецлагерях, выходящим из повиновения нарядчиков и надзирателей.

Ослабление режима проявилось и в другом. В один из апрельских дней во всех спецлагерях Воркуты были развешены объявления культурно-воспитательной части Главного управления воркутинскими лагерями о том, что в зонах разрешено создавать раз-

личные кружки художественной самодеятельности, хоры, футбольные команды и т.п. Заключенным, желающим принимать в них участие, предлагалось записываться в лагерных КВЧ. Главное управление лагерями даже выделило средства для приобретения музыкальных инструментов, спортивного инвентаря и одежды. Руководство шахт, в свою очередь, дало лесоматериалы для оборудования лагерных «стадионов». А внутрилагерной администрации было предписано создать временные рабочие бригады для расчистки и нивелировки футбольных полей и строительства трибун.

Но одновременно со всеми этими мероприятиями начальникам спецлагерей было запрещено выпускать свои футбольные команды за пределы своих зон, дабы не нарушать существовавший все годы в отношении спецлагерей железный закон — предотвращение контактов между ними. Этот закон должен был исключать любой сговор заключенных, не допускать встреч однодельцев, один из которых предал товарища во время следствия, нежелательных встреч со стукачами и т.п.

Однако чего не могло предотвратить КГБ — так это переброски заключенных из одного спецлагеря в другой под давлением объективных факторов — т.е. все той же системы использования принудительного труда. Рабочая сила заключенных на шахтах Воркуты, несмотря на вливание свежих «кадров», систематически сокращалась, и к 1952 г. ситуация, по-видимому, достигла кризисной стадии, а у оперативной части КГБ начали иссякать «источники» пополнения. Количество же заключенных, пригодных для подземных работ в шахтах, сокращалось и по «старению» состава заключенных (многим уже перевалило за 50 лет), и по болезням, и, главным образом, из-за полного отсутствия техники безопасности, что приводило к массовому калечению эзков на участках угледобычи. Наконец, начались и освобождения из спецлагерей краткосрочников «набора» 1941-1942 гг. Все это вело к неравномерному распределению рабочей силы: на одних шахтах Воркуты заключенных какой-то специальности было в избытке, на других — их не доставало. У ГУЛага не было иного выхода, как добиваться разрешения на переброску заключенных из одного спецлагеря в другой. В конце концов это привело к положению, которого больше всего боялось КГБ, точнее — оперуполномоченные в лагерях: встрече разоблаченных стукачей с их жертвами и расправам заключенных с ними. По всем спецлагерям Воркуты в 1952-м году пронесся смерч расправы над стукачами.

Спецлагерь при шахте №4 не избежал общей судьбы. Первым здесь был убит каторжанин Иван Базененков — убит своим земля-

ком-белорусом Степаном Русиновичем. В 1946 году они в одном этапе были привезены на Воркуту, на шахту «Капитальная». Здесь они прошли курс «минимума техники безопасности работы в шахтах», после чего Базененков тут же был назначен бригадиром бригады забойщиков, а Русинович — рядовым забойщиком, т.е. оказался в прямом подчинении у своего земляка. Русинович был колхозником и во время войны партизанил, за что и получил впоследствии приговор военного трибунала к 15-ти годам заключения в лагерях строгого режима. Базененков же был коммунистом, секретарем райисполкома. В первый же день вступления гитлеровских войск в их район Базененков «перемахнул» к немцам и был назначен оккупационным командованием начальником полиции того же района, где он возглавлял исполнительный комитет местного совета. Заключение, знавшие его по Белоруссии, характеризовали Базененкова, как «зверя», терроризировавшего своих односельчан. Он выгонял их на рытье окопов, конфисковал у них скот и птицу, загонял в лес на заготовку дров для немецкой комендатуры и там, под угрозой пистолета, насиловал местных девчат и женщин... Во время отступления немцев из Белоруссии он не сумел бежать, был схвачен местными колхозниками, избит до полусмерти и доставлен в Особый отдел вошедшей в район воинской части. Военный Трибунал 1-го Белорусского фронта приговорил его к 20-ти годам каторжных работ, и Базененкова доставили на Воркуту.

На шахте «Капитальная» по рекомендации старшего оперуполномоченного спецлагеря Базененков тут же был назначен бригадиром на одном из участков добычи. Вскоре бригада его стала «стахановской»: успехов новый бригадир добивался избивением заключенных-шахтеров. Одним из таких избитых стал и Русинович. Базененков нанес ему удар по голове тяжелым шахтерским ручным фонарем, Русинович рухнул на землю. Решив, что он мертв, бригадир затащил «труп» Русиновича на выработанный участок, зная, что скоро явится бригада посадочников кровли и обрушит эту часть забоя, погребя окончательно «труп». Посадчики, действительно, пришли, но когда начали подготовительные работы, — услышали человеческий стон, разгребли кучу угля и породы и вытащили... Степана Русиновича. Подняли его наверх. Из медчасти лагеря была вызвана телега, Русиновича увезли в стационар. На следующий день старший опер начал расследование. Русинович помнил, как бригадир ударил его по голове. Базененков «чисто-сердечно» рассказал все, как было. Но поскольку он был человек опера, тот вместо передачи дела в воркутинскую прокуратуру, решил его своей властью: просто перевел Базененкова в спецлагерь при шахте №4. Тем самым он разъединил двух врагов, а с дру-

гой стороны, избавил своего стукача от возможной расправы со стороны остальных заключенных.

И вот теперь, в 1952 году в ходе массовых перебросок эзков из одного спецлагеря в другой, Русиновича перебросили с шахты «Капитальная» на шахту №4. Этим судьба Базененкова была предрешена. В один из выходных дней в барак, где жил Базененков, вошел Русинович, подскочил к столу, где Базененков играл в домино, выхватил из-под бушлата короткий шахтерский топор и нанес им удар по черепу Базененкова, убив его наповал. Затем, оставаясь внешне спокойным, он бросил топор на пол и попросил товарищей сбегать на вахту и сообщить о случившемся в барак. С вахты, естественно, прибежали дежурный офицер и несколько надзирателей. Надели на убийцу наручники. Русинович был все так же внешне спокоен. На следующее утро в лагерь прибыла из Воркуты следственная комиссия. Прежде всего она осмотрела барак, где было совершено убийство. Допросила старосту, начала вызывать свидетелей, интересуясь показаниями тех, кто знал Русиновича и Базененкова по шахте «Капитальная». Самого убийцу допрашивали в штабе лагеря.

Примерно через две недели в лагере было объявлено о дне открытого суда над Русиновичем за «преднамеренное убийство» заключенного Базененкова. Уже сама формулировка обвинения не сулила ничего хорошего, так как еще за полтора года до того во всех лагерях Воркуты был вывешен Указ Президиума Верховного Совета СССР о высшей мере наказания за убийство в лагере. Суд происходил в помещении лагерного клуба. Зал был переполнен не только заключенными, свободными от работы, но и всей лагослужбой, и офицерами, и надзирателями. Было два заседания суда в составе трех человек: судьи и двух заседателей (все гражданские), а также назначенного кем-то адвоката-защитника. Все с напряженным вниманием следили за допросом самого Русиновича, за показаниями свидетелей, знавших и его и Базененкова по шахте «Капитальная». Особенно поразили всех свидетельские показания «вольных» десятников и начальников участков этой шахты, специально приехавших на суд в спецлагере при шахте №4. Прокурор требовал применения Указа о смертной казни. Защитник, вопреки речи прокурора и опираясь на исключительно хорошие характеристики Русиновича со стороны всех свидетелей — заключенных и вольных, — оправдания подсудимого. Совещание суда продолжалось часа два. Весь зал зашумел от облегчения, когда председатель суда огласил приговор — десять лет заключения в лагерях строгого режима, в дополнение к оставшимся девяти годам по белорусскому суду. Иначе говоря, Русиновичу предстояло теперь сидеть

в спецлагере еще девятнадцать лет. Отсидел он только четыре, до 1956 года, когда в общем потоке был освобожден и уехал в Белоруссию.

Такова одна из историй убийства стукача на Воркуте в 1952 году, совершенного, так сказать, при всем честном народе. А сколько было таких убийств «втихую», в самих шахтах, где убийство оставалось неподсудным — из-за необнаружения виновного. Жертвой такой расправы над стукачом на шахте №4 стал молодой ленинградец Юрий Родэ, работавший здесь инженером-высоковольтником. С 1950 до 1952 года он работал на шахте №4, затем пришло предписание Главного Управления Воркутинскими лагерями перебросить Родэ на другую шахту. Родэ явился в расчетную часть с соответствующим распоряжением начальника спецчасти рассчитать его, что и было произведено. Но не прошло и часа, как он вернулся с предписанием старшего оперуполномоченного аннулировать расчет. Оказывается, как только он узнал на вахте, что его этапируют в спецлагерь при шахте №6, Родэ побежал в штаб лагеря и заявил старшему оперу о своем отказе этапироваться в этот лагерь. Причина, конечно, понятна без пояснений...

Родэ продолжал работать на шахте №4 в своей прежней должности. Но не прошло и недели, как при неполадках в электросетях ему пришлось спуститься под землю — и он был убит обычным в шахтах Воркуты «оружием» — кайлом. Кто и за что его убил, можно было догадаться из реакции шахтеров, недавно перебросенных с шахты №6 на шахту №4: «собаке собачья смерть». Примечательно, что это убийство не стало предметом расследования оперуполномоченного спецлагеря, как это бывало во все предыдущие годы...

Осенью 1952 г. здесь же была и неудавшаяся попытка убийства стукача Ивана Баранникова. Он месяца за два до покушения был переведен спецконвоем в лагерь при шахте №4 из какого-то другого лагеря. И тут же с вахты по указанию старшего опера Баранников был помещен не в барак, а назначен заведующим скотным двором, расположенным на самой окраине лагерной зоны. Здесь же, при скотном дворе, постоянно жил заключенный-скотник, деливший с Баранниковым общую лачугу, фактически изолированную от всех заключенных.

Но в лагере ничто не скроется от глаз эзков. Кое-кто из знавших Баранникова по прежним лагерям, услышал о его переводе, разведал, куда его отправили с вахты. И вот, глубокой декабрьской ночью, в «персональную» кабинку на скотном дворе ворвались двое заключенных с самодельными ножами. Спящего Баранникова схватили, заткнули ему рот тряпкой и уже намеревались

расправиться с ним за прежние предательства, как вдруг из конюшни, к которой примыкала кабинка, послышался шорох. Один из покушавшихся выбежал в конюшню и вытащил из стога сена перепуганного старика-заключенного — сторожа скотного двора. В такой ситуации возможны были только два решения: или убить вместе со стукачом и этого невинного старика, или не убивать Баранникова. Покушавшиеся приняли последнее решение, оставив Баранникова. Но предупредили обоих, что если они расскажут кому-нибудь о происшедшем, то их прирежут другие заключенные. Баранников вскоре добился, чтобы его отправили с Воркуты в Ухту на нефтепромыслы, а оставшийся в том же лагере старик рассказал обо всем лишь летом 1953 года, когда происшествие уже потеряло свою актуальность. В 1952-м расправы со стукачами на Воркуте стали таким обыденным явлением, что никого не удивляли, и интерес к убийствам угасал быстро...

**

В 1952 году в спецлагерях Воркуты массы заключенных в волевом отношении созрели для решительной борьбы. Достаточно было малейшего внешнего толчка — и лагерная Воркута «встала бы на дыбы». Но произошло событие, которое изменило дальнейший ход событий. Появились надежды на скорое освобождение без борьбы и без неизбежных при этом жертв.

Таким событием явилась смерть Сталина. Уже за неделю до 5 марта воркутинская радиостанция начала передавать бюллетени о его болезни. Эта радостная весть была встречена во всех спецлагерях Воркуты всеобщей эйфорией. Заключенные, не опасаясь стукачей в бараках, поздравляли друг друга: «Ус подыхает!», «Скоро свобода»!.. Когда же ранним утром 6 марта по радио было официально сообщено о смерти Сталина (а на Воркуте в это время года темная полярная ночь), — все заключенные, даже спавшие после ночных смен, высыпали во дворы. И только одно слово несло из зон: «Свобода, свобода!» Часовые на вышках, видимо, получив соответствующее указание, вели себя спокойно.

Во всех штабах спецлагерей Воркуты в ту ночь происходило тоже что-то чрезвычайное. Об этом можно было судить по происходившему в спецлагере при шахте №4, начальником которого был садист полковник Жилин. В эту ночь все лагерное начальство во главе с Жилиным было на совещании в штабе. Руководил совещанием не Жилин, а майор из Главного Управления Воркутинскими лагерями. Он ознакомил, видимо, всех присутствовавших на совещании с новыми инструкциями, относящимися к режиму в спецлагерях.

На следующий же день после этого ночного совета в штабе был отменен прежний порядок утренних и вечерних проверок заключенных в бараках, когда надзиратели, как уже рассказывалось, издевались над заключенными. Теперь они даже не требовали, чтобы все заключенные спускались с нар, вставали в ряд и т.п., а, придя в бараки, сверяли со старостами наличие эзков, отмечали их в своих списках и поскорее «смывались» из бараков. Уже одно это было прогрессом. Другим новшеством стала отмена ритуала смены постов на внешних вышках вокруг зон спецлагерей, когда, бывало, сдача и прием караулов сержантами сопровождался напоминанием, что в этих лагерях содержатся «враги народа». Это последнее всегда глубоко задевало заключенных, теперь они этой формулы уже слышать не будут. Изменения и послабления в режиме спецлагерей продолжались. Теперь не начальники режимов, а дежурные офицеры получили право выдавать заключенным разовые пропуска на выход за зону в выходные дни. Увеличилось количество бесконвойных выходов заключенных-шахтеров на шахты. Для последних это имело большое значение, так как многие из них уже обзавелись знакомыми, товарищами и товарками из вольных, с которыми они вместе работали и встречались каждый день на шахтах. Это уже была огромная брешь в режиме спецлагерей на Воркуте.

Таким образом, с первых же недель после смерти тирана, в спецлагерях начали проводиться определенные изменения, которые, по замыслу новых советских властей, должны были бы нейтрализовать возможные акции со стороны заключенных. В этих же целях в середине марта во всех спецлагерях Воркуты были развешены оповещения начальников лагерей о том, что с сего числа заключенным разрешено посылать прошения во все судебные инстанции Советского Союза и в КГБ о пересмотре их дел. Причем уведомлялось, что все прошения заключенных будут незамедлительно отправляться по назначению. Естественно, что из всех спецлагерей Воркуты в Москву — в Верховный Суд СССР, в Генеральную прокуратуру и в особенности в КГБ — хлынула лавина таких прошений.

Для лагерной же молодежи была преподнесена другая «конфетка» — было отменено прежнее запрещение выезда из «своих» лагерных зон в другие лагеря футбольных команд и кружков художественной самодеятельности. Мало этого. Для руководства всем этим делом КВЧ Главного Управления Воркутинскими лагерями выделила офицера, который составлял календарь матчей между лагерными командами и концертов лагерных кружков самодеятельности. Теперь почти каждое воскресенье к лагерям по-

давались грузовики, на которых участники и болельщики доставлялись из своего лагеря в другой. Таким образом, был сломлен еще один барьер между заключенными спецлагерей, существовавший в течение многих лет на Воркуте. Это сыграло немалую роль в дальнейших событиях.

Самой действенной мерой для нейтрализации возможных беспорядков в спецлагерях Воркуты были вывешенные после майских праздников объявления о том, что начинается строительство «домов свиданий» заключенных со своими родственниками. И строительство их, действительно, началось. В одних лагерях для «домов свиданий» переоборудовались имевшиеся в непосредственной близости к зонам бараки, занимаемые конвойными командами этих лагерей, в других — тут же начали строить новые бараки. Насколько это было срочное задание, можно судить по тому, как почти все строительные бригады спецлагерей были сняты со своих работ в городе и районах и переброшены на строительство «домов свиданий». До завершения строительства этих домов в спецлагерях были вывешены объявления начальников лагерей, чтобы заключенные вызывали на свидания своих близких родственников. Разъяснялось, что разрешения на свидания будут выдаваться начальниками лагерей по приезду родственников на Воркуту. Естественно, что после таких послаблений в спецлагерях, уже в начале июня на Воркуту начали прибывать жены с детьми, родители и даже те, кто развелся со своими мужьями-«врагами народа», осужденными на длительные сроки заключения. Связи между ними были раз и навсегда оборваны лагерными цензорами, и лишь теперь они восстанавливались. В общем, «дома свиданий» в спецлагерях были заполнены.

Однако будучи расположенными вне лагерных зон, эти дома являлись определенной частью зоны. Они были связаны узким коридором, одна дверь которого вела «на волю», на улицу, а другая — в зону. В коридоре круглосуточно дежурил надзиратель, который следил, чтобы «гости» не входили в лагерную зону, а заключенные не выходили из зоны на улицу, а проходили из зоны прямо в «дом свиданий». Последние представляли собой самые примитивные гостиницы каких-нибудь захолустных городков глубокой провинции. В них были маленькие комнатки, в которых могла поместиться только кровать солдатского образца, небольшой столик и две-три табуретки. Вот и вся их меблировка. Но зато были в них общие кухни. Прикрепленные к «домам» заключенные рабочих бригад привозили из-за зоны воду, с шахты уголь. А «гости» имели право ездить в город, покупать там что-либо из продуктов, а самое главное — на базаре покупалось оленье

мясо и из него готовились на кухне более или менее нормальные блюда.

После многолетней разлуки со своими близкими, прозябания в переполненных бараках и опротивевшей баланды — всё это казалось благодатью. Тем более, что заключенные на все время свиданий освобождались от работ и ночевали в «домах свиданий».

Надо признать, что созданием таких домов при спецлагерях Воркуты КГБ добилось хотя бы временно своей цели — ослабления решимости заключенных к каким-нибудь действиям для своего освобождения, не дожидаясь решений «сверху». И действительно, о какой борьбе можно было думать тем, к кому уже приехали жены с детьми, родители, или тем, кто ожидал вызванных на свидание близких? И все же эта была только передышка. Меры КГБ не поколебали сплоченности заключенных, мечтавших об освобождении. Не понимать этого, не «слышать» через своих стукачей в бараках ни лагерное начальство, ни Главное Управление воркутинскими лагерями уже не могли. А что делать со спецлагерями, с сотнями тысяч пока еще пассивно бунтующих заключенных, — не знали. Вот эта-то неопределенность и отсутствие каких-либо директив из Москвы натолкнули Главное Управление воркутинскими лагерями на мысль действовать самостоятельно. Об этом можно судить по всем следующим событиям в спецлагерях.

В конце мая, в один и тот же день, во всех спецлагерях были развешены приказы начальников лагерей, означавшие явное «подвинчивание гаек». Почему-то началось оно с приказа о «приведении в порядок» личных номеров заключенных на их одежде, что как раз являлось самым болезненным в сознании эзков. Вызывающим в этих приказах было и «строгое предупреждение», что те из заключенных, у которых на бушлатах и телогрейках не будут ясно видны номера, на работы выводиться не будут, а прямо с вахты будут водворяться в БУР. На это заключенные ответили почти во всех спецлагерях массовым невыполнением приказа. Бараки усиленного режима оказались переполненными штрафниками, в том числе, конечно, и заключенными-шахтерами. А это, естественно, вызвало резкий протест начальников шахт Воркуты и треста «Воркутауголь», у которого срывались планы добычи угля, а вместе с ними — и всякого рода премии начальству.

В результате затея с «подвинчиванием гаек» оказалась сорванной. Всех штрафников из БУРОВ выпустили. Заключенных шахтеров спецконвоями вывели на шахты, а остальных — на работы в город и пригородные районы Воркуты. После этого заключенные уже демонстративно не выполняли и все другие пункты майских приказов начальников лагерей.

Растерянность начальства была полной. Через неделю после этой истории первую смену заключенных вывели на работы все же с нашивками, хотя и не приведенными «в порядок», а в час дня смены, возвращавшиеся с работы, встречали начальники режимов у ворот лагерей приказами: «Срезать нашивки!» Надзиратели совали в руки заключенных лезвия безопасных бритв и торопили: «Срезай, срезай, а то в столовую не поспеешь». С такой же поспешностью происходило и срезание с окон бараков в спецлагерях «намордников» и решеток. Утром, когда выводили заключенных на работы, решетки с намордниками висели на окнах, а к обеду устраивали аврал — надзиратели спешно срывали этот внешний символ советских спецлагерей.

Сразу же после смерти Сталина заключенных охватила эйфория, убеждение в скором освобождении. Но уже в первой половине марта как ушат холодной воды был воспринят Указ Верховного Совета СССР об амнистии заключенным: он относился только к осужденным по уголовным статьям и не распространялся на 58-ю статью УК РСФСР и аналогичные ей статьи уголовных кодексов союзных республик. То есть не распространялся на заключенных спецлагерей. Это предвещало грозу в воркутинских лагерях. Оставалась еще надежда на ответы на посланные в Москву прошения о пересмотре дел, особенно приговоров ОСО. Но и эти надежды таяли со временем. Проходил месяц за месяцем, а из Москвы ни ответа ни привета на сотни тысяч прошений, посланных заключенными в Генеральную прокуратуру СССР, в Верховный суд, в КГБ.

Именно тогда, к середине 1953 года, в спецлагерях Воркуты создались все предпосылки к прямой борьбе заключенных за свое освобождение. Борьба эта началась во второй половине июля. Развернулась она в форме всеобщей забастовки заключенных, т.е. в поголовном отказе их от выхода на работы, в том числе и на шахты, которые по технологическим особенностям не могут быть остановлены более, чем на один-два сута. Особо следует отметить, что забастовка началась почти одновременно во всех спецлагерях Воркуты и в этом отношении решающее значение сыграли начавшиеся контакты между спецлагерями (те самые выезды футбольных команд и кружков самодеятельности в другие лагеря, которые ввело Главное Управление). Другим организующим фактором явились вольнонаемные шахтеры, — бывшие заключенные различных лагерей Воркуты.

Первыми вступили в борьбу 20 июля заключенные спецлагеря при шахте №7, затем забастовки, как «лесной пожар», начали охватывать один лагерь за другим. В каждом из них уже были

созданы забастовочные комитеты, которые и взяли в свои руки руководство забастовкой в каждом из спецлагерей Воркуты. Такая быстрая организация забастовочных комитетов стала возможной, в значительной мере благодаря существованию почти в каждом спецлагере национальных объединений заключенных: украинских, прибалтийских, еврейских, армянских, грузинских и т.д., руководители которых, разумеется, в глубокой конспирации, имели связи между собой во всем, что относилось к руководству забастовкой среди своих собратьев. Возможно, этим объясняется, что всеобщая забастовка заключенных спецлагерей Воркуты протекала стойко, дисциплинированно, подчиняясь всем указаниям своих забастовочных комитетов. Объясняется это, конечно, и составом заключенных в этих лагерях, где было много интеллигенции и огромный процент военных, в частности, бывших офицеров.

Единственным крупным инцидентом во время этой забастовки явился расстрел в спецлагере при шахте №29, который был спровоцирован не заключенными, а Генеральным прокурором СССР Руденко, прибывшим на Воркуту во главе специальной комиссии для расследования причин забастовки. Этот инцидент имеет, во-первых, определенное историческое значение и, во-вторых, сыграл в то время большую роль в ходе последовавших переговоров Московской комиссии с забастовочными комитетами во всех других спецлагерях Воркуты. Руденко, прибыв на Воркуту в сопровождении командующего войсками МВД генерал-полковника Масленникова, начал свое «расследование» со спецлагеря при шахте №29. Заключенные, оповещенные начальником лагеря о прибытии Московской комиссии, высыпали из всех бараков во двор — в надежде, конечно, узнать ответы на посланные в Москву 3-4 месяца назад прошения о пересмотре их дел. Вместо этого они услышали властный приказ: «Немедленно прекратить саботаж! Завтра же с утра всем выйти на работы. Не вышедшие на работу будут отданы под суд и приговорены к строжайшим наказаниям». Совершенно естественной реакцией возмущенной толпы заключенных на эти угрозы Руденко были выкрики: «Ты нас не пугай, прокурор. А на работу не пойдем, пока не получим ответов на посланные прошения о пересмотре наших дел». Ответной реакцией Руденко был повторный приказ: «Разойдись по баракам!» — что еще больше подлило масла в огонь. Из толпы в адрес Генерального прокурора понеслась площадная брань, что в лагерных условиях было вполне естественно. В общем, из-за принятой начальством тактики запугивания обстановка в лагере достигла такого накала, что Руденко с генералом Масленниковым буквально выбежали из зоны. И через считанные минуты после этого... на сторожевых

вышках появились пулеметы, направленные в сторону лагеря, двор которого был заполнен возбужденными заключенными. И без всякого предупреждения, по этой массе безоружных людей с одной из вышек застрочил пулемет. Двор лагеря покрылся убитыми.

Но бойня происходила не только здесь. Оказалось, что в общей толпе заключенных находились и сектанты. Увидев на вышках пулеметы, они тут же покинули двор лагеря и направились в садик вблизи вахты, где начали молиться о предотвращении беды. В это время стоявший на вышке краснопогонник, видевший молящихся на коленях заключенных, открыл по ним пулеметный огонь. Прибежавшие из расположенного рядом стационара врач-заключенные и «вольняшки»-медсестры обнаружили в беседке более десяти убитых и около тридцати раненых сектантов. По определению врачей стационара, общее число жертв в спецлагере при шахте №29 составило более сорока убитых и 134 госпитализированных раненых.

Все это произошло 1 августа 1953 года, т.е. через пять месяцев после смерти Сталина, при новых руководителях партии и правительства. Прямыми виновниками этого преступления были: Генеральный прокурор СССР Руденко и командующий войсками МВД генерал-полковник Масленников.

После этой кровавой бани Руденко больше не появлялся ни в одном другом спецлагере. Все дальнейшие переговоры с забастовочными комитетами повел его заместитель Барский.

3 августа, через два дня после расстрела, Барский в сопровождении начальника Главного Управления Воркутинскими лагерями генерала Деревянко прибыл в спецлагерь при шахте №4. Патруль забастовочного комитета, дежуривший внутри зоны у ворот лагеря, не пропустил их в зону, а послал одного из патрульных сообщить о прибытии руководителю забастовочного комитета Доброштану, находившемуся все это время в помещении штаба лагеря. Игорь Доброштан вышел на высокий помост штаба и дал знак — пропустить.

Доброштан был заключенным-шахтером. В руководители забастовочным комитетом молодого киевлянина выдвинула существовавшая в лагере конспиративная организация бандеровцев. Кандидатуру поддержали все руководители национальных групп, а затем и все заключенные. Шесть лет тому назад Игорь Доброштан, тогда студент авиационного института, был послан на преддипломную практику на один из самолетостроительных заводов США. По возвращении с практики его арестовали и, «как и полагалось», ОСО приговорило его к десяти годам заключения в лаге-

рях строгого режима. И вот он уже более пяти лет вкалывает забойщиком на шахте №4 на Воркуте.

Итак, Барский, генерал Деревянко, начальник лагеря полковник Жилин и с ними старший оперуполномоченный вошли в зону лагеря. Прямо с вахты они направились в штаб лагеря, где их на крыльце встретил Доброштан и двое членов забастовочного комитета. Переговоры в штабе, к удивлению собравшихся эзков, были очень короткими. Объяснялось это тем, что Барский тут же взял инициативу в свои руки. Он заявил Доброштану, что московская комиссия хочет знать о требованиях заключенных не от забастовочного комитета, а от самих заключенных. Для этого он предложил Доброштану найти подходящее в зоне место, где смогло бы собраться максимум заключенных. Доброштан тут же назвал такое место — футбольное поле. Барский не задумываясь с этим согласился. В течение каких-нибудь получаса футбольное поле было заполнено до отказа. Не только само поле и окружающие его «трибуны», но и крыши всех ближайших бараков. Пока собирались заключенные, надзиратели между футбольных ворот обставили место для «президиума»: принесли из столовой несколько табуреток и большой обеденный стол, за который уселось все лагерное начальство вокруг Барского. С другой стороны стола сидели Доброштан и двое членов забастовочного комитета. Такая идиллическая картина еще несколько дней тому назад не могла бы присниться даже самому ярому оптимисту из заключенных и вызвала бы холодный пот у спящих начальников Главного Управления Воркутинскими лагерями, у начальников спецлагерей и оперуполномоченных.

Собрание открывает генерал Деревянко. Дает рукой знать, чтобы успокоились. После чего объявляет, что в лагерь прибыл заместитель Генерального прокурора СССР товарищ Барский, чтобы здесь на месте ознакомиться с требованиями заключенных. Поднимается Барский. Внешне это типичный русский интеллигент времен дореволюционной России. И одет-то он как-то не по-советски: широкополая фетровая шляпа, из-под которой виднелись длинные, как это было в моде у демократической интеллигенции, волосы. С лица Барского не сходила улыбка, обращенная к тысячной аудитории. Уже все это как-то располагало к нему оптимистически настроенную часть заключенных.

Начал он свое выступление с признания, что «в период культа личности» (самой «личности» он не называл) в стране имели место нарушения законности, в результате чего в лагерях Советского Союза содержится множество незаконно осужденных. Несомненно, есть таковые и в этом лагере. Теперь, продолжал Барский,

партия и правительство полны решимости покончить с прошлым беззаконием. Для этого в настоящее время Генеральная прокуратура СССР и Верховный Суд СССР приступили к рассмотрению поступивших к ним жалоб заключенных, сидящих в лагерях, на незаконное их осуждение, на пытки, примененные во время следствий, и т.п. И вот теперь предстоит рассмотреть многие сотни таких жалоб, поступивших из всех лагерей Советского Союза. Над рассмотрением их работают сейчас сотни следователей, вызванных в Москву из разных областей страны. Барский заверил слушавших его заключенных, что работа продвигается быстро. Нужно лишь еще немного потерпеть. В заключение он сказал, что по возвращении в Москву он лично проверит, как продвигаются дела с рассмотрением жалоб в Верховный Суд СССР и в КГБ. Для большей убедительности Барский добавил, что он уже дал указание спецчасти лагеря дать ему список заключенных, которые послали жалобы во все судебные инстанции. И наконец — заявил: те из присутствующих, кто пожелает поговорить с ним лично, конкретно по делу, может придти в штаб лагеря, где он будет находиться еще два-три часа.

Такая тактика Барского, в отличие от поведения Руденко, в целом подействовала на заключенных явно успокаивающе. Генерал Деревянко закрыл собрание, и весь «президиум» — начальство и забастовочный комитет — направился в штаб лагеря. За ними потянулся и длинный хвост заключенных. Через считанные минуты из штаба вышел забастовочный комитет, и Доброштан объявил, что забастовка кончается, по договоренности с Барским мы с завтрашнего утра выходим на работы.

Так в спецлагере при шахте №4 протекала и завершилась забастовка заключенных, продолжавшаяся десять дней — до 3 августа 1953 года. Почти в тот же день закончилась забастовка и во всех спецлагерях Воркуты, заключенные которых добились удовлетворения своих требований о пересмотре дел.

Нельзя сказать, что освобождения заключенных из спецлагерей не было и до всеобщей забастовки. Они были, и притом через какие-нибудь пару месяцев после смерти Сталина. Но это были какие-то выборочные, единичные случаи освобождения, которые только будоражили массу заключенных: если, дескать, так будет продолжаться, то придется нам сидеть до конца наших сроков. Одним из первых таких освобожденных из нашего лагеря при шахте №4 уже в первой половине апреля, т.е. через месяц после смерти Сталина, был Сергей Бурмакин. Он был большевиком еще с дореволюционных времен, был (а может быть и оставался) в товарищеских отношениях с Ворошиловым, Молотовым и другими

из «старой ленинской гвардии». В спецлагерь он попал вот по какой причине. Во время Великой Отечественной войны он как директор одного из московских заводов был произведен в звание инженера-полковника и назначен начальником оборонительных сооружений на одном из участков Сталинградского фронта. Здесь-то Бурмакин и «сорвался»: во время одной из обычных выпивок в блиндаже старших командиров высказал сомнение в способностях Сталина как Верховного Главнокомандующего Красной Армией. И кто-то из его «фронтовых товарищей» донес в Особый отдел. Бурмакина арестовали на следующее же утро, под личным конвоєм препроводили в Москву, прямо с вокзала отправили на Лубянку, и быстро, почти через месяц сидения в одиночке особого корпуса внутренней тюрьмы, дежурный офицер зачитал Бурмакину постановление Особого Совещания о заключении его на 15 лет в лагеря строгого режима. Так он очутился на Воркуте. Примечательно, что в те годы, когда Бурмакин сидел в спецлагере, сын его оставался майором в армии и жил в Москве со всей семьей и матерью — женой Бурмакина. И несомненно, что такое быстрое освобождение его из лагеря объяснялось теми связями старого большевика, что оставались у Бурмакина в Москве, в партийной верхушке.

Другим таким ранним селективным освобождением стало освобождение полковника Бориса Мехтиевича Мехтиева, бывшего во время войны личным адъютантом маршала Толбухина. Незадолго до окончания войны Мехтиев был отозван из армии в Москву и назначен заведующим турецким отделением Военной академии имени Фрунзе. Он был азербайджанцем и хорошо владел тюркскими языками. В 1945 году в академии группой бывших фронтовиков — старших офицеров и генералов — был организован кружок (разумеется, конспиративный), девизом которого стало: «Назад, к Ленину». Иначе говоря, это была антисталинская организация в Военной академии, все участники которой были фронтовыми товарищами. Собирались, как правило, в самых безопасных комнатах академии — в кабинетах заведующих кафедрами и отделениями. Этот кружок «ленинцев» даже выпускал свой машинописный листок. Легко себе представить, как всполошилось высшее командование академии, ее партийное бюро и, конечно, КГБ. В конце 1946 года оперативный отдел все-таки напал на след кружка — по шрифту машинописных листов оперативники-таки обнаружили нужную им машинку, арестовали машинистку, и она на первом же допросе назвала всех преподавателей, которые давали ей рукописи для печати. Арестовано было шесть человек (четыре полковника и два генерала), в том числе и Мехти-

ев. Большого шума вокруг этого дела, разумеется, не поднимали. Все прошло «втихую» на Лубянке. Быстро закончили следствие и так же быстро ОСО вынесло постановление о заключении всех участников «контрреволюционного кружка» в лагеря строгого режима. Для отбывания своей десятки Мехтиев был доставлен на Воркуту в лагерь при 501-й стройке, расположенный не в самой Воркуте, а в устье Оби, где заключенные в невероятно тяжелых условиях строили мост через эту многоводную реку. Узники этого лагеря, среди которых было очень много военных, летом 1947 года подняли восстание, одним из руководителей которого стал Мехтиев. Восстание было подавлено, а Мехтиев в дополнение к имевшемуся десятилетнему сроку получил еще 15 лет. С таким, по совокупности 25-летним сроком, Мехтиев был привезен на Воркуту в спецлагерь при шахте №4. Здесь мы с ним и подружились.

Итак, Мехтиев сидит в нашем спецлагере на Воркуте. А жена его, бывшая одноклассница, а теперь близкая подруга жены маршала Толбухина, живет в Москве и присылает ежемесячно посылки своему мужу. В начале мая 1953 года Мехтиева освободили, увезли в Воркуту в военкомат, где его известили, что он освобождается, восстанавливается в звании, что ему возвращаются все его боевые награды. И в своем полковничьем обмундировании, накануне своего отъезда из Воркуты, Мехтиев подошел к лагерным воротам попрощаться со своими товарищами. Отмечу, что дежурный лейтенант ни в чем ему не препятствовал...

Третьим освобожденным по высокой протекции из этого же спецлагеря был капитан Гулин. Попал он в лагерь за следующее преступление: в 1950-м, являясь начальником охраны на одном из военных объектов, он затеял в караульном помещении соревнование по стрельбе; в качестве цели была избрана электрическая лампочка под потолком, ну, и будучи изрядно «под хмельком», Гулин промазал и попал вместо лампочки в портрет Сталина на стене. Кто-то из «товарищей офицеров» донес об этом ЧП в Особый отдел, Гулина арестовали, и Военный Трибунал по статье 58-8 («террористическое намерение») приговорил его к десяти годам заключения в лагере строгого режима. В 1953 г., когда было разрешено посылать прошения о пересмотре дел, Гулин отправил свое письмо не в КГБ, а в Министерство Обороны, адресовав его лично маршалу Жукову, так как был уверен, что Жуков не мог забыть того случая, когда он лично прикалывал к гимнастерке старшего лейтенанта Гулина орден Красного знамени за выполнение боевого задания в тылу у немцев на Первом Белорусском фронте. Надежда Гулина оправдалась. В начале июня он был вызван в спецчасть лагеря и под конвоем отправлен в Воркуту, где ему было

объявлено об освобождении и зачитан приказ Министра Обороны о восстановлении в звании и о возвращении всех боевых наград. По примеру Мехтиева, и Гулин пришел к зоне попрощаться со своими товарищами.

Подобные освобождения, благодаря высокой протекции, случались в первые месяцы после смерти Сталина во всех спецлагерях Воркуты. Но до массового освобождения заключенных, казалось, было еще очень далеко. Только после такой встряски, какой стала всеобщая забастовка на Воркуте, новые правители страны наконец поняли, что со спецлагерями надо кончать.

С первой половины августа начались массовые освобождения заключенных из спецлагерей Воркуты. Не проходило дня, чтобы из каждого лагеря не освобождались десятки, сотни людей. Лагерные бараки пустели с каждым днем. Это было началом конца спецлагерей на Воркуте, а с ними и так называемой «Заполярной кочегарки».

Предвещали ее кончину и другие события, происходившие на Воркуте. С 1954 года сосланным на Воркуту поволжским немцам был разрешен выезд в Западную Сибирь и в Казахстан, куда в 1941-м выслали большинство жителей республики Немцев Поволжья. Возвращение на родину им было запрещено, и почти все немцы, покинув Воркуту, вынужденно двинулись в места их нового проживания.

Шахты Воркуты, таким образом, лишились огромного количества квалифицированной рабочей силы. А вскоре после этого были реабилитированы и сосланные на Воркуту оппозиционеры и несколько тысяч их, работавших на шахтах и в управлениях, получили разрешение покинуть Воркуту. Получалось, что начавшееся массовое освобождение заключенных из спецлагерей и массовая же «утечка» вольнонаемной рабочей силы — ставили угольную промышленность буквально в кризисное положение.

Единственной пока еще массовой принудительной рабсилой на шахтах оставались военнопленные немцы. Но в июне 1955 года в Москву приехал канцлер ФРГ Аденауэр для переговоров с Хрущевым о нормализации отношений с Советским Союзом. Естественно, что одним из пунктов заключенного соглашения был пункт об освобождении из лагерей всех военнопленных. И в первых числах июля началось их массовое освобождение из спецлагерей Воркуты. Проходило оно в каком-то спешном и совершенно необычном для спецлагерей порядке. Распоряжение о них поступило в Главное Управление Воркутинскими лагерями в субботу, т.е. накануне выходного дня, когда в зоне никого из лагерного начальства, кроме дежурных офицеров, не бывает. А в это воскрес-

ные во всех спецлагерях все начальство было в сборе: начальники лагерей, их заместители, оперуполномоченные, и в каждом лагере представитель Главного Управления Воркутинскими лагерями. В выходные дни времен хрущевской «оттепели» из зоны уходили и заключенные, работавшие на более или менее ответственных должностях: бухгалтеры, счетоводы расчетных частей, — т.е. все те, кто должен был рассчитывать освобождаемых немцев. Но и это препятствие начальство смогло обойти. Были мобилизованы все надзиратели, а также сами заключенные: по адресам, имевшимся у дежурных офицеров, выдававших разрешение на выход за зону, они собрали всех нужных людей. Однако собранные заявили, что не могут произвести расчета без исходных нарядов на немцев — с шахт и со строительных объектов. Тогда последовал приказ: «рассчитывайте как хотите, но чтобы по прибытии в Москву не поступило ни одной жалобы от освобожденного, что его неправильно рассчитали на Воркуте». Так по «потолочным» данным и рассчитывали немцев.

Столь же необычной была и вся процедура их освобождения: немцев не подвергали тщательному личному обыску, не копались в их мешках, баулах, узлах: получил деньги — и «выкатывайся» за ворота. К семи часам вечера (в это время года на Воркуте еще светло, как днем) с расчетом немцев было покончено. И большой состав товарных вагонов начал объезжать лагерь за лагерем, забирая очередную партию освобожденных. Отсюда их подвозили к станции Воркута, где уже стояли пассажирские вагоны для прямого рейса Воркута-Москва...

**

Главное Управление Лагерями, конечно, не могло не предвидеть последствий массовых освобождений заключенных из спецлагерей Воркуты. Последний крупный резерв рабочей силы исчез с освобождением военнопленных немцев. И потому начальство предприняло попытку обеспечить шахты Воркуты заключенными уголовных лагерей. С конца июля 1955 года на Воркуту начали прибывать крупные этапы заключенных из лагерей Колымы. Один из таких этапов был доставлен и в спецлагерь при шахте №4. Прежде чем открыть двери вагонов, весь эшелон был окружен краснопогонниками с овчарками на поводках. Начали открывать двери. Из них со свистом и гоготом посыпались «колымчане», совершенно налегке, хотя они прибыли тоже с далекого севера. Единственным багажом их были балалайки, гитары, баяны и даже кошки. Наблюдавшие эту картину заключенные спецлагеря встретили эту публику дружным хохотом.

Когда выгрузка закончилась, конвоирам с большим трудом удалось построить «колымчан» в две шеренги. Перед ними с принесенного из лагеря стола выступил сам начальник лагеря, начавший свою приветственную речь с демагогического призыва к «гражданской сознательности», «трудовой доблести» и «стахановскому труду», а закончивший обещанием «ударникам труда» досрочных освобождений. В заключении начальник обращается к колымчанам: «Ну, ребята, будем работать?!» В ответ раздаются ехидные смешки, а затем голос одного из вожаков: «Вы, начальник, нам права не качайте. Мы с Колымы! Нам, начальник, всё одно, где работать, лишь бы не работать!..» На этом закончилась первая встреча с новыми работягами. Конвоиры с сабаками без всякого счета начали загонять их в лагерную зону, в подготовленные на самом ее краю, вдали от остальных, бараки.

Блатные слова своего вожака подтвердили немедленно: на работы они не выходили. Целыми днями слонялись они по лагерю или играли в домино и карты в бараках. При этом из кухни тащили пищу по нормам забойщиков, и в конце концов разграбили подчистую лагерный ларек, унеся из него все съестное, особенно черный чай для варки «чифирия».

В общем эксперимент КГБ с использованием труда уголовников на шахтах Воркуты взамен политических — закончился полным провалом. А начальники шахт решительно отказались принимать такую замену на подземные работы, мотивируя это высокой газоносностью пластов воркутинских углей, когда достаточно одному шахтеру нарушить запрет на курение — и вся шахта взлетит на воздух. Уголовников они соглашались брать лишь на поверхностные работы. В результате вся шпана была быстро вывезена в Печору на лесоповал, или в Ухту на нефтепромыслы, а вожаков-заводил по первому сентябрьскому снегу отдельными партиями начали вывозить в Нарьян-Мар. Отсюда, это на Воркуте знали все, им предстоял дальнейший путь на урановые рудники Новой Земли, т.е. на медленную, но верную смерть...

Однако проблема рабочей силы для воркутинских шахт становилась все острее — по мере освобождения заключенных из спецлагерей. И тогда КГБ обратилось к испытанным старым методам: по его указанию значительной части заключенных, освобождаемых из спецлагерей, был запрещен выезд из Воркуты.

Это были, прежде всего, каторжане, настоящие работяги, которые за долгие годы работы в шахтах стали квалифицированными шахтерами и к тому же были хорошо знакомы с особенностями воркутинских угольных месторождений. Их отъезд стал бы слишком большой «потерей» для ГУЛага, и именно поэтому

запрет на выезд из Воркуты распространился сначала на них. Таким же принудительным способом задержаны были и все освобожденные из спецлагерей власовцы. А это тоже не одна тысяча шахтеров. Наконец, очень многие из заключенных, освобожденные из спецлагерей Воркуты, настолько недоверчиво относились к хрущевской оттепели, что предпочитали временно остаться на месте, выписали даже жен на Воркуту и решили «подработать» на шахтах в качестве вольнонаемных.

Наряду с такими, по существу принудительными мерами обеспечения шахт Воркуты рабочей силой, были предприняты беспрецедентные меры и экономического порядка. На всех освобожденных из спецлагерей были распространены льготы, какими пользовались завербованные вольные шахтеры. Это так называемые «северные надбавки» к тем высоким ставкам, какие вообще были у советских шахтеров. Не менее важны были и льготы по части пенсионного обеспечения. Всем освобожденным засчитывались в рабочий стаж и годы их работы в заключении.

Все это стало, конечно, большой притягательной силой к «оседанию» на Воркуте освобождающихся из спецлагерей: у многих из них никого не осталось в родных краях, не было ни кола, ни двора, и податься было некуда. Создать новый дом оказалось возможным, лишь оставшись на Воркуте. Такая перспектива появилась после того, как власти разрешили всем пенсионерам, проработавшим на воркутинских шахтах многие годы, организовывать свои жилищно-строительные кооперативы вне Воркуты. Для этой цели были выделены такие крупные города, как Саратов, Куйбышев, Воронеж, Днепропетровск и др. Причем сами кооперативы создавались на Воркуте, а всю организационную работу в переговорах с горсоветами названных городов по строительству кооперативных домов для воркутян вел воркутинский коммунальный отдел. Эта дополнительная мера тоже имела своей целью закрепить за местными шахтами рабочую силу. Бюрократическая волокита с горсоветами по поводу выделения участков для строительства, получения лимитов на стройматериалы, наконец, само строительство — тянулись 3-5 лет. А пока что бывшие лагерники продолжали добывать воркутинский уголь.

Из всего этого видно, какие усилия предпринимались ГУЛагом, чтобы спасти «Заполярную кочегарку», все существование которой долгие годы зиждилось на принудительном труде заключенных. Спецлагеря были ликвидированы. Но значительная часть освобожденных так и оставалась «прикрепленной» к Воркуте тем или иным образом. Это «вольное» население города наслаивалось на пласты ссыльных всех десятилетий сталинской эпохи. В резуль-

тате после 1953 года на Воркуте сложился весьма своеобразный демографический тип города, подавляющая часть населения которого состояла из бывших лагерников, ссыльных и их семей, приехавших из центральных районов страны. Нетрудно представить, каков был психологический, да и политический настрой этих горожан.

По социальной градации население послелагерной Воркуты состояло, так сказать, из «простого люда», единственным утешением которого были игра в домино и карты да неумеренное винопитие во время, свободное от тяжелого труда. Денег у всех было невпроворот, но девать-то их было некуда. В долгие зимние месяцы, в круглосуточные полярные ночи, пургу, сорокаградусные морозы — не выйдешь из дому, да и пойти-то некуда. В кино крутят каждый вечер старые ленты о войне, колхозном счастье и т.п. Лета на Воркуте фактически нет, да и тогда особенно не разойдешься: не пойдешь же гулять в заболоченную тундру...

Особенно тяжела была воркутинская жизнь для интеллигенции. Не говоря уж о том, что многим интеллигентам приходилось по-прежнему вкалывать в шахтах, — еще больше удручал культурный вакуум: не было на Воркуте ни библиотек (кроме библиотеки Дома культуры с ее партийно-политическим чтивом и специальной литературой по горному делу), ни концертов, ни, конечно, театра. В таких условиях и приходилось влачить жалкое существование бывшим заключенным спецлагерей, ныне «свободным» гражданам, а фактически — вечным ссыльным Воркуты...

О.Волин

С БЕРИЕВЦАМИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЕ

Из шести с лишним лет заключения два с половиной года я находился во Владимирской тюрьме, а из них свыше двух лет общался с «бериевцами», как с теми, чьи фамилии благодаря Конквесту и Солженицыну прогремели на весь мир (Эйтингон, Мамулов), так и с известными лишь узким специалистам (Шария, Людвигов). В апреле 1961 года меня посадили в камеру 1-93, где находились Штейнберг и Брик. Эту камеру выводили на прогулку с камерой 1-76, где обитали Шария, Людвигов и Мамулов, а иногда и с 1-80, когда в ней находились Эйтингон и Судоплатов*. Поместили меня туда по оперативным соображениям: я словечком «бериевец», как и всякий в хрущевскую эру, только ругался, они же были безусловно враждебны всякой свободной мысли, — следовательно, антагонизм в камере обеспечен, что и требуется куму и вообще администрации тюрьмы. Дабы не смешивать в кучу источники информации и не создавать у читателя впечатления, будто бы, например, Мамулов мне рассказал, а я на всю жизнь безошибочно запомнил, какого числа он награжден орденом Красного Знамени (тогда как на самом деле это установлено по газетам не мною), я буду повествовать *о впечатлении* (возможно, неточном и ошибочном), которое я от них вынес, а рядом (мелким шрифтом) отполирую это впечатление той информацией (частично устной, частично документальной), которую я и мои друзья собрали уже после моего освобождения касательно сих лиц.

* Потом наши камеры как целое переводили в камеры с другими номерами, но я не стану так детализировать описание. Цифра 1 означает № корпуса.

Итак, Матвей (Матус) Азарьевич Штейнберг — высокий, крупный, но исхудавший мужчина с наголо обритой головой и старательно (дважды в сутки) бритым лицом. Лет 60. Общее впечатление — цинизм, выпирающий извивом губ, движением бесцветных глаз, даже каким-то поворотом ушей. И это впечатление цинизма подтверждалось вполне практикой общения с ним. Короткое время он был в недоумении: как со мной обращаться? Сделал было попытку — как с подчиненным, как со шпаненком, который за печенье и сахар выносил Штейнбергу парашу и вообще «шестерил». Не вышло — не моргнув глазом, сменился на изысканную вежливость. Значительную долю времени совместного пребывания мы с ним общались исключительно на французском языке: он говорил легко и гибко, а я напряженно и с ошибками, но не хотел упускать случая попрактиковаться. Еще он вполне владел испанским и итальянским.

За что он сидел, он никогда не рассказывал. Да, собственно говоря, такая постановка вопроса рассмешила бы его. Он прекрасно усвоил, что сажают не «за что», а «для чего» — для того, чтобы не мешал кому-то. Так вот, кому именно он помешал, он не распространялся. Вообще, подобно Эйтингону, он о политически значимом прошлом почти никогда ничего не рассказывал (у Эйтингона это получалось абсолютнее, а Штейнберг пылал посплетничать о пороках своих знакомых). Бывало, он проговаривался, но чаще всего информация из него вытягивалась так: я рассказывал, как, по-моему, обстояло дело в том или другом случае, и, если угадывал, то он величественно помавал главою и снисходил добавить пикантные подробности. Если же я был далек от истины, он молчал и лишь в глазах его светилось презрение к моему невежеству и ничтожеству. Порой он напрямую лгал: выдавал себя за генерал-полковника, по каковому поводу Брик шептал мне, что Штейнберг всего лишь полковник. Намекал, будто арестован с должности нач. Якутского КГБ. Но в иных случаях его рассказы подтверждаются проверкой.

Со 100% уверенностью можно сказать, что Штейнберг никогда не был и генерал-лейтенантом. С 99% — что он не начальствовал в Якутском КГБ, хотя исключить недельное пребывание в должности пома или зама — нельзя. По словам Мамулова, Штейнберг последнее время работал в Разведупре Министерства обороны, и арест его (в 1956, как и говорил Штейнберг) был как-то связан с Венгрией. Впрочем, ведь Особые отделы в марте 1954 были переданы из МГБ в МО. По тому же источнику, Штейнберг считал себя военным и презирал МГБистов: «Какие они генералы?»

Начинал он свою карьеру в двадцатые годы. Часто возвращался к приятному воспоминанию — наслаждению крупами коней сталкивать людей в реку. Речь шла о блокировании одной из демонстраций троцкистов в 1927, а река была Фонтанка или Мойка в районе Марсова поля*. Смаковал он также и последнюю фразу Блюмкина, которого расстреляли в 1929: «А о том, что меня сегодня расстреляли, будет завтра опубликовано в "Правде" или "Известиях"!» Повторял он ее так часто, что создавалось ощущение его личной причастности. В 30-е годы он уже работает в том гибриде Наркоминдела и Наркомвнудела, каким был IV отдел НКВД, ведавший внешнеполитическими операциями. Самое светлое время его жизни — работа (т.е. аресты) в Испании в 1937-38. С каким наслаждением повествовал он, как они вместе с Эйтингоном жгли рукописи некоторых советских и испанских коминтерновских деятелей, когда тем грозило попасть в руки франкистам (Эйтингон никогда не обнажал таких эмоций). Мы как раз тогда читали «Люди, годы, жизнь» Эренбурга — это и послужило поводом к беседе, во время которой Штейнберг сказал мне, что «Котов» у Эренбурга и есть Эйтингон. В 1953 году он был смещен с прежнего поста, его стали тасовать, вплоть до Якутии, как он говорил, а в 1956 — арестовали. Была у него куча влиятельных родственников и знакомых, он был вполне обеспеченным человеком, издавна привыкшим, как к воздуху, к своей обеспеченности и уже не заботившемся о ее поддержании. Избегал пользоваться советскими изделиями, пристрастившись к заграничным. Держался с внешним достоинством, переходящим в высокомерие или подличанье — в зависимости от встречаемого отпора.

По тюрьме ходили слухи, сконденсированные потом в книге Марченко «Мои показания», будто бы «бериевцы» жили в роскоши и фаворе у начальства. Это неверно. Например, Марченко пишет: «Одеяла у них были теплые домашние». Одеяла у всех в камерах 1-93 и 1-76 были все казенные тюремные. Но жильцы долго пребывали на одном месте и сумели выменять (у этапируемых из тюрьмы, у уводимых в карцер, у освобождающихся) первоначально полученное рваное одеяло на целое, и потолще, и покрасивее. Тем же, кто кантуется по карцерам, как Марченко, приходится расставаться со всем удобным — а потом выдают, что попало. При мне Штейнберг выменял у, кажется, Новожицкого второе (незаконное) одеяло, которое Новожицкий сумел «закосить». Не-

* Я поверил этому эпизоду, хорошо помня стенограмму XV съезда, где практически это признают Рыков и Десов (с.255 и 435), но выжившие демонстранты-троцкисты в один голос отрицают этот эпизод.

верно, будто бериевцам разрешали днем лежать на койках сколько угодно. Запрет был, как повсюду, но Штейнберг убедил санчасть, что он-де болен, и как старику и больному ему разрешали время от времени то спать час после обеда, то лежать дня три-четыре. Аналогичное разрешение врач давала — у меня на глазах — и не бериевцам, в той же камере, где я был до них. Однако, врачу интереснее и приятнее было навещать нашу камеру и беседовать со Штейнбергом, а не те камеры, где матерились и дрались. Отсюда и более частые разрешения Штейнбергу лежать. Миф, будто «они получали посылки от родных в неограниченном количестве». Действительно, покамест посылки вообще не лимитировались, к ним они поступали бесперебойно и лучшего качества. Но введенные в 1961 ограничения распространялись одинаково на всех (об исключении с Бриком см. ниже). Шария и Мамулов дочи-ста съедали тюремную баланду в 1962. Штейнберг держался в брезгливости дольше всех, пытался добиваться больничного питания, на месяц-другой сумел, но потом разделил общую участь. Постороннему же могло показаться, будто у нас посылок больше, ибо в камере всегда были продукты: это те же передачи, но растягиваемые на полгода — до очередной. А возможность так соразмерять потребление гарантировалась «правовым порядком»: ни в 1-93, ни в 1-76 никогда не было даже попытки украсть съестное — оно открыто стояло на висячих полках-шкафах. Неустойчивых в этом смысле сокамерников Штейнберг вышибал (через начальника корпуса) мгновенно. Кто ведал вышибанием в 1-76, не знаю. Я могу насчитать только три бесспорных преимущества, которыми на самом деле пользовались обитатели этих камер:

1) Право на вежливое, всегда корректное обращение. Это право надо понимать в широком смысле: например, в том, как производились обыски. Отношения базировались на доверии — не только на доверии, что у нас нет запрещенных вещей, сколько на доверии, что мы ими не злоупотребим (например, никто из нас не станет вскрывать себе вены). Поэтому их не очень-то искали. Приезжее из Москвы начальство укоризненно указывало капитану, начальнику 1 корпуса: «Шупляк, слишком много бритых!» (Ведь в тюрьме не бреют, а стригут машинкой). Тот ежился, присылал со шмоном сержантов. Но Штейнберг развивал изошренную дипломатию, подкупы надзирателей, и те закрывали глаза на наличие в камере лезвий (исключительно «Жиллет») и зеркал.

2) Право на книги, о котором я поведаю в связи с Шарией.

3) Бериевцы лучше всех нас знали реальную структуру тюремного управления, «кто на кого может выходить». Это они знали еще до того, как их посадили. Они знали, кого и о чем и как имеет

смысл просить, когда подавать жалобу целесообразнее всего, а когда надо промолчать. Они оказались в своем собственном мире, который они же и построили, а все прочие — попали в чужой, непонятный, порой вовсе не постижимый мир. И это преимущество знания в высшей степени облегчало их судьбу.

В зиму 1962-63 мои отношения со Штейнбергом обострились (по чисто камерным причинам); в записях осталась пометка от 13 марта 1963: «Шт-г провоцирует». 4 апреля 1963 он «ушел на больницу», 10 апреля нашей камере устроили грандиозный шмон — после этого я преимущественно ходил небритый.

В конце 1965 Штейнберг написал жалобу, по которой Военная Коллегия Верховного Суда отменила ему статью 58-1б и снизила срок заключения «до отбытого». В январе 1966 его освободили, и с того времени он живет в Москве.

Евгений Брик, подобно Штейнбергу, не был «бериевцем» в полном смысле, хотя тоже был гебистом. Общение со Штейнбергом помогло мне установить контакты с бериевскими функционерами; общение с Бриком — нет. Поэтому, строго говоря, к теме он отношения не имеет, но упомянуть стоит. Сам он называл себя сержантом, а Штейнберг шептал, что Брик — минимум капитан и родня Брикам, фигурировавшим в биографии Маяковского. В свои 20 лет (к 1940) он, учившийся в одной школе с «детьми Ярославского» (проговаривался кое-какими подробностями кутежей и бесчинств этого круга, чаще в беседах со Штейнбергом, а не со мной), стал штатным стукачом. Квартира его использовалась для конспиративных встреч сексотов и в качестве мест осуществления провокаций против намеченных жертв. Похоже, что первый раз у него шевельнулись некие эмоции изумления: «Да разве ж так можно?!», но они быстро выветрились, и деятельность его стала ему представляться естественной столбовой дорогой. Фронтowych воспоминаний у него не обнаружено. Зато он был послан в США, где работал долго и успешно. Английский знал в совершенстве, хотя читал мало и не желал бесплатно практиковать меня в английском. Он полюбил Штаты несравненно больше выплачивавшей ему зарплату Родины, пропитался их духом, и я от него первого вдохнул то дыхание американской свободы и американской амбиции, которые так чудесно переданы Бернштейном в «Вестсайдской истории». С поражающей меня откровенностью (позже обнаруженной мною в пришедшем из США сексуальном самиздате-тамиздате) рассказывал подробности оргазмов своей жены. Он мог бы запросто остаться в США, но был безумно влюблен в свою жену и возжелал привезти ее в Штаты тоже. Для сего в очередной

наезд в СССР стал готовить ей побег, что заметила его мать и в духе лучших традиций донесла. Его посадили (около 1956), жена почти тотчас развелась с мужем-изменником, а мать за гражданскую доблесть приобрела право на две дополнительных посылки-передачи сыну (когда они стали лимитироваться, т.е. со второй половины 1961 г.). Вот единственное превышение норм передач, которое имело место у «бериевцев», да и оно оформлялось как «поощрение» Брику за работу — он устроился уборщиком по коридору. Вообще, он очень тосковал в камере, рвался на любую работу с выводом из нее, мечтал о переводе в лагерь. Разумеется, он стучал, причем даже не слишком скрывал в принципе, но никогда не сознаваясь в конкретном поступке. Вспоминаю, что он заложил одного раздатчика пищи, который в 1963 связал меня с теми женщинами-верующими, с которыми меня этапировали из Вихоревки во Владимир зимой 1960. Порой он был готов и по собственному почину оказать услугу, неперемного желания напасть у него не было, но отсутствовали некоторые органы моральных чувств. В отличие от Штейнберга, он не имел прочного тыла на воле. Деньги, хотя и были, были свежеприобретенные, и он мучился вопросами дальнейшего их приобретения, покупки на них себе домика и т.п. Каждые полтора месяца бухгалтерия тюрьмы погашала в сберкассах выигравшие облигации Брика по 3% займу и приобретала на выигрыш новые облигации — переписка на сей предмет составляла весомую часть жизни Брика. В конце моего пребывания в тюрьме, оказавшись с ним вдвоем (после ухода Штейнберга нас с III этажа спустили в двойник на II этаже), мы возненавидели друг друга (скорее всего, повинен был я, с января возбужденно ждавший итога ходатайств Келдыша-Твардовского и напрягавший всю силу воли, чтобы запретить себе «пустую надежду»). Однако не только до драк, но даже до непарламентских выражений у нас никогда не доходило.

В 1964-65 Брика перевели-таки в лагерь.

Две другие койки в 1-93 заполнялись с калейдоскопической быстротой и к теме отношения не имеют, разве лишь, что из них Штейнберг подбирал себе шестерок.

На прогулке же мы ежедневно встречались с обитателями 1-76, являвшимися бериевцами в прямом смысле этого слова: начальник канцелярии Л.П. Берии Борис Александрович Людвигов*,

* Возможно, он был и не нач., а помнач. или замнач. Такие приставки терялись при общении, как «под» в подполковнике. Некоторые подсказывают, что его звали Борис Николаевич, но в 1969 мы с Гогиберидзе упоминали о Людвигове как о Борисе Александровиче.

начальник мест лишения свободы генерал-полковник Степан Соломонович Мамулов (Мамульян)*, секретарь ЦК КП Грузии по пропаганде и агитации Петр Афанасьевич Шария, а также забытый мной по фамилии еврей-полковник (впрочем, Штейнберг явил, что тот — подполковник и не имеет права носить генеральскую папаху, которую тот надевал даже в теплые дни), арестованный в 1951 за незаконное опробование химикатов на людях. Этот освободился к зиме 1961 и запомнился мне только своим окриком 12 апреля 1961, когда все ликовали запуску Гагарина в космос: «А Вы почему не улыбаетесь? Вам не нравятся достижения Советской Власти?!»

Противовесом этим четырем коммунистам в камере находился Симон Леванович Гогиберидзе. Как он начал в свои 20 лет борьбу за независимость Грузии в рядах социал-демократии, так до конца жизни остался верен этой борьбе. От этого высокого жизнерадостного старца с седыми висками веяло чистой и детской преданностью идеалам. Эмигрировав в 1924, он время от времени нелегально наезжал на родину, поддерживая, как он рассказывал, нелегальные ячейки с.-д. В 1940 и 1942 Н.Жордания дважды командировал Симона — проинструктировать подпольщиков в связи с Гитлером. В 1942 он учил: «Сейчас мы должны забыть все "измы"». Не время бороться с большевиками. Надо спасти физическое существование России» — хотя бы ценой поддержки Сталина. На обратном пути он попался, приговорен к 25 годам, одно время сидел с Шульгиным, вместе с тем освобожден летом 1956 (вспоминал, как сломался Шульгин к тому времени сравнительно со своей негибкостью 1949-51), после восстания в Венгрии его известила прокуратура, что освобожден он был по ошибке, и его вернули во Владимир досиживать. Предлагали было дать, как дал Шульгин и один грузинский с.-д., подписку неопределенно-отрекающегося толка, но Симон отверг. В 1967 освобожден, в 1969 получил советский паспорт и работу переводчика при Тбилисском университете (кажется, помогал ему К.Гамсахурдиа). Тогда я видел его в последний раз, а в сентябре 1970 мне пришла телеграмма о его смерти, но я уже сидел в Калужской тюрьме. От общения с ним делалось светлее, будь то в тюрьме, будь то на воле.

Мамулов — ровесник Гогиберидзе — подавлял в Абхазии как раз то самое восстание, в котором Симон последний раз пытался отстоять независимость своей родины. С тех пор Мамулов подви-

* На вопрос, зачем он русифицировал фамилию, Мамулов честно отвечал: «Товарищ Сталин не любил армянских фамилий, вот я и поменял».

зался в чекистско-партийном аппарате рядом с Берией, став после войны начальником ГУЛага.

Вот его послужной список: родился в Тифлисе в 1902, чл. КП с 1921, в РККА 1921-23, на партработе в Абхазии 1923-27, в аппарате ЦК КП Грузии 1927-31, на руководящей партработе в Казахстане и Днепропетровске 1931-34 (только эти четыре года он не при Берии), в Закавказской Контрольной комиссии 1934-36, с 1936 член ЦК КП Грузии, в 1937 зав. отделом руководящих органов ЦК КП Грузии (тот пост, который в ЦК ВКП(б) занимал тогда Маленков) и третий секретарь ЦК КП Грузии. С 1938 он в НКВД СССР, 26.04.40, когда ему вручается орден Красного Знамени, он имеет звание старшего майора госбезопасности, а 24.02.45 он комиссар госбезопасности третьего ранга и получает орден Отечественной войны I степени. С 09.07.45 — генерал-лейтенант, с 11.04.46 — зам. министра ВД СССР и начальник ГУЛага. 14.04.53 сразу же после реабилитации посаженных по мингрельскому делу и по делу врачей-убийц вводится в состав Бюро ЦК КП Грузии. Когда присвоено звание генерал-полковника, не знаю.

В июне 1953 был послан Берией с некой инспекцией парткадров для подготовки внеочередного XV съезда КП Грузии, на котором Берия собирался публично закрепить начатую реабилитацию (вроде того, как во всеоюзном масштабе сделал это Хрущев на XX съезде КПСС). Не успел он прибыть в Грузию, как его настигла телеграмма от имени Берии — подложная — с приказом срочно вернуться. Выходя из самолета на военном аэродроме, он попал в объятия своего фронтового друга, тоже генерала: «Сколько лет! Вот радость-то встретиться!» — но из объятий вырваться уже не смог, ибо к двум генеральским рукам присоединилось несколько пар неизвестных, в первую очередь лишивших его пистолета. Не только сцену ареста, но и все обвинение и осуждение Мамулов рассматривал как предательство и весь был пропитан холодной ненавистью и презрением к правящим. При визитах в камеру начальства из Москвы Мамулов демонстративно поворачивался к ним спиной — и эта негорбящаяся спина невысокого худавшего человека (в котором внимательный взор мог заметить прежнюю дородность), демонстративно всегда носившего серую лагерную куртку, чистую и заплатанную, — была довольно красноречива. Никогда ни с какими жалобами-заявлениями в Москву и к визитерам оттуда Мамулов не обращался. Он четко знал, что его жизненный путь поломался из-за интриг Маленкова, которого, как и его начальник Берия, он всегда не любил. Но и прочих, возторжествовавших после Маленкова, он ставил не выше, хотя остерегался отзываться о них с такой прямоотой. Читая у Авторханова

в «Загадке смерти Сталина» домыслы о якобы союзе Маленкова и Берии, я посмеивался и вспоминал отношение к Маленкову Мамулова и других бериевцев. Из рассказов Мамулова — он порой говорил и сам, но лишь под настроение — для меня бесспорно (впрочем, это подтверждается и многими другими источниками), что в последние годы (не месяцы!) Маленков находился в самых враждебных отношениях с Берией. Когда после смерти Сталина вдруг Маленков и Берия заходили по кремлевским коридорам в обнимку, заулыбались друг другу, то даже шестилетним младенцам в Кремле (как шутил Мамулов, вспоминая кремлевский анекдот, стилизованный под детский разговор) стало ясно, что вот-вот произойдет крупный переворот, что эта притворная любезность разрешится только могилой одного из них. Надо заметить, что Мамулов, подобно Штейнбергу, стал со мной толковать на эти темы только после того, как увидел, что я знаком с именами и некоторыми фактами из биографии лиц, вроде Барамия, Чарквиани, Меркулова, Деканозова, Масленникова, знаю о роли несостоявшегося XV съезда КП Грузии. В противном случае — скорее всего — он прошел бы мимо меня с гордым презрением, не удостоив. В отличие от Штейнберга, Мамулов не тужился сохранить замашки высшего света ни в одежде, ни в еде, ни в обращении. Глядя на него, никак нельзя было подумать, что до своего ареста он ежедневно прогуливал на поводке личного крокодила — эту пикантную подробность сообщил или придумал неутомимый сплетник Штейнберг. Мамулов же проговорился куда более важным известием: за несколько лет до моих с ним бесед, когда еще держали в одиночке по мотивам секретности, его раз ошибочно вывели на прогулочный дворик, уже занятый другим секретным заключенным. К своему остолбенению, Мамулов узнал в нем высокопоставленного генерала, «которого знала вся страна», который числился по газетным сведениям расстрелянным по делу Берии. Тот немедленно отвернулся, спрятав свое лицо, надзиратель заорал на Мамулова: «Выходите!» — и вывел его на другой, причитающийся ему дворик. Ошибиться Мамулов не мог: он куда как хорошо знал этого человека! Фамилию его он отказывался мне назвать, как я ни просил и как ни изошрялся в перечислении известных мне фамилий от самого Берии до Рюмина и Рухадзе. Он непритворно жалел, что проговорился: ему казалось, что разглашение такой государственной тайны может отягчить его собственную судьбу. Приговорен Мамулов был именно к тюремному заключению, на 15 лет. Ему, как и всем прочим, отнюдь не вменялись какие-нибудь нарушения законности, измывательства над заключенными и т.п., а лишь «способствование продвижению по

службе врагу народа Берии Л.П.» Иным странно, как такая формулировка могла потянуть на 58-1б, т.е. военную измену родине, но тогда ведь еще давали квалификацию по мерилу вышинско-сталинской юриспруденции. Ведь не расстреляли же!

В день моего освобождения 27.07.63 началась общая перетасовка камер, и Мамулов был переведен в камеру к «двадцатипятилетнику» М.*, до того сидевшему в одиночке. С середины 50-х гг. М. работал при библиотеке, точнее, составлял каталог тюремной библиотеки, для чего в его камеру порциями носили книги, а за это он получал мизерную сумму на ларек. Мамулов питался плохо и польстился на деньги, а заметив среди книг «запрещенные» — проявил «идейно-политическую бдительность». Ведь библиотека во Владимире была чудесная прежде всего тем, что по ведомственным причинам ее практически не касались изъятия «устаревшей литературы» во все 30-40-е годы. Я там наслаждался, словно попал в спецхран, и известны случаи, когда умудренные лагерники специально устраивались «попасть во Владимир», дабы «заниматься». Хотя в этой камере Мамулов пробыл меньше полугода (до ноября), его доносы сработали: у М. отняли кусок хлеба (у него не было никаких родственников-знакомых на воле), а в январе замполит Александр Мартынович Хачикян (при мне ст. лейтенант, позже майор) назначил библиотекарем Мамулова. Каталог составлен не был, но все сомнительные книги изъяты. Последние ли это подлые дела Мамулова на земле?

В 1969 Шария и Гогиберидзе мне рассказывали, что Мамулов живет с 1968 в Сухуми, но когда я в 1974 пытался его разыскать, я не нашел даже дома с указанным адресом.

Интеллектуальнейшим из них был Шария (Шариа). Издавна он был секретарем Берии то по науке, то по иностранным делам, а Берия бесподобно умел подбирать людей. О самом Берии Шацкий как-то сострил: «Со времен Гутенберга Берия не прочитал ни одной книги», — и, пересказывая мне этот анекдот, все бериевцы соглашались с расстрелянным Шацкиным; Людвигов дополнял, что, требуя от него достать какую-нибудь книгу, Берия не умел назвать ни автора, ни заглавия книги, ни о чем она, а описывал ее цвет, формат, толщину, у кого в руках видел. К слову, четко следуя газетным установкам момента, они Берию иначе как «людоедом» не честили, кто чаще, кто реже, кто сквозь зубы, кто пламенно. Но у Берии был нюх на способности людей (отмечали они, отдав дань хуле), и главным его принципом был подбор

* Борис Георгиевич Меньшагин, чьи *ВОСПОМИНАНИЯ* вышли в Париже в 1988 г. — Прим. ред.

по деловым качествам. Гарантию же преданности себе он усматривал в том, что объединял на близких должностях лиц, взаимно ненавидящих друг дружку. Этим в зародыше пресекался какой бы то ни было заговор против него: прежде взаимно донесут. И хотя ко времени знакомства со мной все жизненные грозы уже отшумели для этих бериевцев, уже с десятков лет они находились в тюрьме, — они продолжали ненавидеть один другого, что было заметно.

Но вернемся к Петру Афанасьевичу Шарии.

Вот его послужной список. Родился в 1902, член РКП(б) с 1920. Поступил в Сухумскую учительскую семинарию (1919), но через год оставил ее и стал сельским учителем. В 1922 командирован на учебу в Тбилисский университет, в 1924 — в Московскую академию коммунистического воспитания им. Крупской, а в 1926 — в аспирантуру Института философии Комкадемии (окончил в 1929). В 20-х годах уже преподавал марксизм в московских вузах. С начала 1930 — в Грузии, стал там доцентом, потом профессором университета, где руководил кафедрой истории философии. С марта 1934 заведовал агитпропом Тбилисского комитета КП(б) Грузии. С 1935 — зав. агитпроп. отделом, а с 1938 одновременно и отделом науки ЦК КП Грузии. Делегат XVIII съезда с решающим голосом. После войны до 1949 или 1950 — секретарь ЦК КП Грузии по агитации и пропаганде. Член парламентской делегации в Англию весной 1947 рядом с другим членом — М.А. Сусловым при председателе В.В. Кузнецове. Был редактором I (но уже не II) тома собрания сочинений Сталина, и, кажется, ему мы обязаны похвалой Сталина в адрес Ламарка (т. I, стр. 301), к чему некоторые биологи возводят триумфальное возвышение Лысенко.

В 1939 он был командирован ЦК в Комиссию «по ликвидации нарушений социалистической законности, допущенных Ежовым Н.И.» (терминология была почти как в хрущевские времена, только огласка значительно меньшая). Рассказывая мне про свою деятельность в этом «Малом Реабилитансе» 1939-40, Шария не напирал на нее. Он скорее просто упоминал про этот факт, но не рисовался: я-де, хороший, только и делал, что реабилитировал невинно пострадавших. Нет, для него это был просто не очень важный эпизод — и уже почти вовсе не интересный. Интересно для Шарии было *познание мира*. Владея полдюжиной европейских языков, он внимательно читал все, имеющее отношение к философии и могущее к ней иметь отношение. Он знал Карнапа и Леруа в подлиннике. Он читал Дирака и Фантаппье, а ведь это не только английский, французский и итальянский языки — это сложнейшие формулы теории групп, римановой геометрии и матричного анализа. Читал он не как профессионал-математик, а как фи-

лософ, причем насквозь пропитанный марксистским подходом. Когда я позволил себе насмешливый отзыв о «ленинском определении материи», сказав, что пресловутая фраза столь же годится в «определение», сколько такое «определение» паровоза: «Паровоз — это продукт технологически развитого общества, данный нам в ощущении», — он не на шутку огорчился, месяца на три или четыре перестал со мной разговаривать и даже здороваться, написал один-два доноса оперу и мучился, лишая себя общения со мной — наиболее интересным ему собеседником — и книг, получаемых мною. Время затянуло раны, контакты возобновились, но он просил не затрагивать больше вопросов, в которых как коммунист он будет вынужден резко реагировать.

В НКВД Шария проработал недолго. Вскоре он стал секретарем ЦК КП Грузии. Естественно, имел замок и даже не один, а минимум два, как сплетничал Штейнберг. Замки были конфискованы, но до самой смерти у Шарии помимо квартиры неподалеку от Тбилисского университета была недурная дача под Тбилиси. Был он и академиком Грузинской АН, гордился редактированием собрания сочинений Сталина. Но Маленкову (Сталину) для устранения Берии предварительно нужно было убрать людей Берии: во-первых, для компрометации Берии, а во-вторых, потому что они суть опора того — за Берией стоял целый народ, любивший его, и в 1952 в горах Кавказа я присутствовал при выпивках, где первый тост провозглашали за Берию, а лишь второй — за Сталина.

Снятие Шарии с секретарства зацеплено за историю с его поэмой. У Шарии умер сын, и он тяжело переживал эту смерть. Написал по-грузински поэму трагического содержания, где речь шла о силах Неба и Ада, спорящих между собой о его сыне, или что-то в этом духе. Написал, распорядился отпечатать в типографии ЦК в пятидесяти экземплярах на шикарнейшей бумаге с иллюстрациями знакомого художника и на поминках вручил собравшимся друзьям. Вскоре его поперли из руководства, «ибо таких вещей терпеть нельзя», — как с неостывшим негодованием выразился мне Мамулов. Я, «догадливый», понимающе кивнул: «Ну да, за использование служебного положения...» — «Нет, при чем здесь это! Но Вы посудите сами: может ли руководить пропагандой человек, который пишет стихи, где фигурируют призраки и тому подобная чертовщина?!»

Шария был арестован в 1952 (вместе с Барамия и др. «мингрельцами») по личному телефонному звонку Сталина, мимо Берии. Утверждал, будто на допросах единственный из всех ничего не признал. Про пытки умалчивал. В марте 1953 по личному при-

казу Берии освобожден, принимает активное участие в созыве XV съезда Грузии, и 26 июня 1953 вновь арестован. Видимо, с учетом предыдущего заключения ему определили только 10 лет, и он освободился за месяц до меня по концу срока. Ему вернули профессорское звание (но не звание академика, кажется), и он читал в Тбилиси популярные лекции, вроде: «Есть ли судьба с точки зрения марксизма?» В камере одевался в казенную одежду, ел казенную баланду и хамсу, но, однако, его шокировало, когда я на прогулочном дворике сморкался пальцами, а не в платок. Единственный, кого я встречал в лагерях-тюрьмах, кто за несколько минут вывода на оправку мыл не только лицо-руки, но и промежность. Брик шипел: «Одним и тем же полотенцем и лицо вытирает и ...» — но у Шарии не было второго полотенца. Низенький, плотный, почти круглый, несмотря на нехватку питания, с коротко остриженным ежиком. Голоса не возвышал, потому мне не верится в слухи, будто бы «Шария и Мамулов дрались из-за кильки». Ради того, что ему было очень нужно, не гнушался позаискивать и передо мной.

Дело в том, что, «по указанию из Академии Наук», как выговаривалось тюремной администрацией, а реально — по отношению директора Ленинградского отделения Математического института АН СССР Г.И. Петрашениа и академика В.И. Смирнова в адрес и.о. нач. Владимирской тюрьмы №2 В. Николаева, с осени 1961 мне разрешили держать в камере неограниченное количество личных книг («по математике, физике и языкам», получать (в еще не прореженной) библиотеке тюрьмы неограниченное количество книг и — главное — пользоваться межбиблиотечным абонементом из Москвы и Ленинграда. Собственно, последнее право хлопотал себе Шария еще до моего появления во Владимире, но с ужесточением 1961 года у него это право отобрали вскоре после того, как я о нем узнал и добился себе. Поэтому Шария давал мне списки желательных ему книг, которые я выписывал на свое имя, а потом на прогулке или через надзирателя передавал ему. Потому я и знаю, *что* он читал в тюрьме и насколько глубоко воспринимал. Но из этого эпизода видно, что льготы бериевцам по части книг были весьма непрочными, вопреки легендам. Напротив, и мои сокамерники, Брик и Штейнберг, прикрывались мною, когда приезжала комиссия и возмущенно обрушивалась на Щупляка: «Почему камера захламлена книгами?! Убрать! Две книги на одного в десять дней!» — «Это ему Академия Наук разрешила...»

Начальник бериевской канцелярии Людвигов задыхался от принудительного общения с врагами народа. Он твердо знал, что он единственный в камере и даже во всей тюрьме осужден ошибоч-

но. Что он — преданный коммунист, которому не повезло: попал на работу к заклятому врагу народа людоеду Берии Л.П. (но ведь он же не выбирал себе место работы, а подчинялся распоряжениям партии!). Все его сокамерники, а также пятеро сосланных в Среднюю Азию секретарей Берии, равно как и прочие расстрелянные и осужденные бериевцы *действительно* были бериевцами, извергами и шпионами, а он случайно затесался среди них, но готов продолжать служить партии и органам по первому их зову и даже без зова. Дважды в неделю он слал своему сыну стихи — переложение очередной передовицы «Правды». Это я говорю буквально, без гипербола. Последний раз он мне зачитывал такую поэму 2 июля 1963. Зачитывал *мне*, несмотря на то, что строчил на меня доносы в среднем по два после каждой прогулки. Информативно разговаривать с ним было почти совершенно невозможно. И только затравленные глаза, из которых сквозь всю капезэсовскую преданность выпрыгивал наружу надрывный вопрос: «Неужели же меня не освободят завтра?! Я не могу!!!» — позволяли еще причислить этого коротышку к роду человеческому.

Любопытен эпизод, вмененный ему приговором. Когда в 1947 Политбюро приняло решение о денежной реформе, было установлено, что наличные деньги подлежат обмену в масштабе 10:1, а вклады в сберкассах — в масштабе 3:1 (отвлекаясь от некоторых деталей). У Берии в сейфе канцелярии лежало 80 000 личных денег. Он распорядился Людвигову снести их в сберкассу, рассчитывая потерять поменьше (на целых 19 тысяч новыми). Людвигов выполнил поручение, догадался, в чем дело, и заспешил положить в сберкассу и свои собственные деньжата. Этот эпизод, квалифицированный не как «злоупотребление служебным положением», а как «экономическое вредительство по заданию иностранного агента Берии», фигурировал, по словам Людвигова, у него в приговоре. Уточню, что ни у одного из них я не видел на руках текста приговора.

До зимы 1962-63 Судоплатов и Эйтингон помещались «на больнице», но с ужесточением режима их признали здоровыми и поместили в двойнике на нашем этаже; на прогулках мы встречались.

Павел Анатольевич Судоплатов, 26.04.40 получивший орден Красного Знамени в чине майора госбезопасности, кажется, уже в это время был начальником IV отдела НКВД, ведавшего иностранными акциями; в частности, к этому времени отдел уже осуществил (нерезультативное) покушение Сикейроса на Троцкого с женой. 24.02.45 Судоплатов награжден орденом Отечественной

войны I степени в чине комиссара ГБ III ранга, а 09.07.45 возведен в генерал-лейтенанты. Окончил Военно-юридическую академию. Арестовали его не в июне, а только в августе 1953; подобно арестованному в сентябре Меркулову, он должен был попасть в число подсудимых по основному бериевскому делу (расстрельному, декабрь 1953). Но он вовремя сориентировался и симулировал психическое заболевание: не узнавал никого, в том числе жену; ел землю и т.п. Его отправили в ленинградскую психбольницу. Тут он спокойно прожил 5 лет, но в 1958 очередная комиссия постановила перевести его в Казанскую больницу. Тотчас он симулировать перестал — знал, должно быть, что это такое. Дело было возобновлено, и Военная Коллегия Верховного Суда СССР дала ему 15 лет тюрьмы с зачетом пребывания в больнице. Так он попал во Владимир, тоже сразу в больницу (общетюремную). Имел отношение к разгрому ОУН и, случайно встречаясь с сидевшими во Владимире оновками Зарицкой и Дидык, всегда вежливо раскланивался с ними. Напомним, что глава ОУН надрайонный провидник Роман Щепаньский (Буй-Тур) арестован только 22.06.53 и по суду почему-то не расстрелян; пребывание Судоплатова в Галиции в конце июня могло вызвать отсрочку его ареста.

Наум Исаакович Эйтингон был заместителем Судоплатова, в июле 1945 имел чин генерал-майора. Его руководящая роль в убийстве Троцкого руками Меркадера общеизвестна. До конца жизни оставался членом Испанской секции Советского комитета ветеранов войны.

Держались они важными барами, чему способствовала их нетошавшая комплекция и довольно высокий рост. Не только со мной они не снисходили до разговора, но даже Штейнбергу и Мамулову едва заметно кланялись. Обычно Эйтингон (там я воспринял его фамилию как Этингон, а Штейнберг даже говорил мне, что-де и эти их фамилии не настоящие, что они сменили фамилии в 20-х годах, начав служить в органах, «как и все они») ходил, слегка приволакивая за собой ногу, поближе к стене, углубившись в чтение «Юманите». Некоторый интерес к моей личности они проявили лишь после того, как тюрьма узнала, что ко мне приезжала комиссия из ЦК, расположенная меня освободить (для получения моей объективной характеристики их всех вызывала эта комиссия). К слову, после этой комиссии Людвигов ходил передо мною на задних лапках. Уж не помню точно, от кого из них я узнал, что В.Н. Меркулов, бывший с февраля 1953 министром госконтроля, арестованный 17 августа 1953 и расстрелянный с Берией, являлся в самом деле «мозгом Берии». Именно он задумывал и планировал для Берии акции, ему Берия доверял вполне. Намекали они, крайне завуалированно, будто Меркулов ненавидел лично советскую власть еще до вступления в органы ВЧК. О себе подчерки-

вали, что арестованы *не* одновременно с Берией, но так, что у меня сложилось мнение, будто бы Судоплатов и Эйтингон лишь отстранены в 1953, а арестованы со Штейнбергом в 1956. На самом деле Эйтингон судился одновременно с Мамуловым, в декабре, приговорен к 10 годам тюрьмы.

С этим связана непонятная информация. Говоря о Меркадере, Брик усмехнулся, что до 1953 тот ежегодно подавал прошения о помиловании (он в 1940 приговорен на 20 лет в Мексике), а после смерти Сталина столь же ежегодно подает прошения, чтобы его не освобождали, а всю жизнь держали в тюрьме — иначе-де убьют. Эйтингон подтвердил мне эту информацию, но откуда он мог знать?

Кто-то из них сказал, что сочинение Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» написал на самом деле директор ИМЭЛ Грузии Бедиа, расстрелянный в 1936 — сразу по написании книги*, а главу о русских организациях той же книги писал Людвиг. Людвиг подтвердил.

Уже после моего освобождения Судоплатов, Мамулов и Людвиг сидели в одной камере, а Штейнберг, не желая встречаться с ними, отказывался даже выходить на прогулку. Но узнав о снятии Хрущева, он специально пошел на прогулку посмотреть, как будет вести себя эта троица. Они бросились поздравлять: «Наконец-то этого ренегата сбросили!», «Наверное, он уже на Лубянке!», «Наверное, мы сегодня же отправимся по месту работы!». Через несколько дней Штейнберг спросил: «Вы еще здесь?» — «Дел много, до нас не дошло, — ответил Судоплатов. — Надо о себе напомнить». И, прервав прогулку, они отправились писать жалобы. Через пару недель пришел стандартный ответ: «Оснований для пересмотра дела нет». Сам же Штейнберг при снятии Хрущева выражал опасения: «Не будет ли хуже? Тот-то был связан своими разоблачениями Сталина».

Эйтингон освобождился по концу срока, работал в московских издательствах и кое-что рассказывал П.И. Якиру. Умер около 1975.

Судоплатов освобождился последним, 21.08.68, в день ввода войск в Чехословакию. При освобождении поздравлял всех, говоря: «Наконец-то наши взяли за ум, свергли контрреволюционеров!»

* По официальным данным, Ермолай Алексеевич Бедиа расстрелян в 1937 г. — Прим. ред.

***ИЗ ИСТОРИИ
ОБРАЗОВАНИЯ***

М.Н. Стоюнина
ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация Б.Н. Лосского

«Вам, дорогие мои внуки, посвящаю свои воспоминания» — о существовании воспоминаний бабушки, посвященных нам — покойному Владимиру, Борису и Андрею Лосским — я узнал только лет десять назад, знакомясь с пересланной младшим братом из Лос-Анджелеса в парижский Славянский ин-т частью архива нашего отца, философа Н.О. Лосского. Подготавливая в августе 1987 г. их выход в свет на страницах этого альманаха, я ближе освоился со всем относящимся к ним материалом, входящим в состав папки №69. В ней находятся, в первую голову, четыре тетради школьного формата с черновиками мемуаров, набросанными бабушкиным энергичным, торопливым, но довольно четким почерком. Наряду с тетрадями, папка содержит и машинописный текст Воспоминаний (43 листа), напечатанный, по всей видимости, моим отцом во время его пребывания в Лос-Анджелесе в продолжение 1950-х гг., видимо на случай, если бы представилась когда-нибудь возможность их опубликовать.

Сличение обоих текстов показало, что работа моего отца не была механической перепечаткой черновика, который при близком рассмотрении представлялся как сборище разнородных записей, восходящих по-видимому к разным периодам. Делом отца была в значительной мере перегруппировка этих элементов и некоторые купюры в целях более ясной хронологической последовательности бабушкиного повествования.

Кроме указанного, в папке имеется конверт с пачкой писем, полученных М.Н. Стоюниной в течение весны 1936 года от одной из проживавших в Ленинграде сестер отца, моей крестной матери Аделанды Онуфриевны Титовой (служившей тогда в библиотеке Академии Наук), взявшей на себя в 1922 г. хранение наших книг и архива. Очевидно, бабушка, начав писать свои мемуары, дошла к 1926 году до повествования о делах последней трети прошлого века и вступила, для освежения и уточнения памяти, в переписку с А.О. Титовой, которая скопировала для нее письма

деда Стоюнина и фрагменты забытого самой бабушкой первого опыта ее мемуаров, должно быть, предпринятого ею в пору 25-летнего юбилея гимназии в 1906 году. Так же старалась Аделаида Онуфриевна записать рассказы одной доживавшей свой век бабушкиной сподвижницы. Весь этот материал послужил для написания публикуемого ныне, проредактированного отцом текста воспоминаний М.Н. Стоюниной.

Комментарии к ним иногда перемежаются с примечаниями самой бабушки и отца. Прибавляю и то, что М.Н. Стоюнина передала нам устно о своем прошлом и что входит, по моей памяти, в нашу дальнейшую семейную хронику до кончины бабушки в 1940 году. Возвращаясь к материалам, пересланным А.О. Титовой, отмечу, что они помогли моему отцу посвятить бабушке и ее гимназии несколько страниц в его собственных «Воспоминаниях», вышедших под моей редакцией в Мюнхене (Wilhelm Fink Verlag) в 1968 году. Назову тоже среди статей, имеющих отношение к бабушке, в русской зарубежной периодике очень ценную публикацию в «Новом Русском Слове» (Нью-Йорк) от 1 мая 1955 г. под заглавием «Мои воспоминания о Достоевском» и за подписью М.Стоюниной. Действительным публикатором их был покойный Р.В. Плетнев, профессор русской словесности Монреальского университета, проводивший с бабушкой, в 1931-32 гг. в Праге две подробные беседы на эту тему. Однако, сам публикатор признает в предисловии, что «не воспроизводит с буквальной точностью все слова и фразы воспоминаний», и действительно, стоит отметить, что общий тон работы отражает скорее стиль самого Плетнева, нежели его собеседницы.

*Вам, дорогие мои внуки,
посвящаю свои воспоминания.*

Я родилась в 1846 году 24 ноября в Каменец-Подольске. Отец мой был родом из Ярославской губернии, где у его родителей было родовое имение, Бяково, в тридцати верстах от Ярославля¹. Мать моя была москвичка. Николай Васильевич Тихменев, мой отец, провел детство и юность в Ярославской губернии и высшее образование получил в Демидовском лицее в Ярославле. Окончив лицей, он на коленях умолял своего отца позволить ему заняться искусством и стать архитектором. Но дворянам того времени это казалось несовместимым с дворянскою честью. Как же можно было, чтобы дворянский сын не служил в военной службе, и дед мой был неумолим, запретив сыну и думать о других путях. Подчиняясь воле отца, сын должен был определиться в военную службу, что исковеркало всю его жизнь².

Мать моя, Клавдия Егоровна, урожденная Фитцнер³, не знаю почему, воспитывалась вместе со своею сестрою Клеопатрой в

семье декабриста Ватковского. Годы учения они провели во французском пансионе (если не ошибаюсь, Дараган) и потом опять вернулись в семью Ватковских. Будучи очень молодыми, мои родители, поженившись, очутились на границе России с Польшею, где мой отец служил в Пограничной страже. Там они совершенно неожиданно для себя нашли друзей и покровителей в двух польских семьях (Белявских и Дворянских ?), о которых мои родители всю жизнь вспоминали с большою любовью и благодарностью. Когда я родилась, они позаботились о медицинской помощи и изготовили даже все детское приданое для ребенка.

Когда мне минуло три года, меня привезли в Москву, где мои родители прожили около восьми лет; потом они переехали в Петербург. Темное это было время для женского образования: бедные семьи, в которых были дочери, не знали, что с ними делать, чтобы дать им хорошее образование. В то время существовали в России только институты, да частные пансионы, по большей части французские. Отдавать в закрытые учебные заведения, расставаясь с дочерьми, не все решались, пансионы их не удовлетворяли; воспитывать дома не могли, не имея больших средств для этого. В таком именно положении находились мои родители, не зная, что им делать с единственной дочерью, которой минуло уже одиннадцать лет.

В один прекрасный день мой отец открыл газету и прочитал в ней: «открывается женская общеобразовательная всеобщая Мариинская школа». Велика была радость моих отца и матери, когда они увидели, что осуществляется их заветная мечта о женских гимназиях. Записывать детей в число учениц предполагалось у Николая Алексеевича Вышнеградского. Недолго думая, мой отец тотчас полетел к нему, и я была записана в число первого десятка учениц, где уже значились дочь Вышнеградского Мария и несколько его знакомых. Это было в апреле 1858 года. Меня повели на экзамен. Готовила к нему моя мать, обучая чтению, письму, арифметике, французскому языку и Закону Божию, причем Закон Божий преподавался по французской книжке Ламефлери, очень занятно излагавшей Ветхий Завет. Хуже всего у нас шла арифметика: мне казалось, что в делении главную роль играют «хвостики» при переносе цифр, и я особенно старалась хорошенько их выделять. Экзамен я все-таки выдержала во второй класс.

Н.А. Вышнеградский, которому было поручено императрицей Марией Александровной сформировать шесть первых женских гимназий (гимназиями Мариинские училища была названы впоследствии), был замечательный человек по уму и по энергии и дело

это ему удалось на славу: записавшихся учениц было так много, что в тот же год ему пришлось открыть еще две гимназии — одну на Васильевском острове, другую в Коломенской части, и, наконец, одну в Твери и еще где-то, чуть ли не пять гимназий в течение нескольких месяцев — и дело это было ему по плечу. К несчастью, через несколько лет этот блестящий организатор лишен был своего места директора женских гимназий и причислен к 4-му Отделению, как потом называлось Ведомство Императрицы Марии, простым чиновником. Помню рассказ моего отца, как он тогда встретил на улице Николая Алексеевича — жалкого и грустного, с портфелем под мышкой, и как он с отчаянием в голосе воскликнул, указывая на себя: «стрекулист, батюшка, стрекулист». Но в то время, о котором я пишу, он был еще в полном расцвете своих дарований. Быстро и чудесно организовал он I-ое Мариинское училище, которое тогда же все называли женской гимназией, а не училищем. Набрал блестящий учительский персонал, нанял квартиру на углу Невского проспекта и Троицкого переулка, нанял прислугу — нянюшку для раздевалки и сторожа. Как сейчас помню, наш сторож Михайло громко вызывал учениц, когда после окончания уроков за ними присылали или приходили родители. Меня он выкрикивал «Чухменева» вместо Тихменева.

Я уже сказала, что Вышнеградскому удалось пригласить для I-ой Мариинской гимназии лучших преподавателей в Петербурге и в числе их был Владимир Яковлевич Стоюнин, пользовавшийся большою известностью и всеобщим уважением⁴. Он был в то время преподавателем в 3-ей гимназии, в Мариинском институте и в частных домах у Великих князей; учениками его были дети многих аристократических семейств, например, графов Паниных, Шуваловых, Мальцевых.

Начальницей гимназии, если не ошибаюсь, назначенной по выбору самой Императрицы, была немка, старушка г-жа Овандер. О ней у меня сохранилась самая добрая память, но, по-видимому, она не совсем подходила к тому, чтобы стоять во главе первого женского учебного заведения с его новыми задачами, и педагогическое дело вряд ли было близким ее сердцу. Впоследствии я слышала, что она совсем не разделяла широких задач, которые поставил себе Николай Алексеевич Вышнеградский, и они сразу разошлись друг с другом, причем на ее стороне было то преимущество, что она была ближе к императрице Марии Александровне, принимавшей живое участие в делах гимназии, бывшей как бы ее детищем. Ее влиянию приписывали то, что Николай Алексеевич не утвердился надолго на своем месте директора женских гимназий, что, конечно, было очень печально.

После экзамена и приема учениц был назначен день торжественного открытия I-го Мариинского Женского Училища. Собрались все ученицы, их было сразу несколько сот, все преподаватели и весь персонал гимназии. Ученицы были расставлены в красивом порядке в большой зале в ожидании приезда Императрицы. Когда торжество окончилось, нас распустили до осени и только тогда начались наши учебные занятия. Открыты были 1, 2, 5 и 6-й классы. Тут кстати будет сказать несколько слов о Владимире Яковлевиче, о его наружности, такой характерной и замечательной: высокий, худощавый, стройный, всегда очень прямо державшийся и высоко державший голову, с довольно длинными и густыми волосами, зачесанными назад, не гибкий, очень красивые руки. Каков был наружностью Владимир Яковлевич, таков был и строй его души. У него все было в соответствии — и походка, и манера держаться², говорить несколько отрывисто, весь вид очень серьезный, скорее даже суровый. Но несмотря на это, все дети любили его, потому что сердце у него было нежное и дети это хорошо чувствовали. Зато никогда на его уроках они не шалили. Как бы ни шумели они до урока, стоило войти Владимиру Яковлевичу в класс, как все утихали и начиналась серьезная и интересная работа, в которой все учащиеся принимали живейшее участие. Помню, как впоследствии рассказывали о первом появлении Владимира Яковлевича в 3-й мужской гимназии в качестве учителя (там он и сам учился, там и преподавал в течение 18 лет). В ожидании прихода нового учителя мальчики накрошили мелко множество бумажек и устроили из них дорожку, по которой должен был пройти испытуемый учитель. И каков же был их конфуз, когда он не обратил на них внимания, пришел к кафедре и спокойно сказал: «я, кажется, попал к дикарям» — и начал спокойно урок. Все присмireли, и урок начался в полном порядке.

В.Я. Стоюнин преподавал сначала только в старших классах, а с осени 1860 года и у нас в IV классе. Помню, как мы любили его уроки и как гордились тем, что он преподает у нас, как много говорили о нем в рекреациях, как бегали смотреть его портрет, выставленный в какой-то фотографии. Но недолго нам было суждено учиться у него, в следующем году его уже не было у нас, и не только в нашем классе, а и в гимназии. О причине этого мы узнали только впоследствии.

В 1860 году в нашей гимназии был первый выпуск тех учениц, которые поступили прямо в 6-й класс. Был назначен торжественный акт, Владимиру Яковлевичу было поручено произнести актовую речь, что он и сделал, блестяще изложив историю женского образования в России, начиная с открытия институтов при Екате-

рине II, и о той роли, которую при этом сыграл Бецкий, помянутый добром Владимиром Яковлевичем. На акте присутствовал принц Петр Григорьевич Ольденбургский, как оказалось потом — большой поклонник институтского образования и самого основателя институтов⁶.

Речь Владимира Яковлевича возмутила его, он увидел в ней осуждение Бецкого и пришел в страшное негодование, пригласив В.Я. к себе в назначенный день и час во дворец для объяснения. В.Я. явился к нему, и тут бедный принц, в сущности очень добрый человек, по общему мнению, дал волю своему гневу, разбил все новое направление в женском образовании, тех новых преподавателей, которые были приглашены в институты, как например М.И. Синевского, Косинского и др., едва ли не приглашенных в Смольный Институт самим Ушинским, и объявил, что всех их нужно было бы повесить и притом почему-то головой вниз. Потом он подвел Владимира Яковлевича к окну своего кабинета, выходящего на Неву с видом на Петропавловскую крепость, и, указывая на нее, в бешенстве воскликнул: «Вот где Ваше место, а не на учительской кафедре». Владимир Яковлевич все это спокойно с виду выслушал, затем забавно было, что принц указал в рукописи данной ему речи, какую-то ошибку, притом неправильно, и Владимир Яковлевич тут же поспорил с ним, не уступая ни на йоту. Я забыла упомянуть, что по требованию принца эта речь была вручена ему заранее в черновом виде, так что он очевидно изучил ее.

Оглядываясь на жизненный путь Владимира Яковлевича, я вижу, что весь этот путь прошел в гонениях на него и в его борьбе с самого начала службы в Мариинском Училище, потом в Николаевском сиротском Московском институте: сначала от принца Ольденбургского, потом от Министра народного просвещения Толстого и его клеветов. Но, по счастью, рядом с гонениями Владимир Яковлевич видел много любви и преданности от своих учеников во всех классах общества. Большую любовь испытывали к нему и его сослуживцы, товарищи и подчиненные ему преподаватели. Все это и давало ему сил жить и работать до последних дней жизни. Минуты его общения с учениками давали ему так много радости, что он считал их лучшими в своей жизни, часто повторяя: «вот подлинная награда педагога, любящего свое дело».

Принц Ольденбургский состоял тогда попечителем всех учебных заведений, подведомственных IV Отделению. Дело не кончилось одним выговором из-за речи Владимира Яковлевича, а только началось им. При всей доброте, оказалось, что принц был очень

злопамятен и никогда не упускал случая, где бы мог повредить Владимиру Яковлевичу. Так, например, когда В.Я. приглашен был преподавателем Александровского Лицея в Петербурге и когда ему было там назначено свидание с директором, то произошла какая-то странная запинка: вместо кабинета директора его пригласили в какой-то пустой зал, где он ходил, не понимая, что это означает. Оказалось, что о приглашении узнал попечитель лицея принц Ольденбургский и тотчас воспротивился этому. Владимир Яковлевич так и не получил аудиенции у директора и приглашение не состоялось. Но и этим не окончились гонения на Владимира Яковлевича, которые перешли потом в ведомство Министерства Народного Просвещения при министре Толстом, господствовавшем с 1866 по 1880 год в этом министерстве.

Счастливыми были для меня годы учения в гимназии от 1858 по 1864. Наш директор был отличным организатором и сумел привлечь к своему делу лучших педагогов того времени. Дело было новое и все старались поставить его на должную высоту; ученицы любили своих преподавателей и в большинстве хорошо учились. Там завязалась моя дружба с некоторыми из них; ближе других мне были Бобрищева-Пушкина и Анна Григорьевна Сниткина, будущая жена Ф.М. Достоевского. Дружба наша с ними сохранилась на всю жизнь.

В 1864 году при нашей гимназии открылись первые высшие курсы, где преподавали хорошие профессора по естественным наукам, между прочими профессор Брандт. Не знаю почему, родители мои были против того, чтобы я поступила на них, и обратилась к В.Я. Стоюнину [с предложением] устроить у себя на дому курсы по русской литературе. Слушательницами курсов были две сестры Старынкевич, Анна Григорьевна Достоевская и я. Продолжались курсы от сентября 1864 по апрель 1865 года. В мае 1865 года я вышла замуж за В.Я. Стоюнина⁷.

В 1870 году во главе Ведомства IV Отделения стоял Шторх, по-видимому, ученый и деятельный человек, задавшийся целью оздоровить постановку учебного и воспитательного дела в женских институтах. Шторх хорошо знал талантливую, умную и энергичную человека — Александра Карповича Пфеля — и назначил его почетным опекуном Николаевского института в Москве, о котором известно было, что учреждение это страшно запущено. Александр Карпович принялся за дело с большой энергией. Нужно было очистить Институт от укоренившихся в нем старых традиций, от той затхлости, в которой он находился. Тридцать лет в нем был инспектором Армфельд, совсем одряхлевший, а после него два года Сергей Михайлович Соловьев, известный историк,

которому это дело было неинтересно и он им не занимался. Начальницей в то время была старушка немка Рихтер, которой это дело было не под силу; управляла всем ее сестра, инспектриса, ярая католичка, вся пропитанная старыми взглядами на женское образование; она враждебно относилась ко всем новшествам, поддерживаемая старшими классными дамами.

Чтобы обновить Институт и внести в него струю свежего воздуха, необходимо было обратиться к новым людям. Это и поставил своей задачей Пфель. Инспектором Института он пригласил Владимира Яковлевича Стоюнина, а начальницей — умную, образованную и энергичную женщину, Екатерину Алексеевну Вельяминову. Шторху и Пфелью при этом, конечно, пришлось выдерживать борьбу с принцем Ольденбургским, причем они сумели одолеть его (всего на несколько лет).

Владимир Яковлевич принял предложения Пфеля, и мы должны были выехать среди зимы при сильных морозах из Петербурга в Москву, забрав с собой всю свою мебель и библиотеку. Все это потребовало больших хлопот и большого числа возов, перевозивших наш скарб на железную дорогу. С нами поехало двое маленьких детей, 5-летняя дочь Надя и годовалый сын Володя, моя мать, кормилица и нянюшка. Чтоб уберечь детей при переезде в сильный мороз, пришлось взять отдельное купе вроде маленькой комнаты. Переезд прошел благополучно, только при проходах уже на платформе с моей бабушкой Надеждой Васильевной Тихменевой, провожавшей свою единственную внучку и правнуков, сделалось дурно и она упала в обморок в тот момент, когда наш поезд двинулся.

Не могу не сказать хотя бы несколько слов о моей дорогой бабушке, Надежде Васильевне Тихменевой, матери моего отца. Это была женщина не обыкновенной доброты, и дети называли ее заглазно не иначе как «наш ангел татан». Жизнь ее была полна горя и забот о семье, но это не испортило ее характера, а отразилось только физически — у нее постоянно тряслась голова, не переставая ни на минуту. И наружность у нее была необыкновенно интересная — «grande dame» с черными буклями на седой голове, в огромном чепце с длинными и широкими лентами, всегда в корсете до самой глубокой старости. С тех пор мне не суждено было видеть мою дорогую бабушку — заступницу, когда меня наказывали, просящую наказать ее вместо меня. Когда меня в минуту гнева выгонял отец мой из комнаты, моя бабушка следовала за мной и мы долго с ней коротали время в потемках, пока меня не прощали⁸. Скончалась она в преклонных годах — 84 лет от роду. За ней постоянно ухаживала ее незамужняя дочь, Александр

ра Васильевна, и старушка-горничная из крепостных, Параша, которая так любила мою бабушку, что никогда не хотела расставаться с нею, а когда было объявлено освобождение крестьян, то была очень этим недовольна. Помню ее, как она постоянно стояла возле бабушки, как на страже, всегда готовая прийти ей на помощь и быть к услугам любимой своей барыни. Зато после кончины бабушки старушка Параша была для тетушки дорога, как родная мать, а когда она скончалась в Варшаве, то тетушка моя перевезла ее тело в Петербург и похоронила рядом с бабушкой.

Но продолжая прерванный мною рассказ о нашем переселении и деятельности Владимира Яковлевича как инспектора Николаевского Сиротского института. Я уже упомянула о том, в каком ужасном виде и запустении он и новая начальница нашли это заведение. Одним из главных зол было то, что неуспевавшие ученицы оставались в стенах института по 20 лет и более, причем некоторые доходили до идиотизма, отчасти от некоторых пороков, отчасти не выдерживая институтский режим, этой замкнутости в затхлой обстановке; бывали при этом случае убегов учениц из института. Первое поэтому, о чем пришлось позаботиться пришедшим на смену новым деятелям, было отделить учение безнадежно неуспевающих в науках и устроить для них особое учебное заведение, реальное училище, где для них были бы устроены занятия ручным трудом и такие, которые могли бы служить им впоследствии источником заработка. Одним словом, было обращено серьезное внимание на то, чтобы их занятия соответствовали их способностям и наклонностям, и где было обращено особое внимание на уроки рисования, лепки, музыки, гимнастики, рукоделия и других подобных предметов, чтоб ученицы могли, уходя из школы, занимать места учительницами выбранных ими предметов. И это дело вполне удалось нашим трем новаторам с Пфелем во главе.

Но оно же было и чревато неприятными последствиями для Владимира Яковлевича. Мне не хочется помянуть злом кого бы то ни было и безапелляционно осуждать тех, кто по нашему убеждению был причиной дальнейшего, но не могу и не упомянуть о них, не называя их по имени.

Когда вопрос об открытии нового реального училища был решен и Педагогический Совет решил после строгого обсуждения отделить часть неуспевающих и засидевшихся учениц, Владимир Яковлевич получил письмо от Московского епископа с просьбою об оставлении в Институте его племянницы, чего муж мой не мог исполнить после постановления Педагогического Совета, о чем и известил просителя, который, очевидно, был оскорблен неиспол-

нением его просьбы и затаил в себе недоброе чувство против неповинного члена Педагогического Совета. Такие же враждебные чувства разделяли и все те, которым пришлось покинуть Институт, как людям, не могшим совладать с ответственным делом воспитания сотен молодых девушек, а таких лиц, кроме начальницы и ее сестры, было несколько, и все они разбрелись по Москве, разнося самые дурные слухи не только о Владимире Яковлевиче, но и о Вельяминовой и Пфеле. Инсинуации принца Ольденбургского тоже не прошли бесследно и нашли живой отклик в Английском клубе, откуда быстро распространялись по городу самые странные и нелепые слухи.

В частности, говоря об агитации принца Ольденбургского, я не упомянула еще о том, как она проявлялась в Петербурге. В бытность Владимира Яковлевича в Петербурге у него было много частных уроков не только в домах аристократии, но и во дворцах великих князей и в Императорском дворце. Сиповский в своей биографии Владимира Яковлевича говорит, что его преподавательская и литературная деятельность сделали его имя известным уже в первое десятилетие его службы. Уроки его ценились и высокопоставленными лицами. Он преподавал русскую словесность великому князю Владимиру Александровичу, Николаю Николаевичу Младшему, великим князьям Лихтенбергским, Сергею, Евгению и Юрию Максимилиановичам, великой княжне Евгении Максимилиановне (ныне принцесса Ольденбургская) и принцессе Елене Георгиевне Мекленбург-Стрелецкой (Саксен-Альтенбургской).

Каково же было удивление и негодование моего мужа, когда он узнал (чуть ли не от своих же учеников), что принц Петр Георгиевич рассказывает о нем Бог знает что и страшно бранит ученикам их учителя. Его педагогическое чувство ответственности за своих учеников, перед которыми так стараются уронить достоинство их учителя, не выдержало такого испытания, и он написал письмо великой княгине Марии Николаевне о том, что при таких условиях он не считает для себя возможным оставаться преподавателем в их семье. На это письмо был ответ великой княгини и просьба к Владимиру Яковлевичу прийти к ней для объяснения. Мария Николаевна очень любезно приняла Владимира Яковлевича, протянула ему руку и просила не обращать внимания на эти разговоры, прося его не уходить от них. То же повторялось и с другими царскими семьями, между прочим и в семье великой княгини Александры Петровны Ольденбургской, где Владимир Яковлевич преподавал ее сыновьям. И, по-видимому, всюду знали настоящую цену словам старика Ольденбургского. По общему мне-

нию, старый принц, будучи очень добрым человеком и полный самых лучших намерений, не отличался умом, и о нем ходили в Петербурге анекдоты, причем этот недостаток ярко рисовался. А кроме того он был так уверен в том, что институтское воспитание — верх совершенства, что и слышать не хотел и представить себе не мог каких-нибудь недостатков его. Он любил посещать институты, возил воспитанницам угощения конфетами, привозил им свои музыкальные и литературные произведения, одним словом, наслаждался своей ролью покровителя, воспитателя и защитника молодых девушек. Он, конечно, не подозревал той лжи, которой были пропитаны чуть ли не стены закрытых учебных заведений, где блистала только внешняя сторона. Для иллюстрации приведу один из парадов, который был устроен для приема — кого же? — персидского шаха. В Институт было дано знать, что туда приведут персидского шаха, чтобы познакомить его с женскими учебными заведениями. Начальство переполошилось (тогда еще не приехала новая начальница Вельяминова), тут уж было не до занятий учебными предметами, и не до мысли о воспитании детей, — все шло в жертву для красивого и декоративного приема знатного гостя. Начались репетиции приема. Во время занятий звонок давал знак, чтобы все воспитанницы быстро собирались в большую залу, там их расставляли по росту и по рядам так, что все выходило как-то волнообразно. Затем в приготовленных для шаха носилках вносили институтского экзекутора (кстати сказать, очень глупого человека, но видного и статного), который по глупости входил в свою роль и производил какие-то нелепые действия жестами и словами, когда перед ним приседали воспитанницы. И таких репетиций было, говорят, несколько. О том, какое впечатление должно было производить такое представление на воспитанниц, никому дела не было, конечно⁹.

Но довольно об этом, перейду скорее к работе Владимира Яковлевича, а работы при очистке старых порядков было столько, что трудно и представить себе. Целые дни были заняты посещениями классов, беседами с ученицами, борьбой с классными дамами и пр. и пр. и налаживанием всего дела. По вечерам (всегда довольно поздно) приходила к нам Екатерина Алексеевна Вельяминова, то есть новая начальница, делиться своими впечатлениями после пережитого дня, а их было так много и переживались они так сильно. Работа инспектора началась в январе, а весной были назначены выпускные экзамены, и в первую голову — экзамен по Закону Божьему. До Владимира Яковлевича в Институте практиковался такой обычай: чтоб блеснуть отличными знаниями учениц по Закону Божьему, им предлагалось отлично подгото-

виться каждой по одному билету, по которому им придется отвечать. Узнав об этом, Владимир Яковлевич возмутился, совесть его не допускала такого обмана, и он объявил ученицам, чтобы они готовились как следует по всему материалу, предупредив их, что экзаменоваться будут не по билетам, а прямо по программе, но воспитанницы не поверили этому, считая, что это только угроза, и продолжали с ведома своего законоучителя и старых классных дам готовиться для ответа по одному выбранному билету, как у них исстари из года в год водилось. Они еще не знали хорошенько ни своего инспектора, ни своей новой начальницы, вполне разделявшей взгляды его и, так же как он, не допуская лжи.

Наконец, день экзамена был назначен, епископ, извещенный о нем, приехал и получился полный провал экзаменующихся — ученицы очень плохо отвечали, и тут увидели, что с новым инспектором шутить нельзя. Виноват во всем, конечно, оказался новый инспектор — нигилист и безбожник, и по Москве начали ходить самые нелепые сплетни о нем. Врагов у него уже к тому времени было достаточно: и законоучитель, и старая начальница, и все уволенные классные дамы, и, главное, сам епископ. Значит, принц-то Петр Георгиевич был прав в своем недоверии к Владимиру Яковлевичу, — и пошло и пошло осуждение всего, что ни вводилось нового в затхлые порядки Института.

Но не одни враги окружали Владимира Яковлевича, явилось и много друзей в учебном и ученом мире Москвы, так как его выбрали председателем Московского Педагогического Общества, избрали членом «Общества любителей российской словесности». К нему приезжали знакомиться выдающиеся деятели по педагогическому делу, и у нас в доме образовался очень хороший и просвещенный кружок друзей среди профессоров и учителей, посещавших нас по воскресеньям, между ними проф. Стороженко, Поливанов, Езучевский, Сизов, Павлов и многие другие, и в серьезном педагогическом и ученом мире он был принят, как очень уважаемый член общества. Это между прочим сказывалось и на таких собраниях, как в Татьянин день, когда он появлялся среди профессоров и студентов в гостинице Эрмитаж, где большинство ученого мира справляло свой университетский праздник. На этих обедах любимых профессоров приходили чествовать студенты и их друзья, и Владимира Яковлевича там обыкновенно приветствовали незнакомые ему люди, хотя он и не был профессором Московского университета.

Но я удалилась опять от моей темы, т.е. от рассказа о тех событиях, которые последовали за первым экзаменом по Закону

Божьему в присутствии епископа — наблюдателя за преподаванием этого предмета в институтах (в 1870 году).

С осени того же 1870 года, то есть в новом учебном году, Владимир Яковлевич решил поставить этот предмет на надлежащую высоту с тем, чтобы весной 71-го года самому произвести серьезную проверку знаний учениц и только тогда приступить к официальному экзамену при наблюдателе. В это время меня не было в Москве, так как я уезжала за границу лечиться в санатории. Ввиду этого я прерываю свой рассказ, чтоб передать описание этого второго по Закону Божьему экзамена самому Владимиру Яковлевичу, описавшему его мне в своем письме¹⁰.

12 апреля 1874 года. Я всю неделю был занят богословскими трудами, т.е. производил во всех старших классах экзамен по Закону Божию, три раза пришлось прослушать один катехизис и зато так повторил его, что хоть самому экзаменоваться со всеми текстами. Девочкам надо воздать хвалу — приготовились на славу, за исключением немногих личностей, разумеется, всё в долбеж, да иного и требовать нельзя... В.А. Дашков был на экзамене только в VI классе, при нем все отвечали на 12, но, просматривая списки других классов, выказывал неудовольствие, как скоро замечал девять баллов, и знать не хочет, что и Закон Божий, как и всякий учебный предмет, требует известных умственных способностей, по крайней мере хорошей памяти, чтобы ответить на 10. Он подобно многим смешивает этот предмет с нравственностью и серьезно воображает, что девица, получившая менее 10, должна быть дурной нравственности, — поди разуверь его. Бедных наших воспитанниц до того напугали архиереем, что я должен был восстать против этих пугал, опасаясь, что они падут духом от одного ожидания этой приближающейся грозы, и останавливал попа, когда он за каждую ничтожную ошибку вздумал было пилить отвечающих, страшая все тем же архиереем. Завтра в 11 ч. утра наконец явится этот грозный владыка. Я впрочем намерен по праву инспектора не пустить слабых учениц на этот экзамен ввиду того, что по нетвердым и неудачным их ответам делают заключение об их нравственности. На том же основании удалю из класса и тех, которые часто бессознательно или по привычке не могут удерживаться от смеха или улыбки. Таким образом, будет устранено все, что может произвести дурное впечатление на людей, не понимающих природы человеческой.

13 апреля. Не поспел я вчера окончить свое письмо и дописываю сегодня интересным для тебя повествованием об архиерейском экзамене. Начну с конца: экзамен сошел блистательно: Леонид не знал, как высказать свою похвалу; Дашков в восторге, поп, Мария Алексеевна сияют; только я не мог присоединиться к этой радости, возмущенный до глубины души тем гнусным приступом, с каким архипастырь, толкующий беспрестанно о хри-

стианской религиозности, о вере и любви, начал экзаменовать взволнованных и напуганных молодых девушек. Надо тебе сказать, что еще перед экзаменом этот дамский архиерей говорил во всех обществах, что ему предстоит самая неприятная обязанность экзаменовать воспитанниц Николаевского Института, где пренебрегают Законом Божиим. Все это, разумеется, передавалось и мне, и в Институт, и девицам, которые поэтому явились в сильном нервном напряжении, чего я опасался и прежде. Леонид, как видно по его приступу, приехал с мыслию совершенно доканать нас, вызывает трех девиц старшего класса. Начинает одна из лучших наших учениц, Федорова, о принятии христианства в России, говорит тоном, который выражает уверенность в своих познаниях, но вдруг делает обмолвку, вместо Херсонеса называет Константинополь и тотчас же поправляется. Этого было достаточно, чтобы архиерей разразился своим негодованием: «я вижу, что вы надо мною смеетесь, вы не должны выходить на экзамен с таким приготовлением»; наскзал много фраз и в заключение: «я не хочу вас спрашивать, другая». Всех привела в недоумение эта выходка. Добро бы, если бы была искажена какая-либо богословская истина, можно было бы еще объяснить причину внезапного негодования, а то просто ошибка географическая или историческая, тотчас же и исправленная. Ясно было предварительное намерение ловить каждый ничтожный случай для придирок.

Я вижу, что после этого экзамен разумным образом идти не может; как отлично ни знай предмет воспитанницы, желающий может легко придаться к каждой фразе, и, следовательно, скандал неминуем. Чтобы не остаться пассивным в этом недостойном деле, я видел, что мне со своей стороны нужно выказать протест, а бедные мои нервы так и расходились. Я чувствовал, что если я заговорю, то не удержусь от резких выражений и тогда дам повод своим врагам обвинять меня, а дела не поправлю. Я решился еще выждать подобную же его выходку и за нею молча выйти из класса. Отвечает вторая воспитанница — прекрасно, третья — прекрасно. Затем я обращаюсь к своему дикому соседу и прошу его позволить первой продолжать говорить, потому что она прекрасная ученица и ее обмолвка не может быть поставлена ей в вину. Он, кажется, сам заметил, что уже хватил чересчур, и благосклонно позволяет Федоровой говорить. Бедная девушка только что начала говорить и слезы задушили ее, она разразилась плачем. Я сам страдал не меньше ее. Прошу, чтобы позволили ей успокоиться и вызвали других, смотрю на класс — половина плачет — нервы наконец не выдержали эту несправедливость и грубость того, кто должен был успокоить и подать пример добросердечия. Сам он, кажется, устыдился такого действия своей личности, смягчил голос и все обмолвки, которые очень извинительны у нервно настроенных девушек, уже не ста-

вил в фальшь. Девушки отличались одна за другою; но нервность их была так сильна, что некоторые после отличных безукоризненных ответов и похвалы архиерейской возвращались на свое место с плачем. А добрый архипастырь сопровождал их советом: «что же делать, нужно уметь владеть своими нервами». Злой ты человек, да прежде всего не нужно так играть нервами людей и в особенности бедных девушек, которые ни в чем не повинны.

Экзамен приходил к концу; все лица прояснились довольством, но только не мое, я страдал, страдал больше, чем в прошлом году от неудачного экзамена. Это злобное истязание духа, которое приготавливали нам, было для меня невыносимо и не могло загладиться никакою ласкою и похвалою. Мне было мучительно молчать в то время, как хотелось торжествующим голосом бросить в лицо этому человеку правду и спросить: кто из нас посрамлен в эту минуту, когда дело раскрылось начистоту. Спросив всех поголовно из выпускных учениц, он приказал привести по одной из каждого отделения прочих классов. Эти еще более усели хорошее впечатление. Затем начались похвалы, благословения; но и то и другое мне не было ни лестно, ни дорого от такого господина. Я заявил Дашкову, что я возмущен недостойным поведением архиерея, и отказался идти завтракать с ним в квартире Марии Алексеевны. Через несколько времени Дашков прислал ко мне нарочный зов и я должен был идти, но там отказался от всего и объявил, что я болен. Архиерей заметил это и вероятно догадался о причине моей болезни, при прощании опять рассыпался в похвалах, пожелал мне выздоровления и Божьей помощи в моих трудах.

От 22 апреля. Институтские экзамены идут пока отлично, особенно кандидатские; на них наши кандидаты доказывают, что они действительно образованные девушки, приготовленные к серьезному труду. Это меня весьма радует, потому что к этому я стремился три года. Леонид, чтобы загладить неприятное впечатление, произведенное им на всех нас, трубит по всей Москве о блистательном экзамене в Николаевском Институте, а свой бестактный поступок объясняет таким образом: он, видите ли, решил испытать нарочно дух институток и поэтому воспользовался первым же случаем: заметив, что девушка смутилась, он сделал ей строгое замечание, но она так кротко и благодушно перенесла его, что он должен заключить о прекрасном нравственном направлении молодых девиц. Хорошо придумано, но нас не проведешь такими речами. Недурно то, что под рясой оказалась совесть.

После этого жизнь в Институте пошла более нормально, но усиленная работа Владимира Яковлевича, Екатерины Алексеевны и Пфеля по преобразованию его продолжалась, а вместе с нею и борьба, не прекращавшаяся во все время в бытность Владимира

Яковлевича инспектором Института, а Екатерины Алексеевны Вельяминовой начальницей его. Все другие свои дела, например, литературные, Владимиру Яковлевичу пришлось забросить, что очень огорчало меня.

Вот что пишет биограф Владимира Яковлевича Сиповский:

Лучшие силы учебного и воспитательного персонала Института группируются около своего инспектора, авторитет которого высоко стоит в глазах и учащихся и учащихся. Преподавание поднимается на должную высоту и в воспитательном деле начинают сказываться здоровые педагогические начала. Но так дело шло только первые годы. Такие люди, как Стоюнин, могут иметь лишь искренних друзей или недоброжелателей. Прямая натура его, не допускающая никаких сделок с совестью, никакой угодливости и приспособления к людям и обстоятельствам, неизбежно должна была создавать ему недоброжелателей.¹¹

В один прекрасный день к Владимиру Яковлевичу приехал из Петербурга курьер от великого князя Владимира Александровича с письмом следующего содержания: «Посылаю Вам письмо с курьером, не доверяя нашей почте, и прошу Вас дать мне знать, когда будет готов Ваш ответ, чтоб я за ним прислал к Вам курьера». А дело, с которым великий князь обращался к Владимиру Яковлевичу, было очень важное: как раз это было время, когда граф Дмитрий Толстой задумал реформировать мужские гимназии в духе классицизма, и вопрос этот должен был обсуждаться в Государственном Совете, членом которого состоял великий князь Владимир Александрович. Доверяя своему бывшему преподавателю, Владимир Александрович и просил его высказать свое мнение по поводу этого вопроса, изложив его в особой докладной записке, что и было исполнено Владимиром Яковлевичем с полным вниманием и интересом.

При этом нужно вспомнить, зачем графу Толстому понадобилась эта реформа. Не образование молодежи, серьезное и тщательное, при этом имелось в виду, а только одна мысль, как сделать, чтобы занять все время и все умственные силы молодежи так, чтоб у них не оставалось ни того ни другого для других занятий и интересов, одним словом — забить их жизнь до последней степени, чтобы никакие общественные вопросы их не занимали. Для этого предназначено увеличить число уроков древними языками за счет всех других предметов. Имелось в виду, конечно, не знакомство с классической литературой (от которой Боже упаси), а только чисто формальное изучение грамматики. Вот, вероятно, об этом и написал Владимир Яковлевич, не будучи вовсе врагом серьезного классического образования. Копия записки, по-

сланной великому князю Владимиру Александровичу, осталась в бумагах покойного Владимира Яковлевича, но уцелела ли она, как и другие его ненапечатанные статьи, о которых упоминает в своей биографии В.Д. Сиповский, мне неизвестно. Возможно, что сохранилась вместе со всем, что у нас осталось в Петербурге после нашего переселения за границу в 1922 году.

В 1974 году Владимиру Яковлевичу пришлось покинуть свое дело в Николаевском Сиротском институте. В то время в России происходил так называемый «процесс 193». Враги Владимира Яковлевича продолжали свое дело, воспользовавшись тем, что в числе подсудимых оказалась окончившая много лет раньше курс Института Армфельд, дочь Армфельда, бывшего инспектором Института за несколько лет до Владимира Яковлевича. Это обстоятельство было поставлено в вину ни в чем не повинному новому инспектору. Появился донос, и дело кончилось тем, что Владимиру Яковлевичу было объявлено, чтобы он немедленно, в 24 часа, оставил Институт. Утром того дня, когда в Москве было получено это распоряжение, о нем знал только почетный опекун Пфель, предупредивший начальницу о получении неприятной бумаги и вызвавший к себе в последний час вечера Владимира Яковлевича. Как раз в эти дни Владимир Яковлевич был болен и не выходил, но послушаться не было возможности, и он поехал к Пфелю. На другой день утром Владимир Яковлевич должен был подать прошение об отставке по болезни, и поехал в Петербург, чтобы узнать, в чем собственно его обвиняют и за что такая кара. Приехав туда, он явился к графу Шувалову, в то время управлявшему III-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, и тот сообщил ему конфиденциально о доносе на него из Москвы от священника. Шувалов хорошо знал Владимира Яковлевича, так как сам был его учеником, и хорошо относился к нему, но сделать ничего не мог в пользу его.

Вернувшись в Москву, мой муж написал докладную записку к Императрице Марии Александровне, причем изложил подробно о всех предшествующих обстоятельствах и наветах врагов с полной откровенностью. Императрица в это время была уже совсем больная в San Remo. При ней находилась статс-дама А.Мальцева. Дочери ее были ученицами Владимира Яковлевича и в семье ее имя дорогого учителя почиталось очень высоко. Одна из дочерей ее в то время уже умерла, а другая, Анастасия Сергеевна, была замужем за графом Паниным, тоже бывшим учеником Владимира Яковлевича, горячо преданным ему. Вторым браком после кончины Панина Анастасия Сергеевна была замужем за Иваном Ильи-

чем Петрункевичем, и всю жизнь оставалась близким другом не только Владимира Яковлевича, но и моим¹².

Вернувшись из Москвы в Петербург, мы собирались после всего пережитого уехать совсем из России и, поселившись в Париже, открыть там курсы русского языка и литературы для русских эмигрантов. Но стоило Владимиру Яковлевичу явиться в Петербург, как его увлекли старые друзья и те дома, в которых он раньше преподавал, обещаниями устроить его в Петербурге. Благодаря доброму отношению к Владимиру Яковлевичу императрицы Марии Александровны, он был причислен к канцелярии по учреждениям императрицы Марии с тем содержанием, которое он получал как инспектор Николаевского института.

Мы решили остаться в Петербурге ввиду предложения графа Д.Шереметева взять на себя заботу об образовании его младшего брата Александра, мало способного юноши. Стоюнину предстояла задача употребить все силы, чтобы развить мальчика и дать ему хорошее образование. Для этого на Владимира Яковлевича возлагалась обязанность пригласить учителей и выработать с ними всю программу обучения и воспитания молодого графа. Средств для этого не жалели, для инспектора и руководителя занятий была отведена квартира в доме графа Шереметева на Фонтанке и уже отделивалась для него. Все было налажено, но и тут дело не обошлось без неожиданной катастрофы. Судьба за нас все решила, и в конце концов верно к лучшему, потому что едва ли Владимир Яковлевич был бы удовлетворен перспективой отдать все свои творческие силы на занятия с одним учеником, да еще малоспособным. Как раз в это время приехал из Москвы князь Петр Вяземский, кажется, родственник Шереметевых, которому Владимир Яковлевич совершенно не был знаком, и он с ним никогда не видался, но московские сплетни, вероятно, из Английского клуба, дошли до него, и он им поверил. Этого было достаточно, чтобы он возмутился приглашением к молодому графу такого неподходящего, по его мнению, человека и, поставив Д.Шереметева в очень неловкое положение, настоял на том, чтобы Владимиру Яковлевичу было отказано, со всеми возможными извинениями, предложениями компенсации и т.п.

Итак, мы снова стоим перед вопросом, как устроить нашу жизнь. В это время у нас родилась наша последняя дочь — Людмила, а мое здоровье, может быть, от всего пережитого, так расстроилось, что муж мой решил принять энергичные меры к его восстановлению и переехать в более здоровую местность, чем Петербург, подыскав для этого небольшой дом в Царском Селе. Средства для этого нашлись, и мы купили такой дом за десять

тысяч рублей и переехали в него в 1876 году. В течение пяти лет мы там прожили спокойно, растя наших двух дочерей; старшей, Лине (Елене), было пять лет, а младшей — несколько месяцев.

У Владимира Яковлевича было в это время, как и раньше в Петербурге, довольно много частных уроков, для чего ему приходилось несколько раз в неделю уезжать из Царского Села, а же без выезда сидела в Царском Селе, занимаясь обучением старшей дочери Лины и ведением хозяйства. С нами жила и моя мать. У нас при этом бывали досуги, дававшие нам возможность много читать и гулять в чудном парке вместе с Владимиром Яковлевичем и вести с ним интересные беседы, особенно во время прогулок. Явились и знакомые — две семьи молодых и стариков Жуковских. Время было наполнено, но долго жить такой убаюкивающей жизнью было бы нам верно в тягость, и нам пришла мысль, что наступила пора предпринять какое-нибудь интересное дело, интересное как для мужа, так и для меня. Мое здоровье и силы поправились и они требовали работы более энергичной, а для мужа эта жизнь была усыпительна и удаляла его от привычной ему широкой и живой деятельности. Делаю выписку из биографии Владимира Яковлевича (Сиповский):

Близкие люди заметили, что он скучает без широкой педагогической практики. Особенно это сказалось, когда Стоюнины жили в Царском Селе и когда педагогические собрания и кружки не могли наполнять досуги Стоюнина. Он слишком привык видеть перед собой молодые натуры учащихся, чувствовать свое живое воздействие на них, — привычки учителя, — учителя по призванию были слишком сильны в нем. И вот М.Н. Стоюнина, отчасти ввиду этого, отчасти потому, что старшая из двух дочерей достигла того возраста, когда нужна правильная школа, задумала открыть частную женскую гимназию.¹³

Когда я в одну из наших прогулок сказала мужу о своем плане, он ответил мне, что дело это серьезное и требует большой обдуманности, поэтому он дает мне на это целый год. Я же нашла, что мне нужно для собственной подготовки не один, а по крайней мере два года; я чувствовала необходимость за это время серьезными и усиленными занятиями пополнить свое собственное образование и только тогда взяться за ответственную работу. У меня была даже мысль поступить на Высшие курсы, но Владимир Яковлевич воспротивился, сказав мне: «Неужели женщине всегда нужно сидеть на школьной скамье, чтобы получить знания?» Он и тут поступил как опытный педагог и дал мне полную свободу заниматься совершенно самостоятельно, чем хочу и как хочу, ничего мне не навязывая, даже не вмешиваясь в мое дело советами.

«Делай все, как сама знаешь». И вот я принялась заниматься по собственному плану. В то время (это было в 79 году) еще сильны были традиции 60-х годов, следовательно, начинать мне пришлось с естественных наук. Обложившись элементарными учебниками, переведенными с английского языка, я начала учиться дома и кроме того ездить в Соляной городок знакомиться с разными коллекциями и картинками по естественной истории. Затем стала интересоваться философскими книгами и особенно налегла на сочинения Спенсера, собрание которых нашла чуть не полностью у своих друзей Жуковских. Сначала это чтение давалось мне не совсем легко и я некоторые книги читала и перечитывала по несколько раз, пока не усваивала их содержания, например, «*Les premiers principes*». Для этого мне приходилось раньше вставать. Само собой разумеется, что мне пришлось читать книги и по педагогике. В то же время я начала (по совету Ф.М. Достоевского) посещать некоторые школы с хорошей репутацией и познакомилась с гимназией княгини Александры Алексеевны Оболенской, причем сама начальница отлично отнеслась ко мне и оставила на всю жизнь чудное впечатление. Со своими друзьями Достоевскими я раньше всех поехала поделиться своими планами. Анна Григорьевна Достоевская была моей подругой и одноклассницей в гимназии и осталась моим другом до самой ее смерти. Когда я была у них со своей новостью, Анны Григорьевны не было дома, а Федор Михайлович, очень хорошо ко мне относившийся, принял горячее участие в моих планах и стал давать мне советы, как лучше употребить те два года, которые у меня оставались до открытия гимназии в 1881 году. Гимназия княгини Оболенской была собственно 2-й по времени открытия, первой была гимназия Спешневой, но почему-то пришла в упадок ко времени открытия нашей гимназии, доживая свои последние дни, и г-жа Спешнева даже не приняла меня.

Так мы жили до осени 80-го года, занимаясь и обдумывая свои будущие дела. Осенью этого года Владимир Яковлевич устроил в Петербурге еженедельные собрания выдающихся в то время педагогов (в их числе был Страннолюбский, Воскресенский, Усов, Лесгафт и еще несколько других). Целью таких собраний была выработка проекта устройства образцовой школы. При этом шли горячие дебаты. Особенно резко к старой школе относился Петр Францевич Лесгафт, высказывая очень интересные мысли. Он особенно привлек нас, и мы, разделяя высказанные им взгляды, предложили ему принять участие в устройстве нашей будущей гимназии, на что он с большою готовностью и согласился. Наша гимназия, открытая в 1881 году, была третьей частною гимназией в

России, а в 1922 году, когда мы отъезжали из России за границу, частных женских гимназий было уже сорок в одном только Петербурге¹⁴.

В 1880 году Сабуров, управляющий после Толстого Министерством Народного Просвещения, предложил Стоюнину место директора в одной из Петербургских мужских гимназий, но муж мой так не сочувствовал тогдашнему направлению казенных гимназий, что наотрез отказался от предложенного места; тогда Сабуров предложил ему место члена Ученого Комитета. Это предложение было принято, и Владимир Яковлевич оставался там до своей смерти, однако и там он не находил себе удовлетворения и подчас переживал тяжелые испытания от реакционного настроения Ученого Комитета. Помню, например, как его взволновало решение исключить из употребления в народных школах «Родное Слово» Ушинского. Это было последним большим огорчением для Владимира Яковлевича незадолго до его кончины и последним его посещением заседаний Ученого Комитета, о котором муж мой говорил, волнуясь и возмущаясь.

Я еще не сказала о том, как приняла наша семья весть о намерении открыть женскую гимназию: это была наша общая радость в семье; Владимир Яковлевич, моя мать и дети только и говорили о будущей маминой гимназии, особенно старшая дочь наша, Лина, для которой отчасти и готовилось наше дело, и она принимала его, как свое собственное, дорогое ей.

Весною 1880 года мы с Владимиром Яковлевичем, проездом через Москву в деревню к друзьям Людоговским в Можайский уезд, остановились на несколько дней в Москве, чтобы присутствовать при открытии памятника Пушкину, и эти несколько дней оставили в нас неизгладимое впечатление на всю жизнь. По просьбе дочери Федора Измайловича Родичева Александры Федоровны, нашей бывшей ученицы, я описала эти впечатления в письме к ней в Лозанну 18-го февраля 1931 года. Начну с конца, писала ей, с речи Достоевского о Пушкине. Это было то время, когда на нашу молодежь сыпались нападки со всех сторон, и русское общество горько это переживало, а мы с Владимиром Яковлевичем, как близко стоявшие к ней, может быть, сильнее чувствовали обиду за нее. И вдруг раздалось вещее слово Федора Михайловича Достоевского, перевернувшее всю душу. Без всяких прелюдий и обращений Достоевский начал свою речь со слов: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь; прибавлю от себя: и пророческое». Первые слова Достоевский произнес глухо, а последние каким-то громким шепотом, как-то таинственно. Вся зала сразу почувство-

вала какой-то трепет и насторожилась... Затем он говорил о том, что такое представляет собою русский человек, в частности русский юноша. О чем говорят эти желторотые, когда соединятся вместе? О счастье русских людей, родины? Нет, этого им мало, давай счастье всего человечества; это всечеловек, он хочет всех осчастливить...

Можешь себе представить, что все в это время чувствовали, слушая страстную, вдохновенную речь Достоевского. Все были напряжены до последней степени. Наконец, Достоевский смолк, и вся зала несколько минут оставалась в каком-то оцепенении; потом вдруг все находившиеся на эстраде бросились обнимать и целовать Достоевского и первым был Тургенев. Поднялся страшный шум, взрыв аплодисментов, с каким-то студентом сделался обморок, вся публика была в сильном возбуждении. После этого никто не решился выступить и заседание прекратилось. Часть дам бросилась покупать венки и вернулась довольно долго спустя, но зала и коридор еще не опустели¹⁵. Очень интересен был еще вечер накануне этого знаменитого выступления Достоевского. Читались стихи Пушкина и отрывки его сочинений, между прочим, жена Муромцева прочла письма Татьяны в театральной обстановке. Потом вышел на эстраду Тургенев и начал «Последняя туча рассеянной бури»... — начал хорошо и вдруг забыл. Тогда вся зала подсакала ему продолжение. Наконец, вышел Достоевский, маленький, тшедушный, какой-то серенький, платье на нем тоже висит, — и начинает декламировать «Пророк» Пушкина. Начало ничего хорошего не предвещало, но чем дальше, тем лучше, а под конец было впечатление, что это сам пророк вещал.

Осенью 1881 года мы поселились в Петербурге, оставив Царское Село и сдав там наш домик в наем. 24-го августа вместе с Владимиром Яковлевичем мы отправились в Министерство Народного Просвещения подавать прошение о дозволении мне открыть гимназию. В это время ученик Владимира Яковлевича Николай Милюевич Аничков занимал крупный пост в Министерстве. Это тот самый Аничков, который на юбилее 3-й гимназии читал историческую записку о гимназии, в которой он сам учился, а потом был преподавателем. Этот человек никогда не забывал своего старого учителя и тотчас же исполнил его просьбу. Разрешение на открытие гимназии мы получили через несколько дней.

Прежде чем приступить к открытию гимназии, я сочла своею обязанностью составить проект ее и упомянуть о том, что побудило нас открыть учебное заведение по новому плану. Такую записку я составила и представила своему мужу на просмотр. К моей большой радости, он вполне одобрил мой проект и выразил еще

удовольствие, что я в состоянии буду заниматься и литературным трудом, если понадобится заработок. Его всегда беспокоила мысль, что он может умереть и оставить меня без средств, так как все те крохи, которые у нас были, пошли в дело нашей гимназии, которая не только в первые 7 лет, когда в ней работал В.Я., но и долгое время после (еще 13 лет) не давала дохода и даже жалование начальницы уходило в гимназические расходы. Если мы с дочерью не страдали от этого, то только потому, что после кончины Владимира Яковлевича мне была назначена хорошая пенсия, 250 рублей в месяц.

Гимназия открыта была 25 октября 1881 года. Предварительно на нескольких заседаниях из лиц, приглашенных для преподавания в гимназии, начальницы, инспектора В.Я. Стоюнина, анатома Петра Францевича Лесгафта, принявшего участие в надзоре за физическим воспитанием детей, и некоторых специалистов-педагогов, как А.Н. Страннолюбский, Я.М. Ковальский, Н.П. Животовский, А.М. Васильев и А.О. Пуликовский, были обсуждены проекты программ для гимназического полного восьмиклассного курса и выработаны более подробные программы для двух подготовительных и первого гимназического класса, которые предполагалось открыть в первый же год.

На этих заседаниях была принята за основание та мысль, которая была целью открытия гимназии: 1. Уравновесить умственное и физическое развитие детей, так чтобы первое не подавляло последнее и чтобы в то же время самое образование выиграло в прочности и основательности. 2. Резче разграничить и определить три ступени общего образования сообразно с тремя возрастами — элементарное, среднее и высшее, которые и должны составить полный гимназический курс, для чего, кроме общеобразовательной цели, наметить каждой ступени свою особенную цель, чтобы ею связать все одновременно преподаваемые предметы и тем утвердить единство в преподавании. 3. Игры не только как средство, укрепляющее силы детей, но и как важный фактор нравственного и общественного развития учащихся. (Об этом в отчетах гимназии приведены интересные суждения.) 4. В гимназии врачебные осмотры детей и измерение их два раза в год (в начале и конце учебного года), — измерение роста, объема груди, осмотр глаз, зубов и пр. 5. Наряду с физическим, умственным и нравственным развитием стоит забота об эстетическом образовании (рисование, лепка, пение, в старших классах декламация). 6. В гимназии не должно быть ни наград, ни наказаний. 7. Отсутствие отметок в виде баллов. 8. Замена экзаменов репетициями в конце года. 9. Ограничение задавания уроков. 10. Для старших учениц вне-

классные кружки по разным предметам. 11. Литературно-музыкальные вечера, например, чествование писателей. 12. Экскурсии, в конце существования гимназии не только по Петербургу, но и в другие города, например, в Новгород, Киев, на Соловки¹⁶. 13. Тесная связь с семьей. Заседания учащихся с родителями по классам, иногда общие.

24-е октября был знаменательный для гимназии день: впервые вошли в нее ученицы, и я была в большом волнении. Пришли со своими родителями на вступительный экзамен шесть девочек, девяти- и десятилетние, как на подбор прелестные¹⁷. Всего с нашей Линой поступило семь учениц. Экзамен они выдержали хорошо для старшего подготовительного класса, который и решено было открыть. Фамилии первых учениц: Клокачева, Случевская, Белямина, Рамбах, Дитерихс, Кюи, Стоюнина. На следующий день 25-го октября было торжественное открытие гимназии. Кроме принятых учениц, пришли их маленькие сестры, пришли и приглашенные преподаватели, родители детей и близкие друзья Стоюниных. Священник о. Михаил Соколов служил молебен и сказал очень хорошее теплое слово, чтобы предстоящая маленькая нивка развилась и превратилась в большую ниву. Было что-то необыкновенно трогательное на этом молебне; некоторые матери в числе наших друзей плакали во время речи отца Михаила и потом горячо поздравляли нас с началом нашего дела.

Квартира была найдена на Сергиевской улице близ Литейного проспекта¹⁸. Учительский персонал был численно чуть не вдвое больше ученического. Русский язык, конечно, взял на себя сам Владимир Яковлевич. Преподавательницей гимнастики была ученица и ярая поклонница Лесгафта Анна Адамовна Красусская. Лесгафт воспитывал из своих учениц удивительных работниц, строго выдержанных и самоотверженных. Сам Лесгафт очень часто бывал на уроках гимнастики, все время до конца урока стоя и внимательно следя за каждой ученицей*. А в конце учебного года он давал о всех детях подробные характеристики, наблюдая и изучая каждую не только на гимнастических упражнениях, но

* П. Ф. Лесгафт (1837-1909), доктор хирургии, анатом и педагог, был профессором анатомии в Казанском университете в 1869 г., но в 1871 г. был уволен за выступление против правительственного наздора за университетом. В Военно-Медицинской Академии в Петербурге он стал прозектором при профессоре анатомии Губере. В Петербургском университете он читал лекции по анатомии в 1886-1897 гг. как приват-доцент, не пожелав стать профессором, чтобы пользоваться полной свободой при чтении своих курсов: на Естественно-Научном отделении Физико-Математического факультета курс анатомии, необходимый для сдачи экзамена, был очень краткий, полугодовой, а Лесгафт читал нам, (см. след. стр.)

и во время игр, сопровождавших уроки гимнастики. Уроки рисования вела у нас Мария Васильевна Мичерлих, поразительно талантливо и внедряя детям любовь к искусству. Не помню, кто преподавал лепку, тоже хорошая преподавательница. Немудрено, что впоследствии, по окончании гимназии, одна из учениц, Клокачева, поступила в Академию художеств и из нее вышла хорошая художница. Ее картина «Икар» была приобретена Академией.

С нашей стороны было, конечно, ошибкой приглашать столько преподавателей для подготовительного класса, но это объясняется тем, что нам хотелось с самого начала поставить каждый предмет в возможно лучшие условия. Впоследствии обязанности учительницы подготовительного класса отлично выполнялись одним лицом и их с большим успехом выполняли Мария Семеновна Голубева и Мария Викторовна Автокротова, а сам Лесгафт взял на себя руководство не только гимнастикой, но и всем физическим, нравственным и умственным воспитанием учениц. Таким образом, во главе гимназии стояли не два, а три лица, причем Петр Францевич отдавал нашему делу очень много времени и сил, посещая уроки гимнастики чуть не каждый день и направляя и формируя молодую учительницу гимнастики самым тщательным образом. И все это делалось этим замечательным человеком из одной любви и интереса к новому делу, без всякого вознаграждения, как все, что делал Петр Францевич помимо своей службы в Медицинской академии. Таков был этот человек, в высшей степени строгий к себе и ко всем, особенно к своим ученикам и сотрудникам. Насколько он был строг, можно судить по следующему случаю. Однажды, среди года, Анна Адамовна получила известие из Москвы о серьезном заболевании своей единственной сестры. Воспользовавшись двумя праздниками, она сейчас же, будучи и сама врачом, понеслась в Москву. Двух дней было мало, чтобы определить и наладить лечение сестры, и Анна Адамовна прислала Петру Францевичу телеграмму с просьбой разрешить ей оста-

естественникам, свой курс в течение трех лет. Исходя из учения, что анатомическое строение органа становится понятным лишь на основании знания функции его, Лесгафт сочетал в своем курсе анатомию с физиологией и некоторыми проблемами психологии. Плодотворность сочетания анатомии с физиологией становится очевидно, если взять его труд «Основы теоретической анатомии». Опираясь на свои учения о функциональной анатомии, Лесгафт выработал теорию физического воспитания. Его книги «Семейное воспитание ребенка» и «Школьные типы» дают представление о нем, как замечательном педагоге. Получив от своего почитателя, богатого золотопромышленника, значительную сумму денег, Лесгафт построил дом, в котором организовал Биологическую Лабораторию и курсы при ней; в 1918 г. она преобразована в Научный Институт имени П.Ф. Лесгафта. — *Прим. Н.О. Лосского.*

ться и на понедельник, пропустив таким образом урок гимнастики, но неумолимый Петр Францевич не дал ей этого разрешения и в понедельник урок гимнастики состоялся. Я с благоговением смотрела на Петра Францевича и должна сказать, что это был единственный человек в моей жизни, перед которым я трепетала. Я так верила ему, что боялась преступить малейшее его распоряжение, чтобы тем не повредить детям, за которых я считала себя ответственной. Так же относилась к нему и Анна Адамовна. Часто, приходя в гимназию на урок, она начинала с того, что, увидя меня, сообщала: «А Петр Францевич очень недоволен тем или другим», — часто какими-нибудь мелочами, но этого было довольно, чтобы у меня душа уходила в пятки и я чувствовала себя виноватой, чуть не преступницей перед своею совестью. Через несколько лет Петр Францевич покинул нас из-за самого ничтожного случая «якобы» ослушания с моей стороны. Он рассердился на меня за то, что, несмотря на его распоряжение, в зале, где преподавалась гимнастика, не был убран графин с водой. Дети могли напиться холодной воды и простудиться. Для разбора нашего столкновения Петр Францевич потребовал собрать Попечительский Совет. Членами нашего Попечительского Совета были главным образом профессора Медицинской академии (по указанию и приглашению самого Петра Францевича) — химик Бородин (композитор), химик Дианин, гигиенист Доброславин, математик Имшенецкий. Все они участвовали в разбирательстве, а с моей стороны были Владимир Яковлевич и священник отец Михаил Соколов. В конце концов дело было разрешено в мою пользу. Петр Францевич был этим недоволен и ушел от нас вместе с тремя учительницами гимнастики, его ученицами*. С тех пор Петр Францевич совсем перестал бывать в нашей гимназии, но к большой моей радости ответил приходом на мое приглашение посетить гимназию в день ее

* По этому поводу расскажу еще об одной нашей размолвке: как-то раз я была у него и у Анны Адамовны (они жили в одной квартире и она вела хозяйство). Было послеобеденное чаепитие с вареньями нескольких сортов (это, кажется, была единственная роскошь, которую допускал Петр Францевич), и общее настроение было самое благодушное. Не помню, по какому поводу, Петр Францевич, мило шутя, сказал мне: «вы меня обижаете», а я ответила, тоже шутя, конечно: «кто тебя, батюшка Тит Титыч, обидит, ты сам всех обидишь». Тут я увидела, что его всего передернуло от этой шутки, и я почувствовала тогда же, что он никогда мне ее не простит. А как образец того, как мало он себе позволял роскоши, укажу на то, что он никогда не позволял себе ездить на извозчиках, всюду бегал пешком и только один раз кто-то его встретил на извозчике, но уж это было во время болезни, от которой он и скончался. — *Прим. М.Н. Стоюниной.*

Прибавлю от себя, что, по семейным устным преданиям, он садился только на твердые стулья, настойчиво избегая мягкой мебели. — Б.Л.

двадцатипятилетнего юбилея, причем ему первому было предоставлено слово воспоминания о Владимире Яковлевиче. Как ни тяжело было для меня пережить весь этот инцидент, но мое чувство глубокого уважения, преданности и благодарности к Петру Францевичу не изгладилось в моей душе до сих пор. Его благотворного влияния на меня лично и его работы в гимназии нельзя вычеркнуть из памяти. И теперь мне хочется выразить чувство глубокой благодарности Петру Францевичу за ту строгую школу, которую я прошла, испытывая на себе его влияние, за то чувство страшной ответственности, которое мы должны иметь при воспитании детей.

В декабре 1882 года нас постиг страшный удар: скончалась от дифтерита на голосовых связках (круп) наша дочь Лина. Но жизнь призывала нас к работе, которую мы не имели права бросать¹⁹.

Председателем Педагогического Совета был у нас Владимир Яковлевич, но при министре народного просвещения Николаи было решено, чтобы в женских гимназиях были назначены председатели самим министерством. Узнав об этом, я поехала в министерство и явилась к самому министру, который очень хорошо меня принял инисколько не рассердился, когда я ему сказала, что мы, вкладывая в гимназию не только свои средства, но и свой труд и свое имя, не можем подчиниться постороннему для гимназии человеку. Министр выслушал меня и ничего мне не возразил, однако, через некоторое время к нам назначили председателем директора 5-й мужской гимназии Гофмана. Был ли он предупрежден министром или сам обладал необыкновенным тактом, но я должна сказать, что за время его пребывания у нас в качестве председателя в течение чуть не десяти лет он только аккуратно присутствовал на заседаниях. Сам он не председательствовал, предоставляя эту роль всецело Владимиру Яковлевичу, а когда Владимир Яковлевич скончался, то — или мне, или выбранному мною инспектору, и за все время его председательствования у нас не было ни тени столкновений. На выпускных экзаменах он тоже всегда присутствовал, но и тут никогда не вмешивался в наши дела, только, если мог, помогал ученицам, а про учителей говорил с маленьким упреком: «специалисты! специалисты!».

Бывал у нас и окружной инспектор (как раз это был старый ученик Владимира Яковлевича — Мохначев), которому хотелось иногда показать свою власть. Так, например, однажды он потребовал, чтобы я прислала ему сочинения учениц Владимира Яковлевича, на что я ответила ему: «Ну, уж не нам с Вами контролировать Владимира Яковлевича», и не подумала давать ему требуемые сочинения, и он не настаивал на этом.

Весною 1888 года Владимир Яковлевич серьезно заболел: у него был удар и временный паралич. Усилиями врачей, С.П. Боткина и его зятя, он оправился настолько, что мы с ним могли уехать в Крым и на Кавказские воды. Осенью он вернулся в Петербург с виду даже помолодевшим на десяток лет. Но не прошло и месяца работы, как Владимир Яковлевич слег 2-го октября от страшной болезни (рак печени), которая, по мнению Боткина, была у него застарелой и гнездилась в организме семь лет после того, как он, гуляя летом по лесу, вступил на гнилой мостик и провалился, держа на руках свою маленькую дочь. Сильный ушиб печени, полученный при этом, был причиной болезни. 4-го ноября Владимир Яковлевич скончался на моих руках после принятия Св. Таин. Перед причастием Владимир Яковлевич был совсем слаб и как будто даже не в полном сознании, но все же я поняла из его не вполне внятных слов, что он желает причаститься Св. Таин. А у нас с ним и раньше было условлено, что он примет причастие перед кончиною. Священник уже не исповедовал Владимира Яковлевича, а прочел ему внятно молитву Св. Духу «Царю Небесный». Владимир Яковлевич как бы очнулся в это время и как бы повторял слова молитвы, которую верно особенно любил, и причастился в полном сознании. После принятия Св. Таин он вдруг почувствовал себя гораздо лучше, сильнее, и попросил даже есть. Но это продолжалось недолго. Скоро опять он ослабел. Последними его словами были: «Ну что же, я поработал». Я поняла их не только как итог, подведенный им под конец жизни, но и как указание для меня, чтобы и я так же, как он, работала²⁰.

После этих горестных переживаний через несколько дней началась в гимназии наша обычная работа, но кем же и как же можно было заменить Владимира Яковлевича, как учителя и как председателя. Ведь он преподавал во всех классах главный предмет — родной язык и литературу. Пришлось обратиться прежде всего к бывшему ученику В.Я., Витбергу, который и взял несколько классов²¹. Самые младшие классы были в руках учительницы Елизаветы Павловны Павловой, которая впоследствии устраивала в гимназии праздники чествования наших писателей²².

После кончины Владимира Яковлевича было только одно столкновение с попечителем округа Сониным при министре Касо, уже в последние годы существования гимназии, по поводу того, что у нас преподавателем оказался еврей, Григорий Ландау, отличный преподаватель законовения. За это я получила выговор от Сонины в его кабинете при округе и нам пришлось расстаться с очень хорошим преподавателем. Помнится, мы с В.А. Гердом выразили по этому поводу протест в газете; тем дело и кончилось.

Больше, кажется, за все время моей работы в гимназии у нас никаких столкновений с начальством не было, а помощь со стороны очень многих из них я получала нередко, особенно со стороны попечителей округа, каковы были: 1) Лаврентьев, 2) Капустин, 3) Извольский и граф Бобринский — преданный ученик Владимира Яковлевича, которого мне приятно было видеть на нашем праздновании 25-летия гимназии. Другой ученик Владимира Яковлевича, граф Мусин-Пушкин, тоже был попечителем учебного округа короткое время, никак не проявил себя, только раз насмешил на экзамене французского языка, обратившись к отличной владеющей французским языком преподавательнице и спросив ее: «где это вы так насобачились по-французски?». И в другой раз отличился генерал Новиков, который, проходя мимо шкафов с книгами Владимира Яковлевича, увидел сочинения Добролюбова, постучал в стекло шкафа и сказал только: «пустомеля». Я объяснила ему, что это книги Владимира Яковлевича, но это, кажется, не успокоило его. Зато сколько услуг я видела от начальства, начиная с графа Лорис-Меликова и др. Лаврентьева, Капустина и Извольского я вспоминаю с особой благодарностью за их постоянную готовность приходить на помощь гимназии.

Из моего опыта я вынесла впечатление, что мне всегда почти помогала моя твердая позиция в убеждениях и готовность защищать свое дело от неуместного вмешательства. Исключение составляли только креатуры министра Кассо, вроде Сонины, с которым я и не пробовала бороться.

С особенным чувством благодарности я вспоминаю при этом покойного попечителя Извольского, который не только выслушивал мои откровения и смелые мысли, но даже и сам в начале революции обратился ко мне за советом, как поступить, чтобы избежать тяжелых последствий для учеников 1-й мужской гимназии, находившейся как раз наискосок от нашей гимназии, когда ожидалось выступление учеников на улицу и столкновение с полицией.

При этих условиях легко было работать, и какой напраслиной звучат для меня безоговорочные нападки на наше правительство. Из министров народного просвещения с особым уважением вспоминаю графа Игнатьева, полного готовности служить делу народного просвещения со всем пылом и любовью к русскому народу. Но это было, к сожалению, уже перед самой революцией. А как можно было бы хорошо работать на ниве народного просвещения при таком министре.

Был, например, такой случай: когда я узнала (по слухам) о выдающейся и плодотворной педагогической деятельности В.А. Герда — бывшего тогда первым председателем в Тенишевском учи-

лице, которое он, можно сказать, создал, я подумала, как было бы хорошо пригласить его к нам и поработать с ним. И что же? Не прошло и нескольких лет, как его арестовали по какому-то делу как раз в то время, когда от нас уходил тоже очень хороший сотрудник и председатель — Ф.А. Браун²³. Тогда я сказала себе: ну теперь я добьюсь того, что с нами будет работать В.А. Герд. На мое счастье министром внутренних дел в то время был только что назначенный князь Святополк-Мирский, и я, ничтоже сумняшеся, отправилась к нему, рассказала ему о всех достоинствах В.А. и о том, как нам в гимназии нужен такой сотрудник. Святополк-Мирский выслушал меня и решил прийти нам на помощь. Вскоре В.А. был освобожден и согласился работать у нас. Таким образом, с 1904 по 1914 год он работал с нами и внес в наше дело всю свою врожденную любовь к педагогической деятельности. Он вполне разделял взгляды Владимира Яковлевича на воспитание и на образование молодежи и не только продолжал проводить их в жизнь гимназии, но еще и развивал их дальше в том же духе, опять-таки согласно со взглядом Владимира Яковлевича на педагогическое дело, которое не может неподвижно стоять на одном месте, но должно развиваться вместе со всею жизнью страны. В 1914 году В.А. ушел от нас в школу при Путиловском заводе, куда его тянуло, чтобы служить народу и отдать все силы делу народного образования. Я понимала это стремление его и, хотя с грустью подчинилась необходимости расстаться с ним, но в это время гимназия уже совершенно твердо стояла на своих принципах и ничто не могло их поколебать. Это был тип удивительного работника на педагогическом поприще, заслуживающий глубокой благодарности за все, что он сделал для гимназии²⁴.

**

После большевистской революции Советское правительство приняло меры, разрушающие и семью, и среднюю школу. Деятельность комиссара народного образования Луначарского открылась воззванием к учащимся, напечатанным в газетах. Сущность его заключалась в словах: не слушайте ваших родителей, не слушайте педагогов, ваших наставников. Влияние семьи вредно отражается на школе, его нужно парализовать, детей отдалить от родителей, а также и от влияния педагогов, не способных воспринять новые идеи. Помню, как это воззвание сначала возмутило детей, как они перебежали из одной школы в другую, добиваясь гласного осуждения его всем составом учащихся, но это, конечно, ни к чему не привело.

Вслед за воззванием начались преобразования в том же духе. Стали устраиваться митинги учащихся, собрания и союзы, Осузы (Организация средних учебных заведений), Колдучи (коллегия для учащихся), собрания по отдельным школам для выборов представителей в районные собрания, а оттуда выбирались старосты в Центральный Союз. Делалось все, чтобы разложить школу. И многие учащиеся пошли на эту удочку. Что же побуждало их к этому? Одним понравилось играть роль, честолюбие толкало их на это; другие искренно думали, что принесут пользу своему учебному заведению; третьи, может быть, шли ради занятой борьбы, четвертые из подражания, слабовольные, бесхарактерные, не отдававшие себе отчета в окружающем; пятые выбирали этот путь, как наиболее легкий способ освободиться от серьезной работы, требующей напряжения. Когда стали усиленно насаждать коммунизм, то и Союзы молодежи превратились в коммунистические ячейки в каждой отдельной школе с Центральным Союзом во главе. Комиссариат Народного Образования особенно покровительствовал им. Во всех школах велено было отвести отдельные помещения для склада коммунистической литературы и для собраний членов Союза, на которых вербовались бы новые члены и откуда распространялись бы идеи коммунизма. Устраивались и большие собрания во внешкольное время с приглашением участвовать в них всей старшей ступени учащихся. Желавшие послушать «умные речи» собирались, но уходили обыкновенно со смехом, разочарованные ораторами, специально отряженными для пропаганды Центральным Союзом. Все это было бы только забавным эпизодом, если бы коммунистическим союзам не дали прав и не возложили на них обязанности контроля над школами и распределения между ними различных благ. Так, коммунистические ячейки раздавали трамвайные билеты не только детям, но и учащим, раздавали даровые театральные билеты. К этому времени некоторые театры были открыты для учащихся по два раза в неделю. Раздача тетрадей и учебных пособий, лакомств и добавочного продовольствия в случае советских праздников и многое другое тоже производилось членами ячеек. Легко представить себе, какие злоупотребления происходили при этом и какой разврат был внесен и в школы, и в союзы молодежи. Многие школы были при этом морально погублены: дисциплина нарушена, яд зависти, заподозриваний, соглядатайства глубоко проник в детскую душу. Члены союзов из своей же школы являлись контролерами в кладовые, в кухни, в столовые, всюду внося подозрение и злобу; волновалась прислуга, волновались заведующие кладовыми и столовыми; страдали воспитатели и учителя — не только как свидетели

нравственного огрубления детей, но и лично задеваемые подозрениями: один получил чуточку больше хлеба, чем ученики, другой лишнюю тарелку супу, причем всех кормили одинаково отвратительно. Суп из селедочных головок или из картофельной шелухи, в лучшем случае каша из недоброкачественной крупы большей частью без признаков жира или масла — было обычным питанием в школах. Никто тогда не мог сам себе купить пропитание; все принуждены были пользоваться нищенскою подачкою. В некоторых школах разыгрывались целые драмы, например, происходили судебные разбирательства, учителей обвиняли в краже хлеба и съестных продуктов. В интернатах дети шпионили не только днем, но и по ночам.

Многие учителя умерли от голода; иных, одиноких, находили в квартире умершими через несколько дней после их смерти. А тем временем сытые, хорошо одетые и обутые, самодовольные представители союзов подъезжали к школе на извозчиках (роскошь, доступная для комиссаров, для юношей, развозивших по школам учебные пособия, и т.п.). Они разоблачали «хищничество» учителей, а те между тем брели через силу, иногда издалека, в школу в изодранной обуви, с промоченными ногами, чтобы потом несколько часов просидеть в холодном классе. Никто не подсчитал, сколько их при этом схватило воспаление легких и сколько умерло!

Плохо кончилось это дело и для Центрального Союза: получилась огромная растрата денег, продуктов, вещей, предназначенных для школ. Хищение оказалось грандиозным, и вышел бы большой скандал, если бы Комиссариат не поспешил замять все дело и прекратить деятельность распределения благ между школами молодыми хозяевами.

Чтобы расположить учащихся к новому режиму и окончательно оторвать от школы и семьи, их стали развлекать на все лады: открыли для них все театры и кинематографы. Два раза в неделю дети могли посещать их бесплатно (по счастью, не все этим пользовались), в первую голову члены союзов, которые были там постоянными посетителями.

Вместо послесловия

ОТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ДО РЕВОЛЮЦИИ

Жизни гимназии на рубеже столетий посвящены интересные страницы мемуаров моего отца (см. Предисловие). Он приобщился к ней, когда был привлечен, в числе некоторых университетских

товарищей (достаточно будет назвать стяжавших позже известность С.А. Алексеева-Аскольдова и С.М. Метальникова), для создания литературно-философского кружка в целях содержательного времяпровождения живущих при школе пансионеров. Одним из следствий этого начинания явилось венчание родителей в Духов день 1902 г. в православной церковке городка Вева на Женевском озере, при значительном стечении петербургских друзей. С тех пор жизнь Марии Николаевны связалась неразрывно с семьей дочери, ставшей ее верным помощником.

В 1904 г. гимназия переселилась на Кабинетскую (ныне ул. Правды), №20, в нововыстроенный в стиле шведского сецессиона дом Тами и Дейчмана, где на пятом этаже, над приспособленными к школьным занятиям помещениями, разместились соединенные квартиры бабушки и родителей.

1906 г. ознаменовался 25-летием основания гимназии, послужившим поводом к возникновению, если не ошибаюсь, именно тогда, общества друзей гимназии, не без участия которого и при помощи замечательного педагога Вячеслава Яковлевича Аврамова — вскоре открылись два филиала гимназии. Первый — в соседнем доме Земской управы: «школка при VIII-м классе», где каждой выпускной гимназистке вменялось в обязанность уделять часть учебного времени воспитанию вверенной ей девочки из бедного населения нашего участка. Второй — в Костромской губернии, на родине крестьян Стоюниных, где в одном из сёл была поставлена на ноги земская начальная школа.

Тоже по инициативе друзей гимназии начались переговоры для писания бабушкиного портрета, кажется, поначалу с Матэ, но знаю тоже, что посылались ее фотографии и самому Серову, однако, должно быть, из-за его пребывания в Москве (где он умер в 1911 г.) дело осталось лишь в проекте. Осуществлен был мраморный бюст бабушки, исполненный в 1914-15 гг. кн. С.А. Ухтомским (расстрелянным вместе с Гумилевым в 1921) и занесенный судьбою в новгородский исторический музей. Жалею о пропаже после нашего отъезда едва ли не первого произведения Льва Зака (сводного брата С.Л. Франка, представителя «нео-гуманизма» в парижской школе живописи). В 1910 г., восемнадцати лет от роду, он очень удачно исполнил профильный портрет сидящей бабушки (в бугорчато-пуантилистской технике и рембрандтовской светотени).

В связи с поднявшейся к этому времени волной реакционной правительственной политики (см. в тексте упоминание о вмешательстве министра Кассо в школьные дела), когда были исключены с Высших Женских курсов многие студентки, — бабушка вошла

в контакт с пошедшими ей навстречу университетскими профессорами, чтобы организовать при гимназии цикл вечерних лекций для пострадавших курсисток. Зато в пору «августа 14-го» и патристического объединения интеллигенции с властями, — в главном зале гимназии появились дотоле в ней невиданные (вопреки давлению министерства) царские портреты. Ненадолго — до февраля 1917-го.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПЯТИЛЕТИЕ

Относящийся к этому периоду текст был написан бабушкой задолго до первых частей воспоминаний, в начале 1923 г.

Февральские дни 1917 г. наша семья встретила, как и либеральное большинство интеллигенции, сочувственно: бабушка с доверчивой радостью, отец со сдержанной настороженностью. День возобновления занятий после приблизительного восстановления уличного порядка был ознаменован молебном, за которым последовали назидательные беседы бабушки о необходимости оставить господские замашки по отношению к домашней и школьной прислуге, и талантливой преподавательницы Александры Михайловны Петрункевич — о свободе, достижимой только при соблюдении самоограничения. После чего учебе пошло в продолжение трех семестров обычным порядком, без перемены программ и обычаев: с уроками Закона Божьего, утренними молитвами и образами в углах классов и зал.

День злополучного открытия Учредительного Собрания 5 января 1918 г. был также отмечен молебном и соответствующими событию речами. Но за ним в скором времени последовал и другой перерыв занятий для отдания чести новым жертвам большевистского террора — Кокошкину и Шингареву — с панихидой, речами и похоронным маршем, который только что сочинил 11-летний брат одной из учениц, Митя Шостакович. Это и был вошедший со временем в биографию прославленного композитора «Марш в память жертв Революции», официальными героями которого стали мальчуганы, погибшие на деревьях Адмиралтейского бульвара в утро непамятного ему «кровавого воскресенья» 1905 года.

Осенью 1918 г. с национализацией частных школ и введением совместного обучения женская гимназия Стоюниной получила название «10-й Советской школы 1-го городского района», а весной 1922 г. — «53-й советской школы». К сообщаемому бабушкой о введении учеников в управление школьными делами прибавлю, что с 1918-19 упоминаемый ею «Союз» оформился в Комсомол.

Могу утверждать: в нашей школе большого количества членов ему завербовать не удалось: много если 3-4 на класс. О степени их популярности в среде учащихся можно судить по одному памятно-му мне эпизоду. Одна из самых деятельных «союзниц» созвала в начале 1920 г. старшие классы на общее собрание, где разразилась резкими нападками на бабушку, в ответ на что пришедшие покинули зал, оставив ее одну.

Во главе школы бабушка продолжала стоять в звании председателя два года, на долю матери досталась докучная обязанность сношений с Наркомпросом и другими административными учреждениями. Но осенью 1920 г., на 74-м году жизни, М.Н. Стоюнина приняла добровольное решение передать бразды правления школой в более молодые, мужские руки, и ее выбор пал на Бориса Павловича Афанасьева, уже лет пять преподававшего у нее физику и химию. Но до самого отъезда нашей семьи из России осенью 1922 бабушка оставалась душой всего дела.

Покинули мы родину, следуя за отцом, высылаемым, после нескольких недель тюрьмы, в числе нескольких десятков «потенциальных друзей возможных врагов Советской власти», о чем я уже писал в «Русском Альманахе» (Париж, 1981, с.351-362). Бабушкины сотрудники и питомцы отметили наш отъезд на редкость симпатичной и оживленной прощальной вечеринкой в гимназии, и многие из них были в толпе, собравшейся 15 ноября на заснеженной набережной у Горного института проводить семью интеллигентов-изгнанников, грузившихся на немецкий пароход «Preussen», которому предстояло на рассвете отплыть в Штеттин.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОДЫ

На перроне берлинского Stettiner Bahnhof, среди двух или трех десятков русских эмигрантов, встречавших нашу группу, нашлось и человек пять «стоюнинок». Недели через две после нашего приезда в немецкую столицу пришло письмо из Праги, помнится, от осевшего там П.Б. Струве, с сообщением, что в связи с учрежденной президентом Масариком «Русской акцией» чехословацкое правительство (не без содействия П.Б. Струве) обеспечило отцу и бабушке содержание, каким уже пользовались некоторые другие представители русского культурного зарубежья. Таким образом, с 19 декабря 1922 г. наша семья водворилась в Праге: на двадцать лет, если говорить о родителях. Жившая неразлучно с детьми бабушка сохранила до девяноста лет полную ясность разума, страстно следила за ходом политической и культурной жизни в России

и за рубежом, написала бесчисленное количество писем родным и друзьям «в отечестве и рассеянии сущим». Только с 1937 г. ее физические и духовные силы пошли быстро на убыль. В последний день своей жизни, 12 марта 1940 г. (как о том писала мне во французскую армию мать), прежде чем безболезненно угаснуть в забытьи, бабушка захотела исповедоваться и приняла причастие, молясь за три поколения своего потомства. Рад, что могу воздать ей здесь благодарность от имени внуков, которым она посвятила свои воспоминания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Род Тихменевых идет от татарского воеводы Тюкменя, поступившего в XVI веке на службу Московскому государству. У М.Н. Стоюниной когда-то хранилась полученная им жалованная грамота от Иоанна Грозного или Федора Иоанновича, но, к сожалению, она подарила ее кому-то из русских историков (кажется, Костомарову), оправдывая тем сетования Пушкина на то, что «русский ветренный боярин теряет грамоты царей как ветхий сор календарей».

По всей видимости, Тюкмень водворился в Ярославской области, где до сего дня имеется городок Тихменевка, возможно, на месте его вотчины, от коей, видимо, и оставалось в XIX веке имение Бяково, которым владел дед М.Н. — Василий Тихменев, а после него — один из его сыновей Никтополион — дядя М.Н. Стоюниной. Никтополион нес военную службу, по-видимому, уже в конце Отечественной войны: на его портрете, висевшем в бабушкином кабинете, изображался план укреплений с надписью *Danzig*. Свою военную карьеру он довел до чина и должности генерала-начальника Варшавского военного округа, и, вероятно, пользовался известным успехом у польских дам, которые вышили ему герб Тихменевых для каминного экрана, унаследованного бабушкой вместе с библиотекой французских серьезных и фривольных книг. Этот герб (наверное составленный в основанном Павлом I Департаменте герольдии) явно напоминает о татарских наездниках-воителях.: на лазоревом небесном фоне, под золотой путеводной звездой, серебряная подкова с двумя скрещенными стрелами. На прадедовской печати всему этому сопутствовал девиз: *Всё от Бога*.

² Должно быть, после смерти отца Николай Васильевич сменил военную службу на гражданскую, дошел до чина, кажется, действительного статского советника и даже нашел какое-то удовлетворение своему влечению к искусствам. Знаю от бабушки, что здание Окружного Суда в Таганроге было выстроено по его рисункам, если не чертежам, и помню его подарок бабушке (должно быть, к ее свадьбе в 1866 году) — исполненное по его же рисунку настенное зеркало с надписью «Мария Стоюнина» и со

сложной резьбой по дереву в петушковом, ропетовском «русском стиле». Был он человек с хорошим сердцем, но очень крутым нравом, рослым и видным — нечто в стиле Николая I. Обожавшая его карлица-кухарка (кажется, финка), любившая выражать ему свою симпатию, могла только обнять его ногу.

³ Мать Клавдии Егоровны Фитцнер, Мария Яковлевна, была по отцу Языкова и гордилась известностью своего племянника, «певца финляндки молодой». Она жила в юности в Павловске со своей матерью и рассказывала, что иногда, часу в шестом утра, их будил стук палкой в ставню, открывши которую они обнаруживали Павла I, опирающегося на трость и заявлявшего им, что их корова вышла на улицу.

⁴ О В.Я. Стоюнине (1826-1888) см. биографический очерк В.Сиповского в «Вестнике Европы», 1889 (март), с.298-330, воспроизведенный в посмертном сборнике В.Я. Стоюнина *ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ*, СПб, 1891; статью Н.Тупикова в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т.62, 1901, с.713-715 (библиогр.) и в обогащенном новыми биографическими данными предисловии Я.А. Ротковича к сборнику В.Я. Стоюнина *ИЗБРАННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ*, М., 1954.

Родоначальником семьи Стоюниных был, по преданию, костромской крестьянин Стоюн, прозванный так за то, что пережил один эпидемию, сведшую в XVIII веке в могилу всю его деревню. Из всего, что будет сказано ниже, явствует, что стойкость легла в основу характера В.Я. и что ее он передал своей супруге и продолжательнице своего дела М.Н. Стоюниной. Отец Владимира Яковлевича родился уже в богатой купеческой семье, а мать, Пелагея Васильевна, принадлежала к семье петербургских фарфорозаводчиков Корниловых. Своего сына они отдали в дорогую немецкую *Appenschule*, но два года спустя перевели его оттуда во второй класс 3-й Императорской Гимназии. Высшее образование Владимир Яковлевич получил в 1846-50 гг. на Восточном ф-те СПб ун-та, помышляя о службе при посольствах в Персии или Турции, но финансовый крах отца, взявшего на поруки недостойного приятеля, вынудил его прийти на помощь семье, и для более быстрого заработка он вступил на путь педагогики, где и обнаружилось его подлинное дарование.

⁵ Прибавлю к этому слышанное от моей матери: кланяясь, как многие русские, всем туловищем, Владимир Яковлевич стремительно выпрямлялся, давая друзьям семьи повод утверждать, что он «кланялся в обратную сторону».

⁶ Принц Ольденбургский и жил в бывшем дворце Бецкого, выходящем окнами на Марсово поле, Летний сад и Неву.

⁷ Весною 1865 г. бабушке было 18 лет, а деду 38. Думаю, что к этому времени его гражданский чин и орден св. Владимира не принесли еще ему звания потомственного дворянина, почему следует признать за пределом

известную широту взглядов за согласие выдать дочь за «разночинца». Свое благоволение к будущему зятю он выразил, между прочим, даровав ему свои большие «Мозеровские» золотые часы, которые, в свою очередь, бабушка подарила впоследствии моему отцу. Сам же прадед обзавелся только серебряными часами, которые бабушка носила до конца жизни.

⁸ Скорее она, чем бабушка Фитцнер (см. прим.3) говорила моей бабушке, должно быть, проявлявшей с детства, наперекор отцу, независимый нрав: «Машенька, ты не искательна». Надежда Васильевна была по отцу Маркова, а по матери — родственницей ярославских дворян Дедюлиных.

⁹ Рассказы бабушки о появлении восточного властителя в России и православного владыки на экзаменах Закона Божьего в Николаевском институте основаны на ее переписке с Владимиром Яковлевичем во время ее лечения на водах в Германии. За недостатком места приведу только выдержки из письма В.Я. от 8 мая 1873 г.: «Сегодня, благодаря персидскому шаху, который вчера приехал в Москву, у нас в институте была страшная кутерьма. Нам послали сказать, что он будет в институте в 1 час. Для этого в 11 часов прекратили классы и экзамены. Девушки обедали часом раньше. В третьем часу собрались для торжественной встречи. ... Ждут час, другой, шаха нет, начинается "томление от ожидания". Посылают во дворец справиться и узнают, что заставивши накануне ждать себя час всю публику в театре, "его дикарское величество" после балета, который ему очень понравился, не скоро заснул, а в третьем часу ночи вдруг потребовал к себе жен, которые помещены были где-то в Петровском парке с его собственного согласия. Должны были привезти к нему жен, и поэтому встал в одиннадцать часов утра, его повели в Оружейную палату, но пробыл он там всего полчаса и возвратился к завтраку, а после завтрака пошел к женам, с которыми и пребывает до настоящей минуты, и никто не смеет войти к нему, чтобы напомнить, что не для этого он приехал в Москву». После новых ожиданий, прерванных ложной тревогой, «приезжает полицейский и объявляет, что шаха не будет», но напряженное состояние длится до следующего вечера и отъезда августейшего гостя в Петербург.

¹⁰ После этого слова в бабушкином черновике стоит: «вставить письмо». Это и сделано в машинописи отца, причем обнаруживается хронологическое расхождение с данными бабушкой годами экзаменов: 1870-71 вместо 1873-74.

¹¹ См. прим.4

¹² И.И. и А.С. Петрункевичи проживали в 1920-х годах в окрестностях Праги, где и скончались в 30-х. Там же жила и дочь А.С. Петрункевич, графиня С.В. Панина. Помню, на меня производило впечатление исторического анахронизма то, что А.С. обращалась к бабушке на ты и называла ее «Мари». Такое мне довелось слышать раньше в Петербурге только от

двух других подруг ее молодости: г-жи Фортунато, дочери Владимира Стасова, и от вдовы Ф.М. Достоевского.

¹³ См. прим.4.

¹⁴ Если считать упомянутую выше, но, видимо, недолго просуществовавшую гимназию Спешневой, то гимназии Стоюниной пришлось бы четвертое по старшинству место, после основанных в 1866-67 гг. учебных заведений Оболенской и Таганцевой. До сорока их количество дошло не к 1922-му году, а ко времени национализации советским правительством всех учебных заведений осенью 1918.

¹⁵ Должно быть, этот венок и показывали супруги Достоевские бабушке, которая навестила их сразу после пушкинских торжеств. Показывая его, они не преминули добавить, что он превосходил размером венок, доставшийся Тургеневу.

¹⁶ Путешествием на Соловки, организованным моей матерью в июне 1914 года, закончилась прерванная войной серия весенних экскурсий гимназии. В связи с ними мне вспоминаются фотографии посещения старшими классами Репина в Пенатах, тогдашней Куоккале, с угощением за большим круглым столом с блюдами на его вертящейся средней части и выдвижными ящиками, наполненными сеном, куда складывались приборы.

¹⁷ Слышал от бабушки, что день 24 октября, когда родители привели в гимназию детей, был для нее едва ли не более волнительным, чем следующий день, ознаменованный открытием гимназии. Отчасти и поэтому ее сорокалетний юбилей в 1921 году был отпразднован 24, а не 25 октября (кроме того, — чтобы избежать совпадения с торжествами по поводу установления советской власти).

¹⁸ Ныне ул. Чайковского. Через год для гимназии был снят двухэтажный дом гр. Шуленбурга на Фурштадтской (ныне ул. Петра Лаврова), а незадолго до 1900 г. она переместилась в более просторный дом Бессера, построенный в стиле «модерн» и все еще стоящий на Владимирской площади против собора.

¹⁹ Публикуемая машинопись не воспроизводит из бабушкиных черновиков страниц о болезни и смерти дочери Лины. Старшие дети Стоюниных, Надя и Володя, умерли в младенческом возрасте, в начале 1870-х.

²⁰ Физические страдания В.Я. переносил молча в присутствии жены и дочери, но когда бабушка, желая отвлечь мою (тогда 12-летнюю) мать от тяжелой домашней обстановки, повела ее на оперу «Жизнь за Царя», вернувшись, они узнали, что В.Я. не мог удержаться от стонов. Погребен он был на Волковом кладбище, недалеко от Литераторских мостков, рядом с могилами прабабушки Тихменевой и тети Лины, куда была в ноябре 1918 г. похоронена и наша 10-летняя сестра Маруся, погибшая от дифтерии. Надгробный памятник деда — высокий крест из черно-серого «сер-

добольского мрамора», был взят около 1978 г. «под охрану государства», благодаря стараниям покойной кузины И.М. Троицкой.

²¹ Здесь упоминается сын архитектора Александра Лаврентьевича Витберга, делом жизни которого был первый, неосуществленный проект храма Христа Спасителя в Москве, проект, из-за которого его автор подвергся несправедливым гонениям при Николае I и был отправлен в вятскую ссылку, которую с ним разделил Герцен, посвятивший ему главу *БЫЛОГО И ДУМ* (I, 16). Витбергу-сыну бабушка в свое время поручила, между прочим, приведение в порядок и каталогизацию по установленным нормам ценнейшей библиотеки Владимира Яковлевича. Помню, как в одно из своих посещений нашего дома (осенью 1917 года) он, рассказывая о своем отце, сообщил о существовавшей большой модели его утопического храма, погибшей из-за нерадивости его братьев.

²² Среди материалов, присланных бабушке А.О. Титовой в 1926 г., имеется ее запись об этих празднествах со слов самой Е.П., ставшей тайной монахиней и умершей в том же 1926 г.

²³ С профессором романо-германской филологии и славистом Ф.А. Брауном нашей семье довелось еще встретиться в ноябре 1922 г., вскоре по прибытии в Берлин (там он именовался Freidrich von Braun).

²⁴ О В.А. Герде могу добавить, что через свою сестру Нину Александровну он приходился свояком Петру Бернгардовичу Струве. В 1919-20 гг. он на короткое время снова появился в бабушкиной гимназии, увлекательно ведя как раз в моем классе уроки анатомии и зоологии.

В.Гитин

МАТЕРИАЛЫ К КИЕВСКОМУ ЭПИЗОДУ БИОГРАФИИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

Материалы, дающие представление о биографии Анненского, стали появляться сравнительно недавно. Среди них нужно выделить блестящую, насыщенную сведениями публикацию А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика «Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях», помещенную в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия. 1981», изд. «Наука», Л., 1983. В числе других документов авторы опубликовали мемуарные отрывки «Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминания сына» В.Кривича, дополняющие опубликованную Кривичем часть задуманной книги об отце («Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам» — альманах «Литературная мысль», кн.3, Л., 1925). В составе этих воспоминаний есть эпизод о директорстве Анненского в Киевской Коллегии Павла Галагана («Памятники», с.85), прокомментированный авторами публикации (там же, с.135-136). Интересно, что в опубликованных материалах 1925 г. («Литературная мысль», с.247-251) Кривич ни словом не упоминает о неблагоприятном конце директорства и переводе Анненского на другое место против его воли. («В Киеве отец пробыл недолго и уже в 1893 году получил назначение снова в Петербург». — Указ. соч., с.250). По сути нет упоминаний об этом и в отрывках, опубликованных в «Памятниках». Только в комментариях, из приведенного там письма директора Департамента Народного Просвещения Н.М. Аничкова к Анненскому (с.135) ясно, что последнему пришлось оставить пост директора Коллегии. Эпизод этот может быть дополнен имеющимися в нашем распоряжении документами, приводимыми ниже. Выражаем признательность Г.Суперфину за советы и помощь в работе над ними.

♦♦

Письмо Екатерины Васильевны Галаган¹ Анненскому, директору Коллегии П.Галагана [черновик, б.д.]².

Находясь в болезненном состоянии, я не имею возможности лично объяснить с Вами по делам Коллегии. Скажу только, что в управлении дорогим для меня учебным заведением Вы систематически нарушаете основные положения, ясно выраженные в Высочайше утвержденном уставе его, поэтому Вы поставили меня в необходимость обратиться к высшему начальству с просьбою — дать Вам другое назначение, более соответствующее воззрениям Вашим на учебно-воспитательное дело, о чем считаю нужным известить Вас. Примите уверение...

(ЦНБ АН УССР, архив Житецких, ф.1, шифр 49165)³

Докладная записка Екатерины Васильевны Галаган о несоответствии в должности директора Коллегии П.Галагана Анненского [черновик, б.д.]⁴

Наперед прошу у Вас извинения за эти строки, в которых решилась я, как попечительница Коллегии, выразить Вам свое мнение о директоре её, г. Анненском. С болью в сердце я должна сказать Вам, что он не оправдал моих надежд, которые возлагала я на него как на исполнителя самых задушевных желаний моих и покойного мужа моего Григория Павловича.

Позволяю себе в кратких словах высказать, в чем заключаются эти желания:

Вы знаете, что Коллегия учреждена в память печального события в личной нашей жизни. Потеряв единственного сына своего, в самом расцвете юношеских сил его, мы желали, чтобы чужие дети его возраста продолжали прерванную нить его жизни приблизительно в той обстановке умственной и нравственной, в какой жил покойный сын наш. Конечно, семья — не школа, но, учреждая закрытое учебное заведение, мы желали видеть в нем большее или меньшее подобие семьи, в которой, как известно, центр тяжести заключается в воспитании воли и сердца, а не в одной внешней дрессировке молодых людей. Больше всего мы опасались, как бы Коллегия не превратилась в обыкновенную уче-

ническую [слово неразб.], с ее чисто внешними, формально-дисциплинарными порядками. Чтобы устранить всякую возможность такого превращения, мы дали в помощь воспитателям Коллегии самое могущественное орудие — преподавание главных предметов курса. Таким образом, воспитатель Коллегии, употребляя общие приемы воспитания, имеет полную возможность содействовать выработке особенных приемов, более или менее рассчитанных на индивидуальность тех или других воспитанников. Казалось нам, что именно на этой широкой почве воспитания, соединенного с обучением, можно посеять и возрастить в душах юношей любовь и разумение главных основ русской жизни с тем, чтобы они сделались впоследствии честными и полезными деятелями и слугами дорогого отечества нашего.

Указанные мною основные черты Коллегии делают ее заведением особого типа [среди] состоящих в ведомстве Министерства Народного Просвещения гимназий Империи, но [оно] не есть и частное учебное заведение, с его спекуляторскими целями и задачами. Учреждая Коллегию, покойный Г.П. одушевлялся мыслью, что она будет служить общим интересам отечественного просвещения, жить общими интересами, или же, как сказано в Уставе, будет способствовать развитию самостоятельного педагогического дела в России путем учебно-воспитательной практики. К этой мысли благосклонно отнесся и в Бозе почивший Государь Император в рескрипте, данном на имя Г.П. по случаю учреждения Коллегии. Самое учреждение это, как Вам известно, прошло через Государственный Совет, и затем Устав Коллегии, во всей полноте ее особенностей, отличающих ее от обыкновенных гимназий, утвержден Государем Императором.

И вот — выпала на долю г. Анненского, ныне директора Коллегии, задача — привести в согласие Устав Коллегии с требованиями и постановлениями, идущими из Министерства Народного Просвещения. Задача эта оказалась не под силу г. Анненскому.

Так, по 2-му и особенно по 5-му §§ Устава Коллегии ей представляется право самостоятельной постановки учебного дела с тем только ограничением, чтобы каждый предмет преподавался в объеме не менее требований, предъявляемых для классических гимназий учебными планами Министерства Народного Просвещения. Увеличение объема требований по каждому предмету, назначение числа недельных уроков, распределение учебного материала по классам, устройство той или иной системы переводных испытаний, определение методов и приемов преподавания, — все это предоставляется по Уставу компетенции Правления Коллегии, которая с первых шагов своего существования всегда дорожила

предоставленным ей правом и допускала некоторые особенности в постановке учебного дела, руководясь, конечно, не желанием во что бы то ни стало обособиться от классических гимназий, а исключительно имея в виду пользу учащегося юношества⁵. Что же делает г. Анненский? Он решает вопрос очень просто, предлагая преподавателям следовать во всем указаниям Проекта Учебных планов, изданных Министерством для классических гимназий. Он применяет министерские правила о переводных испытаниях во всех классах Коллегии без всяких соображений о целесообразности этих правил для Коллегии. Одним словом, он нарушает основные начала учебного дела в Коллегии, ясно выраженные в Высочайше утвержденном Уставе ее.

Еще более несостоятельным оказался г. Анненский перед воспитательными задачами Коллегии. Совмещая в своем лице звание воспитателя и директора Коллегии, он ищет в этом последнем звании точки опоры для воспитательных влияний. Без сомнения, во всяком учебном заведении должна быть центральная власть, но она должна выступать в самых решительных случаях, когда исчерпаны все другие положительные воздействия на воспитанников. Между тем, г. Анненский, действуя главным образом через других воспитателей и не принимая непосредственного участия в деле воспитания, свел это дело к формальным требованиям, состоящим из недопушений, воспрещений и произвольных разрешений. Конечно, легче говорить с воспитанниками языком всякого рода официальных мероприятий, но по смыслу Устава Коллегии не на этой канцелярской почве педагогического формализма должно стоять живое дело воспитания юношества⁶.

Долго я думала о том, сознает ли г. Анненский то, что он делает — случайные ли это ошибки с его стороны или же целая система действий, идущая вразрез с духом и смыслом Устава Коллегии. После многих колебаний в ту и другую сторону, после многих наблюдений в течение пятнадцати месяцев, я окончательно убедилась в том, что он человек, не подходящий к Коллегии, человек посторонний и, можно сказать, чуждый основным идеям, которые вызвали на свет это дорогое для меня учреждение. Надумать и вразумить его я не имею никакой возможности. Преклонные лета мои и тяжкие недуги, удручающие меня, дают ему широкий простор для его действий, угнетающих меня и надрывающих последние силы мои. Сколько мне кажется, он сообразил эти выгодные для него и невыгодные для меня условия. Иначе я не могу объяснить для себя эту самоуверенность, с которою он берет на себя ответственность за судьбу Коллегии помимо руководящих начал, ясно выраженных в Уставе ее, помимо совета со мною и

даже во многих случаях с ближайшими своими сотрудниками. Может быть, этот образ действий объясняется молодостью г. Анненского и полным отсутствием в натуре его чувства меры и надлежащего такта. Во всяком случае, дальше идти некуда, и я вынуждена обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой дать другое назначение г. Анненскому [зачеркнуто: который по случайному стечению обстоятельств очутился не на своем месте. — В.Г.], которое более соответствовало бы его воззрениям на учебно-воспитательное дело.

(ЦНБ АН УССР, архив Житецких, фонд 1, шифр 47189)

3

Письмо к Сергею Федоровичу Платонову⁷

[на бланке с печатным грифом: Иннокентий Федорович Анненский. Директор Коллегии Павла Галагана.

В правом верхнем углу пометка карандашом:
«что прикажете отвечать?»]

21 февраля 1893 г. [Киев]

Многоуважаемый Сергей Федорович!

К моему большому огорчению, я не мог видиться с Вами во время моего короткого пребывания в Петербурге⁸. У меня была такая масса служебной заботы и разных деловых хлопот, что пришлось посвятить им большую часть моего отпуска. Между тем, обо многом не только интересно, но и важно бы было побеседовать с Вами — я уже не говорю об удовольствии видиться с Вами: здесь, на чужбине, среди нарочито неприятных людей, врагов и личных, и принципиальных, явных и тайных, среди украинского лицемерия и провинциальной мелочности часто вспоминается мне с завистью общество друзей, великороссов и петербуржцев, и всегда при этом думаю я о Вашем милом обществе и наших, хотя и редких, но ценных для меня беседах...⁹

Чувствую, однако, что говорю тоном какой-то малороссийской кляузы. Это ничего — [слово неразб.], что чувство у меня в это время доподлинное и самое живое.

Вместе с этим письмом Вам будет переслана небольшая библиографическая заметка; я думаю, что вследствие ее краткости, можно ее напечатать в Журнале Министерства Народного Просвещения¹⁰. Если Вы ее одобрите, то поместите. Я думал было послать ее, вместе с другими, в Московское филологическое обо-

зр[ение], но там уже набирают на ту же тему статью du Conseiller d'Etat V. de Gringmouth¹¹.

Есть одна деталь, которую надо обговорить. Книжка Иванова, которую я выбрал, кажется, одобрена¹², но дело в том, что, одобряя, не заметили, что она внешним образом разительно напоминает Иллюстрированные издания Георг. и Маншт.¹³ Впрочем, если б надо было изменить что-нибудь, даю Вам *carte-blanche*.

Крепко жму Вашу руку и прошу за меня поцеловать ручку Надежды Николаевны¹⁴.

Вам преданный И. Анненский.

(ГПБ, архив Платонова, ф.585, ед.хр.67)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Екатерина Васильевна Галаган (1826-1897), вдова Григория Павловича Галагана (1819-1888), украинского общественного и политического деятеля (с 1883 члена Государственного Совета), исследователя украинской этнографии, основателя Коллегии Павла Галагана (1871). Кривич почему-то называет ее «урожденная Дараган» (*ПАМЯТНИКИ*, с.85). Это ошибка, Е.В. Галаган была урожденной Кочубей (см.: В.Л. Модзалевский. *МАЛОРОССИЙСКИЙ РОДОСЛОВНИК*. Киев, 1908, с.225). В годы директорства Анненского в Коллегии (январь 1891 — сентябрь 1893) она была почетной попечительницей Коллегии.

² Беловик письма находится в ЦГАЛИ (датован 30 июня 1892 г.), публикатору недоступен.

³ Публикуемый черновик письма находится в архиве Житецких, Павла Игнатовича (1836-1911) — выдающегося украинского филолога, чл.-корр. Петербургской АН, преподававшего в коллегии Галагана украинскую филологию, и его сына, Игнатия Павловича (1866-1929) — историка и архивиста.

⁴ Беловик находится в ЦГАЛИ (ф.6, оп.1, ед.хр.310). Выдержку из письма приводит А.Федоров в своей книге *ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ*. Л., 1984, с.17-18, датируя письмо 1892 г. Не ясно, кому оно адресовано. По обращению в письмо «Ваше Превосходительство», можно предположить, что оно могло быть адресовано или Попечителю Киевского учебного округа тайному советнику Вельяминову-Зернову, или тайному советнику Н.М. Аничкову, директору Департамента Народного Просвещения, письмо которого к Анненскому от 1 сентября 1893 г. приводится в *ПАМЯТНИКАХ*:

По всем обстоятельствам, в последнее время выясняющимся, Вам едва ли возможно будет оставаться на месте директора Коллегии Павла Галагана. /.../ Все время и после моего приезда в Киев продолжают и продолжают наветы и выражения недовольства. Быть хотя бы временно яблоком раздора между партиями, которые по самой природе своей никогда не сойдутся, весьма нелегко.

(ПАМЯТНИКИ, с.135)

В картотеке отдела рукописей ЦНБ АН УССР, на карточке рядом с описанием докладной записки Е.Галаган, указано имя Анненков. Так ошибочно назван или Анненский, или Аничков.

⁵ Коллегия Павла Галагана была учебным заведением закрытого типа с числом воспитанников от 45 до 65. Она находилась в ведомстве Министерства народного просвещения и под покровительством Киевского университета св. Владимира. Состояла она только из четырех высших классов и среди прочего отступала от гимназической программы тем, что греческий язык там не был обязательным.

⁶ О системе педагогических воззрений Анненского см. *ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПИСЬМА*, печатание которых он начал как раз во время пребывания своего в Коллегии Павла Галагана (*ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПИСЬМА. Я.П. Гуревичу*. — «Русская школа». СПб, 1892 [июль-август], с.146-167; 1892 [ноябрь], с.65-86; 1895 [февраль], с.87-103).

⁷ Сергей Федорович Платонов (1860-1933) — историк, академик. В 1883-1916 читал курсы по русской истории на Высших (Бестужевских) женских курсах в СПб., где в 1890 читал теорию словесности Анненский. Среди писем Анненского к Платонову есть одно (от 10 сентября 1890 г.) с упоминанием о первой лекции Анненского на курсах:

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Сегодня я был на курсах на экзамене, и Кулин [В.П. Кулин — директор Бестужевских курсов с 1889 г. — В.Г.] сказал мне, что лекции начнутся только на будущей неделе. Я предупреждаю Вас об этом, потому что Вы хотели быть на моей первой лекции, которая, следовательно, выпадает на среду будущей недели.

Искренне уважающий Вас и преданный
Иннокентий Анненский.

(ГПБ, архив Платонова, ф.585, ед.хр.67)

До 1896 г. Платонов состоял помощником редактора Журнала Министерства Народного Просвещения (ЖМНП), в связи с чем Анненский и упоминает в письме свою «библиографическую заметку». Как в своих воспоминаниях об отце, так и в перечне имен людей вокруг Анненского, который Кривич оставил в планах книги воспоминаний, имени Платонова не упоминается. Вероятно, отношения не были близкими или важными (ср. в публикуемом письме оговорку по поводу «редких бесед»). В письмах Анненского присутствует какой-то оттенок формальности по отношению

к Платонову. Последнее письмо Анненского к нему в фонде Платонова в ГПБ датировано 28 декабря 1894 г., т.е. уже после приезда Анненского из Киева в Петербург и получения им должности директора 8-й гимназии:

Во вторник: 3-го января наступающего года, несколько друзей собирается ко мне прослушать вновь переведенную мною на днях трагедию («Реса»). Мы с женой считали бы себя очень счастливыми видеть Вас и Надежду Николаевну в нашем дружеском кругу, где Вы встретите, вероятно, всех знакомых. Я рассчитываю начать чтение в 9-9 1/2 ч. вечера.

Прошу Вас передать мой дружеский привет Надежде Николаевне. Она, конечно, не обижается на Дину, что та до сих пор у ней не была: болезнь и старая дружба дают права на снисхождение.

Искренне преданный Вам Анненский.

(ГПБ, архив Платонова, ф.585, ед.хр.67)

⁸ В каком именно месяце и на какой срок приезжал Анненский в Петербург — неясно. Среди министерских приказов о предоставлении отпусков имени Анненского не значится. Вероятнее всего, что речь идет о январе или феврале. «Служебные заботы», которые упоминает Анненский, вероятно, связаны с положением его в Коллегии.

⁹ В дополнение к тому, что нам известно о научной и литературной деятельности Анненского в киевский период, необходимо добавить и те его научные рефераты и обзоры, с которыми он выступал в Киевском Обществе Классической Филологии (см. «Филологическое обозрение», 1892, т.2, II, с.223; 1893, т.3, II, с.192, 194, 196).

¹⁰ Речь идет о рецензии Анненского *ТРИ ШКОЛЬНЫХ ИЗДАНИЯ СОФОКЛОВА «ЭДИПА ЦАРЯ»*, помещенной в майской книжке Журнала Министерства Народного Просвещения за 1893 (май, с.282-287). Рецензия посвящена трем изданиям *ЦАРЯ ЭДИПА*: с комментариями Ф.Ф. Зелинского (1892), О.Петрученко (1886) и Ив. Иванова (1892), однако, по существу Анненский подробно разбирает только одно из них — издание с комментариями Зелинского.

¹¹ Анненский имеет в виду рецензию, по величине скорее статью, В.Грингмута (старшего преподавателя Лицея Цесаревича Николая в Москве) на четыре издания Софокла, помещенную в «Филологическом обозрении», 1893, кн.4, отд.2, с.49-68 и 202-235, в которой, по существу, дается подробный разбор только вышеназванных изданий с комментариями Зелинского и Иванова. В отличие от Анненского, Грингмут одобрительно отзывался о книге Иванова, чем, вероятно, и вызвано ироническое упоминание его Анненским в письме по-французски: «Conseiller d'Etat V. de Gringmouth» (он и в самом деле был действительным статским советником).

Слова Анненского «вместе с другими» относятся к четырем рецензиям, помещенным им в этом же выпуске «Филологического обозрения» и являющимися его первыми рецензиями в этом журнале, начавшем выходить в 1891. Поскольку только две из них внесены в напечатанные библиографии Анненского, позволим себе назвать их здесь. Это рецензии на книги: *ГЕРОДОТ. «ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ»*, сост. Иосиф Гобза. (М., 1891) (с.70-74); *СЛОВАРЬ К «ГРЕКО-ПЕРСИДСКИМ ВОЙНАМ» ГЕРОДОТА*, сост. И.Гобза. (с.74-75); *«ИППОЛИТ»*, трагедия Еврипида, в пер. Д.Мережковского. (с.183-192); *ГЕРОДОТ. «СКИФИЯ»*, объяснил Г. фон-Гаазе. (Царское Село, 1892) (с.235-238).

¹² Упомянутая книга Иванова была одобрена в качестве учебного пособия по греческому языку для гимназий (см.: ЖМНП, 1892, ноябрь, с.16), о чем Анненский узнал, по всей видимости, раньше официального сообщения (его письмо датировано февралем 1892 г.). Уже после напечатания рецензии Анненского на эту книгу в майском номере ЖМНП за 1893 г. («Тем печальнее, что рядом с изданием Зелинского явилась в продаже книжка г.Иванова»), появилась хвалебная на нее рецензия (не подписанная, ЖМНП, 1894, ноябрь, с.14-15), безусловно, связанная с ее официальным утверждением в качестве учебного пособия.

¹³ «Георг. и Маншт.» имена издателей Льва Георгиевского и Сергея Манштейна, выпускавших в Царском Селе серию книг «Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков» (издание началось в 1890 г.). Именно в этой серии вышла разбираемая Анненским книга *ЦАРЬ ЭДИП* с объяснениями Зелинского. Ср. слова Анненского в письме с концом его рецензии: «Внешность [книги Иванова. — В.Г.] напоминает иллюстрированные издания, и это действует крайне неприятно, потому что работа г.Иванова появилась одновременно с изданием царскосельским и потому что весьма возможное смешение двух изданий объясняется, конечно, не желанием г.г. Георгиевского и Манштейна» (указ. соч., с.287).

¹⁴ Жена С.Ф. Платонова.

ПЯТЬ «ВОЛЬНЫХ» ПИСЕМ В.И.ВЕРНАДСКОГО СЫНУ (Русская наука в 1929)

Публикация К.К.

По предложению ред. «Минувшего», предоставившего нам ксерокопии писем Владимира Ивановича Вернадского (оригиналы их хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, Нью-Йорк, в составе фонда сына В.И. — Георгия Владимировича Вернадского, 1887-1973), мы вчерне подготовили их к печати в надежде, что семейная переписка Вернадских сможет в дальнейшем увидеть свет отдельной книгой. Приносим свои извинения читателям за фрагментарные и несбалансированные примечания, это следствие разных причин, одна из которых, вне воли публикатора — отсутствие нужных источников в библиотеках страны его проживания и невозможность воспользоваться советскими хранилищами.

События в стране в 1929 г., в том числе вокруг Академии наук, не охватываются комментарием к письмам; читатель может воспользоваться соответствующими материалами в историческом сборнике «Память» (вып.1 и 4), классической книгой Лорена Грэхэма (Loren R. Graham. *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1942*, Princeton, 1967); недавно появившейся, основанной на фронтальном прочтении газет тех лет, статьей Алексея Левина (Aleksey E. Levin. *Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Science*. — «Slavic Review», vol.47, 1988, №2, p.261-279).

Надо с огорчением отметить, что, несмотря на благотворные для исторической науки перемены в СССР, последний выпуск «Документов по истории Академии Наук СССР. 1926-1934 гг.» (Л., «Наука», 1988; отв. ред. Б.В. Левшин) принципиально ничем не отличается от традиционно парадных своих предшественников. Что касается последних публикаций, посвященных В.И. Вернадскому, то надо сказать, что среди юбилейных есть и такие, что отвечают подлинному Вернадскому, который жил и ра-

ботал, не скрывая своих мыслей и чувств по отношению к происходящему (см., например, публ. из дневников ученого за 1941 (в «Литературной газете» от 16 марта 1988) и за 1918 г. (в журнале «Україна», 1988, №46-49) и, безусловно, материалы в «Вопросах истории естествознания и техники», 1988, №1,2).

Ниже следуют тексты, которые публикуются в соответствии с нынешней орфографией (Вернадский пользовался старой), и с сохранением лишь одной индивидуальной особенности правописания В.И.: в слове «коммунист» и производных от него Вернадский не признавал сдвоенного «мм», а писал их через одно. Авторская пунктуация по возможности сохраняется. Некоторые описки исправлены без оговорок. В примечаниях указываются даты жизни и смерти в случаях, когда они не общеизвестны.

1

3.VII.929. Прага

Мой дорогой — вот уже мы с мамой в Праге¹ — видели внучку — маленькую, нежную, которая так жалобно иногда пищит, с глубокими вдумчивыми синими глазками². Она меня поразила своей маленькой величиной. Странна и таинственна та связь, которая сразу проявляется и чувствуется. Мне кажется рознь между кровными поколениями есть то, что отходит в прошлое, в ту живую природу, которая сейчас заменяется человеческим сознанием. Эта рознь — быстрое исчезновение или схождение на нет родового чувства резко характеризует наших животных предков и всю живую природу до нас. Будущее, мне кажется, принадлежит родовому чувству.

Прочел твою книгу с огромным интересом. Она пришла в Академию, сейчас же мне об этом сказал и Платонов (замен[яет] Непр[еменного] секр[етаря]) и Карпинский, а Рождественский (замен[яет] библи[отекаря])³ мне ее прислал и я до отъезда успел ее прочесть. Она *очень* интересна; нова и оригинальна по точкам зрения. Я думаю, что ты правильно придал такое основное значение *размножению* и сейчас это основной стихийный фактор всей современной государственной структуры — тот меняющий ее фактор, который недостаточно учитывается. Эта книга гораздо лучше твоей русской. В английском языке чувствуется иностранец (напр., постоянное употребление base, basic в смысле основного. Или это американизм?). Но книга хорошо написана — выпукло и сжато⁴.

Теперь мне хочется тебе сделать несколько замечаний. Другой такой же стихийный процесс — процесс биологический — это

чрезвычайная талантливость русской расы, не в смысле этническом, а в том же смысле государственно-общественном, который ты *implicite* кладешь в основу твоей идеи об Евразии — о местобитании.

Это такой же биологический, основной фактор истории — выживание — как и размножение. И вот он мне кажется у тебя не очень подчеркнут — в культурных счерках. Ведь удивительно быстро усваивалась культура: иконопись, летописи и такие фигуры как Иларион в первое же поколение — и второй раз при Европ[ейской] культуре, такие как Ломоносов: появление таких колоссов как Толстой, Достоевский, Менделеев, Лобачевский, как великие музыканты, создавшие в связи с Византией народную песню и затем другие в XIX веке.

Мне иногда кажется, что это такое же исключительное выявление энергии, не всем государственно-общественным организациям данное. И сейчас меня поражает талантливость населения, взятого в целом. М.б. это спасение, т.к. холодная логика, без каких-то поправок приводит к абсурду — к гибели.

Поправки на размножение и талантливость «расы» (не в этническом смысле). Я думаю и то и другое может быть математически выражено.

Среди отзывов друзей — я слышал от просматривавших твою книгу у меня — Ив[ана] Мих[айловича] и Серг[ея] Митроф[ановича]⁵ указания, что упомянут у тебя Плеве и Зубатов и нет Победоносцева и Зарудного. Относительно Зарудного я не знаю, какой приговор принесет история; но ведь сейчас идет борьба против правого идеала и м.б. следует подчеркнуть то, к чему шло и д[олжно] б[ыть] вернется. Победоносцев же несомненно сыграл — фатальную мне кажется роль — но в генезисе *current history* не может не быть упомянут⁶.

Мне лично кажется у тебя не упомянуты в старообрядчестве такие фигуры-творцы, как братья Денисовы (Мышецкие). Это ведь крупнейшие оригинальнейшие самородки. Знаешь, в Трудах нашей Комиссии по ист[ории знаний] печататься будет статья Дружинина об их школе наук и ремесел в Выговской пустыне⁷. Это была все-таки удивительная сила — и шедшая к *новому* вне Петра и оставившая след — и по сейчас.

Надо все-таки как-нибудь, занимаясь *current history*, вести свою линию.

Пожалуйста, пошли мне в Петербург заказным на мое имя твою книгу⁸; здешний экземпляр оставь Нине и Н.П.⁸

Я хочу и могу жить в России только будучи поставлен в особое положение и пока это имею. Если только книгу не пропустят

— буду настаивать о разрешении ее иметь. Но думаю, что книга дойдет: только пусть пошлют мне, как академику, в Академию Наук.

Сейчас хочу отдохнуть — а главное, мне хочется не столько читать — сколько размышлять и думать — без обязательной срочной работы.

Одну все-таки хочется закончить — это немецкое издание моей «геохимии» — у меня здесь рукопись перевода Кордеса и я очень хочу, чтобы скорее появилась в печати¹: откроет мне огромный круг читателей.

Уже «*биосфера*» моя д[олжно] б[ыть] отпечатана по-французски, сверстывается по-немецки, «*геохимия*» по-немецки должна начать печататься в конце лета. Сейчас веду переговоры о напечатании по-немецки моей *Истории минералов в земной коре*, причем м.б. второй том (история природной воды) одновременно появится по-немецки и по-русски. Я думаю, что этим путем влияние моей мысли должно очень усилиться.

Как-нибудь напишу тебе о положении в России. Мы идем к какой-то катастрофе, если не найдется человек, который сумеет остановить и повернуть безумный бег. Ты прав о крестьянстве — но одно, м.б., не оценил — поразительно малые корни старой царской власти: отчасти это связано с тем, что в общей схеме это явление новое; даже Тверь, Новгород, Псков, Рязань — ведь это не идет далеко вглубь — а затем все, что приобретено после XVII в., больше связано с казачеством или с совершенно другой традицией — Екатерина II закрепостила украинское крестьянство: царь — явился врагом. Как бы то ни было, сейчас растет ненависть к большевикам без малейшего проявления симпатии к старому. Крестьянство, как чувствуется, ищет нового, не довольно и настоящим и прошлым.

Встречаешь людей, которые верят, что в 5 лет будет достигнут «рай» — переедем Америку. Задачи поставленные интересные и опыт направления огромных капиталов на государственно-научное строительство провозвестник будущего. Но все уничтожается в корне *выбором людей*. Выбирают благонадежных, а не талантливых и знающих. При этих условиях неудача почти несомненна.

Ну, нежно целую Тв[ой...]

¹ Владимир Иванович и Наталья Егоровна Вернадские прибыли в Прагу из Берлина, где В.И. участвовал в съезде Минералогического об-ва.

² Татьяна Николаевна Толль родилась 9 мая 1929.

³ Сергей Федорович Платонов исполнял обязанности Непременного секретаря АН СССР летом 1929. Сергей Васильевич Рождественский исполнял обязанности директора БАН с 1928 (после С.Ф. Платонова и С.А. Жебелева), по-видимому, вплоть до своего ареста в октябре 1929(?).

⁴ 1-е изд. *A HISTORY OF RUSSIA* Г.В. Вернадского вышло в мае 1929 в Нью-Хейвене под маркой Йельского ун-та. В авторском предуведомлении сказано, что кроме последней главы, написанной по-английски, все другие были переведены с русского Г.А. Небольсиным. «Русская» книга Г.В.Вернадского — *НАЧЕРТАНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ*, Прага, 1927.

Высокий естественный прирост численности населения империи (так, по-видимому, надо понимать «размножение» у В.И.) обсуждается Г.В. в связи с развитием России в послепетровское время и во второй половине XIX — начале XX вв. Он связан с «созданием новой капиталистической структуры».

⁵ Иван Михайлович Гревс и Сергей Митрофанович Зарудный (1865-1940) — давние друзья Вернадских (Зарудный также родственник Гревса и Н.Е. Вернадской).

⁶ Имена К.П. Победоносцева и С.И. Зарудного (одного из создателей судебной реформы 1864) были внесены Г.В. в последующие издания *A HISTORY OF RUSSIA*.

⁷ Эта статья Василия Григорьевича Дружинина, по-видимому, осталась неопубликованной. «Труды Комиссии по истории знаний» прекратили выходить в 1930.

⁸ Т.е. Нине Владимировне Вернадской (в замужестве Толль) и Николаю Петровичу Толлю.

⁹ Имеется в виду *GEOCHEMIE IN AUSGEWAELHTEN KAPITELN*, Leipzig, 1930. Перевод выполнен геологом, уроженцем Петербурга Эрнстом Кордесом (1900-197?).

2

Hrúba Skála
Stekluv Hótel
13.VII.929

Мой дорогой — я уже сегодня 5 дней как здесь, а вчера приехала бабушка, мамаша и внучка — маленькая синеглазочка. Здесь очень хорошо и я отдыхаю; думаю и обдумываю — то, что нужно. Совсем от срочной работы не избавлен — поправляю и дополняю немецкий перевод моих Очерков геохимии, и затем еще есть зака-

занная статья о геохимии меди для немецкого Metallwirtschaft¹. Но это все же не то, что в Петербурге.

Я тебе писал о твоей книге, которую очень прошу послать, мой экземпляр, мне в Петербург заказной бандеролью. Если ее задержат, буду требовать ее выдачи. Мне раз так задержали Whithead: Making of Religion (отослали в Лейпциг) — а затем новая посылка пришла.

Я очень хотел бы, чтобы книга Лаппо-Данил[евского] была напечатана². Знаешь, что его сын Ваня блестяще выдвигается как математик; хлопочут для него о Рокфеллеровской стипендии³. Мне кажется, весь вопрос сейчас в переписке рукописи — а затем уже могут судить. Мне представляется, что Платонов во всем этом ведет себя неважно. Куда больше делает Грушевский для украинской истории. М[ежду] пр[очим] Гр[ушевский] и при Петерб[ургской] Академии открывает Укр[аинский] иссл[едовательский] Инст[итут] (3 лица)⁴...

Сейчас мама сидит где-то вблизи в лесу с Танечкой, очень нежной и тихонькой, Ниночка в своей комнате наверху варит ей прикормку, а я пишу тебе и справляю другую корреспонденцию. Сейчас в России страшное время — идет террор, борьба против христианства, бессмысленная жестокость, идет несомненно столкновение с русским крестьянством. Машина коммунистическая действует прекрасно, воля огромная — но мысль остановилась и содержание ее мертвое. А затем малограмотные, ограниченные и бездарные люди во главе — а затем огромное количество воров и мошенников... Их очищают, но они лезут лавиной, понижая все более уровень.

Какой выход? Ведь пятилетка при этом всем обречена на неудачу — но выдержит ли население напряжение этих лет, неясно. Или должны уступить крестьянству или начнется новое междоусобие, м.б. связанное с Украиной или Грузией или той или иной украинской. Положение явно ухудшающее[ся] — куда-то в пропасть.

В Академии положение непрочное; я совсем не знаю, что мы встретим и получим в этом году. Осенью 22-24 сент[ября] первая сессия, до этого, вероятно, может пострадать наш администр[ативный] аппарат (до сих пор не было коммунистов). Обычно началось с того, что вводили на ответств[енные] места коммунистов, которые начинали подбор новых людей, начинались ссоры и свары, подлаживанье и т.п. Коммунисты быстро сменялись, некоторые проворовывались, их заменяли другими и шла та бюрократия низшего сорта, которая сейчас захватила госуд[арственную] и обществ[енную] жизнь России. Сейчас называют двух относительно порядочных людей из коммунистов, м.б. даже совсем порядоч-

ных — но они идут против воли и м.б. будут в конце концов назначены совсем другие. Это мир бесконечных интриг.

Я смотрю совсем не спокойно на этот год. М.б. дела сложатся так, что придется так или иначе уходить. Поживем — увидим.
Нежно обнимаю Тв[ой...]

¹ В «Metallwirtschaft» статья В.И. не появилась.

² Возможно, имеется в виду рукопись книги одного из учителей Г.В. и друзей В.И. — академика А.С. Лаппо-Данилевского *ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ЕЕ КУЛЬТУРЫ И ХОДОМ ЕЕ ПОЛИТИКИ*, первая из трех частей которой была начата набором в 1918 (об этом труде см.: «Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов», т. II, М.-Л., 1946, с.229-230; «Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского», Л., 1929, с.44-46).

³ Иван Александрович Лаппо-Данилевский, род. в 1895, чл.-корр. АН СССР по математике с января 1931. Скончался в Гиссене (Германия), будучи в научной командировке, 15 марта 1931.

⁴ По предложению М.С. Грушевского, заседание Отдела гуманитарных наук АН СССР 14 мая 1929 признало желательным основание Ин-та Украинской Истории в составе АН СССР во главе с ним и при ставках для ученого секретаря и одного научного работника («Україна», Київ, кн.34, 1929, травень-червень, с.171-172), на 1931 значилась как «Комиссия по изучению украинской истории» («Календарь-справочник АН СССР», Л., 1931, с.49).

3

Помета в левом верхнем углу л.1:
Это письмо совершенно конфиденциально —
для тебя — *не рассказывай.*

16.VII.929

Мой дорогой — мне хочется тебе написать возможно подробно и точно об академических делах и о моем положении в Академии. Я было кое-что написал тебе в предыдущем письме, но был не в ударе и не смог выразить то, что хотел.

Положение сейчас в Академии чрезвычайно трудное и сложное. И нельзя сказать, что из всего этого выйдет.

До сих пор в отличие от подавляющего количества учреждений АН была очень автономна в своем внутреннем устройстве и в ней не было коммунистов, которые занимали бы видные места.

Это давно возбуждало страсти и давно шел самый решительный напор на партийные московские круги, требовавшие здесь вхождения коммунист[ического] элемента. За последние года во все учреждения это прошло и обычно сопровождалось изгнанием целого ряда людей, многих «бывших людей», находивших здесь защиту и возможность существования. По отношению к Академии центр тех кругов, откуда идет агитация, в Петербурге, но она встречает большую поддержку в влиятельных Моск[овских] кругах, близких к Сталину. В печати не раз подымалась травля против определенных лиц, влиятельных в Академии, причем печаталась быль и небыль. Клевета и донос царят в официальной прессе (другой у нас впрочем нет).

В общем сейчас положение такое. В среднем администрация АН много выше среднего уровня в других учреждениях и по деловитости и по образованности и по честности. Но несомненно есть ряд людей, которые не на месте — просто плохие работники или не понимающие положения и держащие себя бестактно. К сожалению, АН не может опираться на то, что у ней безупречно все в материальном отношении. Дошедшее до суда дело Линденера (мне близкого человека, секр[етаря] КЕПС и секр[етаря] Ком[иссии] по экспед[ициям], совершившего растрату и подлог и сосланного сейчас в Соловки. Это жертва *игры*. Человек хороший, но совершивший в пылу этой страсти скверный поступок, много повредивший АН¹. Надо иметь в виду, что игорные дома — источник госуд[арственного] дохода, казенные, открытые днем и ночью) и не дошедшие до суда, приостановленные другие истории лишили АН твердой почвы. По существу, таких злоупотреблений много меньше, чем в других учреждениях — но они были и этим моральная сила АН сломлена.

В течение последних 2-3 лет было стремление заменить Д.Н. Халтурина, стоящего во главе хозяйств[енно]-админ[истративной] работы, очень делового, умного и работающего человека, отнюдь не враждебного коммунистической соц[иалистической] идеологии, коммунистом. То же самое по отношению к управл[яющему] канцелярией Непр[еменного] Секр[етаря] — Б.Н. Моласу. Последний более в трудном положении, т.к. его прошлое более для него одиозно, чем Х[алтурина]². Серг[ей] Фед[орович]³ и Ферсман⁴ считали, что работа Ак[адемии] должна идти в руках помощников, кот[орым] они доверяют и кот[орые] ее хорошо ведут, и что АН так расширяется, что нельзя без вреда — явного и нежелательно-го и для власти — ломать хорошо идущую машину.

Сейчас это подошло к оконч[ательному] кризису и партийное решение настойчиво требует смещения этих лиц и назначения на

место их комунистов, причем они выдвигают две кандидатуры — Васильева (образов[анного], старого комуниста из дворян и помещ[иков], ведшего большое дело на Востоке — в Монголии)⁵ и Мартенса (инженер, кажется иностр[анный] член Комун[истической] Ак[адемии])⁶. Оба не хотят — их заставляют и ничто не указывает, чтобы на их место не были назначены в конце концов другие, совсем не подходящие.

То, что видим, кругам далеко не удовлетворяет. Стараются найти порядочного комуниста — не вора, не Держиморду (каких много), не Помпадур (которых еще больше) — но никогда нельзя ручаться, что он долго продержится. Партия это мир интриг и произвола. И по партийным велениям порядочный человек делает непорядочные поступки — оправдываясь дисциплиной. На каждом шагу в этом отношении удивительные примеры. Сейчас разваливается Геолог[ический] Ком[итет] — во главе которого посажены комунисты (первый полуобразованный помпадур уже проворовался и отдан под суд: вопрос влияния и раз не исключен из партии — то это им как с гуся вода). Палата мер и весов уже имеет второго (первый проворовался — говорят дело поднято только потому, что он из оппозиции), Институт Ленинский Сельск[ого] Хоз[яйства] имеет второго (первый под судом — был очень деловит и энергичен и с ним ладили, по-видимому, воровство в начале деятельности вне Института) и т.д.

Обычно их сажают в виде помощников — но в Геолог[ический] Ком[итет] в виде Директора (сейчас какой-то «инженер» — говорят, лично порядочный, но делает невероятные гадости — начальство — партия или влият[ельная] группа — приказала)⁷.

В сущности, благодаря дисциплине (для убежденных — исходя из моральных побуждений) эти люди теряют чувство и понятие человеческого достоинства, пока они его не почувствуют и не уходят из партии. Но жизнь состоит из компромиссов и рвут люди с прошлым с трудом и немногие.

Всякое назначение комуниста обязывает: ком. яч[ейка] и партийный вне стоящий орган чрезвычайно приобр[егают] значение и сложная, чуждая учреждению сеть интриг врывается в учреждение и прежде всего для жадной и нищей коммунистической толпы, живущей буквально *sa gre diem*^{*}, открывается место для наживы: занятие мест. Начинают[ся] доносы политич[еского], идеологич[еского] происхождения и знакомств — и начинается чистка. На старые места садятся новые. И старые часто были плохие работники — уровень новых понижается и для ведущих дело нет опоры.

^{*} одним днем (лат.)

До сих пор АН была вне этой гангрены (и Рад[иевый] Инст[итут] — ведомство Гл. Упр. Наукой Росс[ийской] респ[ублики] — тоже). Теперь это предстоит.

Сейчас партийные круги не хотят оставлять Халт[урина] и Мол[аса] (против них нет отвода по неблагонад[ежности] всякой) в Акад[емии]. Ферсман поставил ультимативно: или он уходит из в[ице]-през[идентов] или, замещая их должн[ости] комунистами (по соглашению), — оба этих отв[етственных] работника получают в Акад[емии] работу, отвечающую их занят[иям] и опыту. Я не знаю, удалось ли ему на этом настоять.

Положение усложняется тем, что сейчас идет генеральная чистка и партии и всех учреждений. Говорят, для Академии это угрожает 200-250 чел.! Часть их будет выброшена на улицу. Желают провести это летом⁹, до сессии АН (22 IX) и поставить нас перед fait accompli*.

Т.о. осенью мы можем очутиться в очень трудном положении.

Наряду с этим академики-коммунисты введены в среду АН. Это был тоже долгий напор партии, в конце концов прошедший под чрезвычай[айным] давлением: принципиально не сломан строй АН. Ясно было, что положение было совершенно неустойчиво: быть или не быть Академии. Так вопрос и ставился и решался. Победило первое течение. Я думаю, что по существу это правильно — но, конечно, нельзя сказать, что выйдет.

Однако в жизни нашей страны и для нашей культуры значение работы АН в эту эпоху огромного брожения — о котором тоже нельзя сказать, куда оно идет и куда приведет — значение работы АН так велико, что сохранение этого центра позволяет принести огромные жертвы.

Я не буду тебе писать подробности. Скажу только, что несколько раз положение было почти катастрофическим и что вышло совсем не то, что предполагали все три действующие стороны — руковод[ство] АН, государств[енная] часть ком[мунистов] — правит[ельство] и партия.

Признанный принцип: научное значение кандидатов на первом и исключ[ительном] месте в общем победил. Включив в себя огромную часть выдающихся людей страны, связанных фактически со всей *госуд[арственной] машиной* Акад[емия] приобрела такой реальный вес, какого никто не ожидал и которого она сама еще не учитывает. При этом состав Ак[адемии] стал больше независимым и, если хочешь, с двух сторон менее для власти желательным:

* свершившимся фактом (фр.)

огромная часть академиков новых (не коммунистов) считает политику Ольд[енбурга] — Ферсм[ана] ошибочной, слишком уступч[ивой] и идущей на ненужные компром[иссы]. (Ферсм[ан] — нежелательный кандидат в вице-през[иденты] для власти, с трудом ею утвержденный — едва прошел в Акад[емии] и только после того, как решит[ельно] отказался я (об этом ниже) и Лев[инсон]-Лесс[инг] (нежел[ательный] и для власти¹⁰ и для руковод[ящих] кругов АН). С другой стороны, в лице комун[истов] мы выбрали большинство сейчас неблагонадежных! Рязанов, ведший себя очень свободно и во многом правильно — правда заболел, но отказался от вице-през[идентства] по требов[анию] партии. Он и Бухарин после первой сессии решительно выступили против коренной ломки АН, а стояли за постепенное слияние¹¹. Выбранный вместо Ряз[анова] в[ице]-през[идентом] Кр[жи]жановский (обязат[ельства] выбрать в[ице]-през[идента] коммуниста не было, но к этому привела жизнь и логика событий) оказался нежелат[ельным] для власти и вопрос стоял о его неутверждении (т.е. о приказе ему отказаться). И только убедившись, что желательный кандидат (Покровский) не может пройти, Кр[жи]ж[ановский] был утвержден. Сейчас только Покр[овский], его аналог Лукин и перекинувшийся Деборин¹² являются не подозрит[ельными] для власти коммунистами.

Выбрав ком[унистов], мы вступили в сферу сложных отношений, которые идут где-то вне нас и в которых мы разобраться не сможем. Главное значение будут иметь не сами академики-коммунисты, а небольшая группа фактически к ним близкая — Бах, Архангельский, Марр и еще кто-нибудь — научно люди довольно крупные.

Если жизнь не изменится — в этой группе произойдет изменение АН — я думаю, понижения научной работы не будет этим путем. Это или убежденные социалисты (как Бах) или беспринципные и истеричные (как Архангельский) — но крупные ученые, которые могут ошибаться, но против понижения научной работы сознательно не пойдут¹³.

Теперь возвращаюсь к выборам в АН. Академия решила выбирать [...]

21.VII.929.

Так и не дописал письмо.

Итак АН решила выбирать по научным заслугам. Раньше началась травля в газетах и мусировались выборы. Обращались и к акад[емикам] и к ученым и к полит[ическим] деят[елям] в связи с выборами, задачами АН и т.д. Но печатали с выбором (мой ин-

тервью не были напечатаны; и других многих тоже). Травля лично против Акад[емии] (главное было против админ[истративного] персонала) была приостановлена при самом начале (Карский)¹⁴, но при указании, что она начнется как только будет неподобающее решение. Производит эта травля большое впечатление — хотя все знают, что пишется бесконечное множество неправды.

Кстати о прессе. Она бесконечно скучна, лжива и бесталанна; у каждой газеты свой политич[еский] центр.

26. VII.

Из довольно верного источника (не прямо через Когена [?] — выгнанного по обвин[ению] в краже — помощника Вавилова в Научн[ом] Агрон[омическом] Инст[итуте]) выяснилось, что газеты имеют право печатать 95% неправды: самой безобразной наглой травли, касающейся интимной жизни (так травили при моем отъезде профессоров в Петербурге в «Студ[енческой] Правде»¹⁵ — достать комплект для «истории» мне пока не удалось).

Травля нервнует служащих: опровержения не принимаются и АН несмотря на все старания этого не удалось сделать. По-видимому, в сложной партийной организации лица, держащие прессу, пользуются этим как своим оружием.

Пресса читается и хотя сильно пало ее значение, как верного информатора, несомненно очень влияет и накладывает на страну большой и глубокий отпечаток.

При первоначальном намечании в кандидаты С[ергей] Ф[едорович] допустил — из-за *padam do półg** (что у него есть) ошибки и это вызвало слишком большие надежды комунистов и они были очень удивлены, когда стало ясным, что выборы отнюдь не обеспечены¹⁶. Тогда официально и официозно было сообщено, что коммунисты считают себя свободными и что в случае невыбора одного — откажутся все. В то же время правит[ельственные] власти, сочув[ствующие] АН, заявляли, что Ак[адемия] может быть раскасирована, что против нее большое недовольство в партийн[ых] кругах — научн[ая] раб[ота] академиков не пострадает, но Ак[адемия], как учрежд[ение], перестанет быть. Часть академ[иков] считала это застрашиванием (Павлов), но я думаю, что это реальная угроза. В это время подвернулось дело Жебелева и началась травля против него. В этой травле некоторые ученые (псих[иатр] Оси-

* припадаю к стопам (польск.)

пов) вели себя недостойно — и сам Ж[ебелев] не сумел сохранить свое достоинство¹⁷.

В конце концов при выборах все коммунисты прошли плохо — а три не получили нужного большинства (2/3 закрытой подачи). М[ежду] пр[очим] закрытая подача голосов сохранилась только в АН. В это время я лежал больной и не принимал участия. В конце концов все это уладилось и были все выбраны (белые — пустые бюллетени считались за +).

Перед этими выборами было заседание Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров], куда были приглашены представители АН. Было решено предоставить АН выборы еще раз, согласно просьбы презид[иума АН] (значит[ельное] число акад[емиков]) считало это решение презид[иума] ошибочным — но восставать против презид[иума] не считало возможным и подчинилось). Это было достигнуто большинством — небольшим — при 3 против и 8 воздерж[авшихся]. В партийн[ых] кругах влиятельная группа против Акад[емии] и искала предлога ее закрытию. В этом засед[ании] Куйбышев говорил о том, что надо действовать против Акад[емии] «огнем и мечом». Я по болезни в этом заседании не был¹⁸...

Теперь о моем положении. За последние 1 1/2 года — у меня шла борьба внутри Акад[емии] за Ком[иссию по изучению] Ест[ественных] Пр[оизводительных] Сил (КЕПС), которой я председателем. В общем являлась мысль о ее реорганизации без всякого ясного плана ее устройства. Гл[авным] обр[азом] Крылов, Иоффе — за кулисами Ферсман, Сергей. В прошлое мое пребывание в Праге я в связи с этим написал записку, которую тебе послал. Ее долго держала цензура — но в конце концов она без всяких изменений и разговоров вышла в свет¹⁹. В Акад[емии] она не имела успеха; ее считали слишком не учитывающей обстановку, отвлеченной. Но так или иначе с ней приходилось считаться; в начале ее не прочли даже. Затем уже, когда С[ергею] Ф[едоровичу] пришлось ехать на то заседание Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров], о котором я раньше писал, у него был разговор с Рыковым об утвержд[ении] Ферсм[ана] — Р[ыков] сказал, что они конечно утвердят Ф[ерсмана], но их кандидат в вице-през[иденты] — я, и Р[ыков] высказывался самым решит[ельным] образом о записке в благоприятном см[ысле]. Любопытное было изменение мнения в академ[ической] среде после этого. Как бы то ни было, на выборах я был выдвинут в кандидаты, как нек[оторыми] акад[емиками],

так и всей комун[истической] и ей сочувств[ующей] группой. Узнав об этом и имевши переговоры с некот[орыми] акад[емиками] — я не ожидая выборов решительно отказался — по болезни, не позволяющей мне, не бросая научной работы, взять вицепрезидентство. В ответ в публичн[ом] засед[ании] Ак[адемии] — Рязанов произнес мне панегирик! и о КЕПС и о Ком[иссии] по ист[ории] зн[аний] и о моем значении за границей и т.п. Несмотря на мой отказ — я был выбран кандидатом, опять отказался и тут произошла путаница — в которой в конце концов Ф[ерсман] прошел. (Ф[ерсман] на заседании не был — был болен.)

Как я уже писал, Ф[ерсман] и Рязанов были выбраны — Рязанов вступил очень энергично в работу АН — но затем все переменялось: Р[язанов] заболел и больше не являлся в АН, отказался от в[ице]пр[езидентства] (по-видимому с принуждением, под благородным предлогом) и вся работа комун[истической] группы пошла иначе, чем предполагалось²⁰.

Но КЕПС до сих пор осталась в центре внимания. Сейчас рассматривается втрое увелич[ить] бюджет АН и если он пройдет — это может иметь большое положительное значение, даже при изменении — не очень резком — админ[истративно]-хоз[яйственной] машины АН.

Как сложится будущая жизнь, выяснится в это полугодие. Я допускаю возможность и острой постановки. Главное то, что ты не можешь вполне предугадать направление власти, немногие там государств[енные] люди борются с толпой — вероятно большинством — которые совершенно не понимают значения науки и ее не ценят.

Я не уверен в прочности моего положения в Ак[адемии] Н[аук] — с другой [стороны], я являюсь сейчас очень влиятельным независимым в ней человеком, который ни при одном столкновении не останется в стороне.

Мое влияние связано с моим общим положением в междунар[одной] научной среде, о котором большевики имеют преувеличенное мнение, но которое может быть реально большим, если напр. влияние жизни на смеси изотопов окажется верным.

Во всяком случае я хотел тебе это написать, чтобы ты знал.

Сейчас выйдет моя геохимия и биосфера по-немецки, биосфера по-французски — веду переговоры об издании по-немецки моей истории минералов в земн[ой] коре. Выйдет (уже в печати) 1-ый выпуск Трудов биогеохим[ической] Лаб[оратории] (из 5 статей — одна русская) и затем в воде мне удалось подойти к крупным общениям. Все это может усилить мое положение.

Я думаю, что я, стоя совершенно вне политики, смогу *лично* сохранить независимое положение...

Хотя я не написал тебе так, как хотел, все же это вероятно больше, чем ты знал и м.б. больше поймешь в оценке событий.

Тв[ой...]

Многое покажет заседание сессии Академии Наук 23-25.IX²¹ и прохождение бюджета.

Мне говорили — думаю, догадка — что на мне согласились обе группы ком[унистов]. Это возможно, т.к. Покр[овский] поддерживал Ряз[анова].

¹ Борис Александрович Линденер, специалист по спектроскопии, ученик и многолетний сотрудник В.И. Вернадского и А.Е. Ферсмана. Как сообщил ленинградский историк науки Феликс Федорович Перчонок (пользуюсь возможностью сердечно поблагодарить его за чрезвычайно подробный и щедрый рассказ о своих архивных разысканиях, связанных с биографией В.И. и положением науки в годы разгрома прежней Академии), он был арестован в феврале 1928 за подделку подписи Ферсмана и растрату сумм КЕПСа. От него безуспешно добивались показаний на Ферсмана. Был приговорен к 10 годам. Видимо, часть срока провел в Соловецких лагерях. После 1931 в Хибиногорске, где создал минералогический музей Дома техники и был 1-м директором Горнохимического техникума. Переписывался с В.И. По описи фонда В.И. в Архиве АН СССР последнее письмо от Линденера датировано 1935.

² Дмитрий Николаевич Халтурин до революции служил в Лесном департаменте. Был «вычищен» из Академии осенью (?) 1929, в октябре 1929 приходил к С.Ф. Ольденбургу прощаться. В «Весь Ленинград на 1931 год» его имя (и его сыновей) еще есть, но без указания должности и места работы.

Подробнее о Борисе Николаевиче Моласе см. в источниках, указанных в предисловии к нашей публикации. Арестован в октябре 1929.

Требование уволить Халтурина и Моласа было предъявлено Ольденбургу в апреле 1928 управляющим делами СНК Н.П. Горбуновым.

³ Здесь и далее Сергей Федорович, Сергей — акад. Ольденбург. Снят с должности Непременного секретаря АН 30 октября 1929.

⁴ Александр Евгеньевич Ферсман, вице-президент АН СССР фактически с 1 августа 1926 по 26 ноября 1929 (подал в отставку, которая была принята).

⁵ Алексей Николаевич Васильев (1877-1940), из мешан, учился на медицинском и юридическом ф-тах Моск. ун-та. Примкнул к большевикам в 1904, руководитель московской «военки» в революцию 1905, затем адво-

кат. В начале 1920-х был членом коллегии Верховного Ревтрибунала. С 1923 по 1926 в Монголии, с 1924 первый полпред там. По линии Наркомвнешторга был на Ближнем Востоке (до 1928?). «По возвращении в СССР в течение 1/2 г. был управляющим делами Академии наук» (*ДЕЯТЕЛИ РЕВ. ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. Био-библиографический словарь*, т.5, вып.1, М., 1931, стлб.666-667; *МОСКВА. Энциклопедия*. М., 1980, с.165), возможно, сразу после ареста Б.Н. Моласа.

⁶ О Людвиге Карловиче Мартенсе см., напр.: М.А. Корсунский. *РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЕ*. Л., 1987, Был выбран в состав Комакадемии 18 июня 1930, до этого входил в бюро подсекции техники экономической секции («Научный работник», 1928, №7, с.74-75; 1930, №8-9, с.105). Участвовал в работе одной из комиссий для рассмотрения списка кандидатов в действительные члены АН (от Узбекской ССР?) в окт. 1928 (там же, №11, с.83). На 1929 пред. К-та по делам изобретений ВСНХ СССР, гл. редактор «Технической энциклопедии».

⁷ Геолком, государственное учреждение, вело практическую работу по разведке и учету минеральных ресурсов страны. (А.Д. Архангельский. *ГЕОЛОГИЯ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ. — НАУКА И ТЕХНИКА СССР. 1917-1927*. М., 1928, с.249-254; см. также: И.Л. Клеопов. *ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ 1882-1929 гг. История геологии в России*. М., 1964), во главе стоял выборный Директор. «Ф.Э. Держинским в 1926 г., в нарушение традиционного выборного начала, была назначена новая дирекция, во главе с проф. Д.И.Мушкетовым» (*МАТЕРИАЛЫ К ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА 1928/29-1932/33 гг.* Л., 1929, с.210). После постановления Коллегии НК РКК СССР от 25.10.1928 о неудовлетворительной работе Геолкома (соотв. материалы см. в «Вестнике Геологического Комитета», 1928, №8, с.40-48) ВСНХ СССР 5 января 1929 снял Д.И. Мушкетова и заменил его старым большевиком, позже погибшим, — Иваном Ивановичем Радченко, председателем Главторфа при ВСНХ (*МАТЕРИАЛЫ...*, с.211); по-видимому, его помощниками на апрель 1929 были И.А. Гончуков и В.П. Новиков (ср. там же, с.234). С 1929 проходила реорганизация прежнего Геолкома, он был преобразован в Главное геологическое управление при Президиуме ВСНХ, затем преобразованное в Главное геологоразведочное управление, работа была полностью децентрализована и разбита во многом дублирующими друг друга специализированными отраслевыми институтами (Клеопов, ук. соч., с.133); затем, в 1931, они вновь объединились в Центральный геологоразведочный ин-т (ныне ВСЕГЕИ). О своей схватке с «малообразованными философами, ставшими во главе планировки научной работы бывшего Геологического Комитета» в 1934, мешавшими совместным исследованиям сотрудников своего и Радиевого ин-тов (исследования, якобы, противоречили диамату), — В.И. писал в работе *НАУЧНАЯ МЫСЛЬ КАК ПЛАНЕТНОЕ ЯВЛЕНИЕ* (1938, впервые опубли. в: «Вопросы истории естествознания и техники», 1988, №1, с.77-78; ср. также: В.И. Вернадский. *ХИМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ БИОСФЕРЫ ЗЕМЛИ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ*. М., 1965, с.366-367).

Данными об управлении Главной палатой мер и весов между президентством акад. Д.П. Коновалова (умер 6 января 1929) и директорством проф. М.А. Шателена (с конца 1929 ?) мы не располагаем.

⁸ Ср. с тем, что писалось о Радиевом ин-те в 1930-м: «Такой имеющий важнейшее значение институт... в своем составе не имеет ни одного члена ВКП(б), зато среди научного состава дворян 11%. Реакционность состава основных научных работников этого института характеризуется такими, например, заявлениями, что "ученым не к лицу заниматься политикой". Это обстоятельство является первой причиной того, что научные достижения не продвигаются в промышленности, что институт оторван от социалистической стройки и общественности» (Ф.А. Тесленко. *НЕОБХОДИМА КОРЕННАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА*. — «Научный работник», 1930, №11-12, с.42).

⁹ Чистку проводила т.н. «комиссия Фигатнера» (по имени ее руководителя, члена президиума ЦКК и коллегии НК РКИ); она начала свою работу 30 июля (Levin, ук. соч., с.271) и в основном ее завершила к ноябрю 1929. На декабрьской сессии АН А.Е. Ферсман «сделал подробное сообщение о результатах проверки аппарата Академии правительственной комиссией. Всего в Академии снято с работы 128 человек и 520 работников Академии постановлено не считать в штате. По управлению делами Академии из 99 человек снято 11, по секретариату из 15 — 4. Больше всего снято сотрудников в библиотеке... — из 149 уволено 36, в Пушкинском доме из 29 уволено 4» («Научный работник», 1930, №1, с.96), т.е. 11% постоянного состава Академии (Levin, с.276) было «вычищено по 1-й категории». Не представляется пока возможным установить, сколько из них было в этот период арестовано.

¹⁰ Ср. в секретных характеристиках питерских деятелей науки и искусства, которые А.В. Луначарский 9 марта 1921 направил для Ленина (заметьте, что это были дни арестов петроградской интеллигенции в связи с кронштадтским восстанием), о Ф.Ю. Левинсоне-Лессинге сказано: «Устремления кадетского, тем не менее при сговорах с профессорами хотя и стал во главе правой группы техников, но все же значительно левее университетских профессоров. Был, так сказать, руководителем центра, с которым разговаривать было можно. Счень умен и довольно хитер». («Литературное наследство», т.80, М., 1971, с.260). Франц Юльевич Левинсон-Лессинг, кажется, арестовывался по крайней мере один раз (1919?).

¹¹ По-видимому, имеется в виду слияние с Комакадемией (ее председатель М.Н. Покровский), которая в случае фактического упразднения АН взяла бы на себя роль головного научно-административного учреждения страны, уже с 1928 (и до 1930), вбирая в себя институты РАНИОНА (бывшего в системе Наркомпроса) и намереваясь также заполучить Институт Маркса-Энгельса (против чего, естественно, выступал директор ИМЭ Д.Б. Рязанов, который сам в марте 1928 публично высказался за упразднение АН как органа, руководящего научной работой институтов) и Ин-

ститут Красной профессуры (см.: George M. Enteen. *THE SOVIET SCHOLAR-BUREAUCRAT. M.N. POKROVSKII AND THE SOCIETY OF MARXIST HISTORIANS*. The Pennsylvania State University Press, 1978). В февр. 1936 была ликвидирована, а ее институты были переданы в систему АН.

¹² Абрам Моисеевич Деборин до 1918 был меньшевиком, затем беспартийным, вступил в ВКП(б) в 1928.

В.И. был основным противником избрания Деборина в АН; о схватках В.И. с Дебориным см., напр., статью недавно умершего американского историка науки Kendall E. Bailes. *SCIENCE, PHILOSOPHY AND POLITICS IN SOVIET HISTORY: THE CASE OF VLADIMIR VERNADSKII*. — «The Russian Review», vol.40 (1981), №3, p.285-288).

¹³ Алексей Николаевич Бах, народоволец, с 1905 в партии с.-р., публично с ней никогда не рвал.

О личных свойствах Андрея Дмитриевича Архангельского см., напр.: О.С. Вялов. *НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ А.Д. АРХАНГЕЛЬСКОГО. — СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ. Очерки по истории геологических знаний*. Вып.22, М., 1985, с.39-41.

Оба ученых избраны академиками 12 января 1929, причем А.Н. Бах отказался от баллотировки в АН в 1925 по причинам внеучебного характера (ср.: В.Д. Есаков. *СОВЕТСКАЯ НАУКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА НАУКОЙ*. М., 1971, с.193-194; там же, с.65 и далее — о его чуть ли не инициативной роли в создании некоего антипода АН — «общества деятелей науки и техники для содействия социалистическому строительству» — ВАРНИТСО).

¹⁴ Нам неизвестно о выступлении (вероятно, публичном) акад. Евфимия Федоровича Карского до январских выборов в АН в 1929. Газеты обвинили Карского в том, что он при обсуждении решения президиума АН о перебаллотировке проваленных на выборах В.М. Фриче, А.М. Деборина и Н.М. Лукина голосовал против. Карский печатно это опроверг (Levin, ук. соч., с.268; ср. также: *ПАМЯТЬ*, вып.1, с.387-388).

¹⁵ «Студенческая правда» — многотиражка Ленинградского ун-та.

¹⁶ Возможно, что Ольденбург при работе особых комиссий, которые состояли из академиков и представителей внеакадемических организаций, отбравших из 200 первоначальных кандидатов на академические кафедры тех, кто должен был затем проходить через отделения АН, занял «согласительскую» позицию и не настаивал на том, чтобы число кандидатов в академики было больше, чем количество выделенных мест. Получилось, что кандидатов уже перед выборами в отделениях было столько же, сколько вакансий. Поэтому трудно было ожидать, что январская сессия провалит трех кандидатов.

¹⁷ Эпизод с акад. Сергеем Александровичем Жебелевым — явный пример предвыборного шантажа АН; в пражском издании «Seminarium Kop-

dakovianum» (сб.2, 1928) был напечатан некролог Жебелева *Я.И. СМЕРНОВ*, где автор писал, что Смирнов умер, «когда у нас началось лихолетье». И.К. Луппол, автор руководящих статей, предупреждавших АН о последствиях неизбрания в АН коммунистов, поставил вопрос: «допустимо ли для советского ученого работать вместе с учеными-эмигрантами, сотрудничать в их изданиях» и сам ответил: «...сотрудничество в эмигрантских журналах и писание статей с определенными политическими выпадами против Советского Союза несовместимо с занятием руководящих ученых постов» («Научный работник», 1928, №12, с.21). Реальной была угроза исключения Жебелева из АН (наравне с эмигрантами академиками П.Б. Струве и М.И. Ростовцевым; еще в июне 1928 зав. Отделом научных учреждений СНК Е.П. Воронов сказал Ольденбургу, что АН на 11 лет отстает от жизни: членами АН являются Струве и Ростовцев). Жебелев покаялся (говорят, что фактически автором покаяния был Ольденбург) и отрекся от своего друга Ростовцева. Президиум АН 22 ноября 1928 постановил, что «участие советских ученых, а следовательно, и сотрудников Академии... в каких-либо эмигрантских изданиях недопустимо» (там же, с.22).

Психиатр Виктор Петрович Осипов был среди осуждавших на заседании ленинградского бюро научных работников 21 ноября: «выступление Жебелева бросает тень на всю массу советских научных работников...» (там же, с.112). Среди клеймивших был и находившийся в фаворе у властей Н.Я. Марр.

Стоит отметить, что в статье Луппола содержался и завуалированный выпад против В.И. Вернадского: среди руководителей «Семинариум Кондаковيانум» был назван «эмигрант Г.Вернадский, сын минералога» (там же, с.19).

¹⁸ Как известно, Общее собрание АН 12 янв. 1929 выбрало 39 новых академиков, из них 5 по Отделению гуманитарных наук были коммунистами или близкими к ним: Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский, П.П. Маслов, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов, С.И. Солнцев; трое — Деборин, Лукин, Фриче — были провалены. Президиум АН немедленно предложил Общему собранию проголосовать о своем решении войти в СНК с ходатайством отступить от устава АН и довыбрать проваленных Общим собранием в его новом составе. Экстраординарное Общее собрание состоялось 17 января, в нем участвовали 41 академик, против высказалось по официальным данным 4 при 9 воздержавшихся (см. также выше о Карском). Заседание СНК было 5 февраля (Есаков, ук. соч., с.192). В этот же день «Известия» поместили статью Луначарского «*НЕУВЯЗКА*» В АКАДЕМИИ НАУК, жестоко и недвусмысленно угрожавшую АН. На заседании в СНК председательствовал А.И. Рыков, докладчиком был Ольденбург. Присутствовали А.В. Луначарский, В.В. Куйбышев, М.М. Литвинов, В.П. Милютин, вероятно, Н.П. Горбунов. От АН были Г.М. Кржижановский, С.Ф. Платонов, А.Н. Крылов, Н.Я. Марр, В.Л. Комаров, Е.В. Тарле, А.Е. Ферсман. На состав СНК произвела впечатление речь Марра; Кржижановский назвал этот день историческим для АН. СНК постановил принять предложение АН вновь устроить выборы проваленных

(Есаков, там же). Единственный голос против принадлежал В.В. Куйбышеву. 13 февраля 1929 было проведено экстраординарное Общее собрание, проваленные были выбраны. Есть некоторые данные, что официальные сведения о количестве голосов «за», «против» и «воздержавшихся» не точны (Деборин был выбран при счете 52 и 2; Лукин — 52, 1 и 1; Фриче — 51, 2 и 1; ср. также замечание Вернадского, что «пустые бюллетени считались за + »).

Следующий этап борьбы с АН — это уже названная «комиссия Фигатнера» и возникшее на последнем отрезке ее работы «архивное дело» с последовавшими арестами академиков. (Не исключено, что среди кандидатов на арест были наиболее, казалось, неуязвимые из независимых академиков — В.И. Вернадский и И.П. Павлов. — Недавно опубликована записка Н.И. Бухарина явному противнику АН В.В. Куйбышеву, датированная приблизительно 25 сентября 1929 г., где Бухарин защищает Павлова от обвинений в антибольшевизме и черносотенстве. — «Вопросы истории КПСС», 1988, №11, с.44, 50).

¹⁹ В.И. был в Праге с 18 февраля по 29 марта 1928. Записка — «О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР», Л., 1928 (И.И. Мочалов. *ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ВЕРНАДСКИЙ (1863-1945)*. М., 1982, с.259). Находясь в Праге, В.И. узнал от Б.Л. Личкова, что влиятельные силы в АН и в ВСНХ (Куйбышев ?, председатель Научно-технического управления В.М. Свердлов, а возможно, член президиума НТУ А.Н. Бах и, конечно, академик А.Н. Крылов) хотят реорганизовать КЕПС, передать ее институты в систему ВСНХ, что, конечно, при всех минусах, дало бы единственный плюс — увеличение ассигнований. В.И. ответил Личкову 28 марта о Крылове: «Это отражение его циничной и беспринципной личности — будет делать, как это ему будет выгодно».

²⁰ А.Е. Ферсман был вице-президентом АН с 15 января 1927 (до этого, с 1 августа 1926 исполнял эти обязанности; в 1928 и.о. вице-президента был А.Ф. Иоффе). На сессии АН 4-7 марта 1929 большинством голосов в вице-президенты (по уставу 1927 г. их должно было быть двое) выдвинуты В.И. и Левинсон-Лессинг, они «категорически отказались от кандидатур, мотивируя свой отказ неспособностью к административной работе и загруженностью научной работой. Собрание 52 голосами выдвинуло первым кандидатом... Рязанова и вторым — 47 голосами — ...Ферсмана» («Научный работник», 1929, №4, с.102-103). В мае 1929 вместо Рязанова вице-президентом стал Кржижановский. Об утверждении СНК СССР (конец мая — начало июня?) Ферсмана и Кржижановского в этой должности см.: «Научный работник», 1929, №7-8, с.81. Ферсман ушел в отставку в связи с «архивным делом» 26 ноября 1929. Кржижановский пробыл в этой должности без малого десять лет.

²¹ Сессия состоялась 28-30 октября 1929 в апогее «чистки». Она целиком была посвящена «кадровым» и «уставным» вопросам.

Hrúba Skála
Stekluv Hótel
10. VIII. 929.

Мой дорогой — прежде всего о твоей книге¹. Я не могу ее отсюда взять с собой, п[отому] ч[то] она может быть отобрана на границе и я не смогу ничего сделать с местными властями. Все мало мальски сомнительные книги я отправляю отсюда себе посылками заказными. В Петербурге и Москве можно добиться разрешения. Поэтому я очень прошу тебя прислать мне твою книгу из Америки заказным пакетом на мое имя и известить меня, когда ты ее посылаешь. Если я ее не получу — начну хлопоты. Раз одну книгу, мне так посланную, — отослали назад и по моему заявлению она вторично прошла (Whitehead. Making of religion). Надо написать Академику такому-то в Академию Наук.

Послал ли ты твою книгу в Украинскую Академию? Это тот путь, который есть для того, чтобы книга дошла. Если бы так направленная книга вернулась назад — необходимо известить секретаря АН — и Академия примет нужные меры, если захочет. Я уверен, что захочет.

Были ли какие-нибудь отзывы о твоей книге?

Я думаю, что твоя новая тема (о Ленине) интересна и заслуживает работы². Насколько тебе доступна огромнейшая литература его поклонников? мне кажется, один № Научного Работника за 1926 или 1927 годы, посвященный воспоминаниям о Л[енине] я тебе посылал³. Интересна и вся семья, преданная революц. движению — мать, сестры, погибший брат Александр Ульянов, которого я хорошо знал — был даже довольно близок в студенческие годы и сейчас [же] после окончания Университета⁴. А сам Владимир Ульянов — и Струве! — воспитанники Алекс[андры] Мих[айловны] Калмыковой⁵... Конечно, биографические черты не очень должны интересовать — но я думаю, что эта глубокая семейная связь Ленина с долгим периодом русской революции не случайна.

Вообще этот человек совершил — в короткую жизнь — колоссальное изменение в жизни страны. Играла большую роль *воля*; были конечно и благоприятные обстоятельства (в том числе отсутствие равноценных противников) — но и личность сыграла роль — личность организатора. У Ленина был своеобразный государственный ум и м.б. смерть его в начале коммунистического строительства очень неблагоприятно сказалась* на русской жизни.

* В оригинале описка: «сложилась».

Но у него не было творчества и мысль его мне представляется не интересной. И в то же время этот человек накладывает на страну и вносит в человечество — не только свою политическую веру — но и свою философскую мысль — определенную форму материализма, борьбу с эмпириокритицизмом. О последнем обращаю твое внимание на небольшую статью в *Naturwissenschaft*, кажется, 1928 года крупнейшего немецкого физика Франка (еврей, знающий русский язык)⁶.

Сергей — не только в печати, но в частных беседах считает, что Л[енин] резко отличался от окружающих госуд[арственным] умом и что не будь его, научные и художественные ценности — и люди — и не сохранились бы и революция явилась бы еще более разрушительной. Сохранение — в общем центров научной и художественной работы — вероятно очень многим обязано лично Ленину в самые трагические моменты.

Я его почти не знал — встречался, но очень мало и даже не осталось у меня о нем воспоминаний. Но я думаю, что при всем возможном преувеличении Сергея — большая доля правды есть в его оценке Ленина: очень важно пережить первые крутые наступления народных движений.

Есть — мне кажется, в сборнике позднейшего соглашателя с большевиками, кажется фамилию которого я забыл (на К., молодой ученый) любопытные воспоминания Струве о Ленине — из времен их молодости. Сборник кажется был издан в Ростове и я читал его в Крыму⁷: тут есть черточки м.б. интересные для тебя.

Какое впечатление производит на тебя чтение сочинений Ленина? Все-таки это не легко — ведь это говорят — начетчики по Ленину — как Талмуд: можно найти доказательство противоположных идей. Или это говорят враги?

Сейчас с нами дядя Георгий⁸ — очень рад я был его видеть. Он с нами проведет около 12 дней и на днях уезжает. Встретились через 6 лет, и как будто возобновили недавно прерванную беседу...

Танечка прелестная — но все же маленькая, хотя увеличивается в весе правильно. На глазах развивается сознание.

Нежно обнимаю Тв[ой...]

Мне кажется, фигура Ленина еще не выявилась, т.к. неизвестно, чем кончится переживаемая стадия революции: распадом государства или нет. Фигура эта сейчас народная — но если ближайшее будущее сведется на борьбу коммунизма с крестьянством, иную получит окраску и эта фигура в нашей истории.

¹ Имеется в виду *A HISTORY OF RUSSIA* (см. письмо 1).

² Книга Г.В. Вернадского *LENIN, RED DICTATOR* вышла в Нью-Хейвене в 1931. Интересны его *ЗАМЕТКИ О ЛЕНИНЕ* (в «Тридцатые годы. Утверждения евразийцев», кн. VII, Париж, 1931, с.115-122) — о ленинском учении об империализме и корнях его ориентации на Восток.

³ По-видимому, имеется в виду №1 «Научного работника» за 1926 с воспоминаниями о Ленине Ольденбурга и Луначарского.

⁴ Об А.И. Ульянове см. хотя бы отрывки из «Хронологии» В.И. (*СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ В.И. ВЕРНАДСКОГО*. М., 1981, с.54-55).

⁵ П.Б. Струве был приемный сын А.М. Калмыковой. Субсидировала «Искру». Ее воспоминания о Ленине см. в: «Былое», 1926, №1, с.64-80. Последнее изданное о ней по-русски: С.Б. Люблинский. *ПОДВИЖНИКИ КНИГИ...* М., 1988, с.38-63. «Приютинцы» (В.И. и его ближайшие друзья) сблизилась с ней в середине 1880-х.

⁶ Имеется в виду Филипп Франк (Philipp Frank), философ, науковед, физик, биограф А.Эйнштейна, участник «Венского кружка» логиков. Печатался в 1-м изд. БСЭ. Его статья *UEBER DIE «ANSCHAULICHKEIT» PHYSIKALISCHER THEORIEN* была опубл. в: «Die Naturwissenschaften», Jg. 16, 1928, 24. Febr., Hf. 8, S. 121-128. Ср. с его кн. *MODERN SCIENCE AND ITS PHILOSOPHY*, выдержавшей несколько изданий.

⁷ Данную книгу разыскать не удалось. Возможно, она была прототипом сб. *LA RUSSIE D'AUJOURD'HUI ET DE DEMAIN*, Paris, 1920, составленного Ю.В. Ключниковым, известным впоследствии сменовеховцем. В сб. помещена статья П.Б. Струве *LE BOLCHEVISME ET LENINE*. Поздние воспоминания Струве о Ленине (по-русски) опубл. в «Возрождении», Париж, тетр.9, 10 (1950) и републикованы в «Вестнике РСХД», №95-96 (1970).

⁸ Георгий Егорович Старицкий (1868?-1945), брат жены В.И., полтавский присяжный поверенный, член партии к.д.

5

Hrúba Skála
6.IX.929.

Дорогой мой — уже собираемся — или вернее уже виден отъезд. Что-то я увижу сейчас в России? Дикая, бессмысленная чистка — и тысячи, м.б. десятки тысяч людей выброшены на страдание и на голодание для того, чтобы дать — в бедной обстановке русской жизни заработок — и то еле-еле — для подросшей сме-

ны... А наряду с этим уже более грозная борьба власти с русским крестьянством.

Больше всего я боюсь развала русского государства — вновь связать разорвавшиеся части обычно никогда не удается — Украина и Грузия — наиболее опасные части. Украина силою удержана быть не может — этого по-моему не понимают русские. Мне кажется и в твоей Hist[ory] of Russia ты слишком поверхностно смотришь на глубокий истор[ический] процесс, в котором и немецкая и австрийская пропаганда является не возбудителем, а цветком нашедшим подготовленную почву.

Основное, конечно, крестьянское движение — на Украине в нем *русский* = большевику и это придает серьезность моменту.

Если же развала не будет — у меня все укрепляется вера или скорее сознательное убеждение, что в конце концов Россия идет к демократическому (м.б. с «диктаторством»*) крестьянскому царству с сильной федеративной структурой. Желание и чувство *свободы* чрезвычайно сильно и это, мне кажется, здесь не понимает влиятельная эмигрантск[ая] пресса. Хотят не *сильной власти* — а *свободы жизни*.

Сейчас я вижу, что среди поднимающейся молодежи коммунистическая молодежь — накипь и не она будет строить русское будущее. Все больше кажутся правыми те лица, которые считают, что великий народ выйдет из испытания — выйдет, если не распадется русское государство.

Я с большим интересом прочел твое последнее письмо и думаю, что очень тебе полезно ознакомиться и с историей социализма и с Марксом и Энгельсом. Без этого, конечно, нельзя дать картину жизни Ленина. Хотя, конечно, это занятие тяжелое. Удивительно мало здесь творческой мысли — по сравнению хотя бы с нашим — физикохимическим и естественно-историч[еским] научным движением. Но надо взять дальше и иметь ясное представление о современных течениях экономической мысли: марксизм уже пережиток — новые течения связаны с новыми формами жизни и мне кажется, ближайшее десятилетие в связи с ростом естествознания должно быть в этом отношении решающим.

Остроухов вел через Н[иколая] П[етровича] переговоры и со мной. Я очень рад помочь ему — особенно при твоем согласии и пересылке всего в конце концов к тебе. М.б. напишу и воспоминания о моем отце, твоем деде¹. Ив[ан] Мих[айлович] Гревс как-то читал воспоминания своего детства и юности. Я тогда попопро-

* Чтение предположительное: в письме с «диктаторству»; м.б. иная конъектура: к «диктаторству».

вал напомнить себе, что я знаю и помню из первого допетербургского периода своей жизни больше чем за 50 лет назад. Оказываются, намного больше, чем думал.

Отца своего в полном расцвете его сил я так и не знал. В 1868 году с ним случился удар во время заседания [и] председательствования [ания — ?] в Политико-Экономическом Комитете при В[ольном] Э[кономическом] Обществе (председателем которого он был). Мне было 5 лет — а отец вполне никогда не поправился. Но это был очень богато одаренный человек с широким образованием и смелым умом и мне, мальчику не по летам серьезному, он дал очень много. До 1869 года мы жили в Петербурге, с 1869 — 1876 в Харькове и вот я пытался вспомнить эти года 66-53 года назад! При случае и для вас обоих — и для Танечки — попробую набросать воспоминания об отце² — отрывки тех разговоров, которые сохранились в моей памяти. М.б. это пригодится и для его биографии. Мне говорил Струве, который гораздо более других образован в этой области, что отец во многом был оригинален — из разговоров моих я помню, что уже после удара он во многом изменился. М[ежду] пр[очим] первое издание Маркса, ему принадлежавшее (1-ый том), кажется, сохранился и если я найду, я пришлю его тебе. Когда я был в 1918-9 в Киеве, Билимович³ дал студенческую тему на золотую медаль о моем отце — но конечно это было эфемерное явление...

Кое-что интересное попало мне при разборе хаотической части наших бумаг — ряд писем начала 1850-х годов, многолетняя переписка с отцом его друга и двоюр[одного] брата Евгр[афа] Максим[овича] Короленко (1810-1880*), по-видимому не безынтересная, и дневники моего покойного брата Коли начала 1870-х годов (умер в 1874 году. 1851-1874). Лежат у меня на столе — но я не имел возможности — и м.б. и настоящего желания во все углубиться.

Теперь я обещал Анаст[асии] Серг[еевне] пересмотреть переписку Ив[ана] Ильича со мной. Много писем больших, фактических, не казавшихся тогда мне интересными (в отличие от Анаст[асии] Серг[еевны] — блестящей эпистолярки). Но от Ив[ана] Ильича сохранились Воспоминания, и письма могут иметь значение. Нередко [?] жизнь заставляет обращаться к старому. Я не уничтожал письма⁴.

Кстати, где письма и книги, которые я оставил у тебя в 1926 году, когда уезжал в Россию, или в 1922, когда уезжал в Париж?⁵ Ниночка не знает. Там русско-болгарский сборник об А.К. Мед-

* В оригинале читается как 1840-1860.

ведеве⁶ — если он у тебя в Америке — пришли мне его в Петербург.

Тебе постараюсь пересылать постепенно все, что есть из работ твоего деда.

Сессия Академии отложена до 15.X и это дает мне возможность не сокращать своего 3-месячн[ого] пребывания — думаю выехать неделей позже, т.е. выехать отсюда (прямо минуя Прагу) не 17, а 24.IX⁷. Позже не могу, т.к. много дел по работе лабораторной и Ради[евому] Инст[итуту] и печатанию.

Нежно обнимаю Тв[ой...]

Дядя Марк лишился места без права поступления на госуд[арственную] сл[ужбу] — т.е. фактически — если не снимется — обречен на голод и на положение парии. Ему надо уезжать за границу⁸. Здесь эмиграция живет гораздо лучше, чем ей отвечающая часть населения в России.

¹ Петр Александрович Остроухов (1885-?), специалист по исторической экономике России, ученик П.Б. Струве; в 1920-30 гг. преподавал в Праге; по-видимому, намеревался писать биографию И.В. Вернадского. Н.П. Толль — см. прим. к письму 1.

² Биографические сведения о своем роде, отце и т.д. В.И. излагал неоднократно. См., напр., недавно — впервые в СССР изданный в полном виде, в переводе на украинский яз. *ПЕРВЫЙ ГОД УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ (1918-1919)* с комментариями Е.М. Апанович: «Наука і культура. Україна. Щорічник», вип.22, Київ, 1988, с.39-73.

³ Александр Дмитриевич Билимович (1875-1963), проф. политэкономии и статистики Киевского ун-та. В эмиграции с 1920, проф. Люблинского ун-та; с 1948 — в США.

⁴ Иван Ильич (1844-1928) и Анастасия Сергеевна (сконч. в 1932) Петрункевичи, друзья В.И. Вернадского с 1880-х; в Архиве АН в фонде В.И. хранится огромная их переписка. Воспоминания И.И. Петрункевича *ИЗ ЗАПИСОК ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ* вышли под ред. А.А. Кизеветтера как XXI том «Архива русской революции» в 1934.

⁵ В.И. работал в Париже (о приглашении, по-видимому, хлопотало несколько человек, в том числе старинный друг В.И. проф. В.К. Агафонов); выехал вместе с Н.Е. и дочерью в мае, сначала остановились у Г.В. в Праге, а с 8 июля чета Вернадских (Нина осталась в Праге) была в Париже; В.И. колебался, возвращаться ли ему в СССР или нет, были мысли порвать с АН, перейти на статус Струве и Ростовцева; друзья из России, в связи с исключением В.И. из действительных членов (1925), уговаривали

его вернуться («Я понимаю, как трудно перенестись с запада на восток и погрузиться в наше средневековье с зачатками XXI века. И все-таки эту операцию надо проделать. Потому что это средневековье родное и Вы из него вышли и нельзя стоять вне его своеобразной эволюции в некоторые дни и часы исторической жизни», — писал 8 августа 1925 В.И. Вернадскому его ближайший друг Д.И. Шаховской). В ноябре 1925 Вернадские уезжают из Парижа в Прагу, где В.И. намеревался надолго задержаться, но вдруг получил телеграмму из АН с предложением занять одну из новых кафедр. Вернадские вернулись в Ленинград 3 марта 1926. В.И. стал снова действительным членом АН.

⁶ Анатолий Константинович Медведев (1863-1921), товарищ В.И. по ун-ту, позже занимал кафедру физиологической химии (биохимии) в Новороссийском ун-те, в эмиграции стал первым профессором биохимии медицинского ф-та Софийского ун-та (с 6 сентября 1920). Сб. его памяти (вероятно, вышел в 1922 в Софии как том какого-то периодического или серийного издания) нами не найден. Книга нужна была В.И., видимо, для писания воспоминаний.

⁷ Отъезд В.И. и Н.Е. Вернадских состоялся в конце сентября, 3 октября они вернулись в Ленинград (Мочалов, ук. соч., с.265).

О сессии АН см. в прим.21 к письму 3. Ср. также с письмом В.И. к Ферсману от 7 сентября (*ПИСЬМА В.И. ВЕРНАДСКОГО А.Е. ФЕРСМАНУ*. М., 1985, с.147).

⁸ Марк Маркович Любошинский — муж сестры Н.Е. Вернадской, Анны Егоровны. Судьба его нам неизвестна.

Ф.Благовещенский
В ГОСТЯХ У П.А. ШАРИИ

Основная часть публикуемого ниже текста написана по свежим следам встречи автора с его персонажем. Дополнения сложились позже и помещены как внутри основного текста (даны мелким шрифтом), так и после него — в виде примечаний. События и даты в основном тексте даны в изложении Шарии. Выражения и отдельные слова, взятые в кавычки, — передают буквальную речь.

Был конец марта 1979 года. Воспоминаний О.Волина насчет бериевцев во Владимирской тюрьме [см. раздел «Из истории "малой зоны"» настоящего тома альманаха. — Ред.] я еще не знал.

Наш собеседник, знакомясь вслух со списком первых грузинских академиков, отзывался репликами: «расстрелян», «сослан в 37-м», «сослан до 37-го», «прожил долгую жизнь, умер недавно». И вдруг, дойдя до последнего имени, произнес: «А этот жив и много мог бы рассказать». Ему набирают номер — и профессор говорит с последним живым членом первой грузинской Академии наук¹. Положив трубку, оборачивается к нам:

— Шария сказал: «Да, была такая». Он готов встретиться с вами. Живет на даче в Цхнети и по вечерам всегда дома. Его телефон: ... Адрес: ...

Наш добрый знакомый, услышав о намерении посетить Петра Афанасьевича, поморщился: «Слишком долго этот Шария был близок к верхам», — и на вопрос: к каким верхам? к Сталину? к Берии? — выдал: «да». Но, встретив Шарию на ученом заседании, в тот же день передал ему про наш интерес к АН ССРГ и по-

лучил в ответ недвусмысленную фразу о причастности Шарии к ее концу: «Я сам доложил в правительство» (о необходимости прикрыть Академию). Приглашение нам, безымянным, было при этом повторено, но тут еще один тбилисец заявил, что к этому виновнику многих несчастий он ни за что бы не пошел и что Шария, узнавши о наших разысканиях, найдет способ им помешать.

Дня через два, спустившись с гор в Цхнети, мы все же положились на судьбу и без предварительного звонка отправились на улицу Горького, 14.

Шария был на участке, возле одноэтажной каменной дачи. В рабочей одежде, в темной шапочке, плотно надетой на голову, он вошел с досками: помогал студенту, который чинил ему крыло дома. Приостановившись, следил за тем, как я и моя спутница пытались угадать его дом среди нескольких, имевших один и тот же номер. На вопрос, где дача Шарии, ответил, не сдвинувшись: «Проходите сюда», но затем сразу оставил работу ради нас — ждал. Пока совсем не стемнело, нам слышались сквозь разговор прерывистые шумы ремонта; потом студент пошуршал в соседнем помещении — и то ли ушел, то ли притих, слушая.

Ведя нас в дом, Шария ступал будто бы деревянными ногами — медленно, нетвердо, с остановками. В неудобной гостиной усадил за пустой круглый стол, пошел переодеваться. Вернулся не скоро — уже не такой расхристанный, но с расстегнутой ширинкой. Казалось, старик пытается собрать себя, взять в руки, но справляется с этим лишь отчасти.

Мы заранее придумывали, кем ему представиться, чем объяснить свой визит. Спектакль оказался ненужным. Не поинтересовавшись нашими именами и занятиями, он заговорил сам — и монолог длился три часа с лишком.

Назавтра нам объяснили эту странность: с Шарией никто не хочет общаться, а потребность во внимающих слушателях, вкоренившаяся в нем, велика. — Объяснение показалось правдоподобным, но недостаточным.

Петр Афанасьевич начал с жалобы на отнимающиеся сегодня ноги. Раньше этого не бывало: болела грыжа, были другие болезни, но ноги... Беспросветностью веяло от его первых фраз. Нет, к врачу он не пойдет.

В продолжение всего разговора мысль его возвращалась к жене, скончавшейся три года назад, и к первому сыну. Памятники им (бюсты на высоких постаментах) стояли во дворе, у боковой ограды, лицом к дому.

В первые же минуты разговора Шария раздраженно сказал, что недавно выгнал из дому второго сына с внуком: сын «женился

на разведенной», которая просто «наметила себе жертву: знаете, бывают такие женщины». Дальнейшая сокрушительная безапелляционность его суждений уже не могла нас после этого удивлять.

Шария помнил тему, из-за которой мы пришли. Сам в первой части разговора заявил, что Академия наук «была мертворожденной». На мой вопрос ответил, что нет, ни одного общего собрания ее так и не состоялось.

Подтвердил еще таким примером, что вообще не все постановления проводились в жизнь: с 1936 готовилась Грузинская энциклопедия, составлялась ее картотека², в 1938 главным редактором энциклопедии стал Шария, по утрам ходил на эту работу; но вскоре по его предложению подготовка издания была прекращена, так как энциклопедия реально могла стать лишь компилятивной.

В немногих словах Петр Афанасьевич объяснил, почему Академия наук в 1930-31 не могла создаться в Грузии: университет был не советизирован, не находилось общего языка с Узнадзе³, требовалось сначала сплотить ученых на марксистской платформе. Еще не существовало кафедр марксизма-ленинизма, а когда он, Шария, предложил создать кафедру ленинизма (чуть ли не первую в стране), Давид Канделаки — «нарком просвещения Грузии, вы подумайте!» — заявил: «Что это еще будет за обер-кафедра?!»⁴

И дальше Шария повел речь об Институте марксизма-ленинизма Грузии, который и занялся идеологической консолидацией всех ученых (в нем был даже отдел биологии). Шария не сказал, что ИМЛГ пришел на смену разогнанной Академии, но стало ясно, что вопросов на эту тему задавать не нужно. Оставалось сидеть, слушать, а в минуту отлучки хозяина к телефону — записать некоторые имена и даты. Началась странная исповедь, в которой к некоторым сюжетам Шария возвращался не раз.

Биографии своей он не излагал, но отдельные сведения оказалось потом нетрудно вспомнить: «в восемь лет землю пахал», «учился всегда без отрыва от работы». Читал лекции в московских вузах, печатал статьи в изданиях Комакадемии⁵. Криницкий⁶ оставил его в Москве, и Шария только получил квартиру, когда в конце 1929 Криницкого перевели в Тбилиси секретарем Заккрайкома — и тот без дальних разговоров велел Шарии собираться с ним. При этом переезде пропала библиотека Петра Афанасьевича, купленная у вдовы Пергамента⁷ и отправленная из Москвы в конце 1929 (за всю жизнь библиотека пропадала трижды, так что теперь мало покупает книг). С Криницким они вскоре поругались. Доктор философии Шария с 1936. Изучил английский, а потом, в тюрьме, еще 6 европейских языков. В 1941 отказался от членства в Грузинской Академии наук, которую «пробивал» в Москве.

Его ввели туда в 1946 и сделали членом президиума Академии. Хвастовства в таких сообщениях не чувствовалось. Многие из них (например, что в 1938 он заведовал в грузинском ЦК сразу двумя отделами — отделом науки и отделом агитации и пропаганды) звучали в скобках, попутно. И если Шария сообщил, что в ИМЛГ директором был назначен Ф.Махарадзе, но фактически директором был он, П.А. Шария, — то, похоже, так оно и было. Кажется, что гораздо больше, чем былыми своими постами и чинами, Петр Афанасьевич гордится другим.

Показательно, что некоторых дат и событий своей жизни Шария не вспомнил ни разу за весь вечер. Таковы, в частности, годы:

1935 (выход книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», окончательное оформление текста которой, по свидетельству К., принадлежит именно Шария⁸; в этом году Шария стал зав. Культпропом ЦК КП(б) Грузии вместо К.Ш. Орагвелидзе, перемещенного в ректоры университета).

1937 (эта дата вообще не произносилась).

1947 (Шария играл тогда одну из главных ролей в дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии»⁹; в том же году состоялась поездка его в Англию под маркой «от Академии наук СССР»).

Март 1953 (Берия тогда лично поехал на Лубянку освобождать мингрельцев; когда все собрались вместе, Берия, смеясь, напомнил Шарии, что посадил-то его тот, про кого Шария писал, что он величайший гений всех времен и народов).

По анкетным данным (1929), Шария родился в 1902. На прямой вопрос о возрасте под конец нашего разговора он убавил себе, по сравнению с этими данными, два с половиной года. Первая наша мысль была: быть может, время в его сознании уже остановилось? Однако позже Н.П. Шария подтвердил, что его отец родился в 1904. Не исключено, что в 20-е годы ради каких-то целей П.А. Шария присвоил себе другую дату рождения, а под конец жизни вернулся к истинной.

Своего участия во внутривластной борьбе он слегка коснулся в связи с конфликтом между Берией и Орахелашвили. Это 1932 год. Орахелашвили — секретарь Закрайкома (после Криницкого), Берия — секретарь грузинского ЦК. Конфликт дошел до того, что обоих вызвали в Москву, чтобы там сделать выбор в пользу одного.

В это время Акопов, секретарь Тбилисского горкома, явился на партсобрание в ИМЛ, чтобы «пронюхать», куда же идет дело: он был уверен, что Шария это знает. А тот «не знал» и в своем выступлении говорил о том, что нужно усилить воспитательную работу, что приоритет слишком отдан работе организационной.

Акопов на основе этого решил, что победа будет за Орахелашвили, — и соответствующим образом себя повел. Но тут сделался известным противоположный выбор Москвы — и Акопов поспешил в Орджоникидзе (Владикавказ), чтобы встретить возвращающегося с победой Берия и на аэродроме сказать ему о «провокации», которую организовал Шария в своем институте.

Вскоре после этого в ИМЛ отмечали 40-летие литературной деятельности Горького. Шария опаздывал (был у больной матери), просил подождать, но заседание начали без него. Когда он явился, то взял из зала и вместе с собой провел в президиум Марию Орахелашвили¹⁰ — старую большевичку, наркома просвещения, члена правления института. Это было сочтено за демонстрацию, и вскоре Шария «сам ушел» из института. За девять месяцев опубликовал три книги. Потом под угрозой исключения из партии (этот ультиматум предъявил ему сам Берия) снова вернулся на партийную работу. А ИМЛ после этого захирел: «жена Орагвелидзе»¹¹ превратила его «в рабфак на уровне подготовки к аспирантуре».

В конфликте Берия — Орахелашвили Шария «не хотел групповщины», считал, что «виноваты обе стороны», и «прямо говорил» им об этом. Но, «конечно, правильно» решение в пользу Берии. «Берия — фигура», — говорит Петр Афанасьевич «конфиденциально», и кулак его сжимается, как бы отражая волевой характер «фигуры», — «а Орахелашвили...» — и рука бессильно-недоумевающе расслабляется, и фраза остается незаконченной. Он прибавляет про Берия: «Но дальше республики я бы его не пустил». Лаврентием Павловичем он не назвал его ни разу.

С нескрываемой гордостью произнес Шария, что он со Сталиным «был дружен». Сказано это в связи с историей издания сталинского собрания сочинений, которая изложена примерно следующим образом.

В 1945 исполнялось 40 лет со дня смерти А.Г. Цулукидзе. К этой дате Шария решил выпустить томик избранных произведений Цулукидзе на русском языке. Сам засел месяца на три переводить статьи. Готовая книга была отправлена всем членам Политбюро¹².

Через некоторое время Шария был срочно вызван к Маленкову с группой людей, хорошо знающих русский и грузинский. Забрав, кого надо из ученых и писателей (запомнилось лишь имя Кутатели¹³), он полетел в Москву.

Оказалось, что Маленков вошел к Сталину, когда тот листал томик Цулукидзе. Маленков сказал: «И у меня такой есть», — и в ответ услышал: «Кажется, было решение и о моих сочинениях?»

Выйдя из кабинета, Маленков кинулся наводить справки. В самом деле: решение об издании собрания сочинений Сталина было принято где-то около 1935 года (для Шария это десятилетие ожидания — свидетельство того, что Сталин не заботился о создании своего культа)¹⁴.

Начавшаяся работа затормозилась из-за Мочалова («между прочим, из махновцев»), который десять лет «сидел на отделе Сталина» в ИМЭЛ: заведовал отделом¹⁵. У Мочалова не были подготовлены к изданию тексты сталинских работ, больше того — не были выявлены эти работы. Шария организовал изучение сталинского стиля, выделение работ Сталина из множества неподписанных газетных статей, перевод ранних работ на русский язык. Мочалов сопротивлялся: «Это Каменев. Это неизвестно кто».

И вот однажды у Сталина собраны Александров¹⁶, Кружков¹⁷, Митин¹⁸, Шария, Мочалов... Сталин предоставляет слово Мочалову. Тот докладывает, что грузинские товарищи — конечно, из лучших побуждений — готовы приписать Сталину чужие работы. Сталин предлагает высказаться. Все молчат. «Может быть, Шария скажет?» — «Да, я скажу», — начинает Шария и говорит о том, что он не видывал «такого нахальства». — «Пожалуйста, без выражений», — останавливает его Сталин. Шария продолжает: он ничего не приписывает, анонимные статьи подготовлены для того, чтобы спросить об их авторстве (в сторону Сталина) самого автора. — «Ну что ж», — и Сталин просматривает работу за работой: «моя», «моя», «моя» (Мочалов мрачнеет), «не моя» (Мочалов взбодрился). «Посмотрите, товарищ Сталин, — говорит Шария, — это же Ваш язык, Ваша композиция». — «А, вспоминаю, — произносит Сталин, — я начал писать эту статью, но должен был уехать, и по моим тезисам ее закончил Давиташвили»¹⁹.

При одной из встреч Шария обратил внимание Сталина на то, что не годится издавать Сочинения «кустарно»: нужна редакционная коллегия. «Предлагайте», — сказал Сталин. Шария первым назвал Поскребышева и на удивленную реакцию собеседника ответил, что только Поскребышев всегда сможет обратиться к автору. Кандидатуру Поспелова Сталин отвел²⁰.

Члены редколлегии ограничивались в лучшем случае корректурной правкой. Серьезные замечания к первому тому подготовил один Шария. Отправил Поскребышеву. Приехал однажды в Москву — тот его вызывает. Оказалось, что Поскребышев даже не сказал Сталину о присланных замечаниях: «Что я — дурак?» С такими исправлениями Шария пусть идет объясняться сам. А теперь он доложил Сталину, что приехал Шария с предложениями

по первому тому. И вот Сталин читает свою фразу: «Мы за пролетариат, потому что ему принадлежит будущее». К Шарии: «Что Вам здесь не нравится?» Шария отвечает: сейчас критикуют марксизм за прагматизм, за отсутствие морали. Предлагает изменить: мы за пролетариат, потому что он против частной собственности. В другом месте Сталин писал со знаком плюс о неodarвинизме. Но теперь неodarвинизм оценивается иначе, — объясняет Шария и предлагает изменить оценку или вообще изъять кусок текста. — «Это будет приспособленчество». — «Вы автор, Вы имеете право...»²¹

Споры длятся часами. Сталин принимает предложения Шарии. Потом распоряжается: исправления Шарии без согласования с ним, Сталиным, направлять прямо в печать. Шария и теперь счастлив оказанным тогда доверием.

Все это было подано как иллюстрация мысли: Сталину можно было резко возражать, с ним можно было спорить — какой же он тиран?

О комиссии по расследованию деятельности Ежова Шария сообщил, что она была создана в 1938 и возглавлялась Андреевым²². В нее входили Вышинский, Берия, Маленков (эту фамилию помню нетвердо), Шария, сам Ежов. Комиссия, в частности, рассматривала материалы по делу Тухачевского, Якира и других и обратила внимание на то, что Сталин трижды возвращал следственный материал, требуя признания обвиняемых. «Не верю!» — вот его реакция, «и это зафиксировано в деле». «Говорят: почему же он сам не встретился с обвиняемыми? Но не мог же Сталин выполнять обязанности следователя!»

Целью мингрельского дела (1951), по Шарии, было «поссорить Сталина и Берию». В списке назначенных к аресту Шария стоял первым. Сначала Сталин его вычеркнул, но потом Сталина убедили в виновности Шарии, и Сталин сам позвонил об аресте. Никакой обиды на него Шария не хранит: «Так нужно было». Кто были противники Берии и Шарии — об этом ни малейшего намека.

Вспоминает в связи с этим несколько эпизодов, которые могли подтолкнуть Сталина к санкции на арест.

Один раз Шария сказал: «Прожить бы Вам еще 100 лет!» — и, убежденный в том, что «социальные закономерности — не то, что естественные», и что новое общество создается «все-таки волей», горько прибавил: «Что будет после Вас?» Сталину это не понравилось: он мог усмотреть намек на уничтожение всех вокруг него.

В другой раз Шария убеждал Сталина «конституировать госбезопасность» и изменить систему ее, положившись на народ.

Сталин защищал систему ГПУ-НКВД: «Сколько они выявили врагов!» Шария отвечал: «Народ бы выявил больше!»

Однажды Шария «как гимназист, провалился» перед Сталиным, ляпнув: а все-таки наша война с Финляндией (двести миллионов против двух) не войдет в историю как справедливая. Сталин разозлился: «Я от Вас этого не ждал. У Вас что — монополия на эмоции?» Сталинская аргументация: он знал о надвигающейся войне — и надо было испытать армию в деле («Что, армия проверяется на парадах?»). Вон Ворошилов докладывал о готовности, но... И тут Сталин вспомнил (Шария восхищенно: «Какая память!»), что по окончании советско-финской войны Шария отказывался выступить на митинге в Москве (хотя потом все же выступил и сказал о взятых укреплениях): значит, это было не случайно! — И, когда Шария был морально совсем убит, Сталин неожиданно спросил: «Вы играете в бильярд?» (тут снова восхищенный комментарий: «Вы подумайте, какая человечность!»).

Петр Афанасьевич вспоминает, как они целый час разговаривали со Сталиным о соотношении мирового и национального в поэзии (и Шария, не включивший Гюго в число мировых лириков, был сражен своим оппонентом) и о Маяковском (Сталин: нет поэта, который «так воспел бы» наше время). Как Сталин «гениально раскрыл фултоновскую речь Черчилля» и т.д.

Шария сравнивает: Маркс и Энгельс — теоретики, Ленин — начинатель, но «основная тяжесть легла на плечи Сталина: создать новый строй!» Прожить бы еще Сталину 15-20 лет — как укрепился бы этот строй во всем мире! Сегодняшнее положение мирового коммунизма Шария беспокоит, и в адрес нескольких компартий он наговорил ряд нелестных фраз.

Шария об органах: вся их «система» не оправдала себя, она хороша только для таких людей, как Дзержинский и Менжинский, но других таких не было. Никуда не годится, когда агент идет за секретарем Обкома! Вообще говоря, слежка пусть оставалась бы, «только суд нужно было сделать открытым». Острие органов госбезопасности должно быть направлено вовне; он, кстати, работал именно в таких органах.

Рассказывает случай, как в 1938 он подобрал кандидатуру грузинского наркома просвещения. Через неделю новый нарком оказался врагом народа. «Вот ваш кандидат!» — сказал Берия. Шария попросил время на распутывание и быстро выяснил: доносы были организованы другим, отвергнутым кандидатом в наркомы: тем, кто их напишет, он обещал хорошие места, когда станет-таки наркомом. «А я что, хуже?» — воскликнул он, когда при-знался.

В монологе Шария будто отвечает невидимым оппонентам. Говорят: Сталин отвечает за репрессии. — «Да, Сталин отвечает, но так, как глава семьи отвечает за все, что происходит в его доме».

Где-то в начале разговора Шария сказал, что Хрущев посадил его «в порядке личной мести»; ближе к концу было нехотя сказано, что Хрущев «иначе не мог поступить».

Обвинение 1953 года, по словам Шарии, сводилось к следующему:

1. Будучи свидетелем того, как Берия в разговоре по телефону с Маленковым критиковал Сталина, Шария не доложил об этом Политбюро (т.е. тому же Маленкову).

2. Встречался с белоэмигрантами (в 1945 Шария был направлен для секретных переговоров с лидерами грузинских меньшевиков в Париже, причем «через 15 минут после встречи с Жордания уже шла шифровка» об этом в Москву; в 1953 обвинение использовало фальшивку-фотомонтаж: П.Шария и Е.Гегечкори в Булонском лесу).

3. Содействовал возвращению в СССР двух изменников родины (в связи с доставкой в СССР грузинских национальных ценностей).

Эту часть рассказа придется пояснить подробнее.

В Государственном музее искусств Грузии есть залы под названием Сейф. Пускают в Сейф с теми же строгостями, что и в Грановитую палату Кремля или в Золотые кладовые Эрмитажа. Там хранятся национальные сокровища Грузии, двадцать четыре года находившиеся на чужбине: металлопластика V-XIX вв., перегородчатые эмали на золоте VII-XIV вв., ювелирные изделия позднего средневековья, иконы V-XIX вв. А в соседних помещениях — древние рукописи и другие исторические реликвии Грузии.

Весной 1921, когда пала Грузинская демократическая республика, правительство Ноя Жордания решило вывезти за границу ее национальные сокровища, чтобы спасти их от гибели. Экви́ме Такайшвили, потративший первую половину жизни на собирание их и являвшийся хранителем этих ценностей, выехал с ними, хотя сам лично не испытывал желания эмигрировать²³.

В Левиле (грузинской колонии под Парижем) Такайшвили очень бедствовал, временами буквально голодал. Тратил свои личные средства, чтобы выкупать у частных лиц произведения грузинского искусства, памятники старины — и таким образом пополнять прежнюю коллекцию. Когда грузинское правительство в изгнании получило большую сумму от польского правительства Пилсудского (в благодарность за содействие репатриации поляков), Такайшвили добился, чтобы четверть этой суммы была потрачена на те же цели.

До 1939 продолжалась и научная деятельность Такашвили. Он печатал статьи на французском, английском и грузинском языках, читал лекции по вопросам грузинской культуры и истории. Но выпущенные им две книги о дореволюционных археологических экспедициях вышли в свет без иллюстраций: на такую роскошь он средств уже не имел. Остались и неопубликованные труды.

Забота об исторических реликвиях и национальных ценностях Грузии поглощала все больше сил. Правительство Франции перестало признавать грузинское правительство в изгнании, и имущество, положенное в банк на имя этого правительства, повисло в воздухе, а затем, как «имущество без хозяина», было передано на хранение чиновнику по имени Жодон. Первые попытки вернуть это имущество в Грузию через посредство дипломатов не дали результатов. Бесплезным оказалось и личное обращение Такашвили к Л.Блюму.

Одна из русских эмигранток, Екатерина Оболенская, урожденная Дадияни, затеяла процесс, претендуя на часть сокровищ. Тяжба длилась семь лет. Такашвили победил, но это стоило ему здоровья.

Во время нацистской оккупации изобретательный и находчивый П.Жодон спас ценности от вывоза в Германию. Под конец они хранились в Версальской публичной библиотеке. Самого Такашвили официально приглашали переехать в Берлин, но он отказался.

В августе 1944 Париж был освобожден, а осенью грузинский искусствовед Шалва Амиранашвили (он был тогда директором Музея искусств Грузии) получил письмо от Такашвили, где тот сообщал, что банк предупредил о конфискации ценностей, если не будет погашен долг — плата за их хранение.

В Тбилиси делу помочь не могли.

В октябре Амиранашвили находился на сессии АН СССР. Узнав о предстоящем приезде в СССР де Голля, он составил записку для передачи в ЦК. Безуспешно пытался пробиться к Сталину, но затем какой-то русский полковник (дежурный в комендатуру), выслушав его, взялся лично доложить вождю — и на второй день сказал грузинскому искусствоведу, ежедневно появлявшемуся в приемной: «Жди, Сталин знает».

Через некоторое время Амиранашвили был вызван Сталиным, тот сказал: «Молодец, что написал», — и велел быть наготове.

Переговоры с де Голлем закончились 10 декабря 1944 подписанием советско-французского договора о союзе и взаимной помощи. Передают, что где-то в конце переговоров Сталин сказал де Голлю, что хотел бы поговорить с ним «как товарищ с товарищем»:

— Верните народу грузинские национальные ценности. Это моя личная просьба.

Де Голль согласился. Сумма, которую полагалось уплатить за хранение, была каким-то образом списана.

С Такаишвили быстро договорились, и ценности были переданы СССР на основании заявления их хранителя, обращенного к де Голлю. На заявлении стояла и подпись Сталина. К концу декабря все формальности были закончены.

Для получения ценностей во Францию был отправлен Амиранашвили, которому Сталин выдал две тысячи долларов на личные расходы без отчета об их использовании (вернувшись в СССР, Амиранашвили сдал их назад). Нацепили ему мундир майора и пистолет, от которого Амиранашвили, человек сугубо штатский, старался держать руки подальше. Вместе с ним поехал Илья Тавадзе²⁴.

Они летели в Париж через Тегеран и Марсель. Самолет их был подбит неизвестно кем и горел в воздухе, однако добрался до места.

Когда 21 января 1945 делегация приземлилась на парижском аэродроме Орли, ее встретили представители советского посольства и сообщили: грузинские ценности, занявшие 39 ящиков, уже приняты нашим послом А.Е. Богомоловым²⁵ и перенесены в посольство. При этом обнаружилось, что Жордания, всегда считавший, что национальные ценности должны вернуться на родину независимо от того, останется ли он, Жордания, на чужбине или нет, — теперь, увидев, как решился вопрос, побудил многих эмигрантов сдать в передаваемый фонд еще сохранявшиеся у них исторические и культурные ценности²⁶.

Вслед за Амиранашвили в Париж прилетел Шария — «для охраны». Он поселился в той же гостинице, что и Амиранашвили, и однажды тот застал его у себя в номере роющим в чемодане. Шалва, высокий и широкий, сгреб Шарию, приподнял и сказал: «Еще застану у себя в номере — ты до Москвы не доедешь». Перед тем он отстранил Шарию, совавшегося в составление описей: «Ты же не знаешь, как эти предметы называются».

У Такаишвили было воспаление легких, и вся работа по описанию и укладке легла на Амиранашвили. Она была завершена к 15 февраля.

Для взятия ценностей прилетело три советских самолета. Но один из них был загружен архивной документацией советского посольства (не за материалами ли разведки прибыл, в частности, Шария?) и отдельно от других улетел в Москву. Погрузка 39 ящиков началась лишь тогда, когда получили сообщение, что первый самолет долетел удачно.

Перед отлетом Шария через кого-то третьего попросил Амиранашвили положить к себе в чемодан сверток, перевязанный крест-накрест, ссылаясь на то, что у него, Шарии, «нет места». «У меня тоже нет места», — отрезал Амиранашвили и отказался. Можно предположить, что Шария пытался организовать какую-то

провокацию (например, мог подложить антисоветскую литературу), чтобы опорочить Амиранашвили.

5 апреля 1945 два самолета начали свой полет по маршруту Париж - Марсель - Рим (здесь стояли два дня) — Бенгази - Каир (двухдневная остановка) - Тегеран (здесь приземлились 11 апреля). Это было первое путешествие Такаишвили по воздуху. Он чувствовал себя плохо, боялся умереть в пути, просил довести его тело до родины.

Когда полет завершился, Амиранашвили снова отстранил Шаррию:

— Я сообщу Сталину, что привез грузинские ценности. А ты можешь доложить по своему ведомству, что мы прилетели.

Тогда, видимо, и произошел эпизод с опечатанием самолета, который передается ниже. Двое военнопленных, имен которых Шария не называл, — Теймураз Шавдия и Николай Меладзе. После описанных Шарией событий они выжили в дальних советских лагерях.

Такаишвили стал грузинским академиком, но из-за интриг Шарии попал под домашний арест²⁷.

Жордания, по словам Шарии, много сделал для спасения и собирания грузинских ценностей за границей. За одну только вещь (то ли нательный крест царицы Тамар, то ли диадему) американцы предлагали 5 миллионов долларов — Жордания отказался²⁸.

Рассказывая о своей поездке во Францию, Шария не упомянул никаких имен, кроме Такаишвили, о котором только и было сказано: он болел и в передаче ценностей участия не принимал.

Воздушные трассы над Европой принадлежали американцам. Решено было лететь круговым, более безопасным путем. Шария через советского представителя во Франции (он же был резидентом советской разведки) запросил в помощь двух молодых вооруженных офицеров. Было отвечено, что он не получит даже одного солдата.

Тогда Шария обратился к тому же советскому представителю с просьбой: подобрать ему двух грузин из бывших военнопленных — наиболее проверенных. Им пошили форму младших офицеров, дали автоматы.

Когда приземлились на советской территории, Шария потребовал, чтобы самолет вместе с охранявшими его двумя грузинами был опечатан: мало ли что могли сделать эти люди. Им передавали пищу, но все трое суток, пока сверялись описи и содержимое ящиков, пока шла передача сокровищ и их сторожей Министерству внутренних дел, они оставались внутри самолета.

Вопрос «Что стало с этими людьми?», заданный после окончания этого рассказа, прозвучал для Шарии как будто неожиданно

и не вполне приятно: в ходе рассказа до нас все-таки не дошло, что их судьба для него — дело десятое. Шария ответил: «Их наказали, но меньше, чем других».

Вернулись они все из Франции, по словам Шарии, в сентябре 1945.

Про свое заключение в хрущевские годы Шария сказал, что все 10 лет он провел в одиночке²⁹.

Петр Афанасьевич рассказал, что он, стремясь быть полезным партии, регулярно писал начальнику тюрьмы тексты докладов или обзоров на политические темы (например, о Варшавском договоре). По поводу «Одного дня Ивана Денисовича» писать отказался, сразу заявив, что автор — «враг и не писатель», а журнал посоветовал убрать, особенно от заключенных: «там посылки получают дважды в месяц, а у нас — раз в год».

Жена Шарии в период его заключения была выселена из Тбилиси в Рустави.

Самой выразительной, может быть, частью рассказа Шарии (впечатление исповеди) было повествование про поэму о сыне. Но тона его не смогу передать, фраз точно не запомнил. Изложу события.

Первый сын Шарии умер в 1943. Сандлер, учительница его сына, известная составительница учебников английского языка, чтобы помочь отцу пережить трагедию, дала ему для чтения Геннисона. Шария просил своего шофера запирать дверцу машины, чтобы не выброситься на ходу; в дороге рифмовал для себя печальные строки и бросил их потом в стол. Когда перешел на другую работу, его секретарь-стенографистка Бирман нашла эти листки. Плакала, читая их. Взяла отпуск за свой счет; расшифровала, насколько могла; расположила по порядку. Перепечатав, привезла в Москву. ДANELIA³⁰ и другие в отсутствие Шарии решили: это не должно пропасть. П.Ф. Юдин, глава Госиздата [точнее: ОГИЗ РСФСР. — Ф.Б.], издал 75 экземпляров поэмы на правах рукописи, с портретом сына Шарии. В нераспечатанной коробке все экземпляры, врученные Шарии перед отъездом, были привезены в Тбилиси, где при гостях пятилетний (второй) сын, надеясь на привезенные подарки, извлек один экземпляр. Гости увидели, стали просить, и Петр Афанасьевич раздал несколько экземпляров с просьбой непременно вернуть их по прочтении. Критике подверглись места, неточно расшифрованные при подготовке издания. Специальная комиссия из «Правды» (Шария назвал фамилию: Лукин³¹) все же оценила поэму как советскую и патриотическую. Поэма Шарии дважды обсуждалась на Политбюро ЦК ВКП(б) под руководством Жданова в 1948³². Из печати она вышла еще в 1945.

Но вот что особенно поразительно. Рассказывая о своих переживаниях в связи со смертью первенца, Шария добавил, как бы в оправдание своего тогдашнего отчаяния: «Маркс бросился в могилу к своему первенцу — Маркс!» По поводу строки «В стихиях я с тобой» в конце своей поэмы: «О стихиях в том же значении говорил Плеханов».

«Она жертва моей судьбы», — сказал он о жене в неподдельном горе. И тут же прибавил, что слово «судьба» Ленин употребил в письме к Иоффе (последовало указание на том и цитата наизусть), что он, Шария, когда еще и студентом не был, при самом первом чтении книги Бухарина не согласился с Бухариным в этом вопросе, ибо судьба есть — и она не что иное, как пересечение причинных рядов. Рассуждение Шарии на эту тему оказалось невыносимо многословным.

Собеседников своих Шария в разговоре не чувствовал. Его «Не правда ли?» было не более чем риторическим вопросом. Осталось ощущение, что он не только не допускает, но просто не понимает возможности существования принципиально иной мировоззренческой позиции.

За время монолога Шария оживился. Стал говорить громко — временами почти кричал. Выйдя от него, мы признались друг другу, что оба боялись, как бы его не хватил удар. Слезился его левый глаз. Несмотря на просматриваемую или угадываемую ложь, все это было очень похоже на исповедь. Шария сказал, что напишет про этот вечер в своих воспоминаниях (четыре года назад его рукописи сгорели, но теперь он пишет новые).

Он был очень огорчен, что вместе с его былым положением ушли времена его щедрого гостеприимства. Отпустить нас без угощения все же он не мог: хоть рюмочку коньяку!.. Не знал, где у него стаканы. На закуску выложил прямо на стол карамельки в целлофановом кульке: «Извините, ради Бога». Произнес длинный тост, где много было про доброту, благородство, счастье (с определением этого понятия), но главное: «Чтобы совесть у человека была чиста!..»

Мы вышли под черное звездное небо. Окруживший себя ложными ориентирами, проживший выдуманную жизнь, поразивший нас своей ограниченностью собеседник не вышел нас провожать. Ну и что же, что в прошлом он сгубил немало людей? Сейчас он просто одинокий заброшенный старик, и надо завтра позвонить ему, убедить вызвать врача...

Утром нам рассказали совсем недавний эпизод. На лекции по эстетике в Академии художеств Шария сказал одному студенту: «Таких, как вы, в тридцать седьмом году ставили к стенке!»

Звонить расхотелось. Мы уехали. А потом узнали, что были последними людьми из внешнего мира, кто общался с Шарией. Через несколько дней он перенес инсульт, потерял способность к связной речи и вскоре умер³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История первой грузинской Академии наук — АН ССР Грузии (1930-31) — освещена в вып.5 исторического сборника *ПАМЯТЬ* (Париж, 1982, с.165-225: Д.Анастасьин, И.Вознесенский. *НАЧАЛО ТРЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ АКАДЕМИЙ*). К настоящему времени выявилась существенная неполнота этого материала в части, касающейся взаимоотношений между Н.Я. Марром и университетской тбилисской профессурой.

² Первое известное нам решение о создании советской энциклопедии на грузинском языке относится к ноябрю 1930 («Заря Востока», 1 декабря 1930). Реальная работа началась несколько позже, примерно в 1933-34, но еще до назначения Шарии зашла достаточно далеко: не только до картотеки, но и до гранок если не первых томов, то, по крайней мере, отдельных статей. Главным редактором «Большой грузинской советской энциклопедии» был М.Г. Торшелидзе, арестованный в октябре 1936 и расстрелянный в июле 1937.

³ Узнадзе Дмитрий Николаевич (1886-1950) — психолог, в ранний период деятельности — философ. Один из основателей Тбилисского ун-та (1918). Создатель учения об установке (обширные экспериментальные исследования в этой области — с 1927); ко времени образования АН ССРГ приобрел уже мировую известность. Академик АН Грузии при ее повторном основании (1941). Старался уйти от идеологических споров в советской науке. По выражению одной из его учениц, ученые его школы «тихо сидели и работали».

⁴ Канделаки Давид Владимирович был наркомом просвещения ССР Грузии с апреля 1929, но вскоре переведен в Москву. До декабря 1934 — торгпред в Швеции, затем (декабрь 1934 — апрель 1937) — торгпред СССР в Германии. В западной литературе традиционно считается личным эмиссаром Сталина в секретных контактах с гитлеровскими кругами. С апреля 1937 — зам. наркома внешней торговли СССР. Расстрелян в 1937 или 1938.

⁵ В Москве Шария преподавал в Ин-те народного хозяйства, Химико-технологическом ин-те, на Высших гос. литературных курсах и в Коммунистическом ун-те им. Свердлова. Область своих научных интересов определял тогда так: «Философия, гносеологические проблемы, прагматизм, а также экономика».

⁶ Криницкий Александр Иванович (1894-1937) — зав. Агитпропом ЦК ВКП(б) в 1926-29, до этого руководил Саратовским губкомом, Омским и Донецким обкомами, ЦК КП(б) Белоруссии. Секретарь Заккрайкома в 1929-30. После этого работал в РКИ, редакции журнала «Большевик», Сельскохозяйственном отделе ЦК ВКП(б), был начальником политуправления Наркомзема СССР, а с 1935 — секретарем Саратовского крайкома. Расстрелян.

⁷ Покупка библиотеки М.Я. Пергаменты произошла, видимо, еще при жизни последнего. О нем см.: «Минувшее», т.1, с.331.

⁸ Книга *К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАКАВКАЗЬЕ* явилась плодом деятельности целой группы работников, из которых нам известны имена З.М. Бромикер, К.Г. Горделадзе, Е.А. Бедии и П.А. Шарии (расстреляны все, кроме Шарии). На ранних этапах работа над книгой включала широкий сбор и точное исследование фактов и лишь затем были произведены их тенденциозный отбор и явная фальсификация. Окончательный вариант книги выпустил от своего имени Л.П. Берия (1935).

⁹ По книге Г.Ф. Александрова *ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ* (М., 1946) были проведены две дискуссии: одна, в январе 1947, проходившая в рамках АН СССР, была признана неудовлетворительной, после чего ЦК ВКП(б) организовал под руководством А.А. Жданова новую дискуссию (16-25 июня 1947). Стенографический отчет второй дискуссии составил содержание первого номера журнала «Вопросы философии» (1947: с.5-501; выступление Шарии — с.163-171); подробности дискуссии, сверх этой информации, нам неизвестны. Июньская дискуссия ознаменовала собою «переход в наступление на философском фронте».

¹⁰ Орахелашвили (урожд. Микеладзе) Мариам Платоновна (1887-1938) — нарком просвещения Грузии после Д.В. Канделаки. Снята с этого поста «за неправильную подачу сведений первому секретарю» (Берии) и направлена на низовую работу секретарем первичной парторганизации суконной фабрики еще в то время, когда ее муж оставался первым секретарем Закавказского крайкома. Вскоре после описываемых событий переехала вместе с М.Д. Орахелашвили в Москву, где работала в Наркомпросе РСФСР. Арестована в июне 1937, расстреляна приблизительно в январе 1938.

¹¹ Бромикер Злата Марковна — экономист и историк, жена парт. деятеля К.Ш. Орагвелидзе, большевичка с 1917. Стала зам. директора ИМЛ в Тбилиси (не путать с позднейшим ИМЛ, созданным как Грузинский филиал московского ИМЭЛа), доктором экономических наук, членом ЦК КП(б)Г. Получила кафедру в ун-те. Осуждена в ноябре 1937, расстреляна.

¹² А.Цулукидзе. *СОЧИНЕНИЯ*. Тбилиси, 1945. До последнего времени книга находилась в библиотеках на специальном хранении.

¹³ Кутатели (наст. — Кутателадзе) Александр Николаевич (1897-1982) — прозаик, драматург, переводчик, поэт; литературную деятельность начал в 1921.

¹⁴ По-видимому, решение об издании сочинений Сталина было принято в связи с его шестидесятилетием (1939). Эту догадку косвенно подтверждает тот факт, что два своих письма к М. Давиташвили (они позднее вошли в I-й том Сочинений) Сталин подверг авторской правке в 1940 (см.: *ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА И РУКОВОДИМЫХ ИМ УЧРЕЖДЕНИЙ РСДРП С ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ. 1903-1905 гг.*, т. 3. М., 1977, с. 54; 225; далее — *ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА...*).

Еще раньше, в декабре 1929, накануне 50-летия Сталина, ЦК КП(б) Грузии постановил издать полное собрание сочинений Сталина на грузинском языке. Госиздату Грузии было предложено приступить к осуществлению этого издания немедленно. Нам неизвестны причины, по которым издание не осуществилось.

¹⁵ Мочалов Василий Дмитриевич (1902-1970), в комсомоле с 1922, в ВКП(б) с 1928. В нач. 1920-х преподавал обществоведение в школе ФЗУ, затем перешел на партийно-пропагандистскую работу. В 1920-30-е был ответственным редактором журнала «Молодой большевик» (Москва), редактором агитационно-пропагандистской литературы в изд-ве «Московский рабочий», помощником заведующего партийным отделом «Правды». В 1938, окончив ИКП, направлен в ИМЭЛ в качестве ответственного секретаря и члена редколлегии журнала «Пролетарская революция» (издавался до 1941). В 1938-45 заведовал сектором ин-та (сектор И. В. Сталина?). Один из авторов книги *ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ* (М., 1939; изд. 2-е, испр. и доп. — 1950). Кандидат ист. наук (1943) за работы по истории большевистских организаций Закавказья. Напечатал статьи о первых томах Сочинений Сталина («Изв. АН СССР. Серия ист. и филос.», 1946, №5; 1947: №№1 и 10). Вскоре после описанных Шарией событий, видимо, был перемещен по службе и с 1945 работал в Ин-те истории (после его разделения — в Ин-те истории СССР) АН СССР. С 1947 — проф. кафедры истории ВКП(б) в Академии обществ. наук. Доктор ист. наук с 1959, после книги *КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ЗАКАВКАЗЬЕ К КОНЦУ XIX в.* (М., 1958). Был заместителем председателя исторической секции Комитета по Ленинским премиям, членом редколлегии «Исторических записок» и «Исторического архива», в 1960-66 — главным редактором журнала «История СССР». С нач. 1969 возглавлял в своем Ин-те новый отдел — Отдел общих проблем истории народов СССР.

¹⁶ Александров Георгий Федорович (1908-1961) — парт. деятель и философ, академик (1946). В 1940-47 возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Позже был директором Ин-та философии (1947-54) и министром культуры (1954-55). Последние годы работал в Белоруссии.

¹⁷ Кружков Владимир Семенович (р. 1905) — философ, специалист по русским революционным демократам. В 1944-49 — директор ИМЭЛ при

ЦК ВКП(б). Позже в аппарате ЦК КПСС (1949-55), проф. Уральского гос. ун-та (1955-61, отправлен на периферию по одному делу с Г.Ф. Александровым и одновременно с ним), директор Ин-та истории искусств Министерства культуры СССР (1961-73). Доктор наук с 1950, член-кор. АН СССР с 1953.

¹⁸ Митин Марк Борисович (р. 1901) — ведущий специалист по марксистско-ленинской философии, академик (1939). Директор ИМЭЛ в 1939-44. Руководил изданием произведений Маркса и Энгельса, 4-м изданием Собрания сочинений Ленина. В описываемое время — член ВКП(б), член Президиума АН СССР, отв. секретарь редколлегии журнала «Большевик», зав. кафедрой диамата в ВПШ при ЦК ВКП(б).

¹⁹ Давиташвили Михаил Николаевич (1877-1916) в 1895 связался с социал-демократическим кружком в Тифлисской духовной семинарии, где тогда учился И. Джугашвили, и таким образом вошел в революционное движение. В 1899 бросил учебу и стал профессиональным революционером. Был некоторое время одним из активных деятелей партийных организаций Закавказья. В 1903-05 — студент Лейпцигского ун-та, в 1904 — член Лейпцигской группы содействия РСДРП, большевик. В 1905 вернулся в Тифлис, входил в Кавказский союзный комитет РСДРП, а затем в существовавшее с нач. 1907 тифлисское «Литературное бюро», являвшееся по сути дела областным большевистским центром. Участвовал в редактировании газет «Пролетариатис брдзола» и «Дро», печатался только под псевдонимами. Автор статей, небольших корреспонденций, переводов (из Каутского и Плеханова). Защитник книги Ленина *МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ*, популяризатор ее идей. Подвергался репрессиям царского правительства. В 1911 эмигрировал, являлся членом Парижской секции РСДРП, сотрудничал в соц.-дем. газетах. К янв. 1914 относится ленинская характеристика Д.: «мертвый человек» [в смысле: бесполезный] (ПСС, т.48, с.475). В 1914 поступил волонтером во французскую армию и погиб под Верденом.

²⁰ Поспелов Петр Николаевич (1898-1979) был в это время зам. зав. Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и редактором «Правды». В марте 1953 стал секретарем ЦК КПСС, в окт. 1953 — академиком.

²¹ В предисловии к изданию от имени ИМЭЛ сказано: «Текст произведений товарища Сталина сохранен полностью. Лишь в некоторые статьи внесены автором незначительные изменения чисто редакционного характера» (Сталин И.В. Сочинения. Т.1, М., 1946, с.VIII).

«Полнота» сталинских текстов просматривается на примере письма его к Давиташвили (ноябрь 1904), где М.С. Ольминский («Галёрка») прямо противопоставлен Ленину, не в пользу последнего. Текст (т.1, с.61): «Если бы Галёрка поставил эти и подобные вопросы по существу, помоему, было бы лучше. Скажешь, это дело Ленина, но я с этим не могу согласиться, так как критикуемые взгляды Ленина — не собственность Ленина, и их искажение касается других партийцев не меньше, чем Ленина.

Конечно, Ленин лучше других мог бы выполнить эту задачу...» Здесь текст обрывается многоточием, хотя предельно ясно, что должны следовать слова типа «но я с этим не согласен». Позднейшие публикаторы из ИМЛ (см. прим. 14), в каждом конкретном случае добросовестно указывающие, сколько слов зачеркнуто, сколько вписано, что и сколько написано ошибочно и т. д., здесь лишь констатируют: «Далее густо зачеркнуто».

Обратим внимание на то, что приведенный нами отрывок в кн. *ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА...* (с. 224) выглядит иначе — опущены слова: «и подобные» [вопросы], [других] «партийцев». Решить вопрос о том, имеет ли здесь место возвращение к первоначальному тексту или это новая «редакторская правка», призванная нивелировать специфику сталинского стиля, — мы не можем.

Заметим попутно, что это не единственный случай, когда криминалистические методы делаются бессильными. В том же томе (*ПЕРЕПИСКА В. И. ЛЕНИНА...*, с. 192) текстологи не сумели разобрать две пометки Ленина. Характерно, что это относится к такому тексту: «...они прилагают все усилия, чтобы состоялось третье свидание с Вами для положения конца тому глупому положению, которое создалось с Вами» (над этой фразой, как пишут комментаторы, имеется надпись, сделанная Лениным и им же густо зачеркнутая, разобрать ее не удалось). Еще одно неразобранное слово написано, а затем зачеркнуто Лениным над фразой: «...устранить те элементы, которые клеветали на Вас».

²² По А. Авторханову (*ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА*. Frankfurt/Main, 1979, с. 52), комиссию ЦК по расследованию деятельности Н. И. Ежова возглавлял не А. А. Андреев, а В. М. Молотов.

²³ Такашвили Эвктиме (Евфимий Семенович, 1863-1953) — историк, археолог, основоположник грузинского музейного дела, общественный деятель. После окончания Петербургского ун-та был гимназическим преподавателем в Тбилиси (1887-1918). объездил Грузию с целью изучения и спасения древнегрузинских памятников, вел археологические раскопки, занимался сбором и научной публикацией древних рукописей. Награжден Золотой медалью Петербургской АН (1907). Основатель и глава (1907-21) Грузинского об-ва истории и этнографии. Один из организаторов Тбилисского ун-та, где руководил (1918-21) кафедрой археологии и читал, в частности, историю церкви и монастырей и эпиграфику. До 1921 возглавлял также Кавказский историко-археологический ин-т. Член Учредительного Собрания Грузинской Демократической Республики.

Отплыл из Батуми вместе с женой Ниной Ивановной Полторацкой и с Иосифом Елигулашвили 11 марта 1921 и с большим трудом 10 апреля добрался до Марселя, где грузинские национальные ценности были сданы в местное отд. Гос. банка Франции на имя грузинского правительства.

²⁴ Тавадзе Илья Кайсарович (р. 1905) — философ. Окончил Московский пед. ин-т им. Ленина и аспирантуру МИФЛИ (1934). Преподавал философию в вузах Москвы и Тбилиси. С апреля по октябрь 1950 — посол СССР в Сирии. С 1955 — ректор грузинского Гос. театрального ин-та. Канди-

датская диссертация — *К МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОМУ ПОНИМАНИЮ КАТЕГОРИЙ* (1957), докторская — *В.И. ЛЕНИН О МИСТИЧЕСКОМ И РАЦИОНАЛЬНОМ В «НАУКЕ ЛОГИКИ» ГЕГЕЛЯ* (1962); доктор наук с 1964.

²⁵ Богомолов Александр Ефремович (1900-1969) — на дипломатической службе с 1939, сначала в качестве ген. секретаря и зав. I-м Западным отделом НКВД. В 1940 стал советником полпреда, а затем полпредом СССР во Франции. В 1941-43 — посол СССР при союзных правительствах в Лондоне, потом (1944-50) — посол во Франции. Позже был зам. министра иностранных дел СССР, послом в Чехословакии и Италии, работал в центральном аппарате МИД.

²⁶ Примат национальных интересов над партийно-политическими был и раньше характерен для Н.Жордания. В связи с этим интересен следующий малоизвестный эпизод.

Накануне эвакуации меньшевистского правительства из Батуми к Жордании (кажется, даже на заседание правительства) были призваны находившиеся в Батумской тюрьме большевики С.Кавтарадзе, М.Торошелидзе, К.Модебадзе. Им было сказано, что их выпустят на волю, и они должны будут поскорее взять власть в свои руки, чтобы сохранить Батум для Грузии. После этого арестованных отвели назад в тюрьму. В ночь с 17 на 18 марта 1921, когда правительство Жордании покинуло Грузию, так и произошло. Около тысячи большевиков и сочувствующих им были освобождены из Бакинской тюрьмы. Кавтарадзе и Торошелидзе, соединившись с Т.Жгенти, находившимся в Кобулети, поспешили организовать Батумский ревком. А тем временем грузинские войска (под командованием ген. Мазниашвили), не имевшие ничего общего с Красной Армией и подчинявшиеся до того правительству Грузинской Демократической Республики, отчаянно защищали Батуми от турецких войск, уже находившихся в городе с 11 марта (когда правительство Жордании вынуждено было уступить турецкому ультиматуму и впустить их) и теперь попытавшихся овладеть положением. В результате Аджария вместе с Батуми осталась в составе Грузии.

(В советской исторической литературе заслуга защиты и освобождения Батуми обычно целиком приписывается Батумскому ревкому и 18-й кавалерийской дивизии Красной Армии под командованием Д.Жлобы, подошедшей к городу 18 марта. Одним из нарушений этой традиции является упоминаемая в прим.27 работа Элизара Убилавы).

²⁷ Одиссея Такашвили затронута в советской литературе: *АКАДЕМИК Е.С. ТАКАИШВИЛИ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ*. Сб. статей (на груз. яз.). Тбилиси, 1966 (главная биографическая статья написана Д.Ломтатидзе); Амиранашвили Ш.Я. *РАЗНОВРЕМЕННО ВЫВЕЗЕННЫЕ ИЗ ГРУЗИИ И ВОЗВРАЩЕННЫЕ МУЗЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ* (на груз. яз.). Тбилиси, 1968. Кроме этих источников, мы использовали устные свидетельства. Значительная часть конкретных деталей восходит к устному рассказу Амиранашвили одному из близких своих сотрудников по Музею искусств Грузии.

О Т. появилось и более подробное беллетризованное повествование, которым мы не пользовались как источником: Убилава Э.М. *СТРАЖ СОКРОВИЩ* (на груз. яз.). Тбилиси, 1980. (Под заголовком *ХРАНИТЕЛЬ СОКРОВИЩ* документальная повесть Убилавы напечатана в «Литературной Грузии», 1982, №5-7. Она хорошо дополняет нашу публикацию, хотя в некоторых деталях — принятии решения — возвращении сокровищ на родину, миссия П.Шарии — расходится с ней).

Официальные вехи жизни Т. в СССР: 15 апреля 1945 приказом Мин-ва просвещения ГССР он назначен профессором ун-та, 20 декабря 1946 АН Грузинской ССР единогласно избрала его своим действительным членом, за 1946-53 он успел напечатать 16 научных трудов.

Добавим детали, рассказанные людьми, лично знавшими Т. в эти годы.

Первое время по возвращении он жил в гостинице «Тбилиси». Навестил старых друзей, одарил женщин розами и французскими духами фабрики «Мачабели» (Грузия из Парижа!). И парижское пальто на нем было — торгового дома «Асатиани». Рассказывал о Франции, о поворотах судьбы.

С ним приехала его приемная дочь (племянница? дочь шурина Т. Ильи Полторацкого? или была замужем за Полторацким?). Т. был очень болен, едва ходил. Приемная дочь ухаживала за ним, переселила к себе. Он очень плохо видел и носил редкие тогда контактные линзы (по бедности ему вставили их в Париже за умеренную плату).

Через некоторое время (рассказчикам помнится: через год) у дома Т. была установлена охрана. Приемную дочь арестовали, не сообщив ничего Т. (ее выпустили после его смерти). Ученый оказался под домашним арестом, и посещать его могли лишь академики по особым разрешениям.

Он не понимал положения, в котором оказался. Сетовал, что не появляются такие-то. Однажды, когда А.И. Джанелидзе заторопился: «Мы идем на партийное собрание», — наивно спросил: «А какая партия у вас?»

Существует и следующая версия. Однажды Т. отвезли к Рухадзе на допрос и на второй или третий день вернули, разбитого, домой. После этого-то и был установлен домашний арест. Но как-то раз Сталин позвонил первому секретарю грузинского ЦК К.Чарквиани: «Как поживает т о в а р и щ Такайшвили?» После этого арест был снят, но люди к Т. уже не ходили: боялись.

Т. умер 21 февраля 1953. Жена его скончалась еще в годы изгнания, и он просил похоронить себя рядом с ней — на грузинском кладбище во Франции. Эта просьба не была выполнена. За гробом его шло 48 человек: ничтожная, по грузинским стандартам, цифра.

²⁸ Читая это место, О.Волин вспомнил, что Шария рассказывал ему во Владимирской тюрьме, будто Сталиным в послевоенные годы была назначена Ною Жордани пенсия (разумеется, тайная и, кажется, пожизненная). Несмотря на зыбкость этой информации, отмечаем ее здесь.

По нашему предположению, Сталин мог испытывать некоторую благодарность к Жордани вот по какому поводу. Когда в конце двадцатых годов на Западе стали раздаваться недоуменные голоса: откуда взялся

этот новый советский вождь, никому прежде не известный? — Жордания выступил в печати и напомнил, что социал-демократическая деятельность Иосифа Джугашвили началась еще в конце XIX века в группе «Месаме-даси» (ею руководил тогда сам Жордания) и что будущий Сталин был там фигурой заметной. Именно после этого выступления Жордания состоялась осенью 1932 поездка Сталина в Тбилиси: мать, жившая в бывшем дворце наместника, угощала его ореховым вареньем, которое он будто бы особенно любил, Сталин встречался со своими старыми друзьями по партии, они пели вместе застольные песни — и обо всем этом писала пресса. (В памяти очевидца остался Сталин, обнявшийся с П.Мдивани и М.Торошелидзе: они поют грузинскую песню, вдруг появляется Берия, тоже подпевает, подлезает четвертым под руки обнявшихся.) А вскоре была организована и книга *К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАКАВКАЗЬЕ*.

²⁹ По свидетельству из Дубровлага, Шарю привозили туда примерно в 1959 и 1962, находился он там по 8-12 месяцев каждый раз.

³⁰ Данелиа Сергей Иосифович (1888-1963) — философ и литературовед, работал главным образом в области истории философии. Преподавал с 1922 в Тбилисском ун-те.

³¹ Лукин Юрий Борисович (р. 1907) — литературный критик и сценарист, специалист по Шолохову.

³² Первый же человек, которому мы рассказали, что провели вечер у Шарии, спросил: «Ну что, рассказывал он про поэму о сыне?» — и сообщил, что в войну Шария достал своему сыну броню от военной службы (не знаем, откуда этот слух: по утверждению Н.П. Шарии, его старшему брату исполнилось только 13 лет).

Другой наш собеседник передал слова Сталина по поводу поэмы: «Мы знали до сих пор одного Шария. Оказывается, их двое: один — марксист, другой — идеалист и верит в Бога».

Информация третьего: сына Шарии звали Дазмир («Да здравствует мировая революция»), после его смерти за столом у Шарии по-прежнему ставили прибор для Дазмира.

³³ Утверждают, со ссылкой на соседей Шарии, что последними его словами были: «Меня душит кровь, меня душит кровь...» Для сравнения расскажем о кончине другого бериевца. В конце лета 1981 в Тбилиси скончался Чичикó Пачулия, бывший в бериевские времена начальником Абхазского НКВД. В 1955 на процессе бериевцев в Тбилиси он получил 15 лет, отбывал их на 11-м лагункте Дубровлага. Освободившись, остался там же, в Сосновке, работал пожарником. Незадолго до смерти у него случился инсульт. Дали знать дочери, она перевезла его в Тбилиси, где он стал возвращаться в себя. Однажды часа в три дня прохожие заметили в подъезде дома бездыханное тело. Это был Ч.Пачулия, в первый раз вышедший из квартиры, что оказалось выше его сил. При нем нашли письмо: он нес донос на свою дочь и внука, слушавших «Голос Америки».

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абатуров В.М. 308-313
Абельс Г., партдеятель 120, 163
Абрамович Р.А. 17
Аверкиева В.Н. 207
Аверкиева Е.И. 207, 210
Аверкиева Л.Н. 207
Аврамов В.Я. 407
Автокротова М.В. 399
Авторханов А.Г. 364, 365, 469
Агапов В.В. 207, 210
Агафонов В.К. 449
Агранов Я.С. 94
Аденауэр К. 132, 158, 352
Адольф, дядя М.В. Канивез 91
Акель Ф. 181
Акопов, партработник 454, 455
*Алданов (Ландау) М.А. 69
Александров Г.Ф. 454, 456, 466-468
Александрович А., певец 48
Алексеев (*Аскольдов) С.А. 407
Алмазов В.И. 206, 209
Альский А.О. (*М.Альский, Мальский) 265, 268, 306
Альтовская (ур. Аверкиева) Н.Н. 207
Альтовский А.И. 207, 210
Амиранашвили Ш.Я. 460-462, 470
Амманула Хан 95
*Анастасьин Д. 465
Анвельт Я. 151, 169
Андреев А.А. 469
Андреев Л.А. 206
Андрезен Н. 148, 163
Аничков Н.М. 396, 415, 420
Анненский И.Ф. 415-418, 419-420, 420-423
Антипов, работник НКВД 74
Антонов А.С. 228
Антонов-Овсенко В.А. 100
Анучин В.Ф. 41, 42
Анучина Л.В. 41, 42
Анцелович Н.М. 302, 303
Апанович Е.М. 449
Арагон Л. 94
Аралов Н.Е. 142, 159
Армфельд, инспектор Николаевского ин-та 381, 391
Армфельд, дочь предыдущего 391
Аросев А.Я. 92, 93, 100
Аррениус С.-А. 156
Арсеньев-Коваленко П., партработник 284
Архангельская Л.В. 201
Архангельский А.Д. 434, 439, 441
Ассор А. 148, 163
Аст К. 189
Аст Т. 189
Афанасьев Б.П. 408
Ахман А. 120

Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Бабина Б.А. 210
 Багнюк А., комиссар 179
 Багряна Е. 87
 Базененков И., з/к 337-339
 Бакаев, оппозиционер 277
 Балабанова А.И. 248
 Балмашов С.В. 210
 Банкович, завхоз 59-61
 Барамия, обвиняемый по «минг-рельскому» делу 368
 Баранников И., з/к 340, 341
 Барант П., де 69
 Барков Л.И. 149, 150
 Барский, прокурор 347-349
 Баттенбергский А., кн. 84
 Бауэр Н.А. 23, 26-28
 Бах А.Н. 434, 441
 Бебель А. 239
 Бедиа Е.А. 372, 466
 *Бедный Д. (Придворов Е.А.) 95
 Беккер, турецкий дипломат 86
 Бела Кун 302, 303
 Белецкий С.П. 211, 213
 Белобородов А.Г. 265, 268
 Белявские, семья 377
 Белямина, гимназистка 398
 Берг Е.С. 43
 Берзин А.А. 93
 Берия Л.П. 362, 364-366, 368-372, 451, 454, 455, 457-459, 466
 Бернстайн Л. 361
 Бернштейн Э. 240
 Беседовский Г.З. 62
 Бещий И.И. 380, 411
 Бёклин А. 156
 Билима-Пастернак Г.А. 51
 Билимович А.Д. 448, 449
 Биншток Г.О. 197, 203
 Бирк А. 180
 Бирман, секретарь П.А. Шарии 463
 Бисмарк О. фон Ш. 84
 *Благовещенский Ф. 451-472
 Блок А.А. 74
 Блюм Л. 460
 Блюменталь-Тамарина М.М. 109
 Блюмкин Я.Г. 247
 Бобринский, попечитель уч. округа 403
 Бобрицаева-Пушкина М.М. 381
 Бобчев, болгарский обществ. деятель 85
 Богданов А.А. 239
 Богомолов А.Е. 461, 470
 Бонч-Бруевич В.Д. 95, 96
 Борис III, царь Болгарии 82-85
 Бородин А.П. 400
 Ботвинник, журналист 271
 Ботев Х. 87
 Боткин С.П. 402
 Бочкарев В.Б. 163
 Боярчиков А.И. 308-313
 Брандт Э.К. 381
 Браун Ф.А. 404
 Браудэ В.П. 8-11, 13-16, 25
 Бреде Х. 178
 Брешко-Брешковская Е.К. 54
 Брик Е., з/к 357, 358, 361, 362, 369, 372
 Брокгауз Ф.А. 411
 Брудерер А.А. 35
 Брудерер-Анучина Л.И. 35, 41, 42
 Брюсов В.Я. 29, 55
 Булганин Н.А. 158
 Бунин И.А. 69
 Буравцев М.В. 59, 63, 73, 74, 81, 82, 102, 106
 Буравцева Е.Д. 59, 64, 102
 Бурмакин С., з/к 349, 350
 Бурштейн Ц., член ПСР 11-13, 26, 29, 38
 Бутов Г., оппозиционер 289
 Бухарин Н.И. 102, 104, 193, 235, 245, 251, 254, 267, 279, 280, 288, 294, 308, 313, 434, 442, 443, 464
 Вавилов Н.И. 435
 Вайно К. 164
 Валентинов Г., оппозиционер 265, 268
 Валлнер А. 180

- Вальминута Т. ди, граф 65
 Вандервельде Е. 193, 230
 Варга И. 302
 *Вардин (Мгеладзе) И.В. 269, 272, 273, 285
 Варес Й. (*Барбарус) 114, 148, 164, 166, 168, 173, 176, 178
 Варма А. 150
 Васильев А.М. 397
 Васильев А.Н. 432, 438, 439
 Ватковские, семья 377
 Вахтангов Е.Б. 17
 Вахтрамяэ Х. 177
 Веденяпин М.А. 11, 43, 198, 203, 205, 220
 Веденяпина Е.Д. 203
 Веймер А. 151
 Вельяминов-Зернов, попечитель уч. округа 420
 Вельяминова Е.К. 382, 384, 385, 389, 390
 Вернадская Н.Е. 427, 428, 449, 450
 Вернадский В.И. 424, 425-438, 439-443, 444-449, 450
 Вернадский Г.В. 424-438, 442, 444-450
 Вернадский И.В. 447-449
 Верньо (Vergniaud P.V.) 196, 200
 Верховской А.И. 167
 Вийтак Н. 148, 164
 Виленский (*Сибиряков) В.Д. 265, 268, 306
 Вильмс Ю. 188
 Виснапу Х. 74
 Витберг А.Л. 414
 Витберг Р.А. 402, 414
 Владимир Александрович, вел.кн. 384, 390, 391
 Вогау Б.Б. 93
 Вогау К., жена Б.Пильняка 93
 *Вознесенский И. 465
 Войтинская (ур. Шадхан) Э.С. 195-201, 203
 Войтинский В.С. 194-201, 203
 *Волин О. 357-372, 451, 471
 Волошин М.А. 8
 Вольфович Ф.А. (*Адольф) 34, 35, 40, 43
 Вомм, сотр. НКВД 121
 Воровский В.В. 207
 Воронов Е.П. 442
 Ворошилов К.Е. 349, 458
 Воскресенский, педагог 394
 Врангель П.Н. 225, 226
 Врачев И.Я. 269, 273, 299
 Вуд Р.-У. 156
 Vuorима, жена финского посла 65
 Высоцкий Н.П. 44
 Высоцкий В. 200
 Вышинский А.Я. 104, 105, 457
 Вышнеградский Н.А. 377, 378
 Вяземский П., кн. 392
 Вялов О.С. 441
 Вяляс (Вяльяс) В. 164
 Гаазе Г. фон 423
 Габе Д. 87
 Гагарин Ю.А. 363
 Гайдаров Н.Г. 74
 Галаган Г.П. 416, 417, 420
 Галаган (ур. Кочубей) Е.В. 416-419, 420
 Галина Васильевна, сестра М.В. Канивез 91, 96-98
 Галкин, большевик 97
 Гамарник Я.Б. 110
 Гамсахурдиа К.С. 363
 Гамсун К. 64, 73, 80
 Ганин А. 49-54
 Гегель Г.В.Ф. 126, 140, 159, 293, 470
 Гегечкори Е.П. 459
 Гельфанд, работник НКВД 100
 Гельфгот А.П. 204, 208
 Гельфгот (ур. Тумповская) Е.М. 204, 208
 Гендельман М.Я. 22, 43, 202, 205, 208
 Георгиев К. 81, 85
 Георгиевский Л., изд. 420, 423
 Герд В.А. 402-404, 414
 Герд Н.А. 414

- Геродот 423
 Гертик А., большевик 17
 Гертик Д., жена предыдущего 17
 Герштейн Л.Я. 30, 43-45, 207, 209
 Герштейн М.Р. 30-34, 45, 207
 Герцен А.И. 54, 126, 196
 Гзовская О.В. 74
 Гильфердинг Р. 26
 Гильчер О., друг М.В. Канивез 96
 Гинзбург А.И. 193
 Гитин В. 415-423
 *Гитлер (Шикльгрубер) А. 69, 85, 110, 112, 118, 146, 147
 Гобза И. 423
 Гогиберидзе С.Л. 362, 363, 366
 Гоголь Н.В. 395
 Голубева М.С. 399
 Гольдштейн, хозяин магазина 86
 Гольц И.С. 317-356
 Гончуков И.А. 439
 Гопкинс Г.-Л. 115
 Горбунов Н.П. 438, 442
 Горделадзе К.Г. 466
 Горохов К., с.-р. 31
 *Горький М. (Пешков А.М.) 78, 207, 455
 Гофман, директор гимназии 401
 Гоц А.Р. 12, 16, 26, 193, 196, 198, 200-202, 204
 Гоц М.А. 201, 202
 Гоц М.Р. 200
 Гоц О.А. 201, 202, 204
 Гоц Р., отец А.Р. Гоца 200
 Гоц (ур. Рабинович) С.Н. 201, 202, 204
 Гревс И.М. 426, 428, 447
 Гржебин З.И. 294
 Григоренко, журналист 101
 Грингмут (Gringmouth) В. 420, 422
 Гринько Г.Ф. 94
 Гринько И.Г. 94
 Гронский И.М. 255
 Грушевский М.С. 429, 430
 Грэхэм Л. (Graham L.R.) 424
 Грюнер, учительница 64
 Губер, анатом 398
 Гулин, з/к 351, 352
 Гумилев Н.С. 33, 407
 Гуревич Я.П. 421
 Густав Адольф, король шведский 72
 Густав Адольф, принц 72
 Густавсон О. 150
 Гутенберг И. 366
 Гэлбрейт, экономист 240
 Давиташвили М.Н. 456, 467, 468
 Дан Ф.И. 238
 Данелиа С.И. 463, 472
 Даниэль Ю.М. 193
 Дашков В.А. 387, 389
 Дворянские, семья 377
 Дебелянов Д. 87, 88
 *Деборин (Иоффе) А.М. 295, 434, 441-443
 Де-Брукер, с.-д. 273, 274
 Де Голль Ш. 460, 461
 Деканозов В.Г. 365
 Де Линь, принц 69
 Деникин А.И. 225, 226
 Денисовы, братья 426
 Деревянко, ген. КГБ 347-349
 Дерковская Н.М. 40
 Десов Г.А. 359
 Джанелидзе А.И. 471
 Дзержинский Ф.Э. 16, 247, 439, 458
 Дианин, педагог 400
 Лидык, з/к, чл. ОУН 371
 Диккенс Ч. 21
 Димитров Г. 82
 Дирак П.А.М. 367
 Дитерихс, гимназистка 398
 Дитрих М. 110
 Добролюбов Н.А. 403
 Доброславин А.П. 400
 Доброштан И., з/к 347-349
 Долецкий, журналист 73
 Донской Д.Д. 43
 Достоевская А.Г. 381, 394, 413
 Достоевский Ф.М. 108, 109, 381, 394-396, 413, 426

- Дружинин В.Г. 426, 428
Дубровин А.И. 211, 213
Дукес, нач. тюрьмы 18
Дыка, рабочий, с.-р. 14
- Евгений Максимилианович, вел. кн. 384
Евгения Максимилиановна, вел. кн. 384
Евдокимов, оппозиционер 277
Евдокимов, комиссар 179
Еврипид 423
Ежов Н.И. 367, 457, 469
Езучевский, педагог 386
Екатерина I, имп. 64
Екатерина II, имп. 320, 379, 380, 427
Елигулашвили И. 469
Елин-Пелин, болг. писатель 87
Ерусалимский Л., журналист 162
Есаков В.Д. 441, 443
Есаян Г. 236
Есенин К.С. 29, 56
Есенин С.А. 7, 29, 46-57
Есенина Т.С. 29, 54
Ефремов, сектант, з/к 336
Ефрон И.А. 411
- Жгенти Т.Г. 470
Жданов А.А. 113, 164, 463, 466
Жданов В.А. 193
Жебелев С.А. 428, 435, 436, 441, 442
Железнов В.Я. 32
Жемчужина П.С. 104
Животинский Н.П. 397
Жилин, нач. лагеря 326, 330, 341
Житецкий И.П. 416, 419, 420
Житецкий П.И. 416, 419, 420
Жлоба Д.П. 470
Жодон П. 460
Жордания Н. 235, 363, 459, 461, 462, 470-472
Жуков Г.К. 351
Жуковские, семья 394
- Зайцев Б.К. 69
Зак Л.В. 407
Зариньш, латвийский дипломат 65
Зарицкая, з/к, чл. ОУН 371
Зарудный С.И. 426, 428
Зарудный С.М. 426, 428
Засулич В.И. 46, 47
Захаров, офицер НКВД 120
Зелинский Ф.Ф. 422, 423
*Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 100, 101, 238, 248-251, 253, 266-268, 272, 277, 291, 294, 300, 301
Златаров А. 89
Зорька, комендант тюрьмы 39, 42, 43, 45
Зубатов С.В. 426
- Ибсен Г. 80
Иван IV, Грозный 269, 410
Иваницкий-Василенко, с.-р. 13, 14, 43
Иванов В.И. 94
Иванов И., перев. 420, 422, 423
Иванов Н.Н. 205, 209
*Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 49, 53
Иванова Е.А. 206, 209
Иванова М.М. 206
Иванова М.Н. 206
Иванова Т.В. 93, 94
Игнатъев Н.П. 403
Иден А. 115
Изаксон Н., чл. ПСР 17
Извольский, попечитель уч. округа 403
*Ильин-Женевский (Ильин) А.Ф. 78, 79, 95, 97
Ильина А.В. 95, 97
Ильина М.Ф. 93
Имшенецкий, педагог 400
Инбер В.М. 93
Инти Э. 159
Иоанн XXIII, папа (кардинал Ронкалли) 86
Иоанна, царица Болгарии 82
Иоффе А.А. 188, 464

- Иоффе А.Ф. 436, 443
Исакова, владелица магазина 58
Истмен М. (Eastmen) 249, 251
Ищенко А., троцкист 265, 272, 313
- Йонсон Г. 177-179
Йызэр А. 148, 164
- Каарлимяз Ю. 124, 150, 164
Кавтарадзе С.И. 265, 470
Каганович Л.М. 63
Казаков М., шофер 108
Казекамп А. 178
Кайв Ю. 150
Каледин А.М. 225, 226
Калинин М.И. 273, 274
Калинников А., секретарь И.М. Майского 45
Калманович М.И. 36
Калмыкова А.М. 444, 446
- *Каменев Ю. (Розенфельд Л.Б.) 11, 100, 101, 248-251, 253, 268, 300, 303, 456
Каменова А. 87
Канделаки Д.В. 453, 465, 466
Канивез (по 1-му браку Раскольниковова) М.В. 58-111
Кант Э. 165
Капустин, попечитель уч. округа 403
Карахан (Караханян) Л.М. 109, 110
Карнап Р. 367
Каротамм Н. 120, 151, 165
Карпинский А.П. 425
Карпов И.П. 136-138, 158
Карский, сотрудник НКВД 109, 110
Карский Е.Ф. 435, 441, 442
Каск О. 148, 165
Каспарова В., оппозиционерка 256, 258, 265, 288
Кассо Л.А. 402, 407
Катаев В.П. 75
Каутский К. 239, 468
Квириг Э.И. 251
- Кейнс Д.М. 240
Келдыш М.В. 362
Кеннан Дж.Ф. 131, 157, 196
Керенский А.Ф. 71, 226
Кизеветтер А.А. 449
- *Киров (Костриков) С.М. 89, 90, 103, 287, 294
*К.К. 425-450
Клаассен М. 149, 165
Клеопов И.Л. 439
Клезмент Й. 124, 150-152, 165
Клокачева, гимназистка 398, 399
Клюев Н.А. 48, 49
Ключников Ю.В. 446
Клявин, работник НКВД 108
Кобецкий, работник НКВД 101
Кобыш В., журналист 162
Ковальский Я.М. 397
Коген Э.Ю. 435
Когерман П.Н. 148, 165, 166
Кожевников, следователь МЧК 22, 29, 30
Козлов И.А. 36
Кокошкин Ф.Ф. 408
Колбасина-Чернова О.Е. 22-24, 26, 28, 29
Колбасина О., дочь О.Е.Колбасиной-Черновой 22
Колбасина Н., дочь О.Е.Колбасиной-Черновой 22
Колесников И.С. 131, 157, 158
Коллонтай А.М. 79, 80
- *Кольцов (Фридлянд) М.Е. 97, 98
Колчак А.В. 41, 45, 203, 208, 225, 226
Комаров В.Л. 442
Конквест Р. 357
Коновалов Д.П. 440
Коноплева Л.В. 231
Коноз Ф. 157
Коонен А.Г. 98, 99
Кордес Э. 427, 428
Корк А.И. 110
Короленко Е.М. 448
Корсунский М.А. 439
Косинский, педагог 380

- Косиор С.В. 256-258
 Косм А. 65
 Костомаров Н.И. 410
 Коэри А. 150
 Кравченко В.А. 62
 Кранихфельд А.С. 26
 Красуская А.А. 398-400
 Крестинский Н.Н. 103
 Кржижановский Г.М. 434, 442, 443
 Кривицкий В. 111
 Кривич В. 415, 420
 Криницкий А.И. 453, 454, 466
 Криспин, с.-д. 273, 274
 Кропоткин П.А. 11, 12
 Кружсков В.С. 456, 467, 468
 Крупская Н.К. 248, 253
 Круус Х. 148, 166
 Круус Я. 178, 179
 Крыленко Н.В. 193, 212
 Крылов А.Н. 436, 442, 443
 Крючков П.П. 78
 Ксенофонтос А.С. 179
 Кудрявцев С.А. 32
 Кузнецов В.В. 367
 Куйбышев В.В. 436, 442, 443
 Кукк Ю. 181
 Кулин В.П. 421
 Куль Э.В. 117, 122, 150, 166
 Кунтлер Э. 117
 Курвитс А. 178
 Курдюмов В.Н. 59
 Курдюмова М.А. 59
 Курзнер, певец 48
 Курлов П.Г. 211, 213
 Кутатели А.Н. 455, 467
 Куусинен О.В. 251
 Кэбин И. 165
 Кэстер О. 187
 Кээдро П. 178
 Кюи, гимназистка 398
 Кярм О. 148, 166
- Лаврентьев, попечитель уч. округа 403
 Лавров А.В. 415
- Лагерлёф С. 80
 Лазарев, болгарский скульптор 87
 Лайдонер Й. (И.Я.) 67, 166, 167, 171, 177, 178, 180, 182, 186
 Лайдонер (ур. Крушевска) М.И. 67, 167
 Ламарк Ж.Б. 367
 Ламсдорф В.Н. 69
 Лангер В. 273-274, 282-284
 Ландау Г., педагог 402
 Лаппо-Данилевский А.С. 429, 430
 Лаппо-Данилевский И.А. 429, 430
 Ларетей Х. 150
 Ларка А. 171, 177, 182
 Латтик, дипломат 67
 Левин (Levin) А.Е. 424, 440
 Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 434, 440, 443
 Левшин Б.В. 424
- * Ленин (Ульянов) В.И.) 7, 79, 105, 126, 155, 193, 205, 225, 229, 246-251, 254, 255, 259, 260, 264, 266, 267, 270-272, 276, 279, 283, 286-289, 292-294, 301, 308, 313, 350, 440, 444-447, 458, 464, 467-470
 Леонид, епископ Моск. 387, 388
 Леонов Л.М. 93
 Леонова Т.М. 93
 Леруа Э. 367
 Лесгафт П.Ф. 394, 397-401
 Либер М., с.-д. 201, 202
 Либеров А.С. 27
 Либерова Д.Г. 27
 Либкнехт К. 247, 248, 267
 Либкнехт Т. 193, 230, 247, 248
 Лидин В.Г. 93
 Лидина А.В. 93
 Лидина М.А. 93
 Лийдак (Лийдеман) К. 150, 167
 Лилиев Н. 87
 Линденер Б.А. 431, 438
 Линнусте Р. 178
 Липшиц С.А. 155-157
 Литвинов М.М. 81, 92, 100, 103, 115, 442
 Литкенс В.И. 201

- Литцманн К.-З. 114
 Лихач М.А. 12, 43, 44
 Личков Б.Л. 443
 Лобачевский Н.И. 426
 Лобов С.С. 92
 Локкарт Р. 27
 Ломов (Оппоков) Г.И. 286, 288
 Ломоносов М.В. 426
 Лопатин Г.А. 29, 46-48
 Лорис-Меликов М.Т. 403
 Лосская М.Н. 413
 Лосский А.Н. 375
 Лосский Б.Н. 375-414
 Лосский В.Н. 375
 Лосский Н.О. 375, 376, 399
 Лукин Н.М. 434, 441-443
 Лукин Ю.Б. 463, 472
 Луначарский А.В. 11-13, 16, 39, 193, 404, 440, 442, 446
 Луппол И.К. 442
 Лысенко Т.Д. 367
 Лыхмус, журналист 136
 Лыхмус А. 158
 Львов Г.Е. 43
 Львов М.И. 207, 210
 Львова (ур. Прушакевич Н.И.) 207, 210
 Любицкий, дипломат 65
 Люблинский С.Б. 446
 Любошинская А.Е. 450
 Любошинский М.М. 449, 450
 Людвигов Б.А. (Б.Н.?) 357, 362, 366, 369, 370, 372
 Людовик XVI 71
 Людоговские, семья 395
 Люксембург Р. 247, 267
 Лябуре, франц. дипломат 86
- Маанди Х. 119, 150, 168
 Маджаров, болг. общественный деятель 85, 88
 Маджаров М. 88
 Мазнишвили, генерал 470
 Майде Ю. 177
 Майде Я. 124, 150, 168, 178
 Майская А.А. 73
- *Майский (Ляховецкий) И.М. 8, 35, 39-41, 43-46, 73, 204, 208
 Макаева С.К. 51
 Макса П. 86
 Маленков Г.М. 364, 365, 368, 455-457, 459
 Малинов, болг. общественный деятель 85
 Малкин Б.Ф. 92
 Мальцева А., статс-дама 391
 Малюта В., троцкист 265, 269
 Мамулов (Мамульян) С.С. 357, 358, 360, 363-366, 368, 369, 371, 372
 Манштейн С., издатель 420, 423
 Мариенгоф А.Б. 54, 56
 Мария Александровна, имп. 377, 378, 391, 392
 Мария Николаевна, вел. кн. 384
 Маркс К. 79, 91, 126, 159, 161, 240, 292, 447, 448, 458, 464, 468
 Марр Н.Я. 434, 442, 465
 Мартенс Л.К. 432, 439
 Мартинсон Э. 123, 151
 Мартна М. 163, 189
 *Мартов (Цедербаум) Ю.О. 26, 229, 294
 Марченко А.Т. 359
 Масленников И.И. 346, 347, 365
 Маслов А., немецкий коммунист 277
 Маслов П.П. 442
 Массов Л. 135
 Махарадзе Ф.И. 454
 Мацуока И. 157
 Машицкая В., жена А.А. Машицкого 59
 Машицкий А.А. 59, 74
 Маяковский В.В. 55, 92, 361, 458
 Мдивани П.Г. 472
 Медведев А.К. 448-450
 *Мееров Я. 232-241
 Мейерхольд В.Э. 7, 96, 99
 Мекленбург-Стрелецкая Е.Г. 384
 Меладзе Н. 462, 463
 Менделеев Д.И. 426

- Менжинский В.Р. 458
 Меньшагин Б.Г. 366
 Мережковский Д.С. 423
 Меринг Б.Б. 201
 Меркадер Р. 371, 372
 Меркулов В.Н. 365, 371
 Метальников С.М. 407
 Метсанурк Э.-Г. 74
 Мехлис Л.З. 98, 179
 Мехтиев Б.М. 350-352
 Мжаванадзе В. 1779
 Милюков П.Н. 229
 Милютин В.П. 442
 Минц С., троцкист 295-297
 Мирбах В. 247
 Митин М.Б. 456, 468
 Михалчев, болгарский дипломат 104
 Мичерлих М.В. 399
 Модзалевский В.Л. 420
 Молас Б.Н. 431, 433, 438, 439
 *Молотов (Скрябин) В.М. 93, 104, 112, 147, 254, 270, 286, 287, 349, 469
 Моор К. 247, 248
 Морган Ч. 101
 Морозов С.В. 12, 26
 Мосиашвили, с.-д. 236
 Мостицкий И., президент Польши 72
 Мохначев, инспектор мин. просвещения 401
 Мочалов В.Д. 456, 467
 Мочалов И.И. 443, 450
 Мрачковский С., троцкист 288, 298, 303, 306
 Муравьев Н.К. 193
 Муралов Н.И. 255, 260, 265, 266, 306
 Мусин, оппозиционер 289
 Мусин-Пушкин, попечитель учебного округа 403
 Муслимова, сотр. НКВД 296
 Муссолини Б. 63, 69, 100
 Мушанов, болгарский общественный деятель 85
 Мушкетов Д.И. 439
 Мянд О. 150
 Мянник Т. 121
 Мяз Х. 113, 118, 165, 168
 Набоков В.В. 69
 Нажницкая-Тарабукина Р.Я. 9, 10, 23-25, 27, 30, 35
 Наумов Я., публицист 9
 Небольсин Г.А. 428
 Невельсон-Ман М.С. 265, 268, 297-298
 Недович Д.С. 122, 151
 Нейман Г. 77, 109
 Немирович-Данченко В.И. 96
 Ненароков А., журналист 273
 Нечаев С.Г. 109
 Нечбеллхьючсон, британский дипломат 65
 Ниггол Ф. 173
 Никитин К., работник НКВД 163, 173
 Николаев А., троцкист 265
 Николаев В., нач. тюрьмы 369
 Николаев Л.В. 89
 Николаевский Б.И. 201, 203, 204, 213, 216, 220, 224, 231, 247, 248
 Николаи А.П. 401
 Николаи, немецкий разведчик 248
 Николай II, имп. 71, 157
 Николай Николаевич, вел. кн. 384
 Николов, болг. скульптор 87
 Никулин Л.В. 75
 Нихтиг-Нарма Ю. 148, 168
 Новиков, попечитель уч. окр. 403
 Новиков В.П. 439
 Новикова М.Л. 23, 24
 *Новиков-Прибой (Новиков) А.С. 23, 24
 Новожилов Д., шофер 66, 67
 Новожицкий, з/к 359
 Ногин В.П. 246
 Оболенская А.А. 394, 413
 Оболенская (ур. Дадзиани) Е. 460
 Овандер, нач. гимназии 378

- Ойдермаа А. (Ойдерманн Х.) 148, 168, 169
 Ойнас Ал. 66, 67, 169
 Ойнас (Остра-Ойнас) А. 66, 121, 169
 Олицкая Е.П. 210
 Ольминский (*Галерка) М.С. 468
 Ольденбург С.Ф. 431, 434-436, 438, 441, 442, 445, 446
 Ольденбургская А.П. 384
 Ольденбургский П.Г. 380-382, 384-386, 411
 Омельков, кооператор, с.-р. 39
 Орагвелидзе (ур. Бромикер) З.М. 455, 466
 Орагвелидзе К.Ш. 454, 466
 Орахелашвили М.Д. 454, 455, 466
 Орахелашвили (ур. Микеладзе) М. П. 455, 466
 Орджоникидзе Г.К. 256, 257
 Орешин П.В. 53
 Орлов, комиссар 179
 *Осинский (Оболенский) В.В. 302
 Осипов В.П. 435, 436, 442
 Остроухов П.А. 447, 449
 Ошмарин, сотр. ВЧК 34, 37, 45

 Павел I, имп. 410, 411
 Павлов, сотр. НКВД 107
 Павлов И.П. 435, 443
 Павлов П.В. 386
 Павлова Е.П. 402, 414
 Павловский М.Н. 247
 Павлуновский, сотр. ВЧК 34, 39, 42
 Панина С.В. 412
 Парк Л. 149, 150
 Партс К. 180, 182
 Пачулия Ч. 472
 Пенно Р. 150, 169, 181, 187
 Пергамент М.Я. 453, 466
 Перлатов Г.Н. 155, 156
 Перчонок Ф.Ф. 438
 Петерсон, троцкист 277
 Петр I, имп. 64
 Петрашень Г.И. 369
 Петровская, врач 26, 27
 Петровский А.М. 58, 63
 Петровский Ф.А. 151
 Петрункевич А.М. 408
 Петрункевич (ур. Мальцева, в 1-м браке Панина) А.С. 391, 392, 412, 448, 449
 Петрункевич И.И. 391, 392, 412, 448, 449
 Петрученко, переводчик 422
 Пешкова Е.П. 37, 38, 202, 204, 206-208
 Пийп А. 148, 169, 181, 188
 Пиккенен, сотр. ВЧК 14, 56
 Пикков Й. 124, 125, 128, 150, 170
 Пилсудский Ю. 69, 459
 *Пильняк (Вогау) Б.А. 93, 94, 98
 Питка Й. 150, 170, 185
 Платонов С.Ф. 419-422, 425, 428, 429, 442
 Платонова Н.Н. 420, 422, 423
 Плеве В.К. 426
 Плетнев Р.В. 376
 Плеханов Г.В. 233, 292-294, 468
 Победоносцев К.П. 426, 428
 Покровский Г.К. (*Люсьмарин) 231
 Покровский М.Н. 193, 292, 294, 434, 438, 440-442
 Поливанов Л.И. 386
 Полторацкия Н.И. 469
 Полторацкий И.И. 471
 Поплавский Б.Ю. 69
 Попович, чл. КПЮ 237
 Поска Я. 171, 180, 188
 Поскребышев А.Н. 456
 Поспелов П.Н. 456, 468
 Постников С.П. 51
 Потемкин В.П. 63, 98
 Презент, знакомый Д.Бедного 95
 Преображенский Е.А. 252, 253, 265, 268, 274-279, 288, 306, 312
 Примаков В.М. 110
 Прокофьев С.С. 89
 Пукк О. 149, 170
 Пуликовский А.О. 397

- Пулк А. 178
 Пунг М. 181
 Путьна В.К. 110
 Пуух И. 72
 Пушкин А.С. 29, 89, 99, 395, 396, 410
 Пфель А.К. 381-384, 389, 391
 Пыддер Э. 177, 182, 185
 Пяртельпюэг Х. 124, 125, 150, 170
 Пятаков Г.Л. 193
 Пятаков Ю.Л. 103-105, 251-253, 301, 303
 Пятс К. 65, 66, 72, 114, 149, 165, 167, 169-172, 175-177, 179-185, 187, 188

 Раамот Я. 180
 Рабинович Б.Н. 199, 204
 *Радек (Собельсон) К.Б. 103-105, 110, 247, 248, 256-258, 260, 265, 267, 274-279, 284-287, 288-293, 294, 298-303, 305-307, 312, 313
 Радек Р.М. 276, 277, 287
 Радченко И.И. 439
 Раиса Павловна, знакомая З.Н. Райх 52, 53
 Райх З.Н. 7, 29, 49, 50-54, 56, 99
 Раковский Х.Г. 249, 256-258, 260, 265, 272, 273, 288
 Рамбах, гимназистка 398
 *Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 58-111
 Ратнер Г.М. 231
 Ратнер Е.М. 26, 205, 209, 220
 Ревекка Иосифовна, сестра С.И. Темкиной 35, 40, 43
 Рей А. 66, 113, 124, 150, 172, 181, 182, 189
 Рейго Ю. 119, 172
 Ремеле, семья 109
 Ремизов А.М. 69
 Ренсом А. 246
 Репин И.Е. 413
 Резк Н. 148, 172, 173, 178
 Риббентроп И., фон 112, 254
 Рихтер, нач. гимназии 382

 Рихтер В.Н. 220
 Родичев Ф.И. 395
 Родичева А.Ф. 395
 Родэ Ю., з/к 340
 Рождественский С.В. 425, 428
 Розенберг Я. 177
 Розенгольц А.П. 285, 288
 Розенфельд К. 193
 Ройзман, сотр. ОГПУ 62
 Роллан Р. 28, 29
 Роска (Орасмаа) Й. 182, 186
 Россет, троцкист 236
 Ростовцев М.И. 442, 449
 Ротберг Т. 148, 173, 178
 Роткович Я.А. 411
 Руденко Р.А. 346, 347, 349
 Рудзутака Я.Э. 302, 303
 Рузвельт Ф.Д. 115
 Русинович С., з/к 338-340
 Руус Н. 148, 173
 Рухадзе Н.М. 365, 471
 Рыков А.И. 249, 250, 252, 272, 308, 313, 359, 436, 442
 Рюмин М.Д. 365
 Рютин М.П. 308, 313
 Рябов К., шифровальщик 59
 Рязанов Д.Б. 434, 437, 438, 440-443

 Сабуров А.А. 395
 Савелий Павлович, знакомый З.Н. Райх 32, 53
 Савченко, кооператор, с.-р. 39
 Сазонов Е.С. 207
 Сазонов З.С. 207
 Сакер А.Л. 47
 Сакер Ф.И. 47
 Сакеры, семья 47-49
 Самсонов, сотр. ВЧК 15, 16, 19-21, 56
 Сандлер, учительница 463
 Сапир Б.М. 7-57
 Сапулло, итальянский дипломат 86
 Сафаров Г.И. 272, 285, 301
 Свердлов В.М. 443

- Свирская М.Л. 7-57, 195, 202, 204-207, 208
 Свирский Д.Г. 10
 Свирский Л.Д. 10
 Святополк-Мирский Д.П. 93, 94
 Святополк-Мирский П.Д. 404
 Святослав, кн. 197
- *Северянин И. (Лотарев И.В.) 66
 Седов Л.Л. 304, 305
 Седова-Троцкая Н.И. 272, 273
 Сельямаа Ю. 188
- *Семенов (Васильев) Г.И. 231
 Семенова М.Т. 110
 Семпер Й. 148, 173
 Сенкевич Г. 290
 Сепп Б. 148, 173
 Сепп Л. 148, 173, 174
 Сергеев В.П. 138
 Сергей Максимилианович, вел. кн. 384
 Серебряков Л.П. 265, 268, 306
 Серебрякова Г.И. 155
- *Серж В. (V.Serge, наст. фам. Кибальчич) 201, 209
 Серов В.А. 407
 Сизов, педагог 386
 Сикейрос (Альфарио Сикейрос) Х. 370
 Сиккар И. 150
 Синевский М.И. 380
 Синяевский А.Д. 193
 Сиповский В.Д. 390, 391, 393, 411
 Сирк А. 168, 182
 Слепков А., журналист 288
 Случевская, гимназистка 398
 Смилга И.Т. 260, 265, 266, 277, 279, 280, 288, 289, 291, 293, 306, 312
 Смирнов А.А. 291, 294
 Смирнов В.И. 369
 Смирнов И.Н. 32, 238, 265, 268, 280, 288, 298-302, 306
 Смирнов Я.И. 442
 Смит А. 161
 Соколов М., свящ. 398, 400
 Соколов Н.Д. 293
- *Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 92, 93, 100, 251
 Солженицын А.И. 130, 149, 357, 463
 Солнцев С.И. 442
 Соловьев С.М. 381, 382
 Сольц А.А. 22
 Сонин, попечитель уч. округа 402
- *Сонин Т. 232-241
 Соонпя К. 187
 Соотс Я. 177
 Соснина Е.Я. 206
 Сосновская О., жена Л.Сосновского 287, 289
 Сосновский В.Л. 272
 Сосновский Л., троцкист 265, 268, 269-272, 273, 281, 284-287, 288, 304-305
 Софокл 422
 Спенсер Г. 394
 Спешнева, основательница гимназии 384, 413
 Спиноза Б. 126
- *Сталин (Джугашвили) И.В. 74, 79, 89, 90, 95, 100, 103-105, 107, 108, 110-112, 114, 115, 122, 123, 131, 132, 146, 147, 151, 153, 154, 160, 166, 167, 247-251, 253-255, 258, 271, 280, 286-288, 290, 294, 309-313, 323, 341, 345, 349-352, 363, 365, 367, 368, 372, 431, 451, 454-462, 465, 467-469, 471, 472
 Станиславский (Алексеев) К.С. 96
 Старицкий Г.Е. 445, 446
 Старынкевич, сестры 381
 Стасов В.В. 413
- *Стеклов Ю. (Нахамкес Ю.М.) 225, 293
- *Степняк-Кравчинский С. (Кравчинский С.М.) 11
 Столыпин П.А. 125
 Стороженко, педагог 386
 Стоюнин В.В. 382, 413
 Стоюнин В.Я. 378-398, 400-404, 411-414
 Стоюнина Е.В. 393, 398, 401, 413

- Стоюнина Л.В. 392, 393
 Стоюнина Н.В. 382, 413
 Стоюнина М.Н. 375, 376-406, 407-414
 Стоюнина (ур. Корнилова) П.В. 411
 Страндман (Штрандман) О. 65, 176, 180, 181, 188
 Страннолюбский А.Н. 394, 397
 Стриндберг А. 64
 Стройлов М.С. 277
 Струве П.Б. 409, 414, 442, 444-446, 448, 449
 Суварин Б. 248
 Судоплатов П.А. 357, 370-372
 Сузи А. 124, 125, 130, 142, 145, 150, 174
 Сумберг В. 124, 142, 150, 174
 Суперфин Г.Г. 415
 Суриц Е.Н. 104
 Суриц Я.З. 104
 Суслов М.А. 367
 Суурсезт О.А. 187
 *Суханов Н. (Гиммер Н.Н.) 289, 293, 294
 Сухоруков В.Т. 108
 Сяре К. (К.Я.) 165, 173, 174

 Тавадзе И.К. 461, 469
 Таганцева Л.С. 413
 Тагер А.С. 193
 Таиров А.Я. 96, 98, 99
 Такашвили Э. (Е.С.) 459-462, 469-471
 Тамар, царица 462
 Тарабукин С.К. 10, 24, 27, 30, 35, 39, 40, 43
 Тарабукина Л.С. 10, 46
 Гарле Е.В. 442
 Гарновский, польский дипломат 86
 Гвардовский А.Т. 362
 Темкин Е.М. 35, 40, 42-45
 Темкина С.И. 35, 40, 43-45
 Теннисон А. 463
 Тер-Ваганян В. 265, 269, 289-293

 Тесленко Ф.А. 440
 Тезмант Я. 117, 169, 170, 172, 174, 177, 181
 Тииф А.-А. 117, 139-141, 143
 Тииф О. 112, 115, 116, 117-149, 150-152, 158, 159, 160-162, 164, 176, 187
 Тииф Л. 117
 Тииф Л., невестка О.Тиифа 119
 Тииф Т. 117
 Тииф Я. 117
 *Тиль Т. 233, 236
 Тименчик Р.Д. 415
 Тимирева А.В. 45
 Тимофеев Е.М. 8, 12, 26, 193, 194, 195-200, 205, 208, 209, 220
 Тимофеев М.А. 194, 198
 Тимофеев-Ресовский Н.В. 154
 Тимофеева А.П. 196-199, 202, 205
 Тимофеева Н.Г. 193
 Титова А.О. 375, 376, 413, 414
 Тихменев В., дед М.Н. Стоюниной 410
 Тихменев Н.В. 376, 378, 410, 411
 Тихменев Н.В., брат предыдущ. 410
 Тихменева А.В. 382
 Тихменева (ур. Фитцнер) К.Е. 376, 411
 Тихменева (ур. Маркова) Н.В. 382, 383, 412
 Ткачев, сотрудник НКВД 102, 108
 Толбухин Ф.И. 350, 351
 Толль (ур. Вернадская) Н.В. 426, 428, 429, 448, 449
 Толль Н.П. 426, 428, 447, 449
 Толль Т.Н. 425, 428, 429, 445, 448
 Толстой Д.А. 380, 381, 390, 395
 Толстой Л.Н. 426
 Томберг Р. 178, 179
 Торма (Шмидт) А. 150
 Торошелидзе М.Г. 465, 470, 472
 Траурберг А.Д. (*Карл) 206, 209
 Триоле Э. 94
 Троицкая И.М. 414

- *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 103, 104, 238, 245-258, 265-277, 279-282, 284, 285, 288, 289, 293, 294, 298, 302, 305-313, 370, 371
Туган-Барановский М.И. 32
Туглас Ф. 74
Тупиков Н., журналист 411
Тупитс А. 148, 175
Тургенев И.С. 396, 413
Тухачевский М.Н. 110, 457
Тыниссон А. 177
Тыниссон Я. 66, 79, 117, 158, 166, 169, 170, 172, 175, 176, 181, 185-188
Тыниссон Х. 158
Тырванд, генерал 70
Тюкмень, воевода 410
Убилава Э.М. 470, 471
Уборевич И.П. 110
Угланов Н.А. 308, 313
Узнадзе Д.Н. 453, 465
Улманис К. 186
Улуотс Ю. 114, 115, 117-119, 124, 147-150, 163-166, 169, 170, 174-176, 180, 187, 188
Ульрих В.В. 123, 124, 152
Ульянов А.И. 444, 446
Унсет С. 80
Унт М. 148, 163, 166, 176
Усов П., педагог 394
Ухтомский С.А. 407
Ушинский К.Д. 380, 395
Файнберг С.И. 33, 37
Фантаппье Л. 367
Федор Иоаннович, царь 410
Федоров А., литературовед 420
Федоров С.П. 157
Федорова, институтка 388
Федорович Ф.Ф. 12, 16, 30, 32, 37-39, 42-45, 56, 198, 203, 205-209
Федосеев А., чл. ПСР 11-13, 26
Фейербах Л. 293
Фельдман М.С. 27, 206
Фельштинский Ю. 245-313
Фердинанд I, царь Болгарии 84, 88
Ферсман А.Е. 431, 433, 434, 436-438, 440, 442, 443, 450
Фигатнер Ю.П. 440
Фигнер В.Н. 47, 48
Фикельмон, дипломат 69
Филов Б. 85
Фитцнер К.Е. 376
Фитцнер (ур. Языкова) М.Я. 411
Фишер Л. 246
Фортуна, знакомая М.Н. Стоюниной 413
Франк С.Л. 407
Франк Ф. (Frank Ph.) 445, 446
Фриче В.М. 441-443
Фролов, работник НКВД 74
Фрунзе М.В. 206, 207, 209
Фурман А.С. 7, 28, 205, 208
Хайкин, з/к 155
Халтурин Д.Н. 431, 433, 438
Хачикян А.М. 366
Хилл, брит. дипломат 65
Хинчук Л.М. 62
Ходасевич В.Ф. 69
Холберг Й. (Ю.) 149, 150, 152, 176
Хоречко Т., троцкист 306, 307
Хорти М. 63
Хрущев Н.С. 138-140, 154, 158, 162, 352, 364, 372, 459, 463
Хюперсон Я. 177
Цанков А. 84
Церетели И.Г. 200, 235, 236
Цеткин К. 193
Цилига А. 236, 237
Цулукидзе А.Г. 455, 466
Чан-Кайши 287, 289
Чарквиани К.Н. 471
Чернов В.М. 22, 201, 220, 229
Чернова А.В. 22
Чернышевский Н.Г. 126
Черняк, журналист 63
Черчилль У. 115, 458
Чиано Г. 100
Чижевский А.Л. 155-157
Чичерин Г.В. 65

- Шавдия Т. 462, 463
 Шаламов В.Т. 193
 Шария Д.П. 463, 472
 Шария Н.П. 452-454, 463, 472
 Шария П.А. 357, 360, 363, 366-369, 451-459, 461-466, 471, 472
 Шателен М.А. 440
 Шаумбург-Липпе, немецкий дипл. 86
 Шаховской Д.И. 449, 450
 Шацкин П.А. 366
 Шевалье, учитель 64
 Шевченко Т.Г. 198
 Шекспир В. 99
 Шепилов Д.М. 96
 Шепилова (ур. Унксова) М. 96
 Шервуд Р. 115
 Шереметев Д., граф 392
 Шершеневич В.Г. 54, 56
 Шимелин К., секретарь И.М.Майского 45
 Шингарев А.И. 408
 Шлоссман К. 177
 Шмелев И.С. 69
 Шмидт Л., журналист 288
 Шолохов М.А. 472
 Шостакович Д.Д. 408
 Шоу Б. 77
 Шредер, немецкий дипломат 65
 Шредингер Э. 126, 152
 Штейн Б.Е. 100
 Штейнберг М.А. 357-363, 365, 368, 369, 371, 372
 *Штирнер М. (Шмидт К.) 16
 Шторх, чиновник м-ва народного просвещения 381, 382
 Шувалов П.А. 391
 Шульгин В.В. 363
 Шумаускас, литовский дипл. 65
 Шумпетер Й. 240

 Шапов А.П. 29, 49, 52
 Щепаньский Р. (*Буй-Тур) 371
 Щесневская А.И. 23, 26, 28, 38
 Щесневская О.И. 28
 Щупляк, работник МВД 360, 369

 *Э.В. 112-189
 Эванс Б.Н. 131, 132
 Эйнштейн А. 446
 Эйтингон Н.И. 357-359, 371, 372
 Экбаум А. 150
 Эльцин Б., троцкист 268
 Эльцин В., троцкист 265, 268
 Энгельс Ф. 79, 126, 159, 447, 458, 468
 Эпштейн А., с.-р. 44, 45
 Эпштейн Ф., жена А.Эпштейна 44
 Эренбург И.Г. 77, 359
 Ээнпалу К. 163-165, 169, 174, 175, 177, 181, 188

 Юденич Н.Н. 186, 225
 Юдин П.Ф. 463
 Юрий Максимилианович, вел. кн. 384
 Юрима А. 148, 176, 177
 Юцес Р. 205

 Яксон А. 178
 Яксон Ю. 174, 181
 Яворов П. 87
 Яглом, партделитель 44
 Ягода Г.Г. 20, 284, 288
 Языков Н.М. 411
 Якир И.Э. 110, 457
 Якир П.И. 372
 Яковлев, сотр. НКВД 101-103, 106, 107
 *Яковлев (Эпштейн) А.С. 270, 273
 Янсен (Jansen) М. 193-231
 *Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) 39, 284, 285, 288, 361
 Ясенский Б. 93

 Abramovich R. 210
 Allen N. 265
 Bailes K.E. 441
 Ensteen G.M. 441
 Haimson L.H. 203
 Mejer J.M. 268
 Naphtali F. 199, 204
 Sanders G. 265

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

М.Л. Свирская. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. Публикация Б.Сапира.

Автор принадлежит к молодому поколению социалистов-революционеров, чья деятельность в ПСР пришлось на время февральской и октябрьской революций, гражданской войны и первых лет НЭПа. Свирская работала в эсеровской газете «Дело Народа», была связной ЦК с самарским Комучем, участвовала в нелегальной партийной деятельности в Москве и Петрограде. Арестованная впервые в 1921 г., она провела в лагерях и ссылках в общей сложности 25 лет. Мемуары описывают первое тюремное заключение и ссылку, встречи с руководителями ПСР. Отдельная новелла повествует о дружбе автора с Есениным и Зинаидой Райх. 51 с.

М.Канивез. МОЯ ЖИЗНЬ С РАСКОЛЬНИКОВЫМ.

Вторая жена Ф.Ф. Раскольников (после его брака с Л.Рейснер) рассказывает о жизни в Эстонии и Болгарии, где ее муж был полпредом, об атмосфере советских дипломатических миссий 30-х годов, о начале массового террора в СССР и обстоятельствах, приведших Раскольникова к решению не возвращаться на родину. 54 с.

О.Тииф. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ЗАМЕТОК 1939-1969. Публикация Э.В.

Глава последнего независимого правительства Эстонии 1944 года вспоминает о деятельности своего кабинета, о немецкой, а затем советской оккупации Эстонии, о своем аресте, 10-летнем заключении и жизни после выхода из лагеря. В приложениях и обширных комментариях собран богатейший и почти неизвестный русскому читателю материал об Эстонской Республике (1918-1944 гг.), ее ведущих политических деятелях, общественных и государственных организациях. 5 + 32 + 40 с.

К и с т о р и и п о л и т и ч е с к и х п а р т и й

Н.М.ТИМОФЕЕВ И ДРУГИЕ ЧЛЕНЫ ЦК ПСР ПОСЛЕ ПРОЦЕССА 1922 г. Публикация М.Янсена.

Письма одного из лидеров ПСР, переправленные из ссылки его берлинским друзьям. В приложениях помещены: письмо М.Л. Свирской, отбы-

вавшей ссылку вместе с Е.М. Тимофеевым, А.Р. Гоцем и Ф.Ф. Федоровичем; несколько документов ПСР, характеризующих партийную позицию после октябрьского переворота и в период гражданской войны. Вступительная статья и примечания содержат биографический материал и сведения об упоминаемых событиях. 3 + 10 + 7 + 31 с.

ИНТЕРВЬЮ С Я.МЕЕРОВЫМ. Беседу вел Т.Сонин.

Участник молодежного социал-демократического движения 20-х гг. размышляет об оправданности выбора, определившего его жизнь, вспоминает о взаимоотношениях меньшевиков с другими политическими в местах заключения и ссылок, рассуждает о судьбе социалистических идей в свете опыта XX века. 10 с.

К истории партийной оппозиции

РАЗГРОМ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В СССР. ПИСЬМА ССЫЛЬНЫХ БОЛЬШЕВИКОВ. Публикация Ю.Фельштинского.

Письма К.Радека, И.Смирнова, Л.Сосновского и др. оппозиционеров, совместные заявления в редакции газет и в Исполком Коминтерна, обращения в ЦК и ходатайства в ГПУ, — освещают внутривластную борьбу в ВКП(б) накануне коллективизации и взгляды троцкистов на проводимую Сталиным политику. В предисловии проводится сравнение левой оппозиции 1918 и 1928 гг. 69 с.

Из истории «малой зоны»

И.Гольц. ВОРКУТА.

Меньшевик И.С. Гольц рассказывает о системе принудительного труда з/к на воркутинских угольных шахтах, о составе спецлагерей в 1933-51 гг., об изменении в настроениях и поведении заключенных в 1952 и особенно в 1953 году, вынудившем власти реформировать лагерную систему. 40 с.

О.Волин. С БЕРИЕВЦАМИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЕ.

Автор рассказывает о ведущих сотрудниках Л.П. Берии, оказавшихся его сокамерниками по заключению в начале 1960-х гг. 16 с.

Из истории образования

М.Н. Стоюнина. ВОСПОМИНАНИЯ. Публикация Б.Н. Лосского

Автор повествует о создании одной из первых в России частных женских гимназий, о педагогической деятельности В.Я. Стоюнина, о судьбе гимназии до и после революции. В примечаниях содержится биографический материал, собранный публикатором в семейном архиве. 2 + 30 + 8 с.

В.Гитин. МАТЕРИАЛЫ К КИЕВСКОМУ ПЕРИОДУ БИОГРАФИИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО.

Переписка в связи с уходом И.Ф. Анненского с поста директора Киевской Коллегии Павла Галагана. 9 с.

ПЯТЬ «ВОЛЬНЫХ» ПИСЕМ В.И. ВЕРНАДСКОГО СЫНУ.
Публикация К.К.

Письма относятся ко времени пребывания В.И. Вернадского в Праге летом 1929 г. и повествуют о разгроме Российской Академии и о положении, сложившемся в советской науке. 40 с.

Ф.Благовещенский. В ГОСТЯХ У П.А. ШАРИИ.

Рассказ о встрече с бывшим секретарем грузинского ЦК по идеологии — одним из тех, кто реально проводил сталинскую политику в области науки и образования. 22 с.

ABSTRACTS

M e m o i r s

M.L. Svirskaya. SELECTED MEMOIRS. Edited by B.Sapir.

The author belonged to the younger generation of Socialist-Revolutionaries, whose work for the Party took place during the February and October Revolutions, the Civil War and the first years of the New Economic Policy (NEP). Svirskaya worked for the SR newspaper «Delo Naroda», acted as a messenger between the Party's Central Committee and the Committee of the Constitutional Assembly (KOMUCH) in Samara, and participated in illegal Party work in Moscow and Petrograd. First arrested in 1921, Svirskaya spent altogether 25 years in camps and exile. Her memoirs describe her first period of imprisonment and exile and her meetings with leading figures in the PSR. A separate novel-tells of the author's friendship with Sergei Esenin and Zinaida Raikh. 51 p.

M.Canivez. MY LIFE WITH RASKOL'NIKOV.

The second wife of F.F. Raskol'nikov tells of her life in Estonia and Bulgaria, where Raskol'nikov was Soviet plenipotentiary, of the atmosphere in Soviet diplomatic missions in the 1930s, of the start of the mass terror in the USSR and of the circumstances which led to Raskol'nikov's decision not to return to the Soviet Union. 54 pp.

O.Tief. SELECTED MEMOIRS AND NOTES FROM 1939 TO 1969.
Edited by E.V.

The head of the last independent Estonian government in 1944 recalls the work of his cabinet, the German and subsequent Soviet occupation of Estonia, his arrest and 10-year imprisonment and his life after release from camp. The appendices and extensive annotations contain a wealth of information, for the most part previously unknown to Russian readers, about the Republic of Estonia (1918-1944), its leading political figures and its public and state organizations. 5 + 32 + 40 pp.

T h e H i s t o r y o f t h e P o l i t i c a l P a r t i e s

E.M. TIMOFEEV AND OTHER MEMBERS OF THE CENTRAL COMMITTEE OF PSR AFTER THEIR 1922 TRIAL. Edited by M.Jansen.

Letters of one of the leaders of the PRS, smuggled out of exile to his friends in Berlin. The appendices contain: a letter from M.Svirskaya, who spent one of her

periods of exile with E.M. Timofeev, A.R. Gots, F.F. Fedorovich; several documents which indicate the PRS's position after the October coup d'état and during the Civil War. The introduction and notes contain biographical information and details of the events mentioned. 3 + 10 + 7 + 31 pp.

AN INTERVIEW WITH YA. MEEROV. Interviewer: T.Sonin.

A participant in the Social-democratic youth movement in the 1920s reflects on the justification for the choice which determined the course of his life, recollects the nature of relations between Mensheviks and other political prisoners in exile and camps, and considers the fate of socialist ideas in the light of the experience of the 20th Century. 10 pp.

The History of Party Opposition

THE DEFEAT OF THE LEFT OPPOSITION IN THE USSR. LETTERS FROM EXILED BOLSHEVIKS. Edited by Yu. Felshtinsky.

These letters from C.Radek, I.Smirnov, L.Sosnovsky and other oppositionists, joint letters to newspapers and the Executive Committee of the Communist International, appeals to the Party and petitions to the State Political Directorate (GPU), throw light on the internal struggles in the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the eve of collectivization and on the attitudes of Trotsky's followers to Stalin's policies. The introduction contains a comparison between the Left opposition in 1918 and in 1928. 69 pp.

From the History of «Little Zone»

I.Gol'ts. VORKUTA.

The Menshevik I.S. Gol'ts describes the system of forced labour in the Vorkuta coal-mines, the inmates of special camps between 1933 and 1951, the change in the prisoners' attitudes and behaviour in 1952 and particularly in 1953, which forced the authorities to reform the special camp system. 40 pp.

O.Volin. WITH BERIA'S HENCHMEN IN THE VLADIMIR PRISON.

The author writes about leading colleagues of L.P. Beria, with whom he found himself sharing a prison-cell in the early 1960s. 16 pp.

From the History of Education

M.N. Stoyunina. MEMOIRS. Edited by B.N. Lossky.

The author writes about the creation of one of the first private girls' schools in Russia, about V.Ya. Stoyunin's work in the field of education, about the school's fate before and after the Revolution. The annotations contain biographical information drawn by the editor from family papers. 2 + 30 + 8 pp.

V.Gitin. THE KIEV EPISODE IN THE BIOGRAPHY OF INNOKENTII ANNENSKY.

Correspondence concerning I.Annenksy's resignation from the post of director of the Pavel Galagan College in Kiev. 9 pp.

V.I. VERNADSKII'S LETTERS TO HIS SON. Edited by K.K.

These five letters were written by V.I. Vernadskii in 1929 and they describe the destruction of the Russian Academy and the condition of Soviet Science at that time. 27 pp.

F.Blagoveshchensky. A VISIT TO P.A. SHARIA.

An account of a meeting with the former ideology secretary of the Georgian Central Committee, one of the people who put Stalin's policies into practice in the field of science and education. 22 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

М.Л.Свирская. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. Публикация Б.Сапира . . .	7
М.Канивез. МОЯ ЖИЗНЬ С РАСКОЛЬНИКОВЫМ	58
О.Тииф. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ЗАМЕТОК О 1939-1969. Публикация Э.В.	112

К истории политических партий

Е.М.ТИМОФЕЕВ И ДРУГИЕ ЧЛЕНЫ ЦК ПСР ПОСЛЕ ПРОЦЕССА 1922 г. Публикация М.Янсена	193
ИНТЕРВЬЮ С Я.МЕЕРОВЫМ. Беседу вел Т.Сонин	232

К истории партийной оппозиции

РАЗГРОМ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В СССР. ПИСЬМА ССЫЛЬНЫХ БОЛЬШЕВИКОВ (1928). Публикация Ю.Фельштинского	245
--	-----

Из истории «малой зоны»

И.Гольц. ВОРКУТА	317
О.Волин. С БЕРИЕВЦАМИ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЕ . . .	357

Из истории образования

М.Н.Стоюнина. ВОСПОМИНАНИЯ. Публ. Б.Н.Лосского	375
В.Гитин. МАТЕРИАЛЫ К КИЕВСКОМУ ЭПИЗОДУ БИОГРАФИИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО	415
ПЯТЬ «ВОЛЬНЫХ» ПИСЕМ В.И.ВЕРНАДСКОГО СЫНУ. Публикация К.К.	424
Ф.Благовещенский. В ГОСТЯХ У П.А.ШАРИИ	451

Аппех	473
-----------------	-----

**ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 23 JANVIER 1989
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 5-89**